

Южный федеральный университет
Высшая школа бизнеса
Центр политической концептологии

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

*Труды совместной лаборатории теоретического россиеведения
(выпуск 4)*

**Россия – Украина:
пересмотр или воспроизводство
политических парадигм?**

Ответственный редактор В.П.Макаренко

Ростов-на-Дону
2016

УДК 321
ББК 66.1
Р76

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Южного федерального университета (протокол № 3 от 23 ноября 2015 г.)*

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Т.А. Марченко;
доктор социологических наук, профессор Е.Л. Шилкина

Р76 Россия – Украина: пересмотр или воспроизводство политических парадигм? : сборник статей / ответственный редактор В.П. Макаренко ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 736 с.

ISBN 978-5-9275-1740-4

В книге обсуждаются современные подходы к проблеме колониализма. Ученые России, Украины, Германии, Канады разрабатывают и применяют концепт внутренней колонизации для описания событий и процессов в современной России, включая ее отношения с Украиной.

Адресуется научным работникам, государственной администрации, преподавателям, аспирантам и студентам вузов, специализирующимся в области политологии, социологии, истории, правове-дения и экономики.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-9275-1740-4

УДК 321
ББК 66.1

© Макаренко В.П. (составление и общая редакция), 2016
© Южный федеральный университет, 2016

Содержание

<i>В.П. Макаренко</i> От редактора	5
--	---

Часть 1. Концепт и эталон

<i>В.П. Макаренко</i> Феномен колонизации в описании Марка Ферро.....	15
<i>В.Л. Иноземцев</i> Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии	81
<i>А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин</i> Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением	99

Часть 2. Имперское прошлое и настоящее

<i>С.А. Никольский</i> Русские как имперский народ	131
<i>И.М. Дзюба</i> «Кавказ» Тараса Шевченка на фоне непреходящего прошлого. К 150-летию со дня написания поэмы «Кавказ»	151
<i>С.П. Поцелуев</i> Политический парадиалог	247
<i>В.Н. Ткаченко</i> Феномен «внутренней колонизации» в украино-российских отношениях (исторический аспект)	307
<i>С.П. Поцелуев</i> «Черноморский диалог» в змеином клубке интересов: к анализу когнитивных стратегий	329

Часть 3. Третьи петухи или попытка реинкарнации империи?

<i>А.Н. Олейник, О.В. Стрелкова</i> Перенос репертуара коллективных действий на украинскую почву: Майдан 2013	348
<i>В.Н. Ткаченко</i> Общность исторической судьбы: испытание Майданом	385
<i>В.Н. Ткаченко</i> Общность исторической судьбы: распалась связь времен?	407

<i>Э.А. Паин, Л.Д. Гудков</i> В ожидании чуда: российское общество после крымских событий	439
<i>В.Н. Ткаченко</i> Сон Пилата: синдром «жертвы и палача» в контексте «гибридной войны»	448
<i>А.Н. Олейник</i> Аналитический обзор событий «Россия-Украина»	469

Часть 4. Дискуссии и обсуждения

Нулевые годы в мире и в России: мегатенденции и перспективы (стенограмма всероссийской научной конференции, 24–25 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону)	499
Украина и Россия: факты и толкования событий (стенограмма круглого стола 26 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону)	590
Война в системе центр-периферия: традиционные концепты и новые дискурсы (стенограмма круглого стола, Ростов-на-Дону, 15 апреля 2015 г.)	630
<i>В.П. Макаренко</i> Вместо послесловия: проблема воспроизводства абсурда	684

От редактора

Этот сборник статей примыкает к циклу моих работ по различным проблемам политической теории и практики – бюрократии, политической оппозиции, легитимности, власти, интересов, главных идеологий современности и политической концептологии. В данных работах сформулирован ряд принципов, которые я развиваю на протяжении более тридцати лет. Главный из них – принцип дистанции по отношению к существующим в данном хронотопе денежным мешкам, власти, государству, идеологиям и идеологемам. Не менее критически я отношусь к шаблонам массового сознания и поведения, включая множество интеллектуально-политических мод, вырабатываемых группами, которых со студенческой скамьи я называю холуями и хуторянами. Холуями – поскольку данные группы настроены сервильно в отношении всех перечисленных феноменов. Хуторянами – поскольку сложившиеся в условиях данного места и времени отношения воспринимаются данными группами некритически. В сборнике речь пойдет о проблеме колониализма.

В советское время колониализм определялся как политическое, экономическое и духовное порабощение колоний господствующими классами метрополий. Однако это определение не отвечало на вопрос: почему речь идет лишь о господствующих классах, поскольку в колонизации участвовали также низшие слои общества? Пересмотр определения начался в период перестройки. В известной книге были опубликованы статьи «Колониализм» французского историка М.Реберью и советского экономиста В.Шейниса, который затем стал известным российским политиком.

М. Реберью показал, что термин «колониализм» был введен в 1905 г. французским журналистом-социалистом П. Луи для обозначения идеологических доктрин, оправдывающих колонизацию. Страны Европы с 1880-х гг. пропагандировали колониальную политику как средство национального престижа и статуса великой державы. Колониализм – это следствие промышленной политики Европы, которая использовала колонии для извлечения сырья и как новые рынки сбыта. Предполагалось, что Франция имеет право на колониальную политику и обязана цивилизовать «низшие расы» как наследница Великой французской революции, выработавшей права человека. При этом христианство считалось элементом цивилизации и средством избавления язычников и мусульман от варварства. Все эти рассуждения не имели ничего специфически французского и были общими идеологическими стереотипами.

Кризис колониализма после 2-й мировой войны привел к тому, что одни историки начали изучать историко-географические формы колониалистской идеологии, другие – последствия колониализма. По мере развития европейских стран колонии становились для них обузой. Экономика Запада приспособилась к политическому краху колониальных империй и заменила колониализм неоколониализмом, не нуждающимся в идеологии. «Этот подход, – пишет М. Реберью, – позволяет измерить дистанцию, возникающую между материальными интересами и идеями, которые должны были бы им соответствовать. Таким образом, можно коснуться проблем, поставленных марксистской критикой колониализма. Маркс и Энгельс видели фактор прогресса в европейских формах захвата и экспансии, поскольку они превращали капитализм в мировую систему. Они были вынуждены признать аргументы тех, кто говорил о пользе, принесенной колониями экономике метрополий, а также тех, кто указывал на долговременные цивилизующие последствия рыночной экономики. Поэтому не надо удивляться неуверенности и колебаниям социалистической мысли – ей часто случалось выдвигать на передний план экономический прогресс, веру в мирное проникно-

вание, а иногда даже формулируется идея «социалистической колониальной политики»¹.

В. Шейнис тоже пишет о негативном политическом и неопределенном научном содержании понятия «колониализм»². В настоящее время колониализм означает: территориальный раздел мира между мировыми державами; систему экономических, политических, идеологических отношений между метрополиями и колониями. Неоколониализм включает то и другое в условиях распада колониальных империй.

Аргументы В. Шейниса сводятся к следующим положениям: невозможно взвесить негативные и позитивные последствия колониализма; нет смысла предъявлять счет бывших колоний к вчерашним метрополиям; на Севере сложились механизмы, которые не сумел выработать Юг; отношения развитых и развивающихся стран не сводятся к продолжению колониализма; надо пересмотреть объяснение отсталости третьего мира как следствия экономической эксплуатации и политического насилия со стороны развитых стран; исчисление в стоимостных категориях масштабов эксплуатации в виде потерь развивающихся стран некорректно и произвольно; оно опирается на перенесение в сегодняшний день прошлых ценовых пропорций или на идеальные модели; развивающиеся страны сами виноваты в блокировке и деформациях развития; экономическая и социальная отсталость – главная основа неравноправия развивающихся стран; для решения глобальной проблемы отсталости надо переместить часть мирового прибавочного продукта из развитых в развивающиеся страны и создать наднациональные экономические и социальные механизмы для выражения общечеловеческих интересов.

В 1990-е г. в России начали формироваться также другие подходы к проблеме колониализма. Например, Е.А. Глущенко пишет: «Колониализм (империализм) – это проявление пассионарности народа; это – экспансия за пределы национального обитания; это – подчинение автохтонов власти пришельцев, освоение последними

¹ См.: 50/50: опыт словаря нового мышления. Под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро М., Прогресс-Пайо, 1989, с.40.

² См.: там же, с.40-45.

завоеванного пространства»³. Приведенное определение связано с теорией этногенеза Л. Гумилева, который объяснял природу революций вообще и русской в особенности «пассионарными толчками». Согласно Л. Гумилеву, «пассионарные толчки» переживаются этносом в процессе этногенеза в результате деятельности пассионариев – людей с врожденными психическими особенностями. Пассионарии посвящают жизнь одной цели и жертвуют собой во имя других людей. Чем же обусловлен рост числа пассионариев в пределах поколения и почему их человеколюбивые идеалы превращаются в противоположность? На этот вопрос ни Л. Гумилев, ни Е.А. Глущенко не отвечают.

Б.Б. Родоман поставил проблему внутреннего колониализма в современной России⁴. Он включает в его состав этнополитический колониализм, хозяйственно-демографический колониализм и колониализм в метрополии.

Этнополитический колониализм выражается в том, что в отношении русской нации трудно провести различие между расой и этносом. Русский этнос тождествен названию страны и государственному языку. Другие этносы обладают национально-территориальной автономией без права выхода из РФ. Однако нерусские народы не являются иммигрантами и не переселялись в Русское государство, а были им завоеваны, вытеснены, отчасти истреблены, ассимилированы и лишены государственности. В начале советского периода коренные этносы составляли большинство своих территорий, ныне они оказались в меньшинстве. Таков результат советской колонизации – эксплуатации природных, человеческих ресурсов и милитаризации страны.

Россия удерживает десять территорий, аннексированных СССР (четыре куса Финляндии, два куса Эстонии, один уезд Латвии, северная часть Восточной Пруссии, Тува, Южно-Курильские острова). Почти все эти аннексии произошли после советско-германской войны. Приобретения у Германии и Финляндии признаны международными договорами. Другие территории остаются спорными.

³ Глущенко Е.А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., XXI век – Согласие, 2000, с.5.

⁴ См.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т.И. М., 1996.

Но почти все прежнее население согнано со своих земель. Системы расселения, лесопользования и дренажа разрушены. На присоединенных территориях произошла топонимическая агрессия – прежние названия заменены новыми, которые скрывают историко-географические особенности. В учебниках и СМИ прошлое замалчивается, поддерживаются колониальные мифы. Например, в СССР было запрещено упоминать о том, что Тува до 1912 г. принадлежала Китаю, а в 1921–1944 гг. существовал независимая Тувинская Народная республика. Она выпускала свои дензнаки и почтовые марки, но затем была присоединена к СССР тем же методом, как и страны Балтии.

Сегодня Россия на своей территории и в других странах СНГ ведет неоколониальные войны, разжигает межэтнические конфликты, насаждает марионеточные колаборационистские режимы в интересах силовых ведомств. Поскольку конфликты возникают последовательно, а не параллельно, они направляются из одного центра, не способного следить более чем за одной ситуацией. В годы советской глобальной экспансии использовалась доктрина «права наций на самоопределение». Сегодня она забыта. Национально-освободительные и антиколониальные движения квалифицируются как «сепаратизм» и «бандитизм». Руководство России официально объявило курс на «демократическое федеративное правовое государство»⁵. На деле оно пользуется колониальным наследием Российской империи и СССР.

Хозяйственно-демографический колониализм. Большую часть России занимают районы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они заселялись внеэкономическими методами (репрессии, вербовка, переводы по службе и т.п.). Нынешнее население этих районов состоит из пришельцев, поселившихся там после второй мировой войны. Это – социальная группа советских колонистов, которая пока не выделена в особую категорию статистики и социологии. В результате действий этой группы традиционное землепользование, географический и культурный ландшафт коренных народов разрушен, а новый не создан. Верхи коренных этносов примкнули к колонизаторам, переняли их образ жизни и паразитируют за счет эксплуата-

⁵ Конституция Российской Федерации. М., 1997, с.2.

ции природных ресурсов. Так, Якутия собирается стать вторым Кувейтом: для добычи алмазов опустошена территория, превышающая площадь Швейцарии.

Почти все население окраин является временным. Оно прибыло туда, чтобы «сколотить деньгу», а потом жить на материке в качестве молодых пенсионеров. За колонистами сохраняются права на жилплощадь на родине. Те же льготы полагались военнослужащим и заграничникам. Тем самым внутренняя территория страны приравнена к территориям внешних колоний. Указанная социальная группа жила вне метрополии и находилась на государственной колониальной службе.

Урбанизация окраин специфична. Здесь высока доля городского населения, сконцентрированного в центрах республик и областей, крупных добывающих городах. Малые города фактически отсутствуют, существуют функциональные рабочие поселки. Сельская местность исчезла. Колониальные города изолируются от окружающей среды и лучше связаны с Москвой, чем с окраинами своих регионов. За последнее десятилетие стоимость билетов на самолет сильно подорожала. Но большинство колонистов и их детей летают за счет государства и спонсоров. Социальный статус колониста измеряется числом дней, которые он проводит в командировках в Центр. Существует целая группа представителей предприятий Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые живут в столичных квартирах почти круглый год.

Группа советских и постсоветских колонистов включает профессиональных кочевников – военных, моряков, геологов, строителей и рыбаков. Но различие между туземцами и колонистами провести невозможно. Ради льгот в охоте и рыболовстве колонисты записываются коряками, алеутами, камчадалами, чукчами и т.д. В СССР национальность использовалась для поступления в вуз без экзаменов или по льготной квоте. У колонистов тот же мотив позволяет грабить бесконтрольно.

Колониализм в метрополии. В 1990-е гг. произошла репатриация Советской армии из стран Восточной Европы, из-за чего в России усилилась экономическая и социально-бытовая милитаризация. Армия укрепляется как сектор экономики, основанной на принуди-

тельном труде. Благосостояние генералитета и офицерского корпуса зависит от ресурсов (энергии, боеприпасов, стройматериалов, рабочей силы), потребляемых вооруженными силами.

Происходит также репатриация колонистов Севера, Сибири и Дальнего Востока, для которых строятся поселки и подсобные хозяйства в Подмосковье. Воспетая К. Паустовским и другими «инженерами человеческих душ» Мещерская сторона стала колонией Воркуты и Норильска. Под давлением местного населения русские уезжают из бывших республик СССР. В то же время представители славянских наций в странах СНГ используются как «пятая колонна» в интересах России. В первой половине 1990-х гг. произошло политическое оформление этого движения, в котором ведущую роль выполняют военные. Одновременно идет миграция в Центральную Россию кавказских и среднеазиатских народов. Большинство бежит от страха, нищеты, голода, холода, безработицы, репрессий, войны и т.д. Зато состоятельные люди приобретают недвижимость в городах и пригородах (за взятку или через подставных лиц), обзаводятся семьями и гаремами, формируют диаспору.

Набирает силу субурбанизация (расширение городов и пригородных зон, строительство дач и коттеджей, захват земель под садовые участки и огороды, замена зеленых насаждений гаражами, превращение лесов и оврагов в свалки) и ситизация – превращение городов в деловые и увеселительные центры. Прежние жители выселяются из окраин, а бедняки, старики и инвалиды выталкиваются на социальное дно. Происходит «переселение мертвых» - ликвидация кладбищ под застройку, перенос и уничтожение захоронений, стирание последних следов от ранее живших людей. Возрождаются грандиозные проекты организованных переселений. Территорию вдоль будущей скоростной железной дороги Москва-Санкт-Петербург предлагают заселить отставными военными и бывшими колонистами с Севера и зарубежья. Это предложение реанимирует опыт «опричнины» при Иване Грозном.

В состав переселенцев входят те, кто привык командовать, подчиняться и применять силу. Новые мигранты несут с собой колониальное отношение к территории. Центральная и местная власть по-

прежнему обладает правом продавать (уступать за взятку) землю, которой она распоряжается.

Центральная Россия стала колонией окраин. Этническая дискриминация – правило функционирования советской империи. На долю славян обычно выпадала государственная служба и заселение окраин, а натуральным хозяйством и теневой экономикой занимались другие этносы. Славяне привыкли к тому, что их кормит и поит государство за выполнение приказов и верноподданность. Другие этносы сохранили патриархальную солидарность в рамках теневой экономики. Но после перестройки страны Балтии и другие государства СНГ унаследовали ту же схему: теперь представители титульных этносов пошли на государственную службу, а русскоязычное население в мелкую торговлю. В СССР это занятие было типичным для «нацменов».

Наконец, Москва – столица метрополии - из города кремлевской прислуги и рабочего поселка при ВПК превратилась в факторию при международном аэропорте Шереметьево. Ее роль в России сравнима с положением Гонконга при материковом Китае. Набирают силу экономические, политические, информационные и иные отличия столицы от провинции.

На основе анализа указанных тенденций Б.Б. Родоман делает общий вывод: «Россия остается военно-колониальной империей, в которой воспроизводятся все виды колониализма, типичные для глобальной колонизации после Великих географических открытий. Специфика России состоит в том, что в ней не существует традиций самоуправления, свободных от типичных для империй связей центра с периферией. Указанные процессы и тенденции многократно усиливают сферу государственного регулирования, а определить время их завершения невозможно»⁶.

Этот общий вывод дополняется результатами конкретных исследований внутренней колонизации России. А.М. Эткин считает главными институтами российской колонизации публичную казнь на эшафоте, наказание шпицрутенами, крестьянскую общину и паноптикум. Российская империя и Советское государство не перешли границу между принуждением и дисциплиной. «Казнь на эшафоте

⁶ Родоман Б.Б. Указ.соч., с.112.

осуществлялась профессиональным палачом, личным исполнителем монаршей воли, а публика смотрела на казнь как на спектакль»⁷.

Наказание шпицрутенами – образец российского коллективизма. В России «...жизнь принадлежит не индивиду, но коллективу, иначе говоря, всем вместе и никому в отдельности. Между демократическим обществом и коллективом, вооруженном шпицрутенами, есть одно важное отличие: свобода индивида не участвовать в обществе»⁸. Казнь прохождением через строй аналогична крестьянской общине: «В обоих случаях мы имеем дело с дисциплинарными практиками, которые осуществлялись на низовом уровне, но вводились и поддерживались монархической властью»⁹. Функция обоих институтов – дисциплинирование коллектива, подавление частных интересов и уничтожение несогласных.

Паноптикум приспособлен для колонизации, при которой субъекты и объекты власти разделены культурной дистанцией. Первое сооружение, соединяющее функции фабрики, тюрьмы и общежития, сконструировано в России в имени Потемкина братом И. Бентама С. Бентамом. Он же был автором потемкинских деревень: «Образ власти как Духа Святого, паноптикон был задуман в России как фабрика, а в Англии использован как тюрьма»¹⁰.

Итак, Россия является военно-колониальной империей, для которой характерна внутренняя колонизация. Такова главная посылка настоящей книги. При реализации данной посылки мы учитывали конкретные предложения Л.Б. Алаева по пересмотру прежних представлений о колониализме: Российская империя и СССР были колониальными империями; через 40–50 лет после обретения независимости местные элиты ссылками на «тяжкое наследие колониализма» объясняют отсталость бывших колоний и оправдывают свои политические ошибки и преступления; так же ведут себя руководители России и других государств СНГ; термин «неоколониализм» изобретен советскими марксистами в период распада колониальной

⁷ Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Мишель Фуко и Россия. Сб. статей под ред. Хархордина О. СПб-Москва, Летний Сад, 2001, с.168.

⁸ Там же, с.168.

⁹ Там же, с.169.

¹⁰ Там же, с.176.

системы для объяснения противоречий между догмами и действительностью; руководители освободившихся государств подхватили термин «неоколониализм» для маскировки собственной некомпетентности и коррупции; неоколониализм полезен для бывших колоний; надо создать новую историю колониализма – подробно описать преступления европейских стран и России в бывших колониях и систематизировать неудачные попытки их приобщения к демократии¹¹.

На основе данной посылки и конкретных предложений по пересмотру прежних советских представлений о колониализме сформулирована главная цель сборника: применить концепт внутренней колонизации для описания событий и процессов в современной России, в том числе ее отношений с Украиной. При реализации этой цели мы опирались на репортаж Д. Короткова и И. Гужвы о причинах и генезисе событий на киевском Майдане Независимости¹², а также использовали труды ученых России, Украины, Италии, Германии и Канады, стенограммы конференций, проведенных Центром политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета. Благодарю авторов за статьи, которые были предварительно опубликованы на страницах журнала «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований».

В.П. Макаренко

¹¹ См.: Алаев Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // Восток. 2002, № 4, с.55-57.

¹² См.: Коротков Д., Гужва И. Майдан. Реконструкция. Что на самом деле произошло с нами за те три месяца, которые потрясли мир // Россия в глобальной политике. Электронный ресурс <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Maidan-Rekonstrukciya-17139> Проверено 21.10.2015.

Часть 1. Концепт и эталон

Феномен колонизации в описании Марка Ферро

В.П. Макаренко

Для введения в проблему рассмотрим главные результаты исследования М. Ферро, изложенных в его книге «История колонизации» (которая до сих пор не переведена на русский язык)¹³.

Принципы анализа

М. Ферро отмечает, что на колониальную эпоху до недавнего времени смотрели сквозь розовые очки. Согласно стереотипу, колонисты бежали за тридевять земель из-за преследований в родной стране. А на новой земле соблюдали главные христианские заповеди: в поте лица ели свой хлеб, плодились, размножались, защищались от аборигенов. Колонисты страдали и потому пользуются славой «пионеров-первооткрывателей» новых земель.

После второй мировой войны началась антиколониальная эпоха – «время нечистой совести». Под флагом антиколониализма выступают «левые» и «правые». В антиколониальном жаргоне трудно сразу определить фальшивые ноты. Под «суд истории» поставлены работорговля, принудительный труд в СССР, нацистской Германии, титовской Югославии и общие итоги французской, английской, голландской, американской и русско-советской эксплуатации колониальных стран и народов. Теперь колониализм осуждается. На деле эта оценка выражает крайнее высокомерие. Европа оставила за собой последнюю привилегию - оценки собственных преступлений.

¹³ Детальный анализ его концепции см.: Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8–9.

Такая смелость недорого стоит. Антиколониальная легенда гласит: на Парижской выставке 1931 г. рикши отсутствовали в результате акции Лиги Прав Человека. Однако за несколько лет до выставки (на Марсельской ярмарке 1927 г.) аннамиты поклялись отказать от работы кули, а если их к этому принудят - взорвать Парк Выставок. Стало быть, аннамиты, негры и арабы сыграли не последнюю роль в колонизации. Поэтому пора предоставить им слово. Они не забыли преступлений колонизаторов, но тепло вспоминают белых врачей, отцов-миссионеров и учителей, деятельность которых была элементом колонизации. Поэтому борьба за независимость *не тождественна* «деколонизации». Ф. Фанон показал, что традиционная история колонизации воплощает точку зрения метрополии и в этом смысле есть продолжение метрополии. Написанные колонистами истории – это истории народов-колонизаторов, а не истории ограбленных стран. М. Ферро предлагает другой подход к исследованию.

Этот подход базируется на анализе *прошлого* метрополий и колоний, поскольку оно влияет на отношения колонизаторов и колонизированных. Европейская историография длительное время полагала: у колонизированных народов нет истории, а их прошлое «затеряно во мраке». Данный предрассудок постепенно исчезает по мере изучения «непроницаемых столетий» истории, непонятной колонизаторам. Сходство оккупированных народов не определяется тем, что все они находились на доколониальной стадии развития. Одна колонизация отличается от другой. *Реакции народов на колонизацию различны и зависят от их истории и идентичности.*

Однако не только история создает образ прошлого, в котором колониализм рассматривается с европейской точки зрения. Безусловно, европейцы на протяжении пятисот лет воплощали колониализм и тем самым способствовали современной унификации мира. Но другие регионы мира тоже участвовали в процессе, в результате которого планета приняла нынешний вид. Древние греки и римляне были колонизаторами задолго до европейцев; арабы и турки захватили бассейн Средиземного моря, часть черной Африки и западной Азии, включая Индию; Индия в начале нашей эры колонизировала Цейлон, часть Индокитайского полуострова и Сундайские острова; китайцы в XV в. исследовали восточное побережье Африки и колонизировали Тибет; японцы колонизировали остров Езо задолго до прихода русских на Сахалин, а французов – в Канаду.

Но французский историк не пытается составить перечень всех экспансий и колонизаций и на этой основе квалифицировать европейскую колонизацию как частный случай. Его интересует сравнение европейской и других колонизаций. *Принцип учета мировых параметров феномена колонизации* определяется отрицательным отношением М. Ферро к европоцентричному образу мировой истории.

В этом контексте *колонизация переплетена с империализмом* – формой господства, которое воплощалось в империях, но не всегда было связано с колонизацией. С одной стороны, колонизированные народы в XVI–XX вв. (Индия, Ангола, Антильские острова) приобрели опыт преемственности подчинения, а не разрыва с прошлым, хотя в период империализма (с конца XIX в.) подчинение воплощалось в новой форме. С другой стороны, некоторые историко-географические целостности не были колониями в строгом смысле слова (Османская империя до 1914 г., Иран, государства Средней и Южной Америки, Российская империя и Советский Союз). Но и они понимали свою историю как историю борьбы с империалистическими державами.

Следующий принцип анализа – *разрыв с традицией, согласно которой после колонизации всегда и везде начиналась борьба народов за независимость*. Эти процессы нередко развивались параллельно (в Бенине, Бирме, Вьетнаме и т.д.). Конечно, язык колонизаторов заслонял образ мира побежденных. Но отсюда не следует, что в период колонизации последние отвергали идею господства над собственной историей. М. Ферро предлагает отказаться от термина «деколонизация» как пережитка европоцентризма.

Последний принцип – *освобождение истории колонизации из гетто традиции*. Например, в трудах по истории Франции никогда не говорится о колонизации собственной страны. Является ли этот факт переоценкой, сознательным пренебрежением или табу? Если речь идет о колонизации Европы, «эффект бумеранга» (прежде всего в экономической сфере) детально изучен в отношении Севильи, Бордо, Бристоля, Нантэ и т.д. Но являются ли колониальные отношения совершенно специфическими или же их можно сравнивать с другими отношениями? История Российской империи позволяет поставить производный вопрос: каково различие колониальной и национальной проблем и не является ли его критерием особый статус оккупированных наций и исключение национальных элит из центральной власти? Не менее важен вопрос: относились ли поли-

тические режимы Европы к своему народу как колонизированному? Конечно, с течением времени расизм маскируется, но порождает множество ситуаций, сходных с нацизмом. М. Ферро приводит характерные примеры такого сходства.

В Национальной Фильмотеке Англии хранится кинолента периода британского господства в Индии, просмотр которой вызывает обескураживающую аналогию. Демонстрируются военные парады, колониальные шлемы, дисциплина, рационально и эстетически организованное пространство, в фокусе которого находится король Георг V, а вокруг – публика за кордоном полиции. Это предвосхищает гитлеровские церемонии и далеко не случайно: «Христианская буржуазия Европы не может простить Гитлеру не столько преступлений против человечества и унижения человека как такового, сколько преступлений против белого человека. Действительно, Гитлер применил в Европе колониальные методы, которые раньше широко использовались в отношении арабов, индийских кули и африканских негров»¹⁴.

Не менее скандальную аналогию реализовал губернатор Западной Австралии в 1993 г. Он предложил провести референдум относительно решения Верховного Суда вернуть аборигенам земли, ограбленные на протяжении последнего столетия. Англиканский архиепископ сказал по этому поводу: «Правительство штата применяет методы нацистов». Апелляция к «демократической» воле – в отличие от призыва к бесстрастному, но справедливому закону – есть разновидность тоталитарной практики и острая проблема нашего времени.

Указанные принципы и вопросы определяют подход М. Ферро к проблеме колонизации. Колониальные захваты, разделы и соперничество рассматриваются со времени их появления – с XII в. до нынешнего спора о Курилах. В этом же временном промежутке анализируются положение и сопротивление угнетенных народов, черная и белая легенды колонизации, политические движения колонистов, процесс формирования новых государств и т.д. Автор отвергает традицию, согласно которой вначале изучаются великие открытия, затем колониальная экспансия до XIX в., империализм и, наконец, «деколонизация». Предлагаемая структура позволяет учитывать сложность феномена колонизации, включая характер (природу), историческое появление и ментальность наций, которые формируются до настоящего времени. Такой подход означает, что срав-

¹⁴ Ferro M. Historia kolonizacji. Warszawa, Bellona, 1998, s.9–10.

нение видов коллективной памяти недостаточно для описания проблем истории и последствий колонизации. И все же в памяти сохраняются исходные данные – мир представлений есть в той же мере история, как и сама история. Даже ложная память есть элемент и фактор истории одновременно. По этой причине процессы колонизации нуждаются в *сравнительном подходе* – описании реальных ситуаций и проблем в ущерб строгому соблюдению концептуальных принципов.

Концептуальная структура и главные проблемы теории колониализма

М. Ферро определяет колонизацию как захват, заселение и обработку колонистами чужой земли. Согласно такому определению, колонизация начинается в Древней Греции и Риме и потому можно говорить об афинском и римском империализме. Но смысл данного термина менялся. Западная историческая традиция связывает начало колониализма с эпохой великих географических открытий. Например, в 1991 г. издана «История колониальной Франции». В этой книге начало колонизации связывается с открытием в XV в. Канарских островов, которые Жан де Бетанкур получил в лен от короля Кастилии Генриха IV. Затем осуществлены путешествия с исследовательскими целями и открыта Америка. В середине XVI в. захвачены залив Рио де Жанейро и побережье Флориды. При Генрихе IV Франция заинтересовалась Канадой. Аналогичный подход применяется к Португалии, Испании и Англии. Историография связывает территориальную экспансию данных стран с открытием земель в Вест-Индии и основанием факторий на путях Африки, Индии и Азии.

Итак, понятия *колониста* и *колонизации* исчезают из исторического словаря на целых 12 столетий. В период от Древнего Рима до XV в. исключением были только колонии и фактории Венеции и Генуи на дальних берегах Средиземного и Черного моря. Однако история России позволяет усомниться в таком подходе. В.О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Колонизация – основной фактор нашей истории. Ее развитие объясняет рост и изменения государства и общества со времени Киевской Руси». Новгород и Суздаль в XII в. снаряжали экспедиции на Урал. Так были подчинены мордва и другие народности. Нападение татар прервало колонизацию, но она возобновилась после битвы на Куликовом поле. Россия начала колониальные

захваты в буквальном смысле слова уже в начале XI в., когда Новгород посылал своих людей до Печоры. Эта территория называлась Заволжьем, изобиловала дичью и рыбой и платила дань пушниной. Колонисты селились в Матигорах и Ухто-Острове по указанию посадников – городских чиновников Великого Новгорода.

До XII в. экспансия шла без особых конфликтов. Ситуация изменилась, едва Суздальско-Ростовское княжество отделилось от Киева. Оно перерезало торговый путь Новгорода с колониями, принудило их отделиться от Новгорода (1169 г.) и подчиниться Суздалию. Одновременно Суздальско-Ростовское княжество напало на болгар (которые жили на территории современной Перми и воевали с аборигенами-уграми) и захватило территорию мордвы. Первичная колонизация была прервана нападением татар, которые захватили Нижний Новгород (основан в 1221 г. на исконных землях мордвы) и дошли до Северной Двины. Только расположенный западнее Новгород противостоял татарам (1232 г.).

Пример Древней Руси свидетельствует о *реальных различиях и подобиях* (с учетом трудностей колонизации) между ранней территориальной экспансией России в направлении Урала и Сибири и последующими захватами татарских и турецких территорий. В России территориальная экспансия и колонизация *совпадают*. На Западе эти процессы разделяют, полагая морское пространство главным критерием отличия территориальной экспансии от колонизации. М. Ферро предлагает отвергнуть этот критерий, а изучать проблему различия между *территориальной экспансией и колонизацией*.

История Испании и Португалии показывает, что морское пространство не является главным критерием различия между территориальной экспансией и колонизацией. В этих странах Америка определяется как захваченная и колонизированная территория, которая не отличается от первичного захвата и колонизации территорий вне Гренады (горы Риф, атлантическое побережье, португальские Альгарве, Танжер и Мазаган). После этого наступил период арабского ига. После освобождения от арабов король Себастиан вторично захватил указанные территории, но проиграл «битву трех королей» при Альказарквивире (1578 г.).

Итак, нет существенных различий между территориальной экспансией и колонизацией России, Испании и Португалии, хотя первая страна считается сухопутной, а вторая и третья – морскими цивилизациями. Россия продолжила экспансию в Заволжье после ос-

вобождения от татаро-монгол. Испания и Португалия после освобождения от арабского ига поступили аналогично – продолжили прежнюю экспансию. Следовательно, надо исходить из *взаимосвязи территориальной экспансии и колонизации*.

Отсюда вытекает, что начало колонизации не совпадает с эпохой великих заморских открытий и поиском пути в Индию. Конечно, открытия изменили феномен и природу колонизации, но территориальная экспансия древнее колонизации. А необходимость последующего обхода и окружения Османской империи европейскими державам не изменила феномен колониальной экспансии. На этой посылке базируется арабская историография, которая считает крестовые походы началом европейской экспансии и первым проявлением империализма. Западная историография рассматривает крестовые походы как стремление отбить Священную Землю у мусульман, захвативших христианские территории. В любом случае европейская колонизация началась на рубежах христианского мира.

Уже в VII в. ислам объединил большую часть средиземноморского мира, раздробленного со времен раздела Римской империи и нападения варваров. Византия на востоке и королевство Каролингов на Западе стали центрами христианского сопротивления исламу. Знаменосцы ислама не придавали никакого значения варварским королевствам Запада (например, битва при Пуатье 732 г. не упоминается в арабских хрониках, а появляется в историографии значительно позже). Реальным барьером на пути нового объединения средиземноморского мира стала Византия. Мусульмане считали Византию анахроничным государством, поскольку в ней господствовало христианство – устаревшая религия. Крах арабской империи начался в следующем столетии вследствие теологических и династических внутренних конфликтов между шиитами и суннитами, распада экономического пространства и невозможности контролировать громадное пространство от Индии до Гибралтара.

Итак, освобождение христианства началось с окраин. На западе первой освободилась Астурия, на востоке Багратиды временно освободили Армению и Грузию. Были ли эти события «освобождением» или «деколонизацией»? Согласно христианской традиции, затем началась эпоха крестовых походов «за восстановление Гроба Господня». Арабский хронист Ибн Аль-Азир так описывает первый крестовый поход: «Первое нападение государства франков на исламские земли произошло в 478 г. (1086 г. христианской эры), когда был взят Толедо. Затем они напали на Сицилию, Африку, а в 490 г. на Си-

рию»¹⁵. Показательно, что и в XIX–XX в. мусульмане рассматривают создание новых государств на Ближнем Востоке под эгидой европейских государств как предвестие будущих «нападений». В европейской историографии последним крестовым походом считается поход Людовика Святого в Тунис в 1270 г. Спустя три столетия под эгидой Папы и короля Испании Филиппа II христиане разгромили исламский флот в битве при Лепанто (1571 г.). Исламские историки называют это событие «тринадцатым крестовым походом».

Но в трехсотлетнем промежутке между этими датами арабов сменили турки, разгромившие бывшую арабскую империю. Арабо-мусульманская историография до настоящего времени *скрывает войну единоверцев*. В результате гробовщиками былой славы арабов оказываются не турки, а Запад, возобновивший наступление в эпоху империализма.

Фактически после разгрома арабов турки-османы заняли их место и начали новый джихад, который привел к падению Византии – Восточной Римской империи (1453 г.). Затем турки пошли на Вену – столицу Габсбургской империи. Мусульманская Османская империя при Сулеймане находилась в расцвете сил. Филипп II в битве при Лепанто затормозил вторичную экспансию ислама. Была ли она «территориальным захватом» или «колонизацией»?

Для ответа на вопрос М. Ферро описывает *четыре направления* колонизации. Христиане совершенно неожиданно пошли в контратаку на ислам сразу несколькими путями. Для торговли с Индией и Китаем (открытыми Марко Поло) требовалось найти новые пути обхода и окружения Османской империи. Поэтому путешествие Васко да Гама обладает религиозным смыслом. После обхода Африки с юга и прибытия в Калькутту он сказал, что «приехал искать христиан и пряности». Вслед за португальцами турки рассматривали торговлю (связанную с открытиями) как форму священной войны, утверждая: «Прокопаем канал в Суэце и проложим путь в Индию и Китай для того, чтобы изгнать оттуда грязных гяуров и привезти ценные товары».

Итак, *контекст обоюдной священной войны между христианством и исламом - действительное начало эпохи открытий и колонизации*¹⁶. Ф.Бродель показал, что после 1580 г. торгово-

¹⁵ Цит по: Ferro M. Op.cit., s.13.

¹⁶ Идея «священной войны» в христианстве детально изучена Ж. Минуа - современным французским историком культуры – в книге «Церковь и война: от библейских времен до атомной эры». См.: Минуа Ж. Священное писание, война и сакральное // Философия права. Ростов-на-Дону, 2001, № 2; 2002, № 1.

политическая деятельность переместилась из Средиземного моря в Атлантику. Но наследство былых конфликтов и войн не исчезло из памяти людей, сохранивших связь с прошлым при открытии других миров. «В мире ислама память о прежнем величии хорошо сохранилась, поскольку ислам давно использует арабский язык как общий и господствующий язык, гарантирующий вездесущность Корана. Память и знание христианских гяуров разделены почти на двадцать пять языков»¹⁷. В исламе религия и язык взаимосвязаны и определяют образ мысли и суждения о «чужих», который транслируется через столетия и сохраняется до настоящего времени. Этот сплав определял отношение мусульман к английским колонизаторам в Индии, французским – в Черной Африке, российским – на Кавказе. Например, христиане вторично появились в Александрии в 1798 г., а в Алжире в 1830 г. Примерно в то же время Россия приступила к колонизации мусульманского Кавказа. Но для мусульман христиане по-прежнему оставались презренными гяурами. Они занимались мирным трудом - селились на новом месте и обрабатывали землю, руководили местным населением и колонизировали территории. Но одновременно наносили мусульманам кровную обиду, которая может быть смыта только кровью.

«В «Военных и любовных песнях мусульман» повествуется: «Мы унижали царей, которые были сильнее нас. // Она падали на колени перед нашими шашками и пиками, // А их женщины становились нашими коврами. // Копыта наших коней потрясли гору Еманах, // Мы ставили шатры в Вотулу и Дамаске, // Изгнав оттуда всех врагов, как вонючих шакалов. // Я помню все, что было вчера, и знаю, что будет завтра». Такие чувства предсказывают жестокость будущих событий», – констатирует Ферро¹⁸.

Второй путь – *открытие обеих Америк* – тоже связан с окружением мусульман и священной войной. На первый взгляд, записки Х.Колумба свидетельствуют, что в первом путешествии он занимался только поиском золота¹⁹. Но Колумб рассчитывал не только на обогащение себя и команды, а хотел также обогатить заказчиков - монархов Испании, чтобы «они поняли ценность всего дела». Колумб стремился к богатству ради славы первооткрывателя. Но его страсть к деньгам объясняется религиозным мотивом распростране-

¹⁷ Цит по: Ferro M. Op.cit., s.16

¹⁸ Ibid., s.17

¹⁹ 15 октября 1492 г. она записал в «Дневнике»: «Я хочу идти безостановочно, чтобы пройти как можно большее расстояние, побывать на многих островах и найти золото».

ния христианства²⁰. Возврат Иерусалима христианам – одна из целей Колумба, вдохновленного идеей крестового похода.

Та же идея освящала третий путь в Индию *через внутреннюю Африку*, в наличии которого сомневались. Этот путь предполагал заключение перемирия с Эфиопией для атаки с тыла на империю Мауриев. Королева Елена стремилась разорвать «цепь ислама», контролировавшего выходы Испании к Красному морю и Индийскому океану. Политическая тревога королевы переплелась с религиозными стремлениями коптского митрополита, который хотел сблизиться с Римом, но зависел от арабов. Было принято решение о посольстве Матфея, митрополита Эфиопского, который должен был добраться до Лиссабона из Эфиопии через Индию. Там он повстречался с Альбукирком, который этот проект поддержал, но усомнился в возможности постоянных сношений индийского негуса с португальским королем.

Описание тайного путешествия Матфея свидетельствует о страхе коптского иерарха перед агентурой арабов. «Королева Елена дала Матфею и его товарищу Иакову рекомендательные письма к губернатору приморской провинции, в которых предлагала оказать им полное (но тайное) содействие в выдаче их за купцов, которые путешествуют в своих интересах. Некоторое время Матфей действовал свободно, никому не сообщая о своих намерениях, делах и предполагаемых путях. Он выдавал себя за торговца кожей, время от времени покупал индийские драгоценности и тайно переправлял их Елене»²¹. Под видом купца Матфей прошел через разные страны, королевства и государства заклятых врагов Лузитании. Эта маска позволила ему уцелеть, добраться до Португалии и выполнить задачи ловкого посла. Никаких других способов реализации этой задачи в то время не существовало.

Четвертый путь возник *на севере в начале XV в.* Прежде русские сопровождали (в качестве проводников и охраны) монгольские караваны в Пекин, открывая богатства Китая и Индии на обратном пути через Самарканд. Информация о них достигла Твери, из которой Афанасий Никитин совершил в 1466 г. первое путешествие в Индию. На этом пути Астрахань, Бухара, Хива были перевалочной базой товаров Китая и Индии и товаров России и стран Балтии. Зотов спустя некоторое время писал московскому князю, что указан-

²⁰ 26 декабря 1492 г. Колумб записал: «Я надеюсь найти столько золота, чтобы король за три года снарядил поход для возврата христианам Гроба Господня».

²¹ Ibid., s.18.

ные «...города для нас крайне выгодны, поскольку в них сосредоточены богатства Индии и Китая». Этот путь вначале не имел ничего общего с крестовыми походами. Затем положение вещей изменилось. В эпоху империализма русские цари колонизировали Дальний Восток во имя православия.

Религиозный энтузиазм, страсть приключений, жадность и стремление обогатиться, реванш завоевателей – таковы предпосылки великих открытий и колонизации. Они обусловили великие события XV–XVI вв. и повлияли на сознательное и бессознательное поведение индивидов. Однако более существенные предпосылки предрешили действия одних и бездействие других индивидов. В частности, *социальной причиной колонизации был упадок европейских землевладельцев-феодалов.*

Конфликты XIV–XV вв. (Столетняя война) *изменили направление* великих торговых путей. Вместо сухопутной дороги из Фландрии в Италию купцы начали пользоваться морским путем из Генуи через Барселону и Лиссабон в Брюгге, Антверпен и Амстердам. Это изменило стратегический пункт торговли и обогатило порты Атлантического побережья (прежде всего Лиссабон, «нация» которой поселилась в Брюгге в XIV в.). В Лиссабоне происходила встреча купцов северных стран и Италии (преимущественно генуэзцев). Они хотели торговать с Востоком, но не располагали средствами организации «большого бизнеса». К тому же торговля с Востоком означала риск попасть в венецианскую тюрьму или в турецкий плен.

Главные капиталы находились на Иберийском полуострове. Северный путь на Восток проходил через леса и использовался мало. Южные контакты с миром ислама были оживленными, несмотря на войны. Навигация до Марокко большого труда не представляла. Кастилия и Португалия набирали силу тогда, когда Франция, Бургундия и Священная Римская империя постоянно воевали между собой. Младшие сыновья португальского и кастильского дворянства занялись торговлей из-за отсутствия земли и стали купцами во избежание деклассирования.

Это явление сыграло важную роль, наряду с научно-техническими, экономическими и религиозными предпосылками. Польский историк М.Маковист поставил проблему *параллелизма* между португальской заморской колонизацией, французскими войнами в Италии и территориальной экспансией немцев, поляков и русских на север и восток. Все указанные явления вытекали из одной причины – потребности возрождения феодалов после упадка в

предшествующих войнах. Связь феодалов с купечеством первоначально возникла в Испании и Португалии. В Голландии, Англии и Франции она формировалась по мере стабилизации политических институтов после революций.

Следовательно, причина голландской, английской, французской экспансий отличается от португальской, испанской, германской, польской и русской колонизаций. При этом значительную роль сыграл *демографический рост*. Прирост населения Кастилии в XV–XVI вв. облегчил миграцию, подобно тому, как это имело место в Польше и России. Голландские победы над португальцами в XVII в. объясняются избытком населения в Голландии, которая мобилизовала своих граждан и часть немецкой популяции.

Колониальная экспансия и империализм: проблема подобия. Португальская монархия снаряжала заморские и кругосветные путешествия со времени Иоанна II. Они пришли в противоречие с политикой Реконкисты и крестовых походов, трагическим финалом которой стала битва при Альказарквивире и первое поражение Португалии. В фильме «Нет, или тщеславие королей» Мануэль де Оливейра показал связь между крахом португальских попыток объединить Иберийский полуостров и захватить Марокко - и размахом кругосветных плаваний и заморских путешествий. Эти предприятия заняли место традиционных целей власти, продолжая дело евангелизации и территориальные захваты за океаном. Великие открытия позволили Португалии избежать войны с маврами. Второе поражение Португалия потерпела в битве при Лепанто, после чего Испания захватила Португалию в целях объединения Пиренейского полуострова.

Терапия *забвения* этих событий продолжалась несколько столетий и детально изучена: «Развитие торговли, евангелизация, колонизация и порабощение народов выполняли компенсаторную функцию. Этот процесс длился до тех пор, пока из исторического сознания Запада не исчезла память о войне с исламом как главной причине великих географических открытий. В XVIII в. только аббат Рейналь подчеркивал ее значение. Желание забыть стерло все следы»²². Однако конкретно-исторический анализ убеждает: *на первом плане колонизации находился Христос, а не золото.*

Мотив забыть нетрудно обнаружить во Франции эпохи империализма. III Республика начала проводить имперскую политику для того, чтобы забыть поражение под Седаном, банкротство евро-

²² Ibid., s.20.

пейской политики II Империи, потерю Эльзаса и Лотарингии. Ж.Ферри – инициатор имперских захватов в Индокитае и Тунисе. Специфика этой политики хорошо отражена в дарственной надписи Гансе на рисунке, преподнесенном Ж.Ферри: «Я потерял двух детей, а мсье подарил мне двух слуг».

Аналогичное компенсаторное действие характерно и для истории Российской империи XIX в. Царь дважды терпел поражения в навязывании своей воли Европе. Для компенсации он навязал господство народам Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока. Первый этап экспансии начался после Крымской войны и завершился «покорением» Кавказа, Ташкента (1865 г.), Самарканда (1868 г.), Хивы и Коканда (1876 г.), областей при Амуре и Уссуре. Вторым этапом было заключение союза с Австро-Венгерской империей (1897 г.), который завершил очередную фазу Балканского конфликта. Чтобы компенсировать замедление экспансии панславизма, царь сдвинул центр интересов России в сторону Дальнего Востока и Тихого океана. Россия не считала интервенцию в Китае и конфликт с Японией войнами, а рассматривала их как колониальные экспедиции.

Важное свойство империализма – *волчий голод территорий*, наиболее явным выражением которого был раздел Африки в 1885–1890 гг. между Францией, Германией, Англией, Португалией и Бельгией. Все они стремились закрепить за собой на карте как можно больший участок. Предполагалось, что таким образом предотвращаются происки соперников, которые всегда могут стать непосредственными врагами. Однако аналогичное поведение возникло задолго до империализма. Например, после захвата Канады Самуэль де Чемплен писал в 1615 г. в рапорте королю: «Если мы не займем эту территорию, это сделают англичане или голландцы (то есть, протестанты), которые займут Квебек». Иначе говоря, первая французская колония захвачена *превентивно*, наряду с реализацией других целей – открытие прохода на запад через Тихий океан к Японии, заселение и возделывание новой земли, обращение индейцев в христианство.

Превентивный захват «бесхозных территорий» в колониальную и империалистическую эпоху оправдывался и критиковался посредством аналогичных аргументов. Ж.Ж.Руссо осуждал фиктивное занятие территорий: «Чтобы обосновать право первообладателя, надо, чтобы он овладел ею не посредством пустой церемонии, а путем труда и культивирования». А Соединенные Штаты аннексировали

Луизиану на том основании, что ее расположение в устье реки дает право на всю долину. Ж.К.Адамс выдвинул доктрину «непрерывного освоения»: захват побережья автоматически влечет за собой ответственность на прилегающие территории – земли в глубине страны. Аналогичную тактику применяла Россия при захвате Кавказа. Эта доктрина закреплена в современном политическом словаре в термине «сфера влияния». Впервые эта формула появилась в британско-германском договоре 1885 г., с помощью которой легализовалось древнее право на «непрерывное освоение» и «прилегающую территорию». Словарь современной дипломатии воспроизводит традиционную территориальную экспансию.

Итак, смена направления, альтернативная политика и страсть к захватам – разные фазы экспансии. Эпоха открытий *аналогична* эпохе империализма на основании подобия этапов экспансии. В XIX в. открытия пионеров (типа Стэнли, Пржевальского, Тянь-Шаньского и др.) предшествовали захвату правительствами конкретных территорий. То же самое происходило в XV–XVII вв. Монархи поддерживали Колумба, Магеллана и других пионеров. Традиционная историография восхваляла свершения коронованных особ и не замечала предшествующих действий пионеров. Однако путешествия одиночек и территориальная экспансия государств *аналогичны*. Те и другие были следствием воображения – визионерских проектов поиска восточного и западного пути в Индию. Они воплощали волю и энергию людей с помощью новых технических средств. Но суть данных проектов была одна – аккумулированный итог множества корыстных стремлений купцов и авантюристов (типа Фернао Гомеса, Евстафия де ла Фоссе и др.).

Например, португальская корона поддержала проект Диего Као проникновения во внутреннюю Африку и ее обхода с юга только после того, как португальские матросы узнали (случайно попав в Бенин), что через эту страну можно пройти в полумифическое христианское царство царя Иоанна. У Колумба тоже были предшественники: Фернао Дульмо получил от короля привилегию на все земли, которые он откроет западнее Канарских и Азорских островов – распутья всех первооткрывателей и завоевателей. Но его попытка не увенчалась успехом. Следовательно, двухэтапная экспансия XVI и XIX веков аналогичны.

Рынок или государство? Империализм воспроизвел установки эпохи великих колониальных захватов. Но после 1870 г. возникло

общее убеждение в начале новой эры. М. Ферро анализирует ее типичные свойства.

На протяжении предшествующих ста лет экспансия стала *дискретной* и заканчивалась успехом или поражением. Рост колоний европейских стран теперь зависел от удачного стечения обстоятельств и не был следствием политической воли. Прежние и новые колонии (Сибирь, Кавказ, Алжир, Австралия, Новая Каледония) заселялись бунтовщиками, уголовными и политическими преступниками. Это понизило их ценность в общественном мнении. То же самое относится к первым португальским колониям.

Изменение отношения к колониям произошло после обретения *специфической идентичности* захваченных территорий. Например, французский военно-морской флот захватил Кохинхин для победы над Англией и обретения удобной базы в западной части Тихого Океана. Спустя некоторое время так же был взят Алжир. После «героических» боев с Абдель-Кадером французская армия начала идентифицировать себя с Алжиром: «Едва часть армии «колонизируется», происходит *милитаризация колониальной идеи среди части общественного мнения*». Колониальные идеалы и миссионерское призвание переплелись уже в XVI–XVII вв., но в начале XIX в. носителем такого переплетения стала армия. Лишь после милитаризации колониальной идеи христианизация начала *отождествляться* с цивилизаторской миссией Европы, поскольку никакой другой цивилизации (кроме христианской) Европа не знала. «Например, епископ Мише, папский викарий Сайгона, осуждал бунтовщиков, которые надолго задержали обращение в христианскую веру. Алжирский епископ Лавижери объяснял свое назначение следующим образом: «Я прибыл сюда, чтобы внести вклад в великое дело христианской цивилизации, которая приведет к рождению новой Франции из тьмы и хаоса вечного варварства»²³.

Цивилизация, колонизация, культуртрегерство и территориальная экспансия — главные движущие силы империализма: «В этом контексте колонизацию можно определить как орган полового размножения наций в мире»²⁴.

Существуют такие определения империализма, согласно которым он есть «последний шанс величия» (Превост-Парадоль) и «творческая сила» (Леруа-Булье). Действительно, империализм начал систематически использовать *идеологические источники* в той мере,

²³ Ibid., s.23.

²⁴ Ibid., s.23.

в которой они поддерживались материальными интересами, и в конечном счете привели к новому определению колониальной политики. Его сформулировал Ж. Ферри в период захвата Тонкина: «Колониальная политика – дочь промышленной политики. Экспорт – основной фактор всеобщего благосостояния богатых стран. Если существует нечто вроде международного разделения труда по способностям индустриальных обществ, то Европа не должна продавать за рубежом свою продукцию. Однако все хотят заниматься ткачеством, производством металла, дистилляцией спирта, выработкой сахара и экспортом этих товаров». По мере появления новых индустриальных стран (США, России, Германии) желание стало «необходимостью» и основанием заморской экспансии.

Новый аргумент «за империализм» Ферри дополнил двумя давно известными:

1. Гуманитарные соображения накладывают на «высшие расы» обязанности в отношении «низших рас», которые еще не стали на путь прогресса.

2. Стихийно-националистический аргумент звучал так: «Если Франция от этого устранилась, а Испания или Германия займут наше место, то политика «сиденья на печи» приведет к стагнации и упадку страны. Излучать сияние и ничего не делать – значит отречься от власти».

Правда, Великобритания столкнулась с этими проблемами намного раньше Франции. Победа Англии в Семилетней войне – первый поворотный пункт на пути изменения колониальных отношений. До этого Британия была небольшой единообразной исконно английской протестантской торговой страной. Но в итоге мирных договоров 1763 г. она получила Квебек, Флориду, Тобаго (католические территории) и другие заморские территории. Так Британия стала владыкой громадной империи, крайне неоднородной с точки зрения ресурсов и религии. До этого расходы на внутренние дела были незначительны и не влияли на способ управления Англии. Территориальные приобретения повлекли за собой *неожиданную статью расходов на содержание армии и военно-морских сил*. Эти расходы противоречили принципам английских свобод, поскольку Англия стала господином враждебных народов. Поэтому Э. Берк беспокоился не зря. И далеко не случаен тот факт, что Гиббон написал труд о падении Римской империи почти на следующий день после заключения Парижского трактата.

И все же главное поражение Англии определялось другой причиной. *Независимость Америки расколола английскую нацию на два враждебных лагеря*: одна часть англичан стала врагом другой части в Англии и Америке. Затем произошел раскол общественного мнения. Возникла ситуация гражданской войны. Поэтому лояльность Шотландии компенсировала поражение Англии в войне с Северной Америкой. Пионеры-полководцы (Гастингс, Гордон и др.) были шотландцами и сыграли роль завоевателей, усмирителей и карателей на остальном пространстве Империи. Английские колонии превратились в Британскую империю с помощью солдатни. Широко распространился *имперский реванистский патриотизм* как реакция на либерализм прошлой эпохи. Индийский Акт (1784 г.), Канадский Акт (1791 г.), Акт союза с Ирландией (1800 г.) воплотили политику *манипуляции и господства* – еще одно типичное свойство империализма.

Следующее свойство одновременно противостоит и соответствует предыдущему. Речь идет о *преобразованиях экономических отношений* с остальным миром после потери Америки и превращения Англии в промышленно развитую страну. Теперь Англия нуждалась в рынках и сырье, а не в монополии внешней торговли (в соответствии с принципами меркантилизма, позволившего накопить громадные денежные запасы). Англии потребовалась другая Америка (ею стала Австралия), другая Индия (на эту роль предполагался Китай) и другая Африка (в отличие от Африки, экспортирующей рабов в Северную Америку). Не случайно спустя непродолжительное время (1797 г.) Великобритания направила в Пекин первое большое посольство во главе с Маккартвеем, создала Африканскую ассоциацию (которая предложила М. Парку исследовать Центральную Африку до истоков Нигера)²⁵, организовала Северо-Западную Кампанию на севере Канады и послала Д. Кука в Австралию. Взрыв имперской активности произошел после длительного периода военных конфликтов и предвосхитил *возрождение прежней колонизации, которая теперь получила имя «империалистической»*. А по сути дела нужды индустриализации и рынка становились конкурентами власти, которая постепенно возвышалась над всеми остальными факторами.

²⁵ «М.Парк разъяснял, что получит гонорар (15 шиллингов в день) только при условии открытия нового знания о географии Африки и новых источников богатства ради торгово-промышленных амбиций своих мандатариев». Ibid., s.24.

Хотя стремление Англии владеть миром восходит к началу XIX в., М. Ферро считает его пользу сомнительной. В 1919 г. И. Шумпетер подвел итог развития британского империализма в XIX в. и показал: империализм возникает тогда, когда государство проявляет силовую экспансию за пределы границ. В результате военная активность превращается в самоцель – становится средством достижения цели, которая содержится в самой военной активности (такое действие М. Вебер назвал «инструментальной рациональностью»). Для доказательства этого вывода Шумпетер приводил деятельность Дизраэли, который получил прозвище «певца и идола имперской экспансии» после речи 1872 г. До этого он говорил о «проклятых колониях, которые висят у нас на шее как мельничный жернов». А теперь потребовал создать Британский Союз путем преобразования колоний в самостоятельные государства на правах частей империи. Вся эта махина затем создает таможенный союз как имперскую федерацию. Но неосвоенные земли принадлежат только англичанам, а центральная контора в Лондоне управляет их колонизацией.

Примечательно, что в речи Дизраэли впервые термин «защита родины» отождествлялся с защитой империи для обоснования *фактической территориальной экспансии* Англии. Имперский лозунг обнаружил эффективность, отвлекая внимание граждан от повседневных нужд. Консерваторы уже не могли удовлетворять эти нужды, поскольку не обладали политической программой. Популярность имперских лозунгов объясняется тем, что они удовлетворяли своекорыстные множества групп интересов. Например, защитный таможенный тариф был полезен для промышленников, которым угрожала демпинговая политика германских экспортеров. Эти лозунги были популярны даже среди бедняков, потакая их национальному самолюбию и гордости.

Так возникла дихотомия: в начале XIX в. английское общественное мнение отрицательно оценивало колониальную экспансию (отождествляя ее с работоторговлей и поражением Англии в войне с Соединенными Штатами) и положительно – империализм (поскольку имперские лозунги льстили населению и защищали интересы Англии). Но теперь «защита родины» осуществлялась в войнах с «грабителями» и «бандитами» Индии и Южной Африки. Во время англо-бурской войны «все английские нищие осуждали взбунтовавшихся подданных». Таким же было общественное мнение Франции

в начале XX в., когда «свиньи-марокканцы атаковали алжирских колонистов».

Аналогичная ситуация сложилась в России, на рубежах Кавказа и Средней Азии. Она была непосредственно связана с пониманием цивилизации: В декабре 1864 г. Горчаков (министр иностранных дел России) через послов распространил меморандум по ведущим европейским странам. В нем проводились параллели между положением России по отношению к Центральной Азии и их (Англии, Франции, Голландии и даже Америки) собственным положением по отношению к обширным колониальным владениям: «Позиция России в Центральной Азии, – гласил этот документ, – является точно такой же, как у всех цивилизованных государств, которые вступили в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой определенной социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь, недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и так далее. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать свои границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении. Британия и прочие колониальные державы были неумолимо вынуждаемы не столько амбициями, сколько настоятельными потребностями к дальнейшему распространению своих владений. Самая большая трудность – принять решение остановиться. Мы будем признательны, если ведущие государства, у которых меньше нерешенных вопросов и выше организация, установят для нас с географической точностью пределы, на которых мы должны остановиться»²⁶.

Итак, колониальные державы «защищают родину» по рецепту Дизраэли.

История Великобритании показывает тождество имперской *символики господства с материальными интересами*. Например, в 1815–1863 гг. Ионические острова находились под протекторатом

²⁶ Цит. по.: Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004, с.365.

Британии, хотя в Лондоне это считалось пустым занятием по причине невозможности такой защиты. В том же ряду событий находится военная экспедиция М. Тетчер по защите Фолклендов. Одновременно потеря всей Индии, Карибских и Черной Африки (в 1947–1962 гг.) не беспокоила Англию. Не менее абсурдная ситуация сложилась в России в последнее десятилетие. Абсолютное большинство населения равнодушно восприняло распад империи в 1990–1991 гг., но мобилизовалось для защиты Курильских островов и Чечни.

Поддержка военно-завоевательной экспансии – следующее свойство империализма. Этим занималась пресса как продукт промышленного развития XIX в. В качестве примеров можно указать позиции газет «Daily Mail» в Великобритании, «Taglische Rundschau» в Германии, «Le Petit Parisien» и «Le Matin» во Франции, «Новое время» в России. Редакторы и сотрудники этих газет начали претендовать на роль имперских идеологов. Следовательно, империализм есть социальный феномен, скрыто осуществляющий некоторые действия (например, экспедиции Ж. Ферри в Индокитай). Экспансия прошлых столетий не была социальной в такой же степени.

Экономический интерес – основа и движущая сила империализма. Этот феномен описан в книгах Д. Гобсона «Исследование империализма» (1902 г.) и Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» (1910). Спустя некоторое время их идеи популяризировал Ленин популяризировал в брошюре «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916 г.), которая переведена на немецкий и английский языки в 1920 г. Но есть существенное различие между взглядами Гобсона и Ленина.

Д. Гобсон трактовал империализм как «развитие высокоорганизованной промышленности и финансов в целях самосохранения и развития частных рынков путем нанесения вреда населению, но с использованием силы государства для перекачки и инвестирования в него собственного перепроизводства товаров и сверхприбылей». Гобсон считал империализм возвратом к меркантилизму, поскольку его движущей силой было накопление национального капитала для конкуренции с другими государствами.

Ленин определял империализм как последнюю стадию развития капитализма и монополий в полемике с Каутским, который отрицал неизбежность войн между империалистическими странами на этой стадии. Ленин считал их неизбежными. Главный тезис Ленина – множество форм империализма и определение его как след-

ствия различных фаз исторического развития. Империализм возник до капитализма (Римская империя) и существовал в период его развития (Османская, Австро-Венгерская, Российская и другие империи). Национальные конфликты – элемент общей борьбы с империализмом. Поэтому борьба прибалтов с русскими и борьба ирландцев и индусов с англичанами аналогичны. Ленин считал, что первая мировая война ликвидировала различие колониальной экспансии и империализма.

Однако сохранялось другое важное различие – империализм на рубеже XIX–XX вв. *переплелся с финансовым капиталом* и потому отличался от колониальной экспансии прошлых эпох. Колонизация и экспансия не исчерпывают империализм, хотя существуют по-прежнему. Суть дела в том, что в XIX – начале XX вв. империализм посредством финансового капитала начал проникать в независимые страны – Китайскую, Османскую и Российскую империи. Колонизация приобретала разные формы в разные исторические эпохи, которые взаимно отличались и переплетались. Исток и движущая сила экспансии – господство над другими народами, независимо от лозунгов.

Империализм стал *религиозным* во времена священных войн между исламом и христианством и дважды религиозным в XVI–XVII вв., когда католики и протестанты стремились обеспечить экспансию своей веры. Политический расчет в виде *raison d'état* (государственного разума, преобразованного в современное понятие «государственных интересов») ²⁷ связан со всеми видами крестовых походов. Франц-Иосиф I первым продемонстрировал *независимость от религии*, подписав капитуляцию с турками для победы над единоверцем Карлом V. В Тридцатилетней войне кардинал Ришелье заключил союз с протестантской Швецией против Священной Римской империи.

Экономический интерес существовал задолго до имперской эпохи и открыто проявился в «Актах навигации» (1651 г.), в которых заморская экспансия признавалась монополией всей английской нации, а не только купечества. Данные «Акты» – главный исток империализма, поскольку он впервые выступал от имени всей нации, бытие которой было воплощено в национальном государстве. Боден и Кольбер – первые теоретики и практики меркантилизма. Задолго до империализма меркантилизм связал европейские государства с

²⁷ См. об этом подробнее: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. 2001, № 3.

захватом заморских территорий для обеспечения монополии обмена и максимума доходов в золоте и серебре. Меркантилисты полностью (вплоть до гвоздей) запретили производство в колониях. Тем самым они стимулировали восстания колонистов в Соединенных Штатах и испанской Америке, положивших конец колониальной зависимости от Англии и Испании. Меркантилизм приводил колонизированные народы к полному краху, но он сохранялся и развивался в период промышленной революции с помощью государственного насилия. Наиболее яркий пример – реформы Петра I в России. М. Ферро считает, что именно так надо понимать ленинское определение империализма как высшей стадии капитализма.

Британская колонизация соединила разные факторы и обеспечила успех социальной группы землевладельцев. Эта группа связала доходы от земли и шахт с финансово-торговой деятельностью и стала претендовать на мировое господство. Однако промышленный и банковский капиталы длительное время кардинально различались между собой. Промышленность развивалась «сбоку-припеку» и вопреки государству до кризиса 1929 г. Только после этого *имперский выбор стал глобальной Realpolitik*. Крупные финансисты – инициаторы имперской политики. Например, в 1882 г. они впервые снарядили и послали в Египет военную экспедицию не для аннексии территории и завоевания рынка сбыта, а для «острастки» руководителей Египта за отказ от уплаты долга. Это создало прецедент. В соответствии с интересами Сити вспыхнула война в Южной Африке. Англичане выступили против буров, поскольку те хотели помочь немцам освоить запасы золота тогда, когда золотой стандарт обеспечивал преимущество фунта стерлингов на мировом рынке.

Сравнение следствий. Кардинальное различие следствий колониальной экспансии XVI–XVIII вв. и империализма состоит в следующем: промышленная революция создала такие средства деятельности, которые полностью преобразовали отношения метрополий с колониями. Первая разновидность колониальной экспансии аналогична прежним колонизациям (римской, арабской, турецкой и русской), поскольку экономические и военно-технические различия между колонизаторами и колонизованными оставались незначительными. Различие уровней жизни в Европе и ее колониях в начале эпохи империализма равнялось 1,5:1. Положение колоний резко ухудшилось в итоге промышленной революции. Различие уровней жизни возросло от 1,9:1 (1860 г.) до 3,4 (1914 г.) и 5,2 (1950 г.) и по-прежнему растет после завершения колониальной эпохи.

Рост различий – следствие структурных изменений под влиянием колонизации и соотношения сил. До XVIII в. потребление «колониальных товаров» составляло всего 2–10% общего потребления Европы. Вне испанской Америки первая колонизация не затронула социальные структуры колоний, поскольку ее основания еще не сложились. Англия в Индии продавала свои товары аборигенам, арабам и португальцам. Преимущество последних выразилось в торговле современным оружием. Вторая колонизация базировалась на экономическом империализме и привела к глубоким структурным изменениям колониальных обществ. Главные из них – *деиндустриализация колоний и специализация сельского хозяйства на выращивании непищевых технических растений*.

Показательный пример первого изменения – производство тканей в Индии. В XVII в. хлопковая ткань составляла 60–70% индийского экспорта. После индустриализации Англии появились машины, производительность которых в 350 раз превышала производительность индусов. Англия начала продавать свои ткани в Индии – и легкая промышленность Индии рухнула на протяжении менее ста лет. Деиндустриализация затронула большинство колоний, способствуя крайней специализации промышленности и воплощая изменения, которые империализм навязал древним и новым колониям.

Черная Африка – яркий пример другого изменения. Колонизация обусловила противоречие натурального хозяйства (традиционного базиса африканских обществ) и рыночной экономики. Например, колониальная администрация навязала племени *агни* (Берег Слоновой Кости) производство какао. Племя начало сопротивляться – каждую ночь под саженцы какаоовых деревьев лили кипяток. Лишь спустя длительное время аборигены убедились, что продажа какао дает деньги, которые можно расходовать на другие цели. Европейцы считали это племя ленивым и неспособным к труду. На деле у *агни* существовала сложная система этикета, которая запрещала (особенно высшим классам) работать публично, но не мешала проявлять скрытую активность. А колонизаторы трактовали неспособность к прогрессу как форму культурного сопротивления.

Например, обмен быками обладал особым смыслом в племенах *масикоро*, *бара* и *фуланов* (Мадагаскар). Крупный рогатый скот воплощал социальные ценности и престиж владельцев, а не элемент денежного хозяйства. Продажа быков свидетельствовала о полном крахе семьи. Племя *бете* исключало приданое из денежного хозяйства. По этой же причине производство хлопка не прижилось в пле-

менах *фуланов* и *бамбара*, зато было усвоено племенами *миньянка* и *сенуфо*. Первые уже были историческими нациями, структуры которых уничтожила цивилизация. Вторые еще не осознали свою идентичность и потому были готовы изменить образ жизни. Племя *сенуфо* выращивало земляные клубни на взгорьях с помощью мотыги, а затем перешло к обработке низин с применением плуга, запряженного волами. Экономия рабочей силы была очевидной. Но в низинах росли мелкие клубни. Поэтому потребление упало и от плуга отказались²⁸.

В любом случае технические заимствования у Запада остаются предметом конфликта между прогрессом и традицией в колониальных обществах.

Между колонизацией и неокOLONИализмом. На основании проведенного анализа М. Ферро считает, что колонизация вместе с последствиями сводится к следующим типам:

1. Экспансионистская колонизация древнего типа на стадии развития капитализма свободного рынка. Захват Кавказа Россией и Алжира Францией – последние примеры этого типа.

2. Колонизация нового типа связана с промышленной революцией и финансовым капиталом. Она характеризует большинство территориальных захватов Франции (Марокко), Великобритании и Германии в Восточной и Южной Африке, России в Средней Азии и т.д. после 1871 г., если даже их основанием служили другие причины.

3. Империализм без колонизации. В Османской империи этот тип был промежуточным (об этом свидетельствует пример Египта в 1881 г.), а в чистой форме (без колонистов) применялся в Латинской Америке. Например, Сити правило в Аргентине и Перу, прежде чем уступить их США. Этот империализм без флага устоял в борьбе колоний за независимость во второй половине XX в. и существует в настоящее время.

Эти типы сохранились после деколонизации и существуют в настоящее время. Поэтому следует исходить из *переплетения* форм империализма, колонизации и деколонизации – обретения независимости и освобождения колониальных народов. Большинство колоний обрело независимость в 1965–1985 гг. Колонизация в узком смысле слова завершилась поражением Франции во Вьетнаме и Алжире, Англии и Голландии в Индии и Индонезии, но страны Запада по-прежнему доминируют в разных регионах мира. Этот фе-

²⁸ См.: Ferro M. Op.cit., s.29–30.

номен называется неокOLONиализмом – империализмом без колони-стов.

Однако такой империализм существовал задолго до потери Ев-ропой своих заморских владений. США первыми начали создавать колонии без флагов в Латинской Америке, при необходимости по-сылая туда военно-морские силы (в 1915 г. на Гаити). Политика США в западном полушарии аналогична политике Франции в Аф-рике после 1965 г. Такая деколонизация обусловила следующие процессы: замена верховной власти прежних колоний при неизмен-ности сложившихся экономических и социальных связей; усиление прежней зависимости в иной форме для обоюдного своекорыстия метрополии и новой местной «буржуазии»; рост миграции населения и еще большее укрепление прежних отношений. Теперь француз-ские фирмы хозяйничают в Алжире, а алжирские рабочие-иммигранты едут во Францию. Аналогичные миграции сложились между Англией, Карибами и Индией, Германией и Турцией и т.д. Та же ситуация складывается в СНГ и России.

В 1960-е гг. началась унификация мировой экономики. Она на-столько связала национальные экономики, что сегодня большинство бывших колоний находятся в еще большей зависимости и нищете, чем при колонизаторах. Одновременно прежние метрополии «поум-нели», открыв для себя истину: либеральные догмы, на которые они ранее опирались для обоснования своего господства, теперь обрати-лись против них и удовлетворяют своекорыстие новых финансово-промышленных акул (Япония) и прежних колоний (Тайвань, Син-гапур, Корея). Но колонизация не сводится к следствиям экономи-ческого и технического господства. Эффект бумеранга воплощается в новых формах:

- рост роли нефти в мировой экономике;
- рост расизма на основе межцивилизационных контактов.

Цивилизация и расизм. «Я верю в белую расу», – говорил в 1895 г. Д.Х. Чемберлен, исполняя имперский гимн во славу английской на-ции, которая превзошла в успехах французских, испанских и про-чих конкурентов. Англичане несли мастерство и науку «подчинен-ным» нациям. «Бремя белого человека» – это мировая цивилизация, направление которой определяют англичане. Такое убеждение и задача детерминируют отношение к другим нациям как представи-телям низшей культуры. Англичане – «авангард» белой расы – должны воспитывать и формировать эти нации, одновременно со-блюдая дистанцию по отношению к ним. Французы тоже считали

аборигенов «несмышленными детьми» и ставили их ниже себя. Но республиканские убеждения французов предполагали публичное провозглашение совсем иных взглядов, не имеющих ничего общего с реальными действиями.

Однако главный пункт *тождества* англичан, французов, русских и других колонизаторов – чувство принадлежности к Европе. Это чувство лежит в основании предрассудка: только в Европе есть наука и техника, усвоение которых позволит цивилизоваться подчиненным нациям. Западная историография и право кодифицировали понятие цивилизации, включая связь с христианством. Г. Уайтон, Л. Оппенгейм и де Мальтер (американец, англичанин и русский) определяли «основы права», подписывая фактически неравные договоры с Китаем, Сиамом, Абиссинией и Османской империей.

Короче говоря, *понятие и система ценностей цивилизации выполняют строго определенную экономическую и политическую функцию*. США, Англия и Россия не только устанавливали законы и права, образующие понятие цивилизации и гарантирующие преимущество европейцев. Защита таких законов и прав приобретала моральное оправдание и стала принципом социально-политического бытия завоевателей. Все неспособные адаптироваться к данным законам и правам превращались в «преступников» и подвергались наказанию. А по сути имперский лозунг «защиты родины» пронизал сферу современного права, морали и цивилизации.

Например, англичане называли «преступными племенами» целые социальные группы в Индии. Это оправдывало интервенцию для последующей замены традиционных обычаев и обычного права колониальным законодательством. В число «бандитов» попадали мужчины и женщины, которые ни в малейшей мере не нарушали норм своих социальных групп. Уголовные законодательства 1871 г. и 1911 г. – поворотный пункт процесса, который привел к уголовному наказанию *сати* (самоубийства вдов), элиминации *тугов* и других «бандитов с большой дороги». Этот термин смешал касту с племенем и поставил вне закона целые группы (*куравары* определялись как «наследственные воры»). В основе такого метода репрессии лежит расизм.

В XIX в. многие увлеклись идеями Дарвина. Маркс рассматривал борьбу классов как человеческую версию дарвиновской борьбы видов. Колонизации – это третий столп сциентистского предрассудка: доброта белого человека состоит в воспитании и образовании низших видов людей. Но к людям относились не все аборигены. На-

пример, бушмены (аборигены Австралии) не удостоились такого звания и подлежали полному уничтожению.

Сила имперских убеждений определяется союзом глашатаев разума и прогресса (верующих в историческую необходимость и логику социального развития) с людьми, которые поставили инстинкт на первое место, а действие считали главным мотивом жизни. Первое течение разработал Оксфордский неоиdealизм: вселенная понималась как организм, который приводится в движение силой моральных убеждений и воли человека. Поэтому Британская империя считалась высшим этапом развития общества. Главный пропагандист этой идеи С. Уилкинсон писал: «Империя должна занимать в сердцах подданных главное место, которое не сводится к убеждениям: сила выше права (таково кредо деспотизма) или право выше силы (распространенная ошибка юристов). Это место определяется убеждением: вселенная есть проявление разумного порядка, неотъемлемого от порядка человеческой мысли». Эта идея повлияла на Милнера, Тойнби и Хайдане в Англии, последователей Ранке в Германии и историков «государственной школы» в России.

Английские историки считали Британскую империю квинтэссенцией всей предшествующей истории и развивали модель исторического развития, *одновременно тождественную и противоположную марксизму*. Марксисты полагали рабство, феодализм и капитализм стадиями, предшествующими социализму. Английские идеологи империи (Д. Кромб и Д. Сили) выделяли другие этапы исторического развития: город-государство, феодальное государство, классовое государство, национальное демократическое государство. Тем самым британское государство становилось итогом всей истории, в котором реализованы идеалы свободы и толерантности эпохи Реформации. Эта идея существует до сих пор в виде различных версий «конца истории».

С таким ходом мысли сплетена концепция человека как успешно действующего творческого индивида, разработанная в философии жизни В. Дильтея, О. Шпенглера и М. Шелера. Все они – империалисты, поскольку вслед за Ницше проповедовали социальный дарвинизм, направленный против других народов Европы. Вокруг этого направления мысли сгруппировались ученые, социологи и евгеники, которые развивали идеи Гобине, воспевали сверхчеловека будущего (Гиддинг) и соединили английский неоиdealизм с немецким биологизмом. Связующим звеном стал англичанин Х.С. Чемберлен, принявший германское подданство.

Указанные схемы мысли существуют до сегодняшнего дня. В них воплощается *тождество* британского империализма и германского расизма. В период империализма британские завоеватели-колонизаторы способствовали превращению территориальной экспансии в главную цель политики. По мере ее воплощения завоеванные и колонизированные народы потеряли все права, которые стали привилегией оккупантов. Затем угнетение «чужих» (территорий за пределами метрополии) преобразовалось в тиранию «своих» (населения метрополии). Э. Берк предвидел такое преобразование, образцом которого стала Ирландия. Британская империя – это современный эквивалент Римской империи, поскольку поведение англичанина в доминионах не отличалась от поведения в метрополии. Там и здесь англичанин был гражданином, господином и властителем, процветая за счет уничтожения обычаев и институтов завоеванных народов.

Французская империя на словах подчеркивала отличие от Британской империи, утверждая всеобщее равенство прав. Но эта идея вызвала противодействие самих колонистов и других групп интересов (независимо от названия территории департаментом, протекторатом или колонией). И потому французские колонисты не занимались обоснованием собственного превосходства над аборигенами.

Дихотомия империализма и нации впервые проявилась тогда, когда главной проблемой политической жизни метрополии стали колонии, а не жизнь населения метрополии. Колонизация решала внутренние проблемы (нищеты, борьбы классов, перенаселения), претендуя на соответствие общим интересам населения метрополии и приоритет над целями всех партий. В колониях администратор и колонист ощущал себя прежде всего французом, англичанином, русским, а не сторонником «левых» или «правых». Определяющий признак колонистов – раса (а не социальная деятельность и функция), выделявшая элиту и оправдывающая угнетение. М. Ферро подчеркивает: идея расы возникла до колонизации и империализма, но не была популярной. Империализм распространил и воплотил ее в жизнь, включая страны Европы. Здесь расистская идеология создала особый тоталитаризм, оправдывающий власть расово чистой «элиты» над другими европейцами.

Таковы основы концепции французского историка. Он применяет ее ко всем регионам мира, включая Россию.

Эталон наднациональной логики

М. Ферро описывает прежде всего специфику русской колонизации до 1917 г. Советская историография (после разгрома «школы Покровского») отрицала сходство западной и русской колонизации. На деле Новгород и Суздаль в XII в. колонизировали Прикамье для промысла пушнины, действуя совместно с угро-финской мордвой. Сегодня численность мордвы равна численности эстонцев. Но эстонцы живут компактно и обладают государством. Мордва рассеяна среди нерусских групп бывшей империи (только 25% мордвы проживает в автономной республике вокруг Саранска). М. Ферро считает этот факт показательным примером полной ассимиляции мордвы в рамках русской колонизации и описывает ее другие свойства.

Увеличение массы налогоплательщиков – исходный мотив русской колонизации. Монгольское иго прервало колонизацию. После распада Золотой Орды она обновилась. Падение Казани сокрушило татарское государство. Русские начали расширять экспансию по обе стороны Урала. Экспансия на север по Каме продолжила сложившуюся тенденцию. Восточная сторона Урала называлась *Сибирью* и занимала территорию более миллиона квадратных километров. Но по мере экспансии на восток термин *Сибирь* *расширился* до Тихого океана. Таков архетип московской топонимической агрессии.

После 1558 г. вектор экспансии определялся инициативой братьев Строгановых. Они получили привилегию на эти края от Ивана Грозного и стали их суверенами, обязываясь защищать территорию от Ногайской и прочих орд²⁹. Вначале Строгановы основали и заселили колонистами монастырь Писко на Каме. В 1647 г. в районе насчитывалось 2004 жителя, которые из свободных превратились в данников. Затем пошел в поход атаман Ермак с отрядом в 600 человек. Строганов снарядил его оружием и амуницией. Следуя вверх по реке Утке, Ермак занял Тюмень. В виду приближающегося казаков Ермака хан Кучум сказал: «Ударим по ним без всякого опасения, ибо эти варвары никакой опасности не представляют, а с нами боги». После этого аборигены пошли на битву как на праздник. Ермак приказал стрелять. Подобным образом были подчинены са-

²⁹ «Я, Иван Васильевич, царь и великий князь всея Руси, дня 4 апреля 7066 (1558) г., по представлении мне челобитной, в которой говорится, что в нашей отчине по реке Каме, у истоков великой Перми, страна опустошена, и никакая дань не достигает моей Казны, что страна эта еще никому не отдана и поелику Григорий Строганов сделал прошение об этой территории, желаю заложить там новый город, корчевать и обрабатывать землю и призвать людей, не платящих дани, чтобы вели там поиск солеварен, признал ему эту территорию».

моеды и остяки, которые платили дань пушниной. Судьба Ермака легла в основу исторической легенды героя-авантюриста, который подарил царю территорию в 6000000 квадратных километров.

Русский путь колонизации – это сокращенный эквивалент португальского пути к Мысу Доброй Надежды. Португальцы окружали османов с юга, русские окружали остатки монгольской империи с севера. Те и другие стремились достичь Дальнего Востока для обогащения. В 1465 г. португальцы пересекли Гвинейский залив. Одновременно русские купцы начали двигаться на восток. В 1466–1472 гг. Афанасий Никитин достиг Индии. Экспансия шла от реки к реке путем постройки крепостей, хотя поначалу цари сомневались в эффективности такого способа овладения территорией. Русские достигли Оби и Иртыша (1585 г.), Енисея (1628 г.), Амура и Колымы (1640 г.), Камчатки (1649 г.). Якутск построен в 1632 г. - раньше Монреаля.

Маньчжурия задержала русский *Drang nach Osten* подписанием Нерчинского трактата (1689 г.). Поглощение восточных территорий *предшествовало* экспансии России на юг и запад (Азов взят в 1701 г., Инфланты в 1710 г.). Этим объясняется крайне болезненное отношение России к пограничным конфликтам с Китаем и Японией, которые тоже занимались колонизацией.

В частности, японская экспансия и колонизация древнее их описания в западной историографии. Согласно европоцентристскому шаблону, появление европейцев (португальцев, испанцев, голландцев и англичан) в Японии знаменует новый этап освоения мира. В памяти Европы 1543 г. считается датой первых морских столкновений с японцами. В середине XVI в. Франц Ксавери начал христианизацию Японии, вследствие чего возникла проблема национальной идентичности страны. По этой причине Япония прервала все контакты с иностранцами на 300 лет. В середине XIX в. Запад опять вторгся в Японию, после чего она модернизировалась и наследовала Запад в такой степени, что сама превратилась в империалистическое государство.

М. Ферро считает: если устранить западничество из истории Японии, то первая японская колонизация параллельна стремлениям Запада и России в XVI в. колонизировать Дальний Восток. В это время Япония освободилась от китайского ига и начала создавать свою колониальную систему. Вначале она возникла на севере – уже в XIII в. сегун начал контакты с айнами островов Езо и Хоккайдо. Айны подчинялись своим племенным вождям, обладали самобыт-

ной культурой и эпосом. В XIV–XV вв. японцы северного Хондо расширили свою власть на стров Езо. А в 1604 г. самурайский клан Мацумаи получил право монопольной торговли на севере, включая контроль за проживающими там японскими купцами и аборигенами-айнами. Так айны попали в рабство – им запретили иметь рисовые поля и превратили в данников. Спустя непродолжительное время айны стали париями и бродягами. Самое крупное восстание 1669 г. против японцев закончилось поражением.

Одновременно на юге японцы захватили остров Рюкю и начали подчинять Корею. До XV в. Корея и Япония подчинялись Китаю. Первая процедура разрыва с Кореей состояла в том, что Япония при обращении к корейскому королю начала пользоваться японским (а не китайским) календарем. Во второй половине XVI в. Япония освободилась от вассальной зависимости от Китая, а в 1592 г. японцы послали первые войска на захват Кореи. В 1607 г. прием корейского посла был осуществлен по правилам признания ленной зависимости Кореи от Японии³⁰.

Португальцы создавали на Дальнем Востоке нечто вроде «торгового треугольника» Макао, Японии и Лиссабона для оживления товарообмена. Япония развивала политику контроля над базами (острова Рюкю) в единстве с территориальной экспансией Хоккайдо. Триста лет спустя японцы напомнили об этом всем заинтересованным странам.

Совместный надзор. Русско-английский контроль Кавказа и Средней Азии – следующий фактор русской колонизации. Главной колонией Англии была Индия, которую Англия контролировала до Гималаев. Россия двигалась на юг с северо-запада Гималаев. После Крымской войны движение стало опасным для англичан. Поэтому англичане и русские внимательно следили за обоюдной экспансией. Взаимное недоверие получило название «войны слона с китом» и длилось с 1829 по 1907 г. Войне предшествовали конфликты на Балтике и судьба английской Московской Кампании. Недоверие сохранилось и после подписания трактата (1907 г.) о разделе Персии на сферы влияния России и Англии. Русско-английские союзы против Германии 1914 г. и 1941 г. ничего не изменили в Иране и в Афганистане. Последствия взаимного недоверия проявились в 1950–1990 гг.

Жадность русских царей к захвату новых территорий была ненасытной. После занятия Сибири и Аляски царь в 1821 г. царь по-

³⁰ См.: Ferro M. Op.cit., s.60–61.

требовал обеспечить русским кораблям монополию торговли и навигации на северо-востоке Тихого океана вплоть до 51 градуса северной широты, т.е. в Калифорнии. В ответ президент США принял «доктрину Монро» (1823 г.), согласно которой европейские державы не должны расширять сферы влияния на любую часть обеих Америк: «Наши континенты обрели автономию и независимость и желают ее поддерживать. Поэтому никто и никогда в будущем не должен рассматривать их как колонии любого европейского государства».

Зато Закавказье превратилось в колонию России. Чтобы страна не попала в руки мусульман-персов, грузинский царь отрекся от трона в пользу русского царя. После победы над Персией генерал Паскевич навязал ей Туркманчайский мирный договор (1828 г.), согласно которому часть персидской Армении отходила к России. В войнах с Турцией Паскевич тоже победил. По Андрианопольскому миру (1829 г.) турецкая Армения присоединялась к царской империи. Западные державы упустили из виду, что эти изменения (после потери Греции и Египта Османской империей) нарушили равновесие на Ближнем Востоке. По сообщениям французского консула в Трапезунде, царь умножал происки для сокрытия захватнических планов. Например, в Андрианопольском трактате Абхазия не упоминалась, хотя Россия «проглатывала» ее на протяжении восьми предшествующих лет и фактически это сделала по мере захвата Восточного Кавказа. Лишь после 1830 г. Россия столкнулась с сопротивлением Шамиля, длившемся до 1859 г.

М. Ферро исходит из того, что Кавказская война России и Алжирская война Франции *идентичны*. Такое сравнение высказано публицистом газеты «Le National» (1844 г.), географом Воейковым (1914 г.) и историком Хаммером (1991 г.). Подобие вытекает из факта: агрессоры наступали на горы с равнин, не обладая строгим планом захвата территории. Десмишель в Алжире и фон Клюгенау на Кавказе вели переговоры от имени монархов. Парадоксальность ситуации состояла в том, что при заключении договора с противником России и Франции доставались равнины. Тем самым договоры *укрепляли положение противника*, несмотря на поддержку Россией и Францией соперников Шамиля и Абдель-Кадера в борьбе за власть.

В любом случае овладение территорией влекло за собой множество жертв – при отсутствии определенности в их необходимости. Иначе говоря, русская и французская дипломатия укрепляла силу противника на Кавказе и в Алжире перед разрывом «достойного

мира». Победа России и Франции стоила большой крови. После нее возникла русская легенда о *славном Шамиле*, по аналогии с французской легендой о *смелом Абдель-Кадере*. Так центры империй *возвышали* собственных противников.

Европейские либералы считали, что слава Шамиля оказала электризирующее влияние на жителей Кавказа и одновременно предостерегала Запад перед русскими захватами. Главные европейские державы должны вмешаться в Кавказскую войну и не позволить деспотическому государству развивать свою энергию с целью уничтожить свободу на Кавказе: «Санкт-Петербург опасается, как бы либерализм не овладел черкесским вопросом подобно греческому вопросу»³¹. М. Ферро напоминает: парижские и лондонские либералы осуждали царя-самодержца, одновременно оккупируя Алжир и Белуджистан. Во время Крымской войны Париж и Лондон делали ставку на Шамиля. Но Франция и Англия не имели элементарных сведений о территории Северного Кавказа. Поэтому оставался неясным вопрос: как соединиться с черкесами для совместного удара по русским войскам? Мнимым «знатоком территории» выступала Турция в надежде на повторный захват Северного Кавказа и Абхазии, которые совсем недавно находились под ее протекторатом.

Так Кавказ впервые вышел на арену международной политики. В 1830 г. английский дипломат Д. Уркарт анонимно опубликовал брошюру на английском и французском языках «Англия, Франция, Россия и Турция», которая выдержала три издания в Англии. В этом труде Уркарт описал экспансию России в сторону Черного моря и предупреждал общественное мнение Европы: после захвата проливов Россия будет контролировать все Средиземное море, из-за чего возникнет проблема свободы мореплавания; западным державам надо объединиться для поддержки восстания на Кавказе; Грузия тоже ждет сигнала сбросить московское иго; сотни тысяч храбрых и вооруженных жителей Кавказа находятся в мнимой зависимости от Москвы и готовы атаковать русских.

Но либеральная фразеология не отменяет факта: Крымская война завершилась следствиями, противоположными намерениям ее инициаторов. Она сама была следствием обоюдного недоверия, включая стремление России разрушить Османскую империю во имя православия и освобождения славянских народов. Англия и Франция этого не желали. Поэтому они плюнули на христианскую солидарность, защиту «прав наций» и стали на сторону мусульман не

³¹ Ibid., s.103.

столько для защиты Турции, сколько в видах ее раздела между собой (по аналогии с дележом Польши между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией). Западные державы победили, сдержали русскую экспансию, одновременно ослабив положение Турции на Балканах, хотя начинали войну в целях усиления Турции. В этом смысле они сыграли на руку России.

Однако Британия и Россия остались непримиримыми врагами в Средней Азии и на границах Индии. Здесь экспансия была обоюдной, а конфликт – неизбежным. М. Ферро анализирует цели российской экспансии в Средней Азии. Согласно марксистской традиции, первая фаза империализма (1865–1885 гг.) была военно-феодальной, а затем возросла роль экономики. Однако влияние экономики на первой фазе экспансии было незначительно именно потому, что сама фаза была следствием стремления царя создать выгодные условия русской торговле в Средней Азии. Но частный капитал не поддержал эту политическую акцию.

Например, договоры с Кокандом, Бухарой и Хивой подписаны в 1868–1873 гг., а производство хлопка (непищевого растения) началось только в 1890 г. Финансовые интересы России при захвате Средней Азии не играли никакой роли, поскольку царь не исключал, что указанные государства попадут под влияние Турции. Значит, России захватила эти территории *превентивно*. Главная причина русской аннексии Средней Азии – желание держать иностранцев на дистанции, одновременно поддерживая *изоляция* среднеазиатских государств. Русские министры Гирс и Черняев сразу поняли экономическую бесполезность оккупации Средней Азии.

Стремление *держат* на дистанции – главный мотив противодействия России (до 1910 г.) английскому проекту строительства железной дороги в Персии, соединения ее с Кавказом и договор Скотта-Муравьева (1899 г.), на основе которого Англия пообещала России отказаться от строительства железной дороги и противодействовать любому проекту строительства рокадных дорог вдоль российско-китайской границы.

Россия пыталась внедриться в экономику буферных государств – Персии и Маньчжурии. Но русская торговля не могла конкурировать с английской и японской из-за отсталости российского бизнеса. И все же российские товары продвигались в Османскую империю (Анатолия, Курдистан), Синьцзян, Персию (куда получила доступ и Германия) и Афганистан. В этих районах российская торговля до 1914 г. увеличилась в три раза, достигнув 38% импорта в Кабул;

Англия занимала 62% в торговле Афганистана. Именно здесь вспыхнул англо-русский конфликт.

В 1872–1873 гг. царь подтвердил, что Афганистан находится вне сферы влияния России. В ответ англичане предприняли поход из Индии, заняли Белуджистан и пытались контролировать режим в Кабуле, чтобы тоже держать русских на дистанции. В итоге британская миссия была вырезана (1879 г.). Но экспедиция лорда Роберта снова взяла Кабул. В ответ Россия захватила Мерв, Пяндж и перевал Зульфикар – прямой путь в Афганистан. Возник кризис. Англичане снарядили эскадру во Владивосток. В 1885 г. заключен договор, по которому Пяндж остался под контролем России, а перевал Зульфикар отошел к Афганистану. Затем конвенция в Симле «прирезала» Афганистану узкую полосу территории для предотвращения общей границы между Россией и Индией. Сто лет спустя «афганский палец рукавицы» стал ядром конфликта между Таджикистаном, Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном. Таковы плоды дипломатической деятельности.

Перед смертью Александр III завещал Николаю II: «Постоянно думать, но никогда не говорить об Индии». Царь предвидел, что Германия (она лишь начинала экспансию на Ближний Восток) извлечет пользу из англо-русского конфликта. Цель английской восточной политики – держать русских на дистанции от теплых морей и не допускать к Персидскому заливу. В 1892 г. лорд Керзон выпустил книгу о Персии, в которой доказывал, что Англия и Персия рискуют оказаться в ситуации Бухары и Хивы. Царь эксплуатировал северную Персию и одновременно она была пронизана русским революционным движением. В этом смысле цели русского царя и русских революционеров *совпали*. Англия хотела обладать равноценной сферой влияния на юге Персии. При заключении договора об Антанте в 1904 г. Франция посредничала при согласовании интересов «кита и слона». Согласно трактату 1907 г. Персия была разделена на российскую и английскую сферы влияния. Такое положение сохранялось намного дольше времени действия трактата. Исторические обстоятельства после 1907 г. многократно менялись. Несмотря на это, англичане и русские оккупировали Персию в 1942 г. и побратались на этом первообразе «линии Одер-Нейсе». Это свидетельствует о сходстве английского и российского империализма.

Итак, трактат 1907 г. завершил ситуацию взаимной агрессии, проявлением которой был англо-японский договор 1902 г. Этот акт развязал руки Японии. Она начала проводить наступательную по-

литику в Китае и Маньчжурии. Эта политика привела к русско-японской войне 1904–1905 гг., которая породила *имперское наследство* – следующее свойство колонизации. М. Ферро иллюстрирует специфику такого наследства на примере Курильских островов.

Конфликт по поводу Курил – последний эпизод русско-японского соперничества в XX в. Его истоки уходят в XIX в., когда японские и русские рыбаки Хоккайдо и Камчатки затеяли спор об островах, которые по-русски называются Курилами, а по-японски – Тысячей островов. На деле острова открыты голландцами в 1643 г., а спорная проблема впервые решена в 1855 г. договором в Шимода: большой остров Сахалин был объявлен собственностью обеих стран; на Курилах граница России и Японии проходила между островами Уруп и Эторофу, т.е. вблизи с Хоккайдо – японской колонией. Конфликт порожден проблемой определения: являются ли острова Хабомаи и Шикотан (вблизи Езо-Хоккайдо) частью японской колонии или относятся к Южным Курилам? Виновником проблемы является Япония, которая бюрократически присоединила острова к Курилам. Спор урегулирован петербургским трактатом (1875 г.): Россия отказалась от Курил взамен за весь Сахалин. После войны 1904-1905 гг. Япония захватила южную часть Сахалина, одновременно удерживая все Курилы. В 1945 г. СССР занял Курилы, что было подтверждено договором в Сан-Франциско (1951 г.). В итоге острова Хабомаи и Шикотан стали советскими, поскольку согласно японской дефиниции «группа Курил» включала все острова между Езо-Хоккайдо и Камчаткой³².

Современная Россия в споре о Курилах опирается на победу СССР – несуществующего государства, и на декреты японской бюрократии прошлого столетия в целях сохранения за собой всех островов до Хоккайдо. Япония желает возврата к Петербургскому трактату, отказываясь от права на Сахалин. Наиболее разумной остается старая линия раздела, определенная в Шимода. Однако разум никогда не руководил народами и государствами, отмечает Ферро. Имперская дипломатия была и остается продуктом войн, аннексий и колонизации.

Присоединение и завоевание наций. Для описания специфики русско-советской аннексии М. Ферро применяет сравнительный

³² См.: *ibid.*, s.117. Из российских публикаций на эту тему укажем только одну работу: Латышев И. Япония, японцы и японоведы. Москва, Алгоритм, 2001. Хотя она получила скандальную известность, но дает неплохое представление о том, что ни Япония, ни Россия не рассматривают проблему Курил в контексте совместного отказа от колониально-имперского наследства. См.: Латышев И. Указ.соч., с.744–823.

подход. Политика Португалии и Франции была направлена на ассимиляцию и интеграцию колонизированных наций. Британия создавала «государство благоденствия» на основе либеральной трактовки «общего блага». Отделение Соединенных Штатов показало бесплодность такой политики. Россия до 1917 г. при решении проблемы аннексии руководствовалась *наднациональной логикой*. Первый и главный признак Российской империи – отсутствие этнических оснований многонационального государства, в котором разные нации подчинялись одному монарху (Российская империя). Поэтому Россия всегда репрессировала тех, кто выступал против царя во имя национальной идеи.

Такая политика породила постоянные внутренние потрясения и войны. Исходная проблема русских царей – поглощение татар на фоне постоянной угрозы со стороны Польши и Швеции. Поглощение включало два этапа:

- аннексия Поволжья в XVI–XVIII вв. (район проживания татар, башкир и черемисов) и ее завершение после разгрома восстания Емельяна Пугачева;

- присоединение Крыма (1783 г.) породило проблему, которая не решена до настоящего времени.

В обоих случаях аннексия осуществлялась по шаблону *невыполнения обещаний*. Правда, опыт поглощения казанских татар принудил Екатерину II больше пообещать крымским татарам. Реальным исполнителем обещания оказался Сталин, выселивших татар за пределы Крыма.

По отношению к колонизированным христианским нациям Россия вела себя иначе. Наднациональная логика включает следующие этапы:

- оккупация христианских государств – Грузии, Армении, Польши, стран Балтии и т.д.;

- проведение политики разрыва с прошлым, цель которой сводилась к русификации;

- переоценка прежней национальной политики в соответствии с советскими стандартами после 1917 г.

Распад Золотой Орды завершился появлением ряда татарских (тюрко-монгольских) ханств. «Казань – сухая ветвь – отпала от засохшего дерева Золотой Орды, и принесла горький плод – второе государство под властью другого князя Орды». Казанское ханство непосредственно угрожало Московскому государству. На землях Казанского ханства проживали турецкие татары, чуваша, башкиры,

угро-финские племена черемисов (марийцев), мордвы и вотяков. Москва некоторое время платила дань Казани и другим наследникам Золотой Орды, хотя русские историки XIX в. отрицали этот факт.

Иван III первым понял пользу «великой замятни» - конфликтов между наследниками Чингис-Хана. Татарские царевицы нередко уходили в Москву и одновременно поддерживались частью казанской олигархии. Эта ситуация стала основанием первой попытки Москвы (1468 г.) овладеть инициативой. Казанский хан заключил союз с Москвой против крымских татар – другой ветви Золотой Орды. В ответ крымский хан начал претендовать на Казанский престол. Москва начала искать более стоворчивых союзников, роль которых сыграли черемисы, а пользу извлекла Москва. Поход на Казань имел своей целью окончательный разгром «безбожных сарацинов, которые хорошо знали свою страну» (как писал князь Курбский) и призвали Литву ударить на Москву с тыла. Но Иван IV победил. Падение Казани облегчило положение народов, вынужденных подчиняться власти татар.

«И все же *Rex Rossica* не состоялась», – пишет Ферро. Восстания татар, черемисов, чувашей, мордвы, башкир продолжались более 200 лет – до восстания Е.Пугачева (1772–1775). Русские казнили всю знать казанских татар, остальных принудили платить земельный налог и выполнять другие повинности. В 1767 г. казанские татары представили Законодательной Комиссии Екатерины II «Жалобную книгу», в которой описали собственную двухсотлетнюю службу Москве и выразили согласие с русским правлением: «Мы служили Самодержавному Императору Петру Великому, благословенной и доброй памяти любимому деду Вашего Императорского Величества, и принимали участие во многих войнах и битвах – в 1614 г. против беглого монаха изменника Гришки, в 1612 г. против татарских бунтовщиков из казанской провинции, в 1639 г. защищали Самару от калмыков из Астрахани, в 1654 г. защищали Смоленск от поляков, а затем участвовали в подавлении башкирского бунта». В 1660 г. число иноплеменников на службе русского царя составляло около 2000 человек, а 50 лет спустя оно было в 20 раз больше³³.

Но бесконечные экспроприации и битвы за независимость лишили собственности и истребили прежнюю татарскую элиту и правящий класс. Земля и другие трофеи достались царю, православно-

³³ Ibid., s.166.

му духовенству и татарским боярам, состоявшим на московской службе. Большинство колонистов были военными. После военной колонизации пришли духовные колонизаторы. В любом случае захваченная территория охранялась законом. Уложение царя Алексея (1649 г.) запрещало русским боярам, дворянству и представителям всех сословий покупать, обменивать, принимать в заклад и арендовать земли татар, мордвы, чувашей, черемисов, вотяков и башкир. Все перечисленные не имели права покупать земли русских колонистов. Это способствовало тому, что *небольшое число захватчиков-колонистов установило асимметричное равновесие*, суть которого – стабилизация собственности на землю.

Затем была проведена жестокая христианизация чувашей, черемисов и мордвы. Татары сопротивлялись, требовали разрешить строительство мечетей и выдачу паспортов для посещения Мекки. Но православная церковь использовала против татар давно известные на Западе процедуры:

- изъятие детей;
- принудительное крещение взамен военной повинности;
- «магометанские школы» под надзором православного духовенства.

В XIX в. сохранение ислама стало важнее татарского патриотизма. По переписи 1897 г. в России проживало 2,3 млн. казанских татар. Они противодействовали политике русификации, но постепенно дифференцировались: владели третью промышленных предприятий Казанской губернии; контролировали торговлю со Средней Азией; образовали первое мусульманское государство с сильным и образованным средним классом. Казанские татары были лидерами национальных движений в Российской империи. Первое мусульманское феминистское движение тоже возникло в Казани до 1917 г.

Колонизация башкир проходила иначе. Башкиры оставались разобщенным полукочевым обществом, которому нетрудно было навязать русское право и заставить платить дань. Русские колонисты освободили башкирскую аристократию от дани и предоставили ей статус тарханов. Для обработки земли башкиры нанимали беглых чувашей, вотяков и татар. До середины XVII в. число русских колонистов было незначительно. Но они были оседлыми, вследствие чего начался конфликт с кочевниками-башкирами. Конфликт стал постоянным после договора 1728 г., закрепившего права и обязанности государства, башкирских племен и русских колонистов. Первые признаки национального сознания появились в 1754 г. и вырази-

лись в первом национально-мусульманском движении. Его вождем стал Абдулла Мигсалдин - татарин, который хотел с божьей помощью прогнать русских и призывал единоверцев: «Не сотрудничайте с русскими грязными свиньями, проливайте их кровь, разоряйте их жилища и превратите их в рабов». В ответ последовали такие репрессии, что многие башкиры добровольно ушли в рабство к киргизам из опасения перед геноцидом. Но уцелевшие активно участвовали в восстании Пугачева. В конце 1774 г. Н. Панин докладывал Екатерине II: «Бунтовщики и башкиры заново подчинены скипетру Вашего Императорского Величества».

Так отпала первая ветвь Золотой Орды. Вторая начала чахнуть после присоединения Крыма к России. Теперь проблема переплелась с международными конфликтами и вышла за рамки российско-татарского конфликта. Крымские татары были вассалами Османской империи. Но затем заключили союз с персами и начали освободительную войну с турками. Чтобы достичь театра военных действий (район Дагестана), они двинулись через степи Приазовья. Азов в то время уже принадлежал России. Это дало повод России вмешаться в региональный турецко-татарский конфликт и аннексировать Крым. В это же время греки и армяне вынуждены были бежать от преследований турок и селиться вокруг Азовского моря.

Аннексия Крыма подвигла императрицу на манифест: «Мы обещаем жителям Крыма от нашего имени и наших наследников удерживать их равные права с нашими наследственными подданными, сохранить и защищать их личности, имущество, святыни, веру их предков, которая останется нерушимой. Обещаем также, что каждое состояние получит права и привилегии, какими пользуются соответствующие состояния в России. Взамен за мир, какой мы им приносим, мы требуем и ожидаем, что они были столь же лояльны, как наши подданные, и настолько же преданные, чтобы тоже заслужить императорскую ласку»³⁴.

В дополнение к манифесту «Северная Семирамида» направила декрет князю Потемкину (генеральному губернатору Новороссии) и потребовала собирать налоги (таможенный, соляной и т.д.) таким образом, чтобы «они не превратились в тягость для населения. Поступления от налогов должны направляться на обслуживание мечетей, школ и приютских домов. Надо воздвигнуть памятник в честь присоединения Крыма и татарских земель к Российской империи.

³⁴ Все цитаты из официальных документов и других источников М. Ферро приводит по английским изданиям работ Г.Вернадского.

Наконец, ни один из наших новых подданных не должен нести военную службу против своей воли и желания».

Аннексия Кавказских «провинций» (особенно Грузии) послужила причиной дискуссии о статусе новых территорий. Она проходила в 1820 г. вокруг вопроса: являются ли данные территории колониями? «Эти приобретения можно назвать нашими колониями с полным основанием, поскольку они дают нам колониальные товары. Мы называем их колониями, поскольку правительство не включает данные территории в систему государства, не делает из них части России и не русифицирует их население. Правительство желает сохранить их как азиатскую, но хорошо управляемую провинцию». Итак, Александр I считал колонией то, что во Франции называлось протекторатом. Земли в центре России (татарские и другие) уже стали частью государства, а их жители на практике убеждались, как русские цари выполняют обещания.

Та же судьба постигла новые территории – Грузию, Финляндию и Польшу, захваченные в эпоху революций и Наполеоновских войн.

Манифест о присоединении Грузии (1801 г.) напоминал обстоятельства, заставившие грузинского царя Георгия принять опеку России, которая согласилась присоединить Грузию «навсегда». Грузия сохранила контроль над своей территорией, а население получило тот же статус, который существовал в России. Манифест об аннексии Финляндии (до 1809 г. принадлежавшей Швеции) провозглашал сохранение прав, обычаев и религии края и гарантировал свободы и права сословий. Отсюда вытекало признание царя в «добровольной присяге Финляндии на верность России». Царь-самодержец России признавал: финским царем он является в результате выборов.

В 1815 г. после Венского Конгресса Александр I получил главную часть территории Польши и проявил либерализм, придав Польше статус государства. Правда, оно не имело права проводить независимую зарубежную политику, зато пользовалось благами конституции: свободой печати (ст.16), сохранения оригинальных мундиров польского войска и остальных признаков польской нации (ст.156), включая ордена Белого Орла, Святого Станислава и т.д. (ст.160). Поляки первыми ощутили блага действительного конституционного строя, которых были лишены русские. Александр I высказал пожелание, чтобы польская конституция послужила примером для остальных русских подданных. Однако либеральные веяния конституции 1815 г. и призыва к польскому сейму 1818 г. про-

существовали всего несколько лет. Конституция легитимизировала восстания декабристов и польские восстания XIX в.

Политика повторных захватов

М. Ферро показывает, что главная цель национальной политики советской власти сводилась к *повторному захвату* Украины, Грузии и Армении, получивших независимость в период гражданской войны. Аннексия осуществлялась в три этапа:

- военная оккупация;
- навязывание оккупированной территории союза с Россией;
- ликвидация дипломатии и вооруженных сил бывших независимых территорий.

На Украине, в Грузии и Армении этот процесс завершился при Ленине (1923–1924 гг.). Другие нации прошли тот же путь при Сталине, который ликвидировал структуры, противодействующие унификации СССР (исламский социализм Султан-Галиева, еврейский Поалей-Сион и пр.).

Большевики в 1918 г. не представляли, что освободившиеся в результате революции нации возродятся в виде самостоятельных государств и будут насильственно объединены в одну страну. Ленинская критика «великорусского шовинизма» направлялась не по адресу. Вдохновители и исполнители этой политики были авторитарно-централистскими неоякобинцами, а не великороссами. Только в Грузии советская интервенция наступила после ухода германских войск и эта страна была вынуждена подписать союзный договор с Россией. По отношению к остальным территориям неоякобинцы применяли следующие методы:

- ограничение права на самоопределение наций рабочим классом (Финляндия, Украина) или партией рабочего класса (Бухара);
- стимулирование национализма (для создания Беларуси за счет Польши и балканизации Туркестана);
- вторичный захват территории под предлогом «предотвращения иностранной интервенции» (со стороны Турции, Японии и т.п.).

По отношению к повторно захваченным территориям политика советской власти сводилась к следующим действиям:

1. Дерусификация организаций, определяющих статус нерусских территорий (Комитет по делам Кавказа, Мусульманский Комитет, Комитет издательства «Жизнь национальностей» и пр.). В начале Наркомнац состоял из нерусских, хотя трудно было найти большевиков – представителей всех наций Российской империи.

2. Борьба с царской русификацией путем возрождения национальных культур. Такая политика способствовала возрождению (Армения) и появлению национальных культур (некоторые народы Кавказа), устраняя явные и тайные фрустрации: «Советская власть может считаться эталоном стимулирования и использования в собственных интересах культур нацменьшинств (например, калмыков). Однако впоследствии эта политика возродила прежнюю вражду народов Туркестана – узбеков, казахов, таджиков и т.д.»³⁵.

Так возникла *дихотомия* между марксистской концепцией социального развития (воплощенной в советизации) и ленинско-сталинской этнической политикой (ее последствия проявились полвека спустя):

1. Образование национальных и государственных единиц по принципу куклы-матрешки (федеративные республики, автономные республики, автономные округа, автономные области, края) позволило создать нерусскую интеллигенцию и доверить ей местные квазигосударственные функции. Со временем эти функции умножались и расширялись. Последствия проявились в период перестройки. Бакинская милиция целиком состояла из азербайджан, враждебно настроенных к армянам. Ереванская милиция была армянской и т.д. *Практический национализм в СССР возникал прежде всего внутри репрессивных органов и в армии.*

2. Постоянный рост числа нерусских кадров в федеральной конституционной системе общесоюзного уровня. Об этом свидетельствуют функции Сталина, Микояна, Хрущева, Шеварнадзе, Алиева и т.д. Этот процесс шел медленно, но неотвратимо. Зато на вершине партаппарата с середины 1920-х гг. формировалась противоположная тенденция – рост числа русских (особенно в ЦК КПСС).

Контраст указанных тенденций позволяет зафиксировать *предпосылки распада СССР* в 1989–1991 гг. К этому времени во главе страны находились славяне, а в руководстве республик Кавказа и Средней Азии русских не было. Речь идет о следующих феноменах:

1. Статус двойной национальности (федеральной и национальной) для большинства не-русских служил политическим авансом, но одновременно дискриминировал граждан, национальность которых не имела территориального статуса (прежде всего евреев). Свобода выбора национальности каждым советским гражданином оставалась фикцией. Если человек хотел оставаться евреем, он вынужден был согласиться с дискриминацией. Если еврей хотел быть обыч-

³⁵ Ibid., s.170.

ным советским человеком (русским или татарин), выбор национальности наталкивался на расистскую реакцию функционеров коренной нации (особенно на Украине и в России). Для выхода из положения в Восточной Сибири была образована Еврейская автономная республика, затем преобразованная в автономную область (1934 г.). Но накануне распада СССР там проживало менее 10000 евреев.

2. Правовая советизация русских и не-русских унифицировала правовое положение и политическую культуру всех наций. Одновременно было проявлено насилие в отношении казачества в гражданской войне и народов, которые сотрудничали с немцами во второй мировой войне (крымские татары, чеченцы, ингуши, приволжские немцы и т.д.). Поскольку вершина союзной иерархии постоянно русифицировалась, послевоенная советизация преобразовалась в русификацию (особенно на Украине, в Прибалтике и Молдавии). Рост числа общесоюзных законов тоже был аспектом русификации, поскольку унификация правового статуса подрывала специфику национальной идентичности. Сопротивление русификации выразилось в следующих явлениях: незначительном числе смешанных браков в мусульманских республиках; отказе населения прибалтийских республик говорить по-русски; на Украине и в Грузии оно воплотилось в культурных, политических и религиозных формах.

3. Наконец, русское национальное сознание начало реагировать на колонизацию важных социальных сфер (СМИ, наука, культура, торговля) определенными нациями (евреями, грузинами, армянами). Пробуждение русского национального сознания кардинально отличалось от сопротивления других наций и в 1980-е гг. приобрело форму скрытой оппозиции советской власти.

Положение в СССР накануне распада сопоставимо с ситуацией в Алжире в 1950-е гг. В отличие от Алжира в СССР республики приобрели фактическую самостоятельность, а подобие состоит в том, что в Алжире аборигены считали себя мусульманами, арабами и алжирцами по отношению к французам. В Средней Азии аборигены тоже ощущали себя мусульманами, турками, персами, узбеками и таджиками, причем, таджики считали себя центром всего персидского народа. В этом смысле Таджикистан – единственный советский пример экспансии посредством колонизации.

Колонизованная нация как средство экспансии. В СССР не проводилось различие между аннексией и колонизацией территорий. На Западе аннексия определяется как завоевание (оккупация)

народов и позволяет установить различие между российско-советской аннексией балтийских стран и колонизацией Кавказа и Средней Азии. В западном смысле слова приобретения России на Кавказе и в Средней Азии являются колониями. Статус советских республик определялся разными критериями, которые бесконечно уточнялись официальными идеологами производно от конъюнктуры. В отношении несоветских соседей Москва применяла модель, цель которой сводилась к подготовке их присоединения к СССР. Это открывало дорогу безграничной экспансии. Бытие компартий закрепило практику *социальной* (а не политической) *аннексии*. Подчиненные партии находились вне империи как средства советской экспансии.

Этот процесс наиболее ярко проявился в Таджикистане. А его начало обусловлено независимостью Финляндии в соответствии с правом самоопределения наций. Сталин считал, что это «право применено вопреки нашей воле, поскольку оно дано социалистическим правительством не народу, а буржуазии» (декабрь 1917 г.). Поэтому Москва сразу признала финское большевистское правительство в Тампере. Но в Финляндии большевики потерпели поражение. Поэтому они сдвинули право самоопределения наций на рабочий класс и применили такую тактику на Украине: Москва признала Харьковское, а не Киевское правительство (избранное Киевским советом). Однако опыт Финляндии и Украины показал сопротивление национального рабочего класса экспансии Москвы. Поэтому второй сдвиг права самоопределения наций имел место в Бухаре, когда «партия рабочего класса» была признана правомочной инстанцией.

Не менее широко применялся другой метод – создание национальных приграничных движений для давления на соседнюю страну с целью повторного захвата части ее территории. Эта практика применялась в Карелии для присоединения к СССР ее финской части, а также в Белоруссии, в которой существовало движение автономистов, но социалисты его не признавали до 1917 г. После 1920 г. Сталин подстрекал белорусских большевиков претендовать на часть Литвы и Польши. Оба метода применялись в советской и иранской части Азербайджана и Таджикистане и иллюстрируют бесконечный горизонт советского экспансионистского мышления.

Территория таджиков примерно соответствует древней Согдиане – цивилизации, давшей миру Авиценну и Фирдоуси. Но она всегда была яблоком раздора персоязычной Бухары и туркоязычного

Коканда, населенного узбеками. Для выхода из положения в советском Узбекистане была образована Таджикская автономная область. Этот акт возродил национальную идентичность таджиков, в которой большую роль сыграли школьные учителя. Затем таджики поставили вопрос о «топорном делении» прежнего российского Туркестана, поскольку центры таджикской цивилизации (Бухара и Самарканд) находились в Узбекистане. У таджиков не было городов и они заново доказывали свою идентичность путем перевода таджикского языка на латинский алфавит: «Так латинизация вписалась в план национального самоутверждения»³⁶. Сталин поддержал это движение для ослабления узбеков, мотивируя поддержку крайней бедностью таджиков.

Создание Таджикской автономной республики (1925 г.) открывало широкие горизонты. Она была образована из восточной части прежнего Бухарского эмирата, а четыре года спустя преобразована в полноправную советскую республику. Этот акт осуществлен после полного разгрома басмачей и «предания забвению» авантюры Энвер-Паши, штаб которого находился в Душанбе. Так ответила Москва на падение собственного союзника – афганского короля Амануллы. Для придания большего веса Таджикистану, Москва прирезала ему крышу Памира – восточную часть Горного Бадахшана, хотя этот район населен киргизами и должен был войти в состав Киргизии. Но создание Таджикистана направлялось на укрепление его персидской идентичности для противовеса республикам с турецкой идентичностью.

Советская концепция истории таджиков превратила их в центр персидской цивилизации. Историк и первый секретарь Компартии Таджикистана Б. Гафуров утверждал, что «Спитамен был таджиком и 23 столетия тому назад прогнал Александра Македонского из нашего края. Кроме того, таджики первыми начали сопротивляться нашествию монголов. Таджикистан – родина великого поэта Фирдуси – помог персам возродить самобытную культуру, которая подавлялась реакционным режимом Тегерана». Персидский революционер А. Лахути превратился в «народного поэта Таджикистана» и пророчествовал, что Иран вскоре станет «незапятнанным и свободным подобно советской земле». «Пятно» означало нефтяную концессию Англо-Иранской Кампании.

Таджикистан стал плацдармом возрождения Персии и военной базой восстановления российского влияния в Афганистане. Послед-

³⁶ Ibid., s.173.

ний поворот этой истории имел место в 1979 г. Идея возврата Афганистана в зону советского влияния сохранилась потому, что Афганистан участвовал в гражданской войне в России в качестве военной базы и места дислокации басмачей. «Советская энциклопедия» писала, что таджики, узбеки и туркмены – главные нации Афганистана, но в СССР каждая из них является советским народом и имеет свое государство. Число таджиков в Афганистане оценивалось в 2–3 миллиона (24% в провинции Герат, 48% в провинции Кабул и т.д.). Советские «спецы по этнической истории» напоминали, что в ХУШ в. афганские племена Ахмад Хана захватили южную часть Бухарского ханства и таджикский регион Балх, что привело к распаду данного многонационального государства: «Исторические реминисценции обосновывали повторный захват части Афганистана и предотвращали любое вмешательство Кабула в дела прежнего Туркестана»³⁷.

При создании Таджикской автономной республики Сталин направил приветствие ее руководству: «Слава Таджикистану – новой республике трудящихся масс у ворот Индустана... Пусть она служит образцом и примером народам Востока». После установления независимости Индии (1947 г.) этот рецепт потерял смысл. Но не помешал лауреату Сталинской премии 1948 г. Мирзо Турсун-Заде призвать индусов присоединиться к Таджикистану, столица которого Душанбе-Сталинабад за 20 лет выросла от 5000 до 82000 жителей.

И все же возвышенные проекты советской экспансии в сторону Ирана, Афганистана и Индии столкнулись с реальным положением и ментальностью таджиков. Местное руководство не имело никакого понятия о стратегических целях великого вождя, а руководствовалось простыми и общедоступными целями – изгнать русских и создать «великий Таджикистан» за счет соседей-узбеков. В 1930-е гг. этого добиться не удалось. В 1990-е гг. эта цель начала воплощаться в жизнь.

Коминтерн и колонизированные народы. II Интернационал осуждал колониализм в целях замены его социализмом. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» (1914 г.) одним из первых подчеркнул «прогрессивную» роль национальных требований: колониальная политика улучшала материальное положение рабочих и тем самым тормозила социальную революцию в Европе. Поэтому национальная борьба с империализмом есть элемент пролетарской борьбы. Конечно, позиция Ленина радикальнее позиции

³⁷ Ibid., s.174.

вождей II Интернационала, но и он не считал национальные требования колонизированных наций *самоцелью*.

Кардинальное отличие будущего колонизированных наций от перспективы пролетарской революции фиксирует показательный пример. В разгар первой мировой войны (1916 г.) швейцарец Е. Приват созвал в Лозанне конференцию угнетенных наций Австро-Венгрии. На нее неожиданно прибыли представители угнетенных наций России, египтяне, армяне, жители Туниса и т.д. В Швейцарии в то время находилось большинство российских социалистов (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов), но никто из них не пришел на конференцию (за исключением финна Куусинена). Лидеры всех социалистических партий России не придали значения конференции угнетенных наций: «Только французский журналист и националистический историк Ж. Бенвиль заметил, что национальный и колониальный вопросы – две стороны одной медали, и рекомендовал правительству Франции не поддерживать национальный вопрос в Австро-Венгрии, поскольку это чревато последствиями для французских колоний»³⁸.

В 1917 г. нации Российской империи восприняли падение царизма и Временного правительства как шанс освобождения. Попутно они убедились, что Ленин провозглашал право самоопределения наций только для ускорения краха прежнего режима. Сразу после революции – во имя революционной солидарности – Москва сочла, что реализация данного права ослабит лагерь мировой революции, перспективы которой обсуждались на II Конгрессе Коминтерна в 1920 г. Несмотря на победы Красной Армии, будущее мировой революции оставалось неопределенным. В этих условиях индус Рой сформулировал тезисы:

– судьба европейской революции целиком зависит от революции на Востоке;

– революция на Востоке совершенно противоположна националистическим движениям, которые находятся в руках контрреволюционной буржуазии (особенно в Индии).

Ленин не согласился с тезисами индусского коммуниста. Интерес Ленина как Председателя Совнаркома состоял в поиске союзников, способных ударить в тыл враждебных государств. Поэтому Ленин сделал ставку на буржуазную партию Индийский национальный конгресс за счет «незрелой» компартии Индии.

³⁸ Ferro M. Op.cit., s.264.

М. Ферро считает, что дискуссия русского и индусского революционера содержит зародыш *конфликта* имперских интересов СССР со стремлениями революционеров колониальных и полуколониальных стран. Обострение конфликта произошло на съезде трудящихся Востока в Баку (июль 1920 г.), поскольку колониальный вопрос был центральным пунктом обсуждения. Влияние данного съезда на страны Азии значительно больше влияния конгресса Коминтерна. Трудящийся Восток представляли мусульмане Средней Азии (из 1891 делегата было 235 турок, 192 перса, 8 китайцев, 8 курдов, 3 араба, остальные – из нерусских частей РСФСР). Они с одобрением встретили декларации К. Радека и Г. Зиновьева: «Вы издавна привыкли преодолевать пустыни на пути к священным местам. Сегодня вы преодолели пустыни, горы и реки ради встречи и обсуждения способа освобождения от цепей и объединения в братский союз для жизни в свободе, равенстве и братстве». Съезд отвечал на эти слова обнаженными шашками, револьверами и криками «Джихад!», «Да здравствует возрождение Востока!» (эта картина запечатлена кинокамерой).

Едва прошло возбуждение, мусульмане предъявили претензии к Москве: «Мы были вынуждены выносить презрение прежних правящих классов по отношению к массе аборигенов. Однако коммунисты сохранили ментальность господ и по-прежнему считают мусульман своими подданными». Истину и вред такого положения подтвердил личный представитель Ленина Г. Сафаров: «В Туркестане диктатура пролетариата приобрела типично колониальный характер». Большевики на съезде блокировались с меньшевиками и эсерами и осудили требование аборигенов Кавказа не вступать в социалистические партии. III Конгресс Мусульманских коммунистических организаций Туркестана потребовал преобразовать Туркестанскую организацию РКП в Турецкую компартию. На съезде было сказано также, что классовая солидарность не имеет смысла в колониях. Мусульмане считали национальные революции единственной гарантией освобождения Востока, а проблему руководства движением (буржуазия или национальная компартия) полагали второстепенной. На деле такие революции были единственным средством обретения национальной идентичности.

Конфликт развивался до 1923 г., когда *национальный уклон* был осужден Лениным, Сталиным и Зиновьевым, а его лидер Султан-Галиев (татарский коммунист и бывший заместитель Сталина в Наркомнаце) исключен из партии. Султан-Галиев отмечал принци-

пиальное различие западного и восточного пролетариата и отсутствие у них стремления к объединению. Его главный тезис звучал так: мусульманские народы – это пролетарские нации и потому мусульманское национальное движение имеет характер социалистической революции. Из этого тезиса вытекал ряд следствий: понятие «пролетарской нации» фиксировало пропасть между Западом и Востоком; западный пролетариат есть один из социальных классов, а нации Востока полностью пролетарские; замена буржуазии пролетариатом не изменит отношения западного пролетариата к угнетенным странам Востока, поскольку западный рабочий класс унаследовал национальные стереотипы западной буржуазии; поэтому надо заменить диктатуру западных метрополий диктатурой пролетарских наций над метрополиями; для этого надо создать коммунистический интернационал колонизированных стран, независимый от Коминтерна; первый этап на этом пути – создание Турана – большого национального турецкого государства. Все эти утверждения совершенно противоречили теории марксизма и практике советского социализма.

Иначе говоря, Султан-Галиев связал ислам с коммунизмом и создал теорию исламского коммунизма путем дополнения коммунизма элементами восточной культуры. М.И.Калинин на IV съезде Коминтерна (1923 г.) утверждал совершенно противоположное: «Советская политика должна быть направлена на внедрение в народы киргизских степей, узбеков и туркмен идеалов ленинградского рабочего».

«Султан-Галиевщина» ликвидирована насильственными методами. После «нормализации» положения в Туркестане Коминтерн продолжил политику использования национальных движений в своих интересах. Типичный пример – торговый договор Лондона и Москвы (1921 г.), согласно которому Москва обязывалась прекратить антианглийскую пропаганду в Азии. Советский европоцентризм насаждался с типично русским невежеством и грубостью. Российские коммунисты определяли характер национальных движений и решали, какие из них достойны поддержки. Это возмутило представителей Малайи, Вьетнама и Индии на III и IV Конгрессах Коминтерна. Коммунистические лидеры стран Востока считали национальную революцию лишь этапом на пути пролетарской революции. Коминтерн не видел никаких других перспектив на Востоке, кроме национальных революций. Тем самым вожди Коминтерна подчеркивали (не говоря вслух): социальная революция может про-

изойти только на Западе; СССР имеет право определять, какой народ может и должен совершить революцию.

Эта политика была применена в Китае, вследствие чего Коминтерн поддержал Чан Кайши и сыграл главную роль в поражении китайской революции 1928 г. С учетом отношения Сталина к мусульманским коммунистам не исключена однозначно отрицательная оценка роли СССР и Коминтерна в борьбе колонизированных наций с империализмом. Но такая оценка не учитывает, что Коминтерн мог сыграть роль «горючего материала» националистических движений колониальных стран. Султан-Галиев, М. Рой и Тен Малака (малайский коммунист) сомневались, что СССР желает действительного освобождения колоний. Но в 1935 г. Коминтерн заменил лозунг классовой борьбы лозунгом Народного фронта, т.е. национальной борьбы. После этого Хо Шимин и филиппинские коммунисты присоединились к Коминтерну и совместно с демократическими государствами начали борьбу с японским фашизмом и его союзниками. Характерно, что в 1935 г. М.Торез тоже провозгласил лозунг поддержки алжирского народа и начал контакты с алжирскими национал-реформаторскими «буржуями», которые в период классовой борьбы считались контрреволюционными. Торез подчеркивал необходимость союза алжирской и французской наций для борьбы с итальянским и германским фашизмом.

Однако позиции и главные тезисы националистических движений не изменились. На некоторое время они «ушли в подполье», хотя были известными малайским, индусским и китайским коммунистам. В 1960-е гг. Бумедьен и Каддафи возродили идею «пролетарских наций», не ссылаясь на предшественника. Но теперь к ним принадлежат арабы, а не татары и турки (как считал Султан-Галиев). Концепция татарского коммуниста функционирует в настоящее время и потому обладает значительным историческим и политическим потенциалом. После установления независимости Ливии, Алжира и Ирана в этих странах *воплощена идея замены диктатуры западных наций диктатурой наций третьего мира.*

Восточная политика Коминтерна ограничивалась народами турецкого и мусульманского происхождения, персами, индусами, вьетнамцами, малайцами, индонезийцами и китайцами. До второй мировой войны эта политика почти не затрагивала арабов. Только в Сирии и Ливане существовали более-менее организованные компартии. Черная Африка тоже выпала из поля действий Коминтерна (за исключением ЮАР, в которой была компартия). Контакты дру-

гих африканских стран с Москвой ограничились учебой нескольких негров в Университете трудящихся Востока³⁹.

Распад или воспроизводство империи?

На основе общей концепции колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и Советского Союза французский историк ставит проблему *воспроизводства колониализма* в современной России и других странах СНГ. Он отмечает, что в СССР национальные движения не выходили за рамки сепаратизма (Прибалтика, Украина, Армения, Грузия). Но на закате советской империи идея национальной независимости казалась «голубой мечтой» (таким выражением пользовались прибалты при Горбачеве, когда началась либерализация советского государства). Поэтому на первых свободных выборах национальные движения выдвинули лозунг *союзного договора*. По существу это был лозунг деколонизации. До 1989 г. «реформаторы» (Народный фронт) конкурировали с «традиционалистами» (Интерфронт). Армянский лозунг «Карабах, Карабах!» возродил этнические и национальные стремления, которые казались подавленными и устаревшими.

После этого по Советскому Союзу прошла волна национализма. Горбачев попал в классическое положение государственного лидера, который ради сохранения единства уступает давлению смельчаков или наглецов. Горбачев – это Керенский и де Голль в одном лице: первый доверил руководство армией Корнилову, второй – Салану. В обоих случаях военные пытались осуществить государственный переворот. Горбачев тоже вводил в правительство «традиционалистов», чтобы держать их под контролем, а они устроили государственный переворот.

Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин заменил Президента СССР Президентом России, провозгласил суверенитет, а затем выход России из Союза и роспуск КПСС. Тем самым он предоставил свободу остальным республикам, которые поступили аналогичным образом. Союзные структуры превратились в пустую скорлупу, а пост Президента СССР – ненужным. Затем Россия призвала независимые республики заключить с нею союз. Хотя не все

³⁹ Правда, в 1927 г. В.Мюнценберг организовал Антиимпериалистический Конгресс в Брюсселе, в котором принимали участие Сенгор, два представителя Южной Африки и множество американских негров. Однако негритянский вопрос на Конгрессе почти не рассматривался, как и колониальный на 1 Конгрессе Коминтерна. На первом плане Антиимпериалистического Конгресса блистали Д.Неру, М.Хатта (Индонезия), жена Сун Ятсена, А.Эйнштейн, В.Торе (Перу), М.Хадж (Алжир) и другие представители национальной буржуазии и интеллигенции колоний.

прислушались к призыву, возник Союз Независимых Государств без Грузии (она присоединилась к нему в 1993 г.) и прибалтийских республик. Внутри РФ эта тенденция привела некоторые республики (татар, чеченцев и др.) к разрыву с Москвой. Итак, *центр стал инициатором центробежного движения*. Такого в истории еще не бывало.

СССР формально распался, но после 1993 г. возрождаются прежние связи. Поражение консервативного государственного переворота⁴⁰ не изменило положение СНГ и других государств бывшего СССР. Наоборот, после распада СССР и разложения КПСС (контролирующей госаппарат) *общие свойства превзошли прежнее единство*. Речь идет о следующих явлениях всех республик:

- дезорганизация экономики (даже в прибалтийских странах);
- сохранение политической элиты от 30 до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы);
- сохранение властных связей и отношений внутри и между республиками.

Новая ситуация была порождена этническими конфликтами в Молдавии, на Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии. Москва сочла их настолько опасными, что спешно занялась репатриацией Советской армии в Россию. До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе. Те же самые шаги предприняты на Курилах.

Некоторое время в России шла борьба за власть между Б.Ельциным и парламентом. Затем вспыхнули другие конфликты. Они выходят за рамки государств, возникших на территории бывшего СССР, частично укрепляют и разрушают тенденции национальной идентичности и зависят от ряда *парадоксальных предпосылок, порождающих непредвиденные следствия*. Чтобы лучше понять механизм воспроизводства колониализма в СНГ, М. Ферро анализирует отношение между периферией и центром и формулирует ряд принципиальных положений для анализа и оценки современного положения на территории бывшего СССР.

Первый тезис. Мусульманские республики обладали собственным аппаратом управления до провозглашения независимости. При Брежневле узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы –

⁴⁰ «Термин путч совершенно не соответствует действительности, поскольку в число заговорщиков вошли главы гражданских, военных и репрессивных ведомств – руководители государственного аппарата как тела политического строя». Ibid., s.349.

Азербайджаном и т.д. После армянских погромов Горбачев выразил удивление фактом невмешательства сил МВД и КГБ в этот процесс. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев ради защиты армян». Значит, силы безопасности Азербайджана были уже азербайджанскими, а не советскими. То же самое произошло в других республиках. Другой пример: в Казахстане возникли беспорядки после снятия с поста республиканского секретаря Д. Кунаева – противника перестройки. Первый секретарь ЦК КПСС не заметил, что противник был казахом, а сменивший его на посту человек – русским. Иначе говоря, советские республики становились все более самостоятельными.

Второй тезис. Независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму (поэтому их нельзя сравнивать с Тунисом и Марокко, которые в 1950-е гг. совместно с Парижем определяли этапы отделения от Франции). В Средней Азии возник феномен *превращенного сепаратизма*: руководители республик стремились захватить власть над центральными институтами СССР. Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. В конфликте Горбачев–Ельцин руководители республик поддерживали первого, а не второго. Один хотел сохранить Союз, другой начал процесс республиканского сепаратизма провозглашением суверенитета России. Это ликвидировало пользу, которую республики тянули из центра. Поэтому руководство республик стало на сторону заговорщиков.

Третий тезис. В России перестройка была воспринята как движение к свободе. Руководители мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отношений, которые еще более окрепли при Советской власти (местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.). В период «гласности» Москва приписала мафиозные интересы только узбекам, поскольку Узбекистан занимался производством мака (непищевого растения). Едва ислам потребовал строить мечети, это сочли святотатством. Между тем центральная власть давно открыто флиртовала с Русской Православной Церковью. Все требования мусульманских республик Москва считала «происками Тегерана». Следовательно, Москва сама *подтолкнула* возрождение всех видов религиозно-политического исламизма – от шиитского интегратизма в Таджикистане через различные суннитские толки до светского ислама в Азербайджане. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских рес-

публик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция (в Иране и других странах) предшествовала кризису и распаду СССР, что затормозило тягу советского ислама к указанным государствам.

Четвертый тезис. Среднеазиатские республики бывшего СССР являются *постколониальными*, поскольку провозглашению независимости предшествовал исход русских. При других обстоятельствах этот процесс был бы *удачной деколонизацией*. Однако некоторые республики задержали «своих» русских и призвали новых русских «сотрудников» – представителей силовых структур. Лишь в Казахстане складывается другое положение, поскольку численность русских и казахов примерно равны. Поэтому ответственность разделяется на всех уровнях и провоцирует постоянные этнические конфликты. В республиках с превращенным сепаратизмом (особенно на Кавказе) возрождаются прежние этнические конфликты (армян и азербайджанцев, грузин и абхазцев, осетин и ингушей и т.д.). Эти конфликты восходят к древним временам, предшествующим господству Российской империи в этом регионе. Здесь возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. *Современный Кавказ – образец доколониальной, а не постколониальной ситуации.* А Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах.

Пятый тезис. Положение в мусульманских и кавказских республиках обретают особый смысл на фоне аналогичных событий в Сибири. Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого требовали отделения от правительства России, а не от России, подчеркивая роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства:

1. На Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что свидетельствует о нарастании конфликта центральной власти с представительными институтами.

2. Национальные республики Сибири (Тува, Якутия-Соха и Бурятия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами». Эвенки требовали перехода от территориальной к национальной автономии в рамках России, а не Сибири.

Сравнение этих фактов со вторым тезисом показывает *принципиальное различие* национальной идентичности и этно-

сепаратистских тенденций. Например, отделение от Москвы не было главным мотивом действия прибалтийских республик в начале перестройки. Затем сепаратизм стал преобладать в Прибалтике, Грузии, на Украине, в Армении. Но если христианские нации выступают за национальную идентичность, то в других районах эта тенденция выражена слабо. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает «самостийно» распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

Итак, главная проблема СНГ – отрицательное отношение к концентрации и централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики здесь нет. Таково *общее свойство* всех национальных движений в колониях. В СНГ возрождается старый антагонизм исполнительной и законодательной власти. В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в Советском Союзе – советы. Но эти органы так и не добились приоритета перед местной администрацией, независимо от высокой компетенции представителей (земство) и реальной репрезентативности (советы). Поэтому история СССР может рассматриваться как *аннексия* (поглощение) низших уровней власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями (посредством демократического централизма). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы – вернуть им права представительной власти. В 1993–1994 гг. Ельцин ликвидировал советы.

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: «верхи» и «низы» игнорируют разделение властей. Например, Ельцин назначал своих наместников в области и края, губернаторы которых тоже назначаются Москвой. Значит, в современной России нет реального местного самоуправления. Мэр Санкт-Петербурга А. Собчак (в русской терминологии – «демократ») не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных и необразованных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят из образованных и компетентных людей, но не имеют никаких законных прав и средств, кроме *противостояния* власти. Таким образом, представительные органы тоже руководствуются идеей единства законодательной, исполнительной и судебной власти и игнорируют разделение власти. А поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает

ливаает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала *подвижным и постоянным элементом проблемы власти*. Таков *шестой тезис* Ферро.

В заключение он констатирует, что конфликт центральной и представительной власти на высшем уровне (сегодня это советы, завтра будет дума или аналогичный синклит) скрывает множество проблем воспроизводства колонизации (во всех ее разновидностях) в СНГ и России. Такое положение сохранится до тех пор, пока на места не будет передана реальная исполнительная власть. Однако местная власть наиболее сохранилась со времен перестройки и государственного переворота. Она является рассадником сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Руководители областных советов на 80% состоят из представителей бывшего парт-аппарата. После кровавой стычки Ельцина с парламентом (октябрь 1993) их элиминирование по-прежнему проблематично.

События в нынешней России развиваются специфически. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она стимулирует такую рефлексию об идентичности, которая преобразуется в национализм, направленный против центра. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применяет ту же тактику лавирования, которой пользовался его соперник и предшественник.

«Перечисленные тезисы показывают, – констатирует Ферро, – что проблема национальной идентичности (рождения наций) связана с этническими, языковыми и религиозными мотивами, а также с управленческими, политическими и идеологическими причинами. Последние могут, но не обязательно должны вступать в конфликт с перечисленными мотивами. В нынешней России стремление к самостоятельности вытекает из всех указанных посылок, независимо от этнического состава населения. Следовательно, нация – это одновременно постоянная и преходящая форма общества»⁴¹.

Частные замечания и общие эвристические постулаты

Я не исчерпал всю проблематику анализа прошлых и современных форм колониализма, содержащуюся в труде французского коллеги. Вначале сделаю несколько частных замечаний.

В современных исследованиях показано, что известное определение «История России есть история страны, которая колонизирует-

⁴¹ Ibid., s.356

ся» В.О. Ключевский взял у С.М. Соловьева, у которого существовала определенная система взглядов на колонизацию России, заимствованная у западно-европейских историков⁴². Эту теорию Соловьев считал своим нововведением в историографию России и не ссылался на первоисточники. Термин «колонизация» впервые употреблен Соловьевым в публичных лекциях 1851 г. Соловьев считал, что территориальный рост русского государства *предопределен* заселением огромных пространств путем колонизации. Восточно-славянское население выделяло из своих рядов поселенцев, проникающих все дальше вглубь Евразии. На северо-востоке проживали финно-угорские народности и колонизация была мирной, поскольку образы жизни пришельцев-земледельцев и аборигенов-звероловов дополняли друг друга. На юго-востоке колонисты вели непрерывную борьбу со степными кочевниками.

С.М. Соловьев рассматривал феномен русской колонизации в контексте мирового исторического процесса, подчеркивая родство германской и славянской колонизации и сравнивая расширение русского государства с процессом завоевания европейскими державами заморских колоний. Соловьев считал главным предметом исторических исследований развитие государства. Одновременно он отмежевывался от Н.К. Карамзина, который полагал территориальный рост России результатом непрерывных войн с соседями. Вместо теории завоевания Соловьев выдвинул теорию колонизации. При ее разработке он опирался на западно-европейские концепции, наполняя их материалом из русской истории.

Действительно, в Великобритании в 1840-е гг. возникло новое направление в политической экономии – теория колонизация. Она изучала экономические и социально-экономические проблемы колонизации и стремилась выработать рекомендации для английского правительства. Однако Соловьев при изложении русской истории упустил из виду проблемы, описанные в книге М. Ферро. Молодой Соловьев считал колонизацию позитивным явлением. Зрелый Соловьев придавал колонизации негативное влияние на русскую историю. Русская колонизация исчерпывала людские ресурсы, способствовала низкой плотности населения и постоянной миграции, препятствовала распространению частной собственности и применению наемного труда. В конечном счете русская колонизация усилила отставание России от Европы и укрепила самодовлеющие тенденции

⁴² См. об этом подробнее: Сили И. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. 2002, № 6, с.150–154.

социального развития. В конце жизни Соловьев пришел к мысли, которая в 1920-е гг. стала евразийским шаблоном: «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или украинна со стороны Азии. Это украинское положение, разумеется, должно иметь решительное влияние на ее историю».

Требуем уточнения также положение о господстве религиозных мотивов в борьбе между монголами, европейцами и мусульманами. Нередко эти мотивы объяснялись властными интересами мусульманских властителей. В частности, выдающийся германский исламовед А. Мюллер показал: многие мусульманские властители хотели сделать из своих крошечных государств нечто значительное и прибегали к помощи разных конфессий. Например, халиф Афдаль рассчитывал на крестоносцев, а халиф Насир (представители династии Аббасидов, 1180–1225 гг.) – на монголов: «Желая как-нибудь поживиться на счет богатого соседа, халиф убедил из корыстных видов монгола Чингисхана напасть на область шаха Хорезма, несколько не подозревая, подобно всякому жившему в западной Азии, подлинной силы этого страшного человека. Таким образом, признаваемый всеми за сберегателя веры, сам он накликнул катастрофу, погубившую все исламские государства»⁴³. Иначе говоря, монгольское иго над странами ислама было мотивировано внутренними мотивами властной конкуренции. Аналогичные мотивировки можно обнаружить и в истории Северо-Западной Руси, князья которой нередко призывали монголов в целях борьбы с православными соперниками.

Этот мотив можно обнаружить и в противоборстве Англии и России в Средней Азии на протяжении от Петра I до 1907 г., когда был заключен англо-российский договор. Отметим несколько моментов:

1. Использование науки для маскировки колониальных предприятий. Так, во время неудачной экспедиции по захвату Хивы в 1839 г. генерал Перовский хотел, «...чтобы англичане поглубже увязли в своей афганской аванюре и оказались не в состоянии протестовать против аналогичной деятельности Санкт-Петербурга по смене властителя в Хиве. Если бы стали просачиваться слухи о приготовлениях, то экспедицию надлежало официально характеризовать как «научную», направляющуюся для изучения Аральского моря, лежавшего как раз на пути. Действительно, в последующие

⁴³ Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М., Астрель, 2004, с.899.

годы «научные экспедиции» часто служили прикрытием активности русских в Большой Игре, тогда как англичане предпочитали посылать своих офицеров с аналогичными заданиями в «свободный поиск», что позволяло при необходимости от них отречься»⁴⁴.

2. Лозунг цивилизации связан с неопределенностью границ между государствами, и все европейские страны, включая Россию, были заинтересованы в неопределенности для маскировки захватов. Так, меморандум Горчакова составлялся просто для того, чтобы Россия могла выиграть время: «Российские завоевания не остановились на обещанных Горчаковым рубежах и продвинулись еще дальше на юг... В действительности же тогда граница была всего лишь неопределенной линией на еще более сомнительной карте»⁴⁵.

3. Мнимый конфликт между дипломатией и военными в период колониальных завоеваний. Спустя некоторое время после меморандума Горчакова был издан труд полковника М.А. Терентьева «Россия и Британия в борьбе за рынки Центральной Азии». Его взгляды были полной противоположностью Горчакову. «Это подтверждается другими примерами стратегии двойной политики России. Одна, исходящая из Санкт-Петербурга, была официальной и склонной к компромиссам. Другая, неофициальная и агрессивная, была в употреблении внутри страны, хотя при необходимости всегда могла быть дезавуирована»⁴⁶. Позиция военных бала выражена генералом Скобелевым в связи с взятием крепости Геок-Тепе. Младенцев кололи штыками, рубили на куски, женщин перед смертью насиловали. В течение трех дней Скобелев позволял своим войскам, среди которых было много пьяных, насиловать, грабить и резать. В оправдание своих действий он впоследствии заявлял: «Я придерживаюсь того принципа, что продолжительность мира находится в прямой зависимости от резни, которую вы устраиваете врагу. Чем сильнее вы на них давите, тем дольше они сидят тихо». Это, утверждал он, куда более эффективный метод умиротворения неприятных соседей, чем традиционный британский, использованный Робертсом в Кабуле: публичное повешение главарей порождает только ненависть, а не страх»⁴⁷. После аннексии Мерва русские ответили, что «...это произошло по требованию туркмен, которые пожелали, во-первых, по-

⁴⁴ Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., Рипол классик, 2004, с.256.

⁴⁵ Там же, с.414.

⁴⁶ Там же, с.429.

⁴⁷ Там же, с.476.

кончить с состоянием анархии, а во-вторых, наслаждаться благами цивилизации»⁴⁸.

4. Россия из завоеванных ханств создавала Центрально-Азиатскую империю. А царь Александр II, как гласило официальное заявление, «уступил пожеланиям жителей Коканда стать российскими подданными». В действительности большинство населения в таких случаях выступало как против русских, так и против их местных марионеток. После взятия Коканда в 1875 г. оказалось, что русские всего за десять лет аннексировали территорию размерами в половину Соединенных Штатов. А местные царьки (типа Якуб Бека) стравливали Англию, Россию и Китай в данном регионе для сохранения своих позиций⁴⁹.

Кроме того, в современной отечественной историографии показано, что Афганистан должен был стать базой для экспорта революции в Индию – одной из главных целей Коминтерна. Для Москвы крайне важным было переключение внимания Кабула на южное направление его внешней политики – Индию. Для этого советская сторона (согласно секретным приложениям к договору между Г.В. Чичериним и афганской делегацией от 28 февраля 1921 г.) должна была оказывать Афганистану военно-экономическую помощь: безвозмездное ежегодное пособие в размере 1 млн.руб. золотом; оборудование телеграфной линии Кушка–Герат–Кандагар–Кабул; направление в распоряжение афганского правительства технических и других специалистов, 12 самолетов, школы авиации, 2-4 батареи зенитных орудий, 5000 винтовок с запасом патронов, строительство завода для производства бездымного пороха. Договор ратифицирован обеими сторонами. Но Кабул вмешивался в бухарские дела, стимулируя басмачей. Советское руководство продолжало оказывать помощь Афганистану, несмотря на это вмешательство. Политбюро смирилось с помощью Афганистана повстанцам Средней Азии, так как считало возможным использовать Амануллу-хана в своей политике на Востоке как противовес влиянию Англии. В результате такой политики повстанческое движение в Средней Азии против советской власти продолжалось еще 10 лет. Причем Сталин сам в обход НКВД и ОГПУ возглавлял практические меры в этом направлении. В результате советские войска под руководством

⁴⁸ Там же, с.486.

⁴⁹ Там же, с.418.

В.М. Примакова воевали против врагов Амануллы-хана⁵⁰. Иначе говоря, советское правительство само провоцировало движение басмачества ради достижения стратегических колониальных целей.

Наконец, реальное значение лозунга цивилизации и цивилизующей роли Москвы в Сибири, на Кавказе и в Средней Азии неплохо описано в мемуарах К. Филби – легендарного советского шпиона, члена Кембриджской «четверки». Его жена Р.И. Пухова-Филби сообщает много сведений о советской бытовой цивилизации. После разоблачения и перебежки в Москву КГБ посылало К. Филби в путешествия. При поездке в Сибирь его поместили на пароход «Комсомолец», в которых галльон был отвратительным. «Кому довелось посещать подобные заведения на наших вокзалах, тот может себе представить себе этот уровень «Гигиень»... Чтобы сократить до минимума эти визиты, мы приспособили под ночной горшок банку из-под варенья, которую опоражничивали через иллюминатор»⁵¹.

Во время поездки в Тбилиси К. Филби с женой поселили в центральной гостинице. В буфере были только молочные продукты и сосиски. Как оказалось, у грузин этим завтрак не ограничивался: четверо покидали буфет, оставив под столом с полдюжины бутылок шампанского. Молодые люди, с которыми они разговорились, сетовали, как трудно живется интеллигенции в коррумпированном обществе. Грузинские чекисты подвергли гостей культуре грузинских тостов: вначале за родителей, затем за мир, потом за детей и пр.: «И нам не удалось пригубить вина, пока не были исследованы все аспекты этой проблемы. А вполне цивилизованному человеку (сотруднику КГБ) не хватало такта и чувства юмора, чтобы смягчить ситуацию. Для Филби эта процедура была мучительна. Официальный тон застолья нам так и не удалось переломить»⁵².

При поездке в Армению-Азербайджан-Среднюю Азию хозяева постоянно наливали самый дорогой коньяк, хотя ни Филби, ни его жена не пили. А в дешевом сухом армянском вине им отказали. Потом выяснилось: приставленный телохранитель уносил домой початые бутылки коньяка. Глава армянского КГБ постоянно следил за недопитой рюмкой, воспринимая это как личную обиду. В то же время не протестовал против откровенной нищеты армян. Любая экскурсия превращалась в застолье. «Мы изъездили Армению вдоль

⁵⁰ См.: Гиленсен В.М. Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов // Восток. 2002, № 2, с.56–70.

⁵¹ Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005, с.569.

⁵² Там же, с.576–577.

и поперек, любовались древними памятниками архитектуры и искусства. Но когда я пытаюсь возродить эти воспоминания, все за-слоняют непрерывно жующие челюсти»⁵³. А когда собирались в до-рогу, горничная – «добродушная бабушка неожиданно превратилась в злую фурию. Стала носиться из угла в угол, толкая меня. Однако, увидев на столе деньги, стыдливо оставленные мной, сразу броси-лась целовать»⁵⁴.

При приезде в Азербайджан «...нас встретил глава азербай-джанского КГБ. Они постоянно обнимались с Сашей (водителем-армянином), навязчиво демонстрируя, как могут любить друг друга армянин и азербайджанец. Это только доказывало, что не все ладно «в нашей дружной семье единой». В Баку гостей поселили в люксе размером с танцевальный зал. Вдоль стены тянулся огромный сер-вант, совершенно пустой – ни стакана, ни ложки. Зато в центре сто-ял рояль. При поездках мнение гостей никого не интересовало и им ничего не объясняли. Зато кавказские экскурсоводы по болтливости напоминали турок: «Ким рассказывал, как в Стамбуле, чтобы отде-латься от назойливого гида, он поставил ему условие: заплатит ему только в том случае, если тот не произнесет ни слова. Через корот-кое время гид не выдержал и заговорил»⁵⁵.

В Ашхабаде поселили в современной гостинце, где не было во-ды. От приглашения к тете сопровождающего сотрудника ГБ невоз-можно было отказаться, поскольку тетя обидится. На всех таких встречах самым трудным было то, что исчерпав все слова благодар-ности и восторга по поводу приема, мы не знали, о чем с ними гово-рить. Во время поездки по самым богатым колхозам нам везде пока-зывали очень дорогие позолоченные памятники вождям и героям. А в роскошных домах культуры канализацию заменяли далеко не «культурные» дырки. Ким не мог понять, почему тратятся громад-ные деньги на помпезные памятники вместо того, чтобы использо-вать их на устройство канализации. После такой поездки по приез-ду домой Ким Филби сказал: «Давай забаррикадируемся, чтобы ни-кого не видеть и не слышать»⁵⁶. Эти поездки проходили в 1970–1980-х гг. и показывают реальные бытовые следствия использова-ния дипломатами лозунга цивилизации ради новых завоеваний.

⁵³ Там же, с.582.

⁵⁴ Там же, с.583.

⁵⁵ Там же, с.585.

⁵⁶ Там же, с.589.

Таким образом, концепция французского историка позволяет привлекать и систематизировать громадный социально-исторический материал для углубления представлений о колонизации, колониализме и неоколониализме. Наиболее важны выводы М. Ферро о принципах и проблемно-понятийной структуре анализа.

Схема «великие географические открытия – колониальная экспансия – империализм – деколонизация» не соответствует исторической реальности. Начало колонизации не совпадает с эпохой географических открытий, а связано с обоюдной священной войной христианства с исламом. Представители обеих религий считали торговлю формой священной войны. Страсть к деньгам – следствие распространения христианства и ислама. На первом плане европейской колонизации стоял Христос, а не богатство. Для исламской колонизации главное значение имела связь религии и языка. Европейская колонизация и освобождение Европы от ислама начались на рубежах христианства. Религиозный энтузиазм, страсть приключений и жадность – предпосылки великих открытий и колонизации. Универсальным фактором обеих религий является война между разными конфессиями в рамках одной религии (католицизма, православия и протестантизма в христианстве, суннизма и шиизма в исламе). Внешняя экспансия обычно начинается после внутренней войны единоверцев.

История России универсальна, поскольку создала эталон внутренней колонизации. При этом следует также учитывать: связь территориальной экспансии и колонизации; зависимость реакций народов на колонизацию от их истории и идентичности; мировые параметры колонизации; переплетение колонизации с империализмом; параллелизм колонизации и борьбы за независимость; причины и следствия внутренней и внешней колонизации.

Внешняя (христианства с исламом) и внутренняя (между католицизмом, православием и протестантизмом) священные войны способствуют сходству колониальной экспансии и империализма. В этом смысле история России тоже эталон, в состав которого входят следующие факторы: превентивный захват и дискретность территориальной экспансии; связь религии с армией по мере территориальных захватов; на этой основе возникает тождество религии и цивилизации; милитаризация конфессий ведет к разработке геополитических идеологий; журналисты преобразуются в имперских идеологов; имперская символика господства переплетается с материальными интересами; государства становятся современными импе-

риями по мере утраты колоний; для преодоления угрозы гражданской войны осуществляется захват новых территорий под лозунгом глобальной имперской политики; так происходит деиндустриализация колоний и специализация их сельского хозяйства на выращивании непищевых продуктов.

В результате этих процессов империализм, колонизация и деколонизация переплетаются. Деколонизация – это замена верховной власти при неизменности сложившихся социально-экономических связей метрополий и колоний. Понятие и ценности цивилизации выполняют идеологическую функцию. Цивилизация и расизм взаимосвязаны. Особое значение имеет двойная религиозность империализма – экспансия определенной формы религиозной веры в колонизированные регионы.

Естественно, продуктивность концепции М. Ферро во многом зависит от конкретизации принципиальных положений:

- колонизация своей страны – общее явление социальной и политической истории;
- история России обладает универсальным значением, поскольку эта страна создала модель соединения колонизации с империализмом;
- колонизация – это следствие и реакция на разновидности ига (арабского, китайского, татаро-монгольского, исламского, христианского и пр.), которые повлияли на социально-экономическую историю стран и регионов;
- по отношению к конфессиональным колонизациям следует подчеркивать их внутренние конфликты, а не отличие от других конфессий;
- для этого требуется пересмотр главных понятий дипломатического словаря (государственные интересы, сфера влияния, превентивный захват территории, защита страны, таможенные тарифы и т.д.), поскольку они скрывают фактическую территориальную экспансию;
- монетаризм есть разновидность меркантилизма и способствует воспроизводству колониальных отношений и структур;
- имперский выбор в XX в. стал реальной политикой ведущих стран;
- финансовый капитал и торговля оружием – критерии превращения страны в империю;

– цивилизационный подход скрывает колонизацию и расизм, оставляя почти неизменной сложившуюся бытовую культуру завоеванных стран;

– системы права и экономики в значительной мере есть продукт колонизации.

Применение концепции М. Ферро к обсуждению прошлых и настоящих социально-экономических, политических и культурно-цивилизационных проблем российской колонизации и империализма будет способствовать разработке теории колониализма. По крайней мере, факт популярности евразийства в России, публичные выступления нынешнего Президента, руководителей силовых структур, финансово-промышленных ведомств и думских деятелей показывают: нередко они почти слово в слово повторяют колониально-имперские аргументы и логику, описанные в книге французского ученого. Проблема смещается к описанию комплекса социальных и политических причин практических следствий данных аргументов и логики.

Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии

В.Л. Иноземцев

*Посвящается светлой памяти
Василия Ивановича Кузицина (1930–2013),
выдающегося русского историка*

Прошло более полувека с того времени, как европейские державы покинули территории, которые они контролировали на разных континентах на протяжении нескольких предшествующих столетий. Более двадцати лет назад распался Советский Союз, который также порой называли наследником российской империи. Сложно однозначно сказать, принес ли успех освободительной борьбы больше мира и благополучия новым независимым государствам, чем их народы могли достигнуть, если бы сохранили прежние отношения с метрополиями. История не знает сослагательного наклонения и спекуляции на эту тему неуместны – в то же время, однако, именно сейчас крайне важно попытаться понять, что представляла собой ушедшая в прошлое эпоха, правильно ли мы понимали ее суть и закономерности, и, наконец, какие уроки следует вынести современным политикам из событий относительно недавнего прошлого.

Клубок проблем, связанных с тематикой европейской экспансии, вестернизации и колонизации, столь велик, что к нему нужно подходить с какой-то одной стороны, и начинать «распутывать» с одной ниточки. Я предложил бы начать с того, чтобы определиться в фундаментальных понятиях, так как это, на мой взгляд, может сразу же поставить новые вопросы, сформулировать кажущиеся на первый взгляд парадоксальными идеи и привести к неожиданным

политическим выводам. Мне кажется, что это как раз тот случай, когда выглядящий чисто теоретическим вопрос может, если только он будет корректно сформулирован, объяснить важные тренды современного глобального развития.

Колонии и зависимые территории

Слово «колония (от *coloniae*, или поселение)» восходит к античности, когда колонизация была, пожалуй, наиболее совершенным методом освоения новых территорий, не предполагавшим их завоевания, равно как и жесткого противостояния колонистов и местного населения. Колонии той эпохи представляли собой не столько форпосты для военной экспансии, сколько «торговые представительства» наиболее передовых народов, среди которых не было равных финикийцам и грекам. По разным оценкам, выходцы из Финикии в X–VI веках до н.э. основали в Средиземноморье и на атлантическом побережье нынешних Испании и Марокко более 200 поселений с общей численностью жителей до 450 тыс. человек. Среди них стоит отметить Карфаген, государство, пережившее саму Финикию и несколько столетий угрожавшее Римской республике; колонии на Мальте, Ибнице, Сардинии и Сицилии и юге Испании; финикийцы не только создавали собственные города, но и селились в существовавших торговых центрах, формируя сеть своих торговых путей⁵⁷. Греки за период с IX по V век до н.э., создали около 1500 подобных колоний, населенных более чем полутора миллионами их соотечественников – в этом случае на отдаленных территориях формировались новые полисы, порой вступающие в партнерские отношения с местными жителями, но иногда стремившиеся и к их закабалению⁵⁸. Все эти города были средоточием культурных, социальных и политических традиций создавших их народов и поддерживали с ними тесные связи.

В отличие от колонизации, во все времена существовала также практика завоевания новых территорий и принуждения их жителей к повиновению. Однако история даже древнего мира показывает, что империи редко могли похвастать долголетием: даже в условиях крайне медленного «течения» исторического времени ни одна импе-

⁵⁷ Подробнее см.: Culican W. *Phoenicia and Phoenician Colonization* // *The Cambridge Ancient History*, vol. III, part 2, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991, pp. 485–546.

⁵⁸ Подробнее см.: Graham A. *The Colonial Expansion of Greece* // *The Cambridge Ancient History*, vol. III, part 3, pp. 83–159.

рия древности, оккупировавшая территорию, заметно большую исконной, не существовала в виде единого государства более трехсот лет. Единственным исключением был Рим – но как раз в этом случае мы видим причудливое сочетание колонизации и завоевания; более того, процесс расширения границ *orbis Romanum* был очень медленным, что позволяло населению провинций успешно романизоваться. В общем и целом можно утверждать, что колонизация создавала куда более устойчивые социальные и политические общности, чем присоединение территорий исключительно военной силой.

Традиционный смысл слова «колония» сохранился вплоть до начала Нового времени – испанцы называли колониями отдельные города, основанные ими в Америке, британцы – территории, с которых удалось вытеснить аборигенные племена, и т.д. Как отмечал С. Хантингтон, «термином ‘колония’ обозначается поселение, созданное людьми, покинувшими свою родину и перебравшимися в иное место с целью основания нового общества на отдаленных землях»; при этом колонисты отличаются от иммигрантов, которые, «напротив, не создают нового общества,.. но только перемещаются из одного общества в другое»⁵⁹. И лишь позднее колониями стали именовать любые территории, контролируемые великими державами за пределами метрополии, а «колониализм» стал трактоваться как специфическая черта эпохи, названной «империалистической». Это, в свою очередь, вызвало значительную путаницу. Так, социологи Э. Каванаг и Л. Верачини, претендующие на определение такого феномена, как «переселенческий колониализм (*settler colonialism*)», сначала говорят о нем как о «глобальном и транснациональном явлении, равно свойственном прошлому и настоящему», а через несколько строк заявляют, что «переселенческий колониализм вообще не является колониализмом»; что «колониализм и переселенческий колониализм... остаются отдельными и определяющими друг друга [феноменами]»⁶⁰. На наш взгляд, наиболее последовательным шагом было бы называть как раз переселенческий колониализм колониализмом, в то время как иные формы экспансии – завоеванием или установлением политического контроля над чуждыми метрополиям территориями.

⁵⁹ Huntington, Samuel P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster, 2004, pp. 41, 40.

⁶⁰ Cavanagh E., Veracini L. Definition (на сайте, посвященном исследованиям переселенческого колониализма // <http://settlercolonialstudies.org/about-this-blog/>, сайт посещен 19 января 2013 г.).

Фундаментальная проблема в данном случае заключается в том, что возможности классической колонизации объективно ограничены масштабом населения стран-поставщиков эмигрантов, в то время как военное овладение территориями долгое время выглядело намного более простым методом – особенно если принимать во внимание серьезные технологические или тактические преимущества, имевшиеся в арсенале передовых держав. Поэтому не будет преувеличением сказать, что успешные цивилизации при наличии возможностей первоначально использовали стратегию колонизации, а на более поздних этапах – стратегию оккупации.

С таких позиций крайне интересно оценить историю европейских наций в период, стартовавший с эпохи Великих географических открытий. С достижением европейцами Америк – малонаселенных территорий, жители которых серьезно отставали в технологическом развитии – начался процесс, в котором причудливо сочетались черты покорения и колонизации, но главное слово оставалось все же за последней. В южной части континента, которая контролировалась испанцами и португальцами, акцент делался на военную силу и подавление местных народов; на севере британцы и французы предпочитали оттеснять жителей от кромки океана и создавать на новых пространствах классические поселенческие колонии. Однако, как бы ни отличались эти процессы, европейские заморские экзерсисы XVI–XVII столетий характеризовались массированным переселением людей за океан: к середине XVIII века в Латинской Америке жило более 1,3 млн. этнических европейцев, в Северной – более 3,7 млн.; доля европейцев в населении территорий, ныне относящихся к США и Канаде, выросло с 10 до 80% населения между 1650 и 1825 гг.⁶¹ Политическое сознание местных элит было вполне европеизированным – если тут и возникало возмущение метрополиями, то не из-за неприятия «европейского пути», а из-за ощущения того, что по нему можно идти более быстро и эффективно (и, следует признать, что во многом им это удалось: достаточно сравнить поток мигрантов из Европы в освободившиеся колонии – США, Аргентину, Канаду – с тем «вниманием», которое оказывают мигранты из развитых стран освободившимся странам Африки или Азии). Конечно, можно говорить об американской Войне за независимость 1770-х годов или Освободительных войнах 1820-х годов в Латинской Америке как об «антирежимных», но стоит иметь в виду, что, мечтая о политической самостоятельности, повстанцы не соби-

⁶¹ См.: Ferguson N. Civilization. The West and the Rest, London: Allen Lane, 2011, p. 134.

рались искать пути, отличного от европейского. Желая построить свой «город на холме» на основе европейских идеалов, Т. Джефферсон и Ф. де Миранда, Б. Франклин и С. Боливар, А. Гамильтон и Х. де Сан-Мартин были по своему духу куда большими «европейцами», чем сторонники сохранения абсолютистских традиций в самой Европе.

События 1770-х – 1820-х годов на американском континенте ознаменовали собой не менее важный переломный пункт в европейской истории, чем тот, который имел место в истории Средиземноморья в IV–III веках до н.э. В обоих случаях относительно медленная, основанная на интересах свободных граждан и движимая преимущественно коммерческими мотивами колонизация сменилась захватнической политикой, опиравшейся на военные методы и предполагавшей обращение в зависимость новых, ранее находившихся вне прямого контроля, территорий. «Просвещенная» Европа по прошествии двух тысяч лет вступила на скользкую дорожку Александра Македонского и Октавиана Августа.

В результате масштабной военной экспансии европейские державы создали империи, которые было бы ошибочно называть колониальными. Как и во времена Александра в Персии или в эпоху римского владычества в Британии, присутствие представителей метрополии на покоренных территориях было символическим (по статистике 1921 г. в Индии на 306 млн. местных жителей приходилось не более 157 тыс. британцев, из которых около 60 тыс. составляли военнослужащие⁶²; в Кении к 1960 г. жило 68 тыс. выходцев из метрополии и 8,2 млн. местных жителей; французское гражданское население в Индокитае накануне Второй мировой войны не превышало 34 тыс. человек «на фоне» 23 млн. аборигенов⁶³). Конечно, завоеватели пытались создавать в новообретенных владениях свои хозяйственные и организационные практики. Те же британцы в 1849–1929 гг. построили в Индии 66 тыс. км. железных дорог – в разы больше, чем в самой Англии⁶⁴, и эти дороги действуют сегодня так же, как и дороги, вымощенные римлянами, используются на Балканах. За период с 1946 по 1958 г. 70% всех инвестиций в инфра-

⁶² См.: Brown J. *India // The Oxford History of the British Empire*, vol. IV, Oxford: Oxford Univ. Press, 2004, pp. 427, 423.

⁶³ См.: Roger L. *The Dissolution of the British Empire // The Oxford History of the British Empire*, vol. IV, p. 352.

⁶⁴ См.: Ferguson N. *Empire. How Britain Made the Modern World*, London: Allen Lane, 2003, p. 171; подробнее см. также: Sandes E. *The Military Engineer in India*. London: Chatham, 1935, vol. 2, pp. 64-68.

структуру во французских колониях в Африке и 30% текущих трат на поддержание этих объектов обеспечивалось напрямую бюджетом Французской республики⁶⁵. Однако очевидно, что повторить в этих новых владениях то, что было достигнуто в Северной Америке или Австралии, европейцы не могли. Власти метрополий, часто эффективно и умело управляя завоеванными территориями, не стремились построить тут копию собственной цивилизации, рассматривая эти регионы в качестве выгодного и порой естественного «дополнение» своих стран, но не их «продолжение».

Таким образом, у европейских государств в контексте их экспансионистских устремлений прослеживаются две эпохи – колониаторская и захватническая.

Продуктом первой явились общества, которые известный британский исследователь А. Мэддисон назвал *Western offshoots*⁶⁶ – и которые одни только и были европейскими колониями. Большая часть их населения была наследниками европейцев, а сами колонии – своего рода *extended Europe*, и остаются таковыми и сегодня. Все эти территории, ставшие Соединенными Штатами, Канадой, Австралией, Аргентиной, Бразилией, Новой Зеландией и т.д., отличались доминированием пришлого населения (не менее 30–40%, но чаще всего более 60%); резким сокращением числа исконных обитателей территории (более чем в 2–3 раза за первые сто лет активного «освоения»); созданием социально-экономической системы, копирующей существующую в метрополии (с возможными коррекциями, разумеется) и общими с метрополией «цивилизационными кодами». Отделение колоний от метрополий не нарушало исторической преемственности, в результате чего сейчас понятие «Запад» – относительно искусственно обозначающее европейскую цивилизацию – объединяет и европейские страны, и их бывшие поселенческие колонии.

Напротив, территории, находившиеся под военно-политическим доминированием, не были населены европейцами в существенной мере, не усваивали европейских практик и стремились сбросить власть чужаков не потому, что считали себя способнее и сильнее метрополии, а потому, что хотели остаться собой и (не)развиваться по собственному усмотрению. Это было несложно, так как структура

⁶⁵ См.: Meredith M. *The State of Africa. A History of Fifty Years of Independence*. London, New York: The Free Press, 2005, pp. 65–66.

⁶⁶ См.: Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD Publications Service. 2000, pp. 6–9.

присутствия представителей метрополии подчинялась довольно простым задачам администрирования, вместо управления эпохи модернисты часто существовала система вассалитетов (в разных местах в разной степени развитая), а главной задачей выступала эксплуатация природных богатств завоеванных территорий. При этом доля пришельцев не превышала 1–3% населения, а сокращение числа местных жителей в ходе подавления их сопротивления оставалось в пределах статистической погрешности (жертвами подавления восстания сипаев в Индии стали около 300 тыс. человек при населении 282 млн.⁶⁷). Наиболее заметными примерами территорий, находившихся под такого рода доминированием, могут быть Юго-Восточная Азия под французским управлением, Ближний Восток и большая часть Африки под английским владычеством, и вообще вся Африка после 1880-х годов. Переходными формами можно считать латиноамериканские страны с большим присутствием коренного населения и их потомков (Перу, Боливию, Колумбию). Уход завоевателей в большинстве случаев предполагает в этой ситуации быстрый отказ от европейских элементов управления, восстановление системы персоналистской власти, начало междуусобных конфликтов и многочисленные (как правило, неудачные) эксперименты в экономике. Полная зависимость от метрополий, характерная для данных обществ, порождает «капкан для развития» и после ее прекращения новые независимые страны зачастую деградируют, образуя своего рода «неразвивающийся мир»⁶⁸.

Все эти замечания – вполне поверхностные, следует заметить – являются, на мой взгляд, достаточными для того, чтобы по меньшей мере задуматься, какие социальные и политические формы стоит называть колониями и можно ли говорить о «деколонизации» и «постколониализме» как чертах второй половины XX века.

«Постколониализм» и постзависимость

Понятие «постколониализм» – одно из знаковых словечек XX столетия. Введенное в оборот Э. Сезером в 1950 г.⁶⁹, оно распространилось в научной и публицистической литературе усилиями Ф. Фа-

⁶⁷ О количестве жертв см.: Ramesh, Randeep. “India’s Secret History” in: The Guardian, 2007, August 24; численность населения приведена по сайту www.populstat.info/Asia/indiac.htm (сайт посещен 8 мая 2013 г.).

⁶⁸ Подробнее определение этого понятия и пояснение причин «не-развития» см.: Rivero O. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century. London, New York: Zed Books, 2001, pp. 69–70.

⁶⁹ См.: Césaire A. Discourse sur la colonialisme. Paris, Dakar: Editions Presence Africaine, 1955.

нона, А. Мемми, Э. Саида⁷⁰ и десятков их последователей необычайно быстро и стало, если так можно выразиться, культовым среди сторонников «особого» пути развития и противников империализма. Сегодня сторонники данной концепции предлагают рассматривать его в очень широком контексте, утверждая, что «термин 'постколониализм' часто ошибочно воспринимается как преходящий концепт, применяемый к описанию времени, наступающего после прекращения колониального состояния, после момента политического провозглашения независимости... на самом же деле постколониализм отражает борьбу с колониальными дискурсами, властными структурами и социальными иерархиями, постоянное оспаривание их прав на существование»⁷¹. «Постколониализм», таким образом, стал теорией противостояния нежелательной зависимости – зависимости от прежних доктрин, от европейской (как предполагается, далекой от идеала) модели развития, от созданных в сознании людей образов.

Между тем, если исходить из предложенной выше логики, такой термин вообще не имеет права на существование – причем как минимум по двум причинам. С одной стороны, колонии (в отличие от зависимых территорий) практически никогда не расходились в путях развития с прежними метрополиями и порой обогащали дискурсы, ведшиеся в Европе, а не пытались их развенчать. С другой стороны, при принятии отмеченных ранее смыслов сама по себе «деколонизация» представляется процессом крайне редким, так как обретение колониями независимости вовсе не предполагает исхода колонистов, за эту независимость и борющихся. Концепции же, сторонники которых ныне называют их «постколониальными», осуждают прежде всего практику подавления представителями бывших метрополий местных народов – и, исходя из исключительно негативной оценки эпохи «внешнего управления», призывают скорее к отторжению европейского пути, чем к его творческому использованию. Я прекрасно понимаю, что отношение к бывшим завоевателям и поработителям вряд ли может быть позитивным, однако объективности ради стоит заметить, что отторжение достаточно проверенного типа прогресса отнюдь не всегда приводит к обнаружению более многообещающего.

⁷⁰ См.: Fanon F. *The Wretched of the Earth*. London, New York: Penguin, 2001; Said E. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. London, New York: Penguin, 1995; Said E. *Culture and Imperialism*, New York: Vintage Books, 1994.

⁷¹ Gilbert H., Tompkins J. *Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics*. London, New York: Routledge, 1996, p. 6.

Я готов категорично утверждать: никакого «постколониального синдрома» не существует в природе. Общества, развивавшиеся как колонии, на этапе, когда ущербность их положения начинает тяготить большую часть населения, предпринимают попытку освободиться от доминирования внешних сил – но прежде всего лишь для того, чтобы самостоятельно развиваться в указанном прежними «колонизаторами» направлении. Колонии, начиная самостоятельное развитие, в общем и целом стремятся копировать метрополию; здесь находят свое подтверждение слова К. Маркса о том, что «страна более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁷², и не более того. В ряде случаев такие колонии становятся равными бывшим метрополиям, или даже более успешными, чем они. Примеры США и Великобритании, Аргентины и Испании, Бразилии и Португалии говорят сами за себя. Колонизация определенной территории представителями более развитых на момент начала этого процесса народов может привести к масштабным человеческим трагедиям, но никогда не выступает причиной замедления исторического прогресса – напротив, чаще всего создает условия для его локального ускорения.

Зато существует проблема бывших подконтрольных территорий. Их освобождение вряд ли стоит называть «деколонизацией» – прежде всего потому, что «колонизация» в данном случае выглядела условной. Так, уходя из Вест-Индии, голландцы вывезли на родину... 18 тыс. соотечественников – и при этом взяли с собой более 30 тыс. местных коллаборационистов, которые могли подвергнуться репрессиям за сотрудничество с иностранной администрацией. Из Анголы и Мозамбика после объявления этими территориями независимости в Португалию вернулись 12 тыс. человек, а из французского Индокитая, в борьбе за удержание которого отдали свои жизни 75,5 тыс. французских солдат – 40 тыс. живших там до начала освободительного движения французов (можно при этом вспомнить, что французы называли Индокитай не поселенческой колонией [colonie de peuplement], а колонией, подвергавшейся чисто хозяйственному использованию [colonie d'exploitation économique])⁷³. Даже самый тяжелый случай – война, приведшая к «освобождению» Алжира, до 1962 г. бывшего даже не доминионом, а департаментом

⁷² Цит. по: Мирзоев В. Историография Сибири, Москва, 1970, с. 44.

⁷³ См.: Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях. 2-е изд., дополненное и переработанное. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892, с. 190.

Франции – вернула домой 800 тыс. французов, что составляло на тот момент 7,5% населения этой провинции⁷⁴ (а десятки лет спустя потомки алжирских борцов за свободу крайне сожалеют, что родились после даты провозглашения независимости страны и не могут вернуть себе французское гражданство).

Уход европейцев из этих территорий, часто очень болезненный, был вполне предопределен и экономическими, и политическими причинами.

Экономически колонии стали просто ненужными: если в 1913 г. на британские и французские колонии приходилось около 58% совокупной внешней торговли этих стран⁷⁵, то в 2011 г. доля Индии во внешней торговле Соединенного Королевства составляла 1,7%, а доля всей Африки во французской – около 2%⁷⁶. Сегодня товары, поставляемые бывшими зависимыми территориями, гораздо проще купить, чем бороться за политический контроль над регионами, где они производятся.

Политически именно в ходе борьбы за независимость этих территорий были применены и затем распространились самые жестокие методы современных периферийных войн, включая террористические акты и этнические чистки. Многие историки и классики политической теории специально отмечали, что характер войн радикально изменился именно со второй половины XX века, когда сопротивление стало принимать формы неодолимого бунта, ведущегося с использованием порой немислимых средств⁷⁷. Может быть, кому-то будет любопытно узнать, что они по сути легитимизированы... Организацией Объединенных наций, которая в Резолюции Генеральной Ассамблеи №2908 от 2 ноября 1972 г. («О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством», п. 6) подтвердила «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, *любых*

⁷⁴ Ключевский В. Курс русской истории // Ключевский Василий. Сочинения в 9-ти томах. Т. 1. Москва, 1987, с. 50.

⁷⁵ См.: Иноземцев В. Терроризм как 'освободительная' борьба: новая встреча со старым феноменом // Свободная мысль–XXI, 2005, № 9, с. 29.

⁷⁶ По Великобритании: UK-India Trade Statistics, UK House of Commons, 23 Oct 2012, p. 3 (материал загружен с сайта www.parliament.uk/briefing-papers/SN06191 8 мая 2013 г.); по Франции: данные с сайта www.csmonitor.com/World/Africa/2010/0601/President-Sarkozy-urges-revamped-trade-ties-at-Africa-France-Summit, сайт посещен 8 мая 2013 г.

⁷⁷ См.: Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свободная мысль–XXI, 2004, № 9, с. 5–7.

имеющихся в их распоряжении методов борьбы за самоопределение и независимость (курсив мой. – В.И.)».

В таких условиях европейцы не могли не уйти из своих заморских владений – но они ушли, а проблемы остались. Новые независимые государства обнаружили себя в глобальном мире, в котором они не имели опыта выживания. Их новый статус сопровождался целым «букетом» проблем: завоеватели не заботились о создании здесь зачатков местного самоуправления и основ гражданского общества; границы между протекторатами проводились не исходя из истории местных сообществ, а в силу произвольного раздела территории других континентов европейскими «грандами»; экономика была полностью подчинена внешним потребностям и не могла развиваться без рынка метрополии и без содействия с ее стороны. Общества, которые на протяжении долгого времени контролировались извне, но при этом не перенимали культуру «колонизаторов», а население которых не перемешивалось с ними, были по сути обречены оставаться на периферии глобального развития. Последствия обретенной свободы очевидны: сегодня наибольшее число самых бедных стран мира составляют государства, добившиеся независимости в 1960-х годах; с 1960 по 1996 г. в войнах и вооруженных конфликтах в Африке погибло около 8 млн человек – немногим меньше, чем на всех фронтах Первой мировой войны. Более двух третей населения освободившихся от колониальной зависимости в 1957–1963 гг. стран живут сегодня менее чем на 1 долл. в день; при этом, однако, средние расходы на оборону здесь достигают 6,6% валового продукта. Среди 25 государств с самым низким показателем продолжительности жизни – 24 африканских страны; для 27 стран, получивших независимость на волне освободительного движения 1960-х, рекордный уровень ВВП на душу населения фиксировался в середине или второй половине 1970-х (!) годов⁷⁸, хотя, например, на момент обретения независимости Кенией ее подушевой ВВП был выше, чем... в Южной Корее. При этом стоит заметить, что «скромное обаяние 'постколониализма'» понемногу рассеивается: согласно опросам общественного мнения, в 2005 г. более 49% граждан стран «чёрной» Африки полагали, что ответственность за экономические и социальные проблемы их государств несут собственные правительства и лишь 16% склонны были винить в них бывшие метрополии⁷⁹.

⁷⁸ См.: Иноземцев В. Терроризм как 'освободительная' борьба, сс. 25–26.

⁷⁹ См.: Our Common Interest: An Argument [The Commission for Africa Report]. London: Penguin Books, 2005, p. 41.

Я не пытаюсь снять с европейских правителей ответственность за то, что произошло и происходит сейчас в их бывших заморских владениях. Но я хочу подчеркнуть, что не нужно называть это постколониализмом, а период господства европейцев в Африке или Азии – эпохой колонизации. Просто потому, что неправильное использование понятий может порождать совершенно неверное представление о реальности и провоцировать совершенно ошибочные политические шаги. И тут мы подходим к самому интересному: к, пожалуй, наиболее атипичному примеру имперской и постимперской политики, представленному... Россией.

Уникальная страна и ее будущее

Касаясь «колониальной» тематики, в Советском Союзе и России традиционно стремились говорить, что она не имеет к нашей стране никакого отношения. Это где-то за морями территории завоевывали, а у нас их осваивали, где-то «там» малочисленные народы поработали, а у нас их вытаскивали из проклятого прошлого и открывали им путь в современный мир. Между тем, на мой взгляд, не стоит жить в мире иллюзий – и как раз предложенная классификация открывает путь к переосмыслению и нашей истории, и нашего будущего.

Прежде всего следует заметить, что Россия в своем отношении к внешнему миру оказывается невероятно похожей на Европу. Можно лишь удивляться, насколько хронологически схожи были волны европейского и российского колонизаторства. В то время, когда испанцы уже установили свое доминирование в Южной Америке, а англичане и французы осваивали Северную, русские двинулись на Восток – и с 1581 по 1697 г. полностью покорили всю территорию до берегов Тихого океана, после чего переправились через Берингов пролив и распространились до сегодняшнего Орегона и северной Калифорнии. При этом сибирские города основывались в те же годы, что и наиболее известные города в Новой Англии⁸⁰, а в период максимальной экспансии российские территории, располагавшиеся к востоку от Урала (включая Аляску) превышали по площади испанские владения в Новом Свете от Мексики до Огненной Земли. Согласно подсчетам западных авторов, масштабы этой экспансии и продолжительность контроля над приобретенными пространствами

⁸⁰ См.: Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике, том 10, № 6, ноябрь – декабрь 2012, сс. 83–84.

делают Россию самой большой «империей» за всю историю человечества⁸¹.

Эти огромные территории осваивались теми же методами, что и Северная Америка. Они стали огромной поселенческой колонией русских, действовавших по классическим канонам европейских народов. Характерно, что на это указывали даже современники тех событий: еще во второй половине XVII века Ю. Крижанич, находясь в тобольской ссылке, сравнивал освоение Сибири с римской и испанской практикой переселений, называя ее «высылкой народа на посадки»⁸². Позднее в своей классической работе «Сибирь, как колония», вышедшей в 1882 г. Н. Ядринцев исходит из тезиса о том, что «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного движения и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране... – поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало»⁸³. В начале XX века В. Ключевский писал, что «история России есть история страны, которая колонизируется; область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией – то падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»⁸⁴. Опять-таки современники оставили массу свидетельств жестокостей завоевателей на покоряемых территориях: так, по воспоминаниям епископа Камчатского Иннокентия, уничтожение до половины населения мятежных племен было обычным для русских первопроходцев⁸⁵, а многие современные западные авторы подчеркивают, что уровень истребления местных жителей был близок к североамериканским масштабам и ничего подобного представить себе, например, в Индии при британском владычестве было невозможно⁸⁶. По сути, Россия в сфере колонизации не только соперничала с европей-

⁸¹ Оригинальный расчет, подтверждающий данный факт, предложен в: Taagepera, Rein. An Overview of the Growth of the Russian Empire // Rywkin M. (ed.) Russian Colonial Expansion to 1917, London: Mansell, 1988, pp. 1–8.

⁸² Цит. по: Мирзоев В. Историография Сибири, Москва, 1970, с. 44.

⁸³ См.: Ядринцев Н.М. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях. 2-е изд., дополненное и переработанное. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892, с. 190.

⁸⁴ Ключевский В. Курс русской истории // Ключевский В. Сочинения в 9-ти томах, т. 1, Москва, 1987, с. 50.

⁸⁵ См. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела, Санкт-Петербург, 1840, с. 188–190.

⁸⁶ См.: Curtin P. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984, p. 208.

скими державами, но часто и превосходила их – хотя, по словам Р. Пайпса, «русские [в отличие от европейцев] не уезжали за границу; они вместо этого предпочитали колонизировать собственную страну»⁸⁷.

Но сходства на этом не заканчиваются. Приблизительно через двести лет после начала колонизации Сибири Россия, как и европейские державы, начала не столько колонизаторские, сколько военные эксперименты – присоединяя части плотно населенных территорий или аннексируя отдельные государства или их владения. В конце XVIII – начале XIX веков были присоединены Крым и Молдавия, Польша и Финляндия, Грузия и Азербайджан, в середине XIX-го началась война за Северный Кавказ, а через пару десятилетий – оккупация Средней Азии. Практически включив в свои границы такие вассальные государства, как Бухарский эмират и Хивинский каганат, Россия распространила свою власть до пределов британской зоны влияния в Афганистане и Гиндукуше. В тот же период, когда европейские державы завершили раздел Африки и Юго-Восточной Азии, Россия достигла естественных пределов. Здесь сходства заканчиваются, и начинаются отличия.

Уникальность Российской империи образца начала XX века обуславливалась, на мой взгляд, несколькими моментами. Во-первых, Сибирь – ее гигантская колония – была формально включена в состав единого государства (эта территория перестала управляться Посольским приказом еще в 1596 г.), и не обнаруживала никаких признаков сепаратизма к тому моменту, когда империя начала новый виток расширения. Во-вторых, в отличие от европейских стран и их поселенческих колоний, Россия относилась к Сибири скорее как к зависимой территории, не столько развивая ее, сколько максимально эксплуатируя ее богатства; местные элиты здесь практически отсутствовали, а первый университет (основанный в Томске в 1878 г.) появился на 327 лет позже, чем в Лиме, на 242 года позже, чем в Бостоне и на 16 лет позже, чем в Карачи⁸⁸. И, в-третьих, Россия начала намного более активно осваивать свои зависимые территории в Закавказье и Средней Азии, чем решилась на это любая из западноевропейских держав. Особенно удивляет то, что вся эта «несовместимая с [нормальной] жизнью» конструкция

⁸⁷ Pipes R. The Russian Revolution. New York, Alfred A. Knopf, 1990, pp. 103–104.

⁸⁸ По данным о датах учреждения соответствующих университетов с сайта интернет-энциклопедии “Wikipedia” (www.wikipedia.org, сайт посещен 16 января 2013 г.).

пережила крах имперского режима в метрополии и после короткого периода хаоса просуществовала еще почти семьдесят лет.

Однако в конце 1980-х годов очередное ослабление центра привело к нарастанию сепаратистских тенденций и распаду страны – распаду, который только на первый взгляд мог показаться «беспроблемным» и который пока не следует считать окончательно завершённым.

Россия, как в свое время и Британия, без сопротивления «отпустила» свои зависимые территории, понимая, что контроль над ними обходится все дороже. Однако российские руководители «забыли», что часть этих территорий, не являвшихся классическими колониями, были к тому времени серьезно колонизированными. В 1989 г. доля русского, украинского и белорусского населения в Казахской ССР составляла 44,4% (а казахского – 39,0%), в Киргизской ССР – почти 24,3%, в Узбекской ССР – 9,3%, в Таджикской ССР – 8,5%, в Азербайджанской ССР – 6,1%, в Чечено-Ингушской АССР – 24,3%⁸⁹. Лишь в нежданно обретших независимость республиках Средней Азии жило не менее 11,0 млн. русских, белорусов и украинцев⁹⁰ – в 20 с лишним раз больше, чем англичан в африканских и азиатских владениях Британии в 1947 г. и в 30 раз больше, чем французов в таких же владениях Франции в 1952-м. И то, что началось после распада Советского Союза, вполне можно назвать единственной в истории деколонизацией в собственном смысле этого слова: к середине 2000-х годов из стремительно архаизирующихся новых государств было разными способами выдавлено около 4 млн. уроженцев бывшей метрополии. К концу 2010-х годов доля славянского населения в Казахстане упала до 26,2%, в Киргизии – до 6,9%, в Узбекистане – до 4,1%, в Таджикистане – до 1,1%⁹¹, а в формально оставшихся в составе России Чечне и Ингушетии – до 1,9 и 0,8% соответственно⁹². Причем произошло все это при полном молчании официальных российских властей, иезуитски обосновывавших необходимость «дружбы» с новыми режимами абстрактными геополитическими соображениями.

⁸⁹ Рассчитано по: Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), Москва: Финансы и статистика, 1991 (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6e, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Рассчитано по данным национальных статистических служб соответствующих государств за 2006–2009 гг.

⁹² Рассчитано по: Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).

Происшедшее в бывших республиках Советского Союза еще раз доказывает то, что давно можно было понять на основе изучения истории «реальных» колоний: освоенные европейскими державами территории следуют в русле европейского цивилизационного выбора лишь в случае, если они населены в подавляющем большинстве представителями европейских народов. Зависимые территории в большинстве своем не могут выстроить позитивной идентичности – и потому не способны избежать всплеска национализма, который выступает единственным известным им инструментом строительства новой нации. И если попытаться вынести из случившегося уроки, то они будут просты и понятны: во-первых, пытаться препятствовать продолжающейся архаизации этих государств бессмысленно; во-вторых, искать с ними союза, учитывая это обстоятельство, по меньшей мере непродуктивно; в-третьих, для бывшей метрополии создавать интеграционные объединения со странами, инициировавшими и продолжающими политику «деколонизации», порочно и аморально. Апология Евразийского союза не более убедительна, чем идеи о воссоздании квазигосударственных форм ассоциации Британии с Зимбабве или Франции с Сенегалом, а выгоды от образования на этой территории зон свободной торговли не более очевидны, чем от введения беспощинного ввоза в Европу товаров из тропической Африки. Попытки России восстановить единство со своими прежде зависимыми территориями – попытка, не знающая равных в истории по своей иррациональности.

Не менее странной выглядит и другая особенность страны. Набиваясь в партнеры бывшим вассалам, метрополия не замечает меняющегося баланса потенциалов центра и колонии в составе России. На закате советской эпохи на Сибирь приходилось 13% экономического потенциала СССР и чуть менее 10% его населения (конечно, зауральские земли составляли 57,1% территории, но большая часть их была необжитой, и этот дисбаланс никого не волновал). Но Советский Союз рухнул – и теперь на Сибирь приходится 74,8% территории России и 20,3% ее жителей. Более того, по итогам 2012 г. от 68 до 75% всего экспорта страны составили товары, добытые или первично переработанные в Сибири, а всего два платежа – налог на добычу полезных ископаемых, и экспортная пошлина на нефть и природный газ (оба по преимуществу «сибирские») – обеспечили 50,7% доходов федерального бюджета⁹³. Лишилась Россия сибирского экс-

⁹³ Согласно Отчету Счетной палаты РФ о предварительном исполнении федерального бюджета за 2012 г.

порта – она немедленно скатится с 9-й на 30-ю позицию в рейтинге глобальных экспортеров, расположившись вслед за Австрией⁹⁴; лишь бюджет сибирских доходов – достижения всего путинского десятилетия в социальной политике будут перечеркнуты. Похоже, что сегодня не Сибирь – восточная окраина России, а Москва – город к западу от Сибири.

Никогда и нигде колония не была настолько экономически значимее метрополии, оставаясь политически столь бесправной. Сужение пределов страны, индустриальная деградация России и превращение ее в сырьевой придаток Европы качественно меняют степень ее устойчивости в «колониальной» системе координат. Поэтому сейчас исключительно важно обеспечить большее влияние восточной части России на принятие основных решений в государстве, модернизировать федеративные отношения, дать Сибири голос в принятии внешнеполитических решений, по-новому осмыслить стратегии развития нашей пока еще единой страны.

Россия – уникальная историческая общность. По сути, она пользуется такими преимуществами, которыми могли бы похвастаться Англомерика или Портобраз, если бы 13 колоний не отложились от британской монархии в 1776 г., а южноамериканская вотчина Португалии не объявила себя независимой империей в 1822-м. Эти преимущества и возможности нужно ценить. Надо изучать историю и помнить, что великие европейские нации начали свой упадок не тогда, когда обезумевшие от жажды свободы племена вышибли их уставшие армии из Заира или Мозамбика, а тогда, когда раздвинувшие их границы пассионарии сочли, что смогут быстрее и эффективнее развиваться без опеки их прежней столицы. Потеря колоний несравнимо опаснее утраты зависимых территорий. Удерживать последние бессмысленно, испытывать связи с первыми на прочность безрассудно. Именно к этому выводу можно прийти, осознав различие между колониями и зависимыми территориями, которым пренебрегает современная политическая наука – не в последнюю очередь потому, что находится в плену традиционной терминологии. Действуя же, исходя из привычных представлений, легко принять ошибочные решения.

* * *

⁹⁴ Рассчитано на основании данных по экспорту отдельных стран за 2012 г., приводимых CIA World Factbook: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html>, сайт посещен 26 февраля 2013 г.

Эта статья – в первую очередь призыв задуматься. Время колониальных и имперских экспериментов, которыми веками ставили европейцы, подходит к концу. Оглядываясь назад, можно намного лучше и тоньше понять историю европейской колонизации и европейского владычества. Сегодня практически очевидно, что мир глобализуется, а не вестернизируется, что сама идея центра и периферии понемногу исчезает. Но не менее ясной становится и разница между колониальной экспансией, собственно и создавшей современный развитый мир в его относительном единстве, и временным контролем над чуждыми территориями, приведшим в итоге лишь к реакции и регрессу. Европа ошиблась в том, что не остановилась на тех пределах, на освоение которых у нее хватало людских ресурсов, и положила на технологии, не способные заменить культурные коды. Колонизация была величайшим проявлением европейской пассионарности, попытка контроля за отдаленной периферией – величайшей ошибкой Европы.

Относительно недавно Россия оказалась лицом к лицу с теми же процессами, с которыми европейцы столкнулись полвека тому назад. И нам нужно не пытаться забыть о том, что происходило и происходит в мире в последние пятьдесят лет, а проанализировать данный опыт, вырвавшись из плена терминологических и идеологических штампов. Нам нужно еще раз переосмыслить различия между колониями и зависимыми территориями; вестернизацией и глобализацией; постколониальным развитием и постзависимостью; наконец, между попытками восстановления империй и равноправной межгосударственной интеграцией. Ко всем этим вопросам я попытался подойти исключительно с теоретической, и даже терминологической стороны, и, возможно, не учел многих важных обстоятельств. Поэтому предлагаемая статья и воспринимается мной не как ответ на актуальные вопросы нашего времени, а прежде всего как приглашение к их широкому – и по возможности неполитизированному – обсуждению. Мне кажется, что такая дискуссия сегодня может оказаться весьма полезной.

Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением⁹⁵

Александр Эткинд, Дирк Уффельманн, Илья Кукулин

1

Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверские, Карталинские и Кабардинские земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая⁹⁶ (Свод Законов 1912:1, 4–5).

Достигнув этой финальной формы в начале XX века, титул российского императора входил в Свод законов Российской империи (статья 59) и изучался в гимназиях. На каком языке, однако, надо его читать – юридическом или историческом? В каком смысле смоленская вотчина названа великой, а эстляндское владение – нет? Почему лифляндское владение попало в тот же разряд, что и тверское? По каким причинам Туркестан был приравнен к Рязани? Почему владение Польшей приравнено в этом титуле к владению Сибирью, и Польша, частично присоединенная к России в XVIII веке,

⁹⁵ Благодарим Марию Майофис и Михаила Долбилова за консультации и Андрэ Шмидта – за содействие при уточнении библиографии.

⁹⁶ Свод Законов Российской Империи. СПб.: Книжное товарищество «Деятель», 1912: В 5 кн. Кн.1, с.4–5/

названа в титуле раньше, чем Сибирь, чья территория вошла в состав Московского царства в XVI-м? Чем оба этих права отличаются от владения Киевом, Рязанью или Арменией? И о каком праве здесь идет речь – международном или внутреннем?

Суверенитет российского императора в равной степени – безо всяких качественных или количественных, исторических или юридических различий – распространялся в его официальном титуле как на старинные земли, из которых росла и развивалась империя, так и на земли, захваченные исторически недавно или даже вовсе не приобретенные. В один и тот же разряд попадали территории, колониальное освоение которых было разделено многими столетиями. Географически далекие, культурно чуждые, иногда политически нестабильные земли перечислялись в одном списке с владениями древними, близкими, столичными. Имперский суверенитет над такими разными пространствами описывался как один и тот же – единый и неделимый. Если не считать таких юридически сложных вопросов, как владение Финляндией, которая формально имела очень широкую автономию (а с 1878 года – даже «собственную» армию), граничившую с личной унией⁹⁷, и владение Польшей, которая между 1815 (создание Царства Польского) и 1832 годами (издание Органического статута Царства Польского, упразднившего сейм и провозгласившего Польшу неотъемлемой частью Российской империи) имела довольно широкую автономию.

Тогдашние юристы и историки не могли бы объяснить логики этой структуры, хотя юристы и комментировали титул в книгах по государственному праву⁹⁸, а историки – в сочинениях по геральдике⁹⁹. Знание исторической последовательности территориальных приобретений империи не решает загадку императорского титула. Александр Филюшкин, специально исследовавший эволюцию самообозначения российских монархов, констатировал, что принципы включения земель в императорский титул неясны или произвольны¹⁰⁰.

Любопытно, что эта историко-правовая конструкция, дефинитивная для российского суверенитета, почти не подвергалась об-

⁹⁷ Подробнее см.: Пыжиков А.В. Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: OLMA MEDIA GROUP, 2003.

⁹⁸ См., например: Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Техник, 1913, с.558–624.

⁹⁹ Лакиер А. Русская геральдика. Кн.1. СПб.: В типографии 11-го Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1855, с.245-251. См. также: Лакиер А. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847, № 10–11.

¹⁰⁰ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.

суждению или критике в русской общественной мысли. Потому ли так случилось, что она воспринималась как очевидная и неоспоримая, или потому, что она казалась «заумной» и не подлежащей рациональному анализу? Возможно, российский императорский титул казался сходным с титулами других европейских монархов. Но при таком сравнении легко увидеть, что страны и территории, перечисленные в официальном наименовании российского царя, более разнообразны и контрастны¹⁰¹, чем в других аналогичных титулах. При чтении российского титула бросаются в глаза географическая удаленность, культурная гетерогенность и экзотичность названий многих имперских владений. Перед нами текст, барочный по своей поэтике. Те, кто писал и переписывал этот юридический опус в течение двух столетий, не ставили перед собой задачи разбить имперские владения на категории, выстроить из них некую иерархию, удалить самые выдающиеся несуразности, придать титулу риторическую стройность и всем этим облегчить задачу гимназистам, которые обязаны были учить его наизусть. Усилия имперских юристов были направлены на иные цели. В восприятии составителей и обладателей императорского титула многочисленные детали и несообразные реалии не только не искажали его барочную поэтику, но усиливали желаемый эффект, в природе которого нам предстоит разобратся.

Андрей Белый начал свой роман о закате империи с пародии на титул российского суверена:

Что есть Русская Империя наша? Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя включает: во-первых – великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых – грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих – их, она за-

¹⁰¹ Британский монарх по Акту 1927 года (Royal and Parliamentary Titles Act) назывался королем (или королевой) «Великобритании, Ирландии и британских заморских доминионов». Император Австро-Венгрии после произошедшей в 1866 году потери Венеции назывался так «Император Австрии, апостолический король Венгрии, король Богемии, Далмации, Хорватии, Словении, Пшиции, Лодомерии и Иллирии, король Иерусалима и прочая, эрцгерцог Австрии, великий герцог Тосканы и Кракова, герцог Лотарингии, Зальцбурга, Штирии, Каринтии, Крайны и Буковины <...> Великий воевода Воеводства Сербского и Гроссмейстер Ордена Золотого руна». Нынешний титул короля Испании по Конституции 1978 года включает в себя указание на множество земель, сегодня Испании не принадлежащих, и все же менее гетерогенен, чем титул российских монархов, так как в нем последовательно перечисляются владения или территориальные притязания разных династий – дома Трастамара, властвовавшего в XV веке, Габсбургов, правивших страной в XV-XVI веках, и Бурбонов, правящих сегодня: «Его Католическое Величество король Испании, король Кастилии, Леона, Арагона, Двух Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Севильи, Толедо, Валенсии, Галиции, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии <...> Западных и Восточных Индий, островов и срединных земель Моря-Океана, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта, Милана, Афин и Неопатрии...» и т. д.

ключает... Но –прочая, прочая, прочая. <...> Град первопрестольный –Москва; и мать градов русских есть Киев. Петербург... подлинно принадлежит Российской Империи. А Царьград... (<...> Константинополь) принадлежит по праву наследия. И о нем распространяться не будем¹⁰².

Как и сам титул с его норвежским владением, Белый включил в свою ироническую версию как старо- и новоприобретенные земли, так и территорию, которая, несмотря на постоянно высказываемые стремления, захвачена Россией так и не была, – Константинополь-Царьград¹⁰³. Испытывая *стилистические разногласия* с давно устаревшей поэтикой имперского титула, Белый редуцировал историческую гетерогенность имперского суверенитета, переводя его из категорий права в сказовую стилистику, с политико-юридического языка – в чистый фольклор. Эта трансформация показательна. Белый остро чувствовал, что динамическая неопределенность границ между российскими метрополиями и колониями, трудности в различении между внешним и внутренним, своим и чужим, зависимым и независимым не снимают проблемы российского суверенитета, но, напротив, конституируют ее.

Как писал Карамзин, возражая против идеи Александра I восстановить польскую государственность на том основании, что Польша некогда была независимой: на этом основании «мы должныствовали бы восстановить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее»¹⁰⁴. Казалось бы, Карамзин должен был хорошо понимать странность такого аргумента: ведь *третий* раздел *Речи Посполитой, ликвидировавший* ее самостоятельность, произошел на тот момент совсем недавно, когда писатель и историк был уже взрослым человеком – в отличие от присоединения Казани и Астрахани, совершенных, как известно, при Иване Грозном. О том сопротивлении, которое вызвал этот раздел, корреспондент императора помнил, вероятно, тоже хорошо. Но Карамзин использовал не историческую, а юридическую логику, предполагавшую формальное «равенство» всех земель, включенных в российское государство¹⁰⁵. И тем не ме-

¹⁰² Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Издание подготовил Л.К.Долгополов. М.: Наука, 1981, с.9.

¹⁰³ Аналог Иерусалима, на обладание которым претендовали Габсбурги и который сейчас входит, как уже сказано, в титулатуру наследующих им королей Испании.

¹⁰⁴ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина (17 октября 1819 г.) // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002, с.437.

¹⁰⁵ Подробнее об имперско-колониалистской логике Карамзина применительно к Польше см.: Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. «Записка о Польше» Н.М.Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века // История Польши в историографической тради-

нее в этом письме отзывается реально существовавшая двусмысленность российского государственного устройства, как оно было представлено в императорском титуле: трудность различения «внешних» и «внутренних» земель, неопределенность границ¹⁰⁶, изменчивость критериев и были особенностями, которые отличали Российскую империю от ее друзей и врагов, с которыми она себя постоянно сравнивала, опыт которых перенимала, стараясь превзойти и опровергнуть.

Россия вышла на международную арену одновременно с Португальской и Испанской империями. Она росла в соревновании с сухопутными империями прошлого (Монгольской)¹⁰⁷ и настоящего (Османской, Прусской, Габсбургской, с Речью Посполитой). Она созрела в конкурентной борьбе с великими морскими империями (особенно Британской). И пережила большинство из них. В некоторые исторические периоды Британская империя превосходила Российскую по площади своих владений, но последняя была намного более долговечной. Расчеты, принимающие во внимание и количество квадратных километров, которые контролировали различные империи, и длительность этого контроля, показали, что Российская империя была самой протяженной в пространстве *и* самой долговечной из всех империй, заставших начало Нового времени¹⁰⁸.

Где границы российской метрополии, откуда начинаются российские колонии и как их различать? Понятно, что ответы зависят от временной точки отсчета; но их трудно давать даже и в синхронных срезах. Например, на рубеже XVIII–XIX веков границы метрополии шли по Кавказскому хребту, реке Амур и Берингову проливу. Но, пользуясь более содержательным критерием однородности гражданских прав (кодифицированным в тогдашнем российском праве в понятии «природного подданства»¹⁰⁹, может быть, правильное про-

ции XIX – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции. Гродно, 29–30 октября 2009. Под общ. ред. Т.Т. Кручковского. Гродно: ГрГУ, 2011, с.95–103.

¹⁰⁶ Ср. у А.Филюшкина: «Для отбора земель в титул (в XV1 веке) были важны как раз рубежи и новые приобретения: в него попадали крайние пограничные территории на севере-юге-востоке-западе, правда, не всегда расположенные по «русскую» сторону границы». Филюшкин А.И. Указ.соч., с.210.

¹⁰⁷ О влиянии самоназвания монгольских ханов на титул русских государей см.: Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000.

¹⁰⁸ Taagepera R. 1988. An Overview of the Growth of the Russian Empire – Russian Colonial Expansion to 1917 / Ed. by Michael Rywkin. London; New York: Mansell. P. 1–8.

¹⁰⁹ Гессен ВМ. Подданство, его установление и прекращение: Т 1. СПб.: Тип. «Правда», 1909; см. также: Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий. Пер. с англ. С.С. Константиновой // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 197–222.

водить границу метрополии по черте еврейской оседлости, с 1791 года определявшей одну из самых беспокойных колоний этой империи?

Когда началась российская колонизация – при оккупации этнически чуждой Казани или этнически близкого Новгорода? Где были русские колонии – в чудских землях, на Урале и в Сибири¹¹⁰, где шел классический процесс смешения мигрантов и туземцев, или в Малороссии, где все было наоборот, и население, близкое по языку, а часто и по религии¹¹¹ жившим в метрополии великороссам, культивировало культурно-политические различия, которые были необходимы для осознания украинцами себя как самостоятельного этноса?

Сам статус колонии при определении отношений тех или иных владений России с центральной властью теряет определенность, требует уточнений и оговорок. «Классической», в европейском смысле, и в целом вполне «заморской»¹¹² колонией России легко признать Аляску и Алеутские острова. Имперские чиновники контролировали эти земли не непосредственно, а через Российско-Американскую компанию, подобно тому, как управлялись колонии Британии, Голландии и т.п.¹¹³ Но Аляска же стала единственной колонией, от которой империя добровольно, без принуждения освободила себя. Покоренными и зависимыми территориями были Польша, Финляндия, Лифляндия, Кавказ. Не стоит, однако, применять к ним представления об экономической эксплуатации и ограничении политических прав населения колоний в сравнении с населением метрополий, которые сформированы опытом Британской и других классических империй. В одних случаях права жите-

¹¹⁰ Проблемы колонизации Сибири были глубоко освещены в серии важных работ Анатолия Ремнева. См.: Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала «Ab Imperio»). – Казань: Центр исследований национализма и империи. 2004. С. 223-242; Ремнев А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Зиновьев В.П. и др. Сибирь в составе Российской империи. Под общ. ред. А.В. Ремнева и Л.М. Дамешака. М.: Новое литературное обозрение. 2007; Ремнев А. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 150-181 и др. Мы опирались, среди прочего, и на его исследования, надеялись вступить с ним в творческий диалог и скорбим о его безвременной кончине.

¹¹¹ Мы не говорим о представителях греко-католической церкви (униатах), которые на протяжении XVIII-XIX веков и при советской власти подвергались последовательным репрессиям.

¹¹² Хотя и отделенной в месте самого близкого контакта относительно нешироким Беринговым проливом (86 км).

¹¹³ Подробнее см. в статье М. Ходарковского в книге: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А.Эткинда, Д.Уффельманна, И.Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

лей российских окраин в самом деле были жестко ограничены, но в других случаях эти колонизированные, но не знавшие крепостной зависимости люди имели большую личную свободу, чем крестьяне внутренних областей России.

В классическом колониализме культурные различия между метрополией и колонией опирались на отчетливые, по мнению колонизаторов, расовые, этнические и лингвистические признаки. Колонизуя Индию или Конго, британцы или бельгийцы придавали этим признакам политическое значение и тем самым дистанцировались от тех, кого порабощали и эксплуатировали. Конструируемые различия между двумя участниками этого процесса, субъектами и объектами колонизации, гарантировали, что даже полный его успех не приведет к нежелательной путанице. Но в России культурная дистанция между метрополией и колонией не совпадала с этнической дистанцией между ними.

Географическая протяженность российского пространства и имперское стремление к централизации перевешивали всякие иные различия – этнические, лингвистические, религиозные, – перемешивая их в общем котле. При управлении множеством этносов империи приходилось вторично колонизировать уже собственный народ, постепенно формировавший новую идентичность. Именно отсутствие «очевидных» (а на деле тоже регулируемых культурой) различий, таких как раса, создавало необходимость формирования культурных маркеров, которые бы выстраивали необходимые социальные иерархии – логически непротиворечивые, недоступные подделке, удобные в обращении. Подобно стихийному структуралисту, загоняющему в бинарные схемы самый непригодный для этого материал, сама имперская культура накладывала искусственные классификации на хаотические, мозаичные континуумы, такие как религиозные разногласия, сословные права и, наконец, географические пространства.

Поэтому политическая и административная экспансия, на которой была основана Российская империя, развивалась как сложный конгломерат теорий и практик, объединенных всего лишь одной общей чертой: управленческие и познавательные методы, которые были выработаны морскими империями в целях внешней, «замор-

ской» колонизации, использовались в сходных и все же глубоко отличных целях внутренней колонизации¹¹⁴.

Мы определяем внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства, и именно здесь мы сталкиваемся со своеобразием сухопутных империй. Поскольку их метрополии не были очерчены природными, морскими границами, они исторически менялись. Границы России расширялись и в до-имперский, и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие «внешнего» от «внутреннего» было текучим и неопределенным. Оно никогда не определялось имперскими юристами, которые предпочитали отрицать само наличие колоний у России¹¹⁵. Отношение центральной власти уравнивало и смешивало внешние колонии, такие как Кавказ, с внутренними, и прежде всего с землями и крестьянами, в XIX веке находившимися в удельном и государственном владении¹¹⁶; это порождало символические «сбои» в культурной репрезентации России для других стран¹¹⁷.

Вплоть до революции 1917 года, как показывает Жюльетт Кадио¹¹⁸, в понятии «иностранцы» соединялись представления о сословии, религии и об этнической принадлежности в современном смысле слова; некоторые этносы в социально-административной номенклатуре Российской империи были в полном составе определены как особые *сословия*. Формы культурно-политического отношения к «иностранцам» в Российской империи были одновременно универсальными и локализованными. Так, вернейшим способом обращения с «дикими» народами считалось взятие заложников – и на Аляске XIX века этих заложников российские администраторы на-

¹¹⁴ См. об этом статью М. Майофис в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹¹⁵ См.: Ремнев А. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 150-181; Сандерленд В. 2010. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство. Пер. с англ. В. Макарова // Imperium inter pares... С. 105–149.

¹¹⁶ См. об этом статью М. Ходарковского в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹¹⁷ См. об этом статью И. Шевеленко в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹¹⁸ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940. Пер. с фр. Э. Кустовой. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

зывали аманатами, как и на Северном Кавказе в XIX веке или в Башкирии времен Пугачевского восстания, – при том что и слово, и соответствующая ему военная практика пришли на Русь во время Ордынского ига¹¹⁹. Но конкретные формы обращения с «туземной» культурой очень сильно варьировались. В некоторых случаях брался курс на максимально возможную ассимиляцию этносов, оказавшихся в ситуации внутренней колонизации. Так было в Поволжье с чувашами и мордвинами: вторые еще в XVI–XVII веках проникали в российские политические и религиозные элиты (мордвином был, например, патриарх Никон). Иногда имперские власти применяли военно-административное, основанное на силовых методах управление заведомо «не поддающимися» ассимиляции этносами (Северный Кавказ), которые могли быть подвергнуты репрессиям по этническому признаку. Такими репрессиями стало «выдавливание» северокавказских народов с занимаемых ими территорий во время и после окончания Кавказской войны¹²⁰ и этнические чистки в эпоху сталинизма¹²¹. В XIX веке для управления такими территориями могли использоваться административные и политические принципы, аналогичные методам управления в колониях европейских держав¹²². Бывало, впрочем, и так, что имперские власти на протяжении многих десятилетий не могли определить цели своей политики в отношении этносов, «доставшихся» им вместе с территорией: так получилось с народами Крайнего Севера –алеутами, чукчами и т.п., как это описал Юрий Слѣзкин¹²³.

Местные и петербургские военные и административные власти пытались приспособливаться к новым ситуациям, как они их понимали, налаживая отношения с местными сообществами разными

¹¹⁹ Вообще же тюркское слово «аманат» чрезвычайно многозначно и означает нечто доверенное человеку (например, на хранение), «завещание» или «завет».

¹²⁰ Бобровников В.О. Последние волнения и политическая ссылка. – Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 136-154; Бобровников В.О., Бабич И.Л. Мухаджирство и русская колонизация // Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 155–183.

¹²¹ См.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ. 2001. О преемственности и различии методов имперской и советской властей в управлении Северным Кавказом см.: Бенвенути Ф. Россия, Запад и Чечня // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX середина XX в.). Под ред. П. Поляна. М.: РОССПЭН. 2011. С. 15–20.

¹²² См.: Бобровников В.О. Русский Кавказ и Французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? // *Impertum inter pares*:... С. 182-209.

¹²³ Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение. 2008.

способами¹²⁴: от экономических предпочтений до геноцида, в результате которого исчезли многие народы Сибири и Кавказа; от абсорбции местных элит до апартеида, каковым был режим «еврейской оседлости»; от миссионерской деятельности в отношении «иноверцев», которыми были как «инородцы», так и этнически русские «раскольники и сектанты», до погромов, депортаций, обменов населением с соседними государствами и пр. Империя терпела неудачи в своих попытках интегрировать исламское население такой географически внутренней области, как Поволжье; субсидировать (через залоговые и другие механизмы) огромные помещичьи земли, не дававшие прибыли в условиях принудительного труда; или создать жизнеспособные институты, которые бы заменили помещичий контроль в русских деревнях после освобождения крепостных крестьян¹²⁵. В ряде случаев «попытки ассимиляции [этнических] меньшинств угрожали необходимостью ввести такое определение русскости, которому не могли бы удовлетворить сами русские, или возвышением инородцев над самим русским населением»¹²⁶.

Внутренняя колонизация великорусских областей сопровождалась *искусственным производством культурных различий*, необходимых для того, чтобы дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения. При этом белорусы и украинцы считались не инородцами, а «русскими»: в праве считаться отдельными народами власти им отказывали, языки их считались диалектами великорусского наречия. Националистически настроенная интеллигенция украинцев и белорусов десятилетиями боролась за признание своих групп самостоятельными этносами. В этом случае управление включало в себя такой парадоксальный элемент, как инверсия культурных и социальных различий: в официальном имперском дискурсе и особенно в литературных произведениях, написанных с имперской точки зрения, этнокультурные различия между восточнославянскими народами подвергались отрицанию или минимизировались, а сословные различия между

¹²⁴ Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С.18.

¹²⁵ О крестьянской общине как институте внутренней колонизации см.: Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press. 2011. P. 137–148.

¹²⁶ Geraci R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 2001. С.347.

сельскими, городскими и «благородными» людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым¹²⁷.

2

В культурном, социальном и экономическом измерениях империя развивалась снаружи внутрь. «В России центр на периферии», – писал Ключевский¹²⁸ (Ключевский 1990: 385). Центры располагались на географической окраине, оттуда цивилизация распространялась не только за пределы империи, но и в срединные области страны: словесная диалектика, которая соответствовала реальной политике. Главным фронтом для имперской администрации то и дело оказывался тыл.

Российское государство колонизировало не только Польшу, Сибирь или Кавказ – оно осуществляло экспансию колониальных методов в собственных внутренних областях, где раздавало латифундии и подавляло восстания. Это повлекло неожиданные культурные последствия: едва сложившись как социальная группа, российские интеллектуалы тоже стали воспринимать эти, казалось бы, хорошо известные им пространства как экзотические и подлежащие изучению. В отличие от романтиков Западной Европы, русские романтики-интеллектуалы, собиравшие фольклор и открывавшие для себя деревенскую общину (речь идет и о славянофилах, и о западниках), воспринимали внегородское пространство не только как «забытое свое», но и как «чужое». Они находили во внутренних областях России странные секты и привозили в столичные коллекции уродов и раритеты. Туда направлялись народники и другие русские аналоги «паломников в страну Востока». Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России чаще всего были обращены внутрь собственного народа.

Этот народ был своим, он говорил на «нашем» языке и был источником «нашего» благополучия – и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. Этот процесс называли внутренней колонизацией, самоколонизацией, вторичной колонизацией собственной территории.

Русские писатели, не стремившиеся стать теоретиками колонизации, тем не менее много писали о колониальных терри-

¹²⁷ Подробнее см. в статье М. Лекке в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹²⁸ Ключевский В.О. Афоризмы // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 9. М.: Мысль.1990. С.385.

ториях и анализировали сознание как их покорителей, так и подчиненного населения – «субалтернов». Литературное освоение периферийных колоний России – Украины. Крима, Новороссии, Кавказа, Сибири, Центральной Азии – стало предметом многих исследований¹²⁹. Только из хрестоматийных произведений литературы можно назвать южные поэмы Пушкина, его же «Путешествие в Арзрум», «Герой нашего времени» и «Валерик» Лермонтова, «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» Толстого, «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, «Джан» и «Песчаная учительница» Платонова, «Уроки Армении» Битова...

Еще в 1830-е годы русская проза второго ряда (в первую очередь сочинения, публиковавшиеся в «Библиотеке для чтения») была очень богата ориенталистско-колониальными сюжетами – «кавказскими», «калмыцкими» и т.д., популярными сюжетами в ней были любовные отношения и брак между колонизатором-мужчиной и колониальной женщиной или, наоборот, колониальным мужчиной и дочерью колонизатора. Показательно, однако, что значительная часть ориенталистики оказалась «вытеснена» из русской литературы в процессе формирования литературного канона – или не была опознана в качестве ориенталистской литературы; так случилось с «Героем нашего времени». Канон формировали критики от Белинского до Страхова (или, если включить иностранцев, до Э.-М. де Вогюэ с его книгой «Русский роман»), а отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русской критики и публицистики, чем отношения между государством и народом. Более того, в силу самореференциальности внутренней колонизации оппозиция государства и народа эффективно замещала в русской культуре оппозицию Запада и Востока¹³⁰.

3

Самореференциальность внутренней колонизации придавала ей характерную непоследовательность, путаность, незавершенность, которую западные наблюдатели – вполне в духе ориентализма, описанного Э. Саидом, – объясняли национальными особенностями, культурой или характером. Самым проблематичным, однако, ока-

¹²⁹ См., например: Ram H. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press. 2003.

¹³⁰ См. в статье Г. Киришбаума в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

зываются не эти мифические категории, но само различие между внешним и внутренним, – иными словами, понятие *границы*. Конечно, нестабильность границ и всего, что с ними связано (например, гражданства), свойственна любым колониальным ситуациям. В одних случаях (этот метод более характерен для французской колонизации) границы «стирались» и территория подвергалась аннексии, так что права граждан метрополии в юридическом – но не в культурном – смысле распространялись и на колонии¹³¹. В других случаях между гражданами метрополии и колоний поддерживались юридические различия, которые неизменно становились предметом борьбы (Бельгия). В российском случае постепенное расширение территории формировало все новые различия между подданными, а власть в разные времена, как уже сказано, формировала разные стратегии для манипулирования этими различиями. Характерное нагнетание ориенталистских метафор для объяснения отношений между властью и обществом в России – не что иное, как риторические конструкции внутренней колонизации, для которых характерны сочетания дескрипции и прескрипции, уподобления по смежности и временной отсрочки.

Термин «отсрочка», взятый из философии Жака Деррида¹³², здесь мы понимаем как трудность или невозможность определения

¹³¹ Разумеется, это эскизное описание, указывающее на общие тенденции, но намеренно игнорирующее детали. Тенденция французских властей административно уравнивать колониальные земли и метрополию родилась вместе с Великой французской революцией. В принятой 26 августа 1789 года Декларации прав человека и гражданина говорилось об отмене рабства в колониях и о запрещении работорговли; 4 февраля 1794 года якобинское правительство приняло декрет, подтверждавший уничтожение рабства в колониях. Конституция III года Республики (1793 год) провозгласила принцип политической ассимиляции колоний (ст. 6 и 7): «Колонии являются составными частями Республики и подчинены тем же конституционным законам. Они разделены на департаменты». Наполеон Бонапарт, однако, вновь ввел в колониях рабство и отменил его только в период Ста дней (Черкасов П.Л. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. М.: Наука. 1983). Наполеон III во время посещения Алжира (незадолго до этого присоединенного к Франции) провозгласил; «Я – император арабов точно так же, как и французов» (цит. по: Черкасов П.Л. Указ.соч. В целом можно сказать, что Франция гораздо чаще, чем Британия, практиковала в колониях прямое, а не косвенное управление. Влияние этой традиции прослеживается в политике Франции уже и в постколониальный период: в настоящее время сохранившиеся «заморские департаменты», разбросанные по всему миру, считаются частью территории Франции, избирают депутатов французского парламента и используют в качестве валюты евро.

¹³² Начиная с работы «La différance» («Различение») (1968) Ж. Деррида писал о том, что знак всегда существует во времени и несет в себе следы прошлых значений и предвестие будущих семантических сдвигов. В работе «La différance» Деррида характеризует этот процесс как «овременивание» («temporalisation») знака. См.: Деррида Ж. Различение. Пер. с фр. Н.В. Суслова // Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя. 1999. С. 169-208. Сам философ возводил этот термин к фрейдовскому немецкому неологизму «Denkaufschub» – «мыслительная отсрочка». См.: Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская

современниками тех практик, которые составляли внутреннюю колонизацию. Их рефлексия в публичном языке всегда словно бы откладывается в будущее. В отличие от практик внешней колонизации, которые становились предметом публичных дебатов, юридических упражнений и административных проектов, практики внутренней колонизации чаще оказывались предметом ретроспективного анализа в сочинениях мемуаристов, романистов и, наконец, историков. Однако метонимическая критика внутренней колонизации – через указание на иные практики в других странах или в самой России – постоянно присутствует в русской культуре.

Согласно классическим определениям, колонизация есть исторический процесс, а колониализм – ее идеологическое оформление и обоснование. Колониализм отличается от империализма. Колониализм «натурализует» процессы доминирования «метропольной» армии и «цивилизованных» поселенцев на колонизированной территории, а империализм – это апология господства, которое не требует массового переселения¹³³. Теоретические определения колонизации не указывают, проходят или должны ли проходить миграции в пределах национальных границ или за их пределами, или же такие границы завоеванной территории на момент колонизации могут еще вовсе отсутствовать. Однако на практике и в интуитивно осознаваемом смысле слова колонизация, как правило, означает путешествие за границу. На этом фоне концепция внутренней колонизации ассоциируется с языковыми и региональными параметрами господства внутри национальных границ, фактических или воображаемых.

Применительно к России термин «внутренняя колонизация» был впервые употреблен Августом фон Гакстгаузеном – прусским консервативным публицистом и политическим деятелем, автором нескольких семантических конструкций, оказавших влияние на последующее развитие русской исторической мысли¹³⁴. Ведущие рос-

семиотика: От структурализма к постструктурализму. Пер. с фр., составление и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс». 2000. С. 336–378.

¹³³ Hobson J.A. Imperialism: A Study. New York: James Pott and Co. 1902.

¹³⁴ См.: Haxthausen A.F. von. Studien iiber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Rufilands. Zweiter Theil. Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung. II. 1847. S.332-334; о нем см.: Dennison T.K., Carus A.W. The Invention of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence // The Historical Journal. 2003. Vol. 46. No. 3. P. 561–582. О разграничении внутренней колонизации и «самоориентализации» и их причинно-следственных соотношениях подробнее см. в статье Д. Уффельманна в кн.: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

сийские историки XIX века – Сергей Соловьев, Афанасий Шапов и Василий Ключевский – много и охотно писали о российской колонизации и самоколонизации. Применительно к допетровским временам Сергей Соловьев ввел ключевую для этой темы формулу: «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹³⁵. Повторив ее в начале XX века, Ключевский перенес ее из средневековой истории в новую и новейшую. Он специально оговаривал, что, например, переселение крестьян по Транссибирской железной дороге есть продолжение того же процесса колонизации, который начался в Средние века за Дунаем¹³⁶.

Из его учеников эту тему продолжил Матвей Любавский, бывший до 1917 года ректором Московского Императорского Университета. Сосланный по «делу Платонова – Тарле» в Башкирию, Любавский писал там, в одной из прежде колонизированных Россией земель, фундаментальный труд по истории российской колонизации вплоть до своей смерти в 1936 году – его книга была издана только 60 лет спустя¹³⁷.

Во второй половине XIX столетия прусские, а потом и германские политики начали амбициозную программу внутренней колонизации в Восточной Европе, которая востребовала разные виды знания, фальшивого и реального¹³⁸. Под влиянием германских историков Владимир Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» (1896–1899) активно использовал понятие внутренней колонизации применительно к самым разным областям империи – от Сибири и Кавказа до его родного Поволжья¹³⁹ (за работами одного из исследователей внутренней колонизации Пруссии М. Зеринга

¹³⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 4 // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. 2. М.: Голос. 1993; С.723; Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. No. 3 (September). P. 473–511.

¹³⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории [Кн. 1] // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль. 1987.

¹³⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М. 1996.

¹³⁸ Sering M. Die innere Kolonisation in östlichen Deutschland // Schriften des Vereins für Socialpolitik. 1893. Bd. 56. Leipzig: Duncker u. Humblot; Tönnies F. Innere Kolonisation in Preußen insbesondere der ehemaligen Provinzen Posen und Westpreußen // Soziologische Studien und Kritiken (1923). Hrsg. v. D. Haselbach – Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe: 24 Bde. Hrsg. v. L. Clausen, A. Deichsel u.a. Bd. 15. Berlin; New York, de Gruyter; 2000; Лор Э. «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX – начала XX века. Пер. с англ. М. Лоскутовой // Imperium inter pares:... С. 330-353.

¹³⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 3. С. 1-609, особенно С. 560–566, 592–596.

Ленин следил достаточно внимательно – и полемизировал с его «теорией убывающего плодородия почв»¹⁴⁰).

После революции в России и с началом процесса деколонизации стран третьего мира понятие внутренней колонизации на некоторое время вышло из моды. В 1951 году, однако, Ханна Арендт ввела понятие «эффекта бумеранга», с помощью которого имперские державы переносили свои практики принуждения из своих колоний обратно в метрополии¹⁴¹. За год до этого, в 1950-м, Эме Сезер¹⁴² сформулировал подобную концепцию – «обратный удар империализма»: подобно Арендт, он видел в Холокосте применение колониального насилия к одному из европейских народов¹⁴³.

В начале 1960-х мексиканский социолог и общественный деятель Пабло Гонсалес Казанова – по-видимому, с учетом новейшего на тот момент исторического опыта распада колониальных империй – обратился к понятию внутренней колонизации для объяснения отношений между испано-американцами и индейцами в истории Мексики. По мнению Казановы, после того как эта страна в 1821 году провозгласила независимость, индейцы под властью креолов и метисов оказались в еще более бесправном положении, чем во времена правления испанской короны¹⁴⁴. В дальнейшем другие латиноамериканские социологи описали подобным же образом историю других стран этого региона¹⁴⁵.

После 1968 года социологи переизобрели понятие внутренней колонизации с целью применения постколониального языка к

¹⁴⁰ В особенности – в статьях цикла «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899): Ленин В.И. Капитализм в сельском хозяйстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 4. С. 125, 129. Впервые Ленин употребляет термин «внутренняя колонизация» в статье 1897 года «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты». Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 2. С. 119–262.

¹⁴¹ Arendt H. *The Origins of Totalitarianism* (1951). New York: Harcourt Brace. 1994. P.155 и др.

¹⁴² Cesaire A. *Discourse on Colonialism* (1950). Transl. by Joan Pinkham. New York: Monthly Review Press. 2000. P.36.

¹⁴³ Подробное сопоставление концепций Арендт и Сезера см.: Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press. 2009. Сопоставление концепций «колониального бумеранга» и «внутренней колонизации» см.: Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press. 2011. P.23–26.

¹⁴⁴ Casanova P.G. *Sociedad Plural, Colonialismo Interno y Desarrollo* // *America Latina*. 1963. Vol. 6. No. 3; Casanova P.G. *Internal Colonialism and National Development* // *Studies in Comparative International Development*. 1965. Vol. 1. No. 4.

¹⁴⁵ Stavenhagen R. *Classes, Colonialism, and Acculturation* // *Studies in Comparative International Development*. 1965. Vol. 1. No. 6. P. 53-77; Cotier J. *The Mechanics of Internal Domination and Social Change* // *Studies in Comparative International Development*. 1967/1968. Vol. 3. No. 2. P. 407-445.

внутренним проблемам метрополии. Американский социолог Роберт Блаунер¹⁴⁶ смотрел на аспекты внутренней ситуации афроамериканцев, такие как жизнь гетто и городские бунты, как на процессы внутренней колонизации, и эта концепция получила дальнейшее распространение¹⁴⁷. Сегодня исследования американского общества с постколониальной точки зрения – активно развивающееся научное направление. В своих лекциях 1975–1976 годов французский философ Мишель Фуко использовал ту же концепцию в более широком смысле применения колониальной модели власти в Западной Европе¹⁴⁸.

Интерес к внутренней колонизации усилился после книги американского исторического социолога Майкла Хечтера¹⁴⁹ о «ядре» и «периферии» Британских островов. Пересматривая классическую концепцию колонизации, Хечтер нейтрализовал географическое расстояние между колонизаторами и колонизованными, которая ранее воспринималась как определяющая особенность британского колониализма. Решающими для его исследования были этнокультурные различия между метрополией и колонией – например, между англичанами и валлийцами¹⁵⁰. Следующим шагом после Хечтера стала деконструкция этнических различий – выявление внутреннего колониализма внутри мозаичного полиэтничного поля, которое структурировано властью. В этом – «неэтническом» – значении понятие внутренней колонизации/колониализма было использовано историком Юджином Вебером¹⁵¹, социологом Элвином У. Гоулдне-

¹⁴⁶ Blauner R. Internal Colonialism and Ghetto Revolt // *Social Problems*. 1969. Vol. 16. No. 4 (Spring). P. 393–408.

¹⁴⁷ Harris D.J. The Black Ghetto as «Internal Colony»: A Theoretical Critique and Alternative Formulation // *Review of Black Political Economy*. 1972. Summer. No. 2. P. 3–33. Впрочем, уже за несколько лет до этого афроамериканские активисты Харолд Крузе, Стокли Кармайкл и Чарльз В. Хамилтон [Carmichael, Hamilton 1967; Cruse 1968] описывали положение темнокожего населения США в терминах «домашнего колониализма» (Крузе) или «колониальной аналогии» (Кармайкл и Хамилтон). См.: Carmichael S., Hamilton C.V. *Black Power: The Politics of Liberation in America*. New York: Random House; Vintage Books; 1967; Cruse H. *Rebellion or Revolution?* New York: William Morrow & Co. 1968.

¹⁴⁸ Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. Пер. с фр. ЕА Самарской. СПб.: Наука. 2005. P.116.

¹⁴⁹ Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. London: Routledge & Kegan Paul. 1975.

¹⁵⁰ Приблизительно тогда же Харолд Волпи – живший в эмиграции в Британии южноафриканский экономист, член Коммунистической партии Южной Африки – опубликовал две работы о «внутренне-колониальном» характере режима апартеида. Обобщающая работа: Wolpe H. *The Theory of Internal Colonialism: The South African Case – Beyond the Sociology of Development: Economy and Society in Latin America and Africa*. Ed. by I. Oxaal, T. Barnett, D. Booth. London: Routledge & Kegan Paul. 1975. P. 229–252.

¹⁵¹ Weber E. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France*. Stanford Stanford University Press. 1976. P. 67–94.

ром¹⁵², антропологом Джеймсом Скоттом¹⁵³, литературоведом Марком Нетцловом¹⁵⁴ и некоторыми медиевистами¹⁵⁵. В своей книге о французской культуре середины XX века историк Криспин Росс, возобновляя дискуссию о «бумеранге», показывает, как Франция обратилась к «форме внутреннего колониализма» в тот период, когда «рациональные административные методы, разработанные в колониях, были доставлены домой»¹⁵⁶. К методологической рефлексии понятия внутренней колонизации обратился Джон Чавес¹⁵⁷, аргументирующий его продуктивность в сегодняшней интеллектуальной ситуации.

Аналитики обсуждали идею внутренней колонизации, как правило, со смешанными чувствами¹⁵⁸. Процессы внутренней колонизации изучались на примере Китая, Израиля и некоторых других стран, где представители доминирующей культуры переселенцев по тем или иным причинам вступали в конфликт с «местными»¹⁵⁹.

На материале российской истории такие исследования только начинаются, однако именно для России они особенно важны. Постколониальные исследователи в работах общего характера обычно игнорируют историю России¹⁶⁰. При изучении русской литературы и

¹⁵² Gouldner A.W. Stalinism: A Study of Internal Colonialism // *Telos*. 1977/78. Vol. 34. P. 5–48.

¹⁵³ Scott J.C. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press. 1998.

¹⁵⁴ Netzloff M. *England's Internal Colonies: Class, Capital, and the Literature of Early Modern English Colonialism*. New York. London: Palgrave Macmillan. 2003.

¹⁵⁵ Fernandez-Armesto F., Muldoon J. (Ed.) *Internal Colonization in Medieval Europe*. Farnham: Ashgate/Variorum. 2008.

¹⁵⁶ Ross K. *Fast Cars, Clean Bodies: Decolonization and the Reordering of French Culture*. Cambridge, MA The MIT Press. 1995. P.7.

¹⁵⁷ Chavez J.R. Aliens in Their Native Lands: The Persistence of Internal Colonial Theory // *Journal of World History*. 2011. Vol. 22. No. 4. P. 785–809.

¹⁵⁸ Hind R.J. The Internal Colonial Concept // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. No. 3. P. 543–568; Liu J. Towards an Understanding of the Internal Colonial Model // *Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*: In 5 Vols. Ed. by Diana Brydon. Vol. 4. London: Routledge. 2000. P. 1347–1364; Calvert P. 2001. Internal Colonisation, Development and Environment // *Third World Quarterly*. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 51–63.

¹⁵⁹ Gladney D.C. Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects // *Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le monde Tlirco-Iranien*. 1998. No. 25: Les Ouïgours au vingtieme siecle. – P. 47–64; Pérez E. *The Decolonial Imaginary: Writing Chicanas into History, Theories of Representation and Difference*. Bloomington: Indiana University Press; 1999; Mackenthun G. America's Troubled Postcoloniality: Some Reflections from Abroad // *Discourse*. 2000. Vol. 22. No. 3. Fall. P. 34–45; Singh A., Schmidt P. On the Borders between U.S. Studies and Postcolonial Theory // *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature*. Ed. by A. Singh, P. Schmidt. University Press of Missisipi. 2000. P. 3–71; Krupat A. Postcolonialism, Ideology, and Native American Literature // *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature*. Ed. by A. Singh, P. Schmidt. Jackson. MS: University Press of Mississipi. 2000. P. 73–94.

¹⁶⁰ О возможных причинах этого пробела см.: Эткин А. Дыра в картине мира: почему колониальные авторы писали о России, а постколониальные нет // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 99–116.

истории, однако, понятие внутренней колонизации обсуждалось рядом авторов¹⁶¹. Видные историки упоминали о том, что внутренняя политика Российской империи имела колониальный характер, но не конкретизировали этот тезис¹⁶².

В 2001 году Дэвид Чайони Мур сформулировал вопрос о применимости категорий постколониальных исследований к постсоветскому контексту¹⁶³. Исследователи из стран Восточной Европы¹⁶⁴ (например, Kelertas 2006: 3–4), откликнувшись на этот вопрос, расширили обсуждаемый в статье Мура временной промежуток включив в него и более ранний период. В ракурсе постколониальных исследований обсуждались факты и обстоятельства имперского правления в Восточной Европе, включая как царскую Россию, так и Пруссию, Габсбургскую и Османскую империи, а также Польшу и Литву, которая в некоторые периоды рассматривается как имперское пространство¹⁶⁵.

Категории постколониальных исследований для описания восточноевропейских феноменов с начала 1990-х годов все более активно используются в украинистике¹⁶⁶. Во второй половине 2000-х и

¹⁶¹ Гройс Б.Е. Утопия и обмен. М.: Знак. 1993; Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение; 1998; Эткинд А. Время бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–298; Etkind A. *Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires* // *Modern Intellectual History*. 2007. Vol. 4. No. 3. P. 617–628; Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Эксмо; 2009; Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford University Press. 1998; Condee N. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2009. Ср. о самоколонизации: Kujundzic D. «After»: Russian Post-Colonial Identity // *Modern Languages Notes*. 2000. Vol. 115. No. 5 (December). *Comparative Literature Issue*. – P. 892–908.

¹⁶² Braudel F. *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. Transl. from French by Miriam Kochan. London: Weidenfeld. 1967. P.62; Rogger H. *Reforming Jews – Reforming Russians: Gradualism and Pessimism in the Empire of the Tsars* // *Hostages of Modernization. Studies on Modern Anti-Semitism 1870–1933/39*. Ed. by Herbert A. Strauss: In 4 vols. Berlin: de Gruyter. 1993. Vol. 2. P. 1208–1229; Lieven D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. London: Random House. 2003. P.257; Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. London: The Bodley Head. 2010. P.391.

¹⁶³ Moore D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? *Toward a Global Postcolonial Critique – Publications of the Modern Language Association of America*. 2001. Vol. 116. No. 1 (January 2001). P. 111–128.

¹⁶⁴ Например: Kelertas V. (Ed.). *Baltic Postcolonialism. On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics*. Amsterdam; New York: Rodopi. 2006. P.3–4.

¹⁶⁵ Nowak A. *Od imperium do imperium: Spojrzenia na historyc Europy Wschodniej*. Krakow. Wydawnictwo ARCANA; 2004; Nowak A. *Imperiological Studies: A Polish Perspective*. Krakow: Societas Vistulana. 2011 (Krakow Historical Monographs, v. 2); Koyama S. *The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity* // *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*. Ed. by Tadavuki Hayashi and Fukuda Hiroshi. – Sapporo: Hokkaido University; Slavic Research Center. 2007. P. 137–153.

¹⁶⁶ Pavlyshyn M. *Post-Colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture* // *Australian Slavonic and East European Studies*. 1992. Vol. 6. No. 2. P. 41–55; Pavlyshyn M. *Ukrainian Literature and*

в начале 2010-х крайности постколониального подхода в украинской историографии стали предметом методологически тонкой критики в работах Андрия Портнова¹⁶⁷, а с конца того же десятилетия – в исследованиях других постсоветских и постсоциалистических государств¹⁶⁸. В 2000-е годы можно наблюдать примеры националистического – или, во всяком случае, культурно-эссенциалистского – толкования постколониальных подходов¹⁶⁹. Иногда российская государственность трактуется как неизбежно империалистическая, всегда подавляющая культуры других народов и не имеющая иной перспективы¹⁷⁰. Российские радикальные националисты сегодня тоже используют постколониальную риторику¹⁷¹, часто – хотя и не

the Erotics of Postcolonialism: Some Modest Propositions // *Harvard Ukrainian Studies*. 1993. Vol. 17. P. 110–126; Shkandrij M. *Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. Quebec City: McGill-Queen's Press. 2001; Velychenko S. *The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development* // *Ab Imperio*. 2002. No. 1. P. 323–367; Simonek S. *Möglichkeiten und Grenzen postkolonialistischer Literaturtheorie aus slawistischer Sicht* // *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. Hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csaky. Innsbruck et al.: Studien Verlag. 2003. S. 129–139; Chernetsky V. *Mapping Postcommunist Cultures. Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. Montreal; London. McGill-Queen's University Press; 2007; Korek J. (Ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine in the Postcolonial Perspective*. (Sodertorn Academic Studies, 32). Stockholm: Soedertoerns hoegskola; 2007; Жеребкин С. *Наслаждение быть украинкой: вдохновение постколониальности в украинских гендерных исследованиях*. // *Гендерные исследования* (Харьков). Вып. 15. 2007. С. 272–294; Kratochvil A. *Postkoloniale Lektüre ukrainischer Gegenwartsliteratur* // *Anzeiger für Slavische Philologie*. 2010, Bd. 36. S. 31–73; Рябчук М. *Постколониальный синдром. Спостереження*. Київ: К.І.С. 2011 и др.

¹⁶⁷ См.: Портнов А. 2012. Третий (не)лишний. Переосмысление наследия Польско-Литовской Речи Посполитой и Украина – Сайт «Уроки истории. XX век». Блог Андрея Портнова. 23 января. – Доступно: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/2871> Проверено 25.01.2012.

¹⁶⁸ См.: Vatanabadi S. *Past, Present, Future, and Postcolonial Discourse in Modern Azerbaijani Literature* // *World Literature Today*. 1996. Vol. 70. No. 3. P. 493–497; Горшенина С. *Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований?* // *Ab Imperio*. 2007. № 2. – С. 209–258; Gorshenina S., Abashin S. (Ed.). *Le Tlirkestan russe: une colonie comme les autres?* Paris: Complexe (Collection de l'IFeAC – Cahiers d'Asie centrale. 2009. No. 17/18); Абашин С. *Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики* // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 193–210. См. также обзор: Sproede A., Lecke M. *Der Weg der postcolonial studies nach und in Osteuropa – Polen, Litauen, Russland. Überspringen – Überformen – Überblenden. Theorietransfer im 20. Jahrhundert*. Hrsg. v. Dietling Hüchtker u. Alfrun Kliems. Köln et al. 2011. S. 27–66.

¹⁶⁹ Best U. *Postkoloniales Polen? Polenbilder im postkolonialen Diskurs* // *Geographische Revue*. 2007. Bd. 9. No. 1/2. S. 59–72.

¹⁷⁰ Thompson E. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. Westport (CT); London: Greenwood Press; 2000; Thompson E. 2005. *Said a sprawa polska. Przeciwno kulturowej bezsilności peryferii* // *Europa. Tygodnik idei*. 2005. 29.06. No. 26 (65). P. 11–13.

¹⁷¹ См., например: Крылов К. *Итоги Саида: жизнь и книга* // Саид Э.В. *Ориентализм: Западные концепции Востока*. Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир. 2006. С. 598–635.

обязательно – интерпретируя империалистический дискурс как антиколониальную защиту «угнетаемого русского народа»¹⁷².

В 2000-е годы исследование внутренней колонизации как типологического явления и внутренней колонизации России как «модельного» сюжета становится самостоятельным проблемным полем, в котором работают авторы, придерживающиеся разных методологий. Оно формируется на скрещении постимперских и постколониальных исследований и, соответственно, соединяет в себе историко-социологический (идуший от «постимперского» направления) и историко-культурный и историко-антропологический подходы (идущие от «постколониального» направления). Исследование внутренней колонизации позволяет вписать историю России и бывшего «второго мира» в масштабный пересмотр исторических парадигм, который начался в науке последних десятилетий.

4

Примечательно, что и универсалистские опыты применения категорий постколониализма к Восточной Европе и Евразии, и культурно-националистическая версия этого подхода натолкнулись в международной академической среде на протест и отторжение, вызванные разными причинами. Самыми вескими здесь можно считать сомнения историков, которые другим категориям постколониализма предпочитают термин «империя»¹⁷³, а для описания таких феноменов, как внутренняя колонизация России, предлагают использовать другие понятия – например, «внутренняя периферия»¹⁷⁴. Однако мы полагаем, что применение постколониальных методов может оказаться продуктивным при изучении культурных стратегий, которые вырабатываются имперским руководством, контрэлитами колонизированных народов и культурными элитами империи. Эти стратегии сложными и разнообразными путями взаимодействовали и переплетались в культурной жизни империй и их внут-

¹⁷² Об этой форме инверсии империализма подробно пишет Н. Конди в сборнике: Там, внутри.

Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей. Под ред.

А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁷³ См.: Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус. А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 5–13. О современных методологических дискуссиях см. также: Абашин С. 2011. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. 2011. №. 3. С. 193–210.

¹⁷⁴ Nolte H.-H. *Internal Peripheries in Europe – Internal Peripheries In European History*. Ed. by H.-H. Nolte. Göttingen; Zurich: Muster-Schmidt. 1991. P. 5–28.

ренных колоний – например, на значительной части территорий Российской империи (а также СССР и постсоветской России) и Австро-Венгрии¹⁷⁵.

Проверяя на материале российской истории постколониальные идеи, предложенные Эдвардом В. Саидом, Хоми Бхабхой, Генри Луисом Гейтсом или Гайатри Спивак, мы сосредоточиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм. Кроме того, для нас важны предложенные этими авторами методы исследования, потребовавшие новой терминологии. В различных контекстах рассмотрения внутренней колонизации России авторы собранных в этом сборнике статей используют такие понятия, как «мимикрия» (*mimicry*), «гибридность» (*hybridity*; в случае внутренней колонизации наслоение «своего» и «чужого» становится особенно парадоксальным), «перформативность культурных оппозиций», «субалтерность» (*subalternity*), «дееспособность» (*agency*).

Следует оговорить, что наш подход метафоричен, что неизбежно в культурной истории. Вопрос для нас состоит не в том, верна ли модель внутренней колонизации, а в том, может ли эта метафора принести эвристическую «добавленную стоимость»¹⁷⁶. На наш взгляд, она наиболее продуктивна при интерпретации культурной и социальной истории империи, так как колонизация основана на «сверхэкономическом» производстве культурных различий – производстве, которое порождает не только экономические, но прежде всего культурные и антропологические последствия.

Критики нашего подхода уже отмечали, что любые проявления российско-имперского нарциссизма неприемлемы, поскольку заставляют забыть о жертвах российского внешнего колониализма¹⁷⁷. Мы стремились к тому, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и для агентов колониализма и внешнего, и внутреннего. История – не игра с нулевой суммой, и

¹⁷⁵ Feichtinger J., Prutsch U., Csaky M. (Hrsg.). *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. – Innsbruck et al.: Studien Verlag. 2003

¹⁷⁶ Liu J. *Towards an Understanding of the Internal Colonial Model – Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*: In 5 Vols. Ed. by Diana Brydon. Vol. 4. London: Routledge. 2000. P. 1347–1364.

¹⁷⁷ Chernetsky V. *Mapping Postcommunist Cultures. Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. – Montreal; London.- McGill-Queen's University Press; 2007; Гундорова Т. 2011. «Внутрішня колонізація – повторна колонізація // Критика. 2011. № 9–10. С. 23–26.

внимание к внутренней колонизации (к примеру, крепостных крестьян) совсем не означает отсутствие внимания к внешней колонизации (к примеру, поляков). Собранные в нашем сборнике статьи ни в коем случае не оспаривают факт одновременности и координации процессов внешней и внутренней колонизации, а, наоборот, высвечивают соотношенность внутренней и внешней колонизации и взаимные переходы этих двух практик в истории Российской империи и сопредельных стран.

5

В теориях, анализирующих опыт «классических» европейских империй, внутренняя колонизация обычно рассматривается как феномен вторичный или второстепенный по сравнению с внешней, «заморской». Однако, например, колонизация Уэльса и Ирландии, которую анализировал Хечтер, началась раньше, чем «золотой век» британского колониализма: напомним, что в качестве нижней временной границы исследования Хечтера взят 1536 год. Причина такого «ухода в тень» внутренней колонизации состоит в том, что она часто рассматривается как составная часть процессов становления современных наций. В самом деле, в ряде случаев – хотя, конечно, ирландский к ним не относится – внутренняя колонизация направлена на уменьшение внутренних культурных различий и на разожествление культурных и социальных границ. В результате этого «стирания» все большее число социальных групп начинает отождествлять себя с «воображаемым сообществом», которое изначально имеет смысл только для культурных и политических элит. Образцом исследования подобного рода процессов является известная книга Юджина Вебера «Из крестьян – во французов»¹⁷⁸. Собственно, и историки национализма от Бенедикта Андерсона до Лии Гринфилд описывают становление понятия «нация» как распространение этого термина с элит па всех, кто говорит па определенном языке и/или населяет определенную территорию¹⁷⁹.

В континентальных империях было не совсем так: имперские администрации, пусть и не всегда последовательно, поддерживали культурные различия, позволявшие им управлять пестрыми по этническому составу территориями. В России было совсем не так од-

¹⁷⁸ Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. Stanford Stanford University Press. 1976. P. 67–94.

¹⁷⁹ Anderson B. 1991. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso (2nd ed.). 1991. P.37–46; Greenfield L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, MA Harvard University Press. 1992. P.215–222, 247–250.

ной из важнейших административных практик в ее истории стало взаимное обращение социальных и культурных различий, определение этносов по аналогии с сословиями и придание сословиям черт субэтносов. С этой практикой была тесно связана внутренняя колонизация, при которой власти принципиально не желали делать различий между разными типами колоний: исторически недавно присоединенные области описывались как «исконные», а на территориях, входящих в историческое ядро России, то и дело находились экзотические, таинственные социальные группы: старообрядцы, скопцы или просто лесковские «антики» или крестьяне-«головотяпы» из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Не выносившие друг друга в жизни, Лесков и Салтыков-Щедрин сделали в своей прозе одно и то же открытие: они показали крестьян как носителей не инфан тильной, а скорее альтернативной логики, не подчиняющейся «городским» правилам. Впоследствии действие подобной «запредельной» – но по-своему крайне последовательной – логики сделал предметом художественного осмысления Андрей Платонов.

Самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического в истории России является история управления Украиной и ее восприятия в культуре. Начиная с конца XVII века московские, а затем и петербургские власти взяли на вооружение идеологию, разработанную в «Синописе...» архимандрита Иннокентия (Гизеля)¹⁸⁰, – о единстве русского и украинского народов. К концу XVIII века были ликвидированы почти все следы былой автономии Гетманщины. «И в геополитическом, и во внутривполитическом отношении Малороссийское генерал-губернаторство все больше превращалось из оспариваемой окраины между Речью Посполитой, Османской империей и Россией во внутреннюю часть Российской империи, во многих отношениях даже в часть имперского ядра, откуда черпались материальные и людские ресурсы

¹⁸⁰ До начала XIX века «Синопис...» использовался в России как школьный учебник по истории; именно из этого сочинения, во многом опиравшегося на работы польского историка М. Стрыйковского, черпались такие легендарные сведения о ранних правителях России, как, например, смерть «вещего» Олега «от коня своего». Архимандрит Иннокентий был предположительным сочинителем или редактором «Синописиса...», однако некоторые историки сомневались в его авторстве (См.: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С.23; Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1958. Т. XV. – С. 285) и называли других возможных авторов – например, печатавшего эту книгу Ивана Армашенко (См.: Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М.: Знак. 2005): его имя зашифровано в акростихе, которым оканчивается издание 1680 года.

для освоения новых территорий и управления всей империей»¹⁸¹. При этом еще в XIX и даже в начале XX века Украина предстает в художественной литературе как страна экзотическая, принципиально отличающаяся от «центральной» России, населенная удивительными существами: казаками, ведьмами (от гоголевской Панночки до куп-ринской Олеси), русалками... На политическом уровне шла гомогенизация империи, на культурном – экзотизация Украины и представление ее как пространства, где предки жителей Москвы и Петербурга исповедовали древние, ныне забытые, но таинственные и жутковатые языческие обряды¹⁸². Украина не только в русской, но во многом даже и в украинской культуре¹⁸³ (вплоть до современности)¹⁸⁴ стала локусом смешения и затрудненного различения «своего» и «чужого» и, таким образом, сохранила свой «пограничный» статус, которого она после ликвидации автономии Гетманщины не имела политически¹⁸⁵.

Именно важность «случая Украины» дает нам основания придать отношениям русской и украинской культур значение модели, на примере которой взаимопереход представлений о внешней и внутренней колонизации в культуре империи виден особенно ясно¹⁸⁶.

6

По-видимому, еще в XVI–XVII веках начинает складываться важнейшая особенность российского государственного дискурса, обусловленная российскими практиками управления. Московское

¹⁸¹ Миллер А.М. Малороссийское генерал-губернаторство – Западные окраины Российской империи. Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 59.

¹⁸² Только в описаниях центра Украины, Киева, значимым компонентом оказывалось его представление как «обычного» имперского провинциального города. См.: Булкина И. Киевский текст в русском романтизме: проблемы типологии. – Лотмановский сборник. Вып. 3. Под ред. Т.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ. 2004. С. 98.

¹⁸³ О двойственном, «амфибийном» самосознании украинских элит конца XVIII века см., например: Гундорова Т. «Котляревщина»: колоніальний кітч // Гундорова Т. Кітч і література. Травестії. Київ: Факт. 2006. С. 92–122.

¹⁸⁴ См., например: Гнатюк О. Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність / Перекл. з польск. А. Бондара та ін. Київ: Критика, 2005.

¹⁸⁵ В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещены сразу несколько статей, осмысляющих этот взаимопереход именно на украинском и «казачьем» материале: это работы Г. Киришбаума, М. Рябчука, В. Киселева и Т. Васильевой.

¹⁸⁶ Примеры см.: Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. М.: ОГИ. 2006 и в статье Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.

царство и особенно Российская империя репрезентируются как государство русское и одновременно – всеобщее, универсальное. Монархическая власть выражала себя как национальная и наднациональная сразу, как завоевавшая Россию извне и в то же время неотделимая от ее народа и его культуры. Эта стратегия отличает Россию от других континентальных империй, в которых власть позиционировала себя как в первую очередь наднациональная (Габсбурги) или как этнически и религиозно определенная (Византия; Османская империя, несмотря на размывание этнической определенности правящих элит, происходившее благодаря рекрутированию янычар из различных покоренных народов¹⁸⁷).

Представление имперских властей о том, каким должно быть совмещение национального и наднационального, само неоднократно менялось в ходе эволюции русской монархии; об этом свидетельствуют официальные политические программы отдельных царствований¹⁸⁸ и собственно управленческие практики¹⁸⁹. Схематизируя, можно говорить о том, что в XVIII веке в этих представлениях доминировало «имперское», а в XIX-м, начиная с разработки доктрины «официальной народности» С.С. Уварова (начало 1830-х годов), – «национальное» начало. И все же характерны трудности, с которыми столкнулся Уваров, который стремился увязать способность быть русским с *лояльностью императору*: как показал А.Л. Зорин, Уваров в своей программе фактически определил «народность» через православие и самодержавие¹⁹⁰. Таким образом, порожденные внутренней колонизацией представления о том, кем и как управляет имперская власть, оказали существенное влияние на становление и развитие национализма в России – и не только национализма нерусских этносов, но и собственно русского.

Отмена крепостного права в 1861 году была актом деколонизации. Тем не менее внутренняя колонизация и после нее осталась фундаментальной составляющей российской имперской практики, хотя и сменила форму и типы репрезентации. Р. Уортман показал, как в разговорах и переписке с великим князем Александром Александровичем, будущим царем Александром III, Константин

¹⁸⁷ Впрочем, не будем забывать, что последствия этого размывания были отчасти смягчены тем, что все янычары были обязаны исповедовать особую разновидность ислама – бекташизм.

¹⁸⁸ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. – М.: ОГИ. 2004.

¹⁸⁹ Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение. 2010.

¹⁹⁰ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Победоносцев создал парадоксальную риторическую конструкцию: русские, как народ, склонный к лени и лжи, нуждаются в «сильной руке», в управлении жесткого, сурового государя – и в то же время абсолютистская власть может совершать чудеса, если действует в единстве с народом¹⁹¹. Репрезентация монарха как завоевателя в «сценарии» царствования Александра III изменилась: теперь это покорение страны представлялось как дело, осуществляемое самими же русскими – точнее, армией, приобретшей подчеркнуто русский облик¹⁹²; в «инородческих» же областях империи резко усилилась русификаторская политика¹⁹³. Риторическое совмещение и противопоставление власти как «своего–чужого» для империи сменились в этом случае демонстрацией «принадлежности–непринадлежности» власти к обществу, понимаемому этнически,

7

Практики внутренней колонизации и их культурное представление изменились во второй половине XIX века под влиянием сразу нескольких общественных тенденций, прежде всего национализма современного типа – демократического, антиаристократического. Своеобразной формой такого национализма можно считать народничество, которое парадоксально объединяло колонизационные и антиколонизационные принципы: стремление просветить крестьян интерпретировалось многими народниками как «цивилизаторская миссия», но крестьянский «народ» в его исторически сложившихся социальных и культурных формах оставался для них высшей ценностью; Бакунин сформулировал этот антиколонизационный тезис в своем знаменитом лозунге: «Не учить народ, а учиться у народа»¹⁹⁴. Вслед за русской этнографией, движением, оказав-

¹⁹¹ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. / Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. М.: ОГИ. 2004. Т.2, С.261.

¹⁹² Там же, с.274.

¹⁹³ Там же, с.327.

¹⁹⁴ Бакунин повторял этот лозунг во многих работах. См., например, характерный пассаж: «Вопрос о нашем сближении с народом, не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности, есть вопрос о жизни и смерти. Сближение это необходимо, но оно трудно, потому что требует с нашей стороны совершенного перерождения, не только внешнего, но и внутреннего. Борода, русское платье, жесткие руки, грубая речь не составляют еще русского человека. Нужно, чтоб ум наш выучился понимать ум народа, и чтоб наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал революции по нашим идеям, как на „мясо освобождения“, напротив смотреть на себя, *если он на то согласится*, как на слуг своего дела. Одним словом, мы должны полюбить его пуще себя, дабы он нас полюбил, дабы он нам свое дело поверил. Любить страстно, отдаваться всею душою, побеждать громадные трудности и препятствия, силою любви и жертвы победить ожесточенное сердце народное – дело молодости. Вот где ее на-

шим существенное влияние на представления о внутренней колонизации, возникли эстетический модернизм и его составная часть, примитивизм. Европейский модернизм широко использовал эстетизированные образы наивного или архаического искусства. В России такое восприятие традиционного общества привело к оценке крестьянской культуры как экзотической и заслуживающей эстетизации, что способствовало развитию множества художественных явлений, от абрамцевской школы до неонародничества символистов и позднее, а позднее – от увлечения коми шаманизмом Василия Кандинского до книжной графики Ивана Билибина. Художественным образам внутренней колонизации в русской культуре посвящен ряд статей нашего сборника.

В советских и постсоветских изводах внутренняя колонизация приобрела заостренно политический характер. Советская версия внутренней колонизации была основана на двух важнейших социально-политических инновациях, которые не предусматривались марксизмом, но начали быстро складываться сразу после революции. Первая из них – огромное значение, которое получили при новом режиме мобилизационные и репрессивно-силовые методы решения экономических и политических проблем: продрозверстка, военное подавление крестьянских восстаний, коллективизация. Однако наиболее страшным примером таких практик стала эксплуатация заключенных ГУЛАГа, которая может быть описана как экстремальная форма внутренней колонизации¹⁹⁵.

Вторая инновация, о которой мы говорим, – это совокупность пропагандистских и управленческих стратегий, которая позволила историку Терри Мартину в своей книге определить СССР как «империю “положительной деятельности”»¹⁹⁶. Советское государство провозглашало себя главным эмансипатором «малых» народов империи и всего мира, хотя чем дальше, тем больше подавляло любые

значение! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдалась его делу. Ну, тогда народ признает ее». Бакунин М.А. Народное дело // Бакунин М.А. Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Пб.-М.: Голос труда. 1920.

Как пишет Лори Манчестер в статье, помещенной в этом сборнике, своеобразии логики народников можно уточнить, если сопоставить их просветительскую и этнографическую деятельность с работой европейских христианских социалистов XIX века среди бедняков.

¹⁹⁵ В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещена статья Д. Хили, посвященная интерпретации ГУЛАГа как внутренней колонизации СССР.

¹⁹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. Пер. с англ. О. Щёлоковой. М.: РОССПЭН. 2011; точнее было бы, конечно, перевести «affirmative action empire» как «империя „положительной дискриминации“».

сколь-либо «самодеятельные» национальные движения на своей территории. В риторике большевистских руководителей был очень силен антиколони-зиторский пафос, а в их практических действиях 1920-х годов важное место занимала позитивная дискриминация в пользу прежде «угнетавшихся» народов. Тем самым политические элиты СССР централизовали любую антиколониальную деятельность, постепенно отняв право и возможность ее вести у руководства национальных движений и вновь созданных автономий.

Сходным образом было организовано советское «освобождение» крестьян: большевистская власть начала свою работу с издания ленинского Декрета о земле¹⁹⁷, за которым очень быстро последовало введение продразверстки и жестокое подавление многочисленных крестьянских бунтов¹⁹⁸, а в конце 1920-х – насильственная коллективизация сельского хозяйства, обернувшаяся катастрофическим голодом в Украине, Казахстане и южных областях Европейской России и вооруженными восстаниями на Северном Кавказе. Еще один пример подобной практики – советское «освобождение женщин», которое принесло новую, завуалированную форму их эксплуатации – почти обязательную занятость, при которой домашнее хозяйство и воспитание детей оставались по-прежнему специфически «женскими» сферами деятельности, а возможность нанять домработницу была только у семей партийной номенклатуры (несмотря на партмаксимум) и приближенных к ней технических, культурных и научных элит. Советское руководство продолжило внутреннюю колонизацию под антиколониальными лозунгами¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Меньше чем через полгода этот декрет, фактически повторявший аграрную программу партии эсеров, был заменен более жестким по духу декретом ВЦИК от 19 февраля 1918 года за подписью В. Ульянова (Ленина) и Я. Свердлова «О социализации земли», который, в отличие от Декрета о земле, уже не содержал ссылок на будущее разрешение вопроса о земле Учредительным собранием.

¹⁹⁸ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН. 2009.

¹⁹⁹ Анализ этого процесса на материале «мобилизации трудящихся в литературу» предложен в сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012 в статье И. Калинина, а на материале «освобождения женщин Востока» – в статье Ю. Градскойой.

Кажется, едва ли не первым общую внутренне-колонизационную логику «положительной активности» описал в одной из поздних статей Л.Д. Троцкий «Кремлевская бюрократия говорит советской женщине: так как у нас – социализм, то ты должна чувствовать себя счастливой и отказаться от аборт (под угрозой наказания). Украинцу он (sic!) говорит, так как социалистическая революция разрешила национальный вопрос, то ты обязан чувствовать себя счастливым в СССР и отказаться от мысли об отделении (под страхом расстрела)» [«Независимость Украины и сектантская путаница», 30 июля 1939 года. Цит. по русскому оригиналу, опубликованному в Интернете: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm> (18.12.2011)].

Постсоветский период в истории России в значительной степени может быть описан как постколониальный по отношению к практикам внутренней колонизации. Власть так или иначе стремилась предложить или навязать гражданам подобие договора, предполагавшего участие региональных «субалтернов» в политическом процессе, но уже с середины девяностых годов постепенно устранявшего граждан из политики в обмен на «стабильность» и реформы, со временем все больше откладываясь на будущее. Российские крестьяне оказались вытеснены на периферию и экономической жизни, и общественного сознания²⁰⁰.

Более того, в политической риторике и в содержании российских медиа, как много раз отмечали аналитики, в 1990-е и особенно в 2000-е годы усилились неоимперские тенденции. Форму собственно внутренней колонизации они приняли преимущественно в отношениях с Северным Кавказом²⁰¹, однако обращение центральной власти с другими регионами России тоже несет в себе скрытые, но узнаваемые черты привычной административной практики: «ползучее» подавление федеративной системы²⁰², отказ от выборности губернаторов, восприятие населения как аудитории телевизионной пропаганды и политтехнологического воздействия. Еще более очевидны «неоколониальные» черты в современном отношении центральных властей к Сибири. Когда эта книга была уже подготовлена к печати, российская пресса сообщила о разработке под эгидой двух российских министерств законопроекта о новой госкорпорации, которой предполагается передать управление экономикой Сибири. Задачей новой корпорации, по мнению наблюдателей, станет не развитие социальной инфраструктуры региона, а только его экономическая эксплуатация, вполне колониальная по своему ти-

²⁰⁰ Подробнее о ситуации в постсоветской деревне см.: O'Brien D.J., Wegren S.K. (Ed.). *Rural Reform in Post-Soviet Russia*. Washington: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press. 2002; Allina-Pisano J. *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. Cambridge; New York; Melbourne et al.: Cambridge University Press. 2008.

²⁰¹ С той оговоркой, что, как не раз отмечали политологи, патронатно-клиентские отношения центральных и северокавказских элит, предполагающие готовность «Москвы» в обмен на лояльность своих клиентов предоставлять им практически безраздельную власть на «вверенных» территориях, неожиданно напоминают очень архаические формы административной зависимости, сложившиеся задолго до формирования классических колониальных империй, прежде всего феодальный вассалитет и систему личной унии.

²⁰² Захаров А. *Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме*. М.: Московская школа политических исследований. 2008.

пу²⁰³. «Новая госструктура со штаб-квартирой во Владивостоке получит беспрецедентно комфортные условия работы. Разработчики законопроекта подчеркивают, что для нее и ее проектов <...> существенно упрощаются процедуры, регулирующие градостроительную деятельность и земельные отношения. <...> по решению правительства госкомпания может получить “без проведения предусмотренных действующим законодательством конкурсных процедур права пользования недрами и лесными ресурсами...”»²⁰⁴. (Впрочем, проект резко раскритиковали экономисты, и в их числе – министр финансов России Антон Силуанов, который фактически признал предполагаемую госкорпорацию вредной для развития экономики страны²⁰⁵.)

Такое возвращение к политике внутренней колонизации приводит к маргинализации провинции и даже к активизации сепаратистских настроений (например, в Сибири именно в начале 2010-х стали более активными организации, выступающие за отделение региона от остальной России – как националистические, так и либеральные²⁰⁶). Немудрено, что в культуре, производимой в «столицах», нарастает обратная тенденция – восприятие провинциальной России как пугающего и в то же время притягательного, существующего по иррациональным законам пространства, своего рода инсценированного, «разыгранного по ролям» общественного невроза²⁰⁷.

По-другому постколониальное состояние представлено в сознании граждан других постсоветских государств – в частности, тех носителей русской культуры, которые считают себя наследниками «внутренних колонизаторов», соглашаясь с этим наследием или отторгая его. В сочетании с эмансипационными, иногда универсалистскими, иногда фундаменталистскими, иногда националистически-

²⁰³ Ефимов А. Ост-Российская компания. – Сайт «Лента.ру». 24 апреля // <http://lenta.ru/columns/2012/04/23/colonize/>. Проверено 12.05.2012.

²⁰⁴ Мельников К., Гудков А., Панченко А. Вся власть в Сибири. Восточные регионы страны могут получить беспрецедентные права – Коммерсантъ. 20 апреля. – Доступно: <http://kommersant.ru/doc/1919404> – Проверено: 12.05.2012.

²⁰⁵ Росбалт (Б.а.). Минфин раскритиковал идею госкорпорации по развитию Сибири // Сайт информационного агентства «Росбалт». 2 мая. Доступно: <http://www.rosbalt.ru/business/2012/05/02/976396.html> – Проверено: 12.05.2012.

²⁰⁶ Герасименко О. 2012. «Как колонией была, так и останется» // Коммерсантъ-Власть. 16 апреля. – Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/1907724> – Проверено: 12.05.2012.

²⁰⁷ Эта тенденция исследована в статье Н. Конди, помещенной в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.

ми настроениями населения бывших «союзных республик» это приводит к завязыванию сложных полемик об имперском наследии. Внутренняя колонизация влияет на культурное самосознание и политическое поведение разнообразных общественных групп, взаимодействие которых составило историю Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства.

Часть 2. Имперское прошлое и настоящее

Русские как имперский народ²⁰⁸

С.А. Никольский

Может быть наиважнейшей мыслью, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней есть мысль об империи и о том, что они – имперский народ. Мы всегда знали, что живем в стране, история которой представляет собой непрерывную цепь территориальных расширений, захватов, присоединений, их защиты, временных утрат и новых приобретений. Мысль об империи была одной из самых ценных в нашем идейном багаже и именно ее мы были готовы заявить и заявляли другим народам. Именно ею мы удивляли, восхищали или ужасали остальной мир.

С крушением СССР империя исчезла. И ни власть, ни общество, похоже, не знают – чем жить дальше. Ответа нет, а число ошибок, неизбежных при отсутствии цели и смысла существования, множится день ото дня.

Жизнь в империи не прошла для нас даром. За минувшие столетия имперское бытие сформировало наше сознание, вошло в культуру. Но адекватно ли наше имперское сознание сегодняшним реалиям? Хотим ли мы воссоздания империи из руин и способны ли к этому? А если не хотим, то, может, стоит задуматься, чего хотим?

* * *

Определений империи, как и реально существовавших государств такого типа, множество. Были Римская и Византийская им-

²⁰⁸ Статья выполнена по гранту РГНФ 14-03-00192 «Образы прошлого в культуре и общественном сознании россиян XX – начала XXI века. Социально-философский анализ».

перии, Османская, Британская, Китайская, Австро-Венгерская, Германская империя времен Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх, были Российская империя и Советский Союз²⁰⁹. Все имели особенности, охватить которые единым определением нельзя. По этой причине я попытаюсь дать определение только нашей империи – от примерного времени ее возникновения в середине XVI столетия и до момента крушения СССР.

Российская империя и СССР должны быть рассмотрены как особый тип государства, способ хозяйственной и общественной жизни, особое сознание подданных. Для них характерны следующие черты, в чем-то повторяющиеся у других империй, а в чем-то уникальные. В числе их наиболее характерных черт были:

- максимизация территориального расширения ради экономических и политических интересов как один из важнейших принципов государственной политики. Цель присоединения народов вторична по сравнению с целью присоединения территорий. Отсюда – отношение к присоединяемым как к сопутствующему материалу;

- построение закрытой для внешнего мира самодостаточной экономической и общественной жизни (концепция единственной на свете «святой Руси», «железного занавеса»). Уверенность, что все, находящееся за пределами России, чуждо и враждебно ей;

- наличие в национальном самосознании представления о наличии у страны особой миссии. «Сверх-идеям» православия, «Третьего Рима», пролетарского интернационализма, «СССР - оплот мирового коммунизма» приписывалась неколебимая истинность и божественный характер. Возможность появления истинных и божественных идей у других народов исключалась;

- обязательность сакральной фигуры императора-вождя (самодержца – наместника Бога на земле, «отца народов», генерального секретаря), наделенного всеобъемлющей властью. Под его мировидение строятся и перестраиваются государственные институты - инструменты реализации его воли;

- гражданственность как качество населения невозможна, т.к. не имеет экономических, политических, правовых, культурных основ. Зачатки гражданского общества в форме свободных корпораций (боярской думы, автономных университетов, крупных общест-

²⁰⁹ В том числе, все существовали разное время. Примерно: Римская – восемь веков, Византийская – одиннадцать, Османская – пять, Китайская – три, Британская – 150 лет, Австро-Венгерская – 100, Германская империя времен Бисмарка и Вильгельма, Веймарская республика, Третий Рейх – 75, Советский Союз – 70.

венных или частных объединений, парламента) если и возникают, то ограничиваются. Право – инструмент воли самодержца и государственной бюрократии;

- отдельный человек рассматривается как мелкая деталь большого механизма, его личностные особенности и интересы игнорируются (как говорил поэт: «единица – ноль»). Реализуется цель гомогенизировать население – воспроизводить подданных.

* * *

Трудно установить время, которое бы позволило точно определить «начальную точку» российского имперского сознания. Было ли это время падения Константинополя? Или это случилось при Иване Грозном, столетие спустя, когда по Европе распространилась реформация и, как считалось в Москве, прежде заблуждавшиеся, но все же христианские народы, теперь и вовсе сделались вероотступниками, а мы оказались последним оплотом правильного христианства?

С какого момента русские начали ощущать себя народом, который способен и имеет право подчинять себе других, главенствовать, определять свое и чужое настоящее и будущее? Когда начало проявляться наше имперское сознание, о котором не так давно один отечественный исследователь недавно писал, что «присоединяем мы к себе народы, или даже силой оружия покоряем – для их же Блага – с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права. Россия всегда на стороне Бога. Если она не права, то это уже, как бы, и не Россия». В общем, вслед за пророком Исайей: «С нами Бог, разумеете, народы, и покоряйтесь, ибо с нами Бог» (Исайя, 7, 18 – 19).

Наука не знает, почему одни народы строят империи, а другие нет. Тем более – почему одни к разрушившемуся относятся без слез или даже разрушают свои империи сами, а другие, как мы, все никак не могут от этого отказаться. Защитники идеи империи как формы существования избранных народов доказывают, что строят империи только сильные народы, которые «обладают правдой от Бога» и которые ради этой правды готовы нести свои и чужие жертвы. Более того: те, кто утверждает, что «Россия – империя навсегда», добавляют, что, в отличие от прочих завоевателей-империалистов, мы реализовали не прагматически обусловленную, а особую «культурно-детерминированную» экспансию и действовали не ради собственного интереса, а для пользы присоединяемых и чаще всего бес-

корыстно, если не в ущерб себе. Но почему мы столь альтруистичны? На это ответа нет.

Пониманию, откуда взялось наше имперское сознание помогает история наименования «Третий Рим». Как известно, Древний Рим был первой мировой языческой империей, претендовавшей на включение в свои пределы всего цивилизованного мира. Политический, экономический, военный и любой иной изоляционизм от варварских народов, равно как культурный и правовой универсализм внутри империи были его главными отличительными признаками. Этническая принадлежность входивших в империю народов во внимание не принималась. Рим как продолжение Афин являл собой новое издание эллинистической цивилизации, ее культуры и религии, дополненных глубоко разработанным правом. При этом религия пронизывала государственную жизнь, а отношения человека с богами реализовывались под строгим государственным контролем.

Пришедшая с распространением христианства на смену Рима Византия с самого начала заявила о себе как о земном бытии Царства Небесного, а о фигуре императора – как о заместителе Бога. В качестве идеала Византия провозгласила сообщество людей на основе общей правильной (православной) христианской веры. Различение языков, этносов, культур не просто игнорировалось, но считалось следствием греха, самовольной попытки вавилонского покорения Небес. Православию Византия преодолевала любой национализм. Власть государства была всеобъемлюща. Каждый подданный рассматривался как винтик единого механизма, который мог быть извлечен из глубин любого социального слоя и прилажен к нужному месту. Император управлял империей, а все иные народы ранжировались как «полезные» или «вредные» для православного государства.

Россия, бывшая частью Византийского мира, после падения Царьграда ощутила себя сиротой, но, вместе с тем, и единственной наследницей великой империи. Россия воспроизвела, хотя и существенно скорректировала основные имперские принципы Византии. Сохранив изоляционизм от неправославного мира, хотя и не варварского, как считали в Византии, но погрязшего в заблуждениях и грехе, русские сосредоточились на расширении и укреплении границ своего царства. Для этого, как универсально обрисовывал ситуацию Лев Толстой, на Кавказе «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооруженными ружьями со штыками, убивались тысячи людей, защищавших свою свободу, свои дома и

семьи». То же самое делалось и на других «окраинах», за что царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир». И это не было отдельными мероприятиями Российской империи. Тот же Толстой, как известно, задумывал роман о «силе завладевающей» – главном божеском призвании русских. Эту мысль – о мирном завоевании необъятных восточных пространств – неоднократно высказывал в «Анне Карениной» и его любимый герой Константин Левин.

При этом, в отличие, например, от имперской политики Англии, внутри страны православного миссионерства среди присоединяемого туземного населения по мере продвижения на запад, юг и восток не было. Приятие в православие считалось делом Божьего Промысла. Однородность империи покоилась на религиозной основе декларативно. Фактически же в ее границах сосуществовали мусульманский, буддийский, католический и протестантский миры, а гражданство (подданство) предоставлялось по факту проживания в границах империи и было предварительным условием обращения в православие.

Как и в Византии, на государство смотрели как на икону, но «симфонии» государя и патриарха не было, а царю божественная воля приписывалась даже в большей, чем у византийцев, мере. И если от подданных империи не требовалось православного религиозного служения, то им предписывалось отнюдь не меньшее служение царю как помазаннику Бога и столпу государственности.

Усиление тенденции «самодержавства» в противоположность «самовольству» выразилось и в том, что русские последовательно игнорировали входившее в византийское наследство римское право. Покоившееся на идее частной собственности и личности как субъекта правоотношений, оно не только не стало как в Византии основой имперского универсализма, но, напротив, сделалось угодливой служанкой царской власти. Гражданство в Российской империи, лишенное политических, культурных и правовых основ, было «гражданством» по месту нахождения человека на определенной территории, включенной в состав государства. У земель было больше прав, чем у населявших их жителей. Уже Иван Грозный «тасовал» бояр между территориями «опричнины» и «земщины», между центральными и отдаленными регионами, таким образом определяя меру их приближения к себе и степень «достоинства», без суда, по личному решению сотнями грабил, пытал, казнил. Самодержавный произвол сделался одним из столпов Российской империи.

Параллельно со становлением российской империи посредством наращивания территорий шло формирование имперского сознания. Мощный импульс российской имперской идее в начале XVI века придала формула псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Но кроме знаменательной масштабной цели идея содержала в себе и важный для самодержавной нацеленности российской власти необычайный характер. Москва объявлялась Римом не только следующим, но – главное – последним и на короткий срок, так как конец человечества якобы был близок. Поэтому задача спасения правильного христианства публично возлагалась русскими только на себя, а исключительный характер исторических обстоятельств оправдывал и требовал от них необычайных действий.

Конец света, однако, все не наступал и для поддержания имперской идеи понадобился новый материал. Поскольку правовых отношений между государством и подданными не предполагалось, начиная со второй половины XVI века набирает силу процесс закрепощения крестьянства и дворянства самодержавной властью. Даже появившееся спустя столетие послабление для дворянства в виде указов Петра III, а затем и Екатерины II, согласно которым оно освобождалось от обязательной 25-летней гражданской и военной службы, коренным образом их отношений с высшей властью не изменило.

Думаю, со времени сформулированных Иваном IV идей «самодержавной воли» и «единственной истинной веры» можно говорить об элементах целенаправленного имперского строительства со стороны власти и о запущенном процессе формирования у русского народа имперского сознания. «Самодержавство» Ивана Грозного было и реакцией на реформацию в Европе, что верно было истолковано как увеличение степени свободы индивида, недопустимого для России.

Процесс имперского строительства и формирования имперского сознания шел противоречиво. С одной стороны, в него входили представления об общине – крестьянском мире, которым крестьяне отгораживались от государства. С другой, формировалась логика захвата, перехода на новые, принадлежащие инородцам и потому «не занятые» земли, что совпадало с хозяйственной практикой экстенсивного ведения хозяйства. В этом крестьянство было с государством заодно и это в последующем дало основание спекулировать на идее «русский народ – народ-государственник». Само собой, что в обоих отношениях право если и присутствовало, то только условно-

декларативно и на высшем уровне, в то время как на практическом, низовом имела место камуфлированная под мирное сосуществование колонизация. При этом, захватывавший чужие территории русский народ был преисполнен веры в свою государственническую миссию. Считалось, что там, где живут русские, там Бог и Российская империя.

Нельзя, однако, забывать, что на новые земли народ гнала хозяйственная нужда, безземелье или стремление уйти от власти государства. Как полагали, например, старообрядцы, убегая на восток, они уносили с собой Святую Русь от антихриста – государства. Однако власть шла следом за народом, шаг за шагом возвращая его в подданство и, одновременно, расширяя свою территорию. Как свидетельствовал один русский чиновник, разницы между Ермаком и генералом Черняевым («Ташкентским львом») нет никакой.

В строительстве империи посредством колонизации окраин русские не были исключительно миротворцами, как это пытаются представить сегодняшние защитники идей «духовных скреп». Мирным путем цели достигались только там, где мы встречали народы со слабо развитой культурой и национальным чувством. Там русский рецепт имперскости – личного бесправия (холопства), господства самодержавной воли, отсутствия закона и гомогенизированного индивида в массе подданных принимался аборигенами без сопротивления.

Но там, где русским колонистам противостояла сколько-нибудь развитая государственность, культура, личное и национальное чувство, там дело, как правило, не решалось миром или и вовсе терпело провал. В отличие от мирной колонизации, колонизация военная требовала всестороннего «усмирения» – вплоть до уничтожения – «буйных» туземцев. В случае победы их общественная жизнь – управление, суд, социальная стратификация – приводилась в соответствие с российской, а их национальный высший слой включался в имперский.

В обоих, мирном и военном вариантах русского строительства империи, слабо присутствовали просветительский и цивилизационный элементы. Главным образом преследовалась цель гомогенизации населения территории – основы государственного единства. Конечно, там, где это было возможно, ассимиляция закреплялась православным крестом. Но там, где это, как, например, в Туркестане, исключалось мусульманством, власть была вынуждена довольствоваться фактом территориального гражданства.

Гомогенизация (покорение с усреднением, низведением личного начала до ничтожества и холопской покорности, приучение жить по воле ближнего наместника и дальнего царя) как доминирующий имперский принцип требовалась потому, что была единственным способом успешно осуществлять централизованный способ управления. Самодержец волею Божьей мог управлять, только предельно упростив все управляемые субъекты. Реализация желания быть вездесущим и править исключительно лично требовала сокращения количества управляемых до небольшого числа.

Культура как постоянное увеличение разнообразия и просвещение как рост информационного содержания каждого управляемого элемента имперской системе были категорически противопоказаны. При самодержавном способе правления культура делалась тем, что мешало, считалась вредной. По этой причине высокая культура допускалась в ограниченном и часто оскопленном виде, зато процветала выгодная империи культура «массовая».

Имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой. К переселению крестьянина центральной России толкала постоянно усиливающаяся при экстенсивном ведении хозяйства «теснота жизни», а закабаленные могли обрести волю только на чужой стороне. По этой причине свободные переселения (равно как переселения беглых) нельзя относить к беспричинным, неразумным или выгодным только власти. Существовал созданный крестьянами институт ходоков, которых общины посылали в предполагаемые районы переселения для сбора нужной информации.

Однако крестьянство, как и управленческий слой русской колониальной администрации, придя на «незанятые» земли как захватчик, по своему было заинтересовано в сохранении примитивного уровня сознания и культуры аборигенов. В лице туземцев русские переселенцы обретали еще более бесправных перед российской властью людей, чем они сами. И, значит, у них появлялась возможность переложить на них часть той тяжести, которая ранее всей своей силой давила их самих. Кроме того, поскольку вслед за народом на колонизованные земли приходила государственная власть, русские оказывались под ее защитой и по этой причине тоже рассматривались местным населением в качестве привилегированного класса. Причем для этого не требовалось ни образованности, ни принадлежности к высокой социальной группе, ни, тем более, личных усилий и качеств. Достаточно было национального признака. То, что это было непременно так, подтверждается и отношением

русских к евреям, столетиями живших в стране, но, тем не менее, считавшихся за инородцев. Они, как отмечает, например, Н.С. Лесков, оставались «на своей родине не более как теми же «презренными жидами», которым считает себя вправе оказать пренебрежение всякий безграмотный мужик, полуграмотный дьячок и самый легкомысленный газетный скорописец». Поэтому одно из наиболее обоснованных, на мой взгляд, объяснение причин активного участия народа в строительстве империи и сохранения имперского сознания состоит в следующем: русский народ бежал от власти и к власти стремился.

Впрочем, самодержавно-православная парадигма российской власти, дававшая результат от середины XVI столетия до Октябрьского переворота, во времена советского строя должна была быть заменена, что и произошло.

* * *

В сравнении с российской империей замысел имперского СССР был более эффективной попыткой, но, в то же время, и более безнадежным в своем результате опытом. Как эффективная попытка он нивелировал ряд свойственных русским качеств, вредных для имперского строительства. Так, многими исследователями отмечалась нетерпимость русских к национальным проявлениям государственности и культуры, их склонность грубо гомогенизировать аборигенов перед лицом государственной власти. Эти качества был призван нейтрализовать пролетарский интернационализм. Далее. Склонность к доминированию по признаку принадлежности к великорусской нации успешно блокировалась, во-первых, введением концепта лишённого национальности «трудящегося пролетарского государства», и, во-вторых, «ленинской национальной политикой», вводившей для прежде угнетавшихся нерусских наций в качестве компенсации массу «льгот». В совокупности эти идеи были призваны заменить православие как главный идеологический принцип Российской империи. Что же до идеи самодержавия, то она получила новую жизнь в форме верховной власти партии большевиков и ее централизованной управленческой структуры при сохранении традиционного для России манипулирования или небрежения правом.

Российская империя, каковой она подошла к началу XX столетия, не представляла собой целостного образования. Это был, если помнить о Финляндии, Закавказье и Средней Азии, конгломерат территорий с разными формами интеграции в имперское целое.

И хотя имело место государственное политическое единство, но имперский принцип не был реализован в полной мере и на его основе не удалось до конца создать гомогенную массу подданных. Все эти проблемы достались в наследство советской власти – «правопреемнице» Российской империи.

Технология создания советской империи изначально была задана фактом «Октябрьского переворота» – комплексного явления, включавшего в себя свержение Временного правительства, роспуск Учредительного собрания, роспуск Советов и водворение на их место комитетов деревенской бедноты и «красным террором». Последовавшим за этими событиями продолжением – разжиганием гражданской войны как средством перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической и введением «военного коммунизма» Ленин заложил основы нового имперского целого. Разумно рассудив, что господство над финнами, привыкшими к жизни при собственном парламенте и конституции, обойдется советской власти недешево, от их включения в создаваемую империю он отказался. Но в отношении остальных «окраин» имперская идея проводилась неуклонно.

Поставленный на место православия пролетарский интернационализм не был обременен имперскими ценностями Византии и России, в особенности вниманием Константинополя к культуре и праву. Вместо них последовательно культивировалась ценность так называемого классового подхода и революционного правосознания. Более того. С первых шагов советской власти была сделана заявка на потенциальное расширение советской империи за наличные пределы. Средством должен был стать экспорт революции, для подготовки и реализации которой создавался институт III Интернационала. Всерьез обсуждалась идея наступательной социалистической войны советской России против стран Европы для поддержки пролетариата этих стран.

Имперское строительство при советах обрело новое содержание и во внутренней жизни страны. Замена частнопредпринимательской экономики плановым хозяйством означала включение хозяйственной компоненты в имперскую цель гомогенизации подданных под управлением централизованной диктатуры.

На советскую гомогенизацию работала большевистская «трехчленка» социальной структуры – наличие «классов рабочих и колхозников с «прослойкой» из интеллигенции». Кроме того, решению имперской задачи создания единого экономического пространства

способствовали и абсурдные хозяйственные решения, прежде всего связи между источниками сырья, производителями и потребителями. Исключительно в целях политической целесообразности все эти элементы хозяйственного целого были механически рассредоточены по территории страны без учета не только хозяйственной выгоды, но даже особенностей климата и природных условий. Достижению цели гомогенизации подданных советской империи способствовало и состояние всеобщего бесправия и уязвимости населения перед властью. У людей систематически вырабатывался комплекс «вины каждого» и «права власти на насилие над каждым», что подкреплялось постоянными репрессиями без различия национальности, социального положения, возраста, пола, личных заслуг, места нахождения и т.п.

Еще одним новым инструментом и, одновременно, продуктом советского имперского строительства стал концепт «свободной и счастливой жизни» в имперском СССР и, главное, абстрактная идея «светлого завтра». Концепт «счастливая жизнь» был сложным мировоззренческо-идеологическим образованием. В него входило доставшееся ей от Российской империи наследство в виде полиэтнического состава населения в разной степени гомогенизации. Повсеместно, благодаря усилиям центральной и региональной большевистской власти, выжившее в гражданской войне (одержавшее победу) население было спаяно кровью своих единоплеменников, пролитой ради «светлого завтра». В него включался и нагнетаемый властями психоз в связи с возможностью уже после окончания гражданской войны новой внешней агрессии, и связанная с этим необходимость подготовки для борьбы с иностранным врагом за счастье трудящихся всего мира. Это была и непрекращающаяся борьба в верхних эшелонах власти. В «счастливую жизнь» после НЭПа вошла и коллективизация и, значит, новые смерти и кровь.

Жизнь в советской империи покоилась на небрежении правом, так как при реализации таковой в будущем потребность в праве, как и в государстве, как обещали, отмирала. Но если царское самодержавие, в особенности после судебной реформы Александра II, все же начало реальный поворот в направлении законности, то имперский СССР высшим выражением права сделал беззаконие. Начал он с провозглашения высшей юридической нормой «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности». Однако эти категории, не имеющие адекватного правового оформления, для своего существования нуждались в общественном приятии, каковое

и обнаружилось в сознании пролетарских масс. Почему же именно общественное сознание выступило основой имитировавшего право «пролетарского классового сознания» и «революционной целесообразности»?

Это произошло, во-первых, в силу той «физической чистки», которую при опоре на люмпенов из всех социальных слоев начали проводить среди населения большевики. Не только уничтоженные в гражданской войне, но десятки и сотни тысяч постоянно убиваемых или изгоняемых из страны людей в результате перманентных политических и экономических компаний вплоть до смерти Сталина стали результатом невиданного в мировой истории социального отбора. Критерием отбора была практическая и идеологическая лояльность большевистской власти, ее идеологии и, в том числе, идеалу «счастливой жизни».

К восприятию категорий классового сознания и революционной целесообразности общественное сознание было, во-вторых, подготовлено исторически. Нельзя забывать, что при отсутствии в стране права как одной из важнейших форм регуляции отношений между как людьми, так и между обществом и государством, необходимые для жизнедеятельности функции регулирования и управления вынужденно принимают на себя иные социальные и личностные механизмы. Так, если в обществе столетиями не было правовых механизмов согласования и договора, равно как сопутствующих им механизмов толерантности и компромисса, то это не значит, что люди не строят между собой отношений, государство перестает управлять, а общество перестает управляться и самоуправляться. Конечно, во всех социальных группах продолжают действовать нормы обычного права, работают традиции и их роль возрастает. Однако нормы и традиции принимаются далеко не всеми или их не всегда оказывается достаточно. И в этом случае в ход пускается естественный древний заменитель права – насилие.

Насилие как угроза и форма приведения к согласию разных интересов – основной для царской и советской России государственный регулятор. К насилию, однако, с одной стороны, можно привыкнуть или найти способы его минимизировать, а с другой, чтобы быть эффективным, оно должно становиться все более жестоким. Но насилие, также еще и наиболее простая, доступная каждому форма «взаимосогласования» отношений и интересов. Поэтому форма эта легко могла стать и стала народной. При этом, если в царской империи в межличностном общении для подданных все же иногда ра-

ботал сдерживающий религиозный фактор, то в советской империи религиозного фактора заведомо не было, а, напротив, было требование максимальной беспощадности по отношению ко всякого рода «врагам», что заведомо исключало любое проявление сострадания и жалости. Более того: насилие поощрялось, а его недостаток властями расценивался как предательство и преследоваться. Таким образом, жестокость как норма и средство общения в России стали одним из культивируемых признаков, условием выживания в стране, а позднее сделались важными атрибутами имперского СССР. Именно они были тем реальным и всеми хорошо ощущаемым основанием, который до времени прикрывался феноменом «дружбы народов» и идеалом «счастливой жизнью». Однако если возникала надобность, то в скорости появления на свет насилия не сомневался никто.

Еще одной чертой имперского сознания является сопутствующее насилию презрение к человеку, отношение к нему как к объекту для гомогенизации. Поскольку империи прежде всего заботились о том, что имело отношение к их природе или входило в сферу их интересов, то до частных интересов отдельного человека дело, как правило, не доходило. Примеров такого рода так много, что для прояснения этой характеристики следует обратиться и в самом деле к чему-то исключительному. Таковым, например, в истории Российской империи мне представляется факт отношения власти к последним дням жизни Льва Толстого. Авторитет всемирно известного писателя был столь высок, что даже царь и его ближайшие чиновники при жизни никогда не допускали мысли о каком-либо властном на него воздействии или, того пуще – насилии, хотя поводов для этого писатель давал много. Но все это относится к ситуации, когда писатель жил сам по себе. Но вот на станцию Астапово Рязанско-Уральской железной дороги ночью 31 октября 1910 года приезжает больной Толстой, чтобы здесь через шесть дней умереть. Об этом узнает страна и сюда устремляются массы народа. Что же власть?

Первоначально она старается снизить интерес общества и сделать событие рядовым. С этой целью рязанский генерал-губернатор князь А.Н. Оболенский пытается выжить со станции корреспондентов. Ради этого закрывают станционный буфет, а когда журналисты жалуются наверх, то о них все же решают проявить заботу – выдают матрацы и лампы. Вместе с тем, местным начальством рассматривается вариант перемещения Толстого – неизвестно куда, но лишь бы с подвластной территории. Так, один высокий чиновник спрашивал другого: «Телеграфируйте кем разрешено Льву Толстому

пребывание Астапове станционном здании²¹⁰, не предназначенном помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры отправления лечебное заведение или постоянное местожительство». Несомненно, что если бы ущерб от скандала не превысил издержек по «неразрешенному пребыванию» тяжело больного, его бы, хотя и насильно, но «переместили» бы. Это же в массовом порядке и делала, например, власть в имперском СССР, не разбираясь, имеет ли дело с отдельным человеком, сельским сообществом или народом. Адресом же «перемещения» могла быть либо окраина СССР, либо и вовсе «тот свет».

Эти и иные подобные меры властей постоянно культивировали новое имперское сознание россиян в СССР. При этом, основные черты строящейся советской империи либо оставались теми же, что и в российской империи, либо еще более усугублялись. Таким, к примеру, был изоляционизм по отношению к внешнему миру. «Оплот трудящихся всех стран» скрывался за железным занавесом, защищавшим от врагов и от познания советскими людьми внешнего мира. Внутри страны процветал не виданный ранее универсализм на основе коммунистической идеи. Ни на день не прекращалась тотальная гомогенизация населения. Была разработана и успешно осуществлялась специфическая, «пролетарски» переработанная культурная политика. Доставшаяся от Российской империи культура безжалостно переделывалась – «исправлялась». И, наконец, шла тотальная коррекция (переформатирование) народной памяти. О соплеменниках, уничтоженных и уничтожаемых ради «высокой» идеи, предписывалось забыть как о врагах или как о неизбежных исторических жертвах²¹¹.

За любое, ставшее известным несогласие с каким-либо из этих принципов советской империи полагалась немедленная жестокая репрессия. Идеологическое обоснование этих мер там, где она требовалась, применялось государством не «просветительно» и постепенно, а властно-репрессивно и в жесткие сроки. Думаю, что для построения советской империи у большевиков был свой «пятилетний» план, который, как и остальные, предполагалось осуществить в два-

²¹⁰ Комнату тяжело больному Толстому из сострадания предоставил в своей квартире начальник станции.

²¹¹ Масштабы предназначенного к забвению, не прояснены до сих пор. Сколько – один, шесть или десять миллионов было уничтожено в СССР в коллективизацию, в том числе и в ходе военных действий частей Красной армии против восставших сел? Сколько – половина или более половины населения Казахстана и Башкирии погибло от голода в результате реквизиций у него скота? Сколько крестьян Украины и Поволжья умерли от голода после выполнения сталинских планов хлебозаготовок? И т.д., и т.п.

три года. Но, к счастью, как и остальные, он не был успешно завершен, хотя и нанес огромный вред.

* * *

Я уже отметил, что сегодня у власти и общества, на мой взгляд, нет сколько-нибудь ясного представления о том, что делать на руинах советской империи: пытаться продолжать или даже изобретать новую империю, либо строить нечто иное. Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, несколько слов следует сказать о доставшемся нам наследстве. Для этого среди «ценностей» последней империи, до сих пор не преодоленных в общественном сознании и даже пользующихся популярностью и поддержкой у отдельных категорий граждан, выделю несколько, наиболее, на мой взгляд, значимых.

Возможно, на первом месте здесь следует поставить «ценность» страны, которую раньше «все боялись» и, как очевидно думает эта категория населения, по этой причине «уважали». Нечто рациональное из страха перед нами можно вывести только следующим заключением: если мы делали что-то заведомо недоброе, то нам не только не противились, но и не показывали вида.

Существенно померкла, но все еще жива «ценность» пролетарского интернационализма. Слава Богу, последним прецедентом реализации этой идеи на практике был Афганистан. Позднее, даже имеющий российские имперские корни опыт войны на стороне «сербских православных братьев», не говоря уже о военной «солидарности» с социалистической Югославией против НАТО, ограничился маневром над Атлантическим океаном самолета тогдашнего премьер-министра. Таким образом, идея экспорта коммунизма, будем надеяться, сдана в архив.

Туда же отправлена и «ценность» жизни в империи больших народов, расположенных по периметру нашего отечества и включенных в Российскую, а затем и в советскую империю. Своё отношение к империи «национальные окраины» высказали еще в 1991 году. Что же до «окраин» внутренних, то одно дело – Кавказ, и другое – Татарстан, Башкирия и другие этнические сообщества. И если с последними двумя общий язык и совместное развитие нащупывается, то с Кавказом перспективы конструктивного взаимодействия вряд ли устойчивы. Не анализируя эту тему в силу ее сложного специального характера, отмечу лишь одно. Еще русские колонизаторы, которые вели захватнические войны против черкесов (как скопом именовали все народы Кавказа), поняли безуспешность попыток распространить на них православие и самодержавие. Их не

удалось в полной мере ни гомогенизировать в «трудящихся СССР», ни «переделать» в духе идей «пролетарской диктатуры». Думаю, что они составили себе представление и о современном российском «единодержавии» и новом варианте «дружбы народов». И рассчитывать на попытки реинкарнации советской империи на их территориях, хотя бы и в модифицированном варианте, нельзя.

К перечню «ценностей» последней империи следует добавить и свойственную значительной части населения современной России «антикапиталистическую ментальность». В существо капиталистического способа производства включается частная собственность, определение максимизации дохода и пользы как цели хозяйствования, координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен, почти полное исключение из межчеловеческих связей патернализма и отношений типа «раб – господин», стремление к утверждению верховенства закона. Естественно, что наше общество, привыкшее к царскому или советскому произволу, в том числе и прежде всего в отношении института частной собственности, равно как и к типам хозяйствования и потребления, далеким от рациональности и личной, не зависящей от «господина» выгоды, в массе своей не готово к быстрому переходу на капиталистические основания жизни. Думаю, что и современная российская власть иногда искусственно подпитывает антикапиталистические настроения населения.

Все перечисленное, если иметь в виду перспективу не загнивания и даже возможности исчезновения нашего народа, а его возрождения на новых основах, заставляет рассматривать попытку нового имперского строительства как дело убийственное. Так что же нам делать?

На мой взгляд, речь должна идти о смене россиянами своей имперской идентичности на патриотическую идею возрождения народа и страны без имперских целей. А это предполагает, глядя из глубины почти пятисотлетней истории, организацию непривычного для нас дела – введение в состояние цивилизованности самих себя. Не привычно это, во-первых, потому, что предмет усилий из внешнего (активность, направленная на других) становится внутренним (активность направляется на самих себя). Сложно это, во-вторых, потому, что содержанием активности вместо православия и самодержавия или коммунистической идеологии, власти партии или властной группы становится развитие, распространение и укрепление культуры и права.

Отказ от попытки воссоздания империи формулирует вопрос о форме государственности. Таковой в России, на мой взгляд, должна стать давно существующая в развитых странах форма – национальное государство. Но это, конечно, не «государство русских», если развивать далее идею «русские – государствообразующий народ». Нация в национальном государстве – не этническое, а гражданское единство. Гражданская нация – сообщество граждан, которые принадлежат к разным этносам, социальным группам и исповедуют разные религии, но признают свою историческую и культурную общность, активно развивают политические и правовые связи с государством и между собой в общенациональном деле – созидании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества, в основе которого – капиталистический способ производства.

* * *

Долженствование по отношению к будущему справедливо вызывает улыбку. Однако не стоит чрезмерно критически относиться к попыткам посмотреть на то, что можно назвать его ростками. Кроме того, и то, что я буду говорить далее в связи с идеей национального государства, я предложил бы рассматривать не как обязательное долженствование или, тем более, неизбежность, а только как регулятивную идею. Регулятивная идея – это тезисы, к которым предлагается относиться как к тому, что может быть принято обществом в качестве желательного. В этом смысле и христианская доктрина – регулятор, который не всегда и не везде срабатывает, но который существует и работает в сознании и в действиях.

Итак, говоря о национальном государстве, прежде всего следует сказать о субъекте его строительства. Таким коллективным субъектом, на мой взгляд, сегодня могут и уже начинают выступать те, кого следовало бы называть «новой элитой» – лучшими. Что имеется в виду?

В каждой социальной и профессиональной группе есть эффективные люди, которые о самих себе говорят как о «нормальных», что, с поправкой на скромность, означает знающих, ответственных, энергичных, честно делающих свое дело. Именно они, материализуя свойственное им желание – отрицать среди сущего «плохое» и утверждать «лучшее в качестве должного» – могли бы стать коллективным субъектом строительства новой стадии российского государства.

В этой связи хотел бы напомнить о начальной стадии процесса создания национального государства во Франции, поскольку весь процесс вышел за пределы столетия. Как отмечают исследователи, французская революция не была совершена определенной партией или движением в соответствии с какой-либо программой. Движущей силой революции выступала группа «буржуазии», воспринявшая от философов и экономистов идеи классического либерализма. По этой причине «философы» могут считаться ответственными за революцию. Именно их абстрактные тезисы «овладели массами».

Не думаю, что было бы ошибкой указать и на то, что аналогичный субъект активности при запуске процесса рациональных аграрных реформ в России видел, например, П.А. Столыпин, когда говорил, что в политике будет ориентироваться «не на пьяных и слабых, а на трезвых и сильных». Метафора премьер-министра не смущала, а успешно начатое им реальное реформационное движение подтвердило, что понятная обществу абстракция «сильные» во все не помеха.

Но обладает ли наша элита самосознанием, достаточным для активного действия? Иными словами, насколько она готова выйти из вялотекущего процесса «стабильности-деградации», который под управлением властных «псевдо-элит» возобладал в современной России? Но насколько их идеалы, ценности, стандарты деятельности и поведения готовы воспринимать другие члены их профессиональных групп, а также иных социальных слоев? Очевидно, в зависимости от ответа на этот вопрос потребуется тот или иной характер социальной работы и активности как внутри «новых элит», так и этого коллективного субъекта с иными слоями общества.

Попутно отмечу, что похожая просветительско-культурная работа в нашей стране уже была. В начале XX века, когда озабоченные проблемой «окультуривания» русской деревни в нее шли ученые-кооператоры и общественные деятели, заботясь не только о продвижении в аграрный сектор передовых сельскохозяйственных знаний, но и ставя более общую цель - цивилизационного подъема народной жизни. Очень скоро, уже к началу 1917 года, до 75% крестьянских дворов России были вовлечены в те или иные формы кооперации, «охвачены» просветительской деятельностью. Не удивительно, что после прихода к власти большевиков именно кооператоры и кооперация как массовое проявление энергии гражданского общества были определены Лениным «врагом № 1» и в период политики «военного коммунизма» подверглись уничтожению. Этот период про-

светительской работы охватывал от пятнадцати до двадцати лет. Но в какой мере в это время в нем произошло становление новой элиты, сказать сложно.

Думаю, что ясного ответа на поставленные вопросы пока нет. Однако понятны две вещи. Первая: ждать, пока новые элиты себя самоосознают и обнаружат, пока сама собой случится смена идентификации россиянина, не стоит. Если у какой-то части общества есть понимание необходимости начинать работать, то это и есть достаточный сигнал для начала действий. Тем более, что очевидно: только длительная, проводимая не только интеллигенцией, а «верхними» слоями социальных групп «культурническая» и политическая работа приведут к становлению гражданской нации, сформируют у членов общественных групп устойчивые привычки эффективно и добросовестно делать свое дело, думать и поступать не «под давлением производимых властями обстоятельств», сиюминутных выгод, но так, как «должно». При этом начинаться этот процесс, который в перспективе может вылиться в общественное «культурное движение», очевидно, будет как индивидуально, так и в группах, независимо от географии, профессии, возраста. В последнем случае, конечно, это должно быть включено в существующие воспитательные и образовательные механизмы, так что без активного участия государства здесь не обойтись.

* * *

В заключение повторю: России пора перестать имитировать признаки империи. Эволюция российской государственности в форму национального (гражданского) государства в современных условиях возможна и необходима. Содержанием этой работы, наряду с прочим, видится и корректировка идентичности современных русских – вытеснение из нее имперской составляющей и наполнение смыслами и ценностями культуры и права. Исторического опыта такого рода работы у нас нет. Но и империю воссоздать нельзя. Остается заняться созданием самих себя.

Использованная литература:

Государство. Общество. Управление. Ред. С.А. Никольский и М.Б. Ходорковский. М., 2013.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006.

Лесков Н. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1956.

Лурье С. IMPERIUM. Империя – ценностный и этнопсихологический

- подход. М., 2012.
- Малинова О. Конструирование смыслов. М., 2013.
- Наследие империй и будущее России. М., 2008.
- Нации и национализм. Ред. Б. Андерсон и др. М., 2002.
- Солоневич И. Мировая революция. М., 2006.
- Толстой Л. Собрание сочинений в двадцати двух томах. М., 1978.
- Хобсбаум Э. Век империи. М., 1999.
- Хоскинг Д. История Советского союза. М., 2000.

**«Кавказ» Тараса Шевченка
на фоне непреходящего прошлого
К 150-летию со дня написания поэмы «Кавказ»**

И.М. Дзюба

Поэма гениального украинского поэта Т.Г. Шевченко «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории литературы не много найдется примеров того, как поэтическое произведение полтора столетия не теряет своей когнитивной, политической и моральной злободневности.

Почему кавказский рефлекс стал словно бы неотъемлемой частью политической и духовной жизни России? На этот вопрос отвечает Иван Михайлович Дзюба – в советское время диссидент, ныне академик Национальной академии наук Украины. Он опирается на исторические источники, сравнивая взгляды российских литераторов и Тараса Шевченко на кавказские злодеяния Российской империи. В тексте воспроизведена поэма «Кавказ» на языке оригинала и в переводе на русский язык.

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

*Кто даст главе моей воду,
И очесем моим источник слез,
И плачуся и день и ночь,
о побитых...*

Иеремии глава 9, стих 1

За горами гори,
хмарою повиті,
Засіяні горем,
кровію политі.

Споконвіку Прометея
Там орел карає,
Що день божий довбе ребра
Й серце розбиває.
Розбиває, та не вип'є
Живущої крові, –
Воно знову оживає
І сміється знову.
Не вмирає душа наша,
Не вмирає воля.
І неситий не виоре
На дні моря поле.
Не скує душі живої
І слова живого.
Не понесе слави Бога,
Великого Бога.
Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!
Нам тільки плакати, плакати, плакати
І хліб насущний замісить
Кровавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже, утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруєм Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! Встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Кроваві ріки!
За горами гори, хмарою повиті,
Засіяні горем, кровію политі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і голу
Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов'їх. А дівочих,
Пролитих тайно серед ночі!

А матерних гарячих сльоз!
А батькових старих, кровавих.
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!
Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!
І вам слава, сині гори,
Кригою окуті.
І вам, лицарі великі,
Богом не забуті.
Борітеся – поборете,
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!
Чурек і сакля – все твоє,
Воно не прошене, не дане,
Ніхто й не возьме за своє,
не поведе тебе в кайданах.
А в нас!.. На те письменні ми,
Читаєм Божії глаголи!..
І од глибо[ко]ї тюрми
Та до високого престола —
Усі ми в золоті і голі.
До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! Чом ви нам
Платить за сонце не повинні!
Та й тільки ж то! Ми не погане,
Ми настоящі християне,
Ми малим ситі!.. А зате!
Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа як на те —
Одна Сибір несходима,
А тюрм! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить,
Бо благоденствує! У нас
Святую Біблію читає
Святий чернець і навчає,

Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі! Ви ще темні,
Святим хрестом не просвіщенні,
У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забори!
У нас! чого-то ми не вмієм?
І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.
Ми не гішпани; крий нас, Боже,
Щоб крадене перекупать,
Як ті жиди. Ми по закону!..
По закону апостола
Ви любите брата!
Суєслови, лицеміри,
Господом прокляті.
Ви любите на братові
Шкуру, а не душу!
Та й лупите по закону:
Дочці на кожушок,
Байстрюкові на придане,
Жінці на патинки.
Собі ж на те, що не знають
Ні діти, ні жінка!
За кого ж Ти розіп'явся,
Христе, сине Божий?
За нас, добрих, чи за слово
Істини... чи, може,
Щоб ми з Тебе насміялись?
Воно ж так і сталось.
Храми, каплиці, і ікони,
І ставники, і мірри дим,
І перед обра[зо]м Твоїм
Неутомленіє поклони.
За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!
Просвітились! та ще й хочем
Других просвітити,

Сонце правди показати
Слішим, бачиш, дітям!..
Все покажем! Тільки дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми мурувати,
Кайдани кувати,
Як і носить!., і як плести
Кнути узловаті, —
Всьому навчим; тільки дайте
Свої сині гори
Остатнії... бо вже взяли
І поле і море.
І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролити
Кров добру, не чорну. Довелось запить
З московської чаші московську отруту!
О друже мій добрий! друже незабутий!
Живою душею в Україні витай,
Літай з козаками понад берегами,
Розриті могили в степу назирай.
Заплач з козаками дрібними сльозами
І мене з неволі в степу виглядай.
А поки що мої думи,
Мое люте горе
Сіятиму, — нехай ростуть
Та з вітром говорять.
Вітер тихий з України
Понесе з россою
Мої думи аж до тебе...
Братньою сльозою
Ти їх, друже, привітаєш,
Тихо прочитаєш...
І могили, степи, море,
І мене згадаєш.

18 ноября 1845

В Переяславі

За горами гори, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает.
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце

И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы Бога,
Вечного, живого.
Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда Ты ляжешь
Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки.
А пока – струятся реки,
Кровавые реки!
За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось, – вплоть до воли
И травим... И легло костью
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки – море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!

Слава синим горным кручам,
Ледниками скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.
Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает,
За вас правда, за вас слава
И воля святая!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!
Чурек и сакля – все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем Господа глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте – и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас,
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиной когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал. Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не ученые,

Святым крестом не просвещены,
Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных
Людей крещеных... но простых.
Мы не плантаторы, не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!
По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке – на наряды,
На житье – сынкам побочным,
Жене – на браслетки,
А себе – про то не знают
Ни жена, ни детки!
За кого же был Ты распят,
Сын единый Божий,
В искупленье нам? За слово
Истины? Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь.
Ту братскую, что льют ручьями, —
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайте
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,

Плесть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, –
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поля, и море.
И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший!
Не за Украину –
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови.
Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы,
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай,
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.
А покуда – мои думы,
Лютые невзгоды
Буду сеять я.
Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь,
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

Перевод с украинского П. Антокольского. Печатается по изданию Шевченко Т.Г. Избранные сочинения: Пер. с укр. – М.: Худ. лит., 1987.

Статья первая

Сотое и последнее покорение Кавказа
*Яков де Бальмен, название рисунка 1844 года*²¹²
І тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката, довелось пролити

²¹² Бальмен Я.П. Повести. – Харьков, 1983. – С. 11.

Кров добру, не чорну...
Тарас Шевченко, «Кавказ», 1841
И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови.²¹³
Так началось занятие Кавказа
Русским народом; оно продолжается
Доселе и еще не скоро кончится...
«Русский Архив», 1883²¹⁴

Одной из «родовых» примет кавказских войн Российской империи было то, что каждая из них неоднократно завершалась окончательной победой – с тем, чтобы вскорости начаться снова, ради следующей окончательной победы. И каждая из таких окончательных побед, по крайней мере в XVIII и XIX столетиях, давала новый импульс патриотическим настроениям и национальной гордости, обогащала полноту великодержавного самочувствия, с таким блеском эстетизированного многими – от Державина до Тютчева – гениями русского слова, передававшими тему покорения Кавказа друг другу словно национальную эстафету (хотя постепенно в этой теме начинали звучать и обертоны, и диссонансы). Певец «Фелиць» – Екатерины II (он же и певец ее предшественника – ее мужа Петра III, задуманного ночью в кровати инспирированными ею заговорщиками; он же и певец ее преемника-антагониста Павла I; он же и певец его сына Александра I, благословившего жестокое убийство, опять-таки заговорщиками, своего порфирородного отца) – Гавриил Романович Державин приветствовал одами (ровно двести лет тому назад) первого в длинном историческом ряду «покорителей Кавказа» – графа Валериана Зубова («К Красавцу» – название оды не случайно: «красавец», «любезный мальчик», «резвушка моя» – так Екатерина II именовала своего любимца²¹⁵, – «На покорение Дербента», «На возвращение графа Зубова из Персии»):

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ...

²¹³ Русский перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. Лит, 1987. – (Библиотека классики.) «Кавказ» в переводе П. Антокольского.

²¹⁴ Воспоминания Г.И. Филипсона// Русский Архив, 1888. – кн. 3.– С. 190.

²¹⁵ Русский биографический словарь. Ж-З. – Петроград, 1916. – С. 515.

Через четверть столетия «протодекабристски» настроенный двадцатидвухлетний Александр Пушкин восторженную романтическую визию Кавказа увенчает окончательным историософским приговором:

И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

Через десяток лет гуманный и добросердечный во всем, что не касалось государственной политики, Василий Андреевич Жуковский в «Русской песни на взятие Варшавы», излив искренний восторг по поводу того, как «Поднялися и летят // Наши мстительные бомбы// На кипящий бунтом град» – не забывает напомнить миру как о безвозвратно совершившемся факте и о «чудном плене» Кавказских гор...

А еще спустя десяток лет Михаил Лермонтов, имевший немалый опыт личного участия в Кавказской войне и смотревший на нее совершенно иначе, чем Державин или Жуковский, и даже несколько иначе, чем Пушкин, незадолго до своей гибели в известном стихотворении «Спор», написанном, что интересно, одновременно с инвективой «Прощай, немытая Россия», – в контексте метафорических визий противостояния Запада и Востока, цивилизации и природы, колонизаторского «прометеизма» и туземного пассаизма поставил (кажется, не без грустного раздумья и сочувственного сожаления) твердую русскую точку в истории борьбы кавказских народов за независимость:

От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки...
И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел Врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,

Шапку на брови надвинул –
И навек затих.

Пройдет еще два десятка лет (а если точно – восемнадцать), и православный мыслитель и поэт Алексей Степанович Хомяков на заседании «Общества любителей российской словесности» 2 февраля 1860 года, подводя итоги года прошедшего, с патриотической гордостью провозгласит, имея в виду не литературные свершения, а пленение имама Чечни и Дагестана Шамиля: «Счастлив он (год. – *И. Дз.*) был для нас в отношении государственном. На юге побежден неприятель, долго утомлявший наше войско. Сломлено препятствие, долго задерживавшее развитие благосостояния в лучших Российских областях»²¹⁶.

Для другого политического мыслителя и популярного в свое время публициста, генерал-майора Ростислава Андреевича Фадеева (кстати, нашего земляка – екатеринославца) таким знаменательным, судьбоносным годом представлялся 1864-й: «Истекший 1864 год был одним из самых счастливых, отмеченных годов нашей тысячелетней жизни. Русский народ, соединенный в те памятные месяцы как один человек, видел разом усмирение польского восстания и окончание вековой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядом не случайно. Действительно, дело шло для России об одном и том же вопросе на Кавказе, как в Польше; тот же момент нашей истории выразился одинаково на двух окраинах империи. Почти одновременно русский народ встретил в своем естественном росте два препятствия, перед которыми он не мог остановиться, не отказываясь от половины уже совершенного пути: одно на европейском, другое на азиатском рубеже. И там, и здесь необходимость преодолеть эти препятствия вызвала столетнюю борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускающую никаких сделок, до такой степени, что всякая сделка, как доказал опыт, положительно вредит окончательному результату. И там, и здесь покорение противника было не целью, а только средством навсегда обезопасить от враждебных покушений, прочно укрепить за собою свое родное, несомненно нам принадлежащее. В продолжение почти целого столетия Кавказ был для нас буквально «азиатскою Польшей»²¹⁷.

²¹⁶ Хомяков А.С. Поли. собр. соч. Т. I. – М., 1861. – С. 506–507.

²¹⁷ Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». – С.-Петербург, 1865. – С. 5–6.

Но и после этого еще долго будут приходить с Кавказа победные реляции. И поэтическая эстафета кавказопокорения будет продолжаться, хотя изменится калибр ее участников и сама она постепенно получит другие формы и значение.

Начиная со середины XIX ст., в общественно-политических, литературно-художественных и научно-исторических изданиях России публикуется огромное количество материалов на темы «покорения Кавказа». В некоторых из них проскальзывают сомнения в целесообразности отдельных аспектов российской политики на Кавказе и плодотворности ее результатов, неодобрение методов военного подавления. Но в большинстве – глаорифицируется «установление Русского владычества на Кавказе» или же оно принимается как несомненно свершившийся исторический факт. Появляются многочисленные воспоминания «героев» и участников карательных экспедиций, бахвалящихся своими жестокими «подвигами». Эти сакрализованные «подвиги» официоз широко использовал как образец в патриотическом воспитании воинства в духе слепой и кровожадной преданности «престолу».

И не случайно накануне и в самом начале Первой мировой войны торжественно отмечаются очередные кавказские юбилеи: в мае 1914 года – 50-летие «со дня полного покорения Кавказа», а в августе – 55-летие «пленения Шамиля». Эти юбилеи использовались как возможность еще раз проникнуться милитарной славой империи:

«Знаменательные юбилейные дни покорения Кавказа, пленения Шамиля, полные отзвуков былой, величественной, кровавой эпопеи, тесно связаны в памяти русского человека с геройскими славными именами. Ермолов, Воронцов, Евдокимов, Барятинский – много, много лучших сынов России потрудились в течение долгих десятилетий над покорением прекрасного, но дикого края, ставшего ярким бриллиантом в венце властителей России»²¹⁸.

Не мне судить о «лучших сынах», но того, как они «потрудились», ни обойти, ни объехать. Впрочем, об этом далее.

Тем временем логически возникает вопрос: почему на историю России вот уже более двух столетий ложатся кровавые отблески кавказских войн и кавказский рефлекс стал как бы неотъемлемой приметой политической и духовной жизни России? Почему царизм так упорно стремился овладеть Кавказом, не считаясь ни с какими

²¹⁸ Из кавказской старины: Заметки современников. – Историческая летопись, 1914. Кн. 8. – С. 943.

человеческими жертвами и материальными затратами? И почему именно эта боговдохновенная (если верить ее инициаторам) акция царизма оказалась самой продолжительной и жестокой во всей далеко не голубиной истории Российской империи?

Известно, что далеко не всякая империя в мировой истории отличалась таким благородством целей и мотивов, как Российская. В свое время один из классиков учения, которым благословилась новая, Советская Россия, а именно Фридрих Энгельс, писал: «Любой захват территории, любое насилие, любое угнетение царизм осуществлял не иначе, как под предлогом просвещения, либерализма, освобождения народов»²¹⁹. И горький сарказм истории в том, что именно идеи двух наибольших обличителей экспансии российских царей («руссофобов») – Маркса и Энгельса (вспомним хотя бы сокрытые от советского читателя Марксовы «Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия», его утверждение о том, что «Московия воспиталась и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства»; его характеристику российской политики как следствия «кровавой мути монгольского рабства»; оценку Петра Великого как «сочетавшего политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского господина, которому Чингисхан завещал свое покорение мира»; или его тезис о «воплях агонизирующих народов», сопровождавших «непреодолимое влияние России»²²⁰) – именно их идеи стали знаменем новой, небывалой, уже глобальной миротворительной экспансии...

Но еще раньше российский империализм выработал целый сакральный ритуал освободительного таинства.

Вот многократно испытанная его модель.

Сначала обращалось благосклонное внимание на ту или иную соседственную страну, по возможности единокровную, или единоверную, или же могущую быть приведенной в таковое крайне удобное для освободительства состояние (не в последнюю роль степень потенциальной освободимости определялась и стратегическим значением данной страны). Затем обнаруживалось, что соответствующий народ пребывает в безысходном положении вследствие внешних угроз и произвола собственных правителей, а еще лучше – и того, и другого вместе. Единственным способом оградить соседственную страну от внешнего порабощения и внутреннего развала было –

²¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 22. – М., 1962. – С. 24.

²²⁰ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия. – Центральная научная библиотека НАН Украины. – С07905. – [На правах рукописи.] – С. 101; 116; 96.

милостиво взять ее под свой протекторат. (По возможности – по просьбе самих туземцев. В традициях римских завоевателей: «Какую бы страну римляне ни занимали, они делали это по призыву туземцев», – утверждал Макиавелли²²¹. Особенно трогательную преданность принципу добровольности и «инициативы снизу» продемонстрировала Екатерина II. Даже ликвидацию украинских школ и замену их казенными русскими, даже упразднение выборности и самоуправления украинского духовенства, подчинение его имперской администрации – и то она осуществляла на просьбы «снизу», на каковой предмет давала четкую инструкцию своему наместнику в Малороссии графу Петру Румянцеву: «Желаю, чтобы вы тамошних нескольких называемых панов склонили к подаче челобитной, в которой бы они просили об лучшем у них учреждении школ и семинарий; и если можно, о положении духовенства в штатское состояние от духовных или светских такую же челобитную иметь, то б мы уже знали, как начать»²²². Как видим, обходились даже без «всенародного» сбора подписей...)

Вот так освобождали, воссоединяли, устанавливали отеческую или материнскую опеку – не считаясь с собственными издержками. Однако великодушие вовлекает в растущий ряд обязательств. Освобождение – акт не формальный, а сущностный, и освободитель не может, даже если бы и хотел, остановиться на полпути. Обычно оказывалось, что и после установления российского протектората туземная администрация продолжала бессовестно эксплуатировать свой народ и совершенно не заботилась о его экономическом и культурном благоустройении. Чтобы спасти данное общество от его «внутренней лжи» и «шатости», а простолюдые – «от мучивших его вдруг многих маленьких тиранов» (екатерининская мотивация упразднения института гетьманства и самоуправления в Украине)²²³, – приходилось делать следующий шаг и вводить «русское гражданское управление», «новые порядки», «имевшие единственной целью благоденствие народа»²²⁴, и соответственно завозить собственную чиновничью, купеческую и иную братию. На этом освободительная мистерия как таковая могла бы и окончиться, дав твердое начало

²²¹ Макиавелли Н. Сочинения. – М.-Л., 1934. – С. 217.

²²² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.6. – С.-Петербург: Общественная польза, 1864. – С. 122.

²²³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 т. – Общественная польза, 1864. – Кн. 6. – С. 37.

²²⁴ Накко А, Очерк Гражданского Управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 года. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. – Одесса, 1879. – С. 294.

мирному благоустроению в новых и отныне незыблемых пределах... Но увы!.. Начиналась неминуемая «измена» и «крамола» («Присоединяя Имеретию уловкою и против желания царя, потому что обстоятельства того требовали, приобрели в особе сего владельца тайного злодея, в князьях сего царства предателей и изменников...»²²⁵; «...Опыт толиких измен в Грузии, начиная от высших степеней, нисходя до народа, доказывает, сколь Правление Российское ими мало терпимо, или совершенно противно)²²⁶; «...Далеко не все, кто смирился, обрел покой. Случилось совсем наоборот: невежественные, грубые чиновники, взяточники сделали русское господство невыносимым. Отсюда измена Хаджи-Мурата, Даниэль-бека и многих других. Отсюда и восстание Большой и Малой Чечни и Аварии – целой части Дагестана. Если народ однажды добровольно покорился, а потом восстал, значит, причиной тут – дурное управление, на которое он было согласился, а потом осознал, что оно душит народ»²²⁷).

Вся история Российской империи преисполнена жалоб на «измену», кар за «измену», поисков «измень» и упреждений возможной будущей «измень». В чем же секрет этого феномена, этого нигде более в мире не виданного (по крайней мере, в таких масштабах) явления? Видимо, в самом причудливом содержании этого понятия, как его разумел российский царизм сукупно со своими стратегами и моралистами. Тут надобно обратить внимание на одну принципиальную особенность российского колониализма. Когда Россия (как царская, так и большевистская) хотела подчинить соседний народ, она, как уже отмечалось выше, сначала или провозглашала его братским и равноправным, или же признавала туземцев подданными империи, а потом уже шла на них войной, чтобы любыми способами загнать их в это почетное состояние. Даже закрепощение Украины Екатерина II предприняла единственно с целью «уравнения свободностью малороссийского, равно подданного-же Ея Императорского Величества народа»²²⁸. Следствием такой неповторимой логики было то, что всякое сопротивление захватчикам наперед объявлялось «изменой отечеству».)

²²⁵ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 91.

²²⁶ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 92.

²²⁷ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 198.

²²⁸ Соловьев СМ. История России... Кн. 5 – С.-Петербург: 1864. – С.787.

Итак, вместо благодарности – новые тяжкие хлопоты, требовавшие пребывания и содержания (правда, за счет самих туземцев) огромной армии казеннокоштных пособников освобождения, да и доблестного воинства («Для обуздания сих развратных необходимо нужно содержать число войск, могущее внушать почтение к имени Россиян!»)²²⁹. И уже за плотно закрытым занавесом долго и муторно – иногда годы, иногда десятилетия, а иногда и столетия – доигрывался финал освободительной мистерии: большей частью освободительную удавку затягивали до конца, до последнего хрипа; иногда же, вследствие «политических обстоятельств», «исполнение этого намерения» отсрочивалось до «более подходящего времени»; и только в редких случаях приходилось вообще лишать народ дарованной ему свободы и позволять ему снова впасть в рабство к себе самому и в политический «разврат».

Описанная тут методологическая схема освобождения – вовсе не плод преувеличения и шаржирования, скорее наоборот – сухая вытяжка из роскошномутной исторической материи. Для оживления предмета можно было бы привести немало удивительных эпизодов – не только из «малороссийской» или «киргиз-кайсацкой» истории, но и из армянской, грузинской, или, скажем, из истории не совсем удачного и не окончательного, но ведь как классически задуманного освобождения княжеств Бессарабии, Молдавии и Валахии в годах 1806–1812²³⁰.

Было лишь одно принципиальное выпадение из этой методики в сторону упрощения – имею в виду «освоение Сибири», когда имперская концепция еще не скристаллизовалась и когда разбойная вольница под водительством полуполицейских конкистадоров типа Ермака осуществляла «народную дипломатию» без каких-либо формальностей, запросто вырезая и выстреливая десятки «диких» народов, от многих из которых и имени не осталось.

(Кстати, эти мутно-трагические страницы истории настолько надежно забыты – ради комфорта патриотической совести, – что многочисленные апологеты «естественного расширения России» приводят Сибирь как пример чуть ли не идиллического – в прошлом – симбиоза завоевателей с покоренными племенами. Даже умеренные и серьезные публицисты поддаются самообману. Вот что пишет Марк Фейгин: «...Опыт мягкого присоединения народов и

²²⁹ См. сноску 1. С. 93.

²³⁰ Накко А. Очерк Гражданского Управления в Бессарабии... //Записки Императорского Одесского об-ва истории и древностей. Т. 11 – Одесса, 1879. – С. 269–312.

племен у России к XIX веку был накоплен немалый: это Сибирь, народы русского Севера, Калмыкии, кабардинцы, осетины и другие»²³¹. О кабардинцах и осетинах у нас еще будет случай сказать далее, а пока что – о Сибири. Но дадим голос еще одному уважаемому публицисту – С.Г. Кляшторному: «Переселение россиян на восток Евразии никогда не сопровождалось политикой геноцида, уничтожения даже самых малочисленных групп аборигенного населения, как это нередко случалось при создании многих других империй нового времени»²³². Сам Александр Исаевич Солженицын активно популяризирует эту версию: «Россия имела и имеет необъятные просторы, присоединенные, надо сказать, большей частью мирным путем. Например, Сибирь, кроме столкновения с Кучумом, почти не потребовала завоевательных действий...»²³³.

Грустно все это читать. Будто и не существовало документальных свидетельств, научных исследований ученых конца XIX – начала XX ст. (в том числе и «раннесоветской» поры – 20-х – начала 30-х годов), народных преданий и фольклорных памятников – о том, как на самом деле происходило «мягкое присоединение»... Советую современным глорификаторам «сибирского варианта» прочесть, из обширной литературы, хотя бы вогульский эпос «Янгал-Маа», когда-то изданный в русском переводе М.Плотникова, а тут приведу лишь небольшой отрывок из предисловия самого переводчика:

«Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы... При приближении русских поселений к Уралу вогулы оказали сильное сопротивление новым пришельцам и даже потом, в конце XVI века, оцепленные со всех сторон сетью крепостей-острогов, продолжали бороться с русскими... Завоевание русскими сосредоточило мысли и желания вогульского народа на борьбе за свое национальное освобождение... Яный Келб (герой национального эпоса. – *И.Дз.*) перечисляет те насилия и жестокости, которые творили русские после победы:

Отобрали нашу землю,
Наши реки и уголья,
Обложили наши дымы
Непомерной тяжкой данью,

²³¹ Фейгин М. Вторая кавказская война //Новый мир. – 1995. – №12. – С. 161.

²³² Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийская перспектива //Звезда. – 1995. – №9. – С.206.

²³³ Солженицын А. Интервью с Витторио Страда //Москва. – 1995. – №9. – С. 157.

Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно.

С приходом русских

Прилетела смерть немая,
Посылая нам болезни,
На оленей мор звериный...

Эти слова Яный Келба – слова всех сибирских народностей...

С каждым днем их (русских) было больше,
Наш народ же уменьшался, —

замечает Яный Келб...

Горестное настроение вогульского народа перед лицом грозящей ему гибели выливается в плач; плачут не только люди, но и рыбы, птицы, звери, лес и вся природа... Произошло одно из тех восстаний угнетенных северных народностей, которыми пестрит вся история Сибири с начала XVII по XIX век»²³⁴.)

Но и «кавказский вариант» имел свои особенности, отклонения от нормативной схемы. Они обусловлены были, во-первых, запутанным и ретардационным сюжетом длительных войн с Персией и Турцией в Закавказье; во-вторых, столкновением с интересами британского и французского империализма в Азии; в-третьих, наличием на Кавказе сложной мозаики мелких княжеств и независимых феодальных владений, затруднявшей ориентацию царских стратегов и создававшей эффект «увязания», но одновременно дававшей им возможность вести тут гибкую военно-дипломатическую игру; в-четвертых, вспышкой – во время «тотальной» стадии Кавказской войны (1817–1864) – религиозного национально-освободительного движения горцев, получившего название «мюридизм» и сочетавшего идею газавата, или джихада (священной войны), с суфийской версией ислама, бурно распространившейся среди горцев.

Об этом следует сказать несколько слов. Мюридизм, олицетворенный в ставших легендарными фигурах Кази-Муллы, считающегося его основателем, и его последователя Шамиля, дал идеологию борьбы против порабощения «гяурами» и в то же время своим суровым моральным кодексом в какой-то мере отвечал демократическим традициям и чаяниям горцев. Интересно суждение Александра

²³⁴ Плотников. М.А. Янгал-Маа, вогульская поэма. – М.-Л., 1933. – С. 9–11, 39–40.

Дюма-отца, совершившего в 1858 году длительную поездку в Россию и на Кавказ и опубликовавшего затем два тома путевых очерков: «От мюридов требовали полного игнорирования всех благ мира и созерцания, молитв и покорности. Эта покорность одного всем и всех одному вытекает из самой полной демократии, но предполагает безоговорочное подчинение приказам начальника, то есть имаму». При этом Дюма просит «читателей не доверять предубеждениям русских, которые, естественно, питают их к неприятелю, – предубеждениям, иногда превращающимся в клевету»²³⁵.

Многие исследователи отмечали своеобразный демократизм общественного быта горцев. Так, полковник генерального штаба П. Романовский в своих публичных лекциях, изданных в обширном томе «Кавказ и кавказская война», констатируя, что «равенство словесий вполне существовало только у Чеченцев и других племен менее значительных», а у «Черкес, Кабардинцев, Кумыков и Осетин с самых древних времен существовали привилегированные сословия князей, дворян и людей свободных», в то же время оговаривался, что дела общественные «решались на народных собраниях, где все свободные люди имели право голоса, и решения исполнялись чрез избираемых на тех же собраниях лиц, которым только временно вверялась власть, необходимая для исполнения поставленного решения»²³⁶.

Исследователь раннесоветского времени подчеркивает несовместимость горского демократизма с российским абсолютизмом и видит в этом одну из основных причин столь решительной борьбы царизма с горцами: «...русский абсолютизм, конечно, не мог ужиться с демократическим строем, пустившим глубокие корни во многих обществах горских народов. Отсюда борьба России с родовым бытом и вообще с демократическими тенденциями горцев Кавказа»²³⁷. (Естественно напрашивается некоторая аналогия с судьбой Запорожской Сечи...)

Разумеется, официальная идеология об этом умалчивала...

Незабвенный популяризатор официальных версий российской истории Д. Иловайский по свежим следам Кавказской войны давал такое объяснение причин ее возникновения: «Начало Кавказской войны относится к концу XVIII столетия, когда Грузия вступила в

²³⁵ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 27; 29.

²³⁶ Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. 191–192.

²³⁷ Кокиев Г. Военно-колониаторская политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

подданство России и кавказский хребет очутился между русскими владениями. Сначала русские ограничивались оборонительными действиями от набегов разбойничьих племен; с назначением генерала Ермолова главнокомандующим (1816) наше владычество мало-помалу стало проникать в горы»²³⁸.

Более существенное объяснение давал в своей монографии «Выселение горцев с Кавказа» известный ориенталист, глава Археографической комиссии в Тифлисе Адольф Петрович Берже: «Кавказская война началась не в силу каких-нибудь политических задач или дипломатических соображений, но была естественным результатом государственного роста России. Оттого, с одной стороны, война эта тянулась так долго, а с другой, большинство не видело в ней никакой цели, никакой пользы и горько жаловалось на бесплодное истребление государственных средств, на продление ненужного кровопролития»²³⁹.

(Как видим, это мнение перекликается с ранее приведенными соображениями Р. Фадеева. Однако: как отделить «государственный рост» от «политических задач» и «дипломатических соображений»?)

Но то, чего «большинство не видело», видели стратеги, вдохновленные прозрениями Петра Великого. «Только один раз в течение 300 лет наши завоевательные действия на Кавказе были осмыслены глубокою государственной мыслью. Гениальный преобразователь России, в своих дальновидных заботах о ее будущности, постиг разом значение Каспийского моря и прилегающих к нему земель. Могучий ум его охватил всю цельность политико-экономических интересов России в Средней Азии и Индии...»²⁴⁰.

А вот популярное объяснение этих геополитических материй – для российских солдат, которым выпало счастье быть орудием исторических предназначений их царей:

«Много лет тому назад наша родная Матушка Россия хотя и была велика, но куда же меньше, чем в нынешнее время. Кавказ еще не был нашим; Западный край, где теперь губернии: Варшавская, Петраковская, Виленская, Каменец-Подольская и другие – составляли Царство Польское, Крым принадлежал крымским татарам; не было у нас Туркестана и Закаспийской области и многих других стран. Вот вы, братцы Апшеронцы, и раскиньте теперь умом:

²³⁸ Краткие очерки русской истории / Сост. Д. Иловайский. – М., 1867. – С. 396.

²³⁹ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа //Русская Старина. —1882. – Кн. 33 – С. 168.

²⁴⁰ Там же – С. 170.

сколько же положено труда и сколько пролито крови, чтобы приобрести столько новых земель!

(...) Лет с двести тому назад царствовал на Руси Император Петр Великий... Назвали этого Царя Великим потому, что все дела его были великие. Император Петр образовал в России правильное войско и воевал со Шведами и Турками. От Шведов отнял много земель и основал г. Петербург. Но мало этого показалось нашему Царю, и задумал он поход против Персии, чтобы отобрать у нее часть Кавказа около Каспийского моря»²⁴¹.

Впрочем, были и другие, кроме геополитических, мотивы к действиям на Кавказе и Закавказье – торговые и экономические. В одном из документов того времени упоминается «представление Графа Пушкина» (очевидно, Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина, ученого, исследовавшего, в частности, минеральные ресурсы Кавказа и Закавказья) – как будто бы «первоначальный повод занять Грузию», – а в нем отмечены оппонентом такие пункты: «1. Присоединится изобильная земля металлами, жатвами и скотоводством»; «2. Обеспечится Кавказская линия обузданием Горских народов»; «3. Откроется обширное поле к торговле Персидской и Индийской»; «4. В случае разрыва с Портою, Россия могла бы со стороны Анатолии сделаться страшною как Турции, так и Персии»; «5. Поздние виды на владения Персиян могли бы способствовать к утверждению Индийского торга»²⁴².

В «записках» и корреспонденции царских чиновников уже в первой половине XIX ст. появляются упоминания о нефти в Баку и в Чечне. Этим находкам придается должное значение. Впоследствии Д.И. Менделеев в своем научном труде «Нефть» отметит, что первая попытка использовать кавказскую нефть как товар предпринята еще в 1823 году, а начиная с 60-х годов нефтяной промысел получает бурное развитие²⁴³. (Кстати, «Литературная Россия», как известно, своеобразно понимающая «интересы России» на всех широтах и долготах, в самый разгар противочеченской бойни опубликовала – в числе других ультрапатриотических материалов на темы Кавказа – отрывок из нового романа Александра Коротина, посвященного как раз теме «освоения» Россией чеченской нефти. Русский самородок-

²⁴¹ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка. 1700—1894: Краткая история Апшеронского полка для солдат/ Составил того ж полка капитан Л. Богуславский. – С- Петербург, 1894. – С. 2–3.

²⁴² Чтения в императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 87–93.

²⁴³ Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. – М., 1960. – С. 437; 443; 445.

предприниматель Василий Дубинин предложил изготавливать из нее фотоген (керосин). У него далекоидущие планы: «Ежели бы я эту нефть торговал по вольной цене, не только на Кавказе, а и по всей России, а может, и в Европу сунулся с моим товаром...», на что принимающий его генерал отвечает: «А меня Чечня, Шамиль, беспокоит. Коли не я со своим войском, прибрали бы здешние уздени и нефть российскую и фотоген, тобою полученный...»²²⁴ Каково?! Оказывается, чеченцы давно зарились на исконные российские недра в Чечне!)

Интересы русского торгового и промышленно-финансового капитала, землевладельцев, купцов и предпринимателей были далеко не последним рычагом политики царизма на Кавказе.

Кавказские войны происходили на более широком фоне межгосударственных отношений, столкновений интересов в этом регионе. Сначала тут приходилось непосредственно сталкиваться с Персией и Турцией, затем – с британскими имперскими интересами (близость Индии), с французскими (в частности, шла борьба между Россией, Англией, Францией, другими европейскими державами за турецкий рынок; позже появился аппетит к бакинской нефти). Значительное влияние оказывали и европейские факторы: длительная борьба европейских держав с Турцией; политика Австрийской империи; походы Наполеона и др.

Российская дипломатия умело использовала как соперничество между Турцией и Персией за господство над территориями между Черным и Каспийским морями, так и – династическую борьбу и волнения в этих странах. И тайно, и явно поощряла Россия распри между феодалами Кавказа; ощутимым подспорьем ей было недовольство населения, особенно христианского, гнетом и жестокостями турецких и персидских захватчиков. Нередко население, ввиду турецкой или персидской угрозы, само просило защиты у русских войск, но неизбежно приходило горькое разочарование и начинались восстания уже против русского господства (так было не только на Северном Кавказе, но и в Грузии, Армении, Азербайджане).

Наученные горьким опытом, народы Кавказа с подозрением относились к пройскам на Кавказе английской и французской дипломатии, активизировавшихся во время Крымской войны. Тут помнили, что Англия в свое время никак не отреагировала на захват

²⁴⁴ Борзенко А. Кровь цвета горящей нефти // Лит.Россия, – 1995.–3 февраля.

Крыма²⁴⁵; фактически никакой помощи горцам не оказывала (даже Турция, у которой горцы, естественно, искали поддержки, «реагировала очень слабо»: «Вся забота Турции о горцах сводилась не к реальной помощи им, а в усилении проповеди ислама среди них через проповедников; эти же проповедники убеждали горцев в необходимости сопротивляться русским»²⁴⁶) Англия и Франция не скупилась на «демократические» обещания – обещания признать независимость кавказских народов. Но это была лишь пропагандистская риторика. «Ни англичане, ни французы этой независимости дать горцам не могли, и это горцы знали на опыте: когда к горцам как раз в это время прибыли английские и французские дипломаты, последние ни слова не проронили горцам об их независимости и самоопределении, а разговор все время был вокруг вопроса об их подчинении Британскому правительству или Франции. Но на это горцы дали достойный ответ, а именно, что горцы воюют с русскими только потому, что они отнимают у них земли, и если французы или англичане так же будут поступать с ними, горцы будут также вести войну с ними с большей ожесточенностью»²⁴⁷.

Горцы заявили, что «ничьей власти над собой не признают и будут бить русских и турок»¹²⁴⁸.

Известно, что в период Крымской войны Шамиль не проявлял ожидавшейся активности и не оправдал надежд англо-франко-турецкой коалиции, рассчитывавшей на его помощь, чем очень разочаровал их. Начальник штаба британской армии генерал Виндаш говорил: «...кавказские горцы, в особенности Шамиль, обманули наши ожидания»²⁴⁹.

Все это опровергает мифы имперской и советской пропаганды о том, что движение и борьба кавказских народов были инспирированы извне и извне поддерживались, – мифы живучие и время от времени раздуваемые снова и снова...

Однако возвратимся к более ранним временам.

Начиная персидский поход 1722 года, Петр I дал инструкцию своему консулу в Тегеране Аврамову – заверить шаха, что русская

²⁴⁵ Кемпбель Джордж Джон Дуглас. Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет. – С.-Петербург, 1908. – С. 7.

²⁴⁶ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 4(6). – С. 30.

²⁴⁷ Там же. См. также: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа //Русская старина. – 1882. – Кн. 33. – С. 174.

²⁴⁸ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. - Т. 2. – С. 158.

²⁴⁹ Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. у-та, 1989. – С. 143.

армия идет в Закавказье лишь для того, чтобы устранить угрозу захвата Персии Турцией (!), то есть вроде бы как на выручку ничего не подозревавшей Персии: «Предлагай шаху новому или старому или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали (...) Турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе оною владеть (...) только по морю лежащие земли отберем, ибо тут турок допустить не можем»²⁵⁰.

В 70 – 80-х годах XVIII ст. главной задачей политики Екатерины II на юге было овладение Крымом. Действия на Кавказе рассматривались как маневр для отвлечения турецких сил. После решения «крымского вопроса» наступление на Кавказ усиливается.

16 июня 1783 года Потемкин требует от командования Кавказской линии дать ему «верные сведения» о народах Прикаспия: «Все сие необходимо мне надобно для будущих о границах наших предположений, дабы утвердить оные с надежнейшей точностью и в полную навсегда безопасность»²⁵¹. Однако энциклопедические поползновения «светлейшего» имели своеобразный подтекст, прозрачнее выявленный в его письме командиру на Кавказской линии де Бальмену (не из предков ли Якова де Бальмена?): «Ваше сиятельство должны войти, как можно короче, в обстоятельства взаимные между горными народами и старайтесь питать между ними несогласие»²⁵². Еще раньше, в ноябре 1768 г., Екатерина II обратилась к Иностранной Коллегии с рядом вопросов стратегического характера (например, на берегу какого моря стоит Тбилиси: Черного или Каспийского), а особенно требовала информации о том, «...были ли примеры, чтобы киргиз-кайсаки обижали калмыков...»²⁵³.

Зловещий характер этого постоянного специфического интереса российских самодержцев и стратегов к возможным «обидам» и счетам между соседними народами и племенами понятен, как и стремление сыграть роль арбитра или заступника (в зависимости от обстоятельств).

²⁵⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. - М., Соцэкгиз, 1963. – С. 381.

²⁵¹ Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. – Ереван, 1947. – С. 68.

²⁵² Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1790–1793. – Сборник военно-исторических материалов, под ред. Н.Ф. Дубровина. – В. VIII. – С.-Петербург, 1895. – С.155.

²⁵³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. XIV, т. 28. – М., Соцэкгиз, 1965. – С. 297.

А впрочем, монархи и сами нередко высказывались напрямую, отбросив политические эвфемизмы. Та же Екатерина в письме на Кавказ генералу де-Медему в 1771 году писала: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть»²⁵⁴.

На протяжении XVIII ст. царизм проводит политику создания вассальных государств на Кавказе, извлекая выгоду из чвар между князьями, науськивая их друг на друга, прибегая к подкупу и угрозам. Таким образом были созданы предпосылки для перехода в начале XIX ст. к тотальному военному захвату территории между Черным и Каспийским морями.

Одним из важнейших и постоянных принципов российского освобождения было неукоснительное отделение покорившихся («мирных») от непокорных («немирных»). В отношении первых применялось «ласкательство» (любимое выражение Екатерины II), а со вторыми была только война на уничтожение.

В соответствии со своим европейским либерализмом, приводившим в восхищение Вольтера и Дидро (в то время, когда она отправляла в Сибирь Радищева jako французского агента: «изо Франции еще пришлют вскоре паричко»²⁵⁵), Екатерина II утвердила в 1786 году составленные Потемкиным «Положение о горских народах» и проект организации «земского войска» из горцев, что открывало им путь «к славе, чести и почестям» (на российской колониальной службе). Тогда же Г. Потемкин инструктировал другого Потемкина, «кавказского» – генерал-поручика П.С. Потемкина: «Положение, какое сделано о горских народах, подает случай привести все в порядок и согласие, если при сем будет поступаемо гладко или, лучше сказать, без презренья, которое препятствует успеху дела»²⁵⁶. То есть, речь шла об искусном применении «ласкательства».

Ни «Положение...», ни затея с «земским войском» никогда не были реализованы. Что же касается «ласкательства», то его пытались осуществлять последовательно, но оно не давало желаемого результата, по крайней мере, не решало всех проблем, и на этой почве постоянно возникали недоразумения между «либеральными» верхами и практическими исполнителями их политики. Вот, к примеру, письмо-жалоба Г. Потемкину от тогдашнего командующего

²⁵⁴ Кокиев Г. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе //Революция и горец. – 1929. – № 5(7). – С. 36.

²⁵⁵ Чтения в Императорском обществе истории... – М.: Унив. тип., 1865. – Кн. 3. – Р. V. – С. 77.

²⁵⁶ Русский Архив. – 1879. – Кн. 2. – С. 433–434.

русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанта Медема: «А о кабардинцах я уже и не упоминаю, ибо сии народы здешней стороны злодеи, и никакой о них надежды нет, ибо ласковость их приводит ни во что, потому что знают – ничего с ними не могу делать, а монархиня милосердна, она никогда не изволит их шевелить (...) обратите мысли на сей весьма нужный край и на величество (т.е. большое количество – *И.Дз.*) в горах в соседстве пребывающего народа и не доведите меня до несчастной судьбины»³²⁵⁷.

Принцип «ласкательства» был российским вариантом универсальной модели империализма: «разделяй и властвуй». В этом духе прилагались и усилия к тому, чтобы в подавлении определенного народа максимально использовать выходцев из этого же народа – как «приласканных», так и силком завербованных.

Характерно, что хотя царизм ни в грош не ставил жизни своих воинов, все же он старался в первую очередь использовать пушечное мясо из «инородцев». Вот, к примеру, государственные соображения одного из «птенцов гнезда Петрова» князя Б.И. Куракина: «Ежели солдат надобно много еще собрать, то лучше брать у черемисов, у мордвы молодых ребят и обучать, для чего будет прибыльно. Ежели истратятся, то убыток не так велик, как свои природные помрут... И всегда смотреть того надобно, чтобы умножены были те края пограничные теми людьми природными. Из того будем давать вывод, как у них детей брать политикою»²⁵⁸.

Это – что касается простолюдыя. В отношении же «элиты», местной знати и феодалов, то наряду с истреблением «непокорных», была разработана система приманок, привилегий и поощрений для «покорных». Их старались использовать против одноплеменников или соседей, обещая русское дворянство, обеспечивая карьеру, порой блестящую, высокие награды и другие виды монаршей ласки, а их детей – часто как аманатов (заложников) – обучали в уважаемых училищах Петербурга и Москвы, готовя новое поколение образцовых «слуг отечества». (Кстати, заложником был и сын Шамиля Джемал-Эддин; его опекал лично Николай I; только по прошествии многих лет Шамилю удалось возвратить его, обменяв на специально захваченных с этой целью грузинских княгинь Чавчавадзе.)

²⁵⁷ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 158.

²⁵⁸ Рассуждение князя Б. И. Куракина: Главные задачи Московского государства, 1707 //Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. – С.-Петербург, 1892. – С. 175.

Такая политика давала нередко более чем желательные для царизма результаты. В кавказских войнах на стороне российской армии принимало участие немало офицеров (в том числе и высоких рангов) туземного происхождения; некоторые из них «отличились» не хуже самых прославленных палачей Кавказа.

Одним из них был, например, князь П.Д. Цицианов, грузин на русской службе, потомок князей Цицишвили, бывших владельцев Картли. За заслуги в подавлении польского восстания 1793 года князь Цицианов получил от Екатерины II орден Георгия III степени и большое имение в Минской губернии с 1500 душ крепостных. 9 сентября 1802 года Александр I назначил его астраханским военным губернатором и главноначальствующим в Грузии. Расчет был на знание Цициановым местных обычаев и на то, что с его помощью удастся примирить грузинских феодалов с потерей независимости и повлиять на другие народы.

Однако «пылкий Цицианов» отбросил в сторону дипломатические ухищрения и символом веры провозгласил штык. «Я не словами стращаю, а штыками действую...»; покоряйтесь, «буде не хотите, чтобы и вас изжарили на русских штыках»; «...кровь моя кипит, как вода в котле, члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду, землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснеет, но вы яко зайцы уйдете в ущелья, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи пооколеете»; «...кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровию преступников... Ждите, говорю я вам, по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками; не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная...»; «...спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле»²⁵⁹, – таким языком говорил он с грузинами, осетинами, кабардинцами...

В одном из документов того времени описан такой его подвиг: «Прибыв он перед сим в Джамури, поймал осетинцев и, наливши в корыто, в коем кормят собак, молоко, после сыра оставшееся, и побив кошек, поклав в него же, да также положив в него кал человеческий и тем их накормил»²⁶⁰. (Правда, биограф относит этот эпизод на счет одного из подчиненных Цицианова, а не его лично²⁶¹. Одна-

²⁵⁹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. - С.-Петербург, 1886. – С. 289; 399; 133; 370; 132.

²⁶⁰ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 27.

²⁶¹ См. сноску 1. С. 341.

ко и в его пространном апологетическом жизнеописании предостаточно не менее жутких свидетельств.)

В потоке каннибальского красноречия Цицианова хотелось бы обратить внимание на его послание землякам-грузинам: «Неверные мерзавцы (...) Вы, наверно, считаете, что я грузин, и вы смеее так писать. Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моих посещений, и тогда не дома я ваши сожгу, вас сожгу, из детей и жен ваших утробу выну...»²⁶².

Не стоит относить геройства Цицианова на счет его «азиатского» темперамента. Российская военачальническая элита на Кавказе – это был настоящий интернационал: русские – Ермолов, Воронцов, Муравьев, Барятинский; малороссы – Паскевич, Котляревский, Гудович; немцы, татары, армяне, кабардинцы и др., и мало кто из них на Кавказе уступал «темпераментом» Цицианову, хотя и не все обнаруживали его в такой непосредственной форме.

Действуя таким образом, «в три года он расширил русские границы от Черного моря до Каспийского и от Кавказского хребта до Куры и Аракса»²⁶³.

Все это происходило тогда, когда с уст царей, особенно Александра I и Николая I, не сходили слова «кротость», «умиротворение», «спокойствие», «порядок», «развитие промышленности», «процветание», а под этот обнадеживающий аккомпанемент посылались новые и новые воинские подкрепления на Кавказ. Тонкое и последовательное различие «упорствующих» и «увлеченных, но готовых к покорности», продиктованное интересами тактики и дипломатии, не под силу было разгоряченным полководцам, а тем более «нижним чинам». И поэтому нередко самим вседержителям приходилось одергивать их, точнее, уклонять от «чрезмерностей». Например, однажды главнокомандующий на Кавказе Ермолов представил к награде орденом святого Георгия генерал-майора Власова и полковника Бековича-Черкасского (из кабардинского рода; его предки и сам он неоднократно «отличались» в карательных походах как против своих одноплеменников, так и в Средней Азии) – за подвиг уничтожения нескольких аулов и селений. Александр I отказал Ермолову в его просьбе, высказав неудовольствие чрезмерной жестокостью Власова, ибо, дескать, «истребление селений» без «существенной пользы» не является необходимым из соображений военных, а

²⁶² Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. – М., 1932. – С. 26.

²⁶³ Русский биографический словарь. Ф-Ц. – С.-Петербург, 1901. – С. 508.

из моральных – «помрачает славу победителей». «Сие самое, – добавляет император, – останавливает меня в испрашиваемом Вами награждении полковника князя Бековича-Черкасского орденом св. Георгия (...) он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое было окончено совершенным истреблением более 300 семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей, невинных и верно не участвовавших в защите...»²⁶⁴

Из отеческого тона этого назидания нетрудно догадаться, что с голов героев ни одна волосинка не упала. Более того, оба они «отличались» и далее, благодаря чему генерал-майор Власов был назначен командующим Черноморским войском. И уже Николай I вынужден был прочесть ему нотацию почти в тех же самых выражениях, да еще и пообещал отдать под суд, после чего Власов получил новые награды и стал Наказным Атаманом Войска Донского²⁶⁵.

Это и неудивительно. Ведь, демонстрируя показной либерализм, Николай I на самом деле требовал от своих военачальников быстрее подавления горцев любой ценой. Так, по случаю завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и заключения выгодного для России Адрианопольского договора, он указывал фельдмаршалу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»²⁶⁶.

...Кавказским войнам посвящены сотни публикаций дореволюционного времени – воспоминания участников, свидетельства очевидцев, архивные материалы, юбилейные сборники и т.д. Странное впечатление они оставляют – своей простодушной откровенностью, бессознательной честностью свершителей жестоких дел. Не таились, не кривили душой, не было нужды подгонять фразеологию под стереотипы международных гуманитарных документов или жаргон ОБСЕ.

Вот для примера лишь кое-что из послужного списка одного единственного полка – «44-го драгунского Нижегородского». У полка была славная история. Принимал участие в «кровавом штурме Батурина и истреблении его со всем населением» (1708 г.). Потом – в подавлении «беспорядков в калмыцких степях» (1731). 1737-й –

²⁶⁴ Чтения в Императорском обществе истории... – М., Унив. тип., – 1862. – Кн. 2. – Р. V. – С. 209–210.

²⁶⁵ Там же. – Кн. 3. – Р. V. – С. 123.

²⁶⁶ Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. – С.-Петербург, 1891. – Т. 2. – С. 229.

Крым. «Город (Карасубазар. – *И.Дз.*) был сожжен до тла: кроме караван-сараев сгорело более 10 000 домов, 38 мечетей и 50 водяных мельниц... За разгромом Карасубазара началось жестокое опустошение Крыма. Казаки и калмыки доходили до самого Бахчисарая и на пути к нему уничтожили множество татарских деревень, взяли 1000 пленных, 30 тысяч быков и 100 тысяч баранов»²⁶⁷. 1783-й – поход за Кубань на ногайцев: «Хуже вооруженные, хуже предводимые, не дисциплинированные, не имевшие понятия о строе, ногайцы резались со злобой и гибли массами. В бессильной ярости они сами истребляли свои драгоценности, убивали своих детей, резали женщин. Больше десяти тысяч ногайских тел лежало на десятиверстном пространстве». Осенью 1790 г. полк в составе корпуса барона Розена «двинулся в пространство между речками Пшекупсом и Пчосом, истребляя все, что попадалось ему на пути – аулы, поля, запасы и имущество жителей». Потом – Кабарда: «...отряд сделал в одну ночь огромный 60-ти верстный переход и неожиданно появился посреди многочисленных кабардинских стад. Все они были захвачены сразу». Далее – Осетия: «... войска ограничились(!) тем, что выжгли все окрестные селения и уничтожили все каменные башни и замки»²⁶⁸. Затем было подавление восстаний в Кахетии, Хев-сурии, Иверии и других грузинских княжествах... И всюду – одно и то же... Как и в историях всех других полков: «Солдаты ворвались в аул и, по существовавшему всегда(!) обычаю, рассеялись по саклям. Скоро запищали сотни кур, заблеяли десятки баранов, и все, что было наскоро заперто и зарыто, появилось на свет божий. Добыча была обильная и довольно богатая: тут была и утварь, и куски материй, и всевозможные одеяла, – словом, можно было и хорошо пообедать, и сладко отдохнуть (...) Повторив то же самое, что сделал в Автурах, князь Воронцов вернулся в Гельдыген, выбил оттуда остатки неприятеля и тотчас приказал зажечь аул в нескольких местах. Затем отряд начал отступление. Горцы пробовали преследовать нас, но неудачно: всю гельдыгенскую поляну охватили собою наши батальоны и кавалерия, и все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали подобно своей метрополии»²⁶⁹. Или еще:

²⁶⁷ История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. [Сост. В. Потто. При участии в сборе материала Князя В.П. Долгорукова]. – С.-Петербург, 1893. – С. 36; 37; 71; 72; 86.

²⁶⁸ Там же. – Т. 2. – С. 3; 11; 72; 105.

²⁶⁹ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году //Кавказский Сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 13–14.

«Покойный Слепцов, на закате своей славной боевой деятельности, истребил все неприятельское население, гнездившееся в ущельях от Бумута... до Рошни (...) Только в 1858-м году смирились окончательно эти беспокойные горцы и тысячами были выселены на плоскость. До того же времени, несмотря на все наши набеги, погромы, несмотря на наказание нами этих хищников (подчеркнуто в оригинале. – *И.Дз.*), они каждый раз после поражения и разорения возникали, как феникс из пепла»¹²⁷⁰.

Этим откровениям в тоне апофеоза несть числа. И патриотическая фразеология у авторов трогательных воспоминаний одинакова. Нескончаемо, со страницы на страницы переходят сакраментальные стереотипы: «истребили войска множество аулов и запасов неприятельских»; «многое множество татарских аулов испепелили»; «раскатали мы чеченцев на славу, истребили множество их аулов, уничтожили посевы и запасы продовольствия и побили много народу»²²⁷¹.

«Жестокости, сопровождавшие эти экспедиции, кажутся неправдоподобными, однако показаниям самих участников экспедиций приходится верить. Вот что пишет Полторацкий в своих воспоминаниях (речь идет о воспоминаниях генерал-майора Владимира Алексеевича Полторацкого, публиковавшихся в «Историческом Вестнике», 1893, в №№ 1–9. – *И.Дз.*). В марте 1847 г. войска напали внезапно на хутор Дубы. «...Из всех жителей обширного аула вряд ли кому-нибудь (...) удалось увидеть восходящее солнце. При самом отчаянном сопротивлении некоторых, большинство, застигнутое врасплох полунагими, стар и млад, женщины, дети и грудные младенцы, утонули в своей крови от остро отточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших»²⁷².

Это не были взрывы стихийности или непредусмотренные последствия солдатской разгоряченности боем. Это было последовательное осуществление продуманной, целенаправленной политики – на полное уничтожение «непокорных», фактически – неукоснительный геноцид.

Пример подавали и градус озверения определяли высшие военачальники, сменявшие друг друга, применявшие различную тактику, но не уступавшие друг другу в пресловутой «непреклонности»,

²⁷⁰ Волконский Н.А. Погром Чечни в 1882 году //Кавказский сборник. Т. V. – Тифлис, 1880. – С. 46.

²⁷¹ Апшеронская памятка... – С. 407; 413; 501.

²⁷² См.: Кровяков Н. Шамиль. – Грозный, Чеченгосиздат, 1941. – С. 62.

то есть в бесчеловечии. Мы уже говорили о Цицианове. Но есть достаточно свидетельств личной жестокости и Воронцова, и Муравьева, и прославленного Ермолова. Тут ограничусь одним свидетельством современника об А.А. Вельяминове. Это он, командуя кавказским войском, благословил обычай коллекционировать отрубленные головы горцев: «За каждую голову Вельяминов платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук». Любил он солдатам «прописывать Английское стегание» (его собственная изысканная метафора кнута), был особой высокообразованной и свободомыслящей, почти что вольтерьянцем – как и все это поколение царских сановников и воинской элиты: «Его нравственные и религиозные убеждения построились на творениях энциклопедистов и вообще писателей XVIII века (...) Настольными его книгами были Жильблаз и Дон-Кихот на французском языке»²⁷³.

О рыцарском обычае зарабатывать на отрубленных головах горцев рассказывает и Александр Дюма в своих путевых очерках (у него даже есть раздел «Головорезы»): «За каждую отрубленную голову горца назначалось вознаграждение в 10 рублей. Князь Мирский, питавший, разумеется, отвращение к этим кровавым трофеям, считал достаточным, чтобы доставляли только правое ухо (! – *И.Дз.*). Но он никак не мог заставить своих охотников руководствоваться этим нововведением; с тех пор, как они воюют с татарами (тата́рами называли в войсках всех жителей Кавказа без разбору. – *И.Дз.*), они все время отрубают головы, объясняя сие тем, что не могут отличить правое ухо от левого». И далее: «Всякий, убивший горца, имел право, кроме головы и ушей, обобрать его дочиста»²⁷⁴.

Наибольшим вольнодумцем среди военных гениев России был, как известно, Ермолов – тайная (хотя и напрасная) надежда декабристов, любимец нескольких поколений фрондеров («Один умный человек сказал, что Ермолов, в понятиях русских, не человек, а популяризированная идея»²⁷⁵), прославленный поэтами и романистами (вплоть до современных: см. роман Олега Михайлова «Генерал Ермолов»). Именно он глубже других постиг суть, задачи и значение Кавказской войны для России. Во «всеподданнейшем рапорте» Александру I от 12 февраля 1819 года он писал: «Государь! Внешней войны опасаться не можно (...) Внутреннее беспокойство гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в

²⁷³ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона //Русский Архив, 1883. – Кн. 3. – С. 199; 183.

²⁷⁴ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. – 1988. – С. 63; 90.

²⁷⁵ Из записок барона М.А. Корфа //Русская Старина. 1899. – Декабрь. – С. 490.

самых подданных В.И.В. (Вашего Императорского Величества. – *И.Дз.*) порождают дух мятежный и любовь к независимости». Это внеличная мысль; это истина, концентрировавшая в себе опыт не только Кавказской войны, а всего канительного эпоса борьбы с «крамолами», «шатаниями», «изменами»; это фундаментальный постулат существования и будущности империи. Сам же Ермолов делал для себя неизбежные практические выводы: «Не в моих правилах терпеть, чтобы власть Государя моего не была уважаема разбойниками и чтобы народы покорствующие вотще надеялись на Его защиту (...) Полки прибавленные уничтожат и власть злодейскую ханов, которых правление не соответствует славе царствования В.И.В., а жители ханств, стелящие под тяжестью сей власти, уразумеют счастье быть подданными великого Государя»²⁷⁶.

Но народы ... уразумевали неохотно, несмотря на вооруженное понукание. (Позже в исторической трагедии осетинского писателя Елбасуко Бритаева «Хасби» (1907) ее герой-крестьянин скажет по аналогичному поводу: «Я не видел никогда, чтобы ласкали пушками, а штыком учили уму. Эту простую истину я, немудрый, и то понимаю, как же он – генерал – не понимает. Голову носит высоко, как буйвол, а надо бы глубже обдумывать свои дела»²⁷⁷.

Народы платили черной неблагодарностью. В бой становились женщины и дети, а когда не было сил защищаться, – чтобы не попасть в плен, бросались со скал в пропасть.

Жуткий эпизод (очевидно, ему рассказанный участниками), описывает в своих путевых очерках с Кавказа Александр Дюма:

«Один батальон в полном составе пробирался по крутой тропинке. Неожиданно кто-то заметил, что огромная скала отделилась от своего гранитного основания, – словно гора хотела стать в ряды противников русских, – и с ревом и треском сорвавшись с вершины, унесла треть батальона.

Когда оставшиеся в живых, уцепившись за камни, за корни деревьев, подняли головы, они увидели на вершине горы, откуда свалилась гранитная лавина, полунагих женщин с растрепанными волосами, махающих саблями и пистолетами. Одна из них, не находя более камней, чтобы скатить их на врагов, и видя, что они продолжают наступать, бросила в них своего ребенка, прежде разбив ему

²⁷⁶ Акты Кавказской Археологической комиссии. Т. VI. – Тифлис, 1874. – В кн.: За стеной Кавказа: – М., 1989. – С. 37–38, 481–482.

²⁷⁷ Джусойты Н. Елбасуко Бритаев. – Цхинвали, 1963. – С. 94.

голову об скалу. Потом с прощальным проклятием ринулась вниз и сама...»²⁷⁸

Скажете: эффектная выдумка прославленного романиста-фантазера? Увы, в документах того времени, в свидетельствах очевидцев (в том числе и высокопоставленных) – множество свидетельств о таких и, более того, коллективных самоубийствах обороняющихся. «Закипел отчаянный бой; в нем принимали участие и женщины; они, словно ведьмы, бросались с оружием в руках на наших солдат; дети кидали в нас камнями; чтобы не сдаваться, женщины с грудными детьми бросались со скал в пропасти и вдребезги разбивались о камни»²⁷⁹. Но и это отчаянное смертельное неприятие, эти крайние проявления непокоримого человеческого духа и коллективной национальной воли не трогали окаменевшее в своей осатанелости освободительное сознание, – и оно и это обращало в обвинение не себе, а жертвам, как еще одно доказательство их «дикости» и невозможности не уничтожить их: «Зверство и ожесточение злодеев доходило до такой степени, что они предпочитали погибнуть, чем сдать в плен. Так, после одного сражения семь человек осетин бросились в пропасть»³²⁸⁰. А вот обращение к русским властям мтиулетинцев (племя, жившее вдоль Арагви): «Мы просили Бога об укреплении в Грузии непобедимого воинства все милосервейшего Государя, теперь мы просим о том, чтобы оно поглощено было какой-либо внезапной напастью. Мы не хвалимся силою, чтобы воевать с русскими, но все до единого остановились на том, чтобы избавиться от нестерпимой горести, зажечь своими руками наши дома, вогнать туда жен и детей, а потом броситься в пламя, чтобы там сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ожидать смерти от плетей и видеть опозоренными наших жен»²⁸¹.

Как отразились кавказские войны на настроениях русской общественности, как откликнулись в гражданском сознании и в литературе?

Длительное время доминировала официальная версия о разумном балансе ласковой опеки и сурового умиротворения, о заботливом внедрении «цивилизации», «русских законов» и «просвещения». Соответственно вокруг кавказской темы пульсировал патриотический ажиотаж. Однако постепенно – по мере очевидных военных

²⁷⁸ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. – 1988. – С. 59.

²⁷⁹ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 226.

²⁸⁰ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 45.

²⁸¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества... Т. IV. – С.-Петербургу 1886. – С. 341–342.

неудач, увеличения потерь и затрат, поступления более широкой и достоверной информации – рождались сомнения, элементы критического подхода.

Косвенным свидетельством о степени неприятия обществом Кавказской войны могут быть нарекания ее идеологов и апологетов на непонимание со стороны многих современников и настойчивое обращение к исторической перспективе, которая-де все поставит на свои места и поможет соотечественникам оценить величие державного подвига. Так, уже упоминавшийся Р.Фадеев в «Письмах с Кавказа» писал: «Русское общество (...) больше полувека смотрело с равнодушным удивлением на нескончаемую кавказскую борьбу и так к ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русских семейств, носивших траур по родным, павшим на Кавказе, даже не задавали себе вопроса, какому богу приносятся эти жертвы. Кто из нас не слышал таких домашних рассуждений, что Закавказье надо бросить, как не окупающее расходов на войну; или рассуждений иностранных в таком роде, что мы длим нарочно кавказскую войну для того, чтобы упражнять свою армию! Можно наверное сказать, что далеко не все русские государственные люди XIX столетия, имевшие влияние, каждый по своему ведомству, на ход кавказских дел, сознавали цель этой настойчивой борьбы. Но правительство шло к своей цели неуклонно и не жалея никаких жертв, особенно в два последние царствования, при императоре Николае I и ныне царствующем Государе, – и достигло цели»²⁸².

А вот как убеждал свою аудиторию в публичных лекциях один из историков Кавказской войны полковник генштаба П. Романовский (в 1860 году): «В жизни государств, как и в жизни людей, встречаются подвиги, требующие напряженных усилий и много времени, верная оценка которых для современников почти невозможна. Совершаясь медленно, шаг за шагом, без заметных резких успехов, с постоянным напряжением сил, с бесчисленными жертвами, подобные подвиги, конечно, и в свидетелях очевидцах возбуждают участие и вызывают с их стороны укор или похвалу, но полная, верная оценка таких заслуг принадлежит потомству и может быть сделана только тогда, когда принесенные жертвы и усилия дадут свои великие плоды. Подобный подвиг судьба назначила России на Кавказе (...) Но каковы бы ни были жертвы, которые Россия должна принести Кавказу, во всяком случае, нет сомнения, что эти жертвы будут потомством достойно оценены, прежде всего потому,

²⁸² Фадеев Р. Письма с Кавказа... – С.-Петербург, 1865. – С. 10.

что торжество России в войне с Кавказскими горцами составит торжество цивилизации над самым упорным варварством»²⁸³.

Отсылка к потомкам всегда проблематична, у них свои резоны и свои проблемы с историческим наследием. Что же касается современников, то «утверждение русского владычества на Кавказе» и «гром победы» действительно многих примирили с жертвами. Но далеко не всех. Была и другая, противоположная тенденция: с 50-х годов в кругах формировавшейся революционной демократии складывается принципиально негативное отношение к Кавказской войне – как составная антимонархической идеологии демократии. Например, Н.А. Добролюбов в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» писал: «Борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». И далее: «Не строгое учение мюридизма было причиной восстания горцев против русских», а «ненависть к русскому господству»²⁸⁴.

Тут надо сказать, что в России первой половины XIX ст. сложился своеобразный «кавказский миф», в одно и то же время сугубо устойчивый в своем существовании и весьма изменчивый своими гранями. Уже сам состав российского вой-войска на Кавказе был довольно пестрым. Кроме служилых солдат и кадрового офицерства, тут находились штрафники и преступники, а также политические ссыльные (прежде всего декабристы, в том числе офицеры высоких рангов, и разжалованные, и не разжалованные). Были искатели романтических приключений, охотники за чинами и наградами, всевозможные авантюристы и, наконец, всяческий хищный сброд, всегда тянувшийся за добычей вслед освободительным армиям (вспомним Козьму Пруткова: «Если продуемся, в карты играя, //Поедем на Волынь для обрусения края»).

«Кавказ имел славу места, где можно хорошо заняться грабежами. Он был «погибельным местом» для русских солдат, но «второй Индией» для господствующих классов. Толпою бросались туда самые худшие элементы русского чиновничества, торговцы, подрядчики, те, кто хотел пограбить, нажать себе состояние, пожить в свое удовольствие»²⁸⁵, – писал грузинский историк.

О другой категории пришельцев свидетельствовал патриотический современник: это те, кому «было тесно и душно в России, и они шли на этот «погибельный Кавказ» искать счастья и простора. В то

²⁸³ Романовский П. Кавказ и кавказская война. – С.-Петербург, 1860. – С. 46–48.

²⁸⁴ Добролюбов Н.А. Поли. собр. соч. – М., 1937. – Т. IV. – С. 143; 155–156.

²⁸⁵ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г. В. Очерки... – М., 1932. – С. 16.

время населялись из них целые станицы и даже полковые округа»²⁸⁶. (Кстати, среди этих бежавших от тесноты и задушья назван и тот самый герой Терского войска Слепцов, о «славной боевой деятельности» которого по «истреблению неприятельского населения» упоминалось выше.)

Еще один род кавказских бродяг описывал литературный критик: «В то время не в редкость было встретить искателя приключений, с гордостью на челе и холодным разочарованием в сердце, отчаянного дон-жуана, бретера, игрока, страстного любителя опасностей ради опасностей, стремящегося по этому случаю на погибельный Кавказ и на пути туда не упускавшего случай пройтись на счет клубнички»²⁸⁷.

Разноцветным и острым кавказским коктейлем по-разному причащалось не одно поколение русских литераторов. Кавказская тема породила в русской словесности не одну, а несколько традиций, одни из которых со временем исчерпывались, другие – набирали силу. Порой между ними возникало напряжение, скрытое или явное отталкивание, а то и принципиальная полемика. Впоследствии Лев Толстой, иронизировавший над «удальцами», «образовавшимися по Марлинскому и Лермонтову», своими «Казаками», а особенно «Рубкой леса», «Набегом» и «Хаджи-Муратом» снял экзотомантизирующую визию Кавказа, дал – в контексте мирообъясняющих поисков личности – сурово реалистическую картину столкновения двух сил: стихийно-автохтонной и государственно-направленной, показал жуткую конкретность и подлые формы уничтожения целого самобытного мира (вспомним хотя бы сцены «плановых» воинских погромов и «победного» мародерства в «Хаджи-Мурате» и в «Набеге»).

Позволю себе процитировать лишь один пассаж из «Хаджи-Мурата»:

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной... Сын ... был проткнут штыком в спину... Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгая палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и,

²⁸⁶ Дерезглазов П. Пало ли современное казачество? //Вестник Русской Конницы, 1907. – № 15. – С. 645.

²⁸⁷ Скабичевский А. Сочинения в 2-х томах. – С.-Петербург, 1903. – Т. I. – С. 163.

главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда было привезено еще два тела.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена и мечеть...

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуживали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которые испытывали все чеченцы, от мала до велика, было сильнее нее. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Таковы плоды имперского «цивилизирования»!

Задуматься бы над кавказскими картинами Льва Толстого и нынешним громокипящим глорификаторам «штурма Грозного», и всем тем, кто естественный протест против государственно-цивилизаторского бандитизма (в прошлом и настоящем) и естественное сочувствие его жертвам запросто объясняет чьей-то «русофобией», напрочь снимая всякую потребность не то что в покаянии, но и в элементарном национальном стыде и национальной ответственности...

Разумеется, толстовская философская и моральная высота, и в этом случае, как и в других, оказалась труднодоступной.

Возвращаясь к вопросу о традициях освещения темы Кавказа в русской литературе, следует сказать, что в исторической перспективе наиболее продуктивной стала традиция «вневременной», словно бы очищенной от политических наслоений рецепции Кавказа, традиция лирико-философских рефлексий, вызванных созерцанием и переживанием кавказской природы как уникаума мироздания, ее интимным «присвоением»; традиция своеобразного эстетического освоения Кавказа как необходимого дополнения русского духа; различных форм общения с поэтической душой Кавказа (вплоть до интенсивного переводческого подключения к поэтическому потенциалу кавказских народов, прежде всего грузинского и армянского, позже и других, включая и их фольклор). Но эта традиция (ее можно выводить от Пушкина, хотя он причастен и к имперско-государственнической) утвердится со временем, когда подсохнет кровь на русских дорогах к Кавказу, когда проблематичность русского владычества на Кавказе несколько призабудется и он займет

стабильное место в русских геополитических конфигурациях и даже в «духовном космосе».

А в первой половине и в середине XIX ст. Кавказ еще был открытой раной, болевой точкой русского сознания и испытательным порогом великодержавнического самочувствия. Правда, идеопсихика большинства верноподданнических поэтов и литераторов (не только русских, но также и малоросских) не была настроена на восприятие болевых сигналов такого рода; они вполне комфортно чувствовали себя в рутинном воинственно-патриотическом трансе. Вместе с тем глубоким имперским чувством была проникнута политическая лирика таких выдающихся талантов, как Державин, Жуковский, Тютчев, не говоря уже о Языкове, Хомякове и других, – они тему Кавказа воспринимали в контексте фатального для имперской России «восточного вопроса» и всемирной православной миссии России.

Намного сложнее все было у Пушкина. Ему тоже в высокой степени было свойственно «государственническое» самочувствие и мышление, но усложненное демократическим, политическим и гуманистическим моральным идеалом, широким диапазоном «всечеловеческой» восприимчивости, открытости и сопереживания (хотя в борьбе «государственничества» и «всечеловечества» часто побеждало первое – как, скажем, в реакции на польское восстание).

Как известно, первое пребывание опального Пушкина на Кавказе было непродолжительным, и, видимо, какого-то личного жизненного опыта он из него не вынес, разве что впечатление от самого циклопического явления Кавказа и экзотического быта горцев. Порожденные этим глубокое душевное волнение, могучий подъем и очарованность вылились в «байроническую» поэму «Кавказский пленник». Жизнь горцев тут лишь фон для условного романтического сюжета, но фон этот исключительно колоритен: как истинный художник, Пушкин был восхищен суровой пластикой горского быта и не мог не поддаться сугубо эстетической симпатии. Однако сумма экзотических и романтических настроений поэмы взорвалась в финале гордыней апофеоза державной силы и настоящей одой пламенным покорителям Кавказа поименно (среди них и истинные палачи по всем человеческим меркам, хотя Пушкин вряд ли знал их подлинное лицо), сущ-носно дистанционированным от «холодного», разочарованного байронического героя поэмы:

И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Но се — Восток подьмет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись Кавказ: идет Ермолов!

(Впрочем, характеристика, по крайней мере, Котляревского заставляет предполагать, что Пушкин имел представление о сути происходящего, т.е. о способах действия его героев.)

Вторую, более продолжительную свою поездку на Кавказ Пушкин описал в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года». Это развернутый дорожный очерк, густо насыщенный пронизательными наблюдениями и размышлениями исторического, этнографического, житейского характера.

В гражданском измерении Пушкин остается человеком империи со всеми эмоциями удовлетворенного национального самолюбия, но и с великодушной приязнью к нерусскому миру; объективные характеристики горцев и отдельные существенные соображения о причинах их вражды к русским («Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены» — этот тезис будет нравственно углублен через три четверти столетия в «Хаджи-Мурате» Л. Толстого) — чередуются со специфически «кавказскими» колониальными стереотипами и довольно наивными советами касательно способов приручения горцев (от самовара до Библии).

Но есть один очень важный, скрытый аспект рецепции Кавказа у Пушкина. Имею в виду сильнодействующий эффект умолчания. Дело в том, что и официоз, и патриотическая публика ожидали от Пушкина воспевания геройств русского воинства и доблестных полководцев — хотя бы такого, как в эпилоге «Кавказского пленника». Но Пушкин на этот раз — наверное, ближе увидев реальность —

красноречиво воздержался, вызвав понятное разочарование в соответствующих кругах. Декабрист А.А. Бестужев в письмах с Кавказа, упоминая дела, от которых «содрогнулись бы камни», ставал на защиту Пушкина от претензий «патриотов»: «...Пушкина напрасно упрекают за равнодушие к славе русских... Откуда взять вдохновение?.. Грустно...»

Разумеется, в отношении к горцам Пушкин оставался сыном своего времени. Он уважал их человеческое достоинство, восхищался их отвагой и чувством чести, любовался экзотической красотой и бытом. Но вопрос об их праве на независимое существование и собственную организацию общества для него не стоял – как для большинства образованных и гуманных европейцев той эпохи не стоял вопрос о правах африканских племен. В европоцентрической модели цивилизации самобытная культура горцев, имевшая древние корни и традицию, представлялась бесперспективной, рудиментом патриархального состояния, обреченной уступить место принесенному извне прогрессу. Субъектом цивилизования должна была стать Россия, и Пушкина тревожило лишь одно: чтобы способы цивилизования были помягче...

Тут я позволю себе сделать небольшое отступление – обратиться к одному историческому эпизоду, в котором как в метафоре или притче отразилась гротескная парадоксальность и трагикомическая нелепость расчета на душевное приручение покоряемого народа на основе отрицания за ним права быть самим собой, с вознаграждением в виде иллюзорных, пустообещанных благ цивилизации.

Ранее уже говорилось о том, что в кавказской армии служили – волей или неволей – и многие люди передового образа мыслей, в том числе и ссыльные декабристы и другие неблагонадежные или прощтрафившиеся. Их положение было довольно двусмысленным: вроде бы и сочувствовали горцам, но приходилось, как и другим государевым воинам, убивать, разорять, жечь. Как успокоить свою совесть, как попытаться избежать резни? И вот что «учудил» один высокопоставленный чин, вольномыслие которого несколько отличалось от вольномыслия упоминавшихся выше «вольтерьянцев» типа Вельяминова, – послушаем:

«Генерал-адъютант граф Анреп, когда-то дерптский студент, человек высокообразованный и гуманист, с отличием служа на Кавказе, оставался верен своим студенческим идеалам и, считая войну бедствием и злом, происходящим от недоразумений между людьми, носил в своей душе убеждение, что проще всего следовало бы раз-

решить эти недоразумения путем мирного сближения. Он был уверен, что если бы, вместо экспедиций и набегов, мы решились проникнуть в горы в качестве миссионеров, всякие несогласия исчезли бы, непокорные племена спустились бы к нам в долины, не как враги, а как наши меньшие братья». И вот, взяв своего адъютанта и переводчика, генерал Анреп, переодетый, как и его попутчики, горцем, явился в важный аул Анцух. «Велико было удивление анцухцев, когда в их ауле появились три неведомых и безоружных пришлеца. Переводчик дал понять, что они люди непростые и желают иметь объяснения с джама-том, то есть со сходкою старшин и стариков. Джамат собрался, и Анреп обратился к нему со своим словом увещания, смысл которого был в общих чертах следующий: «Для чего ведете вы против нас (! – *И.Дз.*) братоубийственную войну? Мы вам не враги, а самые близкие друзья. Мы хотим внести к вам цивилизацию, которой смысл есть ваше благо. Вы теперь бедны, мы вас обогатим и научим приобретать земные блага; помощь к этому мы вам окажем проложением к вам путей, устройством в среде вашей школ, в которых ваши дети будут научиться всем полезным ремеслам, открывающим доступ к благосостоянию. Подняв вашу культуру до своей, мы разделим с вами пользование теми естественными богатствами, которыми так щедро наделены горы и долины Кавказа. Сложите оружие, и мы его сложим – вместо войны навеки побратаемся и будем жить мирно».

Джамат внимательно выслушал эту речь и спросил оратора, кто они, пришлецы, и от чьего имени они говорят? Тогда Анреп открыл свое звание. Удивление сменилось полным недоверием.

«Как ты, генерал, командующий войсками царя и призванный вести с нами войну, являешься к нам с ее отрицанием? Значит, ты не только не выполняешь своей прямой миссии, но берешься за дело, совсем тебе не подходящее. Все это убеждает нас в том, что вы пришли или насмеяться над нами, или высмотреть наши позиции, или, наконец, мы видим перед собою людей безумных»²⁸⁸.

Не правда ли: «непросвещенные» горцы мыслят глубже и проницательнее человеколюбивого генерала, видят насквозь то, на что он старается закрыть глаза, – суть царской политики, то вооруженное «ласкательство», «ласкательство» коварно-кровожадное, которое

²⁸⁸ Бороздин К.А. Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. – С.-Петербург, 1885. – С. 113–115.

Тарас Шевченко выразил в словах, ставших крылатыми: «Тільки дайте себе в руки взяти» («Только дайтесь в руки нам»).

Увы, не мог знать прекраснодушный генерал, что весь его трогательный монолог уже предвосхищен и прокомментирован Тарасом Шевченко:

До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
Ми християне; храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні! (...)
А зате! Якби ви з нами подружили,
Багато б дечому навчились!
У нас же й світа як на те —
Одна Сибір неісходима,
А тюрм, а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх язиках все мовчить.
Бо благоденствує!

К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано! Зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то, —
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют!

Приведенный выше эпизод из «Закавказских воспоминаний» К.А. Бороздина, при некоторой его анекдотичности, все же показателен: даже в царской администрации, на различных ее уровнях, и среди высоких воинских чинов (не говоря уже о низших чинах и рядовых: многие из них переходили к Шамилю и оказали ему заметную помощь, в частности, научая горцев обращению с новейшим русским оружием; это касается и солдат-поляков, сосланных на Кавказ), – были люди, которым претила или которых, по крайней мере, смущала бесчеловечность способов подавления горцев и которые испытывали моральный дискомфорт, будучи исполнителями жестокой политики.

Видимо, в непростом с нравственной точки зрения положении оказался на Кавказе и Александр Сергеевич Грибоедов, который много занимался его проблемами и как дипломат, способствуя укреплению позиций Российского государства на Кавказе и в Закавказье. В разные годы ему приходилось быть свидетелем «мятежей от введения нового порядка» «внутри новоприобретенных провинций» (в «Путешествии от Моздока до Тифлиса», написанном в 1818 г., он вспоминает о восстании в 1812 г. в Восточной Грузии, в Телави и Сигнахе; в трагедии «Грузинская ночь», являющейся обработкой грузинской легенды, звучат отголоски грузинско-русской борьбы:

«Как ринулся в мятеж ты против русской силы, // Укрыла я тебя живого от могилы», – говорит князю кормилица...).

Чрезвычайно интересная страничка русской «кавказианы» – стихотворение Грибоедова «Хищники на Чегеме». Его публикации в «Северной пчеле» 30 ноября 1826 г. было предпослано следующее «Примечание издателя»: «Прекрасное сие стихотворение, изображающее в кратких словах дикую природу Кавказа и нравы необузданных его обитателей, написано во время похода противу горцев в октябре 1825 года, в становище близ Каменного моста на реке Малке. Вид надоблачных гор, гнезда хищнических, полудиких племен возбудили в воображении поэта мысль представить их в природном их характере, пирующих после битвы и грозными песнями прославляющих свои набеги и свои неприступные убежища... По нашему мнению, нет стихотворения, которое бы с такою силою и сжатостью слога, с такими местностями и с такою живостью воображения изображало бы, так сказать, характер Кавказа с нравами его жителей, как сие бесценное стихотворение».

Стихотворение – своеобразная триумфальная песня «хищников». Но какая!
Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева
Те же ледяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!
Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты?
Досягнешь ли? – Вон над тучей —
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

(«Двувершинный» – Эльбрус; кстати, этот же мотив по-иному развил М. Лермонтов в знаменитом «Споре».)

Однако в публикации «Северной пчель» была опущена – по цензурным соображениям – самая важная строфа, в которой горцы, свободные люди, с презрением то ли сожалением говорят о своих противниках (захваченных в плен русских), которые и дома – рабы своих господ, и дома – в плену:

Узникам удел обычный —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный.
В их земле и Свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! в чуже – плен!

Эта строфа многое говорит о потайных мыслях Грибоедова, о горечи его дум о крепостном положении собственного народа.

И все-таки горцы для Грибоедова – удалые «хищники», которые «делают взятое ножом». О более глубокой сути происходящего, о том, что Кавказ – их земля и что они защищают ее от напора чужой силы – речи нет. Правомерность русской экспансии Грибоедов не ставил под сомнение. Но формы, которые она принимала, порой смущали его. Характерно, что и национальный герой Ермолов, при всем преклонении перед этим сакрализованным именем, вызывает у него сложные чувства; в письме к С.Н. Бегичеву от 29 января 1819 г. он

пишет о Ермолове: «Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села...» Казалось бы, сама собой напрашивается весьма определенная нравственная оценка. Но ... читаем далее: «...Что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А, право, добр; сколько мне кажется, прямиг-ких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а, кажется, меня нельзя в этом упрекнуть...» (в другом письме к Бегичеву Грибоедов приводит слова Аббаса-Мирзы, наместника персидского шаха, назвавшего Ермолова «новым Чингисханом»). Кстати, интересно сравнить грибоедовскую характеристику Ермолова с той самохарактеристикой, которую приписывает Ермолову А. Бестужев-Марлинский: «Я умышленно создал себе такую славу», – говорит Ермолов, – «нарочно облек себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя мое стерегло границы наши крепче цепей и крепостей, чтобы слово мое было для азиатцев верней, неизбежной смерти (...) С ними я, прямо из человеколюбия (!), бываю жесток неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены (...) На глазах моих не видят слезинки, когда я подписываю смертные приговоры, но сердце у меня обливается кровию!»²⁸⁹. Этот типический самооправдательный монолог расщепительничавшегося палача – вряд ли подлинные слова самого Ермолова; скорее всего это мелодраматическая стилизация самого Марлинского, усиливавшего как-то согласовать свою загнипнотизированность славой Ермолова со своим же видением его кровавых дел, – и сделавшего это в духе модной жутко-«романтической» колониальной легенды...

Как дипломат Грибоедов принадлежит к тем государственным людям, которые предпочитали бы «русское владычество на Кавказе» устанавливать на основе некоего упорядочения отношений с покоренными, на основе, как выражается сам Грибоедов, «правосудия» (будто оно существовало в самой России!); он сомневается в достаточности самих только, как теперь говорят, силовых методов; но голос человеколюбия звучит не очень громко и стушевывается перед соображениями государственной необходимости. Вот, к примеру, от-

²⁸⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-нур. – Махачкала; Дагиздат, 1968. – С. 55.

рывок из письма к С.Н. Бегичеву от 7 декабря 1825 г., в котором так рельефно видны зигзаги мысли, пытающейся согласовать нравственное чувство с имперским интересом: «Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою: висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей (...) Имя Е(рмолова) еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню! Здесь война особенного рода – в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не значит».

Грибоедов был автором обширной «Записки об учреждении Российской Закавказской кампании» и проекта ее устава. Кампания должна была привлечь русский торговый капитал к использованию «природных средств края», ей предполагалось отвести земли, недра, «казенные сады» и т.д., чтобы «все произведения жарких климатов могли быть присвоены сему краю». Испрашивалось «позволение водворить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях»; подчеркивалось, что «коренным россиянам, любезным нашим соотечественникам, открыто будет новое, неизмеримое поле к огромным мануфактурным и торговым предприятиям»¹²⁹⁰. Несмотря на всю привлекательность проекта для российских колонизаторов, он, как и многие другие, затерялся в дебрях российской бюрократии. Оперативностью отличались лишь, как теперь говорится, «силовые структуры».

...В 30-е годы XIX ст. в российском общественном сознании усиливается тенденция к более трезвой оценке кавказских событий. Появляются люди, приходящие к пониманию справедливости самозащиты горцев и дающие начало недвусмысленному осуждению царской экспансии на Кавказе. В литературе соответствующие настроения в той или иной мере проявились в произведениях А. Бестужева-Марлинского, А. Полежаева, М. Лермонтова, а позже – у Л. Толстого. (Пожалуй, именно Лев Толстой наиболее глубоко из всех русских авторов увидел Кавказскую войну не только как катастрофу туземного мира, но и как индикатор моральной ущербности русского общества. Но это будет уже гораздо позже.)

²⁹⁰ Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: ГИХЛ, 1956. – С. 505; 708; 366—367; 422; 626; 598; 501–518.

Для русской поэзии той поры (собственно, начиная от Грибоедова и Пушкина) характерно сильное акцентирование мотива горской вольницы. Очевидно, оно было непрямой формой протеста против крепостничества у себя дома, а эмоциональное сопереживание и красочное живописание этой вольницы – своеобразной компенсацией за рутину, серость и скуку регламентированного быта в царской России. Потому многие мечтали, а некоторые и рвались на Кавказ – там, вдали от «всевидящего глаза» и «всеслышащих ушей», можно было почувствовать себя более свободным человеком (так, по крайней мере, казалось, хотя «скрыться» там было немного шансов; известно, что даже за Александром Дюма, путешествовавшим по Кавказу в 1858 г., был учрежден тайный надзор).

Собственно, этот специфический интерес к Кавказу как отличному от России миру экзотической вольницы можно в известной мере сравнить с не менее обостренным интересом к Украине – в русской литературе конца XVIII – начала XIX столетия, с ее многочисленными «малороссийскими» путевыми очерками, повестями, романами, стихотворными произведениями. И тут, и там было много «клюквы», был и своеобразный «колониальный жанр», но были и основательные вещи, сохраняющие свое познавательное и «самохарактеристическое» значение.

Пожалуй, наиболее осведомленным о Кавказе из русских писателей был декабрист А. Бестужев-Марлинский. Попав на Кавказ из сибирской ссылки и состоя в действующей армии (отличившись, в частности, в обороне Дербентской крепости от отрядов Казимуллы), он занимался глубоким изучением не только быта и этнографии, но и истории, языков, отчасти социально-экономических отношений народов Кавказа. Для них он не видел иной перспективы, кроме как вхождение в состав России, но считал необходимым для русского общества изменить отношение к кавказским народам, познать этот своеобразный мир и проникнуться уважением к его наследию.

«Мы жалуемся, что нет у нас порядочных сведений о народах Кавказа», – говорит в одном из его рассказов офицер, побывавший в плену у горцев. – «Да кто же в том виноват, если не мы сами? Тридцать лет владеем всеми выходами из ущелий, тридцать лет опоясываем угорья стальной цепью штыков, и до сих пор офицеры наши, вместо полезных или, по крайней мере, занимательных известий, вывозили с Кавказа одни шашки, наговицы да пояски под чернью. Самые испытательные выучивались плясать лезгинку, но да-

лее – ни зерна. В России я встретился с одним заслуженным штабс-офицером, который на все мои расспросы о Грузии, в которой терся он 12 лет, умел только отвечать, что там очень дешевы фазаны (...) Между тем никакой край мира не может быть столько нов для философа, для историка, для романтика. Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам, вратарям Кавказа, взглянуть в эту колыбель человечества, в эту чашу, от коей пролилась красота на все племена Европы и Азии... Не говорю даже как философ – но просто как русский, как солдат: познание Кавказа тесно связано с выгодами нашего отечества»²⁹¹.

Бестужев-Марлинский искал и находил дружбу с дагестанскими и азербайджанскими учеными и просветителями. На его «Письма из Дагестана» и другие произведения ссылались как на серьезные источники и немецкий исследователь Ф. Боденштедт, и русский востоковед И.Н. Берзин.

Но интерес к объективному познанию чуждого мира сочетался у Бестужева-Марлинского с темпераментной фантазией писателя-романтика, склонного, к тому же, к риторически возвышенному слогу, некоторое время модному, а потом даже осмеянному в русской критике. В повести «Амма-лат-бек» он изобразил горца – героического разбойника, справедливого мстителя, в духе шиллеровского Карла Моора, в конце концов разочаровавшегося в своем пути и ставшего трагической жертвой человеческого коварства и собственной ошибки. Разумеется, подобный тип мог быть взят из действительности (предполагают даже существование реального прототипа) – ведь на Кавказе абрек нередко воспринимался именно как защитник угнетенных (подобно опришкам на Карпатах). Но под пером Бестужева-Марлинского – на сгущенном фоне острых страстей и головокружительных приключений – Аммалат-бек стал еще и романтическим философом, чуть ли не носителем мировой скорби европейского характера; его решение отказаться от борьбы с русскими – плод своеобразного философского кризиса, самодеятельного переосмысления места малых народов в общем миропорядке: они, дескать, не могут дать духовной всемирности; надобно приобщаться к горизонтам великих народов... Разумеется, многое в этом – от самого Марлинского, проекция его субъективности (хотя можно видеть в интеллектуальном насыщении образа (пусть и риторическом) и уважение к горцу, веру в возможность героя-горца духовно стать наравне с героем европейской литературы). Равным образом он

²⁹¹ Русские повести и рассказы А. Марлинского. Ч. III. – С.-Петербург, 1837. – С. 167–168.

субъектизировал – «байронизировал» и «философизировал» – и образ великодушно-бесшабашного русского офицера-удальца, содействовав созданию того романтического мифа о кавказских «потехах», над которыми так иронизировал Лев Толстой. Тут ему порой изменяло и нравственное чувство. Сошлюсь хотя бы на следующий пассаж из «Аммат-бека»: «Мы возвращаемся с главнокомандующим (Ермоловым. – *И.Дз.*) из похода в Акушу. Мы свое справили: Шах-Али-хан бежал в Персию; мы сожгли множество деревень, спалили сена, хлеб, покушали мятежнических баранов, и, наконец, когда снег согнал непокорных с вершин недоступных, они поклонились головою, дали заложников»²⁹². Не правда ли: очень похоже на то, что мы читали в геройских хрониках полков и простодушных воспоминаниях карателей....

Немалой заслугой Бестужева-Марлинского была популяризация горского фольклора. Приведенные в «Аммалат-бе-ке» «смертные песни» горцев вызвали восторг даже у беспощадного ниспровергателя Марлинского-беллетриста – самого Белинского, который писал: «В них так много чувства, так много оригинального, что и Пушкин не постыдился бы назвать их своими».

...Лермонтова как поэта сначала «привели» на Кавказ воспоминания детства, романтический тонус мироощущения и тоска по грандиозному и необычному, потребность в величественном. С юношеских лет он грезил Кавказом, пел ему гимны и избирал его фоном для своих романтически-демонических фантазий. Это был условно-поэтический Кавказ, попасть на который стало своеобразной модой для разочарованных, байронических юношей. Но вскорости Лермонтову, уже как сосланному за политическую провинность офицеру, суждено было увидеть иной Кавказ – Кавказ как арену исторической драмы; Кавказ, превращенный в грандиозную бойню; Кавказ – место удовлетворения тщеславий, высвобождения атавистических инстинктов, добычи чинов, орденов, пенсий, карьер, богатств.

Нет оснований говорить о том, будто бы Лермонтов ни в коей мере не подпал под власть господствующих настроений, нравственного духа (нравственных асимметрий!) офицерской среды, ее профессионального этикета и фразеологии. В ряде его писем с Кавказа найдем и навязчивый профессиональный жаргон, и привычную браваду вокруг «горячих дел», кровавых «потех», трехзначных цифр

²⁹² Бестужев-Марлинский А.А. Амалат-бек. Мулла-нур. – Махачкала: Дагиздат, 1968. – С. 50.

жертв и пропахших кровью оврагов, да и неминуемое «романтическое» упоение личной охотой за лично избранным для смертельного преследования горцем. Но уже и здесь за стилизированной гусарской удалью угадываются тревога и растерянность.

Зато в поэзии, освобождаясь от языка окружения и от давления общественного автоматизма, становясь собой, он говорил по-иному:

...Уже затихло все, тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух..

..И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

По сути этот же вопрос – но в несколько ином аспекте – звучал и в более ранней поэме «Измаил-Бей», где черкес страстно упрекает пленного русского офицера:

За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно?
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?

Тут уже можно вспомнить знаменитое шевченковское: «Чурек і сакля – все твоє, воно не прошене, не дане...»

По крайней мере в одной памятной поэтической реплике Лермонтов сдернул убранство гордости, патриотизма и молодчества, которым украшал себя государственный разбой, и бросил резкий дневной свет на бандитский характер «романтики» колониальных походов:

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты...
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей...

Можно предположить, что такие инвективы производили впечатление, схожее с тем, что давали письма Сергея Ковалева из ратерзанного самыми гуманными в мире бомбами Грозного зимой 1994–1995-го...

И тут снова вспоминается «Кавказ» Шевченко...

Отсюда уже был один шаг к тому, чтобы признать право горцев на защиту, на вооруженную борьбу, на свободу и независимость, отбрасывая официальные и народноополченские версии о «дикости», «разбое» и «измене» горцев. И фактически Лермонтов этот шаг сделал, впервые в истории русской не только поэзии, но и общественной мысли поменяв в классической для русской ментальности оппозиции: «Отечество» (Россия) – «враг» («немирные» горцы и непокорные народы вообще) – поменяв в этой сакральной оппозиции места субъектов на противоположные: «Врагом сыны отечества разбиты»: став на точку зрения горцев, высказавшись как бы от их имени.

Гражданский вес этого шага тем более велик, что Лермонтову пришлось восстать против стойких предубеждений и представлений своего общества и своей офицерско-дворянской касты.

С этой точки зрения Тарасу Шевченко было «легче»: он сам был сыном угнетенного народа, никакие предрассудки и барьеры не сдерживали и не извращали его сочувственного отношения к «иностранцам». Его собственный народ сподобился такой же «заботы» царей, что и горцы: все было так знакомо, узнаваемо и предвидимо. И упорное самостояние его собственного народа, и вооруженное сопротивление горцев органически входили в его общую поэтическую картину и политическую концепцию борьбы человечества за свободу и справедливость.

Зато и пошел Шевченко дальше, чем кто-либо в тогдашней России и Европе, поднялся до такого всеобщего отрицания тирании, до такого «вживания» в беды другого, не блестяще-прославленного, как Греция или Испания (о неволе которых в разные времена много писалось: своего рода ритуал свободолюбия для европейских поэтов), а забытого Богом и людьми маленького народа; до такого понимания равенства народов перед Богом и совестью человечества, ответст-

венности человечества и Бога за самый малый народ; до такого понимания его суверенности и незаменимости в мировом порядке вещей, – которые становятся кодексом человечества лишь в конце XX столетия, да и то лишь теоретическим, «вербальным» кодексом, вопреки которому дается ежедневно и в различных краях мира жестоко и цинично...

Статья вторая

Поэма «Кавказ» написана осенью 1845 года. В истории мировой литературы немного найдется примеров, чтобы поэтическое произведение полтора столетия не теряло своей политической злободневности и моральной остроты, звучало так, будто рождено болью за нынешнее состояние человечества.

«Кавказ» стал свидетельством адекватного представления поэта о происходившем. Причем это было не только, так сказать, принципиальное знание на уровне целостного обра-зоосмысления природы российского царизма (это понятно: Украине уже пришлось выпить «з московської чаші московську отруту», и этот трагический опыт дал Шевченко такую прозорливость и четкость видения, такую силу предостерегающего слова к человечеству, к которым тогда не возвысился никто другой), – но и знание на конкретном информационном уровне: имею в виду историческую точность, ситуационную зримость, почти документальность многих подробностей колониального действия.

Поэма посвящена памяти художника Якова де Бальмена. Этот добрый приятель Шевченко, иллюстратор рукописного «Кобзаря» 1844 года (вскоре оказавшегося в числе улик против арестованного Шевченко) – хорошо известное лицо в его жизнеописаниях. И глубоко личный мотив, вызванный известием о его гибели на Кавказе, где он находился в составе русского экспедиционного корпуса, придал политической инвективе эмоциональную взрывчатость; но, в свою очередь, этот личный мотив, – что очень характерно для Шевченко вообще, – принял на себя мощный заряд более широких рефлексий и страстей национально-исторического и универсально-гуманистического характера.

Непосредственная боль потери доброго друга растравливается сознанием несправедности этой смерти – по сути невольничьей, за несправедливое, чужое, разбойное дело.

И тут начинает звучать один из дразнящих обертонов трагической темы украинской исторической судьбы: обреченность на служение врагу, обреченность на подвиги ради твоего врага, против врагов твоего врага. В этом случае речь шла о без вины виноватом, о безысходности доброго и честного человека:

І Тебе загнали, мій друже єдиний,
Мій Якове добрий! Не за Україну,
А за її ката довелось пролити
Кров добру, не чорну. Довелось запити
З московської чаші московську отруту!..
И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы!²⁹³

Но это ведь лишь отдельный эпизод на маргинезе большого исторического экрана, заполненного – в других произведениях Шевченко – более зловещими сюжетами:

Так от як кров свою лили
Батьки за Москву і Варшаву,
І вам, синам, передали
Свої кайдани, свою славу!²⁹⁴
Так вот как кровь пришлось отцам
Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу!²⁹⁵

Тут следует сказать и о вольном или невольном украинском «вкладе» в кавказское миросвершение России. Имею в виду роль черноморского казачества, которое, собственно, и было создано (гением Екатерины II и Потемкина) из остатков запорожцев – как вспоможение русскому воинству в его кавказских освободительных трудах.

(Разумеется, такая же роль отводилась и русскому казачеству – донскому, позже созданному терскому. Александру II принадлежит четкая формулировка его роли: «Главное назначение казачества со-

²⁹³ В переводе П. Антокольского идеологический эвфемизм: «Из царевой чаши царевой отравы». На самом деле: «Из московской чаши московской отравы». - *Авт.*

²⁹⁴ Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. – Т. 1. – К., 1966. – С. 334.

²⁹⁵ Перевод по изд.: Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. – М.: Худ. лит., 1987. – С. 262.

стоит в выполнении той цели, которую ставит перед собою российская политика. Эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации, и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны, сверх того, являться первыми переселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станицами». И еще: «Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагонамеренным племенам и заселять отнимаемые у них земли»¹²⁹⁶. Горький исторический парадокс: казачество, образовавшееся из людей, искавших свободы от крепостнического государства, было использовано этим государством в своих интересах, для подавления свободы других народов. Так были посеяны ядовитые и устойчивые семена межнациональной вражды. Жертвой имперской политики стало и украинское черноморье, кубанское казачество. «Черноморцы» хотели сохранить хотя бы в приспособленном виде запорожскую волю и дух своего народа, его традиции, – но империя имела на них свой расчет и постепенно его осуществляла.)

...Не имея уже причин сдерживать себя в издевательском отношении к «недобиткам» запорожского казачества, Екатерина II в 1790 году, «генваря 10-го», назначила верного друга и погубителя Запорожья Грыцька Нечесу – князя Потемкина-Таврического великим гетьманом екатеринославских и черноморских казачьих войск.

Но вскорости «горестная потеря» – смерть светлейшего – поставила в неопределенность статус черноморского войска. Тогда, пишет историк, «войско отправило в Санкт-Петербург депутатом полковника Головатого для испрошения войску утвердительных грамот и определительного местоводворения. Головатый, ходя от министра к министру и не получая ничего утвердительного, по веселонравию своему, будучи одарен природным умом и дальновидностью, речист, смел и храбр, проводил время более в остроумных шутках... Наконец предстал внезапно пред государыню императрицу в Летнем саду, весь в красном запорожском платье, вооруженный двумя пистолетами с лядункой и саблей, облитым серебром и золотом, и с обритой головою, упал на колени и с сокрушенным сердцем воскликнул: «Стій Мати!» Потом с душевным благоговением и слезами, нагнувшись на глаза, произнес следующую речь:

²⁹⁶ Кокиев Г. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец, 1929. – №4/6/. – С. 33, 34.

«Жизнедательным державного веления твоего словом перерожденный из неплодного бытия, верный черноморский Кош приемлет ныне дерзновение вознести благодарный глас свой святейшему величеству твоему, купно изглаголати благодарность сердцем его. Приими оную, яко едино к тебе сохраненную, и буди нам прибежище, покров, радование, – та й годі!»

Императрица достойно оценила витиеватость и усердие прославленного малоросса, предоставила соответствующие грамоты и ритуальные подарки, подтвердила за черноморским казачеством высокое звание «верного» и державно определила его функции: «Войску черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских».

Увы, как это ни прискорбно для нашего национального чувства, но надо признать, что высокое доверие всех московских «святейших величеств» черноморское войско оправдывало с честью. Достойнейшим были наградой слава, чины и почести. Вот, например, атаман Бурсак.

«5 июня 1800 г. отряд наш переправился за Кубань. Бурсак с конными казаками был командирован вперед и первый завязал дело с черкесами, собравшимися, чтобы остановить наши действия. Подкрепляемый генералом Драшкевичем с пехотой, он сбил неприятеля с занятых им крепких позиций, смешал его, обратил в бегство и преследовал до самых гор. Отчаянное мужество черкес, к защите жилищ своих употребленное, было бесполезно. Отряд наш атаковал их со всех сторон, прогнал в ущелья гор, зажег три аула владельцев Аслан Гирея и брата его Девлета, взял в плен 20 человек, рогатого скота 1500 штук, 4000 овец, несколько лошадей, множество разной домашней рухляди и благополучно вернулся в свои пределы (...) Весь отбитой у черкес скот повелел государь император разделить войскам, участвовавшим в экспедиции».

Еще один эпизод. «Бурсак, пройдя всю ночь, на рассвете 30 числа (это уже в 1802 году. – *И.Дз.*) приблизился тихо к владениям князя Баджука и, приказав пешим не отставать, с конницею кинулся в аулы. Внезапное решительное нападение сие произведено с успехом: черкесы, не ожидавшие оно, пришли в чрезвычайное замешательство. Напрасно 300 полунагих наездников старались защитить свои жилища и прикрыть бегство семейств своих с имуществом в леса и горы. Бурсак мгновенно смял их, истребив на месте до 200 человек; он отрезал от леса бегущих и захватил в плен самого князя Баджука с его семейством и другими владельцами обоого по-

ла до 25 душ, а узденей и прочих черкес с семействами до 600 душ; отбил рогатого скота 1158 штук, овец 2500 и часть лошадей (...) Государь император, усматривая из всеподданнейших донесений столь успешное действие наших войск против закубанцев, всемилоостивейше благоволил наградить атамана Бурсака чином полковника, а султана Али Шеретлу Оглу, верно, с особенным самоотвержением действовавшего против своих единоверцев, в подполковники; но и прочие, оказавшиеся достойными, не лишены высокомонарших милостей. Взятый скот, овец и лошадей повелено раздать войскам, бывшим в действии».

Надо сказать, что Черноморское казачество было очень удобным, профессионально в высшей степени пригодным для осуществления тех функций, которые царизм ему «делегировал». Особенно это касалось сугубо запорожского «рода войск» – так называемых пластунов. Послушаем еще историка.

«Бывшие в войске бездомки (сиромы), более приобвыкшие к военным трудам, презиравшие самую жизнь, алкавшие одних битв и добычи, отличнейшие стрелки, заняв первую цепь над самой Кубанью в топких гнилых болотах, заросших густыми, непроходимыми камышами, и упражняясь там почти безвыходно звериною охотою, служили большою помощью кордонной страже. Сии бесстрашные воины названы пластунами. Неся всегда одежду легкую, сходственную с черкесскою, они отличались необыкновенным проворством, скоростью в своих движениях и действиях. Ружье и подсох (род копья. – *И.Дз.*) единственное их вооружение, а искусство в стрельбе составляет всю их славу. Верный глаз и твердая рука всегда гибельны неприятелю. Находясь беспрерывно в виду у горцев, они совершенно свыклись со всеми их хитростями и уловками: скрытно наблюдая за всеми действиями неприятеля, они предугадывают его намерения, быстро извещают об оных кордоны и, притаясь в густоте камышей у самой переправы злодеев, первые встречают их своим губительным ружейным огнем»²⁹⁷.

Черноморское войско было и экономически выгодным царизму – дешевым, почти на самообеспечении. Его часто использовали как дармовую чернорабочую силу. Современник свидетельствует: «Черноморские казаки были у всех начальников в загоне и держались в черном теле. (...) Надобно правду сказать, начальство Черноморских

²⁹⁷ Туренко А.М. Исторические записки о войске черноморском //Киевская Старина. – 1887. – Март. – Т. XVIII. - С. 501; 502; 503; 726—727; 509.

казаков не только не протестовало против такой несправедливости, но находило в том свою выгоду»²⁹⁸.

Трудно сказать, знал ли Шевченко во время написания поэмы о мере причастности Черноморского казачества к всероссийскому подвигу умиротворения Кавказа и стояло ли это малоприятное знание неким далеким фоном за его горькими словами о судьбе Якова де Бальмена. Но это, во всяком случае, не меняет объективной сути дела. «Не за Украину, а за її ката довелось пролить кров» черноморским казакам.

В европейской истории не одна Украина оказывалась в ситуации, когда сыновья народа служили угнетателю и отдавали жизнь за него, погибая или вынужденной, или «героической» смертью. В каждом отдельном случае такие ситуации возникали из своих особенных политических и житейских обстоятельств, имели свою особенную эмоциональную окраску; но общим для них было то, что они обнаруживали искаженность национальной судьбы и глубоко травмировали национальное чувство, хотя и не всегда «синхронно», а порой и с историческим «опозданием».

Скажем, в средние века не один сербский «юнак» (герой) побывал на турецкой службе. А на протяжении XVIII ст. Австрийская империя успешно использовала как своих верных ландскнехтов сербских воинов, поселенцев-«граничар», создавая вокруг них ореол героических защитников общей христианской родины, – с тем, чтобы как только угаснет турецкая угроза, «отблагодарить» их полным закрепощением.

Сербский парадокс нашел свое литературное отражение преимущественно позже, более всего в «Переселениях» («Сеобе») Милоша Црнянского. А вот простодушная экономическая практика немецких князьков XVIII ст., продававших свою молодежь в качестве пушечного мяса европейским монархам и тем сбалансировавших свой бюджет, уже их современниками воспринималась как национальный позор.

У Шиллера этот мотив национального стыда и возмущения вовлекался в широкое демократическое осмысление всего положения немецкого народа; в «Коварстве и любви» он патетически звучит в мощном регистре разоблачения деспотизма и вырожденчества не-

²⁹⁸ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона //Русский Архив. – 1883. – Кн. I. – С. 197–198.

мецких князьков, в гуманистическом проекте переустройства национальной жизни.

У Тараса Шевченко нет прямой аналогии с таким вариантом темы наемничества, но некоторые ассоциативные связи могут возникнуть (вспомним хотя бы: «Як запродав гетьман//У ярмо християн...») или скорбные картины гибели украинских казаков на строительстве Петербурга, на каналских работах – по «разнарядке» Петра I). Вместе с тем у Шевченко имеем идеологически и этически масштабнее развитый мотив «дядьків отечества чужого» – добровольной службы трансформированной украинской элиты державегнетательнице: ее работы упырей своего народа, гробокопателей Украины.

Больше непосредственно схожего, вплоть до почти буквальных совпадений, у Шевченко с поэтом итальянского ри-сорджименто Джакомо Леопарди, к примеру, с его поэзией «На памятник Данте» или с одой «К Италии»:

Где сыновья твои?
...Италия, твои сыны
В чужих краях сражаются...
...За что сражаются, взгляни в тревоге,
Там юноши Италии? О боги,
Там за страну чужую
Италии клинки обнажены!
Несчастен тот, кто на полях войны
Не за отчизну пал,
Семейного не ради очага,
Но за чужой народ, *от* рук врага
Чужого...

(Перевод *Анны Ахматовой*)

...Как уже упоминалось, «Кавказ» написан осенью 1845 года – в ту знаменательную осень, которая дала нам еще и «Еретика», «Большое подземелье» («Великий льох»), «Стоит в селе Суботове...», «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание», «Псалмы Давида» – высокие взлеты Шевченкова гения, сгустки его бунтарской энергии, украинской боли и «иска» мировому порядку. На этой вдохновенной волне он не мог не написать «Кавказ», не мог остаться молчаливым свидетелем надругательства над целыми народами.

К этому времени после относительных неудач русских войск (походы 1841, 1842, 1843 годов) Николай I поставил перед ними за-

дачу в кампании 1845 года переломить ход событий в свою пользу, лично дав обстоятельные инструкции. Сомнений в решительной победе не было. («Скажите Шамилю, что я сотру его в порошок», – будто бы так напутствовал Николай своих полководцев. – «Сие бахвальство привело лишь к одному эффекту: Шамиль рассмеялся»²⁹⁹. Вряд ли это простая выдумка А.Дюма: видимо, эта версия имела хождение в войсках.) Предпринятый по настоянию Николая Даргинский поход окончился позорным провалом, с огромными потерями для русской армии. Император не скрывал своего раздражения и требовал укрепить кавказский фронт десятками новых батальонов³⁰⁰. Но, с другой стороны, всем было понятно – как нам было понятно при виде истертого в пыль Грозного, – что силы слишком уж неравны («Бесконечные вереницыдвигающихся с севера войск; место убитого солдата тотчас заменялось другим, и горцы недаром говорили: «Русские солдаты как трава: не успел скосить, после первого дождика новая выросла»³⁰¹) и что грубый военный колосс, перед которым дрожит напуганная на столетия вперед Европа, рано или поздно растопчет народы Кавказа, осуществив лозунг Цицианова: «Или покоритесь, или сотритесь с лица земли»³⁰².

Смертоносное ожесточение освободителей не знало предела, и никакие жертвы не останавливали царских воевод. Во время штурма аула Ахульго, одной из резиденций Шамиля, предпринятого генералом Граббе в 1839 году, «русские потеряли у только что взятых укреплений 4 тысячи человек. (...) Сей день был днем кровавой сечи, какой ни орлы, ни коршуны, парившие над вершинами Кавказа, никогда еще не видывали. Противники буквально плавали в крови; лестницы, с помощью которых влезали на стены, были составлены из трупов. Не слышно было воинственной музыки для ободрения сражающихся. Хрипение умирающих заменяло ее»³⁰³.

После окончания Крымской войны Россия сосредоточила все свои усилия на Кавказе. Туда была брошена более чем 200-тысячная армия. Военный министр Д. Милютин писал в своих воспоминаниях: «В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать громадные силы: пехоты 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен нерегулярных; конницы 20 эскадронов драгун,

²⁹⁹ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 200.

³⁰⁰ Русская Старина. – 1885. – Октябрь. – С. 209; 210.

³⁰¹ Зиссерман А. О князе Воронцове и Н.Н.Муравьеве //Русский Вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 89.

³⁰² Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 26.

³⁰³ Дюма А. Кавказ. – С. 59.

52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных при 242 полевых орудьях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 млн. руб.»³⁰⁴.

Освободительная удавка стягивалась на горле Кавказа все туже.
Потому звучащее в финале «Кавказа»:

Тільки дайте
Сині гори остатнії...
бо вже взяли
І поле, і море.
...Лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле, и море, —

отражало реальное видение поэтом фактического положения вещей.

И действительно, к этому времени Кавказская война уже входила в третью стадию. Если на первой (XVIII – начало XIX ст.) стратегической задачей российской армии было отрезать горцев от Черного моря и вытеснить их из долин в горы; если на второй стадии (20-е – 30-е годы) стратегия состояла в прокладывании укрепленных линий, которые дробили бы оставшуюся у горцев территорию и обеспечивали продвижение российских войск вглубь, – то на третьей стадии усилия направлялись на методическое сжатие кольца окружения со всех сторон.

При этом, как и раньше, применялась тактика выжженной земли: разрушение и сожжение аулов («поражать население и уничтожать аулы»³⁰⁵); захват стад скота и уничтожение посевов и запасов продовольствия («уничтожение хлебов и запасов»; «приказано было зажигать все запасы сена и зерна, которые встретятся на пути»³⁰⁶); вырубка и выжигание лесов («вырубали громадные пространства вековых лесов»³⁰⁷), – кстати, по свидетельству Льва Толстого, «... план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова»³⁰⁸. Тот же Вельяминов на своем богатом

³⁰⁴ Касумов А.Х. Северный Кавказ... – С. 51.

³⁰⁵ Волконский Н.А. Погром Чечни... //Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 46.

³⁰⁶ Там же. С. – 2; 57.

³⁰⁷ Зиссерман А. О князе Болконском и Н.Н.Муравьеве... //Русский вестник. – 1874. – Ноябрь. – С. 93.

³⁰⁸ Толстой Л. Собр. соч. в 20-ти томах. – Т.14. – М., 1964. – С. 96–97.

опыте пришел и к другому полководческому постижению: «Таковых народов оружием покорить невозможно...», а потому, изыскивая «средства ускорить покорение горцев», сделал вывод, что «голод есть одно из сильнейших к тому средств», предлагая и конкретный план реализации: «Средство сие состоит в истреблении полей. В первый раз оно было употреблено в прошедшем 1832 году, и теперь ясно видно, до какой степени измождения доведены оным Чеченцы. Без ошибки можно кажется рассчитывать, что горцы не в состоянии выдержать подобного истребления более пяти лет сряду; нужно только действовать на всем пространстве между Черным и Каспийским морями постоянно, т.е. каждый год, дабы довести их до крайности и поставить в необходимость покориться всем требованиям правительства». И далее: «Запретить горцам, как покорным, так и непокорным, покупать всякого рода жизненные потребности в Кавказской области...»³⁰⁹. И т.д.

Впрочем, всевозможные методы планового изуверства практиковались и после официального триумфального завершения Кавказской войны. Вот свидетельство одного из доблестных царских полководцев – в книге, соответствующий раздел которой носит красноречивое название: «О восстании на Кавказе. К восстанию в Терской области в 1877 году» – то есть описывает события, происшедшие более чем через десять лет после «окончательного усмирения» Кавказа: «Чтобы примерно наказать аул Зандак (он всегда пользовался влиянием), я с тремя батальонами выступил из Хасав-Юрта, с целью сжечь его, а также и посеять, и этим показать пример, как будут поступать со всеми аулами, которые примкнут к восстанию (...) К несчастью, приближаясь к аулу, я получил с нарочным телеграмму от командующего войсками, в которой передавалось распоряжение главнокомандующего аулов не разорять, так как это увеличит число абреков. Приказание было исполнено, но, по-моему, такой взгляд был ошибочен. Впоследствии, когда нам были развязаны руки и когда генерал Смекалов в Ичкерии находился в затруднительном положении, я, чтобы подать ему помощь, испросил телеграммой у командующего войсками, какой аул нужно уничтожить, и получил ответ: «желательно наказать аул Мискиты». Распустив слух, что иду жечь аул Зандак, я через два дня сжег аул Мискиты и возвратился по другой дороге на Герзель-аул, сделав распоряжение собрать старшин. Я объявил им: «Будет ли вас жечь

³⁰⁹ Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860. – С. XXIV, XIX-XX, XXI.

Алибек, не знаю, но я беспощадно буду уничтожать всякий возмущившийся аул и мне это легко сделать, потому что вы никогда не будете знать, куда я иду»³¹⁰. Комментарии, как говорится, излишни.

Но вместе с тем в 40-е – 50-е годы выходили на первый план и новые элементы стратегии: научно обоснованное коммуникационное освоение Кавказа и более интенсивное, чем прежде, обсаживание его казачьими и другими поселениями – по примеру славного Рима, столь уважаемого его самопровозглашенными преемниками: «В продолжение шестидесятилетней борьбы нашей на Кавказе, последовательное покорение различных частей этого гигантского гнездилища дикого изуверства и разбоя было плодом разработки путей через места, дотоле недоступные для войск, в совокупности с системою Казачьих поселений, хотя в измененной форме, напоминающих Римские постоянные лагеря»³¹¹.

К традициям доблестных римлян апеллировал и выдающийся царский администратор и милитарный теоретик, в будущем военный министр России Д. Милютин, автор записки «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе» (1840–1841) и «Наставления к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов» (1843). Специальным предметом его раздумий были «средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам (изучение войн римлян во время империи, англичан с шотландцами и т.д.), средства колонизации»³¹². Честный царский генерал не знал выражения «бандформирования», с которым человечество входит в третье тысячелетие нашей эры, и простодушно исходил из того, что «народ обороняется сам»!

На завоевание Кавказа империя бросила максимум своих милитарных, интеллектуальных, хозяйственных, колонизационных сил. В этих условиях солидарные призывы Тараса Шевченко к горцам питались не столько иллюзорными надеждами, сколько несмиримостью человеческой совести с торжествующим злом.

Однако могущественная империя имела в своем распоряжении достаточно средств, чтобы утверждать в собственных глазах и в гла-

³¹⁰ Дополнительные воспоминания севастопольца и кавказца 46 лет спустя – Витебск, 1901. – С. 151.

³¹¹ Бутурлин С. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России, с проектом сети сих путей, составленном в видах обороны империи. – Чтения... - 1865. – Кн. 4. – Р. I. – С. 2–3.

³¹² Зайончковский П. Милютин Д.А. Биографический очерк //Дневник Д.А.Милютина. 1873–1875. – М., 1947. – Т. I. – С. 12.

зах мира зло как добро. Она разжигала в русском обществе великодержавную гордыню и патриотизм шовинистического толка, делала ставку на монархическую одурманенность, политическую забитость и покорность массы, превознося именно эти качества как якобы знаки богоизбранности народа (не случайно этот мотив будет постоянно повторяться и в будущем: «Русский народ потому и владеет шестой частью земного шара, что этому убогому, бедному народу дано от Бога то, чего нет у многих более культурных племен: инстинкт государственности»³¹³.)

Особенная роль отводилась православной религии, долженствовавшей идеологически и духовно утвердить русское господство на Кавказе. Вслед за драгунскими отрядами шел православный батюшка, чтобы, по словам Ермолова, «умягчить сердца сих грубых и в заблуждении закоренелых людей»³¹⁴. Специальная духовная комиссия занималась крещением горцев, прибегая к обману: им обещали, что крещеных освободят от крепостной зависимости и от налогов; когда же обман всплывал наружу и горцы восставали, их подавляли силой³¹⁵.

Царизм не останавливался и перед тем, чтобы религиозные ритуалы и само имя Божье использовать для оправдания и благословения кровавой войны, для освящения убийств и диких зверств. На кавказские фронты был мобилизован и тот резервный сверхъестественный феномен, который официально именовался «Русским Богом». О нем стоит поговорить отдельно.

В литературе формулу «Русского Бога» Патриотическая легенда связывала возникновение формулы «Русский Бог» с Мамаем, который будто бы после Куликовской битвы сказал: «Русский Бог... велик». Сначала в идею «Русского Бога» вкладывалось вполне понятное чувство благодарности за победу над Ордой, чувство Божьего заступничества. Но постепенно она трансформировалась в символ особенной, произвольно мотивированной заботы Бога специально о русском народе и его державе (не в пример другим!), в символ богоизбранности этого народа (а собственно – государства и императоров), а со временем – и в идею Божьего попустительства различным историческим фанабериям российских монархов.

Идея «Русского Бога» очень нравилась своим политическим удобством наибольшей русачке среди российских бого-помазанников

³¹³ Чистяков П.С. Речи октябриста. 1905–1907. – С.-Петербург, 1907. – С. 64.

³¹⁴ Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки... – М., 1932. – С. 64.

³¹⁵ Там же.

– немке Екатерине II. Трогательный эпизод зафиксировал в своих дневниковых заметках ее статс-секретарь А. Храповицкий: «29 сентября 1792. При разборе почты сказывать изволили, что в Москве был разговор у крестьянина К.Т. (помещичьего. – *И.Дз.*) с крестьянином казенным. Кр(естьянин) каз(енный): «За что вашего барина сослали? – Крестьянин Т.: Сказывают, что искал другого Бога. – Крестьянин) каз(енный): Так он виноват: на что лучше Русского Бога?» Очень хвалили сие простосердечие»³¹⁶.

Во время Отечественной войны 1812 года «Русский Бог» не сходил со страниц прокламаций и патриотических лубков, что естественно.

В литературе формулу «Русского Бога» провозгласил В.Озеров в трагедии «Димитрий Донской». Потом в несколько скорректированном виде ее применял В.Жуковский, испытывая не то великую гордость, не то некоторое смущение от ее патриотически-богохульской чрезмерности: «Русский Бог, Святая Русь – подобных наименований Бога и Отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет»³¹⁷.

Образец яркой патриотической эксплуатации «Русского Бога» дал Николай Языков в публицистическом стихотворении «К ненашим» (вот откуда – из 1844-го года! – эта бессмертная «невзоровщина»):

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!
Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все – не русский вы народ!

Этот поэтический памфлет был направлен против Чаадаева и других русских «западников»; передовая русская общественность восприняла его как политический донос. Интересно, что еще двадцатью годами раньше известный своей независимостью Петр Вя-

³¹⁶ Памятные записки Храповицкого. - Чтения... – 1862. – Кн. 3. – Р. V. – С. 275.

³¹⁷ Жуковский В.А. Поли. собр. соч.: В 12 томах. – С.-Петербург, 1902.– Т. X. – С. 121.

земский дал совсем иную интерпретацию идеи «Русского Бога» в одноименном стихотворении:

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский Бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог метелей, Бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций, тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог голодных, Бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог грудей и ж... отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский Бог.
К глупым полн он благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский Бог.
Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших на порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский Бог.

Конечно же, Петр Вяземский – скептик и гнилой либерал – не судия пламенным патриотам. Но и сами пламенные патриоты невольно отмечали пикантную специфику «Русского Бога» – его удивительную снисходительность к диким патриотическим фортелям и гибкость приспособления к практике российского начальства. Если верить властимущим, то эта почти что заговорщическая солидарность с ними «их» Бога немало поспособствовала им и в кавказской мороке: «Велик ты, наш русский Бог, покровительствовавший нам даже в наших увлечениях и заблуждениях во время минувшей кавказской войны, кой-когда напоминавший нам поражениями о необходимости быть осмотрительнее, но долготерпеливый и милосерд-

ный до конца, несмотря на постоянные попытки многих наших генералов всегда и во всем искушать твою благодать!»³¹⁸

Мы уже приводили примеры этих «увлечений» и «искушений». Им несть числа. В них – сама суть освободительства.

«Штабс-капитан овладел аулом открытою силою и после упорного сопротивления сжег его. С десятков горцев убито, 8 взяты в плен; но казаки, как сказано в донесении, в пылу ожесточения сбросили их со скалы»³¹⁹.

«5 февраля отряд вторично выступил в поход и занялся истреблением неприятельских поселений. Чеченцы с своими семействами жили в лесу без всякого крова и страдали от холода. Видят они, что дело плохо, и стали просить прощения, обещая жить мирно. Генерал Ермолов прощал тех, кто добровольно покорялся, но зато селения тех жителей, которые сопротивлялись, были совершенно уничтожены»³²⁰.

«Жители аула не сдавались в плен, а с яростью защищались и все погибли под штыками молодцов Апшеронцев. К вечеру весь аул был взят, а на другой день разрушен до основания»³²¹; «...Все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали...»³²². И т.д. и т.п.

Остается только напомнить, что все это – и кровь, и пожары, и жестокости, и насилие, и мародерство – пытались освятить христианской цивилизационной миссией и ... именем Бога.

«Торжественный гимн: «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» – закончил молебствие»³²³.

(Позже против такого кощунства восстанет Лев Толстой: «Во всех солдатских помещениях висит прибитая к стене так называемая «Солдатская памятка», составленная генералом Драгомировым. Памятка эта есть набор мнимо солдатских народных (совершенно чуждых всякому солдату) глупо-ухарских слов, перемешанных с кощунственными цитатами из Евангелия. Евангельские изречения приведены в подтверждение того, что солдаты должны убивать, зубами грызть своих врагов: «сломался штык, бей кулаком, отказались кулаки, вцепись зубами». В заключение же «Памятки» сказано, что Бог есть генерал солдат: «Бог ваш генерал».

³¹⁸ Волконский Н.А. Погром Чечни... //Кавказский сборник. Т.V. – Тифлис, 1880. – С. 54.

³¹⁹ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона //Русский архив, 1883. – Кн. 3. – С. 163.

³²⁰ Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894. – С. 156.

³²¹ Там же – С. 136.

³²² Волконский Н.А. Погром Чечни... – С. 14.

³²³ История 44-го драгунского... полка... – Т. 3. – С.-Петербург, 1894. – С. 91.

Ничего очевиднее этой «Памятки» не доказывает ту ужасную степень невежества, рабской покорности и озверения, до которой дошли в наше время русские люди»³²⁴.)

Между прочим: у российских импер-государственников и мессиански настроенной части общественности какое-то болезненно-маниакальное пристрастие: непременно связывать все свои разбои с именем Бога и Богоматери, самовольно оповещать Божье будто бы благословение на свои мерзкие делишки. Вот, например, один из птенцов гнезда Петрова, фельдмаршал Шереметьев, опустошив во время русско-шведской войны всю Лифляндию (факт несомненный, но прочно забытый везде, кроме, разумеется, самой Прибалтики), самозабвенно рапортует Петру: «Чиню тебе известно, что Всесильный Бог и Пресвятая Богоматерь желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего, все разорили и запустили без остатку... только и осталось целого места Пернов да Ревель... а то все запустошено и разорено в конец...»³²⁵. И Цицианов – как помните – клялся Богом в том, что будет жечь и вешать... Эти примеры можно было бы продолжать и продолжать.

В более облагороженном виде апелляцию к Божьему Промыслу в видах всяческого расширения империи и всемирного торжества московского православия найдем у ряда писателей и мыслителей православно-патриотического, мессианского толка.

К сожалению, и великий гуманист Достоевский в своих политических построениях допускал вещи, несколько несовместимые с его знаменитым постулатом о том, что все счастье человечества не стоит одной слезы невинного ребенка... Посудите сами:

«Осада была ужасная, и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво. Казанцы защищались как отчаянные, упорно, устойчиво, выносливо. Но вот взорвали подкопы и пустили толпы на приступ, – взяли Казань! Что ж, как поступил царь Иван Васильевич, войдя в Казань? Истребил ли ее жителей поголовно, как потом в Великом Новгороде, чтобы и впредь не мешали? Переселил ли казанцев куда-нибудь в степь, в Азию? Ничуть, даже ни одного татарчонка не выселили, все осталось по-прежнему, и геройские, столь опасные прежде казанцы присмирели навеки. Произошло же это самым простым и сообразным образом: только что овладели городом, как тотчас же и отслужили в Казани молебен, в первый раз с ее основания. Затем заложили православный храм, отобрали тща-

³²⁴ Толстой Л.Н. О войне и военном деле. – Берлин: Издание Гуго Штейница. – 1902. – С. 29–30.

³²⁵ Князьков С. Из прошлого русской земли. Ч. II. – М., 1909. – С. 90.

тельно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, – вот и все; и все это совершилось в один даже день. Немного спустя – и казанцы начали продавать нам халаты, еще немного – стали продавать и мыло. (Я думаю, что это произошло именно в таком порядке, то есть сперва халаты, а потом уж мыло). Тем дело и кончилось. Точь-в-точь и тотчас так же должно кончиться бы и в Турции, если б пришла благая мысль уничтожить наконец этот калифат политически.

Во-первых, тотчас отслужили бы молебен в Святой Софии, – затем патриарх освятил бы вновь Софию; из Москвы, я думаю, в тот же день подошел бы колокол, султана бы вывезли куда следует, – и тем бы все кончилось (...) Прошло бы немного, и турки тотчас же принялись бы нам продавать халаты, а еще немного – и мыло, и может быть, даже лучше казанского»³²⁶.

Что же удивительного, если и у современного публициста, воодушевленного роскошными картинами пожаров и руин чеченских городов и сел, видом сотен и тысяч трупов, возникает непреодолимое желание припасть благодарно к Спасителю и водрузить свечи перед образом, – не задумываясь, разумеется, о том, каково это Ему, Спасителю...

«Возвратясь из Чечни, на другой день утром я отправился в церковь преподобного Пимена, что в Суцее. Обычно, войдя в храм, я беру три свечи, из которых одну ставлю на канун, одну – к празднику, а третью – как душа пожелает. Поставив в этот раз две первые свечи, я вышел в левый предел и замер перед образом Нерукотворного Спаса. Лик его был темен, но в свете уже горевших свеч, в белых остриях пламени я вспомнил явление мне иного, живого образа Нерукотворного Спаса, случившееся в тонком сне на подлете нашего самолета к Моздоку в первый день чеченской нашей кампании. Вдруг это чудо: небесная музыка, теплый, живительный свет, огромные спокойные глаза Спасителя. Он слегка приближался и словно дышал, был по-человечески живым.

Я забыл про это единственное в моей жизни явление и вспомнил лишь теперь, глядя на потемневший лик иконы в церкви преподобного Пимена.

– Господи, у нас нет врагов, – проговорил я сердцем, ставя свечу перед Образом, – и потому мы вправе сказать себе так: нам нужна победа!»³²⁷

³²⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Т. 23. – Л., 1981. – С. 120.

³²⁷ Васильев Л. Нам нужна победа: Заметки о Грозном // Москва. – 1995. – Июль. – С.123.

Кощунство стало привычным, его не замечали и не замечают: ведь оно продолжается и сегодня – снова в Чечню на танках везут иконы, и чиновные златоусты, наскоро умыв ручки, ставят свечи перед образом Богоматери.

Но Шевченко никогда не мог с ним смириться. Во всем его творчестве находим неудержимо острую реакцию на это фарисейство, на это принципиальное подчинение человеческой веры и совести державной политике, потребностям начальства; на это циничное низведение Бога к роли стратегического покровителя деспотизма. В «Кавказе» это сквозной разоблачительный мотив:

За кражу, за войну, за кров,
Щоб братню кров пролити, просять
І потім в дар
Тобі приносять
З пожару вкрадений покров!!

Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом Твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями,
Вот он, дареный палачами,
С пожара краденый покров!..

Это, так сказать, фактологический уровень темы – разоблачение фундаментального лицемерия огосударственной, уворованной у Бога церкви, поставленной на службу системе тотального обмана и разбоя. Однако это лишь обертон более широкого и глубокого обвинения – фарисейскому и по сути дехристианизированному обществу. А это, в свою очередь, обертон главного мотива: слова к самому Богу, требовательного обращения к Нему с вечными вопросами – о несоответствии мира Божьему замыслу, то ли о неясности этого замысла, и почему Он терпит искажение Своего образа, и доколь будет терпеть неправду и глумление над Собой. И хотя Шевченко с горечью оговаривается: «Не нам на прю с Тобою стати!» – он по сути стоит на прю с Богом, но не как оппонент, не как отложившийся от Бога, а как тот, кто Ним живет, кто мерит Его Ним же – неизмеримой мерой, кто возвращает Ему Его собственные глаголы:

Не нам на прю з Тобою стати!
Не нам діла Твої судить!

Нам тільки плакати, плакати, плакати
І хліб насущний замісити
Кривавим потом і сльозами.
Кати знущаються над нами,
А правда наша п'яна спить.
Коли вона прокинеться?
Коли одпочити
Ляжеш, Боже утомлений?
І нам даси жити!
Ми віруємо Твоїй силі
І духу живому.
Встане правда! Встане воля!
І Тобі одному
Помоляться всі язики
Вовіки і віки.
А поки що течуть ріки,
Криваві ріки!

Не нам с Тобой затеять распрю!
Не нам дела Твои судить!
Нам только плакати, плакати, плакати.
И хлеб насущный замесити
Кривавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде – спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда Ты ляжешь
Опочить, усталый Боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И Тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока – струятся реки,
Кривавые реки!

Тут видим, как человеческая мысль, страсть и совесть мучаются среди противостояния двух невозможностей: невозможности примириться с неблагоприятной реальностью Божьего мира и невозможности выйти из этой реальности помимо Бога, без Его «духа живого».

И хотя все Шевченковы сомнения, попреки и терзания остаются в рамках христианской веры и больше не к кому ему обратиться, как только к Богу, – все-таки отмеченные выше претензии к право-

славной практике и сакралитету небезотносительны и к самим библейским догматам:

...У нас
Святую Біблію читає
Святий чернець і навчає,
Що цар якийсь-то свині пас
Та дружню жінку взяв до себе,
А друга вбив. Тепер на небі.
От бачите, які у нас
Сидять на небі!..

...У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пускают в рай!

Видимо, этот полемический мотив возник у Шевченко как эмоциональный (и моральный) протест против использования идеи христианства для политического гегемонизма, навязывания образа христианского мира как будто бы высшего, более праведного и чистого по сравнению с другими, в частности мусульманским, языческим, «примитивным». Ведь такая «христоцентрическая», «евроцентрическая» установка была стержневой составляющей всех имперских версий о «диких», не просветленных христианской верой народах (в том числе и кавказских), подлежащих насильственной эмансипации и цивилизованию...

Только «христианским» высокомерием и колонизаторским невежеством или колонизаторским злоумышлением можно объяснить имперские догматы о «дикости» народов Кавказа, в частности Северного Кавказа. На самом деле они были наследниками древних культур. Даже если культуру сводить к ее письменным формам (неправомерный, но популярный подход), то и тогда народы Северного Кавказа далеко не были «дикими». Вайнахи (чеченцы, ингуши, бацбийцы), абхазо-адыги (абхазы, абазинцы, убыхи, кабардинцы, черкесы, адыгейцы), дагестанские племена (аварцы, кумыки, лаки, лезгины, таты, даргинцы и др.) были аборигенами Кавказа и жили там еще несколько тысячелетий тому назад. В античные времена они (прежде всего абхазо-адыги) испытывали влияние эллинов, и в

свою очередь эллины переняли немало элементов культуры и мифологии этих кавказских племен. Фольклор адыгов сохранил свидетельства об их контактах с предками восточных славян – антами, а позже с Киевской Русью. С другой стороны, наши летописи (Лаврентьевская и Ипатьевская) говорят о «касогах» (адыгах), в «Слове о полку Игореве» фигурируют «полки касожские».

В IX–X ст. на территории нынешнего Дагестана развивается арабоязычная литература, которая получает широкую известность на средневековом Востоке. Дербент был одним из значительных центров этой средневековой культуры Востока.

Общественное и культурное развитие народов Кавказа прервало нашествие Чингисхана. Потом тяжелые удары наносили им турецкая и персидская экспансии, захватнические войны царизма. В этих тяжелых условиях, скажем, адыги трижды начинали создание собственной письменности (XI ст., XVI ст., XIX ст.) Первые записи на аварском языке датируются 1467 годом, даргинском – 1507³²⁸. Из-за исторических обстоятельств национальные алфавиты у народов Северного Кавказа тогда не прижились. Зато большого распространения достигла арабская письменность. Проникали сюда и произведения Фирдоуси, Джамии, Гафиза, Саади, Низами...

Академик И. Крачковский отмечал, что вторая волна распространения арабской культуры на Северном Кавказе, нараставшая с XVI ст., создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, в меньшей степени в Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке³²⁹.

Вместе с тем народы Северного Кавказа, в частности Дагестана, дали немало ученых арабской науке, богословию и письменности.

Но наиболее ценными жемчужинами в духовном наследии кавказских народов были шедевры их чрезвычайно богатого и разветвленного фольклора; большое место в их традиционной культуре занимали и импровизации талантливых народных поэтов.

Это – духовный аспект «дикости». А теперь – экономический, хозяйственный.

До покорения Кавказа тут существовала «блестящая черкесская культура», о которой английский путешественник Спенсер писал в 1837 г.: «С первого же момента, когда открылись передо мной чер-

³²⁸ Саидов М.-С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. – Вып. I. – Махачкала, 1948. – С. 137.

³²⁹ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. – М. – Л., 1960. – Т. 6. – С. 612.

кесские долины, вид страны и населения превзошел мои самые пылкие представления. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных долин и холмов, почти ни одного клочка земли не было не культивировано. Огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по роскошной траве...»³³⁰.

«Затем... – деликатно комментирует русский исследователь, поставив выразительное троеточие, – горская культура исчезла...»³³¹.

Горские племена одни были уничтожены, другие – загнаны в заоблачные горы («С того времени, как край был завоеван русскими войсками, коренное горское население вытеснено из него и лишено права пользования землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушке-казне»³³²); третьи в результате совместных усилий армии и дипломатии вынуждены были переселиться в Турцию (вот один из примеров: «...часть долины р. Мзмыты с прилегающими к ней склонами была заселена славившимися как лучшие пчеловоды и садоводы горскими племенами, которые в 1864 г. вынуждены были эмигрировать в Турцию»³³³).

В результате умиротворения было достигнуто то идеальное состояние, формулу которого позже дал Салтыков-Щедрин: «Народ нет, помпадур есть – чисто!»

Следующим этапом стало «заселение, устройство и оживление Кавказа».

Лучшие земли раздавались «петербургским генералам»³³⁴; «много земель было пожаловано разным лицам преимущественно из числа героев кавказской войны»³³⁵; наконец, участки помельче раздавались переселенцам – «опять таким же пришлым людям, не знающим местных условий, не живущим здесь и не могущим и не желающим лично работать над местной культурой»³³⁶.

В результате – «там, где у горцев были пастбища и прекрасный скот, там теперь ни пройти, ни проехать, где были их фруктовые сады, там теперь дичь и живут кабаны и медведи»³³⁷.

³³⁰ Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа //Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. I. – 1903. – Октябрь. – С. 378.

³³¹ Там же. – С. 379.

³³² Л.С.Личков. Очерки... //Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. 3. - 1903. – Декабрь. – С. 580.

³³³ Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 1. – 1903. – Октябрь. – С. 383.

³³⁴ Там же. – С. 381.

³³⁵ Там же. – Т. LXXXII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь. – С. 581.

³³⁶ Там же. – Т. LXXXIII. – Кн. 1. - 1903. – Октябрь. – С. 380.

³³⁷ Васюков С.Н. Край гордой красоты. – С.-Петербург, 1902. – С. 107.

В исследованиях И. Клингена «Основы хозяйства в Сочинском округе» (С.-Петербург, 1897), С. Васюкова «Край гордой красоты» (С.-Петербург, 1902) и других находим поразительные факты деградации хозяйственной культуры Кавказа в условиях колонизации.

«Пришли русские, и страна, имевшая более 2000-летнюю древность, опустела», – цитирует С. Васюков из работы проф. Пастернацкого «Климатические пункты на Черноморском побережье»³³⁸.

Мало оптимизма и у И. Клингена: «Удалив из страны черкесов в силу общих государственных соображений, мы взяли на себя тяжелый нравственный долг удовлетворить цивилизацию за утраченные силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лет, а погибла в 30 лет под напором чудовищной творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытом и сильной рукой аборигена. 60 лет употребила русская армия для того, чтобы ценой невероятных страданий, усилиями неслыханного героизма, завоевать нам эту страну. Сотни миллионов рублей затрачены, сотни тысяч жизней загублены, а теперь эту страну снова нужно брать с бою, как в то первобытное время, когда еще в ней не было человека»³³⁹.

Как тут не вспомнить то, что несколько раньше писал Василий Каразин Адаму Чарторыйскому – о Крыме: «...После стольких истраченных миллионов и пролития столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже неприятельской» – покорили Крым, но «превратили в пустыню из прекрасной и многолюдной страны, какою он был у турок»³⁴⁰.

(Кстати, и переселение на Кавказ колонистов очень часто осуществлялось насильственными методами, было выселением с родных мест масс людей. Документы свидетельствуют о сопротивлении и волнениях среди принудительно переселяемых казаков. Вот обращение к властям казаков станиц Старо-Щербиновской и Комеловской в 1861 году: «При таких условиях и чувствуя, что не заслужили тягостного для нас настоящего определения, мы не можем вообразить без душевного содрогания, каким образом мы, жены, дети должны бросить все наше достояние и в виду брошенных домов, поднявшись, другие без средств, итти на новое поселение, не представляющее для нас лучшей будущности». С тем же обращались и другие станицы: «...Мы со слезами умоляем милостное начальство оставить переселение нас по назначению, чем мы, оставаясь нераз-

³³⁸ Там же. – С. 137.

³³⁹ Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. – С.-Петербург, 1897.–С. 3.

³⁴⁰ Каразин В.Н. Письмо к Адаму Чарторыйскому //Русская Старина, 1871.–Т.3. – С. 707–708.

дельно с нашей собственностью, можем успокоить рыдающее семейство»³⁴¹.)

(Интересно, что из подобных и других наблюдений, сделанных во время поездки по России и Кавказу, Александр Дюма-отец сделал более широкие – историсофские и «футурологические» – выводы: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожать. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар. Нельзя понять – тем более при современном уровне цивилизации и культуры – эту одновременную и равную потребность в захвате чужого и беспечность в сохранении и улучшении собственного.

В один прекрасный день Россия покорит Константинополь – это неизбежно. Белая раса всегда более склонна к постоянному завоеванию – у темнокожих это стремление является кратковременным импульсом, случайной реакцией. Захватив Константинополь, Россия развалится не как Римская империя на множество частей, а на четыре части, четыре территории.

Северная империя останется подлинно российской государственностью.

На западе сформируется Польша со столицей в Варшаве.

Южная часть со столицей в Тифлисе включит в себя Кавказ, а восточная империя вместит в себя западную и восточную Сибирь»³⁴².)

...Так что и в гротескных по видимости формулах имперского мироустройства, «христианского» цивилизаторства саркастические филиппики Шевченко были не только метафорически глубоки и емки, но и конкретно мотивированы, точны под углом видения соответствующих процессов, на документальном уровне картины истории:

До нас в науку! ми навчим,
Почому хліб і сіль почім!
...Ви ще темні,
Святим хрестом не просвіщенні,
У нас навчіться!.. В нас дери,
Дери та дай,
І просто в рай,
Хоч і рідню всю забори!

³⁴¹ Кокиев Г. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе //Революция и горец, 1929, №5/7/. – С. 33; 34.

³⁴² Дюма А. Кавказ. – Тбилиси; Мерани, 1988. – С.149.

У нас! чого то ми не вмієм?
І зорі лічим, гречку сієм,
Французів лаєм. Продаєм
Або у карти програєм
Людей... не негрів... а таких
Таки хрещених... но простих.
Просвітились! та ще й хочем
Других просвітити,
Сонце правди показати
Сліпим, бачиш, дітям!..

Все покажем! тільки дайте
Себе в руки взяти.
Як і тюрми муровати,
Кайдани кувати,
Як і носить!., і як плести
Кнути узловаті, —
Всьому навчим...
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем...
...Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.
Но мы научим вас!..Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю проводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных, но – простых.
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим,
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Все поймете...

С немислимой у других его современников смелостью и категоричностью отбросил Шевченко все общественно-обязательные критерии из арсенала непрощенного цивилизатор-ства, государствен-

ной целесообразности, патриотизма, национальной и религиозной миссии – и, введя «человеческое измерение», оставил один критерий: человеческая свобода и человеческая жизнь. И в его свете какой чудовищной и кровавой предстала вся «героика» Кавказской войны, вкупе с гусарскими «жаркими делами», каким лицемерным и преступным – режим «богопомазанных» монархов и они сами:

За горами гори
хмарою повиті,
Засіяні горем,
кровію політі.
Отам-то милостивії ми
Ненагодовану і голу

Застукали сердешну волю
Та й цькуємо. Лягло костьми
Людей муштрованих чимало.
А слъоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В слъозах удов'їх. А дівочих,
Пролитих тайно серед ночі!
А матерних гарячих слъоз!
А батькових старих, кровавих,
Не ріки – море розлилось,
Огненне море! Слава! Слава!
Хортам, і гончим, і псарям,
І нашим батюшкам-царям
Слава!
За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровію политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось – вплоть до воли, —
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц.
А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки – море разлилось,
Пылающее море! Слава,

Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям
Слава!

Метафора: «огненное море» слез и крови – девичьих, материнских, отцовских – не родилась как эмоциональная гипербола. За нею – то человеческое горе, которое Шевченко видел и сопереживал. Хотя «похоронок» – изобретения советского – тогда не было, но сведения об утратах, о гибели сыновей быстро доходили до родителей: газеты и различные местные ведомости давали регулярно списки жертв, по крайней мере офицеров – практика конца XX ст., практика сбрасывания в ущелья и тайных захоронений «пропавших без вести» тогда еще была в зачаточном состоянии: одно из несовершенств той империи.

А жертвы по тогдашним масштабам были ужасные. В войнах с горцами российские потери намного превосходили количество жертв, понесенных во всех войнах XIX столетия с Турцией и Персией!

Вот соответствующие цифры. Общие потери во всех войнах России на Кавказе и в Закавказье составляли: офицеров – 1217 убитых, 4786 раненых, 138 пленных; «нижних чинов» – 36634 убитых, 97717 раненых, 8663 пленных. Из них в войнах с горцами: офицеров – 804 убитых, 3154 раненых, 92 пленных; «нижних чинов» – 24143 убитых, 61971 раненых, 5915 пленных. Исследователь добавляет: «Из числа раненых значительное число умерло от ран»³⁴³. Как видим, войны с горцами были ожесточеннее и кровопролитнее «обычных», с регулярным войском других держав.

Трудно сказать, насколько исчерпывающи эти цифры. Назывались и другие. Так, одна лишь ранее упоминавшаяся Даргинская операция, по официальным данным, стоила царской армии 3 генералов, 186 офицеров и 3433 солдат. «Несомненно, цифры сильно уменьшены, – комментирует исследователь. – Фадеев (участник войны, генерал-майор, историк и публицист. – *И.Дз.*), например, считает потери равными 5 тысячам человек, а горцы исчисляют потери русских в 13 тысяч человек. Тем не менее полный провал экспедиции не помешал Воронцову получить за нее княжеский титул»³⁴⁴.

³⁴³ Гизетти А. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801 – 1885. – Тифлис, 1901. – С. II; III.

³⁴⁴ Кровяков Н. Шамиль. Грозный: Чеченгосиздат, 1941. – С. 58.

В одной из статей Н.Г. Чернышевского, написанной в виду окончания (очередного) Кавказской войны, читаем: «Теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 тысяч русских солдат»³⁴⁵.

Во время поездки по Кавказу Александр Дюма был поражен обилием могил: «...Христианский крест и татарский могильный камень так часто встречаются по дороге, что все пространство от Кизляра до Дербента похоже на обширное кладбище. А там, где их нет, как например, от Хасав-Юрта до Чир-Юрта, опасность так велика, что никто не осмелится пойти туда рыть могилы для убитых или поставить над ними крест. Там тела оставляются на пищу шакалам и коршунам; там человеческие кости белеют посреди скелетов лошадей и верблюдов»³⁴⁶.

...Тарас Шевченко сказал все это – и гораздо больше – за десяток с лишним лет до Александра Дюма. На десяток с лишним лет раньше Чернышевского, Добролюбова, Толстого. Гораздо раньше и гораздо больше, дойдя до универсальных выводов о «тюрьме народов» и несовместимости ее с самим принципом жизни не то что с какими-то моральными понятиями. От адекватного видения трагического эпизода истории, от сопричастия к судьбе уничтожаемых народов он приходил к универсальному уровню осмысления проблемы свободы как адекватата жизни и бытия в ней всех народов, и его «Кавказ» – зов к человечеству и Богу о мировой справедливости.

Вот почему слово Тараса Шевченко нашло дорогу к сердцам всех угнетенных народов, вот почему его так любят на Кавказе и даже выделяют посреди других дружественных голосов.

Классик грузинской литературы Константинэ Гамсахурдия писал:

«Когда-то Лев Толстой дал достойный ответ тем сочинителям, что повсюду искали «разбойников».

Кто же разбойник? Тот, кто вооружившись до зубов, идет за тридевять земель разорять чужие очаги, или тот, кто берется за оружие, чтоб защитить своих малолетних ребят?

Великий украинский поэт Тарас Шевченко глубоко сочувствовал движению 1800-1870 годов, мощно противостоявшему варварской экспансии Романовых. В своем стихотворении «Кавказ» он братски приветствовал мятежников Северного Кавказа, с несравненным мастерством изобличая завоевателей, прикрывающихся личиной «защитников цивилизации и христианства»³⁴⁷.

³⁴⁵ Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч. В 15 т. – Т. 14. – С. 381.

³⁴⁶ Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 56.

³⁴⁷ Гамсахурдия К. Собрание сочинений в 8 томах. – Том 7-8. – Тбилиси, 1981, – С. 301.

Приведу для примера сравнение Шевченко и Пушкина в их отношении к Кавказу и борьбе кавказских народов – в статье Ислама Карачайлы «Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С.Пушкина», написанной и опубликованной в то время, когда и о Пушкине можно было «сметь свое суждение иметь»:

«Для нас никогда не было полного, ничем не отравленного наслаждения от пушкинской музыки». Автор статьи с глубоким уважением говорит о пушкинском гении, восхищается великолепием его поэзии, но в то же время с горечью отмечает, что «с другой стороны, – Пушкин это ведь тот, который в поэзии узаконил кавказскую войну, то есть самое беспощадное, самое возмутительное, варварское, организованное истребление горцев». И тут же возникает сравнение с Шевченко: «Поразительно, в то же время, что в противовес поэту-помещику, поэту-дворянину, поэт, выкупленный из крепостной зависимости, из рабства – Тарас Шевченко, воспел борьбу горцев в своей замечательной поэме «Кавказ», которая долгое время находилась под цензурным запретом. В этой поэме, написанной в 1845 году, поэт-крепостной отдает горским народам свои симпатии без остатка в их борьбе с царской крепостнической Россией, попутно вскрывая ложь, лицемерие и противоречие таких ярлыков, как ... «христианство, «православие», «цивилизация» и т.п., которые обычно предназначаются для того, чтобы пыль пустить в глаза, надуть легковерных. В то время, как Шевченко, «мужицкий поэт», с болью и обидой подчеркивал щемящую душу картину национального гнета, при которой на всей необъятной территории России:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит, –

в это время – Пушкин не замечал национального гнета, безмерно-великой трагедии племен, истребление которых поэт благословил, ибо нигде нет ни полунамека, говорящего о его порицании этой бойни»³⁴⁸.

Разумеется, это суждение не вполне корректно. Автор не учитывает изменения взглядов Пушкина на Кавказ и кавказские народы, о чем мы выше говорили. И мы привели это высказывание (в своем роде характерное) не для того, чтобы противопоставить двух поэтов, а для того, чтобы показать, как в среде кавказской интеллигенции

³⁴⁸ Карачайлы И. Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С. Пушкина. (К 130-летию со дня рождения.) //Революция и горец. – 1929, №5-7. – С. 48–49.

(до ее истребления) воспринималась объективная разница между ними, разница в «чувстве» Кавказа и судьбы его народов...

...Следует сказать еще о качественном отличии «Кавказа» Шевченко от других произведений европейских литератур, представивших реакцию гуманистической личности на насилие над чужими народами.

Шевченко подал голос в защиту «малых», «неисторических», «нецивилизованных» народов – в европейской поэзии того времени этой темы как сферы свободолобивой мысли еще не существовало в концептуальном плане. Очень популярной была тема – но это совсем иное! – освободительной борьбы греков против Турции; она породила яркую традицию в политической лирике многих европейских литератур. Тут был неисчерпаемый источник для романтического вдохновения, для взлетов гуманистического духа, взлелеянного на ценностях античной культуры и отмеченных глубокой личной причастностью к «сердцу ойкумены». На эти благородные переживания наслаивались еще представления (отчасти мифологизированные) об измывательстве мусульман над христианами (уже само господство мусульманской Турции над христианской Грецией воспринималось как надругательство – для христианского гуманистического сознания). Таким же образом симпатии и моральный и интеллектуальный резонанс вызывала освободительная борьба итальянцев, испанцев, поляков, мадьяр...

Во всех этих случаях поэтов вдохновлял образ (или миф) исключительного, необычайного своей историей, своим вкладом в культуру и своими страданиями, почти что богоизбранного, почти что мессианского народа, который угнетен варварской силой и без свободы которого не может быть свободы в Европе, спокойствия совести для европейского интеллигента.

Совершенно по-иному обстояло дело с народами Северного Кавказа. В отношении их сложился и получил распространение миф противоположного характера: нецивилизованные племена, самобытное существование которых лишено перспективы и общечеловеческой ценности и которые должна будет взять на цивилизационный буксир одна из «великих» наций.

Стойкие стереотипы имели хождение не только среди российских обывателей, но и в прессе, в научно-популярной литературе, даже в некоторых публикациях, претендовавших на «ученость».

«Абхазцы природные разбойники», «лживы», «ленивы»; «Осетины вообще крайне ленивы и медлительны. Проявляются между ними и разбойники, но это редко – чаще проявляются у них воры»;

«Черкесы по своей природе убийцы, воры и разбойники», «Ингуши – первые мошенники»; «Карачаевцы страшные лентяи и трусливые воры» – длинный набор подобных «научных» определений привел в свое время в журнале «Революция и горец» Гурген Левонян – в статье под красноречивым заглавием «Страна «разбойников» или литературная халтура?» В ней он, в частности, писал:

«Кровопролитные войны Дагестана и Чечни за свою независимость, в течение всей первой половины прошлого века, и славная эпопея неравной борьбы всех горских народов с наступавшим тогда на юг российским самодержавием, – естественно, должны были вызвать в русском обществе живейший интерес к Кавказу и его аборигенам.

Но Кавказ был неведомой и неисследованной страной, о которой можно было составить понятие только по сильно прикрашиваемым рассказам возвращавшихся с походов русских воинов, да по некоторым немногочисленным художественным произведениям, насквозь пропитанным романтизмом. Но, конечно, оба эти источника были односторонни и поверхностны. Они воспевали живописные горы и ущелья Кавказа; передавали детали «кровавых схваток» с туземцами, отстаивавшими свои родные аулы; говорили о ловкости и неуязвимости кавказских джигитов и т.д. Но реальный Кавказ и его народы, переживавшие в борьбе глубокие хозяйственные потрясения, а впоследствии изнывавшие под двойным гнетом царской власти и собственных князей, феодалов, богачей и офицерства, оставались вне поля зрения русского общества»³⁴⁹.

Можно возразить автору и сослаться на труды кавказских просветителей Шоры Ногмова, Султана Хан-Гирея, Казн Атажукина и других, писавших и по-русски; русских исследователей Ад.П. Берже, Е.З. Баранова, П.И. Головинского, В.Ф. Миллера и других; украинца Н. Гулака, друга Шевченко; на труды Абиха, Радде, П. Услара, Н. Марра (позже). Но не они определяли знания и представления широкой общественности о Кавказе: господствовал тот поток «халтурь», часто злостной, о которой и говорил Гурген Левонян.

Поверхностность и произвольность преобладала и в писаниях зарубежных авторов (хотя было и немало добросовестных из числа иностранных путешественников: Г.Ю. Клапрот, Р. Скасси, Р. Лайэл, И.Ф. Бларамберг, М. Вагнер, К. Кох, Ж. Тэбу де Мариньи, Ф. Дюбуа де Монпере и др.; интересные сведения о народах Кавказа собраны в составленной В.К. Гардановым книге «Адыги, балкарцы и карача-

³⁴⁹ Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? //Революция и горец. – 1929. – №1–2 (3–4). – С. 52; 55.

евцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.» – Налъчик 1974).

Но опять же – все это оставалось для широкой европейской общественности тайной за семью печатями, и она жила совсем другими представлениями. (И в литературе разве что один Дюма захотел и сумел углубиться в проблематику бытия кавказских народов, и, балансируя между лояльностью и учтивостью гостя, с одной стороны, а нелицеприятием и достоинством литературного метра с другой, – много сказал. Хотя еще до поездки Дюма в 1854 году в Париже была поставлена пьеса Поля Мериса «Шамиль».)

Поэтому в европейской прессе кавказские войны обсуждались преимущественно под углом зрения англо-русско-турецко-персидских отношений, в контексте так называемого «восточного вопроса» (о судьбе наследия «больного человека» – Османской империи, о Босфоре и Дарданеллах, о Константинополе); кавказские народы воспринимались скорее как объект, а не как субъект истории.

Такая цивилизационная глухота имела универсальный характер – сентиментальное увлечение «экзотическими» племенами (если это не наталкивалось на прямой колониальный интерес или противостояло чужому колониальному интересу) по большей части спокойнехонько уживалось с убеждением в том, что они не являются носителями каких-то общечеловеческих ценностей и перспектив. Не меняет сути дела и то, что в контексте перманентного страха перед «русской угрозой» в Западной Европе, в частности Германии, подавление Россией Польши вызывает симпатию и к горцам: «Романтика польских повстанцев и кавказских горцев рождала циклы песен, нацеленных прямо или косвенно против всего русского»³⁵⁰. В конце концов, это был преходящий конъюнктурный эпизод, не повлиявший на европейскую концепцию международных отношений того времени.

Фактор малых народов, малых государств (в современном значении) еще только начинали учитывать: Вольтер, Монтескье, Руссо даже высказывались в том духе, что малые государства – более естественное состояние для человеческого общества, однако имелось в виду лишь европейское пространство – вне его применялся совершенно иной подход.

Современник Шевченко французский социолог Ле Пле в работе «Основная конституция человеческого рода» выдвинул идею европейского союза малых держав, который помогал бы великим держа-

³⁵⁰ Данилевский Р.Ю. Русские и немцы: тысяча лет общения. – Русская литература. – 1994. – №1. – С. 201.

вам согласовывать свои естественные цивилизационные аппетиты за морями: «Союз этот будет даже содействовать целям великих держав, доставляя им посредников для умиротворения столкновений, вызываемых завоеваниями в пустынных пространствах варварского мира»³⁵¹.

Как некоторое выпадение из этого стереотипа можно рассматривать кампанию в европейской прессе и литературе в защиту негров Северной Америки. Но тут присутствовал социальный мотив (протест против рабовладения, оскорблявшего европейское гуманистическое сознание). Кроме того, примешивались и политические интересы государств-соперников, каждое из которых в своей пропаганде использовало мотив осуждения рабства (не последней в этом благородном деле была и царская Россия, что и вызвало у Шевченко саркастическое: «...Продаем /Або у карти програем/ Людей... не негрів... а таких /Таки хрещених... но простих». «...Продаем /Или за карточным столом /Проигрываем крепостных – /Людей крещеных, но ... простых».

Исключением иного рода был «Вильгельм Телль» Шиллера: гимн свободолобивым горцам Альп, творцам Швейцарии, гимн человеческому достоинству и божественному праву на свободу, гимн восстанию против чужеземного угнетения. С этим пафосом Шиллера созвучен Шевченко. Но, все-таки, Шиллер написал историческую поэму – он отразил совершившийся исторический факт, воспел (как урок для потомков) давнишнюю победу народа, уже создавшего свое независимое государство и прославившего его. Да и в прошлом, в момент своей борьбы, этот народ, живя в центре Западной Европы, имел иной образ («имидж») и иные возможности для понимания и сочувствия со стороны соседей, чем горцы Кавказа в XIX ст. Так что одно дело – такой исторический миф о европейских горцах, пусть и «переключенный» сознательно в напряжение универсального гражданского и этического сознания, а другое – сотворение нового образа свободолобивого действия, актуальное со-творение как бы вместе с тем народом новой парадигмы свободы. К тому же – вопреки всей могущественной силе имперского гипноза и общественных предрассудков.

По сути, Шевченко едва ли не первый в Европе нового времени так принципиально поднялся над рутинным делением народов на большие и малые, исторические и неисторические, цивилизованные и нецивилизованные – и «снял» это деление обращением к священ-

³⁵¹ Основная конституция человеческого рода. Сочинение Ле Пле. С очерком жизни и деятельности автора. – С.-Петербург, 1902. –С. 178.

ному праву каждого народа самому устраивать свою жизнь: ни у кого «не прошенную», никем «не данную». Его великая мысль: «В своїй хаті своя й сила, і правда, і воля» – носила универсальный характер, и в «Кавказе» также видим богатую и глубокую вариацию этой мировоззренческой истины и этого живого чувствования. На высоте этой истины и этого мирочувствования Шевченко отверг евроцентрическую и христоцентрическую картину мира, – хотя основание для отрицания этого «геополитического» христоцентризма ищет в самом Христе: как в Том, для Кого и перед Кем все равносущны и равноценны.

...Есть в мировой поэзии одно произведение, чрезвычайно созвучное нравственному пафосу «Кавказа», с той самой этической коллизией, что и в кавказских событиях. Это – баллада «Разбойник» канадской индианской поэтессы второй половины XIX ст. Полин Джонсон (Текагионвейк). Отряд белых напал на лагерь индиан и жестоко расправился с ними – разумеется, как с «разбойниками». Старая индианка в страстном монологе изобличает белых: они пришли «спасать душу», нести «веру», а на самом деле отобрали все и, бессовестные и бессердечные разбойники, называют «разбойниками» ограбленных ими туземцев только за то, что те не уходят со своей земли. К сожалению, не имеется русского перевода этой баллады, но это полное соответствие тому, что читаем в «Кавказе» Шевченко:

Ми християне: храми, школи,
Усе добро, сам Бог у нас!
Нам тільки сакля очі коле:
Чого вона стоїть у вас,
Не нами дана; чом ми вам
Чурек же ваш та вам не кинем,
Як тій собаці! чом ви нам
Платить за сонце не повинні!..
Мы християне; храмы, школы,
Вся благодать, сам Бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано!..

Это адекватная – на все времена – метафорическая формула всякой тотальной идеи и всякого абсолютизированного государственничества (чтобы избежать заезженного великодержавничества),

самой своей природой обреченного на агрессивное мироустройство без временных и пространственных границ...

Но только ли царскую Россию, только ли русский царизм, только ли апофеоз империй смоделировал Шевченко в том «у нас», «мы» и т.д.? Конечно же, прежде всего это едкая и гневно-презрительная пародия на стиль официоза, даже конкретно на стиль царских манифестов. И все-таки, если взять этот шевченковский мотив во всем его объеме, то надо признать, что он обращен к несравненно более широкой клавиатуре человеческого духа. Он перерастает в судный образ всей той цивилизации, что присвоила себе название христианской, не став таковой. Этот масштабный образ содержит в себе, кроме актуальности, вневременность и внелокальность. (Отдельной темой могло бы стать сравнение Шевченкова портрета «христианской» цивилизации с тем, который рисовали другие европейские мыслители XIX ст., например, Макс Нордау в «Лжи предсоциалистической культуры» или «поздний» Лев Толстой.) Шевченко судит не только отчужденный мир, он судит всех «нас» (его «мы» и всех «нас» касается), он судит и себя, не исключает никого – и себя – из вины и ответственности. Это и есть его истинно христианское чувство.

Вот почему Шевченков «Кавказ» – не инвектива, не идеологический памфлет, не политическая сатира на языке поэзии. Не только. И не только болевой сигнал из одной точки земного шара, одного узла организма человечества. Это и метафорическая картина общего состояния миропорядка, болезни общественной природы человечества. Ведь то, что позволял себе царизм творить с народами Кавказа, характеризовало не только царизм, но и качество человечества вообще. Вот почему счет Шевченко царизму перерастает в тяжкие вопросы к Богу. В невероятную молитву-прю.

И вот почему «Кавказ» Шевченко – не просто моральная (или гражданская) интеллигентская позиция по отношению к определенным явлениям, – а гнев, мука и полыхание всего его существа. Это в высшей степени «интимное» произведение, в котором проявилась не только мировоззренческая сердцевина личности поэта, но и все «изгибы» его натуры и темперамента.

...Бурление сомнений, проклятий и надежд. И все-таки надежда и вера – превыше всего. Это нечто иное, нежели уверенность в победе горцев, – для такой уверенности мало было и мало остается оснований. Но это напутствие-велеие всем «рыцарям свободы». Это жажда победы добра над злом, это утверждение свободы как предназначения человека и человечества, это решимость стоять за правду перед Богом. И тут уже не имело значения, что взывает Шевчен-

ко к Богу христианскому о правде нехристианских народов. Ибо Шевченков Бог – Бог всех, кто взыскует правды:

Боритесь – поборете,
Вам Бог помагае!
За вас правда, за вас слава
И воля святая!
Вы боритесь – поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Вместо послесловия – без комментариев

1. «Давно-давно, но не очень – всего лишь около ста лет назад – в этих местах, где остановил я сейчас коня, шли также беспощадные битвы (...) Мои предки не на жизнь, а на смерть воевали с белым царем. Слово «русский» было тогда самым ненавистным, самым проклятым, и в бой с русскими шли мои отцы, засучив рукава суровых своих черкесок выше локтей, обнажив кривые сабли и обвязав шею смертным саваном, что означало, что они шли не на шутку, на газават, на смерть, в священную кровавую битву с русскими, в которой готовы погибнуть с честью, для чего и берут с собой заранее свои саваны...

Не мне, не мне писать об их удали. Они дрались и гибли, как львы. Но за что? Как странны, как бессмысленны на этой земле судьбы людей, как абсурдны и жестоки законы человечества! И, думая о прошлом, я медленно трогаю коня (...) Вдруг на небольшой поляне я вижу в траве плоский ржавый камень (...) С большим трудом раздвинув бурьян и счистив с плиты коросту желто-зеленого лишая, я читаю обветрившуюся надпись. Эпитафия гласит:

«Один я на чужбине среди каменистых скал. Ни одной родной души не придет ко мне на могилу и в память мою этих слов не пронесет: «Мир праху твоему, Всеволод».

А сбоку другая, старинными буквами, строгая надпись:

«Здесь покоится прах поручика Апшеронского полка Всеволода Николаевича Грунина, умершего от ран в бою с горцами. 16 августа 1842 года. Покойному было 22 года».

Непонятное вещее дыхание как бы потрясло мою душу. Сто лет тому назад – ровно сто лет – этот русский умный юноша (ибо надпись-то, вероятно, высечена по его завету) погиб здесь в жестокой войне с моими отцами. Мои отцы считали его кровным, самым смертельным, проклятым врагом, и он также считал их чужими... Но что

мне сказать о моих переживаниях? Странная судьба выпала на мою долю – как мне с ней быть? Сын гор, я душой и мыслями, и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного.

Я срываю с головы свою шапку, становлюсь на колени перед могилой и шепчу: «Мир праху твоему, Всеволод». Это я, потомок твоих кровных врагов, произношу тебе, как родному: пусть твоя мысль встретится с моей мыслью – они братья. Пусть эта каменная земля, враждовавшая с тобой, не будет тебе жестка, родной мой, пусть она ляжет над тобой мягче перины, пусть будет сон твой мирным, как эта тишина... Твоя молодая кровь, пролитая на этих скалах, впиталась в почву, и ты видишь – взросло новое племя, в жилах моих течет и частица твоей крови, брат мой. Отщепенец ли я? Не знаю! Но все же спасибо, спасибо тебе! Родная душа пришла на могилу, и, как видишь, на твоём русском языке говорит она тебе: «Мир праху твоему, Всеволод». И за себя, и за своих предков... Спи спокойно!

Идет война. Снова в горах звучит эхо выстрелов, но война эта куда зловещей и грандиозней, чем та, в которой ты погиб.

Как странны, как бессмысленны судьбы людские, но зато закономерны судьбы народов».

(Эффенди Капиев. Из дневника 1942 года // Капиев Э. Избранное. – М.: Худ. лит. – 1979. – С. 444—446.)

2. «– Я столько чеченцев убил, что пальцев не хватит пересчитать, – весело говорил старший лейтенант Сережа в качестве своего вступительного слова. – У меня на этой войне убили двоюродного брата. Так что за мной уж дело не станет (...)

Зрелище разрушаемого артиллерией города, надо сказать, поначалу имеет свою странную магическую силу. Внезапно загорающиеся дома, кровавое зарево над горизонтом, метеоритный дождь пылающих осколков похожи на какие-то движущиеся фантастические батальные картинки. В этих картинках нет самого психологически тяжелого момента – лица противника? Я вообще подозреваю, что стрелять из пушки гораздо проще, чем идти на человека с ножом. Но через два, три, четыре, восемь часов ожесточенных артиллерийских упражнений все равно становится невыносимо тошно и хочется все-таки заглянуть в это лицо, в эти глаза, чтобы понять: кто те люди, которых утюжат пушками круглые сутки? Кто тот противник, который вызывает у российской армии не страх, нет. Скорее некое подобие суицидального азарта?»

(Мостовщиков С. Переход российских войск через Сунжу – //Изнестия. – 1995. – 16 февраля.)

3. «Бывший город Грозный. Женя, русская художница, прожила тут всю жизнь (...) В своем доме-крепости Женя с сыном пережили дудаевский беспредел, в подвале пересидели зимнюю войну. Ночью 8 марта к ним в дом пришли омовцы с блок-поста на мосту. Пришли с оружием, пьяные в стельку. Они долго искали что-то, разбрасывая вещи и картины. Что-то маленькое, наверное, бриллианты, которых у Жени отродясь не было. Они изнасиловали ее скопом на глазах у взрослого сына, а уходя, забросали дом гранатами и подожгли».

(Шутова Т. Оглянись, имам //Литературная Россия. – 1995. – 9 июня.)

4. «...Колонна российской бронетехники из 35 БТРов двигалась по старой дороге из станицы Слепцовская в Грозный. Навстречу ей ехала колонна беженцев из Чечни. Четыре БТРа выехали из колонны и обстреляли автобусы и машины. Когда люди побежали, солдаты стали добивать их из автоматического оружия».

(Желудков А. и Мостовицкий С. Сколько человек не дожило до наведения конституционного порядка? //Известия. – 1994. – 29 декабря.)

5. «...Термин «военные действия», подразумевающий противоборство двух сторон, малокорректен, гораздо более точны такие определения, как бойня, убийство».

(Ротарь И. Первой заповедью в новом году должно стать: «Не убий!» //Комсомольская правда. – 1994. – 29 декабря.)

6. «По прогнозам специалистов-военных, после очистки Грозного, которая, возможно, закончится через месяц, в Чечне в течение нескольких лет будет процветать бандитизм типа бандеровщины на Украине. Пока Дудаев укрепляет свои базы и тренировочные лагеря в горах. (...) Бомбардировочная авиация только ждет команды, она легко может превратить эти горы в холмы. Только решится ли на такое жестокое решение президент? А времени осталось – до первой листвы. Если не решится, то появятся на карте две Чечни – долинная, освобожденная, и горная, дудаевская. А мы хорошо знаем, что такое две Кореи, два Вьетнама и т.д.

Единственное, что можно сказать с уверенностью, армия свою задачу выполнит. В чеченской войне российская армия считает себя правой».

(Борзенко А. Кровь цвета горячей нефти. //Литературная Россия. – 1995. – 3 февраля.)

7. «Подведем некоторые итоги квартала (...) Потери российских войск составили по реальным (хотя и весьма приблизительным) оценкам от 2 до 5 тысяч человек убитыми. Погибло также, по меньшей мере, от 1,5 до 2 тысяч российских граждан, воевавших на стороне Дудаева, а также несколько тысяч мирных жителей Чечни.

Более 300 тысяч человек, треть населения республики, стали беженцами и влачат жалкое существование (...) Начатая в интересах укрепления власти война не решила ни одной из стоявших перед нею проблем, а усугубила их и породила новые. Прогнозируемая «пятилетка» создаст для власти едва ли не катастрофические трудности».

(Головков А. Шабетов Т. Первый квартал «чеченской пятилетки». //Известия. – 1995. – 10 марта.)

8. «Сергей – киевлянин и в Чечню прибыл добровольно. Впрочем, все эти разговоры об организованном и массовом участии бойцов УНСО в боевых действиях на чеченской стороне – преувеличение. Действительно, унсовцы воевали, но их было немного, и из чеченцев никто не может вспомнить, кого еще, кроме рекламировавшего себя перед западными телекамерами с повязкой УНСО бойца Сашка, они знают. Хотя, надо признать, чеченцы отзываются о нем, как о высокопрофессиональном бойце. Большинство же украинцев было в Чечне, а некоторые и сейчас – самостоятельно – в основном, они с Западной Украины, однако были, правда, и харьковчане, и донетчане (...)

Украинцев в Чечне знают и любят. Причем, как бойцы сопротивления, так и простые чеченцы. Когда общаешься с чеченцами на понятном им и правильном русском и не имитируешь сложности общения на русском языке, – лучше сразу сказать, что ты – с Украины. А еще лучше добавить, что ты – украинец. Отношение людей меняется сразу (...)

На одном из горных «чек-поинтов» нас встретил командир Игорь – капитан российской армии. Сам родом с Украины – еще год назад был офицером украинской армии, но оставил ее из-за материальных соображений и нормального желания «прокормить семью». Игорь великолепно говорит по-украински, и даже как-то непривычно было подымать три первых тоста за Украину на позициях российской армии далеко в чеченских горах...

По его словам, до шестидесяти процентов офицеров низшего и среднего звена российского контингента в Чечне являются украинцами или же русскими, связанными с Украиной годами службы или учебой в ее высших учебных заведениях».

(Хотин Р. Украинцы – по обе стороны чеченского фронта //Зеркало недели. – 1995. – 2 сентября.)

9. «Как сообщило агентство УНИАН, в Украину пришло 13 цинковых гробов из района боевых действий в Чечении. В них вечным сном почивают украинцы восточных и центральных регионов на-

шей страны, военнослужащие российской армии, помогавшие «установить конституционный порядок» в мятежной республике.

Используя «украинское пушечное мясо» для защиты своих великодержавных интересов, Россия даже «не нашла» средств, чтобы по-человечески похоронить павших, а обратилась в Министерство обороны и местные военкоматы Украины, чтобы те помогли родным и близким покойных. Цинизм «старшего брата» просто не знает границ».

(Верес Л. Как Россия уменьшает свои расходы на войну с Чечней //Вечірній Київ. – 1995. – 28 января.)

10. «...Но я лучше расскажу о том, как нас уничтожают. Буквально месяц назад мог бы показать начиненные фосфором химические снаряды и мины 82 мм, шариковые бомбы, снаряды ЗШ-1 и ЗШ-2 со стреловидными элементами и многое другое. Или еще такое: в городе во время боевых действий, особенно ночью, русские берут квартал и, хотя там нет ни одного нашего солдата, полностью уничтожают его. Причем, как правило, реактивной артиллерией, что запрещено Женевской конвенцией – это ведь не боевые порядки... И так изо дня в день. Вот почему в Грозном практически нет ни одного неразрушенного здания. Такое вот варварство».

(Русские цепи не для чеченцев. Интервью начальника Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики дивизионного генерала Аслана Масхадова //Українська газета. – 1995. – 22 июня.)

11. «...Генерал Рохлин – один из главных исполнителей операции «умиротворения» непокорной Ичкерии. Именно с его появлением в Грозном началось безжалостное и методическое уничтожение населения четырехсоттысячного города. Немало генералов, у которых еще осталась капля совести, отказались участвовать в геноциде чеченского народа, даже подали в отставку, за что некоторым теперь угрожают трибуналом, а этот «герой» безжалостно уничтожает целый народ, стирает, как немцы Ковентри и Гернику, с лица земли города и села».

(Брызгунов Ю. Лицемерие в год юбилея //Молодь України. – 1995. – 10 февраля.)

12. «...Что может быть сопоставимо с безумием тех, кто затеял эту ничем не оправданную и никакой реальностью не вызванную войну против собственного народа?»

«Целенаправленная агитация силовых пресс-центров оказалась настолько действенной, что даже сам вермонтский отшельник, вернувшись на родину после столь долгого отсутствия, вынужден сегодня повторять милицейские банальности об «убийствах, ограблениях, терроре над русскими, изгнании их из домов, вообще из Чеч-

ни...» (...) Все это позволяет писателю и гуманисту с мировой славой рассуждать о чеченском народе, как о «гноящейся язве» на теле России и давать советы: «Когда есть гангренозный член, то известно: для спасения всего организма его надо отсечь».

(Дементьева И. Хотят ли русские Чечни? //Ивестия. – 1995. – 17 января.)

13. «Как-то, выступая по телевидению, главный «кагебист» России Степашин сказал, что они изучили послевоенный опыт борьбы с бандформированиями и будут применять его в Чечне. Мы, украинцы, помним этот «опыт». Известно, что после освобождения Киева от немцев была создана спецшкола, где готовились отряды, которые «работали» под УПА. Они, одетые в форму украинских повстанцев, врываются в села, мучили и убивали людей, набивали колодцы трупами женщин, детей, стариков и старух. Те, кто владел украинским языком, выкрикивали лозунги УПА. Остальные убивали молча. При этом «случайно» оставляли в живых двух или трех свидетелей, не «заметив» их. А те рассказывали потом все, что видели и слышали. Коммунистическая печать тут же поднимала крик о «бандеровских резунах».

(Федоров В. Мы это уже проходили //Вечірній Київ. – 1995. – 15 февраля.)

14. «РУССКОМУ ОРУЖИЮ – СЛАВА! Во все времена оно было обращено в защиту отечества, во спасение родины, ее целостности (...)

Сегодня надо отдавать себе отчет: российские войска введены в Чечню не для борьбы с чеченским народом, а для того, чтобы выполнить свой конституционный долг».

(Российская газета. – 1995. – 10 февраля.)

15. «Российскую армию бросили на самое безнадежное дело: на борьбу с вооруженным народом».

«Наглая ложь – единственный язык, на котором высшие руководители государства говорят со своим народом».

(Сергей Юрский, народный артист России. Хватит утюжить танками собственную землю! //Ивестия. – 1995. – 5 января.)

16. «Я – Павел Грачев», – скромно представляется прохожим молодой уфимец на центральных улицах города и начинает рассказывать о событиях в Чечне. Этого несчастного местные жители уже запомнили. Он далек от армии и никогда не был в Чеченской республике. Очевидно, его место в психбольнице, но душевнобольной ведет себя тихо и никому не угрожает...»

(Этот Грачев никогда не был в Чечне //Ивестия. – 1995. – 16 февраля.)

17. «...Я хотел бы посмотреть в глаза летчиков, которые варварски уничтожили аул, женщин и детей /.../

/.../ Война страшна, но еще страшнее ложь. ...Как можно говорить о целом народе: «Все бандиты, воры, центр мировой мафии...»? Жалкое оправдание своих действий, недостойное мудрых государственных мужей. И поэтому получилась не та Куликовская битва, принесшая славу России, а «куликовская» бойня.

/.../ Толстой понимал нас, горцев, оставил вечное произведение. Нынешние политики к тому же и безграмотны, они из русских самые антирусские. /.../ Бегают по залу Госдумы, показывают медаль «За покорение Кавказа».

Опять ПОКОРЕНИЕ... Они не знают, что каждую вторую медаль вручали вдовам, матерям. И вновь этого хотят?

Покоренных народов нет. Сердца нельзя покорить. Царь говорил о Шамиле с уважением. А Невзоров" болтает «Шамиль – бандит». Мелкие речки всегда шумливы и говорливы, до моря они не доходят.

Русские шовинисты не понимали этого, когда проливалась кровь в Тбилиси, Баку, в Кизляре и Первомайском. Я горжусь, что русская интеллигенция, мои братья-поэты осудили эти преступления. Осудил народ, и это – голос России. Но мне стыдно, что Америка и Европа в эти дни промолчали. И руководители СНГ не подали голоса».

(Гамзатов Р. Остановить войну в Чечне – вот высшая смелость, которая нужна сегодня //Известия. – 1996. – 1 февраля.)

18. «Сергей Ковалев решил на короткое время съездить в Москву ради того, чтобы лично встретиться с президентом и лично рассказать ему о том, что же происходит в Чечне. Не со слов насквозь лживого пресс-центра правительства, плутоватых генералов или фантазирующих спецслужб, а по своим собственным впечатлениям и лично проверенным фактам.

– Я хочу, чтобы он смотрел мне в глаза, когда я буду рассказывать ему о тех преступлениях против собственного народа, которые творятся в Чечне. И пусть он мне отвечает, – сказал Сергей Ковалев».

(Яков В. В такой войне и победителей судят //Известия. – 1995. – 6 января.)

19. «С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее... и пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии, даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости Белого Царя и в несокрушимости меча его... Имя Белого Царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но Белый Царь есть царь и калифу».

«Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русскою».

(Достоевский Ф.М. Дневник писателя //Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т.27. – Ленинград, 1984. – С.33; 38).

20. «...В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева (...) Портрет этот производит впечатление очень тяжелое. Перед глазами зрителя восстает чистейший тип идиота, принявшего какое-то мрачное решение и давшего себе клятву привести его в исполнение. Идиоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непременно злы (в идиоте злость или доброта – совершенно безразличные качества), а потому, что они чужды всяким соображениям и всегда идут напролом, как будто дорога, на которой они очутились, принадлежит исключительно им одним. Издали может показаться, что это люди хотя и суровых, но крепко сложившихся убеждений, которые сознательно стремятся к твердо намеченной цели. Однако ж это оптический обман, которым отнюдь не следует увлекаться. Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа, которые ломают вперед, потому что не в состоянии осознать себя в связи с каким бы то ни было порядком явлений...

Обыкновенно противу идиотов принимаются известные меры, чтоб они, в неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встречается им на пути. Но меры эти почти всегда касаются только простых идиотов; когда же придатком к идиотству является властность, то дело ограждения общества значительно усложняется... Там, где простой идиот расшибает себе голову или наскაკивает на рожон, идиот властный раздробляет пополам всевозможные рожны и совершает свои, так сказать, бессознательные злодеяния вполне беспрепятственно. Даже в самой бесплодности или очевидном вреде этих злодеяний он не почерпает никаких для себя поучений. Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем (он слишком окаменел, чтобы на нем могло что-нибудь отражаться), а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой органической связи. Если бы, вследствие усиленной идиотской деятельности, даже весь мир обратился в пустыню, то и этот результат не устрасил бы идиота. Кто знает, быть может, пустыня и представляет в его глазах именно ту обстановку, которая изображает собой идеал человеческого общежития?»

(Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города.: Повесть. – М.: Худ. лит., 1987)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАРАДИАЛОГ

С.П. Поцелуев

Нет ничего смешнее горя.
С. Беккет. Эндшпиль

Обзор:

1. Парадиалог: первичные дефиниции.
2. Парадоксы и абсурды парадиалога.
 - 2.1. Логические абсурды парадиалога.
 - 2.2. Квази-конъюнктивный синтез в парадиалоге.
 - 2.3. Парадоксы парадиалога.
 - 2.4. Прагматические бессмыслицы парадиалога.
 - 2.5. Парадиалог как коммуникативный нонсенс.
3. Парадиалог как игра и наслаждение.
4. Парадиалог как паралогика и паранойя.
 - 4.1. Парадиалог как «разорванное мышление».
 - 4.2. Парадиалог как «систематизированный бред».
5. Парадиалог как фикция и симуляция.
 - 5.1. Квази-художественная фиктивность парадиалога.
 - 5.2. «Дарование смысла» в парадиалоге.
 - 5.3. Клиника и этика парадиалога.

Желание разобраться в феномене политического парадиалога возникло у автора давно, под впечатлением от краткой, но емкой статьи В. Базылева и Ю. Сорокина о постсоветском «новоязе»³⁵². Но под руку все не попадался материал, который можно было бы заставить говорить для целей рассмотрения. Счастливым случаем

³⁵² В. Базылев, Ю. Сорокин. О нашем новоязе. От чужих слов мы становимся агрессивнее // Независимая газета, 25.09.1998. с. 8.

оказался один из выпусков телепередачи В. Соловьева «К барьеру!» (эфир НТВ от 02.02.2006), в котором сошлись в словесной дуэли два персонажа российской политической сцены – В. Жириновский (далее Ж.) и А. Проханов (далее П.). Поводом для их «теледуэли» (по жанру передачи В. Соловьева) стала поддержка Ж. резолюции парламентской ассамблеи Совета Европы, осудившей преступления коммунистических режимов. Видимо, Ж.-П. «диалог» заслуживает внимания ряда дисциплин. Знакомство с интернетовскими откликами на телепередачу только укрепляет в этом убеждении³⁵³.

«Теледуэль» Ж.-П. – типичный случай того, что можно назвать политическим парадialogом. Но меня не интересует политическая судьба г-д Ж. и П., а также стоящих за ними политических сил. В этом отношении мой анализ не является собственно политологическим. Скорее, он есть попытка определить некоторые типичные свойства политического парадialogа в двух отношениях: общей теории политического языка; актуальных тенденций политической коммуникации в современной России.

1. ПАРАДИАЛОГ: ПЕРВИЧНЫЕ ДЕФИНИЦИИ

Диалог естественно определять по оппозиции с монологом. Возьмем стандартное определение: «Диалог – это текст, создаваемый двумя партнерами коммуникации, один из которых (адресант) задает конкретную программу развития текста, его интенцию, а другой (адресат) должен активно участвовать в развитии этой программы, не имея возможности выйти за ее пределы. Монолог – это текст, который хотя и инициируется, явным или неявным образом, партнером по коммуникации, но развивается по программе своего создателя без участия или, по крайней мере, без активного участия партнера коммуникации»³⁵⁴. Как видим, все сводится к тому, рассчитывает или нет «адресант» на адекватную теме разговора реакцию партнера по общению. Если речь – не монолог, она оказывается диалогом, и наоборот. Но реальная коммуникация более дифференцирована, чем формальные дефиниции. К примеру, обмена репликами, их грамматически корректные сцепления в разговоре не позволяют относить его к монологу по формальным критериям. Но если реплики семантически и логически бессмысленны, можно ли

³⁵³ Интернет-дискуссию об этой передаче, а также полный текст выступлений ее участников можно найти в сети по адресу: <http://semen-serpent.livejournal.com/295788.html>.

³⁵⁴ Е.Н. Ширяев. Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001. с. 274.

общение назвать диалогом, не вступая в противоречие с приведенной дефиницией? В этом случае необходимо говорить не о диалоге, а парадиалоге.

Сам термин «парадиалог» (наряду с другим вариантом: «квази-диалог») предлагают В. Базылев и Ю. Сорокин, называя пара- и антидиалогической речью любого политика. Парадиалог – это речевая ситуация, когда «политика спрашивают об одном (или он сам имитирует возможные вопросы), а он отвечает о другом. Он живет в ситуации постоянной подмены речи»³⁵⁵.

Для прояснения вопроса обратимся к исходному смыслу слова «диалог», возраст которого намного солиднее «монолога»³⁵⁶. Греческое слово διάλογος означает разговор, диалог, а греческая приставка δια- выражает взаимность и соревновательность действия³⁵⁷. Приставка δια- имеет также созначение «разделения», как, например, в слове διαίρεσις (разбирать).

В отличие от стандартного (осмысленного) диалога, в парадиалоге сохраняется соревновательность и взаимность действия, но исчезают смысловые разделения, тематические границы становятся диффузными. Соревновательность и взаимность лишаются позитивного смысла, превращаются в видимость, становятся пародией на самих себя. Поэтому мы неслучайно выбираем слово парадиалог (с греческой приставкой παρά-) для обозначения такого рода общения. Приставка παρά- означает: возле, при; мимо; направление к чему-то; отступление от цели или истины. Имеется в виду не просто отступление от истины, а ее выворачивание, оборачивание, переименование. Сравните греч.: παρωδός – не просто поющий, а «поющий наизнанку», т.е. пародирующий; παράδοξος – не просто отрицание обычного мнения, а нечто странное, неожиданное, противоречащее привычному взгляду; παραλογισμός – не просто отрицание умозаключения, а его ложный вид, вводящий в заблуждение и т.д. Все эти значения «играют» и в семантике термина парадиалог – такой разновидности дискурса, где внешняя и шумная схожесть с диалогом сопровождается переименованием его смыслового содер-

³⁵⁵ В. Базылев, Ю. Сорокин. О нашем новоязе.... Там же.

³⁵⁶ Так, ни в «Греческо-русском словаре» А.Д. Вейсмана, ни в «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого нет соответствующего «монологу» древнегреческого или латинского термина.

³⁵⁷ Здесь и далее значения древнегреческих терминов приводятся по «Греческо-русскому словарю» А.Д. Вейсмана (см. репринт 5-го издания 1899 г.: М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991), а значения латинских терминов - по «Латинско-русскому словарю» И.Х. Дворецкого (3-е изд. М.: Рус. яз., 1986).

жания, отступлением от его сущности. Парадиалог – это вывернутый наизнанку диалог.

Греческое *δίλογος* вошло потом в латынь с аналогичными значениями (*dialogus*). Значение греческого термина *δίλογος* перекликается со смыслами латинского *disputatio* (расчет, рассмотрение; научное изыскание, ученый труд, рассуждение, исследование; обсуждение), но обнаруживает интересное смысловое отличие от латинского *discursus*. Этот термин, ставший сегодня одним из ключевых при описании коммуникативных процессов, приобрел смысл «беседы, разговора» только в поздней латыни. Тем любопытнее его более ранние значения: бегание (метание) туда и сюда, в разные стороны; (воен.) маневр; набег; круговорот; непрерывное мелькание, барахтанье; бестолковая беготня, суета; разрастание, разветвление. По всей видимости, *discursus* первоначально есть нечто противоположное *dialogus*, а не «тексту», как мы это сегодня себе представляем. Возможно, «дискурс» возникает как отражение культурных изменений, которые происходят в позднем греко-римском мире в период его «постмодерна». Неслучайно именно слово *discursus* с его значениями «бестолковая беготня, суета, мелькание» стали метафорой этого нового состояния общения, лишённого как раз тех свойств, которые были характерны для *dialogus* и *disputatio*.

В свете сказанного можно определить парадиалог как дискурсивную пародию на диалог, или как симуляцию диалога в дискурсе.

Характер парадиалога – инверсия тех принципов диалогического мышления, о которых писал М.М. Бахтин: «Чужие сознания, – нельзя созерцать <...> как вещи, – с ними можно только диалогически общаться»³⁵⁸. Напротив, парадиалог представляет собой такое общение с чужими сознаниями, которое систематически поносит их как лишённые всякого достоинства объекты. Но только от этого «чужие сознания» не «замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы», а отвечают таким же словесным поносом. И это взаимное объективирование и овеществление собеседников приносит их сознаниям забаву и удовольствие, – как и зрителям, которые все это созерцают. Бахтин находит в романах Достоевского «диалогическое общение с полноправными чужими сознаниями и активное диалогическое проникновение в незавершённые глубины человека». Как страшно далека поэтика Достоевского в интерпретации Бахтина от современных коммуникативных реалий! Такие слова даже произносить неловко, когда имеешь дело с «диалогом» Ж.-

³⁵⁸ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: «Советская Россия», 1979. с. 80.

П., хотя они – тоже литераторы, мастера слова и даже «инженеры человеческих душ». Однако с этими героями мы оказываемся в совершенно ином коммуникативном царстве, в каком-то кэрролловском «Зазеркалье», с абсолютно новой языковой флорой и фауной.

В парадиалоге Ж.-П. реплики не выступают двумя «равно и прямо направленными на предмет» высказываниями, которые «в пределах одного контекста не могут оказаться рядом, не скрестившись диалогически»³⁵⁹. Скорее, диалогические высказывания ведут себя подобно делезовским «смыслам» с их «великолепной стерильностью или нейтральностью»³⁶⁰. Напомним, что смысл высказывания Делез связывает с «парадоксом чистого становления» или «парадоксом умопомешательства» как парадоксом «бесконечного тождества обоих смыслов сразу – будущего и прошлого, дня до и дня после, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта»³⁶¹. Здесь смысл событий – всегда двойной смысл, исключающий трактовку положения вещей с точки зрения здравого рассудка. Почему? – Потому что события понимаются как некоторый эффект, присущий языку, и бессмысленно спрашивать, в чем смысл события: «событие и есть смысл как таковой. Событие по самой сути принадлежит языку»³⁶². По Делезу, такие события-эффекты не существуют вне выражающих их предложений, а между собой они находятся в отношениях не реальной (логически необходимой) причинности, а причинности нереальной, призрачной. Эта квази-причинность проявляется во взаимообратимости причинного отношения, когда для мысли все равно, «кошки едят мошек» или «мошки едят кошек», он украл или у него украли, он убил или его убили. У Делеза получается, что высказывания о событиях-эффектах осмыслены даже тогда, когда они формулирует логический абсурд.

У Бахтина мы читаем: «Два равновесных слова на одну и ту же тему, если они только сошлись, неизбежно должны взаимоориентироваться. Два воплощенных смысла не могут лежать рядом друг с другом, как две вещи, – они должны внутренне соприкоснуться, то есть вступить в смысловую связь»³⁶³. Напротив, делезовские смыслы с их «замечательной стерильностью» не испытывают никакой потребности на кого-то «сориентироваться», с кем-то «вступить в связь»

³⁵⁹ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики ..., с. 219.

³⁶⁰ Ж. Делез. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия», 1995. с. 53.

³⁶¹ Там же, с. 14.

³⁶² Там же, с. 38.

³⁶³ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики ..., с. 219.

и «внутренне соприкоснуться». Смыслы Делеза как бы «асексуальны» по отношению к другим смыслам, у них нет смыслового «пола», полярности, их вообще не интересует «их иное». Главным героем Бахтина является «двуголосое слово, неизбежно рождающееся в условиях диалогического общения». Тогда как фигурант Делеза – «система отголосков, повторений и резонансов»³⁶⁴ нейтральных смыслов. Эти смыслы не находятся ни в диалоге, ни в монологе. Мы говорим: они находятся в парадиалоге как в потоке делезовского «чистого становления», «дискурса», который для неискушенного обыденного сознания почти не отличим от бреда³⁶⁵.

Политический парадиалог – это прежде всего пародия на «сократический диалог». В основе последнего Бахтин видит представление о диалогической природе истины: «истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения»³⁶⁶. Более того, «человеческая мысль становится подлинной мыслью, то есть идеей, только в условиях живого контакта с чужою мыслью, воплощенной в чужом голосе». Именно «в точке этого контакта голосов-сознаний и рождается и живет идея»³⁶⁷. Парадиалог полностью инвертирует такое диалоговое понимание истины. «Истина», которая рождается и живет в парадиалоге – есть, опять-таки, делезовский «эффект», эффект смысловой, но в равной мере и визуально-шумовой. Он мимолетен, живет только во время эфира, лишен всякой субстанциальности и причинности, в отличие от бахтинских «идей» и «мыслей», рождаемых (с творческой мукой) в диалоге.

Для характеристики политического парадиалога небезынтересно, что героями сократического диалога выступают именно идеологи, а «самое событие, которое совершается в ‘сократическом диалоге’ (или, точнее, воспроизводится в нем), является чисто идеологическим событием искания и испытания истины»³⁶⁸. Бахтин отмечает, что идеологический монологизм эпохи Просвещения – продукт европейского рационализма – стал закономерным отрицанием сократического диалога (его вырождение он фиксирует уже у позднего

³⁶⁴ Ж. Делез. Логика смысла ..., с. 205.

³⁶⁵ Кстати, этот момент В. Базылев и Ю. Сорокин отмечают особо. Они пишут о политике как человеку «с измененным (смещенным) состоянием сознания», речь которого, будучи «вербальной реакцией на постоянный стресс», представляет собой «форсированный звуковой поток», главной функцией которого является не убеждение, а подавление собеседника. Там же.

³⁶⁶ М.М. Бахтин. Проблемы поэтики ..., с.126.

³⁶⁷ Там же, с. 100.

³⁶⁸ Там же, с. 127.

Платона). Современный политический парадиалог есть тоже отрицание сократического диалога, но отрицание, свойственное всем постмодернистским эпохам: отрицание в форме пародии и симуляции.

Политический парадиалог отрицает идеологичность сократического диалога уже тем, что в нем нет идеи как «живого события, разыгрывающегося в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний»; идеи, которая «хочет быть услышанной, понятой и «отвеченной» другими голосами с других позиций»³⁶⁹. Здесь даже нет того нововременного монологизма «идеологического творчества», который у Бахтина образует диалектическую противоположность диалогическому принципу. В классической идеологии дух нации, народа и пр. выражает одно и единое сознание. А в парадиалоге оно обнаруживает явные признаки шизофрении: рождает массу парадоксов и абсурдов, его постоянно «несет» в какой-то безумной скачке идей. Одним словом, парадиалог – это не идеологический субститут диалогичной по своей природе идеи, но абсурдистское шоу идеологических уродцев.

Речь участников парадиалога представляет собой вербализацию их автокоммуникативного потока сознания. Взаимодействуют не «точки зрения», «концепции», «идеологии» и т.п., но просто совмещаются в пространстве и времени (как в коллаже, клипе) два потока мышления и речи. Это противоречит принципу успешности стандартного диалогового общения. Эффективное (продуктивное) общение подразумевает, что «говорить в данный момент всегда может только один из присутствующих. Если начинают говорить сразу несколько человек и упрямо продолжают свои речи дальше, то, по крайней мере, понятность и координированность их реплик от этого страдает, быстро приближаясь к нулю <...>. Несколько тем могут рассматриваться только поочередно. Участники разговора должны ограничивать свои реплики актуальной в данный момент темой, или они должны добиться изменения темы. Это может приводить к тихой борьбе за власть, к борьбе за центр сцены и за внимание других. Уже на самом изначальном уровне элементарного общения лицом к лицу нет социальных систем с равнозначными шансами»³⁷⁰.

Для анализа парадиалога уточню приведенное положение Н. Лумана. В обычном разговоре борьба за коммуникативную власть ведется в контексте предметного спора по поводу реальных

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ N. Luhmann. Interaktion, Organisation, Gesellschaft // N. Luhmann. Soziologische Aufklärung – II. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft. Westdeutscher Verlag: Opladen, 1975, S. 10–11.

проблем (а потому борьба оказывается «тихой», незаметной). В парадиалоге она выходит на первый план и подчиняет себе предметную логику спора. Борьба довлеет, превращая диалог в разновидность коммуникативно-властного «искусства для искусства», а предметную логику рассматриваемых тем – в набор бессмыслиц.

В парадиалоге часто нарушается то, что Луман рассматривает как условие успешности диалогового общения - очередность реплик «в тему». Напротив, участники парадиалога нередко говорят одновременно, оставаясь к тому же на своей тематической волне. Поэтому записывать реплики такого диалога приходится в параллельные столбцы, а не в линейной очередности, как в обычном диалоге. Меняется и декодирование парадиалога внешним наблюдателем: оно уже не может осуществляться линейно, как в книжном дискурсе, но также целно-пространственным способом, как в случае визуального дискурса. Наблюдатель парадиалога (на свой страх и риск) может в лучшем случае дать осмысленную интерпретацию отдельным фрагментам дискурса: репликам участников, микросюжетам разговора. Или даже сделать вывод, что один из них был успешнее (убедительнее, симпатичнее, артистичнее – все эти оценки по содержанию примерно одинаковы), чем другой. Но коммуникативная успешность понимается здесь в квази-эстетическом смысле. Наблюдатель не может ни подключиться к такому «диалогу» (ибо нет смысловой нити, за которую можно ухватиться), ни однозначно объявить себя на стороне одного из участников «спора». Диалог приобщает наблюдающего «третьего» к дискурсу, к роли со-беседника. Парадиалог консервирует «третьего» в роли внешнего наблюдателя, публики, зрителя шоу.

2. ПАРАДОКСЫ И АБСУРДЫ ПАРАДИАЛОГА

2.1. Логические абсурды парадиалога

... Однажды он начал объяснять глуповцам права человека; но, к счастью, кончил тем, что объяснил права Бурбонов. В другой раз он начал с того, что убеждал обывателей уверовать в богиню Разума, и кончил тем, что просил признать непогрешимость папы. Все это были, однако ж, одни *façons de parler*; и в сущности виконт готов был стать на сторону какого угодно убеждения или догмата, если имел в виду, что за это ему перепадет лишний четвертак.

М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.

Классические представления о диалоге исходят из наличия у его участников позиции. Она может меняться в ходе диалога, вплоть до противоположной. Но даже радикальное изменение мыслится как последовательный логический процесс, в ходе которого у участников возникают «прозрения», открытия; они могут осознать аспекты собственной позиции, которые до этого оставались для них неясными. Речь идет об осмысленном (и для других людей), логически понятном (интересном, поучительном) переходе из одного логического состояния в другое. В парадиалоге это полностью исчезает, заменяясь бессвязной совокупностью суждений в рамках автономных микро-сюжетов. Эти сюжеты лишь формально, в силу ассоциативной «логики» говорящего, объединены общей (объявленной) темой. При этом внутри отдельных сюжетов и суждений обнаруживается склонность к «любви антиномий».

Возьмем начало диалога. Ж. излагает обвинение в адрес субъекта по имени «ВЫ», с которым идентифицирует оппонента П. Он приписывает ему предикаты, которые в реальности не только не объединяются, но выступают сторонами политических антиномий, враждующих партий, идеологических противников: ВЫ разрушали капитализм (отбирали фабрики у фабрикантов); ВЫ сдали коммунистический режим, объявив его преступным; ВЫ начали перестройку; ВЫ провели «идиотские реформы, вернув страну в дикий капитализм»; ВЫ это сейчас защищаете. Аналогичным образом, ВЫ выступает у Ж как субъект настолько разных внешнеполитических действий, что это сводит ВЫ к абсурду: ВЫ отдали Польшу, Финляндию; ВЫ развязали вторую мировую войну; ВЫ создали генерала Власова, которого до сих пор считаете предателем; ВЫ уничтожили два миллиона советских солдат; Вы создали Советский Союз, который сам рухнул; ВЫ пришли в Афганистан; ВЫ начали войну в Чечне; ВЫ сто лет нас всех обманываете. Наконец, ВЫ предстает у Ж ускользающей в дурную бесконечность прогрессией самоотрицаний, абсурдным, саморазрушающимся феноменом: «Я родился в 46-ом году, когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности ВЫ его уничтожили. ВЫ Дзержинского уничтожили. ВЫ уничтожили Менжинского, Ягоду, Ежова, Берию. ВЫ сами себя уничтожаете». Жириновский и свою позицию представляет как своеобразную пародию на *reductio ad absurdum*: «И то, что касается поддерживать режимы, я бы выступал за царя. И сегодня скажу, сто раз за царя, а ВЫ царя убили. Я бы при Сталине выступал бы за Сталина, но ВЫ и его выкинули из Мавзолея, ВЫ. Я поддерживал Брежнева».

Одним словом, описываемых Ж. «ВЫ» никогда не существовало и не могло существовать. Это ВЫ – чисто вербальный и логически абсурдный конструкт вроде «круглого квадрата», «жареного льда» и пр. Это то, что Делез вслед за Мейнонгом и Гуссерлем называл «идеальным событием», мыслимым только в невозможном мире, но в реальном мире не существующим. Но эти авторы четко отличали абсурд от полной бессмыслицы, абракадабры, нонсенса. Смысл различия как раз хорошо виден в парадиалоге. «Парадокс абсурда» (Делез) выражен здесь в виде коммуникативной осмысленности предложений, обозначающих несовместимые объекты (предикаты). Могут заметить, что делезовская «логика смысла» – слишком изысканный и абстрактный инструмент для характеристики парадиалога Ж. - П. Однако фактический мир общественной коммуникации не так далек от кэрролловского «зазеркалья», как кажется на первый взгляд.

С чисто логической точки зрения конструкция ВЫ абсурдно-противоречива, но она имеет четкий коммуникативный смысл. Идентифицируя П. с ВЫ как собранием всех отрицательных сторон российской истории, Ж. добивается эффекта деградации оппонента в споре. Вся абсурдность сказанного Ж. отходит на задний план, получая коммуникативно-метафорический смысл; это кажется лишь развернутой версией выражения вроде «ВЫ – чудовище». Некоторые формально-общие моменты в объединяемых предикатах еще больше усиливают эту коммуникативную легальность абсурдного собрания предикатов: к примеру, многие ключевые представители ВЫ и в самом деле некогда были «верными ленинцами», а потом успешно строили «дикий капитализм».

К аналогичной абсурдной конструкции ВЫ прибегает и П. Однако ВЫ, с которым он идентифицирует Ж., выглядит еще более фантастическим и нелепым: «Вы – Геббельс, господин Жириновский. Вам нужно вернуться в свою штаб-квартиру, потому что на пороге Вашей штаб-квартиры – советские танки <...> МЫ вошли в Берлин, а ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии. <...> Почему ВЫ фашисты? <...> А советские солдаты придут и воткнут штык в ВАШУ могилу!». Идентификация Ж с «ВЫ» осуществляется у П по методу мифического оборотничества, а не посредством логического отнесения к классу (пусть и с абсурдным набором свойств). «ВЫ–Жириновский» непосредственно обращается в «ВЫ–Геббельс» и в «ВЫ–фашисты». Если абсурдность ВЫ у Ж. есть результат прежде всего игнорирования политической (исторической) логики происходящего, то у П. зачастую полностью игнорируется реальное про-

странство и время: ВВ-Жириновский в образе Геббельса оказывается в Берлине 1945 года, а (уже несуществующие) «советские солдаты» воткнул штык в его (еще не существующую) могилу. Все это можно рассматривать как всего лишь метафоры; но они подаются как аргументы в споре, а поэтому суть, скорее, мифо-метафоры - вымышленные образы, которые не комментируют и не маркируют свою фиктивность.

Аналогичный прием применяет Ж. во вступительной «обвинительной речи»: «ВВ же ночью пришли, с оружием в руках, подготовленные в Германии, в Америке, в кожанках и в маузерах». В предикации ВВ объединяются прямо противоположные субъекты: «подготовленные в Германии коммунисты образца 1917 года» и «подготовленные в Америке антикоммунисты образца 1991 года». Тем самым логически нелепая фраза полностью игнорирует реальное историческое пространство-время и подражает мифу. Слушателю она внушает один смысл: ВВ – дьявольская, чуждая, чужестранная сила, представленная в разных ипостасях в разные исторические эпохи российской истории.

Если семантически оценивать текст Ж., то он скрывает абсурдное сочетание взаимоисключающих положений. Так, Ж., с одной стороны, выражает сожаление, что ВВ «отдали Польшу, Финляндию», что МВ «не стоим с 18-го года, как французы и британцы, на территории Германии». С другой стороны, он обвиняет ВВ в насильственном («на штыках Красной армии») объединении «народов Закавказья, Прибалтики, Украины» в Советский Союз. Или возьмем такой пассаж: «Собрали страну на штыках Красной армии. Этого хотели народы Закавказья, Прибалтики, Украины? У них спросите! Чего же они разбежались в 91-ом году? Как только перестала существовать Красная армия – все моментально от нас разбежались. Сегодня воруют наш газ. Где наша Красная армия?!». В этом пассаже Ж. грубо объединяет две взаимоисключающие позиции: либеральную и имперскую. Но этот очевидный логический абсурд имеет ясный коммуникативный смысл. Ж. важно сохранить у части публики впечатление, что он – русский империалист, а не прозападный либерал; что он именно досоветский, царский империалист, а коммунисты – империалисты-неудачники; что свой старорусский империализм он не может высказать откровенно, а только намекает на него. Одновременно Ж. отправляет противоположные по смыслу послания-намеки: что его империализм – только карикатура на империализм, а на самом деле он – против русского империализма и всяческого колониализма, и вообще «настоящий Жириновский» –

это стопроцентный европейский либерал. Основная коммуникативная тактика Ж. – посылать одновременно и равно убедительно (для этого и нужен талант артиста повседневности) взаимоисключающие послания. С моральной точки зрения такая тактика сомнительна, зато позволяет ловить в коммуникативную сеть часть политической публики.

Участники парадиалога употребляют еще один специфический вид абсурдных предложений, которые Дж.Остин предпочитал называть «недействительными»³⁷¹. Речь идет об утверждениях, которые соотносятся с несуществующими явлениями, однако не являются внутренне противоречивыми. К примеру, у Ж.: «Коммунист Ющенко ворует наш газ»; «Этот главный бандит лежит на Красной площади». Проханов – Жириновскому: «ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии»; «На пороге Вашей штаб-квартиры стоят советские танки» и т.п. Абсурдность этих предложений вызвана выпадением семантических пресуппозиций. «Коммунист Ющенко» не может воровать газ, потому что не является коммунистом; на пороге штаб-квартиры Ж. не могут стоять советские танки, потому что у Ж. нет подразумеваемой штаб-квартиры и т.д. Абсурдность указанных выражений не вполне снимается контекстом диалога. Они не декодируются однозначно – ни участниками диалога, ни слушателями, – как метафоры, пусть даже и рискованные. Причина – в том, что сам парадиалог не может предоставить связного смыслового (повествовательного) контекста для метафорической утилизации абсурдных выражений. Эти выражения зависят в своей абсурдности, приобретая форму мифических и/или бредовых конструкций.

2. 2. Квази-конъюнктивный синтез в парадиалоге

Б л у м: <...> Свободные финансы, свободная рента, свободная любовь и свободная гражданская церковь в свободном гражданском государстве!
О' М э д д е н Б е р к. Свободная лиса в свободном курятнике!

Дж. Джойс. Улисс.

И.П. Смирнов рассматривает квазиконъюнкцию как способ отрицания И-отношения – отрицание в форме его симуляции. Другими видами негации И-отношения выступают у него неконъюнктив-

³⁷¹ См. речь идет у Остина об утверждениях типа «Нынешний король Франции лыс» или «Все дети Джона лысые». См.: Дж. Л. Остин. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: «Прогресс», 1986. С. 36; 55.

ное отрицание (когда конъюнкция вообще уничтожается) и антиконъюнктивное (когда она подменяется своей противоположностью). В русской литературе XIV–XV вв. квазиконъюнкция состояла «...в создании псевдообъединений, сопрягающих элементы в пары без достаточного на то основания. В конъюнкцию втягивались величины, заведомо не совместимые, разнокачественные, противоречащие друг другу. Если неконъюнктивный и антиконъюнктивный методы смыслопорождения негируют – каждый на свой лад – и форму, и содержание конъюнктивности, то псевдообъединения сохраняют ее форму, но делают это в приложении к таким явлениям, которые по их признаковому содержанию никак нельзя согласовать между собой. Реципиент приглашается в этом случае к тому, чтобы самостоятельно расшифровать за внешней конъюнктивностью внутреннюю несопоставимость явлений»³⁷².

Нечто аналогичное происходит в парадиалоге. Но есть и специфика данной «любовной связи антиномий»: связь в квазиконъюнкции не носит «интимного» характера, как в бреде или мифе; это – симулятивная, фиктивная парность. Из трех функций квазиконъюнктивной псевдообъединительной процедуры востребованы прежде всего первые две: 1. Выхолащивание натуральной (жизненно необходимой) конъюнктивной сущности явления (ситуации), ее замена чисто формальным объединением сторон. Сюда же относится снятие вынужденной конъюнктивности, ее представление как чего-то неискреннего, поверхностного, формального. Объективная сопричастность сторон явления друг другу дополняется их взаимной отторгнутостью. 2. Квази-конъюнктивная операция применяется при изображении «ложного мировосприятия, подозревающего И-отношения там, где их нет»³⁷³.

Герои нашего парадиалога используют квазиконъюнктивное отрицание И-отношения при изображении отношения к советскому прошлому. Каждый из них тесно связан с «коммунистической» и «антикоммунистической» Россией: оба социализировались и делали карьеру в рамках советских реалий; но оба остались «при деле» и в России постсоветской. Теперь им нужна некая дистанция к советскому прошлому. Поэтому они стремятся выхолостить натуральность указанного отношения. Прежде всего, это характеризует позицию Ж.: в парадиалоге он выступает в роли антикоммуниста.

³⁷² И.П. Смирнов. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 28, 1991. S. 109.

³⁷³ Ibid., S. 111.

П. как раз указывает на абсурдность претензии оппонента выступать в роли обвинителя явления, к которому он сам был по существу «обязан своей карьерой, своей партией»: «Вы родились из сюртука Владимира Александровича Крючкова. Вы были по существу, говоря языком литературным, агентом красным». В ответе Ж. просматривается стремление придать натуральному И-отношению статус формального, случайного, неестественного и вынужденного: «Причем здесь Комитет защиты мира? Это – обычное учреждение, где принимаются на работу. <...>. А причем здесь КГБ? – Да, весь организм Советского Союза был проникнут КГБ. Так это ВЫ сделали ...».

П. надо формализовать свое И-отношение к советскому прошлому при ответе на обвинение в противоречивости его идейной позиции. «Секундант» Н. Васецкий задает вопрос П.: «Скажите, пожалуйста, <...> вот как в Вас уживается вот эта противоречивость? Вы по сердцу, по характеру, <...> русский человек, но в сознании, в мозгах у Вас этот марксистский коммунизм, который, в общем-то, Вами осуждается, причем осуждается очень конкретно. Вот как все это стыкуется, откровенно говоря, я не могу понять». В ответ П. тоже строит квази-конъюнкцию: «Дело в том, что к марксизму и коммунистической партии я никогда не имел отношения. ... Но я – советский человек, и в моем представлении советская страна – это огромный исторически материк, <...> где были страшные репрессии, но была великая победа».

Сходным образом, «секундант» В. Алкснис упрекает Ж в противоречивости его позиции по отношению к коммунистическому режиму: «Когда Вы были искренним, 19 августа 1991 года, когда с балкона гостиницы Москва вы приветствовали войска ГКЧП, входившие в Москву, которые в принципе отводились для сохранения советской империи, или сегодня, когда Вы говорите, что вы против этого?». Ж. отвечает квази-конъюнктивной конструкцией, сопрягая в фиктивные пары элементы, заведомо якобы не совместимые и разнокачественные: коммунистов и армию; коммунистов и КГБ; коммунистов и народ; коммунистов и Ж. Ж.: «Полковник Алкснис, прекратите путать русский народ и коммунистов! <...> И 19 августа я приветствовал армию, которая хотела сохранить мою страну, а не коммунистов. И знаете – почему она проиграла? – Потому что КГБ не захотело поддержать вас, коммунистов».

Во втором случае каждый участник парадIALOGA стремится дискредитировать в качестве ложного отнесение его оппонентом самого себя к какой-то системе ценностей или классу явлений. Если один

участник спора подчеркивает при этом наличие естественных И-отношений между собой и этой системой (классом), то его оппонент, напротив, изображает эти отношения как квази-конъюнкцию, как псевдо-объединение того, что нельзя объединить по природе. Так, П. стремится представить самоотнесение Ж. к демократической системе ценностей как чистое приспособление отнюдь не демократического по своим убеждениям человека, т.е. как фиктивную парность: «Вы, господин Жириновский, наконец-то сбросили свою маску. Под этой маской я видел лицо очаровательного культуртрегера еврейской организации "Шалом" <...>. Потом я видел Вас работником Комитета солидарности стран Азии и Африки, это кагэбэшная структура, <...>. Потом Вас создали еще при советском строе <...>. Затем Вы стали тем, кем Вы сейчас являетесь». Аналогичный прием использует и Ж. в адрес П. Он стремится показать квази-конъюнктивный характер отношения П. к коммунизму и, напротив, натуральность его И-отношения к капиталистической системе: «Вы же сегодня имеете свою газету, чего Вы не работаете клерком в «Российской газете»? Вы же частник, Вы – капиталист! <...> А сами защищаете тех, кто Вам не смел даже слово сказать при советской власти!».

Из упомянутых выше форм квази-конъюнкции первая применяется П и Ж при разных самоописаниях (своего прошлого и настоящего, идейно-политической позиции). Вторая используется при описании оппонента – его прошлой жизни, современной позиции, его личностных качеств и т.д. Возможно, эта функциональная дихотомия релевантна не только для рассматриваемого случая, но воспроизводится в любом политическом парадиалоге.

2.3. Парадоксы парадиалога

- Дорогой, а хорошо ли тебе было в тюрьме? – спросил Вылизаяц. Шлепочник еще раз обернулся, и большая слеза покатила по его щеке. Но он не сказал ни слова.
Л. Кэрролл. Зазеркалье.

Парадиалог связан с парадоксами по существу, а не только общей греческой приставкой. Удачное определение парадокса дал Ж. Делез: «Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утвержде-

нии двух смыслов одновременно». ³⁷⁴ В каком смысле и виде представлены парадоксы в парадialogе?

В теледуэли Ж-П. парадоксальность прежде всего представлена парадоксами типа парадокса лжеца и порождается речевым оборотничеством «класса «МЫ» в класс «ВЫ», и обратно. Так, Ж. постоянно характеризует некий класс объектов (=субъектов) по имени «ВЫ» как «лжецы». Потом обнаруживается, что и сам он неявно относит себя к этому классу через высказывания, которые, именно такое отнесение предполагают в качестве своих пресуппозиций. Все отождествляющие себя с советским государством – лжецы, – внушает своим слушателям Ж. (слова ложь, лжете, лжецы – одни из наиболее употребительные в его репликах), и тут же идентифицирует себя с советским государством. Так, «ВЫ» обвиняются в том, что они насильно собрали при помощи Красной Армии советскую империю. И тут же Ж. говорит: «Сегодня Киев ворует наш газ. Где наша (а не ваша!) Красная армия?». Превращение ВЫ в МЫ происходит и тогда, когда Ж. говорит об Абакумове «прекрасный министр госбезопасности» – т.е. как будто он – часть класса «МЫ», хотя по умолчанию, по определению – он часть класса «ВЫ».

Но Ж. не просто продуцирует логические парадоксы. Он – мастер парадоксальной коммуникации: создает для контрагента невыносимую коммуникативную ситуацию, строя вопросы по принципу языковых парадоксов:

Ж.: В Афганистан, зачем ВЫ пришли? В Афганистан ... Зачем ВЫ пришли? Зачем? (хохот в студии).

П.: Зачем я сюда пришел? Я пришел защищать Советский Союз!

Здесь части вопроса Ж относятся к разным уровням языка: «пришли в Афганистан» – объектному языку, а конструкция «ВЫ» – к метаязыку. Это аналогично предложению «Шел дождь и два китайца» или «Владимир Жириновский – известный политик и вкусная водка».

Еще один род парадоксов парадialogа связан с игровым статусом его дискурса. Как показал Г. Бейтсон, игра есть парадоксальное действие. Она принадлежит классу обычных действий, и в то же время стоит над ним, поскольку снабжена метакоммуникативным указанием на то, что речь в данном случае идет не о настоящем (реальном, серьезном) действии, но о действии условном, о «как бы» действии, о «действии понарошку». В нашем случае фор-

³⁷⁴ Ж. Делез. Логика смысла..., с. 13.

мальная коммуникативная рамка диалога-дуэли (кто больше наберет голосов телезрителей?) предполагает игру по правилам, т.е. игру в смысле game, а не игру в смысле play. Реально же участники диалога постоянно соскальзывают в парадоксальное пространство play-игры.

Срыв в игровое пространство, на другой уровень абстракции, совершает прежде всего Ж. Он – коммуникативный лидер в диалоге с П. Он совершает проломы и расколы дискурса, экспериментирует с его семантическими рамками (уровнями абстракции), а не только с его содержанием, с выбором тем, с парадоксами их содержания. Более того, коммуникативный лидер прибегает к коммуникативным санкциям, когда другие участники общения стремятся также экспериментировать с его рамками. В этом случае лидер саботирует переход на другой уровень абстракции или разоблачает эту попытку как сумасшествие, аномалию, нечестность, требуя возвращения к «правилам игры». Именно так ведет себя Ж. в диалоге с П.

Ж. говорит: «А сегодня народ безмолвствует» и указывает рукой на сидящих в студии людей. Этим жестом он как бы проговаривает: а теперь мы поиграем в игру. Пусть эти люди в зале будут народ. Далее Ж. заявляет: «А если я выкормыш Крючкова – он еще жив – давайте спросим. (Кричит, как будто Крючков сидит рядом в зале). Владимир Александрович! (переходит на командный тон) Генерал Армии Крючков! Скажите, чей я выкормыш?!». Тем самым игровая ситуация окончательно закрепляется. Примечательно, что П., вместо того, чтобы вернуть рамки дискурса в привычное и серьезное русло, сразу же «ведется» за Ж. и подхватывает игровое направление.

П.: (по-детски кривляясь): «Отвечает Крючков: 'Мой, мой выкормыш!', – кричит генерал КГБ...».

Со стороны не сразу понятно, желает ли П. довести эту стратегию до абсурда и тем самым разоблачить ее, или же просто переиграть Ж. в рамках самой игры. П., как видно из дальнейшего разговора, выбирает вторую стратегию, для себя заранее проигрешную.

Коммуникативное лидерство Ж. выражается также в несравненно более частом, чем у П., использовании речевого акта вопрошания. Своими абсурдными вопросами Ж. ставит оппонента в неловкое положение, похожее на известную ситуацию double bind: на эти вопросы невозможно корректно ответить в силу их парадоксальности; но молчание в ситуации вопрошания еще хуже, чем любой вербальный ответ.

П.: Вы никогда не были на танке! Вы всегда были на койке, либо с бабой, либо с каким-либо персонажем странным, либо за стойкой бара, когда мы воевали!

Ж.: Вы, Вы были на танке? Где этот танк? Где этот танк?!

П.: (в смущении кивает рукой на свой барьер): Вот этот танк! Я по-прежнему стою на этом танке! (хохот в студии).

В этом фрагменте диалога Ж. создает для П. парадоксальную ситуацию: придает вопросу «Где этот танк?» одновременно буквальный и метафорический смысл. П. не может ответить на вопрос «нет этого танка» и тем самым согласиться с тем, что он говорит неправду. С другой стороны, чем больше и подробнее П. доказывал бы истинность своего утверждения (что он стоял на каком-то танке), тем больше он подтверждал бы коммуникативное превосходство Ж., перед которым надо в чем-то отчитываться, подобно ребенку перед взрослым или обвиняемому перед судьей. Более удачным и остроумным был бы ответ П., ломающий это коммуникативное обрамление и выходящий на новый уровень абстракции. К примеру: «А кто Вы такой, чтобы я перед вами отчитывался?» или (по аналогии с героем известного кинофильма): «Моя биография слишком известна, чтобы ее тут рассказывать!». Но П. защищается как шизофреник или ребенок: придает метафорическому смыслу оттенок буквального, вызывая у публики колоссальный комический эффект.

Наличие третьего лица (ведущего, модератора, рефери и т.п.) не является непременным условием парадигматической коммуникации, но если таковой имеется, его статус парадоксален. В теледуэли Ж.-П. это хорошо видно по роли и поведению ведущего В.Соловьева. Он здесь, скорее, вождь, чем просто ведущий; он – «мистер Парадокс». Обычно роль модератора не выходит за рамки дискурса, который он модерирует. Соловьев же время от времени прорывает дискурсивную рамку и дает метакомментарий. Уже в самом начале он с грубой иронией замечает по поводу тирады П.: «Неважно, какой смысл. Но слог-то какой!». Это – не просто выражение мнения по поводу сказанного П.; это – оценка его дискурса в целом со стороны субъекта, ставящего себя вне этого дискурса, но продолжающего в нем пребывать. В этом – парадоксальность роли ведущего Соловьева. Но тем самым он беседует с участниками теледуэли с позиции коммуникативной силы; в ходе теледуэли они не столько его гости, сколько «подданные».

Вообще, роль ведущего Соловьева парадоксальна уже своей многоликостью. То он – олицетворение уравновешенной Мудрости

и Нормальности, опытный врач-психиатр, знающий, как повести себя как с тихо-, так и с буйно помешанными:

Ж.: Ну что вы лжете, лжете! <...> большевички стали в офицеров стрелять! ВЫ уничтожили армию! <...>.

ВЕДУЩИЙ: Успокойтесь, пока проиграли вы в ПАСЕ, <...>, успокойтесь. Все хорошо.

А вот В.Соловьев в роли опытного мастера, организующего злобежку псов или схватку боевых петухов:

ВЕДУЩИЙ: Господин Проханов, вы обещали укукошить Жириновского, пока что не получается...

Появляется перед нами и Соловьев-Мефистофель, почти с дьявольской иронией отпускающий метакоммуникативные замечания относительно своих «человеческих кукол» и разбавляющий их бред байками из истории тщеты человеческой. Публике дается понять: политика есть дурь и дичь, чушь и гиль, и эта теледуэль – тоже дурь, и вообще все есть «суета сует».

Но парадоксален не только коммуникативный статус ведущего в парадиалоге Ж.-П. Здесь также парадоксальны сами рамочные условия. Они носят игровой характер, ибо теледуэль строится как определенный жанр развлекательной передачи. Но, с другой стороны, в ней участвуют не мастера эстрады и не «люди с улицы», а профессиональные политики и вообще солидные люди с общественно релевантным статусом. Обсуждаемые темы тоже крайне серьезны, даже драматичны для страны. Таким образом несерьезность игры парадоксально сочетается с серьезностью ее тематического содержания, что и рождает парадоксальное восприятие происходящего: сознание зрителя постоянно пребывает в раздвоенном состоянии: оно вынуждено воспринимать все несущееся с «голубого экрана» серьезно и несерьезно, как реальность и фикцию одновременно.

Парадоксально, сверх того, сочетание самих правил игрового действия: понятие дуэли предполагает защиту чести и достоинства в поединке со строго определенным ритуалом. В нем меньше всего места оскорблениям, брани и пр. (в реальной жизни все это бывало причиной дуэли, а не ее содержанием); у Соловьева же дуэлянты начинают выяснять отношения на уровне коммунальных кухонь, опускаясь до откровенной брани и площадных оскорблений. В теледуэли Ж.-П. даже «секундант» С. Шаргунов (писатель) не удержался и обозвал Ж. «бесом». Для «секунданта» поведение тоже весьма парадоксальное. Далее, еще один парадокс, на который

зритель даже не сразу обращает внимание: с одной стороны, подразумевается именно дуэль, а с другой – здесь почему-то сидят «судьи». Но если зритель подумает, что имеются в виду судьи в смысле спортивных состязаний, то опять возникает неясность: а зачем тогда секунданты? А те тоже ведут себя странно: то ли как свидетели, то ли как сообщники. Одним словом – сплошной парадокс, как в увлекательном сновидении. И он крайне усиливает театральнo-игровой эффект, впечатление фиктивности, ирреальности происходящего. Картинки, которые получает зритель на выходе, порой завораживают своей нелепостью, в любом случае, развлекают, но они мало просвещают относительно реального положения дел в стране. И этим передача Соловьева маркирует собой целую эпоху; она, безусловно, станет знаковой для оценки русского общественного телевидения эпохи 2000-ых годов.

2.4. Прагматические бессмыслицы парадialogа

- Какая разница между пуганой вороной и письменным столом? <...> Ты отгадала загадку?
 - Нет, сдаюсь, – сказала Алиса. – А какой ответ?
 - Понятия не имею, – сказал Шляпа.
 - А я тем более, – поддержал Заяц.
- Алиса тяжело вздохнула.
Л.Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

Парадиалог дает типичные примеры и сознательно культивирует прагматические бессмыслицы.

Это прежде всего относится к выпадению «вещественных предпосылок коммуникации»³⁷⁵. Первейшая из них – присутствие в разговоре того, к кому обращаются с речью. Но даже это элементарное условие не всегда в парадialogе выполняется. Так, Ж. обращается к воображаемому лицу как к реально присутствующему: «Генерал армии Крючков! Скажите, чей я выкормыш?!». Одновременно Ж. нарушает условие искренности и существенности диалога: ему неважно мнение Крюčkова, свой вопрос он вообще не рассматривает как попытку получить какую-то информацию от «генерала Крюčkова».

К нарушению вещественных условий коммуникации относится также его бессвязность, за которой стоит логическая противоречи-

³⁷⁵ См.: Е.В.Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Выпуск 18-ый. М.: АН СССР. Всесоюзный Институт научной и технической информации, 1982. С. 86.

вость (абсурдность) высказываний оппонентов. Часто это напрямую связано с тем, что называют «патологически плохой памятью» участников диалога:

П.: (слегка дурашливым тоном): При нашем первом свидании я вылил на него вишневый сок, а он скопировал меня и полил Немцова почему-то ... Это – жалкое эпигонство.

Ж.: (недоуменно пожимает плечами): Я не помню такого.

П.: А Вы посмотрите – у Вас еще рубашка в соку! ... Мы никогда не дружили. Это – вечное сражение!

Ж.: Наоборот! На Ваше славное шестидесятилетие Вы меня пригласили – я Вас поздравлял ...

Бессвязность диалога часто объясняется несоответствием моделей мира его участников. Видимо, это имеет место во всяком парадиалоге. Даже если его участники предварительно не имеют взаимоисключающих картин мира, они конструируют их по ходу разговора. В своей теледуэли Ж. и П. также обнаруживают взаимоисключающие трактовки советской истории. Для Ж. советский строй – «страшный, преступный режим»; для П. – славное прошлое красной империи. Однако это несоответствие мировоззрений никогда не выступает в парадиалоге чем-то серьезным, ибо за ним не стоит никаких реальных идейных различий, конфликтов. Взаимоисключение картин мира является здесь чисто языковым эффектом, поэтому оно постоянно подвергается ревизии, пародии, инверсии. Так, имперский идеал кажется близким и Ж., и у слушателя временами создается ощущение, что собеседники могли бы вокруг этого найти общий язык. Но это – только видимость, ибо традиционно русская «имперскость» без всяких опосредствований дополняется у Ж. либерально-демократическими лозунгами. Так, Ж. не соглашается с тем, что либерал-демократы «рассыпали империю в 1917 году». «Не хотели люди жить вместе – зачем насильно их сжимать?». Но до этого он же упрекает большевиков за то, что они отдали имперские территории (Польшу, Финляндию), что из-за них Россия не смогла выиграть первую мировую войну и «стоять вместе с французами и британцами на немецких территориях». Абсурдная противоречивость модели мира у Ж. фатально задает ее несоответствие с моделью мира П. Дискурс Ж. вообще не рассчитан на какую-то одну модель мира; он сориентирован сразу на все модели и ни на какую модель вполне.

Как замечает Е.В. Падучева, имеется множество бессвязных диалогов, которые допускают двоякое истолкование – «либо как на-

рушение последовательности речевых актов (за данным не последовал тот, который предполагался), либо как нарушение постулата релевантности; при первой интерпретации требуемой реплики собеседника не было; при второй – реплика была, но нерелевантная».³⁷⁶ Пример такой абсурдности дает уже начало теледьюэли Ж. и П. Ведущий В. Соловьев приглашает Ж. задать вопрос, а тот излагает обвинение, как бы зачитывает исторический приговор «русскому коммунизму», представленному в лице П. При этом ведущий делает вид, что не заметил подмены, и после тирады Ж. говорит без видимой иронии: «Вопрос понятен» и приглашает к ответу П. Тот, тоже ничуть не смущаясь, зачитывает свой приговор всем «предателям коммунизма», представленным в лице Жириновского.

Особенно частой формой нарушения последовательности речевых актов в парадиалоге выступает ситуация, когда ожидаемый иллокутивный акт³⁷⁷ заменяется не просто нерелевантным по пропозициональному содержанию речевым актом, но содержанием, вообще не относящимся к теме (смыслу) вопроса. Происходит это потому, что собеседник остается на своей тематической волне. На реплики собеседника он вообще не реагирует или реагирует на уровне тематической эхолалии, подхватывая какие-то элементы сюжета, отдельные слова, выражения, но оставаясь на своей волне. Пример из теледьюэли Ж.-П.:

Ж.: ... Он на все готов! Дай ему сейчас 5 миллионов парней, они их погонят в Иран, в Ирак ...

П.: Я просто ... помню времена ...

Ж.: В Афганистан, зачем ВЫ пришли? ... Зачем ВЫ

Пришли в Афганистан? Зачем? (хохот в студии).

П.: Зачем я сюда пришел? Я пришел защищать Советский Союз!

Ж.: Вот хорошо, что Вы здесь...

П.: Благодаря таким, как Вы, мы откатились

Ж.: Это Ваш суд. Ваш, Проханов, Московский трибунал.

П.: ... Мы откатились от великих границ...

Ж.: 13 тысяч застреленных солдат ...

П.: ... мы сжались до МКД ...

Ж.: ...полмиллиона искалеченных солдат ...

³⁷⁶ Там же, с. 99–100.

³⁷⁷ Под иллокутивным актом здесь, как и вообще в лингвистике, понимается коммуникативный аспект речи, т.е. все то в ней, что необходимо для передачи ее смыслового (пропозиционального) содержания другому человеку. Соответственно, различают иллокутивные акты вопрошания, побуждения, обвинения и др.

П.: ... Мы превратили нашу Москву в маразм. В центре – маразм. Вы, Вы – царь маразма! Боже мой!

Ж.: Чечня! Чечня!

П.: Я был на всех войнах!

Ж.: В Чечне ...

П.: Я был на двух чеченских войнах...

Ж.: И ВЫ ее начали!

П.: А Вы прятались под кроватью! ...

Ж.: Зачем ВЫ начали войну в Чечне?! (хохот в студии).

В другом случае партнер парадialogа реагирует на реплику собеседника (необязательно на вопрос), но сознательно неадекватно: резкой сменой (невыгодной ему) темы. В приведенном выше фрагменте к этому прибегает Ж., неожиданно обращаясь к теме «Чечня». Или в этом эпизоде:

Ж.: Пол Пота в Камбодже будете защищать?! Это тоже было нормально?!

П.: А Саддама Хусейна Вы будете защищать? А Иран – будете защищать?!

Ж.: <...> А за что мы должны защищать Ирак? <...> Может, еще Киев защищать?

Прагматические бессмыслицы порождаются в парадialogе и нарушением предварительных условий речевых актов. Возьмем вопрошание как наиболее частое для любого диалога речевое действие. Чтобы это действие было коммуникативно осмысленным (успешным), должно выполняться предварительное условие: вопрошающий не знает ответа и пытается получить его от слушающего, ибо уверен, что тот может этот ответ знать. Это, казалось бы, банальное условие отнюдь не является самоочевидным для абсурдной коммуникации, каковой является и парадialog. Вопросы типа «Зачем ВЫ пришли в Афганистан?», «Зачем ВЫ начали войну в Чечне?» (Ж.) или «Сколько стоит Ваше предательство?» (П.) нарушают как раз это предварительное условие вопрошания: Ж. уже заранее знает «ответы» на такие «вопросы»; но его оппонент таких ответов не знает и знать не может в виду некорректности (логической абсурдности и/или прагматической парадоксальности) самих вопросов. Далее, эти вопросы нарушают условие искренности: Ж. на самом деле не хочет получить от П. какую-то информацию (в строгом смысле этого слова). По сути дела, вопросы Ж. – это вообще не вопросы, а чистые провокации, призванные произвести определенный сценический эффект.

Так же обстоит дело в парадиалоге и с актами «обязательств». Ж. говорит П.: «Сейчас Вам уже за 70. Скоро Вы умрете. И я буду хоронить Вас. Я оплачу все поминки». Собственно акт обязательства «Я оплачу все поминки» нарушает условия своей эффективности и выступает метафорой (перформативным эвфемизмом) другого акта: крайне негативного пожелания «Чтобы ты сдох!» (по ходу разговора Ж. даже употребляет это слово в адрес своего оппонента). Для эффективности акта обязательства здесь отсутствует предварительное условие (Ж. не может быть уверен, что переживет П.), условие искренности (Ж. на самом деле не желает П. смерти и не собирается оплачивать его поминки), а также и другие условия. Сам акт негативного пожелания со стороны Ж. не является искренним, ибо по ходу диалога озвучивается дружеский статус их отношений и т.д. Все эти акты эффективны только в сценическом смысле, как достижение коммуникативного превосходства над противником.

Нарушение акта референции тоже ломает условия успешности речевых актов. В этом случае объект, о котором идет речь, вообще не может быть идентифицирован, идентифицируется неоднозначно (противоречиво) или при однозначной идентификации имеет неудачную номинацию. Обычно неидентифицируемость предмета связана с его фиктивностью. Слушающий может выйти на метакоммуникативный уровень и отказаться от идентификации, указывая на фиктивность предмета разговора. Но может использовать и другие стратегии, если метакоммуникативное указание противоречит правилам игры (например, слушающий может сам использовать в разговоре фиктивные объекты). Тогда участник диалога может проигнорировать речевой акт говорящего (сделать вид, что он его не услышал), подменить его объект другим объектом (метафорическим или реальным), провалив тем самым коммуникативный акт. В парадиалоге особенно часто реализуется вторая возможность, если его участники широко используют фиктивные объекты и не заинтересованы в обсуждении их логического и онтологического статуса.

Ярким примером такого рода может послужить следующий эпизод из теледьюэли Ж.-П.:

П.: я видел Вас работником Комитета солидарности стран Азии и Африки. Это – кагэбэшная структура, которая занималась пропагандой в странах третьего мира...

Ж.: <...> При чем здесь Комитет защиты мира? Это – обычное

учреждение, где принимаются на работу <...>. А при чем здесь КГБ? Да, весь организм Советского Союза был проникнут КГБ. Так это ВЫ сделали. Я родился в 46-ом году, когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности ... ВЫ его уничтожили».

Здесь П. совершил своеобразную контаминацию обозначений, когда приписывает Ж. работу в «Советском комитете солидарности стран Азии и Африки»³⁷⁸. Любопытно, что Ж. никак это не прокомментировал, хотя автоматически внес в дискурс корректную номинацию объекта. Ж. мог бы использовать неудачность номинации у П., отреагировать на саму номинацию и тем самым уйти от прямого ответа на вопрос-обвинение П. Поступив иначе, Ж. фактически подтвердил, что хорошо понимает подразумеваемое П., но саботирует коммуникацию, отвечая на нее формулировкой абсурда: Комитет защиты мира не имеет отношения к КГБ, но ... Комитет защиты мира имеет отношение к КГБ (поскольку все советское общество было проникнуто КГБ).

Аналогичная ситуация разыгрывается, когда Ж. надо ответить на неудобный для него и двусмысленный вопрос В.Алксниса:

АЛКСНИС: <...> И вот я хотел вас спросить, неужели Вам не было противно в том зале в Страсбурге голосовать так, как голосовал Ландсбергис, Добелис и другие русофобы и враги России, и как вот Вы могли оказаться в одной лодке вместе с ними?

Ж.: Коммунист Алкснис! До сих пор ВЫ боитесь Европы! Вот этого новая Россия больше не хочет. <...> ВЫ, понимаете, с 18 года нас отгородили, и уже 2006 год, а ВЫ все ждете ... «Европа - идиоты, только мы одни хорошие». Вот собрались - кучка недобитых коммунистов, только ВЫ хорошие. Китайцы ненавидят ВАС <...>, у них уже в китайский цвет окрашен Дальний Восток наш. Это ВАШИ коммунисты.

АЛКСНИС: Благодаря ВАШИМ предательствам.

Ж.: Нет, коммунистов нигде нет, это - националисты в Китае.

ВЕДУЩИЙ: Это не тот вопрос, который задал господин Алкснис.

³⁷⁸ Фактически Жириновский не работал в Комитете солидарности стран Азии и Африки, он окончил Институт Восточных языков при МГУ, который, правда, с 1972 года стал называться Институтом стран Азии и Африки. С другой стороны, Жириновский в 1972–1975 годах работал референтом Советского комитета защиты мира, который тесно сотрудничал с однопрофильной организацией «Советский комитет солидарности стран Азии и Африки». Обе организации находились под опекой советских спецслужб.

Ж.: Это тот самый вопрос.

ВЕДУЩИЙ: Нет, господин Алкснис задал вопрос о предательстве интересов России.

Ж.: Так вот он правильно понимает интересы России, я никогда не был за советскую Россию или за коммунистическую. Я с детского сада с ними боролся, с детского сада. Меня в 53 году исключили.

П.: Вы делали «пи-пи».

Ж. и в данном случае формулирует совершенно неадекватный ответ. Он грубо подменяет тему вопроса (предательство интересов России) серией других сюжетов, с нею непосредственно не связанных («железный занавес», «китайская угроза»). А при указании на эту бессвязность со стороны Ведущего продолжает настаивать на своем вопреки здравой логике. Ощущение паранойи еще больше усиливается фантастическим рассказом Ж. о своей борьбе с коммунизмом в шестилетнем возрасте. Все это производит совершенно фантазмагорическую картину, на фоне которой явные логические абсурды («китайцы – Ваши же коммунисты», хотя ... «китайцы - не коммунисты, а националисты»; «коммунистов нет нигде», хотя ... «коммунизм еще жив»; «я с детского сада боролся с коммунизмом», хотя ... «при Сталине я выступал бы за Сталина») воспринимаются как милые несуразности.

К нарушениям акта референции как типичным для парадialogа прагматическим бессмыслицам относятся и ситуации, когда слушающий понимает, какой объект подразумевается говорящим, но отказывается признавать корректность его названия. В этом случае он саботирует (проваливает) коммуникацию, реагируя своей репликой не на речевой акт говорящего, а на относящиеся к нему номинации. Так именно реагирует Ж. на обвинение во лжи со стороны одного из «секундантов», писателя С. Шаргунова.

ШАРГУНОВ: ... Господин Владимир Вольфович, может быть, напомнить вашу книгу "Последний бросок на Юг"? Напомнить вам, как вы, то призываете всех евреев выселить на необитаемый остров, то призываете вырезать всех арабов, то призываете расстреливать демонстрации протеста русских пенсионеров. Может быть вам пора, Владимир Вольфович, ответить перед судом за ваши злодейские, кровавые призывы? Ответьте!

Ж.: Отвечаю.

ШАРГУНОВ: Перед судом.

Ж.: Видите, не только Проханов лжет, но и привел с собой ко-

манду лжецов, о чем вы говорите здесь, Шаргунов, писатель, кто читал ваши книги?

ШАРГУНОВ: Все читали. А кто Вы такой?

Как видим, Ж. проваливает здесь коммуникативный акт, реагируя своей репликой не на суть вопроса Шаргунова, а на его номинацию как субъекта (как писателя Шаргунова).

Рассмотренные случаи прагматической абсурдности парадиалога не исчерпывают темы, однако хорошо показывают главное: абсурдность делает невозможной передачу предметного содержания речи.

2. 5. Парадиалог как коммуникативный нонсенс

– Хотите еще сухарик?

– Нет, благодарю, – ответила Алиса. –
Одного совершенно достаточно.

– Надеюсь, вы утолили жажду? – сказала Королева.

Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева ответа и не ждала...

Л. Кэрролл. Зазеркалье.

Когда выпадают какие-либо пресуппозиции коммуникативного акта, он может быть семантически абсурдным, но не является абракадаброй с прагматической точки зрения. Проиллюстрируем это (чтобы на миг отвлечься от героев теледуэли) эпизодом из пьесы С. Беккета «В ожидании Годо»:

ПОЦЦО (резко). Кто такой Годо?

ЭСТРАГОН. Годо?

ПОЦЦО. Вы меня приняли за какого-то Годо.

ВЛАДИМИР. Что вы, мсье, как вам такое в голову могло прийти, мсье ...

ПОЦЦО. Кто он?

ВЛАДИМИР. Да так, ... один знакомый.

ЭСТРАГОН. Ничего подобного! Мы его совсем почти не знаем.

ВЛАДИМИР. Ну, в общем, да, конечно, близко мы не знакомы, но ... тем не менее ...

Как видим, высказывания участников этого разговора противоречивы и даже абсурдны, но эта абсурдность является коммуникативно осмысленной (страх Владимира и Эстрагона перед Поццо).

Участники диалога все же реализуют принцип кооперации как желание достичь взаимопонимания, однако выпадение тех или иных пресуппозиций делает это взаимопонимание не совсем коммуникативно удачным (аномальным, курьезным, странным и т.п.), но не совершенно бессмысленным.

Напротив, парадиалог дает образцы коммуникативных нонсенса или абракадабры. Здесь нет сущностного взаимопонимания, ибо оно вообще не преследуется участниками разговора. Даже если взаимопонимание стало трагическим пониманием взаимного непонимания – это хотя и абсурдная, но все же осмысленная коммуникация. Парадиалог же строит эрзац коммуникации, ее симуляцию. Абсурд – это драма и крах каких-то смысловых интенций. Нонсенс – это свободная игра форм, в нем нет серьезной, драматической ангажированности эмоций. Правда, в нем есть удовольствие от бессмыслицы – забавное, смешное, в чем-то даже злое поведение. Оно аналогично детско-отроческим удовольствиям от созерцания и причинения бессмысленных разрушений, издевательств, ерничанья, глумления и прочее.

Парадиалог как коммуникативный нонсенс нарушает правила коммуникации (постулаты Грайса): требования информативности, истинности, релевантности, ясности изложения своих мыслей участниками коммуникации³⁷⁹. К этим постулатам можно добавить еще один – «постулат порядочности»: Будь справедлив по отношению к собеседнику, не старайся его обидеть, не переходи на личности, употребляй аргументы *ad rem*, а не *ad hominem*. Отсутствие этого постулата у Грайса не случайно: его максимы имеют отношение, скорее, к ценностной картине мира, чем к языковой картине реальной коммуникации. Т.Н. Николаева справедливо указала на иллюзорность оптимистической предпосылки теории коммуникативных неудач: все участники коммуникации идут навстречу друг другу в соответствии с «принципом кооперации», т.е. имеют общей целью уяснение позиции друг друга и достижение взаимопонимания. На деле (и это особенно хорошо видно в политической коммуникации) люди стремятся в общении навязать собеседнику свое мнение, используя всевозможные средства манипуляции.

В действительности, язык не только не сопротивляется систематическому нарушению принципа кооперации, но даже предоставляет для этого специальные возможности. В статье Н.Д. Ару-

³⁷⁹ См. об этом: Е. В. Падучева. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла..., с. 83–84.

тюновой о языковых аномалиях³⁸⁰ показано, что языковая картина мира (лексическая семантика) не совпадает с выраженной в языке ценностно-нормативной картиной. Другими словами, язык охотнее фиксирует в своей семантике аномалию, нежели норму. Более того: с нашей ценностной нормой язык обращается как с чем-то экстремальным, т.е. ано(р)мальным. Сама позитивная ценность (добродетели реализма, уравновешенности, взвешенности, аргументированности, терпимости) имеет слабый выход в семантику речи. С учетом этого момента тем более уместно при анализе реальной (прежде всего, политической) коммуникации говорить не столько о принципе кооперации, сколько о принципе некооперации - «коммуникативного саботажа»³⁸¹. Тем более уместно говорить о коммуникативном саботаже в случае парадиалога. Проиллюстрируем это на примерах нарушения постулатов Грайса в теледугэли Ж.-П.

Постулат информативности гласит: высказывания участников диалога не должны содержать лишней, не относящейся к делу информации. Тема «теледугэли»: резолюция парламентской ассамблеи Совета Европы, осуждающая преступления коммунистических режимов. Можно было бы ожидать, по крайней мере, от П. (критика этой резолюции) аргументированной речи, сообщений по существу. Но с чего начинает П.? С метафоры про дохлого советского кита. Она не содержит информации о подлинных мотивах поведения Ж., зато внушает образ оппонента как «недочеловека», гада ползучего. Типичный пример подмены аргументов *ad rem* аргументами *ad hominem*. Открывающий диалог Ж. (и в известной мере задающий его тон) делает то же самое: мифический образ «пришедших ночью» кровожадных комиссаров «в кожанках и маузерах, подготовленных в Германии, в Америке» дополняется бредообразной логической нелепицей об их «страшных преступлениях» за сто лет. Информации по существу – ноль, зато налицо сознательное желание задеть и оскорбить собеседника.

Постулат истинности требует – участники коммуникации должны говорить правду, не высказывать необоснованных, тем более, ложных суждений. К Ж. этот постулат применим только с обратным знаком, поскольку он часто в одной фразе формулирует сразу несколько логических абсурдов. Не лучше обстоит дело и с

³⁸⁰ Н.Д. Арутюнова. Аномалии и язык // Вопросы языкознания. 1987, № 3. см. в особенности с. 11–13.

³⁸¹ Т.М. Николаева. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. (Ин-т языкознания; Отв. редактор Н.Д. Арутюнова). М.: Наука, 1990. С. 225–226.

дискурсом П. Его слабость к метафорическим образам и мифическим сюжетам также несовместима с постулатом истинности, который вообще-то применим, скорее, для академического обмена мнениями.

Парадиалог также систематически нарушает постулат релевантности: говорит то, что в данный момент относится к делу. Как далек этот принцип от дискурса Ж.-П., хорошо показывает этот фрагмент их парадиалога:

Ж.: Совет Европы, не упоминая ни разу слово "Россия", не упоминая никакой "войны", осудил преступление, совершенное при любых коммунистических тоталитарных режимах, имея в виду и Китай, и Кубу, и Пол Пота ... Может быть, Пол Пота в Камбодже будете защищать? Это тоже было правильно?

П.: А Саддама Хусейна вы будете защищать? А Иран вы будете защищать?

Ж.: Нет!

П.: Вот вы и предатель!

Ж.: Нет!

П.: Вы - предатель стратегический, вы предаете всех, к кому прикасаетесь!

Ж.: Нет! А за что мы должны защищать Ирак?

П.: На вас Каинова печать!

Ж.: За что Ирак защищать?!

П.: Вы - Иуда.

Ж.: ... Взял наши танки, ракеты на 9 миллиардов долларов, теперь ничего не отдает. Ничего.

П.: Защищайте благодетелей своих!

Ж.: Может, еще Киев защищать? Киев тоже защищать?!

П.: Киев надо брать так, как его брала первая конная армия.

Ж.: Вот рядом Киев. Коммунист Ющенко ворует наш газ. Вы не можете спасти свой газ, причем здесь Гитлер?

ВЕДУЩИЙ: Владимир Вольфович, вам только что предложили пойти войной на Украину...

Этот пример очень хорошо показывает прагматическую абсурдность самого общения в парадиалоге, где «со-беседники» таковыми вообще не являются. Для каждого из них «некто другой» выступает в роли спорадического стимула для саморазвертывания автокоммуникативного по сути дискурса. Это напоминает разговор с воображаемыми собеседниками во сне или в бреду. Правда, в отличие от последних, политический парадиалог имеет дело с реальным про-

тивником, которого нужно подавить («замочить») речевыми средствами. В парадиалоге мы видим не просто злоупотребление аргументами *ad hominem*, стремление унижить, оскорбить собеседника, реализуемое лексическими средствами не прямой передачи смысла; налицо огульные обвинения, грубая брань и взаимные оскорбления будто солидных людей. Так, П. не затрудняет себя объяснениями, а говорит визави: «Вы – Геббельс!», «Вы живете на дотации врагов России», «Вы – Иуда!», «Вы – предатель стратегический». Ж. тоже в долгу не остается: «Вы – лжец!», «ВЫ – сумасшедший!», «ВЫ – террорист-одиночка!», «ВЫ – кучка недобитых коммунистов!», «ВЫ – мерзавцы и негодяи, будьте ВЫ прокляты, мерзавцы!».

Но – какой милый парадокс: все эти страшные оскорбления ничего страшного не вызывают. Публика хохочет. Ж. оскорбляет, а П. не оскорбляется; П. пугает, Ж. не страшно. Все это очень похоже на любой фиктивный дискурс. Это – мир нонсенса, с которым сталкивается кэрролловская Алиса в «стране чудес». Но только у Кэрролла речь идет о сказке-сне маленькой девочки, а у нас – о взрослых дядях с политическим статусом, общающихся наяву и на глазах миллионов телезрителей. А это рождает подозрение: не является ли разыгрываемая перед зрителем «страна чудес» на самом деле «страной дураков» из совсем другой сказки?

3. ПАРАДИАЛОГ КАК ИГРА И НАСЛАЖДЕНИЕ

– Что за посмешище, – теряя, наконец, терпение, крикнула Алиса.

– Знаете что, вам впору ездить на деревянной лошадке с колесиками.

– А у нее ход ровный? – с большим интересом спросил Конник, хватаясь за лошадиную гриву, чтобы снова не упасть.

Л. Кэрролл. Зазеркалье.

Речь участников политического парадиалога кажется по-детски эгоцентричной, когда каждый из них говорит как бы для себя, даже не обнаруживая потребности быть понятым и услышанным своим собеседником. Но прямые аналогии с детской речью здесь быстро начинают хромать. Нельзя сказать, что участники парадиалога говорят сами с собой, просто думают вслух и ни к кому не обращаются. Есть ведь еще один важный участник любого политического парадиалога – его зри-

тель, политическая «публика». В случае нашей теледуэли это - аудитория в телестудии и многомиллионные зрители перед экранами телевизоров. Они образуют «со-адресат» коммуникативных посланий Ж. и П. И хотя публика прямо не участвует в их теледуэли, она всегда принимается в расчет дуэлянтами. Сидящие в телестудии – это не просто зрители, а бригада по производству аплодисментов, а за них еще надо побороться; а многомиллионная теле-аудитория есть актуальный и потенциальный «электорат». В этом смысле парадиалог Ж.-П. противоположен по своей прагматике автокоммуникативности детской речи. И вместе с тем парадиалог производит впечатление автокоммуникативного общения. Это объясняется тем, что собеседники часто адресуют сказанное скорее публике, чем партнеру, с которым они непосредственно общаются. Уже сам этот «рамочный» факт задает массу смысловых несуразностей в любом парадиалоге. Но независимо от этого, в случае нашей теледуэли трудно освободиться от ощущения, будто видишь на экране не общественных деятелей, а дурачащихся мальчишек. П. Вирилио в книге «Стратегия обмана» обращает внимание на чисто эстетическую версию этого феномена: «Несколько лет назад труппа итальянских мимов показала парижским зрителям забавный спектакль, где дюжина взрослых людей, одетых в подгузники и слюнявчики, суетились на сцене, спотыкались, падали, кричали, дрались, водили хороводы и ласкали друг друга <...>. Бурлескные персонажи не походили ни на детей, ни на взрослых, это были фальшивые дети или фальшивые взрослые – или, может быть, карикатуры на детей»³⁸².

Хотя речь П. и Ж. трудно назвать детским лепетом, все же их теле-дискурс напоминает местами вербализацию детских сновидений или какую-то «промысленную вслух» мечту ребенка. Но самое интересное – это по-детски игровой характер коммуникативного поведения наших героев.

Если сравнить государственную власть с автомобилем, то большинство населения страны можно сравнить с детьми дошкольного и дошкольного возраста, которые удовлетворяются созерцанием этого красивого объекта, а также возможностью иногда покататься на нем в качестве пассажира. Политики же делятся на две резко отграниченные друг от друга категории: те, кто правит государственной машиной, и кто находится в оппозиции. В демократических режимах различие властвующей партии и оппозиции проходит не по принци-

³⁸² П. Вирилио. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: ИТДГК "Гнозис", Фонд "Прагматика культуры". 2002. с. 76.

пу власть-безвластие, а по принципу правительственная – неправительственная власть. Здесь настоящая оппозиция всегда имеет солидный кусок неофициальной власти и закулисного влияния. В нашем примере это выглядит так: властвующая партия – водитель, а механик автомобиля (или запасной шофер) – оппозиционная партия. В тоталитарных режимах оппозиции нет вообще; зато есть вождь – водитель автомобиля, и масса – его вечно благодарные пассажиры. В авторитарных же режимах оппозиция формально разрешена, но реально не допускается к управлению государственной машиной. И это сближает поведение такой оппозиции с игрой ребенка в дошкольном возрасте.

В дошкольном периоде дети уже знают о мире взрослых, о предметах их деятельности, и хотят ими оперировать. Поэтому, когда взрослые начинают что-то делать для ребенка своими взрослыми предметами, он кричит им: «Я сам!», но взрослые отвечают: «Нельзя, ты еще маленький!». Это несоответствие между «Я сам» и «Нельзя!», потребностью ребенка действовать по-взрослому и невозможностью этого действия, разрешается у детей дошкольного периода в ролевой игре³⁸³. Нечто аналогичное происходит с оппозицией в авторитарных режимах. Свое противоречие между желанием порулить государственной машиной и невозможностью сделать это она разрешает в формы поведения, структурно напоминающие «игру во власть». Это хорошо было видно на выборах президента Путина в 2004 году, когда Ж. выставил кандидатом в президенты не себя, а потешного персонажа своей партии. Другой пример такого рода – неоднократное формирование «теневых» (альтернативных) кабинетов министров в руководстве КПРФ. Прохановскую газету «Завтра» тоже нельзя назвать серьезным оппозиционным изданием, потому что она жанрово обрамлена как нечто несерьезное, квази-художественное: скетч, анекдот, сплетня, желтая пресса, лубок. Все, что в ней говорится, нельзя воспринимать буквально, – так же, как и реплики героев прохановских романов. В эволюции политических передач российского ЦТ тоже нетрудно заметить аналогичную тенденцию: замена серьезных жанров (рассчитанных на анализ и компетенцию) игровыми, развлекательными передачами. Речь идет об изменении жанровых рамок и политических передач, смещении акцента в политических

³⁸³ В изложении специфики детского игрового поведения здесь и далее мы опираемся на работу А.Н. Леонтьева «Психологические основы дошкольной игры». См.: А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. 4-е изд-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. с. 481–508.

ток-шоу от talk к show, к игровым рамкам «дуэли», «ринга», гейм-шоу и т.п.

По А.Н. Леонтьеву, мотив детской игровой деятельности лежит не в ее результате, а в содержании самого игрового действия. В этом смысле данная игра является непродуктивной деятельностью, а значит, свободной от обязательств и ответственности взрослого поведения³⁸⁴. Таковой именно становится и игровая деятельность оппозиции авторитарного типа. Здесь надо провести четкое различие между «игрой на результат», к которой относятся спортивные, биржевые, военные и пр. игры взрослых людей, а также все политические (публичные и закулисные игры) «взрослых» политических сил, соперничающих в борьбе за власть в условиях реальной (даже криминальной) политической конкуренции. Вместе с тем, содержание и порядок детского игрового действия соответствует реальному (взрослому) действию. Дети симулируют (а не просто имитируют) в игре «взрослое» действие. Некоторые из его предметов (условий) замещают подручными вещами, придавая их реальному значению игровой смысл (в нашем примере: вместо реального автомобиля может быть взят стул и назван автомобилем). При этом структура самого реального действия в игре сохраняется и воспроизводится. Обязательно должен быть предмет под названием «руль» и кто-то под названием «водитель», кто этим рулем управляет «автомобилем» и т.д. В этом состоит смысл игры, ее наслаждение для ребенка и ... для оппозиционного политика авторитарного типа. Неважно, что кандидат в президенты никогда не сможет выиграть выборы и стать президентом; что теневой кабинет никогда не выйдет на свет реальной политики; что оппозиционную газету покупают ради смеха, а не объективной информации. Ведь главный мотив такой деятельности – она сама, а не ее результат.

Если оценивать рамочные условия диалога Ж.-П. (его жанр как телепередачи), то все происходящее напоминает детскую игру с фиксированными правилами. Участникам телешоу ставится задача: выиграть голосование телезрителей и таким образом победить в теледуэли. Однако наличие игровой задачи несколько не меняет непродуктивный характер самой деятельности, фиксацию ее мотива на самом процессе игры, а не на результате (что, помимо прочего, связано и с невозможностью объективного теле-голосования). Дуэлянты тоже не обнаруживают никакой реальной заинтересованности в этих конечных результатах своего вербального сражения. Но – и здесь уже хромает наша аналогия – ими движет взрослое стремление дать бес-

³⁸⁴ А.Н. Леонтьев. Психологические основы дошкольной игры ..., с. 484.

платную телерекламу собственной персоне и убеждениям, если они есть. Впрочем, их удовольствие от игры тоже нельзя исключать.

В ролевых дошкольных играх детей всегда присутствует игровая роль и сюжет. В нашем случае это тоже имеет место. Сюжет – столкновение коммунизма и антикоммунизма в решающей идеологической схватке. Кто-то должен по сценарию «умереть» (дуэль – дело «нешуточное!»), а победитель «получит все». Роли распределены тоже четко: «последний солдат советской империи» (П.) и «первый демократ постсоветской России» (Ж). Причем эти роли открыты, и помимо общего (и совершенно внешнего для самой игровой ситуации) правила «дуэли», других правил не выставляется. Это дает полный простор для игровой фантазии и импровизации «дуэлянтов». Есть у них и любимые «игрушки», выбранные сообразно игровым ролям. П. как «последний солдат империи» любит солдаттики и пушки. Как трехгодовалый крепыш елозит игрушечным танком по полу, имитируя езду, так и П. указывает на соловьевский игрушечный «барьер» для дуэлянтов (какая тут дуэль, когда ползунки пора менять!) и говорит «Вот мой танк!». В эпоху якобинского террора французские дети играли маленькими гильотинками. П. играет в нацистский концлагерь, весело описывая в нем воображаемую участь оппонента. Ж., напротив, играет в первого посткоммунистического демократа. Отбрасывает в сторону свою старую игрушку под названием «русский солдат, омывающий сапоги в Индийском океане», и бормочет невнятицу³⁸⁵: демократия, гуманизм, пацифизм и даже право народов на самоопределение. Последнее, впрочем, дается Ж. нелегко: рука-язык постоянно тянется к другой игрушке – «русскому империализму». При этом оба героя играют и в политическую полемику, в принципиальный идеологический спор; игрушками здесь выступают принципы, идеологии, великие политики, известные люди и даже фундаментальные вещи: политическая мораль, национальное прошлое, историческая память и т.д.

Парадиалог Ж.-П. – не просто детская игра, а симуляция детской игры вне детства. Поэтому для систематических аналогий здесь особенно интересны те игровые формы, которые характеризуют переход от одного периода детства к другому, а также от детства к взрослому состоянию³⁸⁶. Но ребенок переживает рубежные формы игры на пути к взрослому состоянию. Участники парадиалога идут в обратном на-

³⁸⁵ Невнятица – это человеческая речь, лишённая смысла. «Сама невнятица не есть заблуждение; таковым является вера в то, что с помощью невнятицы передается информация о предметах». См.: Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., Прогресс, VIA, 1993, с.107.

³⁸⁶ См.: А.Н.Леонтьев. Указ.соч., с. 506–507.

правлении, от взрослых политических игр к детским ролевым играм и играм с правилами.

Для нас из этих рубежных игр наиболее интересны драматизация и грёза. В игре-драматизации мотив играющих сосредоточен на эстетических качествах воспроизведения типических черт реального поведения. В примере с автомобилем это выглядело бы как стремление не просто «поиграть в шофера», но разыгрывать сцену вождения автомобиля, с подчеркиванием всех типических моментов этого процесса. Аналогичным образом, диалог Ж.-П. – это не просто инфантильно-игровое воспроизведение общих черт (схемы) реального, серьезного разговора о политике, но творческое, квази-художественное действие, почти спектакль. Ж. придает этот комично-драматический элемент такой репликой: «Это Ваш суд, Ваш, Проханов, Московский трибунал!». Не менее драматичны (комичны) вербальные жесты П.: «При нашем первом свидании я вылил на него вишневый сок, а он скопировал меня и полил Немцова почему-то».

Аналогии с игрой-фантазированием подходят в нашем случае в силу чисто вербального характера самой деятельности «дуэлянтов». В примере с автомобилем это будет соответствовать ситуации, когда дети забрались в него, но не стали играть «в шофера», а предались фантазированию о том, как они совершают на автомобиле экзотическое путешествие. Сравним аналогичный дискурс «взрослых детей»:

Ж.: Я буду хоронить вас, я оплачу все поминки.

П.: Но из могилы высунется костлявая рука и схватит Вас за калдык, и утянет туда!

Ж.: А я бульдозером, бульдозером!

П.: А вы уже там. А советские солдаты придут и воткнут штык в Вашу могилу!

Ж.: Вот почему ... вот почему вся Европа осуждает, что ВЫ даже оттуда, из могилы, будете хватать нас за ноги... (хохот в студии).

Таким образом, в поведении соловьевских «дуэлянтов» можно усмотреть целый ряд игровых типов, аналогичных формам детской игры. Но коммуникативный статус и функция игры в парадialogе совершенно иные, чем статус игры у детей. Для последних игра выступает формой творческого освоения мира и развития индивидуальности. В известном смысле детская игра просвещает, а вот симуляция этой игры в парадialogе развращает, систематически пародируя и абсурдируя реальные смыслы и ценности «взрослого мира». Как это ни покажется парадоксальным, но именно инфантильно-игровые моменты поведения дуэлянтов гораздо лучше, чем содержание их ре-

чей, свидетельствуют об авторитарном характере их политических личностей.

Во всяком случае, надо отдать должное интуиции телеведущего Соловьева: он не только правильно отметил детский статус игры своих дуэлянтов, но даже точно определил ее дошкольный уровень: «Разбирайте игрушки, возвращайтесь в песочницы, потому что у вас пока дискуссия на уровне, которая заканчивается в шестилетнем возрасте».

4. ПАРАДИАЛОГ КАК ПАРАЛОГИКА И ПАРАНОЙЯ

– А кто тут поблизости живет?

– Там, – ответил Кот, вытянув правую лапу, – живет Шляпочник. А там, – и он вытянул левую лапу, – живет Заяц. Все равно, к кому идти. Оба они со сдвигом.

– Но я к таким не хочу, – возразила Алиса.

– Тут уж ничего не поделаешь, – сказал Кот. – Мы все со сдвигом. Я со сдвигом, ты со сдвигом.

– Почему ты решил, что я со сдвигом? – спросила Алиса.

– Так должно быть, – ответил Кот. – Иначе бы ты сюда не попала.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

4.1. Парадиалог как «разорванное мышление»

Сразу оговорюсь: я не утверждаю, что участники рассматриваемого парадиалога – психотики или склонны к психическим расстройствам. Я лишь отмечаю некоторые структурные аналогии между речевой продукцией психотиков (шизофреников) и речью участников парадиалога.

Прежде всего, аналогии выражаются в разорванности мышления. Разорванность любого шизофренического мышления есть следствие его автокоммуникативности: шизофреник говорит совсем не для того, чтобы быть понятым. Поэтому в шизофренической речи возникают семантические пробелы, лакуны. Уже в открывающих теледуэль вступительных речах Ж. и П. мы видим нечто аналогичное. П.: «Господин Жириновский, мне казалось, что Вы – апологет советского народа, советского менталитета. Вы обязаны своей карьерой, своей партией ... Вы родились из сюртука Владимира Алек-

сандровича Крючкова». Или начало одной из реплик Ж.: «Я родился в 46-ом году, когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности ... ВЫ его уничтожили».

Явные аналогии обнаруживает парадиалогический дискурс и с шизофреническим избытком сигнификации в речи. Это выражается в феномене резонерского мышления, соскальзывающего с объективной логики предмета и производящего пустые рассуждения, основанные на поверхностных, формальных аналогиях, на паралогизмах. Склонность шизофренического мышления к паралогизмам объясняют его неспособностью формировать основное значение слова, адекватное ситуации его использования. Поэтому в шизофреническом дискурсе соскальзывание есть не какая-то особая, а именно нарушенная семантика речи, выражающаяся в резком, логически несвязном переходе от одного суждения к другому. Примером паралогического соскальзывания в форме неправильного силлогизма может служить пример, приводимый В.М. Блейхером: некто по имени Роза заявляет, что она царица, так как все знают, что роза – царица цветов³⁸⁷. Аналогичным образом в нашем случае за утверждением Ж. «Коммунист Ющенко ворует наш газ» тоже стоит паралогизм: коммунисты – воры; Ющенко ворует газ; значит, Ющенко – коммунист. Причем, этот пример представляет собой целую серию паралогизмов, если учесть, что коммунисты для Ж. выступают субъектом, которому приписываются все возможные отрицательные качества. П. тоже пускает в ход паралогизмы, когда высказывает суждения вроде: «Господин Жириновский ненавидит Россию», «Этот главный бандит лежит на Красной площади» и т.п.

Впрочем, наличие паралогизмов в дискурсе еще не является признаком их психической ненормальности. Главное, как мышление использует паралогизм. В отличие от софиста, шизофреник производит паралогизмы «серьезно» и непроизвольно, а не как хитрую уловку в споре. Поэтому шизофреник не отрекается от паралогизма, даже если ему на него указывают. Участники парадиалога тоже не признают паралогичности своей аргументации, даже отвечают на соответствующие упреки новыми паралогизмами. К примеру:

ВЕДУЩИЙ: Обозначает ли это, что точно так же тогда необходимо предать демократической анафеме весь средневековый период истории?

Ж.: Это сделано.

³⁸⁷ См. В.М. Блейхер. Расстройства мышления. Киев: «Здоров'я», 1983 (раздел «Паралогическое мышление»).

ВЕДУЩИЙ: Кем?

Ж.: Человечеством. Все это сделали, все попросили прощение. Даже Ельцин попросил прощение за демократический террор.

ВЕДУЩИЙ: Я не уверен, что Ельцин персонаж средневековой истории.

Ж.: Я имею в виду сегодняшний день. В средних веках было много страшного, много, вся история кровавая.

За резонерствующим мышлением шизофреника стоит феномен полисемантизма, когда слово имеет одновременно сразу несколько значений, причем без учета конкретной ситуации, диктующей какое-то одно основное значение. Слова как бы обесцениваются в шизофреническом сознании, и на первый план выходит их чисто формальная сторона. Отсюда склонность шизофреника к экзотическим (неадекватным ситуации) употреблением слов, витиеватости, рифме и ритму, к образованию каламбуров, вербальных орнаментов. У П. эта черта особенно хорошо проступает. К примеру, вот в этом месте: «Победу делал народ, победу делал Сталин, победу делал не Жириновский, победу делала сталинская индустрия, победу делали сталинские соколы, победу делали сталинские крестьяне, которые взяли красные кресты и подняла ваших геббельсов и гитлеров на штыки. Вы брешете, господин Жириновский, вы ненавидите строй, вы ненавидите страну». Здесь отчетливо видно, что общий смысл фразы подчинен ритму, почти рифмованному набору стереотипных выражений. Особенно замечательна в этом смысле фраза «Победу делали сталинские крестьяне, которые взяли красные кресты и подняла ваших геббельсов и гитлеров на штыки». Нелепые субъекты по имени «сталинские крестьяне» почему-то берут в руки кресты (есть подозрение, только потому, что это слово эхологически перекликается со словом крестьяне: кресты – крестьяне), но «геббельсов и гитлеров» они все же поднимают не на эти кресты (зачем тогда брали?), а на штыки (потому что в такой ситуации употребляется этот вербальный стереотип). В этом предложении смысл послушно следует за словами, а не наоборот, как в обычной речи. По концентрации семантических аномалий эта фраза вполне сравнима с шизофатическим дискурсом, но в отличие от последнего, здесь налицо экспрессия, эмоционально-суггестивное воздействие на слушателя. А это уже ближе к всякого рода речевкам, боевым кличам или к эмоционально нагруженным текстам абсурдистской поэзии.

Паралогическая речь шизофреника являет начальные этапы распада повествовательности. Между сюжетами речи нарушается

логическая связь, игнорируется элементарная логика объективной действительности. В шизофреническом мышлении повествовательность представлена в форме т.н. «фабулирующего мышления». Последнее в том смысле еще является повествованием, фабулой, что ему, как и любому нормальному мышлению, присуща некоторая сюжетная линия, сериальность действий героев, событий. Однако эта сюжетная линия является здесь чистейшим вымыслом, который мышление не отличает от действительности. Это ведет к семантическим и прагматическим нелепостям, к своего рода «сновидениям наяву». Этот момент – хотя и в превращенном виде – также присутствует в парадиалоге Ж.-П. В особенности образность прохановской речи чем-то напоминает фрейдовские функции сновидения: «сгущение» и «трансфер» признаков. Уже вступительные речи Ж. и П. являются в этом отношении показательными.

Ж. рисует страшную повесть о некоей фантастической силе по имени «коммунисты», которые под разными масками действовали в России на протяжении последних ста лет, выступая главной причиной всех ее бед и страданий. Таинственным образом оставались они коммунистами, даже будучи уже антикоммунистами и капиталистами; они сами создавали себе предателей, а потом сами же их расстреливали; они создавали красную империю и потом сами ее разрушали; они уничтожали миллионы, чтобы сохранить свой режим, а потом сами же сдавали его без боя. Даже более того: коммунисты есть причина всех бед новейшей мировой истории, они несут ответственность за все войны и революции прошлого и наступившего столетий. Особую причудливость этому повествованию придает сентиментальная история про «плачущих офицеров КГБ», которые «хотели сохранить страну», но сдали ее, чтобы освободиться из-под ига негодяев-коммунистов.

У П. – своя фантастическая повесть о предателях Родины, которые также совмещают в себе исторически несовместимые и, разумеется, отрицательные качества. Эти предатели «стали истреблять поэтапно» нашу страну, так что «к 91 году от страны почти ничего не осталось, потом пришли наследники Горбачева, Ельцин и господин Жириновский, и растаскали нас на ошметки». Эти демонические силы «хотят сожрать еще один фрагмент русской истории», демонизируя же большевиков, – как «они сожрали фрагмент белой истории», демонизируя «царя и русских монархистов». В октябре 1993 года эти предатели «стреляли нам в спину». При этом «200 миллионов советских людей» стреляли им в ответ, но почему-то никого не

убили и разрушение родины предотвратить не смогли. И это тем более удивительно, что, по крайней мере, часть этих предателей (Ж. и ему подобные), будучи трусами, вообще не сражались, а «сидели в барах». А вот П. сотоварищи, напротив, «умирали в тюрьмах, умирали на баррикадах», но, впрочем, не умерли. Прохановский рассказ производит впечатление цитаты из какого-то мистического романа, впечатление литературной фикции, компьютерной «игры-стрелялки», в которой в любой момент можно поменять одного героя на другого, вылепить уродца из любого богатыря, обратить сюжет, поменять концовку истории и т.д.

При всей схожести фабулирующего мышления наших героев с психотическим, источник его – совсем иной. Ж. просто увлекается (риторически забывается) собственными фикциями, что временами напоминают детей, которые «заигрались». П., на первый взгляд, производит впечатление маниакальной убежденности «последнего солдата империи», но уже одна эта фраза выдает с головой позера, артиста, а не фанатика идеи. Прохановская убежденность, идейная одержимость – не более чем сценический эффект.

4.2. Парадиалог как «систематизированный бред»

Уже цитировавшееся содержание вступительных речей Ж. и П. у неискушенного слушателя может спровоцировать однозначную оценку: «Это – бред». Но такая оценка не может быть однозначной уже потому, что «бредящие» участники парадиалога бредят на публику, перед телекамерами, и хорошо об этом знают. И все же: образует ли их речевая продукция аналог бредовых текстов? Как деликатно выразилась одна из «судей», Ирина Тюрина, «Владимир Вольфович с одной стороны вроде бы тверд в своих убеждениях, но противоречив». Но подчеркнутая твердость убеждений, безразличная к их противоречивости, есть как раз один из верных признаков бредового сознания. Здесь, действительно, присутствуют явные аналогии, прежде всего, с так называемым «систематизированным бредом». Заметим, что использование этого психиатрического термина для описания политических реалий – дело само по себе не новое. Вспомним угрюм-бурчеевский «систематический бред» в шедевре М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Если верить психиатрам, то систематизированный бред не означает общего снижения интеллекта и помрачения сознания. Это не исключает, однако, что бредовым идеям присуща паралогика, нечувствительность к абсурдам, «любовная связь антиномий». При-

чем по сравнению с паралогическим соскальзыванием, образующим лишь эпизод в рамках вполне нормального мышления (к примеру, на первых стадиях психоза), бессистемность бредового дискурса означает прогресс в распаде повествовательности. Это проявляется в том, что в рамках одного нарратива отсутствует внятная сюжетная линия, логика (последовательность) развития каких-то событий, набор главных/второстепенных героев с их типовыми ролями и т.д.

Если мы вернемся к героям нашего парадиалога, то увидим, что повествовательность их речи отчетливо напоминает бред. Связного повествования (представления) о советской истории, об истории коммунизма или связного изложения своей идейно-политической позиции никто из них не дает. П. честно признается, что может только «косноязычно» объяснить противоречивость своих (национально-коммунистических) убеждений. Потом следует это «объяснение»:

Дело в том, что к марксизму и коммунистической партии я никогда не имел отношения <...>, но я советский человек, и в моем представлении советская страна, это огромный исторически материк, гигантский комплекс, где много крови, <...> где были страшные репрессии, но была великая победа. <...> Огромный, повторяю, красный 20 русский век. Как только из этого века, из этой кладки вынимать один камень, вот это хорошо, а вот это плохо, рушиться весь век, рушиться весь строй, рушиться вся эпоха. Почему мне отвратительно движение ПАСЕ и вашего шефа? – Потому что <...> они хотят сожрать еще один фрагмент русской истории, как они сожрали фрагмент белой истории. Как они демонизировали царя, как они демонизировали русских монархистов. По существу, как только мы начнем каяться в 70-летию советской истории, нам предъявят следующие счета. <...> Уже российский ядерный комплекс наполовину находится под контролем американцев, завтра у нас отнимут все. Этим занимаются американская агентура, и этим занимаетесь вы и ваш шеф.

Здесь хорошо видно, как мысль П. патологически соскальзывает с трезвой оценки исторического прошлого к чему-то похожему на паранойяльный бред преследования. При этом П. никак не преодолевает крайней противоречивости своей позиции: с одной стороны он утверждает: «благодаря коммунистическому режиму, который там присутствует, Китай стал по счету второй, а завтра станет первой великой державой мира». С другой стороны, он через пару ми-

нут уверяет слушателей, что к коммунизму и марксизму не имеет никакого отношения. Рассказ Ж. о преступлениях коммунизма обнаруживает схожую «клинику»: более или менее узнаваемый исторический образ действий коммунистов превращается в бредовый образ какой-то иррациональной силы, беспорядочно преследующей и уничтожающей все на свете.

Известно, что систематизированный бред содержит некую стабильную картину мира, набор постоянно повторяющихся сюжетов, персонажей. После кристаллизации в сознании человека бредовой картины мира все для него как бы становится на свои места, окружающая реальность воспринимается и осмысливается в свете приобретенного бредового знания. «Возникает бредовая система, в которой можно выделить ее стержень, ось. Вокруг этой оси и группируются взаимосвязанные между собой бредовые переживания»³⁸⁸.

Эту ось В. Куперман и И. Зислин называют «семантическим ядром» бреда. В массиве бредовых текстов они выделяют две большие группы, различающиеся между собой структурным статусом больного как персонажа собственного текста. В первой группе текстов субъект повествования (больной) определяет себя как лицо, выделенное из людской массы каким-то редким свойством. Соответственно, речевые тексты такого человека характеризуются активной ролью его “я”, фиксированы на его сверхценной персоне. В текстах второй группы субъект повествования – “обычный человек”, которого якобы преследуют, причем по не зависящим от него причинам. Такой бред фиксируется на фигуре этого преследующего “другого”, которому приписывается бесконечно злая воля и особые возможности для ее реализации³⁸⁹. Различие между этими семантическими ядрами бреда примерно соответствует известному различию между манией величия и манией преследования, и в какой-то мере оно, видимо, проявляется в любом парадиалоге. Любой парадиалог есть в известном смысле обмен бредовыми сюжетами; другое дело, что в политике парадиалог есть часть инсценирования, и бред здесь выступает своеобразной симуляцией, – родственной, но не тождественной художественной фикции.

Если наложить эту структурную схему на речевую продукцию Ж. и П., то обнаружится, что она дает образцы, похожие на оба типа бредовых текстов. Структурные различия между этими текстами,

³⁸⁸ В.М. Блейхер. Расстройства мышления. Киев: Здоров'я, 1983. с. 121.

³⁸⁹ В. Куперман, И. Зислин. К структурному анализу бреда // Солнечное Сплетение, 2001 (18–19).

конечно, есть, но вряд ли они в данном случае существенны. Так, П. больше склонен к фиксации «преследующего другого», а Ж. – своей сверхценной личности. П. часто идентифицирует Ж. с какой-то мифической «агентурой». Этот образ жертвы, истребляемой могущественными силами, приобретает у П. некрофильский оттенок. Вражеско-фашистское «ВЫ» (включая Ж.) не просто наложило на себя руки в «имперской канцелярии», а сожгло себя там. Опять же П. видит Ж. сгоревшим в фашистском «крематории на окраинах Алма-Аты», и «легкий ароматный дымок» (какой мучительно-приятный образ!) исходит от его оппонента. Со странной любовью высказывается П. и о Китае («одна такая небольшая страна, я люблю время от времени отыскивать ее на карте мучительно»).

Еще одной особенностью прохановского «брёда» является его подчеркнуто фантастический характер:

П.: Вы – Геббельс, г-н Жириновский. Вам надо вернуться в свою штаб-квартиру, потому что на пороге Вашей штаб-квартиры – советские танки! Вам надо распустить свою партию, потому что она очень скоро будет подвергнута репрессиям господина Устинова. Вы живете на дотации, на дотации врагов России. Это бессовестно.

Данное суждение с целым каскадом вопиющих несуразностей может быть осмысленным только в бредовом контексте, с учетом его семантического ядра. Это обстоятельство настолько очевидно, что Ж. мгновенно использует его для дискредитации дискурса своего оппонента. Он сразу же дает к сказанному П. комментарий: «Вы – сумасшедший». В другом эпизоде П., объясняя, почему его не было на сессии ПАСЕ – заявляет Ж.: «Я смотрел пленки! Крючков дал мне Ваши записи, все! За Вами же следили!». Здесь опять: и мания преследования, и соседство взаимоисключающих утверждений. Фиксация на сверхценном «эго» у П. тоже присутствует: Он «был на всех войнах», «всегда сражался». Все человечество на его (вместе с другими прогрессивными силами) стороне. И вообще он – супергерой, который стоял и стоит на своем великом посту. Почему великом? – Потому что П. (самооценка) – «последний солдат империи».

Ж. тоже продуцирует тексты с фиксированным вниманием на преследующем «Другом». В роли последнего у него выступает и русский коммунизм («завтра, если вам дадут возможность восстановить сталинский режим, вы всех нас повесите, всех уничтожите, всех загоните в лагеря»), китайские коммунисты-националисты, и «дикий, грязный капитализм», и вообще все силы зла. В совершенно бредо-

вом стиле этому «преследующему Другому» в дискурсе Ж. приписывается особая кровожадность, необычайная изощренность в зле и насилии: «Ему (Проханову) нужна армия, бой, атака, окоп, смерть! Хоронить, хоронить, хоронить ...». Чем коварнее и злее предстает в описании Ж. образ мирового коммунизма, тем более значительной оказывается его собственная фигура. С коммунистическим прошлым его якобы ничего не связывает, но именно поэтому с него начинается «новая (демократическая) Россия». Поэтому его теледудель с П. – не рядовое шоу, но исторический суд над силами зла, коммунизма и над П.: «Вот хорошо, что Вы здесь! Это – Ваш суд. Ваш, Проханов, Московский трибунал!». Все, что делает Ж. и его партия – очень важно для судеб мира и страны. Только он защищает интересы России, только он представляет мнение большинства ее граждан, только он борется с коммунизмом, причем с шестилетнего возраста. И никакие факты этому бредовому сюжету не смогут противоречить. Говорят, что в последний год своего обучения в Институте Восточных языков Ж. был секретарем комсомольского бюро курса, а до этого, в 1965–1967 годах, даже параллельно учился в Университете марксизма-ленинизма. Пусть говорят! Если был, учился и состоял, то лишь для того, чтобы выковать из себя настоящего противника коммунистической идеи.

Как видим, в дискурсе Ж.-П. фиксация на своей персоне органически дополняется фиксацией на «преследующем Другом». По сути, это стилизация картины мира под манихейскую борьбу двух начал, с которыми идентифицируются участники диалога. Поэтому бредоподобные черты их дискурса вполне можно вписать в «нормальное» сознание, переживающее какой-то мифосюжет как нечто реальное. Другое дело, что обычное определение бреда как «ложного мнения», упорно отстаиваемого человеком вопреки всем фактам и аргументам, еще не дает возможности четко отделить его «патологичность» от «нормальности» мифа и религиозного фанатизма.

Следует заметить, что в целом близкий к систематизированному бреду нарратив П. и Ж. иногда обнаруживает черты несистематизированного, отрывочного бреда. В этом случае их суждения как бы отрываются от их общего семантического ядра, приобретают вид «скачки идей». Отрывочный бред считается более нелепым, чем систематизированный, поскольку при таком бреде переживания не имеют единого стержня, не связаны между собой. Ярким примером симуляции такого бреда является определение Ж. тоталитаризма: «Когда все решает одна партия, опирающаяся на одну идеологию,

она имеет тайную политику и насильем только насильем насаждать свои ценности и никаких выборов, никакого выбора семьи, работы, ничего, творчество, темы закрытые, писатели в тюрьмах, все, научное направление закрыты, кибернетика, все мы отстали из-за этого, мы не можем, они все закрыли. Все было буржуазное оказывается, а где советское?». Здесь бред подается почти в «телеграфном стиле» известного типа афатических расстройств.

К существенным характеристикам бреда психиатрия (и раздел лингвистики) относит неотрефлексированность текстопорождения - продуцирование бреда носит непосредственный, спонтанный характер. Бред не осознается бредящим человеком как нечто фиктивное, как рассказ «о чем-то». Напротив, бредящее сознание напрямую отождествляет себя с темой, сюжетом, содержанием своего бреда, актуально живет в нем. Этим бред опять-таки очень похож на миф, а также на некоторые т.н. измененные состояния сознания. На первый взгляд кажется, что участники парадиалога лишь симулируют характеристики бредового сознания. Мы не можем сказать, что они действительно бредят; мы даже не можем утверждать, что они одержимы квази-религиозным мифом, «живут» в нем, как «община дикарей» у Б.Малиновского. Но с другой стороны, нельзя утверждать, что Ж. и П. выступают только в роли шоу-артистов, что после теледудэли они уже не будут и дальше спорить примерно в том же духе, что и на публике. Скорее, для участников нашего парадиалога, выступающих в жизни не профессиональными артистами, а общественными и политическими деятелями, тоже характерна неотрефлексированность текстопорождения. Причем она сопряжена здесь с известной автокоммуникативностью, свойственной любому психотическому дискурсу. Но она опять-таки отличается от автокоммуникативности шизофреника, психотика. Так что возникает нетривиальный вопрос: насколько фиктивен в парадиалоге бред (и/или «разорванное мышление»), а насколько фиктивна сама коммуникативная рамка (фрейм) диалога? В любом случае, если дискурс участников парадиалога и фиктивен, то фиктивен в каком-то ином, нерелигиозном и нехудожественном смысле. Это также и не фикции-стереотипы повседневной театральности, хорошо изученной в социологии общения лицом к лицу. Одним словом, дискурс парадиалога – это серьезная проблема коммуникативной теории. Но одновременно это и проблема политологии, так как феномен парадиалога заставляет серьезно обсуждать проблему политической теат-

ральности как размывании коммуникативных границ между художественно-игровым и политическим поведением.

5. ПАРАДИАЛОГ КАК ФИКЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ

5.1. Квази-художественная фиктивность парадialogа

Лев утомленно посмотрел на Алису.

– Ты животное ... минерал ... или растение?

– спросил он, зевая после каждого слова.

– Это сказочное чудовище! – вскричал Единорог, прежде чем Алиса успела ответить.

Л. Кэрролл. Зазеркалье.

Разорванное мышление участников парадialogа напоминает известное в психиатрии «фабулирующее мышление», которое принимает свой вымысел и паралогические выводы за реальность. Такое мышление обнаруживает большое сходство с мифом, и неслучайно его называют также мифоманией (псевдологией) как болезненной склонностью к вымыслу и лжи. В какой мере такая характеристика применима к парадialogическому дискурсу? Статус мифообразов в парадialogе существенно отличается от их статуса в классическом (сократическом) диалоге. У Платона миф вплетен в аргументацию, выступает как аргумент и источник аргументов. В такой функции миф в превращенной (метафорической) форме сохранился в фундаментальной науке до сих пор (вспомним понятие «базисных метафор»). В парадialogе же миф, скорее, похож на бредовый образ. Он не находится в контексте аргументации, вообще логически представленного мира. Миф здесь – чисто вербальная конструкция, «избыток сигнификации» по отношению к сути дела. В какой-то мере он оправдывает данное М.Мюллером определение мифа как «болезни языка». И вместе с тем мы чувствуем, что в данном парадialogическом дискурсе, с учетом его коммуникативного статуса и реального социального статуса его участников, мифсюжеты суть нечто большее, чем только болезненные метафоры. Скорее всего, мы имеем здесь дело с «имитацией мифа вне мифологического сознания», т.е. с онтологизацией метафоры, ее буквальным прочтением, что

уничтожает метафоричность текста и создает альтернативный дискурс³⁹⁰.

Такой дискурс отрицает характерное для сократического диалога семантическое движение в виде пошагового развития мысли, внутренних семантических сдвигов. Это движение присутствует как бы «за кадром». И оно связано с логикой инсценирования, а не с логикой предметов и проблем, о которых идет речь в парадиалоге. Ж. начинает теледьюэль с образа «преступного коммунистического режима», к которому добавляется прохановский образ предателя и политического оборотня Ж. На эти конструкты Ж. отвечает новой версией мифа о «преступном коммунистическом режиме». Мы видим здесь череду мифообразов, метафор, символов, но поступательного семантического движения в рамках объявленной темы не происходит.

В качестве примера такого рода имитации мифа Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский неслучайно приводят дискурсивные техники сюрреализма. Искусство 20 века широко и успешно осваивало ментальные практики психических расстройств³⁹¹. Но именно сюрреализм дает пример совершенно сознательного, рефлектирующего подражания безумию. Это хорошо видно из «Манифеста сюрреализма». А. Бретон считал, что формы сюрреалистического языка лучше всего подходят для диалога. Поэтический сюрреализм пытается «восстановить абсолютную истину диалога путем освобождения обоих собеседников от долга взаимной вежливости. Каждый из них просто-напросто ведет свой собственный монолог, не пытаясь при этом извлечь какого-либо особого диалектического удовольствия, ни тем паче ввести в заблуждение своего партнера. При этом наши высказывания отнюдь не имеют целью, как обычно бывает, развить какой-либо – пусть даже самый ничтожный – тезис, они бесцельны настолько, насколько это возможно. Что же касается ответа, который они вызывают, то он в принципе никак не затрагивает самолюбия говорящего. Его слова, его образы служат лишь трамплином для сознания слушающего»³⁹². Примечательно, что Бретон проводит

³⁹⁰ Лотман Ю.М. Успенский Б.А. Миф – Имя – Культура // Ю.М. Лотман. Избранные статьи.

В 3-ех тт. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992. с. 69.

³⁹¹ В. Руднев сделал остроумную попытку классифицировать современное искусство (имея в виду прежде всего литературу XX века) под углом зрения невротических и психических расстройств. Впрочем, при всех структурных аналогиях между искусством и душевными расстройствами, не следует забывать, что художественное подражание психозам так же мало само по себе является психотическим, как художественное подражание старине – старинным. См.: В. Руднев. Психотический дискурс // Логос. № 3 (1999) 13. С. 113–130.

³⁹² А. Бретон. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами (Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М.: «Прогресс», 1986. с. 64.

прямую аналогию между сюрреалистическим диалогом и умственными расстройствами.

Если под бретоновским углом зрения присмотреться к диалогу Ж.-П., то видно, сколь часто слова одного выступают лишь трамплином для словесных тирад другого. Фактически, мы видим здесь почти буквальную реализацию сюрреалистического понимания диалога. Но есть и важное отличие: Ж. с П. в парадиалоге практикуют не сюрреалистическое искусство, а сюрреалистическую политику. Далее, сюрреализм не просто подражает безумию; напротив, он в известном смысле выступает с просветительской миссией: раскрыть глаза людям на абсурдный (сюрреалистический, подобный безумию) характер их повседневных диалогов. В этом смысле сюрреалистический (пара)диалог – это не просто фиктивный текст, а текст, щеголяющий своей фиктивностью, рефлектирующий над своими границами как фиктивного текста. А политический парадиалог, есть, скорее, контрпросветительская стратегия. Это не выявление, а сознательное культивирование бессмысленности дискурса для стратегических (микро-)политических целей. Парадиалог – это квази-художественная пародия на диалог. Однако она лишена метакоммуникативного указания на свой пародийный статус (не обрамлена как художественное произведение), а значит, выступает как вводящая в заблуждение, смущающая, дезориентирующая форма коммуникации.

Разумеется, квази-художественный, фиктивный статус парадиалогической психотичности не исчерпывается близостью с одними только сюрреалистическими текстами. Прежде всего напрашиваются аналогии с диалогами из сказок Л. Кэрролла. В обоих случаях мы видим словесную «потасовку с подтасовкой» героев «со сдвигом». Проиллюстрируем это прямым сопоставлением текстов двух диалогов: из «Приключений Алисы в стране чудес» (в переводе Б.В. Заходера) и из теледугэли Ж. с П.:

ВЕДУЩИЙ: Давайте постепенно. Во-первых, что, значит, каяться в убийстве царя?

П.: Все призывают нас каяться в убийстве царя.

Ж.: А что, разве его не убили?

– В некотором царстве, в некотором государстве, – скороговоркой начала Соня, – жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

– А что же они там ели и пили? <...>

– Сироп.

П.: Зачем в этом каяться?

Ж.: Где в мире убили своего царя? В какой стране?

- Никогда.

ВЕДУЩИЙ: Вам не понравится ответ: стран очень много. О Франции слышали?

Ж.: Знаю и не люблю.

ВЕДУЩИЙ: Молодец. У них там, помните, Бастилию брали?

Ж.: Брали Бастилию, ни одного выстрела, ни одного трупа, два часа и все.

ВЕДУЩИЙ: А потом прошло несколько лет, и там кого-то казнили. Кого не помните?

Ж.: Казнили, якобинцы там были, революционеры были, и Кромвель в Британии казнил, и в Чили Пиночет был, сколько крови человеческой...

ВЕДУЩИЙ: То есть императорские семьи не казнили.

Ж.: Казнили везде.

ВЕДУЩИЙ: Уже везде казнили.

Ж.: Но мы за свою историю отвечаем.

ВЕДУЩИЙ: Слушайте, у вас в течение трех минут точка зрения так быстро меняется, что за вами никто не успевает.

Ж.: Никто не уничтожал церкви, даже Гитлер. Вам

- Что вы! Этого не может быть, – робко запротестовала Алиса, – они бы заболели!

- Так и было, – сказала Соня, – заболели, да еще как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки! <...>

- Так зачем же они поселились в колодце, да еще на самом дне? <...>

- Потому что там было повидло! <...>

— Так вот, <...> – они таскали мармелад оттуда...

- Откуда взялся мармелад?.. <...>

- Это был мармеладный колодец. <...>

- Я не понимаю, <...> – как же они таскали оттуда мармелад?

- Из обыкновенного колодца таскают воду, – а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что – совсем дурочка?

- Я говорю, как они могли таскать мармелад оттуда! Ведь они там жили <...> - Не только жили! <...> – Они жили-были!

- <...>Так вот, этот самый мармелад они ели или пили – делали что хотели ...

Тут Алиса не выдержала.

- Как же это они пили мармелад?! – закричала она. – Этого не может быть!

- А кто сказал, что они его пили? – спросила Соня.

- Как – кто? Вы сами сказали.

- Я сказала – они его ели! – ответила Соня. – Ели и лепили! Лепили из него все, что хотели, – все, что начинается на букву М ... <...>.

- Почему на букву М? – только и могла спросить Алиса.

- А почему нет? – сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мар-

к Фоменко и Носовскому, они тоже не любят историю. Гитлер восстанавливал церкви на оккупированных территориях...

мелад ведь тоже на М», – мелькнуло у нее в голове.

Квази-художественная фиктивность парадиалога Ж.-П. обнаруживается также в приеме, особенно характерном для абсурдистской литературы и часто приводящемся как типичный пример художественного избытка сигнификации – в «обнажении приема». В абсурдистской литературе обнажение приема из частного изобразительного средства превращается в ключевой момент семантики и прагматики текста. Ж.-Ф. Жаккар на примере текстов Д. Хармса показывает, как повествование перемещается с фабулы (истории персонажей и связанных с ними событий) на «историю истории», т.е. от повествования – к метаповествованию³⁹³. Следствием становится «автосемантическая» или «автореференциальность» текста (он отсылает не к внетекстовому референту, а к себе самому). Это хорошо согласуется с автокоммуникативностью шизофренического дискурса и представляет собой художественный аналог симуляции диалога в парадиалоге. Пример метаповествовательного элемента (самообнажения приема) мы находим в этом эпизоде:

ВЕДУЩИЙ: Господин Жириновский и господин Проханов, скажите мне, пожалуйста: а вот когда нет камер, и нет людей вокруг, и вы видите друг друга, вы такое же устраиваете?

Ж.: Нет, тихо, спокойно. Вот он играет на камеру!

ВЕДУЩИЙ: Вы не могли бы проявить уважение к аудитории?

П.: Это невозможно, невозможно ...

Ж.: Он не может, ему нужна армия, бой, атака. Окоп, смерть! Хоронить, хоронить, хоронить ...

ВЕДУЩИЙ: К аудитории! Не друг к другу. Или, по крайней мере, слышать друг друга.

П. (игривым тоном): При нашем первом свидании я вылил вишневый сок, а он скопировал меня и полил Немцова почему-то, это жалкое эпигонство.

Ж. (пожимает плечами): Я не помню такого.

П.: А вы посмотрите, у вас вся рубашка в соку. Мы никогда не дружили, это - вечное сражение.

³⁹³ Ж.-Ф. Жаккар. «Cisfinitum» и Смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда // Абсурд и вокруг: Сборник статей / Отв. ред. О. Буренина. - М: Языки славянской культуры, 2004. с. 82.

Ж.: Наоборот! На Ваше славное шестидесятилетие Вы меня пригласили – я Вас поздравлял ...

Помимо абсурдистского самообнажения приема, здесь стоит также обратить внимание на постмодернистскую пародию, к которой прибегает прежде всего П.: «жалкое эпигонство» с обливанием соком (пародия на идейную конкуренцию в революционной среде); «рубашка в соку» - пародия на драматический стереотип «рубашка в крови»; «первое свидание», «вечное сражение» – почти декадентская карикатура на мятежный революционный дух классической эпохи. Критик П. Басинский, написавший статью о П. как «последнем солдате декаданса», рассказывает в ней о любопытном эпизоде, в котором П. якобы позволил себе (разумеется в узком кругу) такую фразу в стиле абсурдистского «саморазоблачения приема»: «Только, пожалуйста, не надо мне здесь этой демагогии газеты 'Завтра'!». П.Басинский точно замечает «безумие и истерику» в качестве главных принципов работы прохановского воображения, подчеркивая, что они «не настоящие, а расчетливо сделанные»³⁹⁴. Отмечавшаяся многими критиками склонность П. к декадентской метафорике (болезнь, смерть, гибель, гниение, распад, натурализм образов) только усиливается и акцентируется в парадialogе с Ж., тоже большим постмодернистом от политики. Явное и неявное цитатничество, постоянные аллюзии, пародийные выходки, описание исторического и политического опыта как бесконечной «комедии ошибок», - во всем этом угадывается художественная постмодернистская классика XX века, постмодернистский «поток сознания».

5.2. «Дарование смысла» в парадialogе

- Как же так? – с упреком сказала Мышь,
- Ты тоже должна получить приз!
- Сейчас уладим! – внушительным тоном произнес Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: – У тебя еще что-нибудь осталось в кармане?
- Ничего. Только наперсток, – грустно ответила Алиса.
- Превосходно! Передай его мне, – потребовал Дронт.

³⁹⁴ П. Басинский. Последний солдат декаданса // Литературная Газета. 6–12 октября 2004, № 40 (5991). С. 11.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей наперсток и торжественно произнес:

– Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду – этот почетный наперсток!

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

Если смотреть на происходящее глазами делезовской «Логики смысла», то статус «судей» в соловьевской программе чем-то похож на статус нонсенса, который «дарует смысл»³⁹⁵. Судьи тоже даруют смысл: они должны по свежим следам предложить одуревшему телезрителю какое-то осмысленное суждение об увиденном и услышанном. Но их позиция – как зрителей парадialogа – оказывается тем самым незавидной: они видят абсурдистское шоу, а их приглашают оценить «диалог политических деятелей». Именно эта изначальная парадоксальность положения судей и делает их похожими на делезовский нонсенс. Напомним: у Делеза «нонсенс» – это слово, которое одновременно и говорит о чем-то, и высказывает смысл того, о чем оно говорит³⁹⁶. Соловьевские «судьи» поставлены в аналогичное положение: будучи частью шоу (сценического «слова»), они одновременно должны высказать его смысл. И подобно «нонсенсу», судьи, будучи сами лишены смысла, в то же время противоположны его отсутствию, ибо (как судьи) они должны «подарить» этот смысл телезрителям.

Разумеется, при этом подразумеваются именно делезовские качества смысла, отмеченные нами выше. Это значит, что смысл, который дарует нонсенс, совершенно безразличен ко всем логическим оппозициям и стерилен в отношении всех ценностей. И любой логический абсурд, обозначающий несовместимые объекты и понятия, осмыслен именно таким смыслом. Поэтому нечего удивляться абсурдным противоречиям, которые «даруют» нам «судьи» в своих комментариях: все это имеет смысл, – тот сценический смысл, который соответствует их парадоксальному статусу в соловьевской программе. А противоречия эти рождены немалым смущением людей, оказавшихся в центре конфронтации между серьезностью обсуждаемых тем и солидностью общественного статуса «дуэлянтов», с одной стороны, а с другой, – несерьезностью всего спектакля, сопря-

³⁹⁵ Ж. Делез. Логика смысла ..., с. 93.

³⁹⁶ Там же, с. 90.

женного с несуразными и неприличными речами и жестами его героев.

Оценки четырех судей четко разделяются на две группы. К одной относятся те, которые не понимают (или смутно понимают) парадоксальность коммуникативной рамки «дуэли», и вытекающую отсюда двойственность коммуникативного поведения дуэлянтов: как предметно мыслящих экспертов и одновременно как исполняющих роль артистов. Вторая группа судей понимает это хорошо и дает соответствующую (двойственную) оценку.

Любопытно, что в первой группе оказались представители художественных ремесел: музыкант А. Маршалл и писательница А. Холина. А. Маршалл, с одной стороны, отмечает сумбурность речей дуэлянтов, их стремление переходить на личности и отвлекаться от сути разговора; признает, что «такой гвалт стоит в ушах, что трудно что-либо вообще понять». Но, с другой стороны, все же отдает предпочтение Ж., находя убедительными его экскурсы в историю, соглашаясь «со многими» (!) его оценками («по поводу и сталинского режима, и фашизма, и так далее и тому подобное»). Сходную с музыкантом позицию занимает и писательница Холина. С одной стороны, она квалифицирует увиденное как «балаган с размахиванием руками», где вместо обсуждения «действительно важной проблемы» постоянно переходят на личности. С другой стороны, более убедительным ей все же представляется Ж., «потому что он хоть приводит какие-то факты, вообще известные, но факты в свою поддержку, а Проханов гонит такую волну коммунистическую». Правда, «Владимир Вольфович все равно не очень, к сожалению, убедителен», зато П. вообще социально опасен: «это какая-то коммунистическая паранойя в духе Сталина и мне кажется, что нужно насторожиться после таких вот выражений».

Как видим, дискурс Ж.-П. точно характеризуется словами Ж. Делеза о «гротескном триединстве ребенка, поэта и безумца»³⁹⁷. Но это не мешает судьям с серьезным видом рассуждать о нем как о чем-то взрослом, нефиктивном и нормальном.

Во второй группе судей мы видим представителей профессий, где востребованы, так сказать, здравый смысл и трезвый анализ: пресс-атташе РСТ И. Тюрина и политолог Ф. Лукьянов. И. Тюрина дает четкое резюме увиденного: «Все это конечно очень зрелищно, но дуэли, если оценивать их с точки зрения политики, не получилось. Противостоять Владимиру Вольфовичу очень трудно, и Алек-

³⁹⁷ Там же, с. 107.

сандру Андреевичу этого не удалось. Владимир Вольфович, с одной стороны, вроде бы тверд в своих убеждениях, но противоречив, не логичен, не последователен. <...>. Моя позиция такова: я против Александра Андреевича, но и не за Владимира Вольфовича, я воздерживаюсь». Политолог Ф. Лукьянов тоже с самого начала фиксирует, что «в такой вот театрализованной дискуссии Жириновский ярче, потому что он как актер сильнее». Но это означает для Лукьянова ситуацию *quid pro quo*, когда предметная сторона дискуссии подменяется театральными жестами. Отсюда его конечное критическое суждение: «В этом поединке нет победителей, зато есть побежденные, проигравшие. Проигравшие - это мы все, это российское общество. Потому что до тех пор, пока столь фундаментальные вопросы нашей жизни, как отношение к прошлому, <...> пока поиск этого ответа будет подменяться театрализованными эффектами и личными выпадами, и идеологическими штампами, мы будем топтаться на месте».

Как видим, никто из судей не может дать внятной предметной оценки выступлений любого участника словесной «дуэли». Все их оценки прежде всего относятся не к содержанию, а к форме, коммуникативному обрамлению инсценированного диалога. Мы указали в начале нашего анализа общую причину такой реакции стороннего наблюдателя на парадIALOG: дефицит в нем предметной логики, вообще логики, делает невозможным ни предметную оценку парадIALOGа, ни осмысленное к нему приобщение.

Но высший «фокус» коммуникативной рамки парадIALOGа состоит в том, что даже приведенные выше трезвые и критичные оценки коммуникативной ситуации, в конечном счете, работают не на прояснение, а на профанацию «фундаментальных вопросов нашей жизни». Даже финально-трагическое «прозрение» политолога Лукьянова («проигравшие - это мы все, это российское общество») воспринимается как театральные жест, как домашняя заготовка для концовки пьесы, где он играет роль Умника-Политолога. Если же предположить (хотя это и нелегко), что судьи не подыгрывают Ведущему, а высказывают все, что думают, тогда они попадают в очень глупую для себя ситуацию. Они ведут себя так, будто участвуют в серьезном обсуждении исторических и политических проблем, тогда как на самом деле выступают персонажем комического телешоу. И чем больше они возмущаются дурацкими выходками Ж. и П., и чем более умные вещи они при этом высказывают, тем больше отвечают они своему амплу, своей глуповатой (сценической) ро-

ли «умников». Почему? – Да потому что невозможно вести себя логично и последовательно в противоречивом или нелогичном пространстве; потому что трудно оставаться умным в дурацкой ситуации, зато оказаться там дурацким Умником – легко.

В этом, кстати, заключен специфически современный тип реализации бессознательно-апологетической функции т.н. «экспертной культуры» гуманитариев. Апологетика носит ведь не только сознательный и открытый содержательный характер (по принципу «спасибо партии родной ...»); она может быть закодирована в коммуникативном обрамлении самого дискурса. В нашем случае, что бы ни говорил умный политолог о феноменах вроде парадиалога, он не может высказать его истинный фиктивный статус, потому что он сам остается частью этой фикции, а значит, в объятиях всех ее логических и коммуникативных парадоксов.

5.3. Клиника и этика парадиалога

Перестаньте смеяться – приборы показывают, что вы мертвы!

Популярное изречение

Чтобы анализировать современный политический дискурс, причем не только в России, надо для начала пройти врачебную практику в какой-нибудь психлечебнице или, по крайней мере, немного уяснить себе специфику психических расстройств. Сознание российского постсоветского общества особенно разорвано, оно обнаруживает явные признаки психоза. Возможно, один из секретов бешеного коммуникативного успеха Ж. (помимо очевидного риторического и артистического дара) состоит как раз в продуцируемой им модели массовой шизофрении. В дискурсе Ж. общественность узнает свой собственный бред, который она носит в себе как нечто сугубо интимное, а потом вдруг видит его на экране. Вот такой «случается бред», как выражался М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». И созерцая этот бред, публика переживает психотический катарсис, получает очищение-облегчение и – почти интимную душевную связь с главным политическим клоуном и психотерапевтом страны.

Упомянутая психотическая разорванность сознания выражается в неспособности людей различать в массовой политической ком-

муникации между уровнями абстракции, ступенями политического языка, коммуникативными обрамлениями политических событий. Для людей непонятно, где в политике фикция – где реальность, где в шутку – где всерьез, где смех, а где горе. Можно согласиться, что эти различия выглядят проблематичными не только в российской политике, что границы между актерством и политикой всегда и везде были текучими. Вопрос, однако, не в том, насколько диффузными являются эти границы (а разве граница между игровым и неигровым поведением даже у высших животных не является условной и подвижной?), а в том, сохраняет ли общественность способность вообще эту границу различать.

Накануне отъезда на упомянутую сессию ПАСЕ Российский фонд защиты мира вручил Ж. как лидеру крупной политической партии (и вице-спикеру национального парламента!) премию и медаль. Вручавший награду заместитель председателя комитета Госдумы по международным делам Л. Слуцкий сказал при этом: «Все, что делается Владимиром Вольфовичем как лидером политической партии, говорит о миротворчестве». Если совместить это событие с публичной речевой продукцией Ж. (в том числе и во время теледугли с П.), то можно сделать вывод о полной неменяемости российского политического дискурса. Мы не станем здесь задаваться вопросом, насколько жизнеспособна политическая культура, в которой такого рода неменяемость становится одним из важных элементов. Поживем – увидим. Во всяком случае, Э. Фромм писал в свое время, анализируя паранойяльное массовое сознание времен холодной войны, что «существуют вялотекущие хронические формы психозов, которые могут охватывать миллионы людей и которые <...> не мешают этим людям функционировать в обществе».³⁹⁸

Но было бы несколько глуповато метать одни только моральные громы и молнии по поводу обесмысливания политических проблем в парадиалоге Ж.-П. Глуповато, потому что у этого квази-политического диалога есть эстетическое алиби: коммуникативно он обрамлен как шоу, как игра в дуэль, и никто не обещал зрителям трезвого анализа. Да и ведущий В. Соловьев - это ведь не политический обозреватель, а талантливый шоумен. И само по себе это было бы ни хорошо, ни плохо, если бы такие квази-политические шоу не подменяли собой серьезного разговора о политике на нашем ТВ; если бы в реальном контексте нашего телевидения эти шоу не были

³⁹⁸ Э. Фромм. Революция надежды (о гуманизации технологического общества). М.: Айрис Пресс, 2005. С. 63.

бы забавной пародией и симуляцией аналитических политических программ; наконец, если бы главным героем телевизионного разговора о политике был бы у нас не политический артист Ж., а многоликий и дельный Эксперт. Одним словом, если бы такие телеспектакли сами по себе не были какой-то пара-политикой.

Пара-политическим этот опыт является потому, что он оперирует не объективной, а симулированной картиной политической реальности. Симуляция, как бы хорошо мы к ней ни относились, есть в том смысле регрессивный опыт, что она отходит от реальной логики предмета, который она симулирует. Симуляция есть именно мнимый, притворный образ предмета, рожденный через подражание его внешним свойствам. Но регрессивность заключена не столько в самом отходе от логики к эстетике (в широком смысле), сколько в подмене предметно-логических характеристик эстетическими свойствами. На социальные функции такого рода опыта указывали Лотман и Успенский в цитированной статье³⁹⁹. Они отмечали, что в определенных социальных ситуациях симуляции мифа вне мифического сознания рассматриваются как альтернатива знаковому мышлению, аккумулирующему социальные отношения, их предметную логику. В этом случае симуляция мифа выступает формой регрессивного опыта; неслучайно, – как замечают Лотман и Успенский, – она часто дополняется обращением к детскому мышлению.

Сколь бы ни было забавным театрализованное представление Ж. и П., с точки зрения предметной логики затронутых в нем проблем оно в точном смысле есть регрессивный опыт. И это – даже не негативная оценка, а коммуникативный диагноз. Сама по себе регрессия не является непременно злокачественным опытом. Секта православных коммунистов, тихо молящихся перед иконами Ленина и Христа, не является социальным злом, как не опасна сама по себе община хиппи, нашедшая антикапиталистическую альтернативу в объятиях природы и марихуаны. Однако и то, и другое есть регрессивный опыт с точки зрения предметной логики политических отношений.

Политическая регрессивность рассматриваемого парадиалога станет очевидной, если мы примем во внимание, к примеру, такой реально-политический аспект, как оппозиционность. Оба участника парадиалога считаются представителями современной политической оппозиции в России. Во всяком случае, к «партии власти» формально они не относятся. Как раз сам повод для дуэли – участие Ж.

³⁹⁹ Лотман Ю.М. Успенский Б.А. Миф – Имя – Культура ..., с. 69.

в сессии ПАСЕ – подается «первым демократом страны» в оппозиционном ключе. Ж. считает себя единственным свободным от коммунистического наследия российским политиком, в том числе, по сравнению с нынешней партией власти. Но с учетом подробно проанализированной выше речевой продукции «дуэлянтов» создается совершенно комичный, инфантильно-идиотский образ этих «оппозиционных сил». Оппозиция, ориентированная на все возможные позиции, и ни на какую из них конкретно; оппозиция, первейший принцип которой – поддерживать любое существующее правительство; оппозиция, выступающая политической версией «любовной связи антиномий», – такая симуляция оппозиции желанна для любого правительства.

В этом смысле неслучайно, что в последние годы Ж. стал политиком, востребованным ТВ. Он стал воистину знаковой фигурой театрално-политического дискурса постсоветской России. Между тем в странах старой демократической культуры не любой публичный человек, тем более, политик, согласится дискутировать в передаче с такого рода персонажем. Ведь это примерно то же самое, что идти на деловой разговор, а оказаться в центре карнавала; или как у классика: собираться в Кремль, а попасть на Курский вокзал. Это похоже на ситуацию, когда хирург ждет ассистента для серьезной операции, а к нему в операционную впускают цыган, начинаются песни и пляски, кто-то гадает по руке, кто-то лезет в карман ... Совершенно очевидно, что само присутствие Ж. придает политической коммуникации фиктивно-игровой, балаганный характер, и организаторы телепередач прекрасно это знают. Но дело не в них, а в реализуемой сегодня политике телевидения. Не все, впрочем, находят здесь признаки какой-либо политики⁴⁰⁰.

В любом случае, общее содержание передач двух государственных российских телеканалов можно считать нормальным только вне всякого сравнения с работой государственных (общественных) каналов других стран. На нашем ТВ отсутствуют аналоги серьезных политических ток-шоу, таких, например, как на общественных каналах немецкого телевидения: «Кристианзен» на ARD и «Берлин Митте» на ЦДФ. И как бы ни критиковались эти передачи в Германии,

⁴⁰⁰ И для этого есть основания. Оценка властью состояния нашего ТВ тоже носит «раздвоенный» характер. Так, вице-премьер правительства С.Иванов сказал на одном из заседаний кабинета, что отечественное телевидение «дебилизирует население». (См. об этом: А. Пушков в беседе с В.Устиновым. Столкновение экстремизмов. Литературная Газета от 19–25 апреля 2006. № 16, С. 3). Но примерно в это же время другой вице-премьер правительства, Д.Медведев, внушительно заявил: «мне очень нравится наше телевидение».

они дают публичную площадку всем основным политическим партиям, прежде всего оппозиционным, для серьезного (и неудобного для правящей коалиции) обсуждения реальных политических проблем. Их коммуникативная рамка не выстраивается по развлекательно-инфантильному образцу каких-то дуэлей, состязаний, гейм-шоу и прочее. Они транслируются в наиболее удобное для зрителей время, сразу после выпуска вечерних новостей в прайм-тайм. У нас же, как точно заметил А. Пушков, «как ни посмотришь госканалы в прайм-тайм, там почему-то все смеются <...>. А смешат одни и те же люди. Появилась корпорация, веселящая страну»⁴⁰¹.

Г. Алмонд заметил где-то, что политическая суматоха мешает смотреть на политику «как на интересную патологию». Суматоха нашей политической жизни этому явно не мешает, только вот не очень вдохновляет тех, кто живет внутри этой «интересной патологии». Как ни смейся над забавной дурашливостью политиков, от нее реальные проблемы смешнее не становятся; как ни смейся над собственным прошлым, без него серьезного будущего тоже не получится. Но из таких вот политических парадигм выходит: настоящего прошлого у нас нет, а есть только горе-прошлое; и нет у нас настоящей оппозиции - одна только горе-оппозиция. И нет ничего смешнее такого горя.

⁴⁰¹ А. Пушков в беседе с В. Устиновым. Столкновение экстремизмов. Литературная Газета от 19–25 апреля 2006. № 16, С. 3.

Феномен «внутренней колонизации» в украино-российских отношениях (исторический аспект)

В.Н. Ткаченко

Всякому делу свой час и своя пора. Ныне мы остро ощущаем необходимость познать истину, которая должна сделать нас свободными, даже с поправкой на то, что «кто умножает знания, тот умножает печаль». Однако, как это ни прискорбно, в новейшей истории двух независимых государств – Украины и Российской Федерации – все-таки «время строить» циклически чередуется со временем «разбрасывать камни».

Так, в 2009 году заместитель директора «Левада-Центра» Алексей Гранаткин констатировал, что после войны в Грузии отношение России к Украине резко ухудшилось. Этот сдвиг в общественном мнении России проявился в том, что если в июле 2008 года к Украине плохо относилось 37% россиян, то уже осенью – 53%. В роли главной причины сдвига назывался курс президента Украины Виктора Ющенко, который квалифицировался как проамериканский. Вскоре ситуация еще больше ухудшилась: после «газовой войны» декабря 2008 года этот негативный показатель достиг рекордных 62%. В создавшейся ситуации огорчало то, что россияне и украинцы связаны между собой не только историческим прошлым, общими границами, но и семейными узами. У многих украинцев живут родственники в России, соответственно, у многих россиян - родственники в Украине. Часто от россиян можно было услышать, что украинцы – это родной нам народ, но вот, дескать, им не повезло с властью. При этом мало кто отдавал себе отчет в том, что отрицательное отношение к государству может со временем перерасти в плохое отношение и к самому народу.

Ранимая идентичность

Придерживаясь принципа политкорректности, мы не станем со стороны Украины вдаваться в подробности кто и зачем после «оранжевой революции» 2004 года разжигал в России антиукраинскую кампанию в СМИ, тем более что и украинское руководство того периода грешило час от часу заявлениями, которые так и напрашивались на пропагандистские оценки со стороны журналистов. Особенно это касалось вопросов истории, на счет которых с украинской стороны подчас излагались весьма экзотические взгляды и оценки. И, тем не менее, в этой непростой ситуации общественное мнение Украины в целом выглядело достойно: по оценкам Киевского международного института социологии (КМИС), большинство украинцев, невзирая на различные пропагандистские кампании, продолжали хорошо относиться к России. И дело здесь вовсе не в каком-то психологическом парадоксе мировосприятия украинцев. Скорее речь может идти об относительно достаточной информированности. Так, комментируя этот феномен, социологи акцентировали внимание на присутствии плюрализма мнений в украинских СМИ, где журналисты, как правило, подавали две и больше точек зрения на проблему. Возможно, это и сыграло не последнюю роль в том, что положительно к России в 2009 году относилось 90% респондентов, а отрицательно – в пределах 6–7%⁴⁰².

С чувством удовлетворенности в моей стране в последнее время воспринимали и сдвиги в отношении россиян к Украине: согласно сентябрьского 2012 опроса «Левада-Центра», на вопрос «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?» ответили «очень хорошо» или «в основном хорошо» 74% респондентов. Это не 90% как в Украине, но все же и не так мало, как было раньше. Здесь, как мне кажется, кроме традиционных «газовых», во многом наносят вред и периодические продовольственные «торговые войны». То Россия запретила ввоз украинских сыров, то вдруг через день-два после праздничных лобызаний по случаю 1025-летия принятия христианства на Руси Российская Федерация запретила ввоз украинских сладостей украинской фирмы «Рошен». Потом это коснулось и других украинских товарных потоков: на российских таможнях был установлен жесткий режим, который, впрочем, со временем был послаблен.

Ладно бы эти вопросы решались в установленном порядке на межгосударственном уровне. Но ведь они постоянно сопровождают-

⁴⁰² Осторожно, украинофобия! ИноСМИ – все, что достойно перевода [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20090528/249459-print.html>.

ся массовой пропагандистской кампанией в СМИ. Все это сказывается на формировании общественного мнения. А в итоге создается суммарный повод для огорчения: что ни говори, а за последние 20 лет Украина в мировоззрении жителей России превратилась в один из самых противоречивых внешнеполитических образов. Она выступает как единственное государство, которое россияне, по данным опросов «Левада-Центра», записывают сегодня и в топ-10 друзей России (где Украина на пятом месте после Белоруси, Казахстана, Германии и Китая) и, одновременно, в топ-10 ее врагов (шестое место вслед за Грузией, США, и тремя странами Балтии).

При этом сами же российские эксперты отмечают такой досадный факт, что отношение к украинцам резко улучшилось за последние годы не в последнюю очередь на фоне «кавказофобии», что не может огорчать и самих украинцев. Социолог Денис Волков объясняет этот феномен тем, что в больших городах, куда хлынул поток кавказских и азиатских мигрантов, украинцы как приезжие не вызывают неприязни прежде всего потому, что их «не видно»⁴⁰³. То есть – они демонстративно не подчеркивают свою этническую принадлежность, и это каким-то образом сглаживает общение с русскими, хотя такой уровень восприятия русскими национальной идентичности других народов тоже вызывает ряд вопросов

К сожалению, нарастанию уровня толерантности между россиянами и украинцами резко претят интернет-конфликты на этнической почве. В онлайн-обсуждениях присутствует набивший оскомину набор стандартных обвинений: «хохлы» воруют газ, Украина стремится вступить во враждебное НАТО, бандеровцы-предатели угнетают российское население Украины. В ответ следуют упреки в стремлении «москалей» расчленивать Украину. Психологи пытаются объяснить такую ярость попыткой пользователей Интернета компенсировать свои нереализованные возможности – и личные, и национальные. Но в этих объяснениях мало утешения. Согласно экспертному суждению Юлии Мак-Граффи, главного редактора интернет-издания *Корреспондент.net*, новости об украинско-российских отношениях часто превращаются в «своеобразную красную тряпку для комментаторов». Эти новости не только наиболее читаемы, но и вызывают больше всего откликов посетителей, нередко агрессивных. Такого рода информационная война мешает находить взаи-

⁴⁰³ Сайт Андрея Ильницкого (www.amicable.ru) Отношение россиян к украинцам становится лучшим за последние полтора десятилетия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://amicable.ru/news/2012/12/13/4717/otnoshenie-rossian-k-ukra...>

мопонимание между народами по многим спорным вопросам и конфликтным моментам – как исторического прошлого, так и настоящего. Более того – на бытовом массовом уровне закрепляются предрассудки, отягощенные спекуляциями политтехнологов.

В создавшейся ситуации, на мой взгляд, украинским пользователям Интернета следовало бы учитывать некоторые моменты социальной и политической психологии. В частности тот момент, что жители Российской Федерации в течение последних 20 лет пережили острые этнические конфликты, варварские теракты и разрушительные военные действия. Все это, безусловно, усиливало межэтническое напряжение в стране. Следует относиться с пониманием и к тем проблемам, которые были обозначены в выступлении президента Российской Федерации Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» осенью 2013 года. Речь идет о том, что «сегодня Россия испытывает не только объективное давление глобализации на свою национальную идентичность, но и последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности. В результате получили разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности. Именно в этом многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся. Ведь вопрос ответственности перед самим собой, обществом и законом – один из основополагающих не только в праве, но и в повседневной жизни»⁴⁰⁴.

Соответственно и российской стороне следовало бы осознать, что длительный период пребывания Украины в статусе «внутренней колонии» Российской империи не мог не вызвать своеобразный компенсаторный «эффект бумеранга», провоцируя феномен если не исторического реванша, то, во всяком случае, феномен идентичности сопротивления – «Украина – не Россия» (Леонид Кучма). Того реванша и сопротивления, который следует перевести в исторический диалог двух народов. В частности, диалог относительно украинской и российской идентичности, переосмысления доставшегося нам исторического наследия, углубленного анализа современных глобальных вызовов и разрешения проблемы идентичности в первую очередь через призму этих вызовов.

⁴⁰⁴ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.

Феномен «внутреннего колониализма»

Было бы наивным полагать, что вывести общественное мнение Украины и России из турбулентного информационного поля могла бы в одночасье высокая академическая наука. Одной ей это не под силу. Но и без ее фундаментальных разработок, которые рано или поздно будут все-таки востребованы обществом – как гражданами, так и политическим классом – нормализовать отношения между двумя странами никак не получится. В этом контексте книга «Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России», изданная 2012 года в Москве под редакцией Александра Эткинда, Дирка Уффельмана и Ильи Кукулина может быть рассмотрена как этапный труд в весьма перспективном исследовательском направлении.

Конечно, колониальный, антиколониальный и постколониальный дискурсы заявили о себе в общественно-политической мысли не сегодня и не вчера. Речь идет как о зарубежных изданиях, так и об отечественной научной продукции. И в этом многотрудном процессе выработки самосознания, как говорится, не каждое лыко в строку. Для этого достаточно вспомнить хотя бы известное положение, что история есть организованное воспоминание, и организованное забытьё. В случае многонациональной Российской Федерации, подчеркивается в книге, особенно важным является то, что вспоминают друг о друге составляющие ее народы, ибо, по Эрнесту Ренану «сущность нации состоит в том, что все индивиды, ее составляющие, имеют много общего, но забыли многое, что их разъединяет»⁴⁰⁵.

Впрочем, этот дискурс касается и Украины, учитывая значительную составляющую в ее народонаселении представителей русского этноса. Вполне понятно, что во время формирования новой исторической общности «советский народ» монопольно правящая КПСС проводила линию, зафиксированную в приснопамятных тезисах к 300-летию воссоединения Украины с Россией. В этом документе «красной нитью» проходила идея об извечном стремлении украинцев воссоединиться с братским российским народом. И наоборот – после распада Советского Союза лейтмотивом многих исторических исследований стал тезис о единодушном стремлении украинцев к независимости от гнета Российской империи. То есть, маятник общественного мнения качнулся в другую сторону и, соответ-

⁴⁰⁵ Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. – Новое литературное обозрение. – С. 145.

венно, имперский дискурс советских времен был заменен в последнее двадцатилетие дискурсом антиимперским.

На мой взгляд, в этот непростой в украино-российских отношениях час следовало бы уделить большее внимание дискурсу постимперскому. Ныне украинцам и россиянам приходится находить взаимопонимание исходя из факта существования двух независимых государств на принципах взаимности и добрососедства. Каждое государство – и Российская Федерация, и Украина – преследуют свой национальный интерес, и от этого никуда не деться. А потому придется научиться слышать друг друга с учетом того, что не все исторические факты имеют для разных народов одинаковую ценность, тем более что события прошлого не всегда могут претендовать на одинаковую оценку. Тем не менее, диалог следует продолжать и находить взаимопонимание.

С точки зрения определения роли и места Украины в контексте «внутреннего колониализма» хотелось бы остановиться на некоторых исходных пунктах научного труда «Там внутри». Прежде всего, привлекает внимание *определение внутренней колонизации как применение «практик колониального управления и знания внутри политических границ государства»*. То есть, центральным пунктом является государственная политика по отношению к завоеванным или присоединенным народам. Но тут же следует оговорка, что «границы России расширялись и в доимперский, и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие «внешнего» от «внутреннего» было текучим и неопределенным». Вот эта «текучесть» и «неопределенность» и является причиной того, что вместо четко структурированных дефиниций в исследовании приходится прибегать к различным метафорам, которые где-то и помогают глубже «прощупать ситуацию», но не могут претендовать в полной мере на статус *систематизированного знания*. То есть, - вычленив какую-то универсальную «модель» внутреннего колониализма, а тем более выстроить надлежащую матрицу на сегодняшний день пока что маловероятно, а потому понятие «внутренний колониализм» все еще остается во многом подвижным и трудно фиксируемым.

То же относится к понятию «инородцы», где представления о словии, религии и этнической принадлежности могли варьироваться, наполняться различным ситуативным смыслом, а формы культурно-политического отношения к ним могли быть одновременно и универсальными, и локализованными. Это сказывалось и на

практическом осуществлении имперской политики России: она сильно варьировалось – от максимально возможной ассимиляции этносов, до военно-административных силовых методов управления или прямого «выдавливания» с занимаемых ими территорий. Впрочем, как отмечается в книге, бывали случаи, когда имперские власти никак не могли определить цели и курс своей политики в отношении некоторых этносов, «доставшимся» им вместе с территорией⁴⁰⁶.

Окончательно осложняет исследовательские задачи и то, что характерные феномены колониализма в России «чаще всего были обращены внутрь собственного народа» – их называли внутренней колонизацией, самоколонизацией или же вторичной колонизацией собственной территории. Этот процесс сопровождался не только эксплуатацией экономических и людских ресурсов, но и культурным прессингом на самих же русских: в ряде случаев попытки ассимиляции этнических меньшинств угрожали необходимостью ввести такое определение русскости, которое не могло удовлетворить самих русских, или приводило к возвышению «иностранцев» над самим русским населением⁴⁰⁷.

Таким образом, актуальной задачей, на мой взгляд, все еще остается определение какой-то фиксированной «исходной точки» для определения надлежащей исследовательской системы координат. В противном случае восторжествует постмодернизм – ибо «если Бога нет, то все позволено». В этой ситуации, как мне представляется, следует продолжать дискурс в обозначенном направлении «внутреннего колониализма», но не столько по линии узкодисциплинарной, сколько путем выхода на метадисциплинарный уровень. Очень даже может быть, что это приведет, в конце концов, к какой-то обобщающей концепции, а в дальнейшем – и более четкой структуре и исследовательской матрице.

Что же касается трактовки «внутреннего колониализма» по отношению к украинцам и белорусам, то здесь, судя по всему, подход не только весьма конструктивен, но и показателен в контексте отхода от устарелых взглядов. Как показывают стереотипы сознания, которые очень омрачают современные украино-русские отношения, парадокс состоит в том, что украинцы со стороны русских никогда не считались «иностранцами». Их просто чохом зачисляли «русскими», и тем самым лишили права считаться отдельным народом. Украинский язык же рассматривали как диалект великорусского на-

⁴⁰⁶ Там же. – С.13.

⁴⁰⁷ Там же. – 14.

речия. Поэтому нельзя не согласиться с авторами «Там внутри», что «самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического в истории России является история управления Украиной и ее восприятия в культуре... На политическом уровне шла гомогенизация империи, на культурном – экзотизация Украины и представление ее как пространства, где предки жителей Москвы и Петербурга исповедовали древние, ныне забытые, но таинственные и жутковатые языческие обряды. Украина не только в русской, но во многом даже и в украинской культуре... стала локусом смешения и затрудненного различения «своего» и «чужого» и, таким образом, сохранила свой «пограничный» статус, которого она после ликвидации автономии Гетманщины не имела политически»⁴⁰⁸.

С точки зрения политкорректности привлекает внимание еще одна важная, заявленная авторским коллективом позиция. Они убеждены, что, «любые проявления российско-имперского нарциссизма неприемлемы, поскольку заставляют забыть о жертвах российского внешнего колониализма... Мы стремились к тому, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и для агентов колониализма и внешнего, и внутреннего»⁴⁰⁹. Следует отметить – с точки зрения России это ново и показательно. Однако, на мой взгляд, с точки зрения современной Украины было бы некорректно и неконструктивно принять на себя роль исключительно «жертвы» колониализма, как это характерно для антиколониального дискурса. С одной стороны, нельзя забывать, что значительный контингент украинского политического класса очень даже активно выступал в роли агента имперского строительства. А с другой стороны – психология «жертвы» с точки зрения задач нынешнего украинского общества весьма уязвима и двусмысленна: она могла быть допустимой разве что на мобилизационном этапе конструирования «идентичности сопротивления», но вряд ли становится конструктивной на нынешнем этапе формирования «идентичности проекта будущего» для Украины.

Вот эти последние соображения, по существу, и станут рабочей гипотезой в дальнейшем изложении материала.

⁴⁰⁸ Там же. – 25–26.

⁴⁰⁹ Там же. – 24.

Креативная метафора

Прежде всего, есть смысл пока что принять «метафоричный» подход авторов «Там внутри», который сформулирован следующим образом: «Вопрос для нас состоит не в том, верна ли модель внутренней колонизации, а в том, может ли эта метафора принести эвристическую «добавленную стоимость». На наш взгляд, она вполне допустима при интерпретации культурной и социальной истории империи, так как колонизация основана на «сверхэкономическом» производстве культурных различий – производстве, которое порождает не только экономические, но прежде всего культурные и антропологические последствия»⁴¹⁰.

Возьмем и мы для примера тот идеал «всесторонне верноподданнической личности», который российское самодержавие стремилось сформировать, а в дальнейшем и эксплуатировать в Украине. Лучшей иллюстрации, чем встреча с запорожцами Екатерины II и князя Потемкина в «Ночь перед Рождеством» Н. Гоголя, вряд ли мы найдем:

Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать... Гетьман... едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

- Все ли вы здесь? – спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

- *Та вси, батько!* – отвечали запорожцы, кланяясь снова.

- Не забудете говорить так, как я вас учил?

- Нет, батько, не позабудем.

- Это царь? – спросил кузнец одного из запорожцев.

- Куда тебе царь! Это сам Потемкин, – отвечал тот.

В другой комнате слышались голоса... Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

- Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

- Встаньте, прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос.

Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

- Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем! – кричали запорожцы.

⁴¹⁰ Там же. – 23.

Потемкин кусал себе губы, наконец подошел сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись...

- Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

- *Та спасибі, мамо!* Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, - почему ж не жить как-нибудь?..

Потемкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед:

Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-нибудь с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *поворотить в карабинеры*; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию через Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..

Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Здесь Н. Гоголь свел суть разговора до просьбы кузнеца подарить его невесте черевички. В итоге писатель ушел от того, чтобы озвучить требования украинского казачества, однако вместо этого вскрыл откровенно колониально-покровительственный характер аудиенции, где и царский двор, и запорожцы вели себя соответственно моменту: запорожцы изображали простоватую глуповатость, а Екатерина II источала свои симпатии к «поющему и пляшущему племени».

Однако ж, - продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, - я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

- Як же, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, - отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивлялся, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам в себе, - верно, не даром он это делает».

- Мы не чернецы, - продолжал запорожец, - а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Турещине.

В этом отрывке Н. Гоголя ярко и многогранно отразилась та политическая и культурная ситуация, которая сложилась в Россий-

ской империи относительно Украины. Прежде всего, произошла колониальная ориентализация Украины, где запорожцы виртуально представляли из себя эдакую экзотическую группу, для описания которой, по мнению присутствующих в гоголевском сюжете российских сановников, уместно было бы перо Лафонтена. Украинцы в имперском дискурсе выступали в роли тех «других», «иных», которые якобы ведут нецивилизованный образ жизни и поэтому постоянно нуждаются в дисциплинировании со стороны князя Потемкина. Во-вторых, в наведенном отрывке происходит фольклорная стереотипизация украинцев, сопровождающаяся добродушно-снисходительным отношением императрицы к своему «поющему и пляшущему племени». Однако, в третьих, в творчестве Н. Гоголя в экзотический образ украинца включается такая сугубо русская, с точки зрения официальных идеологов, черта как православное вероисповедание. А это, дескать, в корне меняет ситуацию. Ведь в итоге происходит гибридизация образа украинцев, ибо последняя характеристика как бы возвышает их над «иностранцами» – татарами, турками и поляками – и тем самым навеки определяет дальнейший путь украинцев к ассимиляции в качестве демографического донора русского народа.

Эвристической «добавленной стоимостью», проистекающей из анализа метафоричности Н. Гоголя, может быть, на мой взгляд, расширение диапазона дискурса о «внутренней колонизации». Как уже говорилось, речь идет, прежде всего, **о необходимости решительного смещения акцента от полемики в рамках «имперский/антиимперский» – в сторону более последовательного постимперского, самокритического дискурса украинцев по отношению к самим себе.** Например, в приведенном диалоге царицы и запорожцев нельзя однозначно прийти к заключению – чем же объяснить такую витиеватую, хитроватую-угодническую манеру изложения запорожцами своих просьб. Почему они приняли эти имперские правила игры, внося в этот замысловатый церемониал и протокол свои хитроумные ремарки и полунамёки? Все ли дело в насилии и глумлении над украинским народом?

Или, может быть, имперская форма правления, при всех своих изъянах и недостатках, на определенном этапе своего развития в чем-то главном соответствовала миропониманию украинцев и осознанию ими своих национальных устремлений?

Две культуры: имперский диалог

Понимаю, что последний тезис будет активно оспорен и осужден некоторыми украинскими ура-патриотами как якобы проявление «низкопоклонства перед старшим братом», но все же остаюсь при убеждении в креативности и перспективности именно этого подхода, последовательно отстаиваемого мной и соавторами в годы независимости Украины⁴¹¹. Рассмотрим некоторые аргументы в подтверждении этого подхода.

Национальные устремления России в XVII веке формировались под воздействием вызова – глубоких потрясений государственного и общественного строя в период «смутного времени» (оккупация Москвы времен Лжедмитрия). Этот вызов дал мощный импульс к европеизации России. Государство все чаще стало приобщать иностранцев к реформированию армии, производства вооружений, металлургии, торговли. Из книг, переведенных из латинского и польского языков, проникали основы научно-технических знаний, хотя в сфере гуманитарной все еще придерживались унаследованных канонов традиционных форм.

Однако это столетие принесло с собой и эмансипацию культуры от пут старых форм. На смену Псалтырю приходили буквари. Выходцы из белорусских и украинских земель, закончив Острожскую или Киево-Могилянскую академии, создавали в Москве очаги просвещения. Уже во время царствования Алексея Михайловича для исправления церковных книг были приглашены киевские ученые – Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие. Реформирование Петром Великим Московской духовной академии было не чем иным, как внедрением административным порядком того, что уже было ранее в Украине.

По этому поводу известный ученый-языковед Н. Трубецкой в статье «К украинской проблеме», изданной в 1927 году в эмиграции, акцентировал внимание на специфике русско-украинских взаимосвязей. Он считал, что в XV, XVI и первой половине XVII в. культура Руси-Украины и культура Московской Руси развивались настолько разными путями, что к середине XVIII в. различие между ними было уже чрезвычайно глубоким. Однако украинское национальное сознание, как и русское, тогда еще не сложилось как мировоззренческая система. Среди населения бытовала идея общности византийского православия и единства Руси. Поэтому обе культуры

⁴¹¹ Детальной см.: Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Україна: проблеми самоорганізації. : [в 2 т] К., Промінь, 2003. – Том.1. Критика історичного досвіду. – 384 С.

– русская и украинская – трактовались как две дальнейшие редакции одной и той же культуры. Но каждая сторона придерживалась своих взглядов: выходцы из Украины считали московскую редакцию культуры испорченной неграмотными москвитями. А те, в свою очередь, считали украинскую редакцию культуры испорченной еретическими латино-польскими влияниями. Спор решил царь Петр I, отдав предпочтение украинской редакции, которая уже содержала в себе элементы европейской культуры и тенденцию к дальнейшей эволюции в этом направлении⁴¹².

В итоге творческая деятельность украинцев стала неотъемлемой частью российской культуры. Например, Николай Лосский среди украинских деятелей в области русской культуры называл в первую очередь литератора Василия Капниста, переводчика «Илиады» Николая Гнедича, автора исторических романов Данила Мордовцева и популярного Владимира Короленко. В области философии это профессора Т. Осиповский, С. Гогоцкий и П. Юркевич. В области других наук – историк Н. Костомаров, лингвист А. Потебня, математик В. Имшенецкий, биолог О. Ковалевский, минералог В. Вернадский и его сын историк Г. Вернадский, геолог М. Андрусов. А еще целые семьи Данилевских, Петрушевых, Прокоповичей. В области живописи всем известны имена Антона Лосенка, Дмитрия Левицкого, Владимира Боровиковского, Ильи Репина, Михаила Врубеля. А куда девать из сферы музыки Михаила Глинку, Дмитрия Бортнянского, Максима Березовского, Артема Веделя? А просветителей Мелетия Смотрицкого и Степана Яворского? Как забыть тот факт, что в Славяно-греко-латинской академии более трех четвертей учителей, префектов и ректоров были выходцами с Украины, воспитанниками Киево-Могилянской академии, учителями ее, переведенными в Россию правительственными указами? Оценивая их деятельность, российский исследователь П. Знаменский в работе о духовных школах России, отмечает, что школьные администраторы и учителя были для учеников настоящими иностранцами, что приехали с какой-то чужой земли, которой тогда была Малороссия, со своими обычаями, понятиями и самой наукой, со своим малопонятным, страшным для великорусского уха языком⁴¹³.

Однако, насколько корректным может быть заключение Н. Трубецкого, что в XVIII веке произошла «украинизация» русской куль-

⁴¹² Трубецкой Н. Наследие Чингисхана, - М., Эксмо. 2007. С.523–545.

⁴¹³ Знаменский Н. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – Казань. 1881. – С.435 .

туры? Здесь следует акцентировать внимание на том факте, что для полной победы на культурном фронте необходимо было бы достижение преимущества во всех сегментах культуры. А вот этого момента как раз и недоставало Украине XVII века. Украинская культура периода барокко – архитектура, живопись, церковное пение и проповеди – была по существу церковной. До тех, пока аналогичное положение дел было и в России, украинская культура была в наступлении: она завоевала церковь, словесно-богословское образование и науку, искусство и культуру в целом. Известная церковная реформа патриарха Никона была фактически проведена силами украинцев. Однако этого уже было недостаточно: Европа уже не жила исключительно церковной культурой. Да и в России Петр I еще использовал Стефана Яворского в качестве Президента Духовной Коллегии (Святейшего Правительствующего Синода) после последнего российского патриарха Адриана, как и Феофана Прокоповича в качестве первого вице-президента. Однако Петр I уже смотрел на Запад, чтобы позаимствовать оттуда необходимые ему элементы новой технической культуры.

Прорубив не без помощи украинской интеллигенции окно в Европу, Петр I впоследствии (после Полтавы) жестко отгородил Украину от Запада. При этом он оставил Киево-Могилянскую академию такой, какой она тогда была – лояльной и смиренной. И это впоследствии сыграло решающую роль: кто не идет вперед, тот отстает. В нашем случае отставание было безнадежным: в то время, как российская культура стала дополнять свою церковную сторону новой, технически-светской, украинская культура оставалась на старых позициях. В итоге она становилась старомодной, а старомодность вызывает смех. Насмешки убивают культуру. И уже в конце XVIII начале XIX веков положение принципиально изменилось: Украина, потеряв государственность (существующую до того в ограниченной форме Гетманщины), постепенно теряла свой авторитет и в сфере культуры.

С этого времени русская культура, интегрируя в себя интеллектуальный потенциал провинций, стала символом духовного прогресса. Украина же, лишенная культурной элиты, стала синонимом мужицкой нации, культурной отсталости и провинциализма. «Среди высших российских кругов, – писал украинский литературовед, академик С. Ефремов, – где еще в первой половине XVIII века передовые позиции занимали более культурные украинцы, началась решительная реакция: россияне теперь ответили мстью за прошлое

свое унижение, и конец века видит уже иное распределение культурных сил. Украинство – это уже провинциализм, мужицтво, некультурность и грубость; «модное в то время осмеивание малороссов» стало вместо бывшей моды на украинцев в столице при царском дворе»⁴¹⁴.

В целом же привилегированная военно-бюрократическая каста России была вполне интернациональным, вернее – космополитическим образованием. Политика русификации была весьма дифференцированной – даже тем «инородцам», которые принимали православие и русский язык, были открыты двери к высшим постам. Тем более это касалось православных выходцев из Украины – 25 тысяч семейств украинской казацкой старшины получили от империи звания российских дворян. Будучи инкорпорированными в высшие круги Российской империи, они достигали наивысших постов. И было бы несправедливо не замечать, что служба Российской империи на различных постах министров и послов, представители знатных украинских родов Безбородков, Завадовских, Гудовичей, Троцинских, как покажет ход дальнейших событий, вносили свой вклад (возможно, и не осознавая это в полной мере) в защиту геостратегических интересов будущей Украины.

Другое дело, что имперская служба преследует свою логику и требует демонстративного дистанцирования от собственного народа как критерия лояльности «высшим государственным интересам» России. Выходцы из Украины старались не выделяться из общей чиновнической массы, русский канцелярский язык уже с середины XVIII века главенствует в делопроизводстве учреждений на территории Украины, а украинский народный язык трактуется «исчезающим наречием», которое часто используется в театральных постановках для придания им комедийности. Постепенно теряется самоназвание украинцев: вместо этого внедряется официально-бюрократический термин «малороссиянин» – в сопоставлении с представителями «Великой Руси».

В конечном итоге, украинское дворянство подверглось массовой русификации. И хотя многие представители этого класса все же исповедовали дух патриотизма, им была свойственна скорее двойственная лояльность: гражданская общерусская и украинская этническая. Если выйти за рамки русско-украинских отношений и посмотреть шире в плоскости решения задач «внутреннего колониализма»,

⁴¹⁴ Сфремов С. На переломі двох епох (Іван Котляревський) // Котляревський І. Твори. – К., ДВУ. – 1926. – С.13

то элита национальных окраин, которая могла бы возглавить национально-освободительное движение в своем регионе, с удовольствием поглощалась имперским бюрократическим аппаратом. После подчинения в 1686 году украинской церкви Москве, произошла также русификация священнослужителей. Вместе с тем, согласно переписи 1897 года половина священнослужителей Украины (близко 50 тыс.) признали украинский язык родным. Они жили в тесном контакте с крестьянами, работали учителями в церковно-приходских школах, однако никакого клерикального политического движения в защиту идеи независимой Украины не создали.

Истоки консенсуса

Что и говорить, имперская система России была именно такой, а не какой-либо другой. Однако возникает вопрос, почему длительное время в Украине ощущалось отсутствие какой-либо программной цели освободительной борьбы. Почему, за оценкой М. Грушевского, начиная со времен гетмана Ивана Самойловича (1672–1687), Гетманщина «тихо плыла, без всяких конфликтов и пертурбаций на буксире московской политики»?⁴¹⁵ Конечно же, в первую очередь потому, что «именно среди политического затишья и лояльной покорности под regimentом Самойловича и Мазепы закладывались прочные основы сословных прав казацкой старшины и помещичьего землевладения на Украине, которые развивались параллельно с постепенным уничтожением автономии и форм выборности казацкого правления»⁴¹⁶.

Однако, все это касается сословных интересов казацкой верхушки. А были ли общенациональные интересы, которые бы закладывали предпосылки украинско-русского консенсуса в рамках империи? В конце XIX века к вершинам историософского понимания всей сложности украинского пути, монархических предпочтений политического класса и откровенно промосковской ориентации казацкой элиты поднялся, очевидно, лишь М. Драгоманов. Многие другие публицисты не пошли дальше деклараций о «продажности» украинских правящих верхов, их чуть ли не прирожденном «сервилизме».

Не заходя слишком далеко в историю, отмечал М. Драгоманов, достаточно будет указать, что уже от митрополита киевского (1620) Иова Борецкого вся украинская интеллигенция, в том числе и ка-

⁴¹⁵ Грушевской М. Очерки истории украинского народа. – К., 1991, – С.226.

⁴¹⁶ Там же. – С.233.

зацкая, кланялась восточному царю как своему защитнику. Сам же И. Борецкий еще в 1624 году ставил перед российским царем вопрос об объединении украинского народа с российским. Антироссийские выступления отдельных украинских деятелей, подчеркивал М. Драгоманов, не делали погоды: и Мазепа в последние годы его правления, и Филипп Орлик с Костем Гордиенко были здесь исключением, а не правилом.

Драгоманов ставил ряд вопросов к своим современникам, которые актуальны и сегодня. Почему такие фигуры украинских гетманов как И. Выговский, П. Дорошенко, И. Мазепа и Ф. Орлик не нашли в свое время надлежащего места в устном казацком эпосе – думах и песнях, а если и нашли, то зачастую негативное? Почему народное самосознание в целом дистанцировалось от этих деятелей? Как дать объяснение тому, что украинский народ в 1708 году отказался от варианта «вестернизации» Украины в союзе со Швецией, претерпев нечеловеческие муки от карательных экспедиций Меншикова, но остался верным царю Петру I? Банальные ссылки на «холопский» характер украинцев вряд ли будут здесь корректными.

Если даже обратиться к такому патриотическому произведению как «История Русов» анонимного автора, то апелляция Мазепы к национальному фактору, призыв к осознанию себя отличным от Московии народом не сыграли, в конце концов, решающей роли. Если верить этому источнику, то главным фактором при выборе стать ли на сторону Карла XII или Петра I – было осознание принадлежности к православной христианской цивилизации. «Значит, – писал М. Драгоманов, – если кто хочет украсить патриотизм непременно «святынями», то должен признать, что московский царизм является и украинской святыней и что вследствие этого старые украинские писатели, творя стихи на честь царизма, являлись вовсе историческими патриотами»⁴¹⁷.

Драгоманов акцентировал внимание на том, что борьба за национальную независимость может стать весомым фактором народной жизни лишь тогда, когда дело доходит до осознания на индивидуальном уровне своих материальных и моральных интересов. Под этим углом зрения, писал он, «московское царство принесло нам немало бед, потому что это такое правление, которое наделало и делает беду и своим»⁴¹⁸. То есть, наряду с внешней колонизацией актив-

⁴¹⁷ Драгоманов М. Листи на наддніпряньську Україну // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні твори. – Т.1. – С.443.

⁴¹⁸ Там же. – С.443–444.

но осуществлялась и колонизация собственно русских территорий. Однако при этом, считал украинский мыслитель, следует брать во внимание, что «все-таки то царство было определенной организацией общественных сил, к которой пристала и наша Украина и которая все же таки выполняла и наши национальные задачи, с того времени, как история сложилась так, что мы сами не могли их выполнить»⁴¹⁹.

Таковыми национальными задачами на то время были: освобождение украинского народа от татаро-турецкого насилия и от польского подданства. Именно политика Польши в XVI–XVII веках подталкивала украинский народ к союзу с московским царем, тем более, что союз с Портой и ее вассалом Крымским ханством был неперспективным. Последние смотрели на Украину, как на белую Африку, откуда они поставляли рабов, каторжников и янычар. «Без северных берегов Черного моря, – писал М. Драгоманов, – Украина невозможна как культурный край; мы имели те берега в часы Уличей, Тиверцев и Тмутараканьской Руси; мы отбили обратно часть их перед нападением турок в XV в. и вынуждены были, так или иначе, взять их потом. Не удалось нам это сделать под Польшей, с самим казацтвом, то должно было это осуществиться под московскими царями (Польша была, собственно, государством Балтийского бассейна и вследствие этого безразличной к черноморскому делу, интересному для поднепровцев). Московщина как государство Балтийского и Каспийского бассейна тоже была безразлична к тому делу, но Донщина притягивала ее к Черному морю. Вот где фатальная причина, почему европейская, а не специально украинская, задача разрушить Турцию XV–XVI вв. была выполнена в XVII–XIX вв. государством московским, а не польским... Народ наш это нюхом чуял»⁴²⁰.

Обеспечение украинских геополитических интересов в рамках имперской системы России создавало основу для своеобразного украинско-российского консенсуса. Даже после разрушения Сечи в 1775 г. и введения крепостничества (к которому народ подвела сама же казацкая старшина), Екатерина II была достаточно популярной среди украинской политической элиты. Народ же утешался тем, что присоединение к империи буджацких, крымских и кубанских степей дало возможность крепостным массово убежать с Гетманщины и Правобережной Украины на «слободы». Да и в XVII веке фактор массовой миграции из-под Польши в московские земли, где за ко-

⁴¹⁹ Там же. –С.444.

⁴²⁰ Там же.

роткое время выросла новая Слободская Украина, сыграл не последнюю роль в подписании Переяславских соглашений. Кроме того, повстанческое движение на Правобережье против польского гнета – Колиивские бунты 1733 и 1768 годов – осуществлялись под знаменем московским (настоящим или придуманным).

Ссылаясь на обозначенные моменты, М. Драгоманов считал, что только в час аграрных реформ 1863-1866 годов завершился, по существу, период украинской истории, начатый революцией Богдана Хмельницкого, и тем самым украинско-российские отношения вошли в принципиально новое русло. В преддверии этих реформ в рамках Российской империи была выполнена элементарная геополитическая задача Украины: во второй половине XIX века народ, расселённый на достаточно обширной территории, был защищен от внешней угрозы. «Теперь, – писал М. Драгоманов, – только и могло проясниться дело о том, как освободиться Украине и от московского чиновничества, как интеллигенции украинской организовать вместе с народом, поднять украинскую национальную культуру и т.д.»⁴²¹. То есть, Украина внутренне концентрировалась на реализации своего «украинского проекта», который отныне составлял уже конкуренцию «проекту русскому», «русской идее».

Борьба Украины за национальное самоопределение не мыслилась в то же время без борьбы за социальный прогресс. Правда, с весьма существенной оговоркой: освобождение Украины М. Драгоманов небезосновательно связывал с общедемократическими процессами в самой России. Он отдавал себе отчет в том, что «до конституции в России правительство никогда не позволит даже украинской проповеди в церквях, ни языка в школе и на селе»⁴²². Только утверждение демократических свобод в России открывало путь для общественно-политической организации украинцев.

Однако, не все так сложилось, как замышлялось.

Ирония истории: расплата

В деле внутренней колонизации причерноморских и приазовских степей, да и всего степного массива от Заволжья и Башкортостана до Забайкалья и Зеленого клина Приморского края украинцы шли «второй волной» аграрного освоения этих территорий после «первой волны» – их военно-административного присоединения рос-

⁴²¹ Там же. – С.448.

⁴²² Там же. – С.479.

сийскими властями. Засеяв пшеницей и гречихой эти степные просторы Российской империи, украинцы отличились и в освоении степей Канады, и в возделывании южноамериканских прерий Бразилии и Аргентины. Вместо обустройства собственной земли, ее последующей урбанизации, многие украинцы превратились в демографического донора иных народов и цивилизаций. Беспрестанная миграция в чужие окраины, где они вынуждены были интегрироваться в новые этносоциальные организмы, обескровливала процесс формирования молодой украинской нации.

Вместо того, чтобы вливаться в городское население, осваивать новые виды производства и новые формы жизнедеятельности, украинцы в массе своей воспроизводили привычный образ жизни и занятости в сельском хозяйстве. В итоге, на час провозглашения независимости Украины в 1917 году 90% украинцев на своей земле составляли крестьяне. А эта социальная страта, как показывает история, не способна обустраивать государственную жизнь. К тому же крестьяне имеют склонность сводить любой революционный процесс к бунту «против всех» – кровавому и часто бессмысленному – ярким примером чему служит жизнь и деятельность Нестора Махно, где традиции казацкого Гуляйполя свели процесс государственного строительства к анархии.

Процесс «внутренней колонизации» кубанских степей привел к особо показательному искажению национальной судьбы украинцев. В эти степи по приказу Екатерины II в 1792 году переселили тех запорожских казаков, которые после разрушения имперским войском Запорожской Сечи согласилось осесть на «подаренной» царицей новой земле. В процессе этой целенаправленной колонизации запорожцы превращались по существу дела в высокоэффективный «спецназ»: защитной полосой украинцев Российская империя усиливала свои границы перед вольнолюбивыми кавказскими горцами (разумеется, такая же роль отводилась и русскому казачеству – донскому, и позже созданному терскому). Разве что украинское Черноморское казачество, а, в особенности, так называемые пластуны, были в высшей степени профессионально подготовленными для осуществления тех целей и функций, которые ему «делегировал» царизм.

Впоследствии Александр II сформулировал, что «эта цель заключается в завоевании Кавказа путем его колонизации, и в этой колонизации казаки призваны играть главную роль не только своей военной службой, но они должны сверх того, являться первыми пе-

реселенцами на завоеванных местах и закреплять их своими станциями». Комментируя это наставление, академик И.Дзюба обращает внимание на горький исторический парадокс глубокого травмирования национального чувства украинцев: «казачество, образовавшееся из людей, искавших свободы от крепостнического государства, было использовано этим государством в своих интересах, для подавления свободы других народов. Так были посеяны ядовитые и устойчивые семена межнациональной вражды. Жертвой имперской политики стало и украинское черноморское, кубанское казачество»⁴²³.

Впоследствии этот своего рода «первородный грех» Черноморского казачества обернулся против самих украинцев. Так, например, конец 1918 года был ознаменован воистину фатальными событиями в истории украинского народа. На Надднепрянской Украине набирала сил вторая волна национально-освободительной борьбы против гетманского прогерманского правительства Павла Скоропадского, вследствие чего была возрождена Украинская Народная Республика (УНР), провозглашенная еще в 1917 году. В октябре 1918 года распалась Австро-Венгерская империя, и в Галиции 1 ноября было создано Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). На Кубани 18 декабря 1918 года Краевая Рада приняла «Временное положение об управлении Кубанским краем», поставив задачу положить конец анархии и самостоятельно укрепить государственность в пределах края.

Все три государства возникли в пределах этнического расселения украинцев. В одном государстве – властью была Директория, возглавляемая В. Винниченком (впоследствии – С. Петлюрой). ЗУНР возглавлял президент Е. Петрушевич. На Кубани же во главе правительства был украинец Л.Быч. Таким образом, три преимущественно населенные украинцами республики сосуществовали рядом друг с другом, однако они были если не чужими, то, во всяком случае, довольно таки отчужденными друг от друга. Каждый из трех лидеров этих государственных образований пылко любил «неньку-Украину», но при этом имел свое собственное представление о национальном благе, что, в конце концов, сводилось к обеспечению узких интересов тех или других социальных слоев или политических группировок.

Три государственных образования, населенные преимущественно украинцами, в одно и то же время – это уже было на грани иррационального. На грани, ибо в Галиции хотя бы был поставлен

⁴²³ Дзюба И. «Кавказ» Тараса Шевченко на фоне непреходящего прошлого. – К., 1996. – С.65.

вопрос об объединении с Надднепрянской Украиной, а на Кубани и до этого не дошло. Хотя в декларациях кубанцы пылко приветствовали братьев-украинцев, но в конечном итоге сословные групповые интересы «кубанского казачьего войска» превышали национальную солидарность. Приближался трагический для этих трех республик 1919 год.

Ирония истории этого периода состояла в том, что все три республики были повержены рукой великодержавной деникинщины, с которой – и в этом суть вопроса – они или объединялись в годы гражданской войны, или, во всяком случае, стремились к этому объединению.

Второй аспект иронии истории проявился в том, что ориентируясь на демократические государства Антанты, все новообразованные украинцами государства, были, в конце концов, подведены под флаги «единой и неделимой» России.

Третий аспект иронии истории нашел свое проявление в «эффекте бумеранга»: подавляющее большинство личного состава деникинских войск составляли кубанские казаки, потомки славных запорожцев, которые оккупантами вторглись в земли своих дедов и прадедов с тем, чтобы разрушить зарождающееся украинское государство, закрыть украинские школы, запретить постановки «Наталки-Полтавки» в народных театрах и т.д.

Спустя десятилетие, политика «внутреннего колониализма» пожалала свою скорбную жатву в период Голодомора в 1932–1933 годах, как в пределах Украинской ССР, так и на Кубани. Но это уже отдельная глава истории, требующая самостоятельного изложения.

* * *

В завершение вернемся к метафоричности Николая Гоголя. Знаете ли вы украинскую ночь?

Нет, вы не знаете украинской ночи! Особенно это касается ночи перед Рождеством. Да и летней ночи, где до сих пор на всеукраинской Сорочинской ярмарке под окнами хат шатается со свиным рылом *красная свитка*, смущая православный люд призывом «вернуть все богатство народу». А на призыв встать в полный рост на пути евроинтеграции, некоторые правнуки запорожцев, под дикий хохот Басаврюка, до сих пор традиционно отвечают: «Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем!».

Однако, по законам жанра, скоро будет светать... А затем пропойт и третьи петухи.

«Черноморский диалог» в змеином клубке интересов: к анализу когнитивных стратегий

С.П. Поцелуев

От грядущих событий заранее тени видны.
Дж. Джойс. Улисс.

Основной текст данной статьи уже был написан и опубликован⁴²⁴, когда на Украине случился «Евромайдан», который стал спусковым крючком для трагических событий, приведших к войне.

Эта война – как и многие другие войны XX и XXI веков – ведется не только пушками, но и понятиями. Это война за базовые концепты публичного дискурса, а вместе с ними – и за мозги людей. Актуальный украинский кризис показывает, помимо прочего, что пресловутая информационная война ничуть не ослабила в наши дни роль войны идеологической, в которой ангажированный аргумент ценится не меньше, чем электронное оборудование. А в среде идеологических аргументов будущие войны готовятся не менее тщательно, чем в сфере оборонной промышленности.

Будущие фронты заранее проигрываются в академических спорах идеологов, которые нередко прикрываются словами о мире, дружбе и сотрудничестве. Потом возникает феномен нечаянного пророчества: последующие события создают контекст, высвечивающий в старых текстах смыслы, эти события как бы предвосхищающие, но в свое время неведомые даже авторам этих текстов. Контекст актуального кризиса на Украине, видимо, создает немало таких коллизий для работ, написанных задолго до этого кризиса.

⁴²⁴ См.: Поцелуев С.П. Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога»: опыт политического дискурса-анализа // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2. С. 31–45.

Не в последнюю очередь украинская драма стала результатом острого геополитического соперничества целого ряда стран Причерноморского региона. Но вот парадокс: если обратиться к политическому общению в данном регионе за последние два десятилетия, то можно, напротив, заметить обилие организаций и инициатив, эксплуатирующих в своих названиях мирную *диалогическую* терминологию⁴²⁵.

Заметим, что в отечественной политической науке и публицистике «Черноморскому диалогу» уделяется немало внимания, хотя преимущественно с позиций геополитики. В данной же статье предметом анализа выступает «Черноморский диалог» как *концептуальный фрейм*, представленный в ряде информационно-аналитических ресурсов. Тем самым мы намерены выявить некоторые идеологические конструкции, скрытые в дискурсе вокруг «Черноморского диалога». На сконструированный (и в этом смысле фиктивный) характер политических образов часто указывается в исследованиях, посвященных информационным войнам. На что, однако, меньше обращается внимание – так это на сконструированность политической *аргументации*, развернутой под сенью экспертных изданий и претендующей на объективность и научность.

«Черноморский диалог» как концептуальный фрейм политического дискурса

Когда мы говорим о «Черноморском диалоге» как определенном *фрейме*, мы подразумеваем под ним когнитивную структуру, позволяющую нашему языку определять ситуацию согласно некоторым идентификационным принципам, организующим знание данного социального события, включая опыт нашего личного участия в нем.

Говоря о *концептуальности* фрейма «Черноморский диалог» мы, вслед за Т. Ван Дейком⁴²⁶, имеем в виду основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с концептом «Черноморский диалог», организована вокруг этого концепта посредством политических, когнитивных и речевых стра-

⁴²⁵ Назовем только самые известные проекты: «Договор о черноморском экономическом сотрудничестве» (1992); «Организация черноморского экономического сотрудничества» (1999); «Ассоциация Черноморских регионов» (2002); «Сообщество демократического выбора» (2005); «Черноморская гармония» (2004 г.); «Черноморский форум ‘За диалог и партнерство’» (2005); «Европейский Союз и черноморское сотрудничество» (2007); «Синергия Чёрного Моря» (2007).

⁴²⁶ См.: Дейк Т. А., Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989, С.16–17.

тегий. Соответственно, «Черноморский диалог» как *концептуальный фрейм* – это не просто набор различных выражений и смысловых ассоциаций с термином «Черноморский диалог» и не просто знание, выражающее наши чувства, мнения и предположения относительно реальности, отраженной в понятии «Черноморский диалог». Речь идет о таком знании, которое как *сценарий* организует поведение участников этого «диалога»⁴²⁷.

Следуя подходу Ван Дейка, анализ концептуального фрейма должен выяснять, какие *вторичные концепты* связываются с этим фреймом, а именно, каковы входящие в его когнитивно-семантическое поле ключевые слова, научные термины, теории, парадигмы, метафоры, мифы, научные авторитеты, исторические события, политические деятели и т.д. Из вторичных концептов наш интерес в данной статье будет сосредоточен на абстрактных моделях-сценариях (фреймах), которые образуются путем обобщения частных ситуативных моделей и не связаны конкретным контекстом, хотя стратегически задействуются участниками конкретной коммуникативной ситуации.

Итак, нам надо будет, прежде всего, выяснить, какие фреймы активируются в тексте авторов, пишущих о «Черноморском диалоге». При этом надо иметь в виду, что данные фреймы могут и не иметь прямого отношения к региону Причерноморья. К примеру, может использоваться абстрактный сценарий «исламистской угрозы» или более конкретный – «авторитарная Россия способна провоцировать эскалацию ‘замороженных’ конфликтов». Сверх того, могут привлекаться сценарии из других регионов, к примеру: «исламская компонента во всей Европе будет нарастать». Наконец, могут эксплуатироваться и более общие (глобальные) фреймы, вроде сентенции «Интеграционные процессы – это скорее разрыв с прошлым, чем его продолжение» или «Без влиятельных глобальных игроков региональный диалог невозможен». Конструируются и модели-сценарии, связывающие регион с глобальной перспективой: «Черноморский регион есть точка, где фокусируются истоки событий будущего».

Помимо модели предмета коммуникации, ее участники строят модель коммуникативного *контекста*. В эту модель включаются представления автора об участниках диалога, их целях и стратеги-

⁴²⁷ По Ван Дейку, фреймы-сценарии содержат «всю общедоступную в данной культуре информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода». См.: Ван Дейк. Указ.соч., с.128.

ях, о типе социальной ситуации, к которой должен быть приложен строящийся текст. Контекстная модель вносит ограничения на информацию: так, по соображениям политкорректности некоторые термины, выражения или целые темы запрещаются или передаются в смягченном виде (эвфемизмами). К примеру, политические оппоненты или соперники (враги) могут осторожно именоваться как «внерегionalные игроки».

Помимо вторичных концептов, в структуре концептуального фрейма выделяются когнитивные *стратегии*, посредством которых этот концептуальный фрейм реализуется. Под стратегией мы, вслед за Т. Ван Дейком, подразумеваем план действий, организующий последовательность шагов (ходов) для достижения главной цели в условиях недостаточной информации относительно действий других участников общения, а потому делающий *выбор* в пользу определенного шага в *критических* пунктах процесса коммуникации⁴²⁸.

В целом, для политического дискурс-анализа интересны *лингвополитические стратегии*, которые можно представить как триединство политических, когнитивных и речевых субстратегий. Общая политическая стратегия, которую представляет участник «диалога в Причерноморье», определяет, какого типа ход намерена сделать его «партия» в решающих моментах этого диалога как политического процесса. Такие политические стратегии проецируются в когнитивные стратегии, подобно тому, как «речевые стратегии зачастую представляют собой лишь спроецированные в область речевого взаимодействия когнитивные стратегии, нацеленные на эффективное *манипулирование* производимыми *умозаключениями*»⁴²⁹.

В центре нашего внимания – *основная* когнитивная стратегия участников дискурса вокруг «Черноморского диалога», состоящая в блокировании нежелательных и в продвижении желательных выводов относительно данного феномена.

⁴²⁸ Ван Дейк. Указ.соч., с.274.

⁴²⁹ Там же, с.299–30.

Когнитивные стратегии и субстратегии в отношении концепта «Черноморский диалог»

Еще раз подчеркнем: в данной работе мы, прежде всего, имеем дело с научно-публицистическим *дискурсом* о Черноморском диалоге, а не с *Черноморским диалогом* как таковым. Фактически политический диалог состоит из разного рода контактов (в том числе закрытых) различных организаций, государств, служб и т.д., мы же имеем дело с текстами, которые определяют, *что следует понимать* под Черноморским диалогом. С другой стороны, нас интересует здесь не разговор как прямое речевое взаимодействие, а публикации, которые диалогичны лишь в той мере, в какой они обращены к потенциальной аудитории. Можно сказать, что они предполагают не прямой ответ, но «активное ответное понимание замедленного действия», типичное для современной (медийно опосредованной) «идеологической беседы большого масштаба».

Известная академичность такого дискурса не должна вводить в заблуждение относительно того, что здесь тоже реализуются политически значимые когнитивные стратегии. Необходимость выбора стратегии объясняется тем, что участники коммуникации точно не знают ни суть Черноморского диалога, ни мотивы тех, кто участвует в обсуждении его перспектив. Когнитивные стратегии явно или неявно реализуют определенные ценностные и партийные установки, причем реализуют их в принципиальных вопросах: какова основа Черноморского диалога, кто является его ключевыми игроками, каковы их риски и преимущества и т.д.

Но – как оговорено выше – в данной работе мы ограничимся характеристикой *основной когнитивной стратегии* участников коммуникации, относящейся к концептуальному фрейму «Черноморский диалог». Конкретнее, эту стратегию мы представляем, вслед за Т. Ван Дейком, как единство трех субстратегий: 1) создание негативных концептов, моделей, умозаключений относительно чуждых говорящему групп; 2) производство положительных умозаключений относительно говорящего и дружественных ему сил; 3) выработка – на основе этих двух стратегий – аргументативных последовательностей, делающих оценки достоверными и социально приемлемыми⁴³⁰.

⁴³⁰ Ван Дейк. Указ.соч., с.296–297.

Но для анализа указанных когнитивных стратегий необязательно анализировать весь массив текстов с ключевым словом «Черноморский диалог» и его языковыми аналогами. Достаточно зафиксировать лишь некоторые узловые точки этого дискурсивного массива, чтобы идентифицировать его общую структуру. В нашем случае в качестве таковых точек мы выбрали следующие две публикации:

1) Кулик Сергей. Черноморский диалог – возможен ли он? // Чорноморська безпека. – 2010. – № 2(16).

2) Кустарев Александр. Альтернативная Европа // Диалог.UA. 14.01.2008.

Тексты для анализа были выбраны по следующим критериям:

- «диалог» выступает в них ключевым концептом;
- в концепте «диалог» явно или неявно представлены ключевые для региона идеологии.
- аргументативные конструкции, содержащие эти идеологии, обнаруживают зеркальную оппозицию.

Эти две аргументативные конструкции мы условно называем здесь «евроатлантической» и «евразийской». Вот их ключевые тезисы.

«Евроатлантическая» конструкция: Внутренние противоречия в Черноморском регионе столь велики, что без внешней доминирующей силы диалог здесь невозможен, и такой силой должны стать США и Евросоюз, несущие демократию как естественную основу любого политического диалога, тогда как позиция России авторитарна, эгоцентрична, деструктивна, а Турция есть своенравный и ненадежный партнер, дружащий с Россией⁴³¹.

«Евразийская» конструкция: Диалог в Черноморском регионе возможен только на основе союза между Россией и Турцией – подобно тому, как франко-германское сотрудничество служит несущей опорой Евросоюза. Русско-турецкое взаимодействие воплощает дух евразийства как единственно приемлемой идеологии Черноморского диалога, что предполагает ограничение идейного и политического влияния со стороны таких внешних региону и своекорыстных глобальных игроков, как США и Евросоюз⁴³².

Более конкретный анализ этих конструкций можно производить по такой общей схеме:

⁴³¹ См.: Кулик С. Черноморский диалог – возможен ли он? // Чорноморська безпека. – 2010. – № 2(16). – URL: <http://nomos.com.ua/content/view/320/69/> (дата обращения: 12.06.2011).

⁴³² См.: Кустарев А. Альтернативная Европа // Диалог.UA. 14.01.2008. URL: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=11869 (дата обращения: 7.6.2011).

1. развернутая идентификация когнитивно-семантических средств (негативных концептов, моделей, суждений) относительно чуждых сил;

2. развернутая идентификация когнитивно-семантических средств положительной презентации себя и дружеских сил;

3. идентификация «экспертных» определений Черноморского диалога, реализуемых в аргументативных последовательностях.

Эти идентификации и дефиниции будут развернутыми в той мере, в какой это допускают семантические средства текста. В случае «экспертных» определений мы акцентируем элементы, которые явно или неявно имеют партийно-идеологический характер, обнаруживая манипулятивный потенциал «экспертного» подхода.

Когнитивные субстратегии «евроатлантического» концепта «Черноморский диалог»

Начнем с евроатлантической конструкции, представленной в нашем анализе упомянутым текстом С.И. Кулика. Приведем краткую информацию об авторе и месте публикации, поскольку это составляет важный элемент контекстной модели участников коммуникации, а эта модель задает рамки для ситуативной модели, относящейся к концептуальному фрейму «Черноморский диалог». Итак, автором статьи является Сергей Иванович Кулик (р. 1954), окончивший Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище (1976), Высшую школу КГБ СССР (1988), а также Национальную академию государственного управления при Президенте Украины (1998). Публикация С.И. Кулика размещена на сайте украинской неправительственной аналитической организации «Номос», исполнительным директором которой он является. Полное название данной организации – «Центр содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона». Офис «Номоса» расположен в Севастополе, «Чорноморська безпека» (Черноморская безопасность) – его официальный орган.

Охарактеризуем теперь субстратегии, в которых реализуется главная когнитивная стратегия евроатлантической позиции в «Черноморском диалоге».

Начнем с развернутой идентификации когнитивно-семантических средств для описания чуждых «евроатлантистам» партнеров Черноморского диалога.

Образ этих чуждых сил сводится у С. Кулика к серии клише, заимствованным из исторической памяти времен холодной войны, но слегка модифицированным геополитическим жаргоном. Основным тезис: *Россия не может представить достойного интеграционного проекта, будучи наименее удобным собеседником в развитии Черноморского диалога*. Иллюстрацией этого тезиса выступает тот «факт», что Россия не поддержала разработанный Европейской Комиссией проект «Черноморского взаимодействия», в то же время «Организация черноморского экономического сотрудничества», где Россия выступает лидером вместе с Турцией, «не принесла значимых результатов».

Но почему Россия не способна к диалогу? В качестве аргументов выстраивается процессия следующих абстрактных фреймов:

1. *Россия практикует геополитический эгоизм и имперскую политику*, потому что она стремится вернуть в сферу собственного влияния бывшие советские республики региона, использует с политической целью энергетический фактор против энергетически зависимых европейских государств.

2. *Россия есть угроза демократии в регионе*, потому что она не только сама управляется авторитарными методами, но и «по-прежнему рассматривает любые демократические сдвиги в Большом Черноморском регионе как враждебные ее национальным интересам».

3. *Россия является источником региональной нестабильности*, потому что она способна провоцировать и использовать эскалацию «замороженных» конфликтов с целью создания условий для реализации собственных геополитических и геоэкономических проектов.

Обратим внимание на ключевые слова с негативной семантикой, выражающие приведенные абстрактные фреймы: *геополитический эгоизм, угроза демократии, враждебность, империализм, региональная нестабильность, энергетические риски* и т.д.

Враждебный образ России усиливается в аргументативной конструкции С. Кулика мифологемой ее союзнических отношений с Турцией. В экономическом и политическом сближении Турции с Россией украинский политолог усматривает «антиамериканскую и отчасти антинатовскую направленность». Чтобы выключить фактическое обоснование этих спорных тезисов, автор прибегает к цивилизационно-геополитическому *ultima ratio*, то есть, к мифоконцепту. По его словам, и Россия, и Турция являются источником взаимного недоверия среди государств региона, потому что обе страны за-

интересованы в восстановлении своих геополитических позиций на берегах Черного моря. А заинтересованы они в этом потому, что не могут «до конца избавиться от своей традиционной ‘евразийской’ сущности».

Следующая когнитивная субстратегия «евроатлантиста» С. Кулика касается идентификации когнитивно-семантических средств положительной презентации себя и дружеских сил. В основе этой презентации лежит тезис о том, что евроатлантический вектор внешней политики (как противоположность «традиционной евразийской сущности») есть благо для причерноморских государств. В частности, ориентация стран региона на ЕС и НАТО означает энергетическую безопасность, региональную стабильность, преодоление межгосударственной конфронтации; исключает нарушение прав человека и ведет к разрешению «замороженных конфликтов»; реализует «полноценный Черноморский диалог».

На основе упомянутых двух субстратегий в тексте С. Кулика конструируются «экспертные» определения «Черноморского диалога», которые призваны сделать негативные и позитивные оценки партнеров диалога «научно достоверными» и «социально приемлемыми». Выстроим теперь эти определения по узловым точкам главной когнитивной стратегии, реализуемой участниками Черноморского диалога. Одновременно, дабы оттенить сконструированный характер аргументативных последовательностей указанных «экспертных» определений, мы противопоставим им контраргументы.

1. *Общее определение Черноморского диалога:* Черноморский диалог есть «сотрудничество стран региона между собой и с влиятельными глобальными игроками». *Контраргумент:* Не всякое сотрудничество является диалогом, а наличие «влиятельных глобальных игроков» ставит под вопрос равноправность этого сотрудничества, а значит, и его статус как диалога.

2. *Определение условий успешности Черноморского диалога:* «Полноценный» Черноморский диалог требует «профессиональных, скоординированных действий спецслужб, дипломатии, аналитических центров, государственных чиновников, политиков, а также концептуальной общности, единства взглядов на ситуацию в регионе». *Контраргумент:* Если условием успешного политического диалога являются, прежде всего, действия спецслужб и госчиновников, и только потом – концептуальная общность его участников, тогда в чем состоит отличие такого «диалога» от переговоров с позиции силы?

3. *Определение главной проблемы Черноморского диалога.* Эта проблема видится в том, что у стран региона «нет системообразующего фактора (центра влияния), консолидирующего все эти разношерстные видения, интересы и потенциалы, структурирующего и трансформирующего их в скоординированный и целенаправленный проектный процесс». *Контраргумент:* Если «системообразующий фактор» предшествует диалогу, зачем тогда последний вообще нужен? Разве этот фактор не должен быть выработан в процессе диалога, – с условием, что его участники стремятся выровнять свои позиции, изначально неравные?

4. *Определение главного способа решения проблемы Черноморского диалога:* Только активная геополитическая воля государств, в первую очередь ЕС и НАТО, обеспечит реализацию «Большим Черноморским регионом» ключевой стратегической роли для евроатлантического сообщества. Черноморский диалог мог бы тогда поддерживать законные устремления стран региона присоединиться к НАТО, а также стимулировать и активизировать усилия в деле разрешения «замороженных» конфликтов и тем самым обеспечить энергетическую безопасность Европы. *Контраргумент:* этот аргументативный ряд молчаливо предполагает идейно-политическое превосходство Запада по отношению к другим игрокам региона. Но такая предпосылка делает полноценный диалог невозможным, тогда как автор считает, что именно эта предпосылка только и может обеспечить полноценный диалог.

Мы видим, что «экспертное» понимание Черноморского диалога содержат импликации, которые грубо противоречат общему пониманию диалога, представленному в современном социогуманитарном знании. При этом концепт диалога либо тривиализируется до любого сотрудничества в отличие от конфронтации, либо абсурдируется, превращаясь в разновидность отношений по типу доминирования, в данном случае, западного альянса.

Если приведенное квазиэкспертное понимание Черноморского диалога обнаруживает парадоксально-противоречивое понимание политического диалога вообще, что служит тогда *реальной концептуальной основой* развиваемого автором аргументативного ряда, включая характеристику дружеских и вражеских сил в понимании Черноморского диалога? Эта концептуальная основа есть, но присутствует она в виде пресуппозиций и импликаций. Мы можем ее эксплицировать по некоторым концептуально-семантическим признакам.

Прежде всего, бросается в глаза геополитический жаргон С. Кулика: *геополитическая важность региона, стратегический коридор, геостратегические интересы, геополитические и геоэкономические проекты, геополитическая воля государств* и т.п. Ссылка на З. Бжезинского может навести на мысль, что методологической предпосылкой автора выступают идеи, развитые в известной книге «Великая шахматная доска» (1997). Однако при внимательном прочтении обнаруживается примечательная неточность ссылки на оригинал. С. Кулик пишет: «Находясь в треугольнике между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирает европейский вектор внешней политики, но не может до конца избавиться и от своей традиционной 'евразийской' сущности, на которую указывал З. Бжезинский». Но у Бжезинского речь идет не о «евразийской сущности» России (как некоем роковом ее пороке), но лишь об «обособленной "евразийской" самостоятельности» России как ее возможном геополитическом *выборе* («стать либо также частью Европы, либо евразийским изгоем»⁴³³. Неслучайно Бжезинский заключает в кавычки сам термин «евразийская» (самостоятельность).

С приведенной цитатой из текста С. Кулика связан один интересный эпизод. Эта цитата представляет собой дословное заимствование из статьи московского историка А. Язьковой⁴³⁴. Однако мы имеем здесь дело с чем-то большим, чем банальный плагиат; скорее, перед нами случай дискурсивной «телепортации» идеологемы. Под этим мы подразумеваем концептуальные формулы, которые живут своей собственной жизнью, время от времени как бы «материализуясь» в целом кластере текстов, разумеется, не обязательно в дословной форме, как в нашем случае.

Как бы то ни было, подлинной идейно-методологической основой упомянутого аргументативного ряда выступает у С. Кулика концепция «столкновения цивилизаций», а не геополитическая концепция Бжезинского (независимо от того, насколько та вообще отвечает реальности). И то, что автор называет «треугольником между исламским миром, Россией и Европой», также неявно указыва-

⁴³³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М: Международные отношения, 1998, с.148.

⁴³⁴ «Находясь в треугольнике между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирает европейский вектор внешней политики, но не может до конца избавиться и от своей традиционной «евразийской» сущности, на которую указывал Бжезинский». См.: Язькова А.А. Крепкий морской узел // Независимая Газета (on-line версия). (14.05.2007). URL.: http://www.ng.ru/courier/2007-05-14/18_belgrad.html.

ет на концепцию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона с его тезисом: «Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие». Американский политолог пишет, что Турция все больше преследует свои интересы, выступая (вместе с православной Грецией) аномалией в НАТО, к тому же, так и не принятой в ЕС⁴³⁵.

Именно в духе «столкновения цивилизаций» С. Кулик делает из русско-турецкого сотрудничества некий дестабилизирующий фактор Черноморского диалога и «страшилку» для интересов Запада. Напротив, Бжезинский пишет о том, что «Турция стабилизирует регион Черного моря, ... уравнивает Россию на Кавказе, все еще остается противоядием от мусульманского фундаментализма и служит южным якорем НАТО»⁴³⁶. Бжезинский акцентирует конкурирующие интересы России и Турции, подчеркивая, что «враждебное отношение России к Турции граничит с навязчивой идеей», а «Украина вступила в сотрудничество с Турцией, чтобы ослабить влияние России на Черном море»⁴³⁷.

С учетом этого момента, становится понятным идеологический статус «культурно-цивилизационной» риторики автора. В Черноморском регионе он видит пространство, для которого «издавна было характерным широкое разнообразие цивилизаций, культур и религий». Он придает особый смысл «историческим наслоениям» во взаимоотношениях государств Причерноморья, видя в регионе «своеобразный 'цивилизационный барьер' между исламским и христианским миром». Наконец, автор обвиняет руководство западного альянса в недооценке «европейскости» государств Причерноморья. Все эти тезисы на поверку оказываются идеологемами. А ссылка на авторитет Бжезинского выступает у автора типичным когнитивно-семантическим средством, который подчинен сценарию, заимствованному из политической памяти эпохи «холодной войны». Здесь очевидна ключевая роль фреймов в дискурсивной трансляции политических интересов, которые при посредничестве когнитивных стратегий обретают в абстрактных моделях-сценариях важный ресурс «анонимной убедительности», позволяющей стилизовать частный интерес под объективную «логику обстоятельств».

⁴³⁵ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во «АСТ», 2003, с.244, 249–251.

⁴³⁶ Бжезинский З. Указ.соч., с.64.

⁴³⁷ Там же, с.165, 168.

Когнитивные субстратегии «евразийского» концепта «Черноморский диалог»

Начнем, как и в предыдущем случае, с информации об авторе и месте публикации как существенных моментах ситуативной модели. Александр Сергеевич Кустарев (р. 1938) – ученый и публицист с широким кругом интересов: до эмиграции из СССР (1981) занимался проблемами экономического развития стран «третьего мира»; в период эмиграции работал главным редактором литературных программ Би-би-си; в 1997–2006 годах – ведущий научный сотрудник Института русской истории РГГУ; колумнист журнала «Неприкосновенный запас».

Его статья опубликована на сайте «Диалог.UA» (<http://dialogs.org.ua>), позиционирующим себя как «независимый информационно-аналитический ресурс, который ориентирован на общественный диалог по проблемам стратегии развития Украины». На сайте «Диалог.UA» указано, что интеллектуальная поддержка этого проекта осуществляется Центром социальных исследований «София». Об идейно-политической ориентации этого Центра можно судить по публикациям его Президента А.В. Ермолаева, уроженца (1969 г.) Донецкой области Украины. В одном из своих выступлений в ЖЖ (<http://fartovij.livejournal.com/97178.html>) А. Ермолаев высказывается в том духе, что Запад – не партнер, а конкурент Украины; что Евросоюз и НАТО, которые рассматривались Украиной как гарант безопасности, оказались геополитическими хищниками; они готовы претендовать на жизненное пространство Украины.

Охарактеризуем теперь когнитивные субстратегии и аргументативные ряды, реализуемые в тексте А. Кустарева.

Акцент на создание негативных концептов чуждых групп выражен в этом тексте слабее, чем в статье С. Кулика, однако наличие такого рода концептов, как и их роль в основной когнитивной стратегии автора, не вызывает сомнений. А. Кустарев пишет о том, что борьба за влияние в пограничных областях Черноморского региона «быстро ведет к выигрышу внерегиональных игроков. И именно чтобы остановить движение к взаимному поражению, нужна интеграция». «Внерегиональные игроки» включают здесь тех самых «глобальных игроков», которые в «евроатлантической» аргументативной конструкции выступают условием возможности диалога. Здесь же они оказываются условием его невозможности. Помимо ЕС и США, под «внерегиональными игроками» подразумеваются ис-

ламские экстремисты как некая глобальная угроза. В любом случае, основание для диалога здесь негативное. Диалог нужен, чтобы исключить выигрыш внерегиональных игроков (врагов), поэтому страны Черноморского региона должны стать друзьями.

Что касается реализуемой в статье А. Кустарева стратегии положительной презентации себя и дружеских сил, то в этой презентации вообще нет фраз вроде «нарушения прав человека», разрешения «замороженных конфликтов» и т.п., типичных для евроатлантической аргументативной конструкции. В отличие от этой же конструкции, инициатива подлинного (а не «корыстного», как в случае «внерегиональных игроков») диалога здесь признается за Турцией и Россией. Им приписываются следующие позитивные характеристики:

- Вопреки тяжелому конфликтному прошлому, Турция и Россия обнаруживают волю и способность к взаимному сотрудничеству.

- Для Черноморского региона они могут стать такой же объединительной силой, какой для послевоенной Европы стали Германия и Франция.

- Украина естественно дополнит этот дуэт, поскольку при всех своих культурно-исторических различиях, Россия, Турция и Украина обладают «высокой секуляризированной и всемирно-европейской культурой».

- У всех трех стран есть позитивный опыт «евроислама», причем более «авторитетного», чем на Западе. Одним словом, инициатива *подлинного* диалога в Причерноморье принадлежит Турции, России и Украине.

Посмотрим теперь, какие экспертные (т.е. с претензией на научность и политическую нейтральность) определения Черноморского диалога предлагаются А. Кустаревым. Основными субъектами этого диалога выступают, по его мнению, Россия, Турция и Украина, образующие «большой Черноморский треугольник». Обратим внимание: еще один треугольник, но углы его совсем другие, чем в случае «треугольника между исламским миром, Россией и Европой». Почему другие – становится понятнее из дальнейших определений Черноморского диалога.

Свои главные «экспертные» дефиниции этого диалога А.С. Кустарев черпает из экономической, а не собственно политической сферы. Причем, дабы придать им видимость научной объективности, автор прибегает к типичному идеологическому приему, представляя свой подход как золотую середину между крайностями. В более ясной, чем в анализируемой статье, форме эта конструкция высказы-

вается А.С. Кустаревым в рецензии на геополитические трактаты А.Г. Дугина и К.С. Гаджиева. Здесь крайность геополитической мифологии противопоставляется крайности мифологии рыночной⁴³⁸.

На аргументативной «сцене» кажется, что автор пытается сконструировать решение, отправляясь от этих, уже существующих «крайностей». Фактически же крайние позиции образуются им искусственно от середины, являющейся его партийной установкой, которая теперь должна преобразиться в «экспертную». Таким образом, конструирование аргументов имеет здесь драматологический смысл: аргументы играют квазитеатральные роли, определяемые когнитивным сценарием (фреймом). В данном случае – это сценарий обмена репликами между участниками того, что они сами называют «Черноморским диалогом», но диалогический статус которого отнюдь не очевиден.

Фактически мы имеем здесь игру аргументов в разговоре, сам же этот разговор может быть как полемикой, так и диалогом. Правда, коммуникативно-игровой статус аргумента предполагается и собственно диалогическим общением. Ведь диалог с необходимостью включает в себя ролевой обмен: способность поставить себя на место своего собеседника, соответственно, аргументировать даже против себя от его имени – чтобы только прояснить суть дела. Но в полемике, напротив, игровой статус аргумента отвязывается от собственно семантической функции (выражать концептуально схваченный объективный смысл предмета) и трактуется в зависимости от установки (политической стратегии) автора, которая, впрочем, не всегда очевидна. В случае с конструированием «экспертных» оценок аргументы только играют в «научную» объективность, оставаясь в контексте полемического, партийно-идеологического дискурса.

В аргументации А.С. Кустарева упомянутый «полноценный диалог» в Черноморском регионе основывается на политико-экономическом базисе, на выгодах экономического сотрудничества. Как бы полемизируя с культурно-цивилизационным подходом, А.С. Кустарев заявляет, что социально-философский консенсус, выраженный в «европейской идентичности», есть, в первую очередь, продукт не исторической памяти и культурного сродства, но политической воли и хозяйственных выгод. Более того, в случае Черно-

⁴³⁸ См.: Кустарев А. Геополитика – судьба России? О книгах К.С. Гаджиева "Введение в геополитику" и А.Г. Дугина "Основы геополитики. Геополитическое будущее России" (1999) // <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/evolution/fate> (дата обращения: 18.06.2011).

морского диалога культурно-историческая память является не условием, а препятствием диалога, однако ее можно и должно вытеснять выгодами экономического сотрудничества.

Вместе с тем – пишет А. Кустарев – это не значит, что данный диалог может ограничиться только формулировкой экономических и политических предпочтений. Культурно-символический аспект здесь тоже важен, но он должен быть не более чем полезным конструктом. В этой точке своей аргументации А. Кустарев применяет прием «уступки» своим оппонентам из «евроатлантического лагеря». В отличие от последних, он пишет о евразийстве позитивно, но исключительно как о полезном мифе: «Современную евразийскую мифологию придется отредактировать так, чтобы она была одинаково приемлема для всех участников Треугольника. ... Короче говоря, миф придется радикально переписать».

С учетом серьезной трактовки «евразийской сущности» в тексте С. Кулика, аргументативные ряды представителей «евроатлантической» и «евразийской» позиции в «Черноморском диалоге» оказываются пронизанными иронией: евроатлантическая конструкция представляется квазинаучным перифразом геополитической мифологии, а евразийская аргументация, напротив, воспроизводит рационально-конструктивистское, трезво-прагматическое отношение к политическим мифам.

«Черноморский диалог» как научный концепт и как идеологический конструкт

Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога» представлены не только указанной оппозицией «евроатлантического» и «евразийского» подходов. В дискурсивном пространстве вокруг концептуального фрейма «Черноморский диалог» циркулируют и другие, подчас весьма экзотические конструкции, относящиеся к сфере отношений между культурами, религиями и цивилизациями. Приведем только некоторые примеры:

•Русская Православная Церковь становится проводником *межэлитного, политического, культурного и межрелигиозного диалога* с «консервативной Европой», направленного против общего врага – «секулярно-либерального и исламского проекта»⁴³⁹.

⁴³⁹ См.: Фролов К., Логинов К. «Третий Рим». Суверенная модернизация // Всеукраинское общественное объединение «Единое отечество. 30.10.2010. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/201010/3012.htm> (дата обращения: 06.07.2011).

• Организация *межконфессионального диалога* (между православными и мусульманами) есть новое стратегическое направление для сотрудничества России и Украины⁴⁴⁰.

• «Донское казачество на всем протяжении своей истории, претерпевая значительные изменения в социально-экономической и политической сферах ..., оставалось группой *межцивилизационного диалога*»⁴⁴¹.

Важнейшим элементом реализуемой и в этих конструктах триединой когнитивной стратегии, управляющей суждениями о «Черноморском диалоге», выступает *идеологическая легитимация квазиэкспертных оценок*. Причем реализация данной стратегии на уровне речевой семантики сопряжена с рискованностью слишком откровенного высказывания идеологических установок, из-за чего последние выражаются через пресуппозиции. Так, когнитивная стратегия может состоять в легитимации фундаменталистских идей христианского или исламского толка, но продвигаться эта стратегия может посредством антифундаменталистской (по определению) диалогической риторики.

При этом авторам текстов приходится скрывать свои «настоящие» убеждения и выражать то, что, по их мнению, ожидают услышать от них другие участники Черноморского диалога (и что задается общим концептом диалога). Прежде всего, это касается несовместимости диалога как дискурсивной практики с идеей политического или идеологического доминирования. Отсюда – использование таких двусмысленных выражений как «паритетный диалог»⁴⁴² или «диалог по борьбе с общим противником»⁴⁴³.

Но в какой мере участники «Черноморского диалога» камуфлируют упомянутые субстратегии – с учетом концептов «политический диалог» и «диалог», которые не совместимы с ними по определению? Такая постановка вопроса отнюдь не является надуманной; во всяком случае, в научном дискурсе вокруг аналогичного феномена – «Евро-Средиземноморского диалога» – она уже высказывалась. По

⁴⁴⁰ См.: Горбунов О. Россия и Украина: Исламский диалог // ПОЛИТКОМ.RU. 23.11.2010. URL: <http://www.politcom.ru/11074.html> (дата обращения: 13.05.2011).

⁴⁴¹ См.: Маркедонов С.М. Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 189.

⁴⁴² См.: Лупаций В. Крым должен стать провайдером интересов всего Причерноморского региона Украины // Диалог.UA. 18.03.2011. URL: http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=21748 (дата обращения: 11.07.2011).

⁴⁴³ См.: Фролов К., Логинов К. «Третий Рим». Суверенная модернизация // Всеукраинское общественное объединение «Единое отечество. 30.10.2010. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/201010/3012.htm> (дата обращения: 06.07.2011).

мнению британского политолога М. Пейс, не стоит недооценивать специфику и полезность диалога в международной политике вообще и в Евро-Средиземноморском процессе, в частности. В этой связи М. Пейс противопоставляет хабермасовское понимание диалога как прогрессивного развития разделяемых всеми позиций хантингтоновскому концепту «столкновения цивилизаций». Британская исследовательница справедливо задается вопросом: Может ли диалог *на практике* приводить к «конвергенции различий» в позициях его участников? Действительно ли стороны диалога вовлечены в процесс, который позволяет им поставить себя на место другого?⁴⁴⁴ И как могут партнеры по диалогу создать то чувство равенства, которое столь необходимо как раз для типичного в политике «диалога неравных»?

Теоретики межгрупповой коммуникации однозначно указывают на методологическую необходимость отличать диалог от пылких дебатов или даже взвешенного обсуждения; от интерактивных практик в рамках групповой терапии и от посредничества для выработки резолюций⁴⁴⁵. Главное в диалоге – это отказ от монополии на истину, готовность и способность изменить свою точку зрения по сути (а не только из-за каких-то тактических соображений) ради достижения действительно объективного суждения о предмете.

Наш анализ, напротив, показывает, что на словах ярые сторонники «Черноморского диалога» не идут дальше «уступок» при реализации своих когнитивных (суб-)стратегий. Речь идет не о каких-то тайных их намерениях, которые они старательно прячут в диалогической риторике; нет, *сам их дискурс* показывает, что они менее всего движутся в сторону собственно диалогического типа общения. Тем самым дискурс о диалоге парадоксальным образом оказывается дискурсом исключения, а не вовлечения, а сам концепт диалога редуцируется до расплывчатого термина, собирающего все значения, не подпадающие под открытую конфронтацию.

В этом, однако, есть нечто большее, чем только дефицит понятия при обсуждении сложного вопроса; налицо то, что можно назвать концептуальной перверсией предмета. Перверсия здесь в том, что концепт диалога реализуется не в своем собственном значении, а как средство для развертывания (зачастую неявным или бессозна-

⁴⁴⁴ Pace M. Imagining Co-presence in Euro-Mediterranean Relations: The Role of 'Dialogue' // Mediterranean Politics. – 2005. – Vol. 10. – No. 3. – P. 292.

⁴⁴⁵ См.: Dessel A., Rogge M.E. Evaluation of Intergroup Dialogue: A Review of the Empirical Literature // Conflict Resolution Quarterly. – 2008. – Vol. 26. – No. 2 (Winter). – P. 199–238.

тельным образом) прямо противоположного ему концепта, а именно, полемики в рамках идейно-политической конфронтации. В нормальном случае соперничество есть только этап на пути к диалогу; здесь же дискурс фиксируется на противоборстве как таковом. В результате возникает принципиально извращенная (идеологическая) картина предмета с системой извращенных понятий о нем. Научный анализ нуждается в том, чтобы это искривленное идеологией дискурсивное поле было предварительно «очищено» и «выправлено».

Лечение такого рода концептуальных перверсий входит в прямые задачи политического дискурс-анализа. Этот анализ должен, помимо прочего показать, что упомянутые извращения не являются бессмысленными с политической точки зрения. Они служат своеобразным индексом «змеино-го клубка» интересов и парадоксальной когнитивной «картой» актуальных и потенциальных политических конфликтов.

В заключение подчеркнем, что дискурс-анализ по схеме Т. Ван-Дейка позволяет эксплицировать сконструированный характер аргументативных практик, развиваемых участниками дискурсивного взаимодействия, и тем самым получить когнитивную дистанцию по отношению к партийным позициям. Ведь даже если у нас есть «третья» позиция (претендующая встать *над* двумя первыми или крайними позициями) – это может оказаться лишь иллюзией дистанции, а на самом деле – еще одним конструктом, находящимся в одной когнитивной плоскости с другими идеологическими артефактами. Политический дискурс-анализ, вскрывая эту когнитивную подоплеку аргументативных игр, позволяет лучше понять лежащие в ее основе политические интересы. Причем иногда он позволяет это сделать лучше, чем с позиций «геополитики», которая зачастую оказывается лишь политической идеологией, переложенной на квазинаучный жаргон.

В основе политического дискурс-анализа лежит убеждение, что не только политики используют язык, но и язык – как часть политической ситуации – «использует» политиков для обнажения смысла этой ситуации. Тем самым дискурс-анализ мобилизует для политической науки познавательные потенции самого языка, говорящего всегда больше того, что хотят сказать им политики, а потому нередко рождающего свои «нечаянные пророчества».

Часть 3. Третьи петухи или попытка реинкарнации империи?

Перенос репертуара коллективных действий на украинскую почву: Майдан 2013

А.Н. Олейник
О.В. Стрелкова

Введение

Массовые протесты, которые начались в Украине 22 ноября 2013, были одновременно ожидаемыми и неожиданными. Они не стали неожиданностью, поскольку не оправдались высокие ожидания, возникшие в результате так называемой «оранжевой революции» в октябре-декабре 2004 года. В этой стране правительство продолжает работать в атмосфере непрозрачности и остается отчужденным от обычных людей⁴⁴⁶. С другой стороны, недавние протесты не следовали образцу, который распространился среди постсоциалистических стран (Сербия в 2000 году, Грузия в 2003 году, Украина в 2004 году, Монголия в 2008 году, Молдова в 2009 году, Кыргызстан в 2005 и 2010 годах и Россия в 2011 году). Украинские протесты 2013 года не совпадали также с выборами в стране. Они продолжались несколько месяцев непрерывно, что привело к ожесточенным столкновениям с полицией. Десятки людей было убито из числа протестующих и полиции.

Продолжительность (долговременный характер) массовых протестов заслуживает особого внимания. Полиция сделала несколько

⁴⁴⁶ Украинское правительство воспринимается как высоко коррумпированное: значение Индекса восприятия коррупции Transparency International было 25 из 100 в 2013 году (2,2 из 10 в 2004 году). Чем ниже значение индекса, тем выше уровень восприятия коррупции.

попыток разогнать протестующих с применением силы, но все они были успешно отражены. Независимо от конечных результатов протестов их успех определяется их *длительностью*. Украинские протесты показали, что коррумпированное правительство можно свергнуть, какими бы жестокими и отталкивающими ни были средства, которые можно использовать против протестующих. По словам людей, которые вышли на украинские улицы, «мы пишем историю здесь и сейчас нашими протестами» (мужчина, 25–39 лет) и «чего-то мы достигли уже сейчас ... Каждая ночь, каждый день дорогого стоят» (мужчина, 40–54 лет)⁴⁴⁷. Цель данной статьи – изучить происхождение столь мощного потенциала украинских протестующих, продемонстрировавших его в ходе сопротивления деспотическому правительству.

Мы полагаем, что необычное сопротивление украинских протестующих связано с выбором специфических направлений коллективного действия. Согласно функционалистской точке зрения, «люди взвешивают выгоды и издержки альтернативных вариантов действий для достижения определенной цели и выбирают те из них, для которых чистая выгода является наиболее вероятной»⁴⁴⁸. Рациональный выбор индивидуальных и коллективных стратегий влечет за собой предпочтение тех вариантов действий, которые действительно работают, то есть способствуют достижению желаемых целей. В контексте украинских протестов действенной стратегией явилось противостояние коррумпированному и насильственному правительству на протяжении длительного периода времени.

Имеет ли множество стратегий массового протеста универсальный или конкретный характер в той или иной стране? Литература о репертуаре коллективных действий не исключает ни одну из указанных альтернатив. Репертуар коллективных действий обладает как специфическим характером для определенной страны, так и для момента времени (временная и страновая специфика), как это было предложено, к примеру, в работах о репертуарах борьбы во Франции⁴⁴⁹ и Великобритании⁴⁵⁰.

⁴⁴⁷ Выдержки из двух интервью, проведенных в Киеве в декабре 2013 года. Образец руководства и образец интервью обсуждаются в источниках информации раздел ниже.

⁴⁴⁸ Oberschall A. *Social Movements: Ideologies, Interests and Identities*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1993, p.11.

⁴⁴⁹ Tilly Ch. *Getting It Together in Burgundy, 1675-1975* // *Theory and Society* 1977, № 4(4), p. 479–504.

⁴⁵⁰ Tilly Ch. *Contentious Repertoires in Great Britain, 1758-1834* // In: *Repertoires and Cycles of Collective Action*. Edited by Mark Traugott. Durham: Duke University Press. 1995. P.15–42.

Однако в последнее время приобрела популярность концепция *модульности*. Идея модульности предполагает, что успешные стратегии, которые продемонстрировали свою эффективность в достижении коллективных целей, могут быть воспроизведены в различных странах и в различные периоды времени. По Beissinger⁴⁵¹, ранее указанная серия массовых протестов в постсоциалистических странах подтверждают гипотезу модульности.

В этой статье делается попытка противопоставить гипотезы *единичности* и *модульности*, используя в качестве критического случая самые последние украинские протесты. Критический случай «выбран на основании того, что он позволит лучше понимать обстоятельства, при которых гипотеза сможет выдержать или не выдержать проверку»⁴⁵². А именно, Брайман утверждает, что для того, чтобы быть эффективной в конкретной стране в определенный момент времени, стратегия коллективных действий имеет некое «избирательное средство» (с точки зрения Вебера) с традициями и ценностями, преобладающими в данной стране в данное время. Другими словами, стратегия работает, если она имеет смысл для людей, которые в конечном счете ее используют. У них не возникают трудности по соединению стратегии с повседневным опытом и его интерпретацией с точки зрения господствующей культуры.

Если возможность трансфера стратегии коллективных действий зависит от его избирательного средства с местными институтами и с более широкой культурой, то предлагаемый нами анализ имеет также практическое значение. Мы предлагаем более тонкий подход по отношению к политике, направленной на содействие извне массовым протестам (например, со стороны иностранных государств и международных организаций). В данной статье развивается подход, согласно которому только определенные (но не другие) стратегии могут быть успешно перенесены из одной институциональной среды в другую. Результат институциональных трансферов в конечном итоге можно спрогнозировать на основе оценки степени избирательного средства между стратегиями коллективных действий и преобладающими в стране институтами, в которых данная стратегия считается приемлемой.

⁴⁵¹ Beissinger M. R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions.” *Perspectives on Politics*. 2007, № 5(2), p.259–276.

⁴⁵² Bryman A. *Social Research Methods*. Oxford: Oxford University Press, 2004, p.51.

Данная статья состоит из четырех разделов, введения и заключения. В первом разделе обсуждается литература по проблеме репертуаров коллективных действий и возможности переноса их с одной почвы на другую. Во втором разделе приводятся некоторые базовые сведения о массовых протестах 2013–2014 гг. в Украине. Третий раздел посвящен описанию источников информации (серия глубинных качественных интервью и три массовых опроса). Раздел IV показывает, как результаты контент-анализа интервью могут сообщить нам информацию о возможности переноса репертуара. А именно, контент-анализ показывает, что в украинском случае стратегии коллективных действий (конкретные формы уличных протестов и сидячие забастовки) были адаптированы к особенностям национальной культуры, что объясняет их относительный успех.

I. Репертуар коллективных действий: между единичностью и модульностью

Функционалистский подход к выбору стратегий коллективных действий предполагает открытый характер. Любая стратегия, которая служит для достижения желаемых коллективных целей с минимальными затратами, в конечном итоге может быть применена независимо от ее конкретного происхождения и укорененности в той или иной институциональной среде. Однако исторические и эмпирические исследования протестов показывают, что число альтернативных вариантов коллективных действий, как правило, ограничено.

Предложенная Тили концепция репертуара коллективных действий подчёркивает специфические пределы возможных альтернативных вариантов, имеющих в определенном месте в определенный момент времени. «Слово репертуар определяет ограниченное число установившихся практик, которые известны, распространяются и разыгрываются, несмотря на относительно целенаправленный процесс выбора»⁴⁵³. Наличие репертуара коллективных действий не исключает рационального выбора наиболее эффективных средств для достижения желаемого результата. Но концепция репертуара отсылает к конкретным ограничениям, налагаемым на субъектов, которые пытаются поступать рационально.

⁴⁵³ Tilly Ch. 1995. Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834 // In: Repertoires and Cycles of Collective Action. P. 15–42; См. также: Traugott M. Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention // Social Science History. 1993, № 17(2), p.310; Alapuro R. Associations and Contention in France and Finland: Constructing the Society and Describing the Society // Scandinavian Political Studies. 2005, № 28(4), p. 378; Wada T. Modularity and Transferability of Repertoires of Contention // Social Problems. 2012, № 59(4), p.545.

Предел и репертуар доступных альтернатив зависит от истории предыдущих взаимодействий между противниками. Если использовать категории институциональной теории, то репертуар коллективных действий, как правило, зависит от правила: «Вследствие незначительных событий и случайных обстоятельств может быть принято такое решение, которое поведет развитие технологии по строго определенному пути»⁴⁵⁴. В результате протестный репертуар, например, во Франции в 18-м веке отличается от репертуара 18-го века в Великобритании. В первом случае преобладали такие стратегии, как голодные бунты, шаривари (выступления с грохотом, свистом и ударами в металлические предметы), бунты против призыва на военную службу, уличные драки между селениями) и вооруженные восстания против сборщиков налогов⁴⁵⁵. Во втором случае наиболее распространенными стратегиями были изъятия зерна, атаки на заставы, где взымался сбор, нарушения официальных церемоний и фестивалей и групповая охота на запретной территории⁴⁵⁶.

Трауготт на примере баррикад⁴⁵⁷ показывает, как «выбор альтернатив одновременно ограничен прежним опытом и материальными, организационными и концептуальными ресурсами, которые находятся под рукой» актора. Стратегия возведения баррикад была впервые использована во Франции в конце 16 века. Она происходит из повседневной жизни парижан, которые преграждали прилегающие улицы, чтобы воры, шумные прохожие и транспорт не тревожили их покой⁴⁵⁸. Эта мера оказалась эффективной: парижане начали сооружать баррикады во время массовых беспорядков как способ защитить себя от сил короля. А в конце 17 и 18 веков баррикады стали главным элементом французских революций.

Пример баррикад наводит на мысль о том, что репертуар протестных действий обладает локальной и временной спецификой. В этом смысле Тилли⁴⁵⁹ открыто заявляет, что «поиск универсальных форм ... далеко нас не уведет». Случай баррикад подчеркивает

⁴⁵⁴ North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, p.94.

⁴⁵⁵ Tilly Ch. *Getting It Together in Burgundy, 1675-1975* // *Theory and Society*. 1977, № 4(4), p. 479–504.

⁴⁵⁶ Tilly Ch. *Contentious Repertoires in Great Britain, 1758-1834* // In: *Repertoires and Cycles of Collective Action*, p.33–34.

⁴⁵⁷ Traugott M. *Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention* // *Social Science History*. 1993, № 17(2), p.309.

⁴⁵⁸ Traugott M. *Op.cit.*, p.313.

⁴⁵⁹ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing, 1978, p.143.

также тот факт, что ограничения встроены в протестный репертуар и имеют несколько измерений. Находящиеся в распоряжении демонстрантов технологические и материальные ресурсы (т.е. материальные условия) относятся к одному измерению. Другим измерением являются организационные ресурсы, ноу-хау и накопленный опыт. Иначе говоря, понятие репертуара как ограничения рационального выбора требует применения функционалистского (рациональный выбор) и конструктивистского (прошлый опыт и преобладающие ментальные модели, определяющие пределы возможного повседневных действий) методов изучения человеческого поведения.

Задача составления исчерпывающего перечня стратегий, которые составляют протестный репертуар в разных странах в разные моменты времени будет похоже на написание энциклопедии. В ограниченном пространстве статьи возможно рассмотреть несколько наиболее общих стратегий, имея в виду, что этот пример не является всеобъемлющим и репрезентативным.

Уличные протесты – неотъемлемая часть репертуара во многих странах Западной⁴⁶⁰ и Восточной Европы⁴⁶¹. Включенность уличных протестов в городскую культуру объясняет их популярность в урбанизированных странах. Van Aelst и Walgrave говорят о «нормализации» уличных протестов: демонстранты все чаще представляют различные гендерные, возрастные, по уровню дохода, образовательные и профессиональные группы. Уличный перформанс и элементы карнавала являются частным случаем коллективных действий в городской среде. Эти стратегии были использованы протестующими в таких постсоциалистических странах, как Сербия, Грузия и Украина⁴⁶².

Сидячие забастовки и захват публичных мест и зданий также восходит к урбанистической культуре. После финансового кризиса 2008 года Occupy movement («Захвати Уолл-стрит» и подобные акции в крупных городских центрах) обрело многочисленных последователей в Северной Америке. Occupy movement имеет несколько предшественников, включая сидячие забастовки в американских

⁴⁶⁰ Van Aelst Peter and Walgrave Stefaan. Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalisation of the protester // *European Journal of Political Research*. 2001, № 39(4), p.461–486.

⁴⁶¹ Guérin, Daniel, Petry, François and Crête, Jean. Tolerance, protest and democratic transition: Survey evidence from 13 post-communist countries // *European Journal of Political Research*. 2004, № 43(3), p.371–395.

⁴⁶² Beissinger, Mark R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics* // 2007, № 5(2), p.259–276; Nikolayenko, Olena. 2007. “The Revolt of the Post-Soviet Generation Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine.” // *Comparative Politics*. 2007, № 39(2), p.169–188.

университетских городках в 1960⁴⁶³. Эта форма протеста тоже представляет интерес для протестного репертуара в некоторых постсоциалистических странах, например в Венгрии, Словакии, Словении⁴⁶⁴ и Кыргызстане⁴⁶⁵.

В индустриальных обществах преобладает стачка как форма протеста. Она образует элемент репертуара рабочего класса: например, крестьяне, не делали забастовок с целью добиться выполнения каких-либо требований⁴⁶⁶. Сильные традиции самоуправления трудящихся сделали стачку соответствующей альтернативой. Например, стачка была в начале 1990-х распространенной формой протеста в Словении – бывшей югославской республике⁴⁶⁷. Популярность самоуправляемых предприятий – отличительная черта югославской модели социализма⁴⁶⁸. С другой стороны, сила ассоциативных организаций служит для предотвращения стачек и уличных протестов. При таких обстоятельствах становятся популярными формализованные формы разрешения конфликтов типа коллективных переговоров и торгов⁴⁶⁹.

Массовые протесты не застрахованы от тенденции к насилию. В репертуар насильственных форм борьбы входят физические столкновения протестующих с силами полиции, разгром имущества, травля, запугивание и убийства представителей государства и т.д. Но при обсуждении насильственных форм протеста надо всегда учитывать, что насилие протестующих обычно не больше, чем простая реакция на насилие государства. «Тонкая грань между «легитимным» и «нелегитимным» насилием» государства⁴⁷⁰ проходит по

⁴⁶³ Chabot, Sean and Duyvendak, Jan Willem. Globalization and transnational diffusion between social movements: Reconceptualizing the dissemination of the Gandhian repertoire and the 'coming out' routine // *Theory and Society*. 2002, № 31(6), p. 725.

⁴⁶⁴ Szabó, Máté. Repertoire of Contention in Post-Communist Protest Cultures: An East European Comparative Survey // *Social Research*. 1996, № 63(4), p.1166.

⁴⁶⁵ Temirkulov, Azamat. Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the "Tulip Revolution." // *Central Asian Survey*. 2008, № 27(3), p.328.

⁴⁶⁶ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing, 1978. p.159;

Biggs M. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century // *Mobilization: An International Quarterly*. 2013, № 18(4), p.409.

⁴⁶⁷ Szabó M. Repertoire of Contention in Post-Communist Protest Cultures: An East European Comparative Survey // *Social Research*. 1996. № 63(4), p.1167.

⁴⁶⁸ Oleinik A. Socialism // *International Encyclopedia of Economic Sociology*. Edited by Jens Beckert and Milan Zafirovski. London and New York: Routledge, 2006, p.627–631.

⁴⁶⁹ Alapuro R. Associations and Contention in France and Finland: Constructing the Society and Describing the Society // *Scandinavian Political Studies*. 2005. № 28(4), p.377–399.

⁴⁷⁰ Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // *Bringing the State Back In*. Edited by Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer and Theda Skopol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p.173. См. также: Coutin S. *Ethnographies of violence: Law, dissidence and the*

точкам отсчета актов насилия, совершенных протестующими. Чрезмерное применение силы со стороны полиции (аресты и задержание активистов) позволяет протестующим узаконить свое сопротивление. Для этой модели характерно взаимодействие между полицией и активистами антиглобалистского движения в Северной Америке⁴⁷¹. Она наблюдается также в некоторых постсоциалистических странах, а именно в Кыргызстане. Там в 2005 году гражданское неповиновение протекало мирно до тех пор, пока полиция не применила силу против демонстрантов, которые заняли общественные здания⁴⁷².

Средства массовой информации расширяют границы стандартных стратегий массовых протестов и содействуют появлению новых элементов в репертуаре. В первом случае эффект медиа способствует мобилизации и росту больших групп протестующих. В прошлом уличные протесты в Западной Европе обычно инициировались в соответствии с интересами таких организаций, как профсоюзы или политические партии. При ведущей роли средств массовой информации (как это было в случае протестов Белого Марша против преступного насилия в Бельгии в середине 1990-х) число протестующих превышает обычные показатели и они становятся более диверсифицированными⁴⁷³.

Особенно мощным инструментом мобилизации оказался Интернет. Некоторые ученые говорят даже о новом поколении коллективных действий – массовых протестах мобилизованных через Интернет. Массовые протесты на Ближнем Востоке в 2010–2013 годах (неофициально названные Арабской Весной) часто начинались как группа в Facebook и Интернет-форумах, что в конечном итоге привело к уличным протестам, сидячим забастовкам и другим, более традиционным стратегиям коллективных действий⁴⁷⁴. Средства мас-

state // *Law & Society Review*. 1995, № 29(3), p. 517-539; Kupatadze A. Organized crime before and after the Tulip Revolution: the changing dynamics of upperworld-underworld networks // *Central Asian Survey*. 2008, № 27(3), p.279–299.

⁴⁷¹ Thompson B. The Global Justice Movement's Use of 'Jail Solidarity' as a Response to Police Repression and Arrest: An Ethnographic Study // *Qualitative Inquiry*. 2007, № 13(1), p.141–159.

⁴⁷² Temirkulov A. Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the "Tulip Revolution." // *Central Asian Survey*. 2008, № 27(3), p.328.

⁴⁷³ Van Aelst P., Walgrave S. Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalisation of the protester // *European Journal of Political Research*. 2001, № 39(4), p.461–486.

⁴⁷⁴ Attia, Ashraf M., Aziz, Negris, Friedman, Barry and Elhousseiny, Mahdy F. Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt's 'Revolution 2.0.' // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2011, № 10, p.369–374; Hofheinz, Albrecht. Nextopia? Beyond Revolution 2.0. // *International Journal of Communication*. 2011, № 5, p.1419–1420.

совой информации, цифровые медийные сети помогают достичь высокого уровня диверсифицированного участия⁴⁷⁵. Как правило, в виртуальном пространстве протеста особенно активны представители молодого поколения. Но остается открытым вопрос: достигает ли мобилизация с помощью сети Интернет краткосрочных или устойчивых результатов? Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что виртуальные сообщества образуются легче, чем в живом общении, но они могут также быстро распадаться⁴⁷⁶.

Средства массовой информации создают также условия для возникновения новых форм борьбы. Это наблюдение особенно актуально в отношении сети Интернет. «Интернет действительно не только поддержал традиционные оффлайн социальные протестные действия, такие как классические уличные демонстрации, делая их более транснациональными, но также стал питательной почвой для создания новых форм протестной деятельности в Интернет, и создал онлайн-модификации уже существующих в Интернете протестных акций»⁴⁷⁷. Например, в репертуар онлайн-протестов включаются онлайн-петиции и виртуальные сидячие забастовки. В отличие от обычных сидячих забастовок, виртуальные сидячие забастовки устраиваются на просторах Интернета. Примером тому служат нападения на правительственные веб-сайты⁴⁷⁸.

Последние тенденции в литературе по проблеме репертуара коллективных действий показывают, что формы борьбы могут быть модульными, то есть их можно использовать в различных странах и периодах времени. Если акцентировать единичность репертуара коллективных действий, то исследования приобретут историко-информационный характер, тогда как идея модульности базируется на прикладных исследованиях в этой области. Работы, посвященные арабской весне и цветным революциям (серии массовых протестов в постсоциалистических странах в 2000–2005 гг.), обычно исходят из посылки: данные события имеют общие основания и механизмы. В конечном счете цветные революции вызваны фальсификациями выборов. Украденные выборы служили в качестве точки соотнесения: «Хотя авторитарные режимы постоянно нарушают

⁴⁷⁵ Walgrave Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants // *Mobilization: An International Journal*. 2011, № 16(3), p.345.

⁴⁷⁶ Kujawski B. and Abell P. Virtual communities? The Middle East revolutions at the Guardian forum: Comment Is Free // *The European Physical Journal*. 2011, B 83, p.525–529.

⁴⁷⁷ Van Laer J. and Van Aelst P. Internet and social movement action repertoires // *Information, Communication & Society*. 2010. № 13(8), p.1147.

⁴⁷⁸ Van Laer J. and Van Aelst P. *Op.cit.*, p.1157.

права граждан, одновременно некоторые из них затрагивают лично большую часть населения. Поэтому украденные выборы работают»⁴⁷⁹. Протесты склонны также принимать общие формы: уличные протесты с элементами карнавала характерны для цветных революций⁴⁸⁰, тогда как онлайн-мобилизация была ключевой особенностью арабской весны .

Модульные репертуары можно переносить (transferable) «в различных спорных ситуациях»⁴⁸¹. Они представляют общие элементы в национальных репертуарах коллективных действий. «Модульность относится к легкости, с которой модель спорного поведения можно узнать, адаптировать, сделать повседневной практикой (рутиной), и проникать из одной группы, одного места или одного момента к другому»⁴⁸².

Не все стратегии становятся модульными; некоторые из них остаются единичными. Построение баррикады является стратегией, которая вначале была единичной (по причине встроенности в культуру парижан), а затем постепенно превратилась в модульную (по причине широкого использования во время европейских революций 18-го века). В этой связи Трауготт отмечает, что «баррикады настолько широко распространены, что мы вынуждены заключить, что они ... не связаны только с одним конкретным периодом (не имеют специфики конкретного периода)»⁴⁸³.

Глобализация способствует увеличению модульности репертуаров. Модели коллективного действия представляют собой подмножество репертуара социальных и индивидуальных действий. С учетом условия глобализации, «общие модели социального порядка обретают авторитет в различных социальных условиях»⁴⁸⁴. Стратегии

⁴⁷⁹ Kuntz P. and Thompson M. More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers // *Comparative Politics*. 2009, № 41(3), p.258. См. также: Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007, № 5(2), p. 263; Cummings S. and Ryabkov M. Situating the “Tulip Revolution.” // *Central Asian Survey*. 2008, № 27(3-4), p.248–249; Beissinger M. Mechanisms of Maidan: The structure of contingency in the making of the Orange revolution // *Mobilization: An International Journal*. 2011, № 16(1), p.36.

⁴⁸⁰ Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions.” // *Perspectives on Politics*. 2007, № 5(2).

⁴⁸¹ Wada T. Modularity and Transferability of Repertoires of Contention // *Social Problems*. 2012, № 59(4), p. 544.

⁴⁸² Traugott M. 1995. Recurrent Patterns of Collective Action // *Repertoires and Cycles of Collective Action*, edited by Mark Traugott. Durham: Duke University Press, 1995, p.7.

⁴⁸³ Traugott M. 1993. Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention.” // *Social Science History*. 1993, № 17(2), p.317.

⁴⁸⁴ Meyer J. Globalization: Sources and Effects on National States and Societies // *International Sociology*. 2000, № 15(2), p.233–234.

борьбы – не исключение. Они пересекают географические и временные границы, становятся предметами выбора прежде разобщенных групп протестующих. Такое рассуждение подводит ученых, изучающих массовые протесты, к предположению: глобализация увеличивает относительное количество модульных стратегий и уменьшает относительное число единичных стратегий.

Диффузная модель⁴⁸⁵ определяет два основных канала, через которые единичная стратегия может в итоге приобрести модульный характер. Первый канал относится к механизмам соотнесения. Протестующие из разных стран непосредственно встречаются друг с другом. Они также обсуждают и обмениваются информацией относительно стратегий, которые работают в виртуальном пространстве Интернета. Сети активистов возникают как спонтанно, так и целенаправленно при содействии различных спонсоров в их организации: международных НПО, иностранных правительств, заинтересованных проблемой всеобщих прав человека и т.д. Например, до оранжевой революции 2004 г. группы украинских активистов приняли участие в серии летних лагерей, семинаров и практикумов, посвящённых обсуждению репертуаров борьбы, которые доказали свою эффективность в Сербии в 2000 году и в Грузии в 2003 году⁴⁸⁶. Эти встречи были спонсированы Freedom House, Фондом Сороса и правительства США.

Второй канал подразумевает безотносительные механизмы копирования успешных моделей. Если протестующие разрабатывают аналогичные когнитивные модели и схемы, они, как правило, используют подобные стратегии коллективных действий. Например, общие когнитивные схемы возникают в результате чтения тех же книг. Как сообщают, украинские протестующие, как и протестующие в других странах, ощутили влияние от цветных революций и вдохновлялись книгой Шарпа⁴⁸⁷ о стратегиях мирного перехода к демократии⁴⁸⁸.

Анализ когнитивной стороны процесса распространения моделей позволяет обрести более точное понимание модульности. Стратегии коллективных действий не смогли бы копироваться без суще-

⁴⁸⁵ Wada T. Modularity and Transferability of Repertoires of Contention // *Social Problems*. 2012, № 59(4), p.546-548; Biggs M. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century // *Mobilization: An International Quarterly*. 2013, № 18(4), p.409.

⁴⁸⁶ Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena..., p.262, 270; Nikolayenko O. *Op.cit.*, p.182.

⁴⁸⁷ Sharp G. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. London: Serpent's Tail. 2012.

⁴⁸⁸ Nikolayenko O. *Op.cit.*, p.182.

ственных изменений или адаптации к новым условиям институциональной среды. Шабо и Дуйвендак используют условия *dislocation* и *relocation* для разделения двух форм модульности: «*Dislocation* нуждается в эмоциональном и когнитивном признании со стороны потенциальных усыновителей (по признанию уже применявших такую стратегию), так что инновации, возникшие в другой институциональной среде, могут работать также за ее пределами, в то время как перемещение (*relocation*) предполагает коллективные эксперименты с новыми протестными идеями и практиками уже в условиях новой среды. *Relocation* требует большей отдачи со стороны акторов, участвующих в процессе распространения моделей. Знание теории не гарантирует общий успех. Акторы должны быть в состоянии объединить традиционные институты и новые нормы, на которых основаны перенесенные стратегии»⁴⁸⁹.

На первый взгляд, использование стратегии, которая доказала свою эффективность в другой культурной среде, может показаться невозможным. Например, пост и другие стратегии ненасильственного сопротивления, популяризированные Ганди, изначально казались совершенно чуждыми многим активистам в Соединенных Штатах, в том числе таким выдающимся деятелям, как W.E.B. Du Bois, который утверждал, что в Англии или Америке пост «будет рассматриваться как шутка или как безумие»⁴⁹⁰. И все же некоторые элементы репертуара Ганди были успешно адаптированы американским движением за гражданские права в 1960-е годы⁴⁹¹. Афроамериканские студенты, которые инициировали сидячие забастовки, явно использовали учения Ганди как источник вдохновения.

Кыргызстан предлагает еще одну иллюстрацию комбинации традиционных и заимствованных институтов. Тюльпановая революция 2005 года сочетает уважение к традициям с использованием модульных стратегий. Роль триггера сыграли украденные выборы, но «основными методами, которые использовались для привлечения сторонников, стали уже существующие неформальные традиционные институты», такие как курултай (народный сбор) аксакалов

⁴⁸⁹ Chabot S. and Duyvendak J. Globalization and transnational diffusion between social movements: Reconceptualizing the dissemination of the Gandhian repertoire and the 'coming out' routine // *Theory and Society*. 2002, № 31(6), p.707.

⁴⁹⁰ Biggs M. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century."// *Mobilization: An International Quarterly*. 2013, № 18(4), p. 410.

⁴⁹¹ Chabot S. and Duyvendak J. *Op.cit.*, p.697–740.

(старейшин) и палваны (традиционные борцы, которые пользуются популярностью и уважением)⁴⁹².

Кто же занимается познавательной и практической работой, связанной с *dislocation* и *relocation*? Она может быть либо спродюсированной либо сделанной самостоятельно членами общины. Культурные предприниматели рекомбинируют институциональные элементы, доступные в той или иной культуре, совмещая их с перенесенными стратегиями. При этом культурные предприниматели стремятся получить материальную или моральную (статус, власть) прибыль⁴⁹³. Коммунитарная модель не предполагает зависимости от конкретных лиц. «Ключевыми акторами [являются] не общепринятые лидеры общественного мнения или СМИ, но критически настроенное сообщество и его члены»⁴⁹⁴. Члены сообщества разделяют познавательную и практическую работу, необходимую для *dislocating or relocating* потенциальных модульных стратегий.

Обзор литературы показывает, что вместо рассмотрения идей единичности и модульности как взаимоисключающих надо предположить бытие континуума их промежуточных значений. Вада полагает, что «модульность следует представить как степень переносимости спорной формы через различные спорные ситуации»⁴⁹⁵. Однако он приводит крайне ограниченный пример: четыре округа нынешнего Большого Лондона. Вряд ли можно полагать их значительную культурную неоднородность, особенно в 18–19 веках – в период времени, анализируемого Вада.

Настоящее исследование направлено на изучение следующей гипотезы. Существует высокая степень избирательного сродства между традиционными институтами той или иной страны и потенциальным модульным репертуаром, способствующим его распространению в данной стране. Если распространение принимает форму дислокации, то обычно требуется минимальная познавательная и практическая работа. В случае распространения в виде перенесения (*relocation*) необходимо затратить больше познавательных и практических усилий. Тем не менее, избирательное сродство увеличивает шансы на успех акторов институционального трансфера,

⁴⁹² Temirkulov A. *Op.cit.*, p.318.

⁴⁹³ Davis L. and North D. 1970. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step towards Theory of Institutional Innovation // *Journal of Economic History*. 1970, № 30(1), p.131–149; Oleinik A. Institutional transfers in the Russian system of higher education: a case study // *Journal of Economic Issues*. 2012. № 47(4), p. 881–908.

⁴⁹⁴ Chabot S. and Duyvendak J. *Op.cit.*, p.727.

⁴⁹⁵ Wada T. *Op.cit.*, p. 546.

культурных предпринимателей или членов сообщества. Низкая степень избирательного сродства означает, что в данной конкретной институциональной среде могут быть эффективны только специфические стратегии. Никакие акторы (за исключением самых находчивых) не смогут сделать модульный репертуар работоспособным в данной культуре.

II. Майдан 2013: case study

Для case study была выбрана ситуация в Украине в конце 2013 года. Формат case study невозможно использовать для формальной проверки исследовательской гипотезы исследования в официальном порядке (формальным образом). Тем не менее он помогает ее изучить и решить: оправданы или нет дополнительные исследования.

Массовые крупномасштабные протесты регулярно повторяются в Украине. Первая волна завершилась Оранжевой революцией 2004 года. Вторая волна началась в 2010 году протестами против нового Налогового кодекса и завершилась в конце ноября–декабря 2013 года. Периодический характер массовых протестов делает украинский случай наиболее интересным для изучения. Наличие многочисленных событий внутри одной страны готовит почву для определения стратегий массовых протестов, которые работают (способствуют крупномасштабной и устойчивой мобилизации) в этой институциональной среде. В случае Украины подтверждается, что эффективные стратегии извлекаются из успешного переноса модульных стратегий. Их успех можно отнести к высокой степени избирательного сродства между некоторыми модульными стратегиями и традиционными институтами, соединенными с усилиями членов сообщества.

Протесты начались в Киеве, столице Украины, 22 ноября 2013 года. На этот раз они не были спровоцированы украденными выборами, что позволяет здесь исключить из рассмотрения одну из модульных стратегий (использование украденных выборов для целей мобилизации). Отказ президента Януковича подписать соглашение о сотрудничестве с Европейским Союзом (ЕС) стал спусковым крючком массовых акций протеста. При рассмотрении этого триггера следует иметь в виду, что до принятия решения Януковичем никакого референдума не было. Кроме того, общественное мнение в Украине было разделено на два альтернативных направления – Европейское и Российское (постсоветское). Опрос, проведенный по репрезентативной выборке населения Украины в мае 2013 Центром Разумкова (2013 г.) показал, что 41,7% респондентов поддержали ас-

социацию с ЕС, 31% высказались в пользу членства Украины в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана и 13,5 % хотели сохранить независимый статус стране. Другими словами, проблема экономической ассоциации с ЕС не играет центральную роль для большинства населения.

В 2013 году репертуар борьбы включал в себя несколько стратегий: уличные протесты, сидячие забастовки, захват общественных мест (центральной улицы Крещатик и центральной площади Независимости) и зданий (Киевской городской государственной администрации, профсоюза и Украинского дома), баррикады, забастовки, а в январе-феврале 2014 года физические столкновения с полицией и разгром имущества. Даже те стратегии, которые использовались ранее (в 2004 году) были изменены в течение 2013 году на волне массовых протестов. Данная модификация и адаптация будут в центре внимания настоящего исследования. Они полагаются важным фактором, который обусловил блестящую способность граждан сопротивляться атакам правительства и поддержку протестов на протяжении длительного периода времени. Протестующие отстранили от должности Президента Януковича. В дальнейшем мы обсудим успех протестующих с точки зрения их мощного потенциала постоянного сопротивления, а также дадим оценку их успеха или неудачи послед достижении конкретных целей (например, повышение ответственности правительства перед населением).

Активная фаза протестов продолжалась около трёх месяцев: с 22 ноября по 22 февраля 2014 года, когда президент Янукович покинул свой кабинет под возрастающим давлением со стороны протестующих. Столь длительный период непрерывных протестов – беспрецедентное явление как в современной истории Украины, так и в других постсоциалистических странах. Фокус настоящего исследования – период с конца ноября до конца декабря 2013 года. В течение этого периода насильственные стратегии противостояния правительству использовались только спорадически и в несистемной форме (в противовес декабрю-февралю 2014 года, когда начали преобладать физические столкновения с силами полиции и уничтожение имущества).

На данном этапе большинство протестующих представлено молодым поколением. Они организовали серию уличных шествий и выстроили палаточный городок в центре Киева. Для разгона протестующих полиция применила силу 30 ноября 2013 года и 11 декабря 2013 года. Но попытки правительства урегулировать кон-

фликт путем применения грубой силы только укрепили желание протестующих к сопротивлению. «Насилие власти по отношению к тому, что свободный гражданин считает священным, только укрепляет его сопротивление»⁴⁹⁶ (Макаренко 1998: 237). Кроме того, число протестующих начало возрастать, поскольку в их ряды встали члены старших поколений. В разгар протестов в декабре 2013 года в уличных шествиях только в Киеве приняло участие более миллиона украинцев.

Основной причиной для ограничения исследования ноябрём – декабрём 2013 года служат два основания. С одной стороны, судя по числу участников этот период отмечен высшей степенью активности. С другой стороны, первичные данные были собраны в конце декабря, и для более глубокого понимания последующего развития требуется сбор дополнительной информации.

III. Источники информации

Case study включает использование данных из различных – первичных и вторичных – источников. Вторичные источники включают три опроса, проведённые Илько Кучерив (Фонд демократической инициативы) дважды в декабре 2013 года и в феврале 2014 года. Исследователи пытались привлечь участников уличных протестов в Киеве (первый опрос) и сидячей забастовки на Крещатике (второй и третий опрос). Уличные протесты часто принимают форму стационарных протестов (например, митинги) в отличие от движущихся протестов (например, марши). Стационарные протесты называются по-другому – Вече и Майдан. В Медиа и исследовательских отчётах сидячие забастовки названы также Табір и Січ⁴⁹⁷.

Избранные имена не случайны. Все четыре относятся к стратегии коллективных действий, которые существовали в украинской истории. Вече означает массовое собрание в центре города, в течение которого население (представители всех социальных групп без исключения) определяло вопросы общественной значимости, в том числе подписание соглашений с правилами и их отменой в случае его неудовлетворительного исполнения⁴⁹⁸. Вече существовало во

⁴⁹⁶ Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1998, с.237.

⁴⁹⁷ Илько Кучерив. Від Майдану-Табору до Майдану-Січі: що змінилося? Фонд демократических инициатив. (<http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/vid-mchi-sho-zminilos.htm>) Проверено 18 февраля 2014.

⁴⁹⁸ Ключевский В. Курс русской истории // Ключевский В. Сочинения. Т.1. Москва. Государственное издательство политической литературы. 1956, с.192; Он же. Сочинения. Т.2. Москва,

времена Киевской Руси. Аналогичный смысл имеет слово Майдан. Оно означает открытое заседание в центральном месте в городе или деревне, на котором определялись вопросы, представляющие общественный интерес. Майдан продолжал функционировать до начала 20 века⁴⁹⁹. В отличие от Вече как городского феномена Майдан тесно связан с провинцией.

Лагерь запорожских казаков назывался табір (или кіш). Он представляло собой набор куреней, окруженных телегами в виде круга. Такое расположение служило эффективной организацией защиты против возможных атак неприятеля. Слово Сечь означало постоянное поселение Запорожских казаков, а также их столицу (исторически она была расположена на острове Хортица на реке Днепр – район нынешнего Запорожья). Другими словами, табір представлял собой временный казачий лагерь, устанавливаемый во время их военных походов, тогда как Сечь – постоянная столица, казачье ядро, центр казачьего владения, их дом, проще говоря⁵⁰⁰.

Задача проведения опроса стационарного протеста связана с известными сложностями⁵⁰¹. Исследователи опрашивали протестующих в определенных ключевых точках стационарной толпы (Вече) и в палаточных лагерях (Сечь). У исследователей не хватило времени для проведения качественных интервью и постановки открытых вопросов, которые расширили бы список альтернатив в закрытых вопросах.

Но собранные авторами первичные данные позволяют преодолеть этот разрыв. Они провели 33 интервью на русском и украинском языках в период с 27 декабря по 28 декабря 2013. Два интервью не были записаны и потому исключены из анализа. Проведение интервью включало вопросы о причинах респондента для вступления в ряды протестующих, его / ее опыт участия в различных акциях протеста и некоторые ключевые концепты, такие как свобода, доверие и власть. Двадцать из 31 респондента являются участниками Вече, они не жили в палаточном городке постоянно. Девять респондентов жили в Сечи – палаточном городке. Два остальных интервью были проведены с лидерами протеста для получения знания по ор-

Государственное издательство политической литературы. 1957, с.68; Макаренко В.П. Указ.соч., с.172–173;

⁴⁹⁹ Стихотворение раннего Павла Тычины, украинского поэта 20-го века, начинается: «На Майдані біля церкви, революція іде» (1918).

⁵⁰⁰ Яворницький Д. Історія запорізьких козаків. Львов. Світ. Т.1, с.58.

⁵⁰¹ Walgrave S. and Verhulst J. 2011. Selection and Response Bias in Protest Surveys // Mobilization: An International Journal. 2011. № 16(2), p.207.

ганизационным вопросам из первых рук⁵⁰². Качественные, глубокие, полиструктурированные интервью продолжались от 6 до 40 минут.

Интервью были транскрибированы и проведен контент-анализ с помощью компьютерной программы для качественного и количественного контент-анализа QDA Miner версия 4.1.6, разработанная Provalis (Монреаль, Канада). Кодовая книга для качественного контент-анализа содержит 23 кода, сгруппированных в четыре категории: репертуар (различные стратегии коллективных действий), организация (субъекты, участвующие в управлении палаточного городка и вече), фонды (понимание ключевых концепций) и причины протеста (см. таблицу 3 в Приложении для кодирования частоты). Использование контент-анализа может быть оправдано существованием связи между инструментальным репертуаром и дискурсивным репертуаром коллективных действий. «Подобно инструментальным версиям, создающим шаблоны действий, дискурсивные репертуары обеспечивают соперников словарем мотивов, которые могут легитимизировать действия»⁵⁰³.

Тот факт, что интервью проводились на двух языках, ограничило набор возможностей, доступных для количественного анализа содержания и для оценки надежности качественного кодирования. В частности, оказалось невозможно провести корреляционный анализ. А именно, анализ слов со-вхождений (корреляционный анализ) и расчет коэффициентов корреляции между матрицами качественных кодов, матрицы из слов со-occurrence и матриц кодов, прописанных с помощью словаря, основанного на замещении, оказался неосуществимым⁵⁰⁴.

Надежность качественного кодирования помогло установить участие двух кодировщиков, авторов этой статьи. Значение альфа Кrippendorff является 0,419, что позволяет полагать уровень надежности приемлемым⁵⁰⁵. Читатель также должен иметь в виду, что существующие компьютерные программы не содержат такого вариан-

⁵⁰² Авторы благодарят Orest Drul за его ценную помощь в организации двух интервью с лидерами протеста.

⁵⁰³ Traugott M. Recurrent Patterns of Collective Action. P.5

⁵⁰⁴ Oleinik A., Popova I., Kirdina S. and Shatalova T. 2013. On the choice of measures of reliability and validity in the content-analysis of texts // Quality and Quantity On-line First. 2013 (DOI 10.1007/s11135-013-9919-0).

⁵⁰⁵ Не достигнув предварительной согласенности, авторы независимо закодировали интервью 3-5 раз. В проекте, в котором 4 исследователя кодировали 37 текстов среднее значение для всех пар кодеров был 0,537 (Таблица 3). Тем не менее, тексты закодированных в этом проекте приняли формат научных статей и эссе. Стенограммы углубленных интервью имеют более свободную структуру, что затрудняет достижение соглашения, возможно.

та расчета меры надежности для пакетирования, который снимает все меры надежности для текстов кодирования. Пакетирование предполагает выявление смежных разделов (предложения, абзацы), содержащих информацию, относящуюся к кодам в пределах транскрипта.

IV. Анализ

Данные по протестующим включают четыре источника – три опроса и серию глубинных интервью. Их сравнение позволяет установить наличие двух паттернов: *подтверждаемости* (производство тех же результатов с помощью различных исследовательских методов) и *взаимодополнительности* (использование различных методов исследования позволяет раскрыть различные аспекты изучаемого явления) (Brannen 2005). Характер *подтверждаемости* относится к гендерной, возрастной и географической составляющим группы протестующих. Все четыре источника показывают преобладание мужчин, особенно в местах сидячих забастовок (Табор и Сечь, см. таблицу 1). Абсолютное большинство или, по крайней мере, большая часть протестующих пришли из западных регионов Украины (Львов, Ивано-Франковск, Тернополь и т.д.) (данные об этом содержатся в таблице 1).

Паттерн *взаимодополнительности* отсылает к причинам участия в акциях протеста, указанных респондентами. Опросы и интервью сходятся в выявлении трех наиболее распространенных причин, хотя вопросы анкеты не включают исчерпывающего перечня альтернатив. Тем не менее интервью позволило авторам обнаружить несколько альтернатив, которые не были включены в исследование.

Одна из наиболее часто упоминаемых причин – использование правительством физической силы против протестующих. Против них полиция использовала дубинки, резиновые пули, водяные баки (при температуре воздуха значительно ниже 0° C) и слезоточивый газ. Полиция арестовала также значительное количество активистов (они были освобождены только во второй половине февраля 2014 г.), они преследовались и другими способами (хулиганы, *titushky*, их били и пытали, а также разбивали автомобили).

Да, после того, как избивали студентов, наблюдался очень яркий и очень сильный энергетический, такой, скажем так, накал, такой, мы не разрешим. Ну, скажем так, что мы больше не дадим наших девушек, наших матерей (мужчина, 40-54 лет, organizer).

Я думаю, спочатку влада **хотіла** розігнати для того, щоби залякати людей. Думали раз зачистять Майдан, та й все. А це обурило народ - ніхто не захотів здаватися (мужчина, 24 года и меньше, Veche).

І з ким не говорить, **всі** кажуть - та ладно, вже той євросоюз, чи не євросоюз, але як можна, щоби наших дітей били?! От всі говорить тільки про то. Людей, дітей. Ну, так неможливо! Так неможливо! (женщина, 40-54 года, Veche).

Отказ президента заключить договора об экономической ассоциации с ЕС занимает второе место во всех случаях, кроме одного (третьего опроса в феврале 2014). Следует отметить, что эта причина не была довлеющей даже на ранних этапах мобилизации, вопреки убеждениям многих наблюдателей.

что сразу оно все не построится, наприьер, если человек заболел, ему перед операций, да, человека вылечат, операцию сделают, это длительный процесс, потом человек выздоровеет, и у нас так постепенно бы было, мне кажется, все налаживается, там лучше, естественно. Там же (женщина, 40-54 года, Sich).

Нет, если взять не по активности, а по событиям, первая тема была тема Евромайдана (мужчина, 40-54 года, leader).

Я рахую, що якщо взяти наш український народ, який зараз на Майдані - ми ж бачимо, скільки тут є людей - їхня мета в тому, щоби відстояти Євросоюз (мужчина, 25-39 лет, Veche).

Третья наиболее важная причина (второй опрос в феврале 2014) относится к желанию протестующих изменить правящую элиту. Люди, находящиеся у власти, считаются эгоистичным и отчужденными от обычных людей. Фактическое отсутствие обратной связи в отношениях между носителями власти и простыми людьми (за исключением выборов, результатами которых можно управлять) подкреплено имиджем государства и его представителей в качестве самодостаточной и самостоятельной сущности.

надо менять, надо менять систему власти, здесь разбухает аппарат, который не работает, который не продуктивен, который... то есть сидит на плечах у народа и в принципе толку от него никакого (мужчина, 24 года и меньше, Veche).

Але найбільша проблема, на мою думку, яка цей Майдан завела - це, фактично, ненависть до влади. Ненависть (male, 40-54 y.o., leader).

Я прийшла на Майдан, щоби було видно, що є противага владі, яка вважає, що вона єдина представляє Україну (женщина, 25-39 лет, Veche).

В 2013 протесты начались после приостановки президентом экономической ассоциации с ЕС, но они очень быстро вышли за пределы этого вопроса. Протесты высветили широкий спектр проблем, которые разделяли и противопоставляли правящую элиту и простых украинцев. Качественное кодирование (qualitative coding) помогло выявить ряд причин присоединения к акциям протеста, которые не были включены в список альтернатив, используемых в анкете. Этот список включает в себя недовольство низким уровнем жизни, личная неприязнь к президенту Януковичу, широко распространенная коррупция и необходимость сохранить подлинную независимость Украины после двадцати лет официально независимого государства. Последняя причина подчеркивает развитие внутренних источников (протеста) социально-экономического развития Украины, в отличие от взгляда то на восток, то на запад: "Для меня ни Россия ни Европа как бы не столь важны. Я хочу чтобы Европа была в Украине, чтоб мы жили хорошо. Не надо нам союз, там с теми или с иными " (мужчина, 40–54 лет, Сич). Взятые вместе, эти четыре последние причины упоминались чаще, чем даже злоупотребление правительством в применении физической силы! Другими словами, в 2013 году протесты не имеют определенного триггера. Рано или поздно взаимодействие между насильственным, самодостаточным и отчужденным от народа правительством и населением привело бы к взрыву.

Теперь обратимся к поиску объяснений исключительного стремления протестующих продемонстрировать сопротивление. Если верна рабочая гипотеза, сформулированная в конце первого раздела, то объяснение относится к укорененности репертуара борьбы в украинских традиционных институтах. Такие стратегии, как уличные протесты и сидячие забастовки, могут быть также модульными, но их конкретные формы, разработанные протестующими: Вече и Сич, глубоко укоренены в истории Украины.

Исследования включали вопрос о готовности респондента принять участие в различных формах протестов (табл. 2). Их популярность варьируется в зависимости от различных групп протестующих. Авторизованные митинги и уличные протесты представляют собой наиболее популярную форму. Пикетирование государственных органов занимает второе место (за исключением случая участников Вече). Участие в выборах и забастовках также оказывается популярным. В конечном счете, жители палаточного городка (Сич)

ожидаемо показывают высокую готовность принять участие в сидячих забастовках (см. об этом в таблице 2).

Популярность уличных протестов, как санкционированных так и несанкционированных (среди жителей Сичи), может быть связано с постепенной адаптацией этой модульной формы к местным условиям и традициям. Форма уличных протестов развивалась в направлении большей адаптации к украинской культуре. Сравнение Майдана в 2013 году с Майданом в 2004 году проливает некоторый свет на эти изменения. В ноябре–декабре 2004 Майдан был хрестоматийным примером модульной стратегии. Преобладали карнавальные элементы: рок-концерты, оранжевые полосы и непринужденная атмосфера.

(Вот впечатления от того раза и сейчас. Сравните).

Смутно помню, но тогда было все как-то, как-то мне казалось, за несколько дней все поменялось. Оно было как концерт такой, когда все пришли, все крикнули «Ющенко так» [add a foot note], спели песни, повесили оранжевых ленточек и как бы все поменялось (мужчина, 24 года и меньше, Сич).

В 2013 году Майдан приобрел более традиционные элементы, одновременно он становился более агрессивным. Термин Вече подходит по духу Майдану 2013 гораздо лучше, чем в 2004. Религия стала одним из звеньев, соединяющих модульную форму уличных протестов с традиционными институтами. Священники (Украинской православной, католической, мусульманской и иудейская церквей) и религиозные символы были особо заметны в протестах 2013 г. Вече обычно начиналось с общей молитвы.

тут много их на сцене бывает. Я не разбираюсь, киевский - не киевский, я где православные-католики. - {Вы сами не верующий, да?} - Я в Московском патриархате, но на сцене что-то разницы я не вижу. Если церковь с народом... (мужчина, 40-54 года, Сич).

Другой традиционный элемент можно увидеть в порядке, в котором Вече функционировало как место для обмена информацией. Официальные массмедиа тщательно контролируются и цензурятся со стороны правительства⁵⁰⁶. Значительная часть протес-

⁵⁰⁶ В 2013 году Украина заняла 126 место из 179 в World Press Список Репортеры без границ (2014). По сравнению с 2012 годом, ситуация ухудшилась: Украина потеряла десять позиций в рейтинге.

тующих, особенно представители старшего поколения, ограничены или не имеют доступа к Интернету. Вече нельзя определить как Facebook-революцию. В этих условиях Вече стало местом, где можно было свободно обмениваться информацией. Протестующие получили информацию как от выступавших со сцены, так и из уст в уста, лицом-к-лицу с другими протестующими.

“Треба більше інформації. Піде процес. Тут просто йдуть узнати інформацію, почути, розібрати лістовки, попити чай, глянути, що воно далі, почути зі сцени як іде процес. Тобто і мало інформації і вот воно... Інформація править світом. Буде інформація – піде процес.” (жінщина, 40-54 роки, Vechе).

“если даже приходишь сюда, ты узнаешь намного больше, чем ты услышишь по телевизору, правильно?” (мужчина, 24 года и меньше, Vechе).

Возрождение традиционных форм прямой демократии подчеркивает также присущие ей ограничения. На Вече решения принимались большинством голосов. Тем не менее, превосходящую силу голоса часто заменяют на прочность аргументов. Нет точного подсчета голосов в пользу или против конкретного предложения. Аналогично Вече в Киевской Руси, “на вече по самому его составу не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни голосования. Решение составлялось на глаз, лучше сказать на ухо, скорее по силе криков, чем по большинству голосов” (Ключевский).

Отсыл к традициям еще более выражен в Сечи – организации палаточного городка. Структура палаточного городка в центре Киева воспроизводила некоторые особенности казацкой Сечи. Центр города (большая часть Крещатика и площади Независимости) был окружен баррикадами, которые играли роль телег в оригинальной версии. Баррикады были оформлены баннерами и укреплены с помощью мешков с песком, камней, металлических барьеров и колючей проволоки. *Баррикады Сечи* представляют собой креативный вариант французских баррикад как модульной стратегии применительно к местным традициям, что в результате делает их одним из элементов традиционного институционального устройства.

Внутренняя организация палаточного городка также воспроизводит черты Сечи. Около палаток был зажжен огонь. Протестующие собрались вокруг него и готовили блюда в казанах (традиционные большие горшки для приготовления пицци). Барабаны использовались охранниками, которые зачастую были одеты в традиционные казачьи костюмы, чтобы разбудить других протестующих спящих в палатках в случае опасности. Палаточный городок занимал свое

центральное место, пространство вокруг сцены, где каждое утро проходили молитвы. Во время Вече (обычно по воскресеньям) палаточный городок и его центральное место становилось центром уличных протестов. Сотни тысяч жителей и гостей Киева из других частей страны, тогда присоединялись к «постоянному» населению палаточного городка (около 5000 человек) .

Запорізька Січ у чистому вигляді. {Але ви сказали, що ті традиції Запорізької Січі не є дуже адекватні...} Не дуже, але це нагадує Запорізьку Січ. Це табір. Це козацький табір. Це козаки отак от коли в полі чекали нападу ворога, то вони отак отаборилися, оточували себе возами, а тут – барикадами – то є натуральний козацький табір. Це український архетип. То, що зараз є Майданом – це є суміш вічевої традиції, яка йде ще з часів Київської русі, коли люди збиралися і могли собі князя вибрати, або вигнати. Це суміш вічевої традиції і напіввійськової організації, якою була Запорізька Січ (мужчина, 40-54 года, организатор).

{А как бы вы описали в целом атмосферу на Майдане?} - Ну как же, есть, уже говорили, придумывать не буду, как Запорожская Сечь, только в современной постановке (мужчина, 25-39 лет, Veche).

Анализ кодирующей последовательности и кодирования совместной встречаемости (или/или – смежности, совместного проявления) подтверждает, что традиции были упомянуты в обсуждении Вече и Сечи чаще, чем когда собеседник ссылался на другие стратегии из репертуара борьбы. А именно, коды "Традиции", "Вече", "Лагерь" и "Бой" образуют кластер, который стоит отдельно от других кодов (рис. 1). Из всех кодирующих последовательностей код "Традиции" идет первым, вероятность наличия рядом кода "лагерь" выше, чем любой другой из оставшихся 21 кодов. Последовательность кодов "Традиция" - "лагерь" возникает существенно чаще, чем по чистому совпадению (Z значение = 3,33 , $p = 0,003$)⁵⁰⁷ .

См. об этом в рисунке 1.

Стратегия забастовки (стачки) также представляет собой интересный случай. Забастовка является одним из четырех или пяти самых популярных стратегий среди протестующих (табл.2). Лидеры политических партий, поддерживающих протесты (Виталий Кличко УДАР, Арсений Яценюк Батьківщина и Олег Тягнибок Свобода) сделали несколько попыток, чтобы начать забастовку в качестве ме-

⁵⁰⁷ Частота («Традиции») = 38, частота («Лагерь») = 78, "Лагерь" следует за "Традиции" 11 раз (28,9% раз), «Традиции» возникают до «Лагерь» также в 11 раз (14,1%), 20,8% это процент всех последовательностей равный текущей последовательности.

ры ради получения уступок от правительства⁵⁰⁸. Эти попытки ни к чему не привели, поскольку не произошло даже небольшой по масштабу забастовки. Объяснение отказа от организации новой забастовки, хотя эта стратегия популярна, может быть результатом ее отличие от местных традиций. Традиция забастовок была возрождена в конце 1980 – начале 1990-х, когда шахтеры в Донбассе организовали несколько забастовок. Но никаких конкретных усилий не было приложено для адаптации этой стратегии к новым обстоятельствам (рабочие составляли 6,7% участников Вече, 14,4 % жителей Табира и 15,2 % жителей Сечи). Чтобы быть работоспособной, стратегия забастовки должна была стать привлекательной для офисных работников, крестьян, студентов и пенсионеров.

Ненасильственное сопротивление находится среди других исторических прецедентов, которые не были возрождены на протяжении протестов в 2013 г. Стратегия сопротивления Ганди была принята некоторыми украинскими политическими заключенными в советских тюрьмах. Они явно пытались внести ненасилие в репертуар борьбы до начала массовых протестов в ноябре 2013 г.⁵⁰⁹. К сожалению, их усилия прошли практически незамеченным. Исторический репертуар борьбы в украинском случае был достаточно широк. Он даже содержит в себе протест в форме самоубийства, а именно саможжения Олексы Гирнык в 1978 г.⁵¹⁰, истоки которой, видимо, можно проследить до жертвы Куанг Дук⁵¹¹. Однако для возобновления данные традиции требуют значительной работы по обновлению и адаптации к сегодняшним модульным действиям.

Какие акторы выполняли эту работу в случае Вече и Сечи и при выполнении аналогичных задач в других случаях? Если они были политическими лидерами, то применяется модель *предпринимательства*. Если они являются членами общины, то более подходит *коммунитарная* модель. По сравнению с протестами 2004 г. в 2013 году протесты показали отход от модели *предпринимательства*. Лидеры трех вышеупомянутых оппозиционных партий не организо-

⁵⁰⁸ Например, Кличко намеревался начать забастовку 23 января 2014 г. если переговоры между лидерами трех партий и правительства не удались (Украинская правда 2014). Переговоры не удались, но забастовка не началась.

⁵⁰⁹ Грицак Е. Ненасильство завжди перемагає. 2013. Retrieved February 19, 2014 (http://texty.org.ua/pg/article/editorial/read/46215/Nenasylnyckyj_sprotyv_rozvalyv_SRSR_i_znyshhuv_GULAG). Проверено 19 февраля 2014.

⁵¹⁰ Дело Гирнык было упомянуто в одном из интервью.

⁵¹¹ Biggs M. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century// Mobilization: An International Quarterly. 2013, 18(4), p.418

вывали массовые акции протеста. Лидеры были просто не в состоянии заявлять свои права (контролировать) в январе–феврале 2014 году, когда произошли ожесточенные столкновения между демонстрантами и полицией. Собеседники неоднократно подчеркивали, что протесты 2013-2014 гг. были протестами людей, и потому относятся к модели без лидера. Код "Самоорганизация" имеет самую высокую частоту из всех 23 кодов (табл. 3).

цей Майдан він народжувався стихійно... Цей Майдан не є партійний. Цей Майдан не скликали партії - УДАР, «Свобода», «Батьківщина». Цей Майдан є громадянський. Тому 90% людей, які тут знаходяться, вони заявили, що вони приїхали самостійно. (male, 40-54 у.о., organizer).

Ні. Я в ніякій партії не є. Я суто вільний безпартійний громадянин, який відстоює свої права і права інтереси свого народу. (male, 25-39, Veche).

одним из достижений этого Майдана есть это объединение, потому что оно мне напоминает эээ «солидарность» польскую. Оно, также как и «солидарность», на фоне этого бунта организовалось, ии я считаю, что возможно это будет такая решающая сила политическая, именно народная (женщина, 55 лет и старше, Вече).

Большинство институциональных инноваций на протяжении протестов 2013 осуществлялись снизу вверх, а не сверху вниз. Здесь не было никакого архитектора, который изобрел новый макет палаточного городка. Его жители сделали это спонтанно. Решение пригласить священников и начинать все важные события молитвой не было сделано одним человеком. Священники начали посещать палатки протестующих независимо от централизованных решений. В последнюю очередь, но не менее важно, что установления в Сечи и на Вече не были введены указом. Они также появились спонтанно.

Культурные предприниматели, которые были ключевыми фигурами протестов в 2004, в 2013 году в лучшем случае выступали за кулисами. В 2013 г. протесты также не были спровоцированы извне. Код "Самоорганизация" редко выступал в последовательности с кодами «Россия» (Z значение = -1,96, $p = 0,026$) и "Европа" (Z значение = -2,46, $p = 0,004$). Более конкретно, эти последовательности имели место не столь редко для того, чтобы быть чистой случайностью. В 2013 г. протесты были вызваны «критическим сообществом» - "сети исключенных граждан, которые определяют новые социальные проблемы, формулируют новые способы мышления и чувствования, и разрабатывают новые политические и культурные решения» (Шабо и Duyvendak 2002 : 706). Критические сообщества ис-

пользовали традиционные институты (вече, Сич) в качестве ключевого ресурса для своих институциональных инноваций.

Вывод

Судя по проиллюстрированной способности протестующих противостоять деспотическому и насильственному правительству, их институциональные инновации – перенесение модульного репертуара на украинскую почву – можно считать успешным. Настоящее исследование позволяет предположить, что источником этого успеха стало *избирательное сродство* между традиционными институтами и перенесенными стратегиями. Отсутствие избирательного сродства обычно приводит к противоположным результатам институциональных трансфертов. В частности, оно «вызывает напряженность, образует разрывы и порождает фрустрации»⁵¹². В некотором смысле ситуация, которая наблюдается в Украине, может проиллюстрировать идеи глобализации. «В условиях глобализации акторы систематически генерируют и расширяют свои самостоятельные и уникальные основания. Но они делают это в рамках глобальных моделей эффективного инструментального действия»⁵¹³.

На теоретическом уровне предлагаемое исследование предлагает путь объединения функционализма и конструктивизма (перспективы) на перенесение модульных репертуаров. Функциональный счет означает, что стратегии, которые продемонстрировали свою эффективность в других институциональных контекстах могут быть переданы в различных странах и периодов времени. Конструктивистский подход предполагает, что работоспособные стратегии должны быть социально построены самими акторами. Репертуар протестных действий в Украине 2013 не просто привнесены (dislocated), но и не созданы с нуля. Он возникает в результате открытого поиска модульных стратегий, которые имеют некоторое избирательное сродство с традиционными институтами и способны адаптироваться в новых условиях.

На практическом уровне, в этой статье дается некоторое представление о том, почему подобные модульные стратегии работают в некоторых случаях, но не в других. Сравнение российских и украинских случаев, похоже, требует дополнительного исследования. В последнее время было несколько попыток массовой мобилизации с

⁵¹² Badie B. The Imported State: The Westernization of the Political Order. Stanford: Stanford University Press, 2000, p.91.

⁵¹³ Meyer J. Globalization: Sources and Effects on National States and Societies // International Sociology. 2000, № 15(2), p.245.

использованием модульных репертуаров в России. Они завершились массовыми протестами ноября–декабря 2011 года в Москве и ряде других городов. Лидеры – русский случай происходит от *entrepreneurial model* – использовали такие модульные стратегии как уличные протесты с карнавальными элементами и сидячие забастовки (Оссуру Абаі в Москве). Тем не менее, эти модульные стратегии не были на самом деле перенесенными на русскую почву. Связи, которые могли бы подключить их к традиционным институтам (особенно сильным Вече существовало в Новгородской республике и княжестве Псков) не были найдены. В результате социальная база массовых протестов была довольно ограничена. В основном состояла из членов городского креативного класса. Россияне, живущие в небольших городах, поселках и деревнях не смогли понять формат массовых протестов, которые подорвали общую стабильность (прочность и эффективность). Перенесение модульных репертуаров путем их адаптации к традиционным институтам в течение украинских протестов 2013, с другой стороны, смогли привлечь большее количество участников с более разнообразным социальным и образовательным *бэкграундом*. Как городские жители, а также представители креативного класса, и крестьяне вступили в их ряды.

Список использованных источников или Литература

Alapuro, Risto. 2005. “Associations and Contention in France and Finland: Constructing the Society and Describing the Society.” *Scandinavian Political Studies* 28(4): 377–399.

Appadurai, Arjun. 1996. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Attia, Ashraf M., Aziz, Negris, Friedman, Barry and Elhousseiny, Mahdy F. 2011. “Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt’s ‘Revolution 2.0.’” *Electronic Commerce Research and Applications* 10: 369–374.

Badie, Bertrand. 2000 [1992]. *The Imported State: The Westernization of the Political Order*. Stanford: Stanford University Press.

Beissinger, Mark R. 2007. “Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions.” *Perspectives on Politics* 5(2): 259–276.

Beissinger, Mark R. 2011. “Mechanisms of Maidan: The structure of contingency in the making of the Orange revolution.” *Mobilization: An International Journal* 16(1): 25–43.

Bernard, H. Russell. 2013. *Social Research Methods* (2nd edition). Thousand Oaks: SAGE.

Biggs, Michael. 2013. "How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century." *Mobilization: An International Quarterly* 18(4): 407–428.

Brannen, Julia. 2005. "Mixing Methods: The Entry of Qualitative and Quantitative Approaches into the Research Process." *International Journal of Social Research Methodology* 8(3): 173–184.

Bryman, Alan. 2004 [2001]. *Social Research Methods* (2nd edition). Oxford: Oxford University Press.

Chabot, Sean and Duyvendak, Jan Willem. 2002. "Globalization and transnational diffusion between social movements: Reconceptualizing the dissemination of the Gandhian repertoire and the 'coming out' routine." *Theory and Society* 31(6): 697–740.

Coutin, Susan. 1995. "Ethnographies of violence: Law, dissidence and the state." *Law & Society Review* 29(3): 517–539.

Cummings, Sally N. and Ryabkov, Maxim. 2008. "Situating the "Tulip Revolution." *Central Asian Survey* 27(3–4): 241–252.

Davis, Lance and North, Douglass C. 1970. "Institutional Change and American Economic Growth: A First Step towards Theory of Institutional Innovation". *Journal of Economic History* 30(1): 131–149.

Grytsyak, Evgen. 2013. *Nenasyly'stvo zavzhdy peremagae* [Non-violence always wins]. Retrieved February 19, 2014 (http://texty.org.ua/pg/article/editorial/read/46215/Nenasylnyckyj_sprotyv_rozvalyv_SRSR_i_znyshhyv_GULAG).

Guérin, Daniel, Petry, François and Crête, Jean. 2004. "Tolerance, protest and democratic transition: Survey evidence from 13 post-communist countries." *European Journal of Political Research* 43(3): 371–395.

Hofheinz, Albrecht. 2011. "Nextopia? Beyond Revolution 2.0." *International Journal of Communication* 5: 1417–1434.

Ilko Kucheriv Democratic Initiatives Foundation. 2014. *Vid Maidanu-Taboru do Maidanu-Sichi: shcho zminylosya?* [From Maidan-Tabir to Maidan-Sich: common and diverse characteristics]. Retrieved February 18, 2014 (<http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/vid-mchi-sho-zminilos.htm>).

Klyuchevsky, Vasili. 1956–1957 [1904]. "Kurs russkoi istorii" [Course in Russian history]. Vols. 1 (1956) and 2 (1957) in *Sochineniya*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury.

Kujawski, Berni and Abell, P. 2011. "Virtual communities? The Middle East revolutions at the Guardian forum: Comment Is Free." *The European Physical Journal B* 83: 525–529.

Kuntz, Philipp and Thompson, Mark R. 2009. "More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers." *Comparative Politics* 41(3): 253–272.

Kupatadze, Alexander. 2008. "Organized crime before and after the Tulip Revolution: the changing dynamics of upperworld-underworld networks." *Central Asian Survey* 27(3): 279–299.

Макаренко, Виктор Павлович. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы.

Meyer, John W. 2000. "Globalization: Sources and Effects on National States and Societies." *International Sociology* 15(2): 233–248.

Nikolayenko, Olena. 2007. "The Revolt of the Post-Soviet Generation Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine." *Comparative Politics* 39(2): 169-188.

North, Douglass C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Oberschall, Anthony. 1993. *Social Movements: Ideologies, Interests and Identities*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Oleinik, Anton. 2006. "Socialism." Pp. 627-631 in *International Encyclopedia of Economic Sociology*, edited by Jens Beckert and Milan Zafirovski. London and New York: Routledge.

Oleinik, Anton. 2012. "Institutional transfers in the Russian system of higher education: a case study." *Journal of Economic Issues* 47(4): 881–908.

Oleinik, Anton, Popova, Irina, Kirdina, Svetlana and Shatalova, Tatya-na. 2013. "On the choice of measures of reliability and validity in the content-analysis of texts." *Quality and Quantity On-line First* (DOI 10.1007/s11135-013-9919-0).

Razumkov Centre. 2013. *Yakym integtatsiinym napryamom mae ity Ukraina? [What is the right format of association for Ukraine?]*. Retrieved February 17, 2014. (http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=865).

Reporters Without Borders. 2014. 2013 World Press Freedom Index: Dashed hopes after spring. Retrieved February 18, 2014 (<http://en.rsf.org/press-freedom-index-2013,1054.html>).

Sharp, Gene. 2012 [1993]. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. London: Serpent's Tail.

Szabó, Máté. 1996. "Repertoire of Contention in Post-Communist Protest Cultures: An East European Comparative Survey." *Social Research* 63(4): 1155–1182.

Temirkulov, Azamat. 2008. "Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the "Tulip Revolution." *Central Asian Survey* 27(3): 317–335.

Thompson, Beverly Yuen. 2007. "The Global Justice Movement's Use of 'Jail Solidarity' as a Response to Police Repression and Arrest: An Ethnographic Study." *Qualitative Inquiry* 13(1): 141–159.

Tilly, Charles. 1977. "Getting It Together in Burgundy, 1675-1975." *Theory and Society* 4(4): 479–504.

Tilly, Charles. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing.

Tilly, Charles. 1985. "War Making and State Making as Organized Crime." Pp. 169–191 in *Bringing the State Back In*, edited by Peter B. Evans, Dietrich Rueschemeyer and Theda Skopol. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly, Charles. 1995. "Contentious Repertoires in Great Britain, 1758-1834." Pp. 15-42 in *Repertoires and Cycles of Collective Action*, edited by Mark Traugott. Durham: Duke University Press.

Traugott, Mark. 1993. "Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention." *Social Science History* 17(2): 309–323.

Traugott, Mark. 1995. "Recurrent Patterns of Collective Action." Pp. 1-14 in *Repertoires and Cycles of Collective Action*, edited by Mark Traugott. Durham: Duke University Press.

Ukrainska Pravda. 2014. Klychko: Zavtra – poperedzhuval'nyi straik [Klychko: Tomorrow – a preliminary strike]. Retrieved February 19, 2014 (<http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/22/7010816/>).

Van Aelst, Peter and Walgrave, Stefaan. 2001. "Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalisation of the protester." *European Journal of Political Research* 39(4): 461–486.

Van Laer, Jeroen and Van Aelst, Peter. 2010. "Internet and social movement action repertoires." *Information, Communication & Society* 13(8): 1146–1171.

Wada, Takeshi. 2012. "Modularity and Transferability of Repertoires of Contention." *Social Problems* 59(4): 544–571.

Walgrave, Stefaan and Verhlust, Joris. 2011. "Selection and Response Bias in Protest Surveys." *Mobilization: An International Journal* 16(2): 203–222.

Walgrave, Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. 2011. "Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants." *Mobilization: An International Journal* 16(3): 325–349.

Yavornytsky, Dmytro. 1990 [1892]. *Istoriya zaporiz'skykh kozakiv* [History of Cossacks from Zaporizhia]. Lvov: Svit. Vol. 1.

Приложения

Table 3 about here

Таблицы и рисунки

Таблица 1. Сравнение данных по протестующим
взяты из 4 источников: 3 опроса и серия интервью

Источник данных Данные по протестующим		Уличные протесты (Вече)	Сидячие (Табир)	Сидячие (Сечь)	Качественное интервью		
		Дата	7-8.12.13	20.12.13	3.02.14	27-29.12.13	
N		1037	515	502	31		
					Total	Maidan	Tabir
Пол	Мужчины	57.2	85.1	88.1	77.4	68.7	81.8
	Женщины	42.8	14.9	11.8	22.6	31.3	18.2
Регион	Запад	51.8	42.4	54.8	45.2		
	Центр, включая Киев	30.9	34.4	23	38.7		
	Восток/Юг	17.3	23.2	21	16.1		
Возраст	29 and менее	38	34.1	33.2			
	24 и менее				19.4		
	30-54	49	52	56			
	25-39				22.6		
	40-54				45.2		
	55 and older	13	13.9	10.8	12.9		
Причины присоединения к протесту*	Правительство использовало физическую силу против протестующих	69.6	69	61.3	20.5		
	приостановка президентом экономической ассоциации с ЕС	53.5	40	47	18.6		
	Желание изменить правящую элиту, ее отчуждение	49.9	36.2	51.1	14.5		
	Перспективы близкой интеграции с Россией	16.9	14.4	20	13.5		
	Недовольство низким уровнем жизни				11.4		
	Личная неприязнь к президенту Януковичу				9.4		
	Широко распространенная коррупция				8.5		
	Борьба за истинную независимость Украины				3.6		

Легенда: Давая свои причины присоединения к протесту в опросах, респонденты могли выбрать несколько вариантов. В список альтернатив закрытого вопроса исследования были включены дополнительные варианты, тем не менее они были либо не специфичные (например, «Желание изменить жизнь в Украине») либо получили незначительную поддержку среди респондентов (например, «Желание мести за все, что власть сделала населению» или «Призыв к действию от лидеров оппозиционных партий»).

Таблица 2 В каких формах массовых протестов вы готовы принять участие?

	Уличные протесты (Вече)	Сидячие (Табир)	Сидячие (Сечь)
Выборы	51.4	37.8	54.9
Подписание коллективных петиций, писем протеста	37.2	30	42.4
Авторизованные митинги и демонстрации	70.7	51.8	56.3
Угроза забастовки	28.6	27	39.3
Гражданское неповиновение	35.8	30.9	40.2
Неавторизованные митинги и демонстрации	27.8	27.8	45.5
Забастовка	42.7	31.8	46.6
Голодовка	10.6	11.4	14.0
Пикетирование государственных органов	35.4	38.5	56.0
Сидение в общественных зданиях	13.8	19.5	41.0
Вооруженные отряды самообороны	15	21.3	50.4
Другие	2.5	6	1.6
Ни один из представленных	2	2.1	3.4
Я не знаю	0.5	2.7	3.1

Источник: Опросы проведены Фондом Демократических Инициатив, Илько Кучерив (2014)

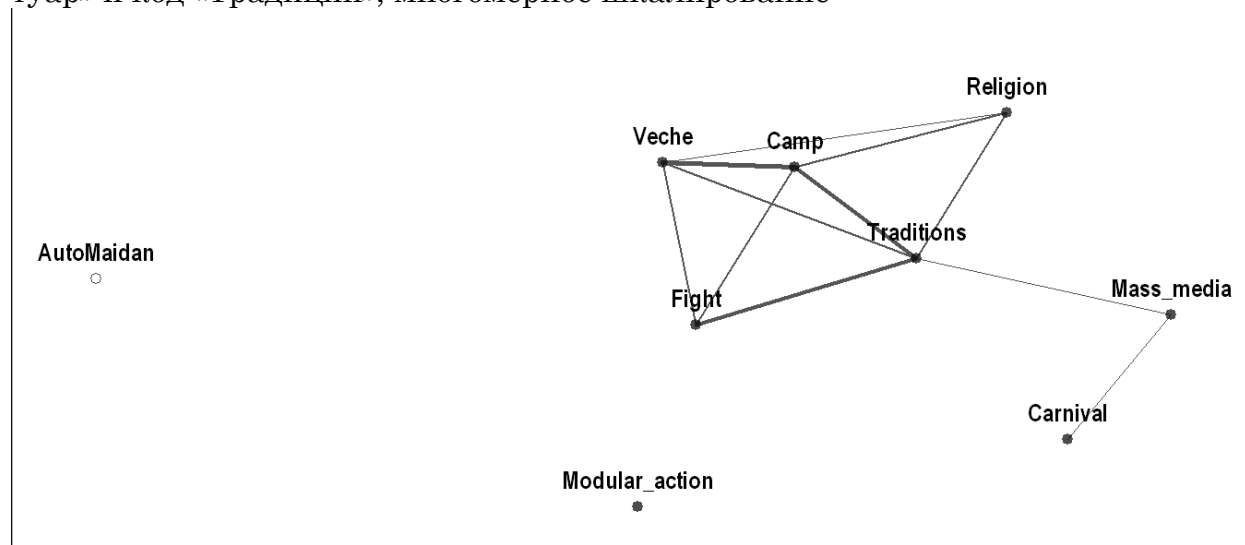
Таблица 3 Кодовая книга и частота кодирования

Категория	Код	Описание	Count	% Codes	Cases	% Cases
Foundations	Свобода	Как определяется свобода. Что означает быть свободным? Не путать с восприятием определенной политической партии, Свобода [Свобода].	16	1.7	13	41.9
Foundations	Сила	Как определяется сила и ее значение	28	2.9	20	64.5
Foundations	Традиции	Ссылки на украинские традиции, в том числе традиционные праздники (Рождество, Новый год) в контексте массовых акций протеста. Традиции как источник идей и вдохновения. Традиции на Майдане 2004, как они вдохновляют Майдан2013	38	4.0	16	51.6
Основы	Доверие	Как определяется доверие и его значение.	26	2.7	21	67.7
Организация на Майдане	Местное управление	Роль местных менеджеров (сотники, десятники, старшие по палатке, ведущие на сцене) на Майдане. Вопросы разделения труда на Майдане имеют код «Лагерь» "Camp".	21	2.2	12	38.7
Организация на Майдане	Политические партии	Роль политических лидеров на Майдане («большой тройки»: Яценюк, Кличко, Тягнибок), в том числе роли политической партий в целом. Как воспринимается их вклад?	66	6.9	25	80.6
Организация на Майдане	Самоорганизация	Подчеркивается, что люди шли туда не за деньгами(получить оплату за участие в протесте) и не будучи членами политических партий. Ссылки на "это был мое (наше) решение". Самоорганизация в повседневной жизни на Майдане - когда люди делают что-то без слов / приема инструкции, ссылки на добровольные начала.	109	11.5	28	90.3
Причины протеста	Отчуждение	Общее ощущение отчуждения от людей во власти. Люди, наделенные властными полномочиями рассматриваются в рамках (мы / они); они не заботятся о простых людях и не прислушиваться к их потребностям.	60	6.3	23	74.2

Причины протеста	Коррупция	Коррупция правительства в качестве причины для участия в акциях протеста. Взятничество, административные барьеры и т.д.	35	3.7	18	58.1
Причины протеста	Экономика	Экономические причины протеста: недовольство уровнем жизни, уровень заработной платы, пенсий и т.п.	47	4.9	22	71.0
Причины протеста	Европа	Желание более тесных связей Украины с ЕС в качестве основания для участия в акциях протеста. Пример Польши как успешно интегрированной страны. Ссылки на решения президента, чтобы остановить процесс интеграции в качестве триггера.	77	8.1	27	87.1
Причины протеста	Независимость	Идея подлинной независимости: Украина, согласно этой логике пока не пользуются преимуществами своей самостоятельности. Ссылки на строительство «Европейского» (то есть цивилизованного) порядка внутри Украины, не жертвуя ее независимостью. Украина не зависит как от ЕС так и от России, более или менее автономна.	15	1.6	7	22.6
Причины протеста	Президент	Ощущение (т.е., что-то эмоциональное или квази-эмоциональное) отращения к президенту Януковичу в качестве причины для вступления в протест. Этот код включает в себя личное восприятие (в отличие от утверждения, что правящая элита насильственная и повреждена).	39	4.1	19	61.3
Причины протеста	Россия	Желание отойти от российской сферы влияния и не быть под авторитарным правлением. Только негативные ассоциации с Россией включает этот код. Вопросы русского против украинского языка кодируются "Традиции".	56	5.9	22	71.0
Причины протеста	Насилие	Применение физической силы и оружия сотрудниками полиции против протестующих в качестве причины для участия в акциях протеста. Ссылки на ракет, угрозы, уничтожение имущества (автомобили).	85	8.9	24	77.4
Репер-	Авто-майдан	Ссылки на использование автомобилей в акциях протеста, к движению	2	0.2	2	6.5

туар		AutoMaidan (протестующие на автомобилях собираются в главном офисе Януковича в Межигорье, протестуя на улицах Киевской и так далее).				
Репертуар	Лагерь	Сидячие забастовки в различных формах (общественные места, административные здания Палаточный городок (Табор, табир) в качестве примера:... Замечания относительно эффективности оккупации города Жизнь в палатке, как форма протеста разделение труда на Майдане: различные услуги (оборона, кухня ...) и как порядок поддерживается.	78	8.2	21	67.7
Репертуар	Карнавал	Обсуждение карнавальных элементов (маски, особая атмосфера, много музыки) в качестве стратегии массовых протестов.	9	0.9	5	16.1
Репертуар	Борьба	Идея, что сила может быть уравновешена другой силой, то есть применения силы и квази-военной организации в качестве стратегии для достижения целей протестующих.	31	3.3	13	41.9
Репертуар	Массмедиа	Роль средств массовой информации в массовой мобилизации. Мобилизация с помощью социальных сетей (Facebook и др.) и в Интернете. Любые ссылки на «виртуальную» сторону протестов.	10	1.1	6	19.4
Репертуар	Модульные действия	Ссылки на стратегии, которые оказались успешными в других странах и желание повторить эти стратегии в Украине (например, ссылки на успешных акций протеста в Таиланде). Идея этого кода является репликация стратегий, в отличие от своего изобретения.	3	0.3	3	9.7
Репертуар	Религия	Ссылки на религиозных верования и религии в контексте массовой мобилизации. Молитва как форма протеста.	22	2.3	14	45.2
Репертуар	Вече	Мирные уличные шествия и массовые скопления граждан (те, которые произошли в Киеве в выходные дни, например, на 29 декабря, 2013).	77	8.1	27	87.1

Рисунок 1 2D Карта кодирования совместной встречаемости, категория «Репертуар» и код «Традиции», многомерное шкалирование

Легенда: Искажение = 0.2149, R1 = 0.8340⁵¹⁴

⁵¹⁴ Уровень допустимого искажения многомерного шкалирования условно устанавливается на 0,15-0,2 или ниже. См.: Bernard H. *Social Research Methods* (2nd edition). Thousand Oaks: SAGE, 2013, p. 413.

Общность исторической судьбы: испытание Майданом

В.Н. Ткаченко

Летом 2013 года, думая о перспективах евроинтеграции Украины, я был озабочен вопросом зрелости украинского общества, его готовности сделать решительный шаг и порвать с имперским прошлым, которое глубоко засело в мировоззрении определенной части населения нашей страны, вошло в подсознание, жизнь, быт и привычку. Российская империя, к обустройству которой в течение более чем трех столетий украинцы приложили немало усилий после Переяславского договора 1654 года (и в этом они преследовали свой определенный национальный интерес), даже после провозглашения независимости Украины в 1991 году все еще оставалась весомым фактором общественной жизни, заметной составной политической культуры и духовной жизни в целом. В частности это проявилось в процессе фольклорной стереотипизации украинцев в имперской культуре (как русской, так и украинской), где украинцы часто воспринимались как некая экзотическая группа верноподданного «поющего и пляшущего племени». Яркий пример того – метафоричное изложение Николаем Гоголем в повести «Ночь перед рождеством» встречи запорожцев с Екатериной II, где они пали ниц, отказываясь подняться.

Майдан человеческого достоинства

Апеллируя к метафоре Николая Гоголя, я тогда – за полгода до Евромайдана – выразил свои предчувствия в такой форме: «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи! Особенно это касается ночи перед Рождеством. Да и летней ночи, где до сих пор на всеукраинской Сорочинской ярмарке под окнами хат шатается со свиным рылом *красная свитка*, смущая православный

люди призывом «вернуть все богатство народу». А на призыв встать в полный рост на пути евроинтеграции, некоторые правнуки запорожцев, под дикий хохот Басаврюка, до сих пор традиционно отвечают: «Не встанем, мамо! умрем, а не встанем!». Однако, прогноз мой все же заканчивался надеждой на то, что «по законам жанра, скоро будет светать... А затем пропоют и третьи петухи»⁵¹⁵.

Дело не обошлось петухами... В ночь с 10 на 11 декабря 2014 года, незадолго до Рождества, на звоннице Михайловского собора послышался гул всех колоколов. В набат били монахи, призывая киевлян выйти на улицы, дабы остановить штурм спецназом митингующих на Евромайдане. Звонили три часа подряд. По словам звонаря – аспиранта Киевской православной богословской академии Ивана Сидора – «Святейший Патриарх Филарет распахнул двери монастыря, а наместник Агапит благословил колокольный звон. Церковь должна быть с народом, она создана Христом, чтобы спасти человечество. Церковь, которая закрывает двери перед людьми – это не церковь». В этой связи «именно колокольным звоном я пытался прогнать из душ людей тьму и зло, которое там поселилось»⁵¹⁶. Киевляне подтянулись на площадь, Евромайдан выстоял, и с первыми лучами солнца спецназ постепенно ретировался в места своей дислокации. Проба сил состоялась, и стало ясно: это воспарил НАРОД, ибо «чтобы взлететь, птица должна стать гордой».

А что же сильные мира сего? 13 декабря в заявлении, обнародованном пресс-службой СКМ (System Capital Management) от имени самого богатого человека Украины Рината Ахметова ситуация была прокомментирована следующим образом: «Украина и президент (Виктор Янукович) три с половиной года шли по европейской дороге. И за это время было очень много сделано. В Вильнюсе соглашение не было подписано. И у всех возник вопрос – что случилось? Украина взяла паузу? Украина остановилась? Или Украина пошла в другую сторону? Все хотят иметь ясность... Люди стали искать ответы и вышли на Майдан. То, что мирные люди вышли на мирные акции, говорит о том, что Украина – свободная демократическая страна. И с этой дороги Украина не свернет. И это очень здорово. Но

⁵¹⁵ Ткаченко В.Н. Феномен «внутренней колонизации» в украинско-российских отношениях (исторический аспект). – Политическая концептология, Ростов-на-Дону, №4, 2013. – С.186.

⁵¹⁶ Звонарь Евромайдана: «Колокольным звоном прогонял тьму их душ людей». – Доступно: <http://www.segodnya.ua/print/ukraine/zvonar-evromaydana-kolokolnym-zvonom-progonyal-tmu-iz-dush-ludey-483784.html>.

то, что в эти дни пострадали люди, это – недопустимо»⁵¹⁷. Такой комментарий обнадеживал, более того – он как бы поддерживал все происходящее со стороны украинского крупного капитала.

Это дало отмашку ведущим телеканалам крупнейших украинских олигархов. Они вдруг начали освещать события достаточно широко, с претензией на объективность. Во всяком случае, интенсивность подачи материалов была невиданная ранее. Майдан завоевал национальное медиапространство, а вскоре этот украинский феномен стал фактором воистину вселенским. Хотя в ряде СМИ, в том числе и российских, все еще пытались создать имидж Майдана с элементами карнавала. Так, внимание, например, фокусировалось на приготовлении в большущих казанах борща на Крещатике и тому подобное. И ведь неспроста. Этот умиленно-этнографический колорит должен был «замылить глаза» и помешать увидеть главное – миллионную демонстрацию протестующих родителей после избиения их детей – пикетировавших студентов в ночь на 30 ноября. Люди пришли отстаивать свое достоинство, честь своих детей и будущее своих внуков. И какой же профессиональной близорукостью нужно было обладать, чтобы на ряде телеканалов постоянно уменьшать число демонстрантов до 40–50 тысяч человек, а то даже и до 10 тысяч. То есть, даже не в разы, а на порядки.

Украинская власть тоже старалась в упор не видеть Майдан, не слышать его требований. Надеялась, что все либо рассосется само собой, либо с помощью штурмовиков, завезенных из юго-восточных регионов страны. Постепенно улицы Киева стали целенаправленно наводнять молодежью из депрессивных предместий Донбасса, их стали натравливать на активистов протестных акций. В столице участились случаи ночных поджогов автомобилей, избиения людей и погромов. Расчет строился на том, что если в городе «посеять мрак и разврат», то тогда «они у нас спляшут, и не танец маленьких лебедей, а железное болеро, краковяк впрысядку» (В. Шукшин). А вот когда городские обыватели возмутятся, то сами и попросят власть «навести порядок». Что и будет сделано.

А тем временем 60-летний участник Евромайдана в своем интервью заявляет журналистам: «Я вам скажу. Вот здесь их просчет. Если бы провокаторы нас не подогревали, может быть, мы бы так долго не держались». В течение двух томительных месяцев ожида-

⁵¹⁷ Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. – Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html>.

ния, чередующихся с попытками «зачистки» Майдана, выстраивались и укреплялись баррикады. Со стороны «Беркута» час от часу применялись светошумовые гранаты и слышались выстрелы, а в ответ летели камни и «коктейли Молотова». Наконец, 19 января 2014 года, как раз на крещенские святки, наши нарочито набожные власти преступили роковую черту. Появились первые убитые - гражданское противостояние вошло в фазу вооруженного конфликта.

Вот только сейчас еврочиновники из Брюсселя начали проявлять видимые признаки беспокойства – как-никак, а загорелось не где-то там, в Ираке или Сирии, а вот здесь, в Украине, прямо на границе с Евросоюзом. Конечно, было бы несправедливо не отметить, что и до этой вспышки насилия Брюсселем неоднократно принимались различные резолюции, которые «осуждали», а то даже и «резко осуждали» насилие как таковое. Более того – Украину регулярно посещали еврокомиссары и очень авторитетные уполномоченные. От них постоянно слышались призывы к примирению. Но рядовой украинец нутром чуял, что это все как-то отстраненно и натужно. Чувствовалось, что сытой Европе как бы ни с руки втягиваться в процесс, который ничего доброго не сулил. Одни неприятности. А тут как раз наступают Рождественские каникулы, тут вам разворачивается шопинг, люди едут в отпуска, катаются на лыжах. Что и говорить, Рождественские каникулы для европейца – это святое. Да и поведение официальной Москвы выглядело не лучшим образом – час от часу слышались то предупреждения от различных чиновников, то нравоучения от политиков. И одновременно велись переговоры с Януковичем на президентском уровне за закрытыми дверями. А то вдруг в прессе прошла информация, что на саммите «Россия-ЕС» Владимир Путин как бы невзначай бросил фразу: «Украина принадлежит России, как Кипр ЕС». Все это повышало и до того перегретый температурный градус на Майдане.

Кто мог из России успокоить сердце? Разве что наша проникновенная землячка-львовянка Лилия Швецова, которая уже с первых дней противостояния на Майдане ударила в Москве в набат: «Западные демократии и международные институты в параличе... Не понимают, что можно сделать и ничего сделать не способны». Озабоченный Андрей Илларионов взывает к российской общественности и в конце января создает «Комитет солидарности с Майданом». Проблемы Украины регулярно комментирует публицист Дмитрий Шушарин – достаточно профессионально, хотя иногда весьма сомнительно.

Итак, лишь после «кровавого крещения» 19 января Евромайдан стал предметом рассмотрения на заседаниях Всемирного экономического форума в Давосе 22-24 января, на саммите Россия – Европейский союз 28 января, и, в конце концов, вызвал бурные дискуссии на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 31 января – 2 февраля 2014 года. Как интенсивность, так и высокий уровень переговорного процесса засвидетельствовали, что кризис в Украине перерос локальный уровень парламентского, стал системным и нуждающимся в международном посредничестве.

Речь, конечно же, не шла о том, чтобы в это противостояние вмешивались представители других стран. Более того – такое течение событий было бы крайне нежелательным. Однако нельзя было закрывать глаза и на то, что решение «великих» – США, Европейского союза и Российской Федерации – относительно будущего Украины становилось все более ожидаемым сценарием. Как отмечал в начале февраля 2014 года известный украинский аналитик Валерий Чалый, «хотя международное посредничество де-факто уже существует», и «консультации с иностранными политиками выглядят вполне естественно», однако «для паритета должно быть большее присутствие и со стороны России»⁵¹⁸.

Как это ни печально, но призывы зарубежных модераторов между украинской властью и оппозицией не возымели должного действия. Стихия противостояния затягивала развитие событий в темную воронку какой-то мутной и тревожно ожидаемой завершающей фазы. Окончательную черту невозврата подвела кровавая бойня 18-20 февраля, когда с печерских холмов на улице Институтской, под прикрытием спецназа, профессиональным снайперским огнем стали методично расстреливать молодых активистов Майдана.

И вот только тогда наступил момент истины: ведущие европейские лидеры, политики и эксперты все-таки решились прибегнуть к осуждению насилия в столице Украины. Эдвард Лукас – заместитель главного редактора журнала *The Economist* – дал следующую оценку истокам событий: «если бы не постоянное и усиливающееся давление со стороны России на Януковича, конфликт мог бы быть разрешенным». Аргументы в поддержку этого тезиса были следующие: «Именно Россия принудила Украину отказаться от экономического соглашения, предложенного ЕС в октябре, начав ущербную

⁵¹⁸ Якщо криза в Україні поглибитися, то долю країни вирішать США, Росія і ЄС. – Доступно: http://www.razumkov.org.ua/ukr/print.php?Ing=UKR&&news_id=45108&&address=expert].

торговую войну против украинского экспорта. Именно Россия предложила дешевый газ и выгодные кредиты, когда украинская экономика пошатнулась. Именно Россия предоставила сотни «советников» ключевым украинским структурам и министерствам, включая секретные службы СБУ, чтобы контролировать выполнение ими сценария Москвы. Если бы не безмолвный путч России, украинцам не пришлось бы строить баррикады на улицах, протестуя против злоупотребления властью со стороны нынешнего режима»⁵¹⁹.

Конечно, не со всеми этими аргументами можно согласиться, но принять к сведению в процессе дискурса можно. Главное возражение с нашей стороны – раз уж Украина независимая, то и отвечать за происходящее в первую очередь ей приходится самой. Но подробнее об этом будет ниже.

Досталось от экспертов и Западу: многие осудили ЕС и США за чрезмерную пассивность, неспособности повлиять на действия украинской власти. В частности, глава делегации Европейского парламента в Комитете парламентского сотрудничества «ЕС-Украина» Павел Коваль заявил: «ЕС проявил грех бездеятельности, не применив надлежащим образом последние несколько недель европейскую дипломатию. Вместо этого они только говорили о планах и высказывали возмущение. Теперь уже слишком поздно прибегать к мягкой дипломатии. Если Европейский Союз решит прибегнуть к санкциям, то они должны идти рука об руку с конкретным планом поддержки экономики и общества. Еще раз обращаюсь к лидерам ЕС ускорить процесс отмены виз для граждан Украины»⁵²⁰.

Подобные темпы «миротворчества» рассудок отказывался воспринимать. Оказывается, понадобилась сотня убитых и тысячи раненых для принятия Евросоюзом решения о введении визовых и финансовых санкций в отношении представителей украинской власти, ответственных за «невероятное применение силы». И это сразу же возымело действие. Тут же в Киеве, на фоне непрекращающихся столкновений и кровопролития состоялась встреча министров иностранных дел Польши, Германии и Франции с президентом Януковичем и представителями оппозиции. А в пятницу утром 21 февраля на переговорах, при участии представителей Европейского союза и России, противоборствующие стороны договорились провести досрочные выборы президента и парламента не позже декабря 2014

⁵¹⁹ Протести в Україні: Ми дозволяємо Путіну перемогти // День – 2014. – №32–33. – 21–22 лютого. – С.3.

⁵²⁰ Про «гріх бездіяльності» ЕС // День, – 2014, №31, – 20 лютого, – С.3.

года, а тем временем сформировать техническое правительство. Как говорится – процесс пошел, хотя Майдан идею пролонгации полномочий президента вплоть до декабря не воспринял. Полевые командиры-сотники стали готовиться к штурму здания администрации.

К счастью, до нового побоища не дошло. Его результаты могли бы быть непредсказуемы. В одних гнев зажигал горячее желание немедленной атаки, а в других – холодную решимость обороняться до конца. Передавая настроение момента, ведущие украинские журналисты абсолютно идентично фиксировали: «Те, кто ненавидеть не хочет или не умеет, наверное, ушли с Майдана вместе с иллюзиями. Остались те, для кого власть из оппонента окончательно превратилась во врага. Который не берет пленных, предпочитая эфемерной жалости осязаемую зарубку на прикладе снайперской винтовки. Методичный отстрел, бессмысленный и беспощадный, устроенный режимом в день им же объявленного траура по убиенным накануне, утопил последние иллюзии в людской крови»⁵²¹.

Президенту нельзя отказать в интуиции – чутье опять его не подвело. В субботу 22 февраля поступило известие, что Янукович самоустранился от выполнения своих служебных обязанностей и исчез в неизвестном направлении. В итоге всю полноту власти взяла на себя Верховная Рада, новоизбранный спикер которой Александр Турчинов стал одновременно исполнять обязанности президента Украины. Вслед этому решению, на каналах ТВ появилось обращение, где Янукович заявил о своем непризнании решений Верховной Рады, считая все происходящее в Киеве государственным переворотом, а потому в отставку не уйдет. Но это уже мало кого впечатляло. Большинство его однопартийцев либо сбежали, либо покинули ряды партии, либо, в лучших советских традициях, «осудили его и отмежевались». Ключевым апофеозом в этом процессе стало заявление Партии регионов, которое озвучил глава парламентской фракции Александр Ефремов. Он назвал Януковича предателем, который и есть виновником кровопролития.

Все это можно было бы воспринять с саркастической усмешкой – виновник наказан, добродетель восторжествовала. Однако... Если бы не усталое и истерзанное от трагических событий украинское общество, которое, наконец, получило передышку. Если бы не ге-

⁵²¹ Мостовая Ю., Рахманин С. Сгибаясь под ношей, ты увеличиваешь ее тяжесть // Зеркало недели. – 2014. - №6(152). – 22–28 февраля. – С.1.

роический Майдан, полыхавший огнем и истекавший кровью, положивший на алтарь отечества своих лучших сыновей. И уместным ли в данном случае было досадное заявление Александра Турчинова о том, что протестующие уже могут расходиться?... А Майдан все не уходит, ибо он заявил о себе как нарождающееся гражданское общество, которое пытается остаться активным субъектом политического процесса в формировании новой системы власти: «Никуда мы расходиться не будем! Мы здесь не за их портфели стояли! Наши требования о полной перезагрузке власти еще не выполнены. Не он нас собирал, не ему и распускать!» – такова была реакция активистов Майдана.

Все это во всю полноту ставит вопрос: есть ли у Майдана, а тем более у широких слоев населения Украины понимание тех вызовов современного глобализированного мира, на которые страна должна дать ответ, определяясь со своей новой идентичностью? А по этому вопросу обязательно необходимо достичь консенсуса. Ведь недостаточно провозгласить свою европейскую идентичность – ее форму и статус еще должна принять европейская сторона. И от этого никуда не уйти – так везде и во всем мире!

Итак, кто же мы такие в современном мире? Какой вызов нам брошен и как мы собираемся на него отвечать?

Бремя периферийного капитализма

Майдан показал, что завет Леонида Кучмы «Украина – не Россия» все-таки восторжествовал и закрепился в сознании и (надеюсь) подсознании преимущественного большинства украинских граждан. То есть – можно считать, что этап «идентичности сопротивления» в основном пройден, а злобу дня сегодня составляет проблема «идентичности проекта будущего». Пока что таким проектом предлагают считать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом, которое создает рамки для сотрудничества между договаривающимися сторонами. Область сотрудничества обычно затрагивает развитие политических, торговых, социальных, культурных связей и укрепление безопасности. Соглашение об ассоциации ЕС обычно включают в обмен на обязательство проведения политических, экономических, торговых или судебных реформ. В обмен на это ассоциированное государство может получить беспопшлинный доступ к некоторым или всем рынкам ЕС (в частности к рынку сельскохозяйственных продуктов), а также финансовую или техническую помощь.

Все это так, но Соглашение это представляет собой документ на тысячу страниц, который, естественно, никто из граждан Украины читать не будет – это дело специалистов. Однако выполнение этого документа коснётся каждого, а в краткосрочной перспективе жизнь едва ли станет лучшей, поскольку любой процесс адаптации всегда болезнен. И к этому необходимо быть готовым. Улучшение может наступить лишь в среднесрочной, а то и долгосрочной перспективе. И чтобы стойко пройти этот этап адаптации, необходимо хотя бы в общих чертах понимать, что иного не дано, что любые полумеры будут лишь усугублять ситуацию и оттягивать час выздоровления. А для этого необходимо осознать, что нынешнее украинское общество тяжело больно, оно находится в фазе обострения кризиса. Кризис же, как известно, в переводе с греческого – решение, поворотный пункт, или состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными.

В условиях Украины сущность кризиса состоит в том, что Украина в последние годы (а особенно в последние месяцы) пребывает в зоне двойной периферии глобальной капиталистической мир-системы. Не претендуя на оригинальность, сошлюсь на авторитет Иммануила Валлерстайна, который отверг, казалось бы, незыблемый постулат о продвижении всех стран мира по американскому пути, где каждая страна при старании якобы может достигнуть процветания. На самом деле, существующий мир жестокий и несправедливый. Капиталистическая мир-система состоит из трех составных: ядро, полупериферия и периферия. Между ними складываются отношения «зависимого развития»: путем неэквивалентного обмена выигрывает ядро (развитые капиталистические страны); периферия проигрывает («третий мир»), а полупериферии (например, так называемые государства БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай) занимают промежуточное состояние.

Конечно, бывают и исключения, когда ядро считает целесообразным подключить в зону своей заинтересованности ту или другую страну. Так, например, в послевоенные годы свершился ряд чудес: немецкое чудо, японское, южнокорейское, тайванское и т.д. Но это сработал феномен холодной войны – оккупационный американский режим плюс массовые инвестиции в инновационное производство сделали свое дело.

Логично возникает вопрос о местоположении Украины в иерархии стран мира и ее перспективах. В своих работах я неоднократно обращал внимание на то, что из-за отсутствия четкого курса на ев-

роинтеграцию перед Украиной все больше вырисовывается перспектива не просто «мировой периферии», а «двойной периферии», где Россия занимает место «полупериферии» Европы, а наша страна скатывается к роли «периферии России».

Причин и свидетельств тому великое множество. Отметим одну из важнейших. Еще до вступления Януковича в должность, украинский академик Валерий Геец предупреждал, что если взять 133 государства мира (за исключением «большой двадцатки» – G-20), то из них только 20 стран смогли за последние 50 лет сократить свое отставание от G-20. Остальные 113 – не смогли продвинуться никуда. Более того, 43 страны, то есть не меньше половины, имеют по существу формальную атрибутику, полностью попав в зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов. Академик предупреждал, что пребывая в числе отмеченных 113 государств, Украина очутилась перед угрозой скатиться в число 43 квазисуверенных государств – и в первую очередь из-за недоверия граждан к государственным институтам. Именно из-за дефицита доверия невозможно вывести из теневого оборота минимум 40% ВВП (порядка 400 млрд. грн.), а также наличных сбережений граждан (от 30 до 60 млрд. дол.). Этот гигантский объем дополнительных внутренних ресурсов люди просто прячут от родного государства куда подальше⁵²².

Понятное дело, что никто из власть имущих этим доводам академика не внял. Было не до того – и президентская «семья», и другие олигархи умножали свои капиталы. А в стране установился правящий режим бюрократически-олигархического типа, который и знать не желал ни национального интереса, ни потребностей народа. Вместо поиска национального консенсуса путем диалога, власть предпочла другие методы осуществления своего правления, связанные с высокими затратами на содержание аппарата репрессий – спецназа, милиции и органов безопасности, которые стали применять методы внутреннего шпионажа и репрессий против тех групп населения, которые, собственно, никогда и не были прямой угрозой для государства. Ведь именно эти социально активные граждане и вышли на Майдан с пением национального гимна, дабы защитить государство и достичь национального консенсуса. (Кстати, я никогда не слышал, чтобы во время массовых шествий в России пели национальный гимн).

⁵²² Антикризисным мерам правительства пророчат провал из-за недоверия народа. – Доступно: <http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz-print.html>.

Для полноты картины сошлемся на авторитетное мнение бывшего директора Института стратегических исследований Андрея Ермолаева, который так и не нашел понимания со стороны власти и подал в отставку: «За это время выявилась проблема, которую я считаю ключевой... Государственный механизм оказался разобран на отдельные институты, каждый из которых был приватизирован частным образом. Сегодня мы имеем страну, которой с помощью государственных институтов руководит корпорация. Это уже не корпоративное государство, а нечто иное. В чем это проявляется? Ни один институт не работает так, как он заложен в качестве элемента государственной машины. Простые граждане приходят в суды, и не находят справедливой защиты своих прав. Они надеются на защиту милиции, а сталкиваются с коррупцией и жестокостью. Граждане избирают парламент, но в ответственные периоды он работает как телевизионное шоу, а не законодательный орган страны. Поэтому, очевидно, что всем нам предстоит шаг за шагом воссоздавать государство как систему национальной самоорганизации и самоуправления»⁵²³.

На мой взгляд, было бы упрощением анализировать ситуацию в Украине исключительно в плоскости «власть-народ». Проблема шире и глубже – она есть не в меньшей мере прямым следствием глобальных процессов, с которыми столкнулась в наши дни периферия капиталистической мир-системы, а тем более страна «двойной периферии». Как бы ни хотелось повторять некоторые, ставшие сейчас (в отличие от романтики перестроечных годов) хрестоматийными истины, однако придется это сделать. И не в последнюю очередь потому, что и ныне в Украине все еще в ходу и упрощенные схемы трактовки событий Евромайдана как, дескать, «войны миллионеров против миллиардеров». Это уже ближе к конспирологии, где народ выступает глупенькой жертвой происков группы злокозненных олигархов и казнокрадов. Конечно, есть и первое, и второе, и третье... Но не так, и не в такой последовательности по значимости.

Ныне в активную фазу жизни Украины вошла молодежь, рожденная после провозглашения независимости, над которой уже не тяготеет груз советской эпохи. Вернее – тяготеет, но в меньшей степени. Они как в свое время декабристы – «первое поколение не поротых дворян». Эта молодежь живет уже в резонансе молодежного «глобального политического пробуждения» (З. Бжезинский). Реаги-

⁵²³ Ермолаев А. Украиной руководит корпорация. Государственные институты приватизированы // Зеркало недели. – 2014. - №4(150). – 8 февраля. – С.1, 14.

руя на факт появления этого феномена, где роль авангарда принадлежит студенчеству, международная аудиторская и консалтинговая фирма Deloitte вынесла на обсуждение в Давосе 2014 года привлекающую к себе особое внимание тему «Миллениумь» (Millennials) – так называют тех, кто родился позже 1983 года. Представленный фирмой Deloitte анализ показывает, что многие молодые люди потеряли веру в способность как государства, так и бизнеса к решению ключевых задач, стоящих перед этим поколением: а именно – обеспечению экономической безопасности, снижению уровня безработицы среди молодежи, доступа к образованию. Пока что репутация и государства, и бизнеса среди молодежи довольно низкая, хотя именно только сотрудничество этих двух составных с гражданским обществом и может обеспечить благосостояние, создавая рабочие места и решая тем самым наиболее серьезные социальные проблемы. В этой ситуации как никогда резко возрастает роль общественных организаций гражданского общества, способных генерировать достойные идеи. Впрочем, до сих пор они не имеют ни достаточных средств, ни надлежащей инфраструктуры для достижения своих целей. Поэтому молодые миллениумы во всем мире требуют перемен, и с этим нельзя не согласиться. Тут достаточно вспомнить, как в странах Запада горели студенческие кампусы в 1968 году.

Выводы консалтинговой фирмы следующие. Во-первых, ответственность за общество больше нельзя возлагать исключительно на правительство. Бизнес-лидеры также должны во все большей степени предлагать молодежи уникальный набор навыков, которые лишь в сочетании с финансовыми ресурсами как государственного, так и неправительственного секторов в состоянии создать мощный инновационный микс. Во-вторых, слова сильных мира сего не должны расходиться с делами. Недостаточно говорить для молодежи правильные вещи – в бизнесе сделка начинается с разговора, но должна заканчиваться деловым решением. И в-третьих, не следует бояться нарушать правила, по которым работали ранее. Если нынешние подходы к решению проблем не срабатывают, то их необходимо оспорить.

В итоге, на Всемирном экономическом форуме была поставлена задача «Изменить мир»: и бизнес, и правительства, и общественные организации гражданского общества должны выйти из своих бункеров и работать вместе – как взаимосвязанные лидеры. От этого никуда не уйти: миллениумы, на которых в 2025 году будет прихо-

даться 75% мировой рабочей силы, стремятся работать с теми общественными институтами, которые способствуют: (1) инновационному мышлению; (2) развитию соответствующих навыков; (3) делают зримый позитивный вклад в общество. Только на этом пути есть возможность восстановить веру миллениумов – новейшей рабочей силы и выдвинутых ими будущих лидеров⁵²⁴.

Глобальные мегатренды, обозначенные в Давосе, имеют непосредственное отношение к событиям в Украине. Во всяком случае, они предлагают матрицу для углубленного анализа, как на региональном, так и на национальном уровне.

Миллениумы Украины

Как показывают дискуссии вокруг феномена молодежного «глобального политического пробуждения», чтобы успешно решить поставленную в Давосе задачу «изменить мир», необходимо, в конечном итоге, повысить роль, значимость и социальную ответственность важнейшей возрастной группы молодежи – от 15 до 30 лет. Без решения этой задачи невозможно в принципе расширить сферу полномочий гражданского общества. Именно молодежь высших учебных заведений Украины наиболее массово вышла бороться за свое право быть в объединенной Европе. Именно их жестокое избиение выплеснуло на улицы Киева миллионную демонстрацию родителей, достоинство которых было грубо попрано. И это касается не только Украины.

Ряд ученых уже давно обращали внимание на то, что предоставляя определенные возможности в деле социального становления молодежи, обеспечивая их определенными льготами, во многих странах вместе с тем ограничиваются реальные возможности активного участия юношества в важных сферах общественной жизни. Проблема усугубляется тем, что составляя в настоящее время 18% населения мира (1,15 миллиарда человек), 85% миллениумов живут в развивающихся странах с прожиточным минимумом 1-2 доллара США в день. Хотя нынешнее поколение молодежи и является наиболее образованным за всю предыдущую историю человечества, сегодня 113 миллионов детей все еще не посещают школу. Эта цифра вполне сопоставима со 130-миллионной группой совершенно неграмотных молодых людей в современном мире.

⁵²⁴ Зальцберг Б. Давос–2014: три способа изменить мир. – Доступ: <http://forbes.ua/opinions/1363796-davos-2014-tri-sposoba-izmenit-mir#print>.

Итак, будущее Украины будет определяться, в конечном счете, поколением миллениумов, а потому их проблемы и являются наиболее актуальными проблемами нашего общества. А вот эти проблемы действующая власть и не хотела видеть. Не претендуя на самостоятельное демографическое исследование проблем нашей молодежи, воспользуемся уже существующими расчётами и оценками ведущих украинских исследователей⁵²⁵.

Действительно, демографическая структура населения Украины не может не вызывать тревоги. Во-первых, шестимиллионное сокращение населения за период 1992–2009 годы говорит само за себя – смертность опережает рождаемость. Во-вторых, на рынок труда постепенно выходят люди, рожденные во время демографического кризиса 1990-х годов, что обостряет ситуацию с притоком молодых кадров: если в 2000 году насчитывалось 11 млн. детей в возрасте до 14 лет, то в 2009 их количество сократилось вдвое – до 6,5 млн. человек. Как следствие, Украина практически обречена на экономические и инфраструктурные издержки, вызванные второй демографической волной понижения. Сфера образования ощутила это на себе первой, когда в считанные 1990-е годы внезапно опустели детские сады. В третьих, налицо все ускоряющийся процесс старения населения – ныне это около 13 млн. пенсионеров.

В итоге, в нулевые годы XXI века в экономике страны трудилось только 44% жителей Украины. При этом прослеживается тенденция – молодежь пытается избежать трудоустройства в промышленном секторе, где тяжелая работа связана с риском для здоровья и жизни. Она отдает предпочтение финансовому и офисному сектору, торговле и государственному управлению (даже несмотря на невысокий уровень зарплат). Это приводит к обратному эффекту на производстве, где рабочие места подчас занимают специалисты, у которых при других обстоятельствах вообще не было бы шансов трудоустроиться. Все это снижает мотивацию к повышению профессионального уровня рабочих – ибо заменить этот контингент малоквалифицированной рабочей силы практически нечем. А в среде высококвалифицированных специалистов свои проблемы: 30% молодежи желает уехать из страны, а потому для них проблема безвизового режима Украины со странами ЕС – первостепенная. Подобными настро-

⁵²⁵ Детальной см.: Попель С. Падение рынка труда Украины: влияние демографических, социальных и экономических факторов. – Доступно: <http://dialogs.org.ua/ru/progect/page19237.html>.

ниями проникнуты и другие группы наиболее образованных, деловых людей.

Отмеченный процесс отражает глобальный раскол на рынке труда: между традиционным «родовым» индустриальным трудом, с одной стороны, и «самопрограммированным» трудом нового информационного поколения (М. Кастельс), с другой стороны. Здесь необходимо особо отметить, что линию водораздела между этими двумя видами труда проложило образование. Для представителей «самопрограммированного» труда это не просто учеба, а возможность свободного доступа к высшим уровням образования, то есть – систематическое впитывание новых знаний, пополнение информации, а также нацеленность на приобретение новых навыков в соответствии с технологическими и организационными изменениями. В сфере образования на первый план выходит возможность и способность «перепрограммировать» себя в соответствии с бесконечно изменяемыми задачами процесса усовершенствования и усложнения производства.

Однако этот контингент обучающейся молодежи сталкивается с объективными препятствиями: потребность в самоорганизованном труде появляется лишь при условии неременной социальной предпосылки – наличии инновационного производства. Однако старые индустриальные технологии, лежащие в основе традиционной украинской экономики, нуждаются преимущественно в воспроизводстве представителей «родового» труда, которые не имеют возможности да, собственно, и необходимости к самопрограммированию, поскольку от них требуется лишь способность воспринимать и выполнять определенное конкретное задание. Вот эта резкая дифференциация между трудом «самопрограммированным» и традиционным «родовым» содержит в себе серьезные риски и угрозы, которые и выявили себя в час украинского Евромайдана. По одну сторону баррикад мы увидели студенчество ведущих университетов, по другую - малообразованную молодежь депрессивных регионов страны, так называемых «титушек».

Кстати, последние должны бы стать объектом специального исследования, ибо они во время Евромайдана оказались одним из наиболее ярких примеров сращивания власти и криминалитета в борьбе против народа. Как объяснил в Интернете на условиях анонимности источник из правоохранительных органов, против Майдана действует три вида «титушек»: «Первый – это настоящие «титушки», гопота, дети бедных окраин. Второй – участники бандфор-

мирований типа харьковского «Оплота», а также ранее судимые, в основном из Донецкой области, состоящие на учете в МВД, которых направили в Киев их милицейские кураторы. И третий – это сотрудники оперативного состава МВД – уголовного розыска, службы борьбы с экономическими преступлениями, УБОП, «наружки» и т.д.»⁵²⁶.

А в целом общемировая тенденция рынка рабочей силы, в русле которой движется Украина, связана с перемещением количества занятого населения из аграрного и промышленного сектора в сферу услуг. Лидером по многочисленности сотрудников в наши дни являются такие сферы общественного производства: «торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования» - 22%. На втором месте «промышленность» – 18,5%, а на третьем – «сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство» – 15,8%. Далее, со значительным отрывом в количестве рабочих мест, следуют: «образование» – 8,1%; «отели и рестораны» – 7%; «охрана здоровья и предоставление социальной помощи» – 6,5%; «финансовая деятельность, операции с недвижимостью, аренда, инжиниринг и представление услуг предпринимателям» – 5,5%; «государственное управление» – 5%; «строительство» – 5%; «предоставление коммунальных и индивидуальных услуг» – 4%; «транспорт и связь» – 2%.

Насколько эта структура занятости соответствует велению времени? Как показывает жизнь, низкий уровень инноваций в процессе производства сказался на деформации структуры занятости. Обнажилась главная проблема – низкий квалификационный уровень наемных сотрудников в количественно наиболее многочисленных секторах экономики. Так, в торговле наемный труд, где еще можно влиять на уровень квалификации, составляет лишь треть от количества всех занятых, а основную долю торгового люда представляет собой так называемое «самозанятое» население на базарах. Характер их работы делает людей инертными – они теряют там даже ранее приобретенную квалификацию (старшие из них – преимущественно бывший научно-технический персонал среднего звена). Сходная ситуация наблюдается и в аграрном секторе, где свыше 60% - это население, живущее за счет своих индивидуальных подсобных хозяйств. Молодежь сельский труд совсем не притягивает – они преимущественно мигрируют в города или райцентры, хотя и там «выбится в люди» им удастся далеко не всегда.

⁵²⁶ Киевская хроника – Верховная Рада, майдан, жертвы. – Доступно: http://lb.ua/news/2014/02/21/256418_hronika_kiev_21_fevralya.html.

Те же специалисты, которые и внедрились в перспективные отрасли экономики, также подвергаются определенному риску – профессиональные приоритеты на переломе тысячелетий менялись неоднократно. В советские времена были престижными специалисты военные, инженерно-технические, врачебные, преподавательские, экономические... В девяностых ориентировались на специальности, приносящие доход: экономист, бухгалтер, переводчик, программист, юрист... В нулевые годы XXI века появилась мода на маркетологов, PR-специалистов, рекламистов... Поскольку каждая волна спроса длилась относительно непродолжительное время, то часть людей просто не успевала адаптироваться к требованиям рынка, а в итоге оставалась выброшенной за борт экономически активного населения. Включить их в рынок труда очень сложно – хотя бы даже из-за нарастания психологических надломов. Те же, кому удалось трудоустроиться в престижные зарубежные компании, очень часто испытывают дискомфорт из-за относительно малых зарплат, по сравнению с их зарубежными коллегами. В частности, это наблюдается в сфере информационных технологий, специалисты которой на 95% работают на зарубежные компании при относительно низкой по международным меркам заработной плате.

Все это еще раз подчеркивает превращение сферы образования в важнейший рычаг социально-экономических преобразований, а студенческую молодежь – важнейшую составную политических процессов страны. Прослеживается определенная закономерность: наличие высшего образования в реалиях сегодняшнего украинского рынка – это неременная и необходимая инвестиция в будущее специалиста. Социологические исследования свидетельствуют, что самый низкий уровень безработицы зафиксирован как раз среди людей с полным высшим образованием. В тех домохозяйствах, в которых имеется хотя бы один человек с высшим образованием, более низок риск бедности. Однако, при всем этом заработные платы «белых воротничков» в Киеве в среднем вдвое ниже, чем в столице России и в четыре-пять раз ниже, чем в Великобритании. Это сказывается на производительности труда. Согласно социологическим опросам, около 42% граждан Украины признают, что могли бы трудиться лучше, если бы при этом увеличивалась их заработная плата. Около 8% честно заявляют, что на работе они целенаправленно стараются сделать как можно меньше. И только 15% наших соотечественников считают, что выкладываются «на все 100%».

Итог оказывается печален. Десятки и сотни тысяч людей постоянно находят и теряют свое рабочее место, скатываясь зачастую в структуры теневой, если не криминальной экономики. Это сказывается на личностных кризисах, провоцирует болезни, тяготение к наркомании/алкоголю, грозит потерей сбережений и попаданию в кредитный капкан. Увеличивается прослойка людей, где грань между социальным исключением и ежедневным выживанием все больше размывается. Часть бывшего советского сегмента специалистов и научно-технических работников все еще пытается удержаться на плаву, не скатиться вниз до уровня люмпенизированной рабочей силы социально недееспособных людей. Вместе с тем выстраивается настоящая спираль выталкивания людей из производственного цикла (да и настоящего социального исключения!), которая тянет к личностной деградации.

Предварительные итоги

Итак, образовательный ценз внес с собой раскол, как в социальную структуру труда, так и политическое противостояние образованной и малообразованной молодежи. Он зримо усугубляет размывание не только остатков классовой, но и нарождающейся национальной солидарности. Более того, этот ценз провоцирует социальное исключение целых потенциально богатых сегментов общества, чьей ценностью до сих пор пренебрегали, чья значимость как производителей/потребителей была не востребована или примитивно игнорировалась. И наоборот, малообразованная молодежь депрессивных регионов примитивно использовалась в качестве «штурмовиков».

Объективно миллениумы политизируются повседневно и ежедневно. Одни стали понимать, что если не займутся политикой, то политика так и будет их доставать каждый день. Не зря одним из наиболее употребляемых понятий при интервью на Майдане было – «ДОСТАЛИ». Однако есть и другие – молодежь, живущая «по понятиям», которые привили им кураторы депрессивных районов. И те, и другие поставлены перед выбором альтернативы: какая система власти и форма государственности являются наиболее приемлемыми для них? Судя по всему, узкоспециализированный труд, связанный с индустриальным производством, тяготеет к политике «сильной руки». И наоборот: самоорганизованный труд информационного общества тяготеет к децентрализации властных полномочий и созданию современной геометрии демократической власти.

Вот это соединение, казалось бы, несоединимых понятий в своеобразный микс и дало основание известной организации Freedom House в 2013 году отнести Украину к странам «гибридного режима» с индикатором наиболее низкого уровня демократии. Если говорить образно, то Украину по уровню демократии приравнивали к Замбии и Южному Судану. И в этом нет значимого преувеличения – спецподразделения «Беркута», например, вели себя в противостоянии с Майданом не хуже, чем распоясавшиеся «тонтон-макуты» Дювалье на Гаити. К слову сказать, специальные подразделения милиции гражданской безопасности «Беркут» в Украине уже ликвидированы, и не стоит удивляться, где многие из их кадрового состава трудоустроятся. Понимание неестественности состояния уровня демократии в Украине вдруг озарило после Майдана даже председателя Донецкой облгосадминистрации Андрея Шишацкого, который заявил 25 февраля о том, что «к смене власти в стране привела диктатура». К чести науки, чиновник признал, что «события в Украине развивались так, как описано в книге Джина Шарпа «От диктатуры к демократии»⁵²⁷.

Но это не снимает главного вопроса – в течение трех месяцев Украина находилась в состоянии острого гражданского противостояния со вспышками применения оружия против манифестантов. Одна часть украинских граждан формировала ядро Евромайдана, а других граждан власть использовала как социальное наполнение Антимайдана. С кем же была солидарна общественная мысль Украины? На конец января, когда судьба Майдана еще не была определена, предпочтения разделились таким образом: Евромайдан поддерживало 50% украинцев, а Антимайдан – 27%. Конечно, это отношение различное в региональном разрезе: в Западном регионе Евромайдан поддерживало 80% (не поддерживало – 7%), в Центре – соответственно 63% (28%), на Юге – 20% (71%), на Востоке – 30% (65%). Антимайдан поддерживало на Западе 3% (не поддерживало – 89%), в Центре – соответственно 14% (75%), на Юге – 54% (22%), а на Востоке – 43% (38%)⁵²⁸.

Осмысливая пережитое, можно ли было в этой ситуации ставить вопрос: «кто кого»? Ведь это – два контингента преимущественно молодых граждан одной и той же Украины! Именно им суждено

⁵²⁷ Шишацкий: к смене власти в Украине привела диктатура : Новости УНИАН. – Доступно: <http://www.unian.net/politics/889827-shishatskiy-k-smene-vlasti-v-ukraine-privela-diktatura.html>

⁵²⁸ Евромайдан підтримує 50% українців, Антимайдан – 27% / Українська правда. – Доступно: http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/21/7010495/view_print/.

осуществлять и адекватно ощущать на себе «общность исторической судьбы». Надо было очень постараться, чтобы разбудить ненависть в этих молодых сердцах, преследуя свою корысть и отсекая тем самым Украину от цивилизованного мира. А потом еще и обвинять миллионеров в экстремизме.

Распадется ли страна на составные части, как это пророчат некоторые политтехнологи? Насколько люди ощутили себя настоящими гражданами Украины? Насколько Украина устойчива в своем выборе демократического строя, европейских ценностей свободы и справедливости? Родились ли мы уже как политическая нация? И, в конце концов: когда же мы «научимся жить вместе»? Все эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения.

Какую же общую характеристику можно предложить, оценивая все происходившее в Украине? Известный российский публицист Анатолий Стреляный предлагает определять ее как *антикриминальную* и *национально-освободительную революцию*. Может быть и так. Однако, наверное, следовало бы повременить и подождать результатов дальнейших экономических и социально-политических преобразований в стране. В какую сторону они будут эволюционировать? Смущает то, что за полгода до Майдана 59% украинцев считали, что в Украине в большей мере не хватает «сильной руки», нежели «демократии» (26%)⁵²⁹.

Но и это еще полдела. Особенно заставляли усомниться в тяготении значительной части граждан Украины к демократии такие данные: 82,6% респондентов согласились с тем, что лидеры «сильной руки» должны действовать исключительно в пределах закона, по принципу «закон – один для всех», а 8,6% убеждены, что такие лидеры не обязательно должны придерживаться действующих законов, если нужно достичь определенных целей. Еще не смогли определиться по этому вопросу 8,8% респондентов⁵³⁰. Не факт, что претендент на «сильную руку» не появится и среди представителей Майдана. Хотя, конечно, феномен Майдана должен был внести кардинальные изменения и в общественное сознание народа. Пока что, судя по всему, следует подождать новых социологических замеров.

А пока воспримем Майдан не как революцию в ее классическом понимании – изменение общественно-политического строя, судя по

⁵²⁹ Майже 60% українцям не вистачає «сильної руки». – Доступно: <http://tyzden.ua/News/81347/PrintView>].

⁵³⁰ Каждый четвертый считает, что ситуация в Украине ни на что не похожа (опрос) : Новости УНИАН. – Доступно: <http://www.unian.net/politics/805282-kajdyiy-chetvertyiy-schitaet-hto-situatsiya-v-ukraine-ni-na-hto-ne-pohoja-opros.html>].

всему, не предвидится. Скорее всего, это «морально-гражданская революция», которая обязывает к преодолению имперского прошлого и наполнению лозунга «Украина – это Европа» конкретным практическим содержанием.

Но возвратимся, однако, к метафоре Гоголя. Некоторые читатели спрашивали у меня – кого я имел в виду, упоминая «дикий хохот Басаврюка». Отвечаю – никого конкретно, а лишь только образ Сатаны из повести «Вечер накануне Ивана Купала». Об этом пишет сам Николай Васильевич: «никто другой, как сатана, принявший человеческий образ для того, чтобы открывать клады; а как клады не даются нечистым рукам, так вот он и приманивает к себе молодцев». Вот только к этим молодцам тоже было неременное условие: чтобы заклятые клады не уходили под землю, нужно было это место оросить кровью детей. Так и сделал гоголевский герой Петрусь – и пошли ему в руки мешки с червонцами. Да только жизнь не заладилась – заболел он душевной болезнью: «Бешенство овладевает им; как полоумный, грызет и кусает себе руки и в досаде рвет на себе волоса, покамест, утихнув, не упадет, будто в забытьи, и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука... Что за напасть Божия?»

А в итоге и финал, образно переданный Гоголем: «Сбежались люди; принялись стучать; высадили дверь: хоть бы душа одна. Вся хата полна дыма, и посредине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами поднимался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев. Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелить усом, стояли казаки, будто вкопанные в землю. Такой страх навеяло на них это диво».

Однако, возвратимся в день сегодняшней. 22 февраля 2014 года по Киеву разнеслась весть – в поместье Януковича в Межигорье ни одного охранника, а потому надо воспользоваться шансом и посмотреть. Но охрана была – место «Беркута» заняла народная самооборона. Да и люди, очищенные огнем пылающего Майдана, не унизили свое человеческое достоинство мародерством. Даже автомобили ставили поодаль от дороги, дабы не мешать проезду другим.

А теперь слово журналистскому репортажу с места событий: «Там очередь – как в Мавзолей. Активист, взобравшись на колонну забора и каким-то образом умещаюсь на маленьком островке, руководит потоком людей. «Сними балаклаву! Давай, ты, что?!», «По газонам не ходить, детей от себя не отпускать – могут быть минь»,

«Страусу перья из задницы не вырывать – он уже научился кричать: «Зека геть!».

Также звучит просьба озвучить свои предложения по дальнейшему использованию «маетка» – детский дом, санаторий, музей.

... Мы мчимся в город «встречать Тимошенко». К Новым Петровцам и Межигорью тянется двухкилометровая вереница автомобилей. Люди не боясь подступающего вечера, продолжают ехать к мавзолею режиму Януковича».

Вот такой финал... Майдан Независимости в ночь на 30 ноября 2013 года был орошен «Беркутом» кровью молодежи. А деньги Януковичу в руки так и не пошли. А вы говорите – Гоголь...

Общность исторической судьбы: распалась связь времен?

В.Н. Ткаченко

Порвалась дней связующая нить
Как мне обрывки их соединить!
Шекспир: Гамлет (перевод Бориса Пастернака)

Донбасс порожняка не гонит, не лезет первым на рожон.
Мы всю страну углем засыплем и, если надо, подожжем
Роман Минин

Избирательная кампания Президента Украины 2014 года проходила в обстановке хаоса восточных областей и угрозы российского вмешательства. И в таком восприятии действительности не было преувеличения. Логика событий подсказывала, что если Россия оказалась способной спровоцировать отделение Крыма, то почему бы ей не применить обкатанную уже модель к промышленным регионам востока страны?

Уже сегодня можно утверждать, что аннексия Крыма превращается в пограничную линию водораздела в истории украинско-российских отношений. Мы реально становимся свидетелями «распада связи времен» между Россией и Украиной, той связи, которая складывалась между людьми столетиями. Возникает угроза того, что большинство украинцев вскоре могут превратиться в недругов России как государства и, не приведи Господь, русских как этноса.

Свидетельство тому – сдвиги в общественном мнении после аннексии Крыма. Если еще в феврале 2013 года, согласно социологи-

ческому опросу Центра Разумкова, 85% украинцев засвидетельствовали свое хорошее отношение к России, то в конце апреля 2014 года уже 67,1% засвидетельствовали, что их отношение к Российской Федерации ухудшилось (2,3% – улучшилось, а в 21,7% отношение не изменилось). В региональном аспекте отношение ухудшилось в 91,8% жителей Запада, 82,4% – Центра, 56,3% – жителей Юга Украины⁵³¹. Более драматично ситуация сложилась в Крыму: здесь идею дружественных взаимоотношений с Россией в марте 2014 года поддержало 88% респондентов.

До последнего времени речь пока что не шла о вспышке «анти-русских» настроений в Украине, а лишь только об ухудшении отношения к реальной политике России. Согласно опросам от 9-16 апреля 2014 года 59% респондентов все еще считали, что Украина и Россия должны быть независимыми, однако дружественными странами, с открытыми границами и без виз. И только 4,8% - высказались за объединение в одно государство. А еще 5,1% вообще не ответили на вопрос об отношениях между нашими государствами⁵³².

Однако, в этом пункте уже сказывается проблема асимметричности отношений между Украиной и Россией. Надолго ли в украинцев останутся надежды на «независимый, но дружественный» характер взаимоотношений между нашими государствами, когда в то же время, согласно данными российских опросов, «близко трех четвертей россиян готовы поддержать войну с Украиной, если ее начнет руководство России»⁵³³. Вот такая антиукраинская настроенность и вносит соответствующие коррективы в общественное мнение Украины.

В частности, по мере нагнетания обстановки на восточных рубежах Украины, в украинских туроператоров появилась новая проблема – «украинцы не хотят отдыхать на одних курортах с россиянами. Продавцы туров отмечают, что стычки между русскими и украинскими туристами на политической почве участились, часто доходит даже до драк». А ведь «раньше наличие русских в отеле вол-

⁵³¹ Отношение украинцев к России радикально ухудшилось – опрос. – Доступно: http://news.liga.net/print/news/politics/1633262-otnoshenie_ukraintsev_k_rossii_ukhudshilos_opros.htm

Скибицкая Ю. На отдых – без россиян // Сегодня, - №91.- 25 апреля 2014. – С.7.

⁵³² Почти 70% украинцев выступают против второго государственного языка – Общество: деловой новостной сайт Дело Украина – Доступно: <http://delo.ua/ukraine/pochti-70-ukraincev-vystupajut-protiv-vtorogo-gosudarstvennogo-j-234322/>.

⁵³³ Ежедневный журнал: Медиафрениа. Демаркация. – Доступно: http://ej.ru/?a=note_print&id=25038.

новало европейцев, а не украинцев»⁵³⁴. Что ж, приходится только констатировать – дожили!

Цивилизационный вызов

Было бы неправильно все беды Украины сваливать на войну и аннексию Крыма, хотя эти факторы и выступают катализаторами общественных процессов. Дело намного сложнее, и в то же время проще – речь идет о цивилизационном выборе страны, который пришелся на период водораздела времен.

Если вспомнить судьбоносный для Украины 1991 год, то тогда линия противостояния в обществе имела идеологических окрас борьбы коммунистов и либералов. Однако ныне пришли другие времена. Перелом XX и XXI веков в современном мире характерен отсутствием былого идеологического накала. Более того – в общественном сознании происходит замещение классических идеологий их гибридными суррогатами. Мир интегрируется, впитывая в себя разнообразные теоретические построения, часть которых то уходит на периферию идеологической борьбы, то вновь привлекается в качестве составного ингредиента какого-то нового мутантного идеологического гибрида. Ярким примером тому может быть плотный и, казалось бы, противоестественный тандем бывшей «пролетарской» Коммунистической партии Украины с олигархической Партией регионов.

То же происходит во всем мире – бывшие левые коммунистические и правые радикальные партии давно уже интегрированы если не в политические структуры, то в идеологическое поле многих развитых стран Запада. Взять хотя бы последние выборы в Европарламент. Они показали, что ультраправые и левацкие партии вошли в евроструктуры и стали, образно выражаясь, «одомашненными». Не потому ли Бжезинский и приходит к заключению, что главную угрозу нынешнему глобализированному миру представляет собой не одна из разновидностей утопического фанатизма (коммунизм, фашизм), как это было в XX веке, а внутренне присущая нашим дням турбулентная сложность самих социальных процессов? Это, так сказать, взгляд трехлетней давности на поле противостояния с наблюдательной точки Запада, да еще и без учета политики нынешней России касательно Украины.

⁵³⁴ Скибицкая Ю. На отдых – без россиян // Сегодня, – №91.– 25 апреля 2014. – С.7.

Вид с Востока, а в нашем случае – с Восточной Европы, значительно отличается. Нарастание «гроздей гнева» в среде носителей глобального политического пробуждения и отсутствие какого-то консолидированного понимания адекватных ответов на вызов времени со стороны мировой иерархии – все это создает угрозу скатывания к международному хаосу. В Украине такой беспорядок уже налицо. И вызван он, не в последнюю очередь тем, что Украина стала пограничьем двух противостоящих цивилизаций: уже сложившейся Европейской, с одной стороны, и формирующейся Евразийской – с другой. То есть, главная черта уязвимости Украины – в ее роли «двойной периферии», когда Россия является «полупериферией» Европы, а Украина – «периферией» России. Это, увы, реальность сегодняшнего дня, та реальность, в которой живет Украина в уповании на евроинтеграцию, которая, возможно, позволит Украине впоследствии избавиться от унижительной роли «двойной периферии». При этом мыслящие украинцы осознают, что в краткосрочной перспективе нам придется нелегко, скорее – трудно, а на улучшение мы можем надеяться в лучшем случае в среднесрочной перспективе. Даже, вероятнее всего, реально это может произойти лишь в перспективе долгосрочной. И российский фактор в этом процессе будет играть далеко не последнюю сдерживающую роль.

Обратимся хотя бы к прогнозам З. Бжезинского: «судьба России в дальнейшем не имеет в виду контроля над «половиной мира». Скорее, вопрос стоит таким образом – как ей пережить свою внутреннюю стагнацию и депопуляцию в контексте нарастающего Востока и более богатого (даже если он пребывает в состоянии растерянности и сомнений) Запада. И именно поэтому *западная политика, направленная на поддержку более тесных связей Украины с ЕС является необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения и России с Западом. Это может не состояться при президенте Путине, но внутренние предпосылки для демократической эволюции в России нарастают и, с моей точки зрения, в конечном итоге перевесят*» (курсив наш. – Авт.)⁵³⁵.

Сравнивая эти прогнозы Бжезинского трехгодичной давности с нынешними событиями в южных и восточных областях Украины, невольно задаешься рядом вопросов. Первый из них: учитывали ли

⁵³⁵ Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля. – Доступно: <http://injsmi.ru/usa/20111102/177005474.html>.

западные аналитики, что Россия не станет дожидаться установления более тесных связей Украины с ЕС? Более того, что РФ будет делать все, дабы не допустить их реализации и не создать тем самым «внутренние предпосылки для демократической эволюции в России»? А были ли произведены хоть какие-то расчеты на предмет того, выдержит ли украинское общество то напряжение, которое связано с ролью своеобразного приводного ремня, призванного стать *«необходимой предпосылкой и стимулом для обеспечения в конечном итоге более тесного сближения и России с Западом»*? Были ли предусмотрены какие-то гарантии для недопущения аннексии Россией украинских территорий – того же самого Крыма? Осмысливались ли на Западе какие-то меры для выполнения гарантий Будапештского меморандума 1994 года? А ведь от этого зависит, выживет ли Украина вообще в те два-три десятилетия, во время которых З. Бжезинский и другие западные стратеги уповают на реализацию перспективы демократизации России? Как бы в краткосрочной перспективе Украине не пришлось изведать на себе правоту старой половицы: «покамест травка подрастет, лошадка с голоду умрет».

А тем временем логика развивающихся событий не оставляет Украине какого-то зримого сегмента для маневра. С одной стороны – плохо прикрытая интервенция России с угрозой полной потери Украиной национального суверенитета, а с другой – суровая необходимость принятия правил игры ныне действующей глобализированной капиталистической мир-системы.

А правила игры, откровенно говоря, не скучны, и даже весьма напряженные. Сперва-наперво приходится учитывать растущее социальное расслоение капиталистической мир-системы, когда представители наиболее обеспеченных слоев населения даже в развитых странах центра все больше отрываются от среднего класса. Приходится принимать во внимание и то, что если в странах «золотого миллиарда» удельный вес полученных населением благ оказался относительно заниженным, то в странах мировой периферии он стал просто мизерным. То есть, не особенно уповая на «манну небесную», мы должны осознать, что пропасть между теми, кому достаются плоды цивилизации, и всеми другими, в нынешнем мире продолжает углубляться. Причем как в масштабах отдельных государств, так и в международном масштабе. А так называемый «чистый рынок» является далеко не во всем совершенным механизмом, порождающим опасную для общества дифференциацию доходов и монополизацию экономики.

Да, было время, отмечает профессор А.Гальчинский, когда система активного государственного регулирования уберегла общество не только от чрезмерной дифференциации доходов, но и от проникновения духа рыночной психологии в сферу культуры, социального развития, частично и в политику. Однако ныне, «на интернациональном уровне эти противовесы... не только не действуют по объективным причинам, но и сознательно отрицаются: вся существующая институциональная система мировых экономических отношений – механизмы МВФ, Мирового банка, СОТ и др. действуют на основе принципов либерализма, которые адекватны логике классического (ничем не ограниченного) рынка, и таким образом, реализуются в режиме рыночного фундаментализма»⁵³⁶.

В итоге, мы должны осознать суровую реальность – практическая деятельность широкой сети нынешних международных финансовых институтов направлена в первую очередь на обслуживание интересов ядра капиталистической мир-системы. Именно отсюда проистекает и всяческое приспособление производственного, финансового и интеллектуального потенциала стран «периферийной» зоны, в том числе и Украины, к потребностям «центра» этой мир-системы. А потому именно отсюда проистекают и реальные, и возможные риски. Как отмечает Мануэль Кастельс, с одной стороны, глобальная экономика будет все время расширяться, сканируя при помощи информационных сетей всю планету в поиске новых возможностей получения прибыли. Однако, с другой стороны, «она будет это делать избирательно, соединяя значимые сегменты и пренебрегая местностями и людьми, которые уже исчерпали свой потенциал или не представляют, на данный момент, никакого интереса... **Планета сегментируется на отчетливо различимые пространства, определенные различными временными режимами**» (курсив наш. – Авт.)⁵³⁷.

То есть, рано или поздно каждый регион мира ощутит на своей повседневной жизни тот факт, исчерпала ли эта местность свой потенциал и представляет ли ее население какой-то интерес в роли производителей и потребителей для международных транснациональных кампаний. Если инвестиции в этот регион не поступают и такое не предвидится, то его население в лучшем случае может пре-

⁵³⁶ Гальчинский А. Глобальні трансформації / А.Гальчинський. – Либідь, 2006. – С.251.

⁵³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.

вратиться в своеобразную резервацию, где эти люди будут обречены на самопрокорм. Взять хотя бы за пример печальную судьбу Сомали.

Невольно возникает вопрос: не в этом ли кроется одна (хотя и далеко не единственная) причина всех имеющихся беспорядков и экстремизма в Донецкой и Луганской областях, пребывающих ныне на уровне третьего технологического цикла восьмидесятилетней давности с устаревшим еще советским оборудованием добывающей угольной промышленности? Эта нерентабельная отрасль в принципе не интересует современный мировой капитал. На наш взгляд, здесь срабатывает именно *фактор временного разрыва* – как в свое время ушла в небытие слава и удельный вес немецкого Рура, английского Уэльса или американского Детройта, так и в Украине уходит былой престиж и значимость устаревших и уже вечно вчерашних технологий Донбасса. Его люди и ресурсы в нынешнем виде не привлекательны для зарубежных инвестиций и убыточны для отечественной экономики. Не в последнюю очередь именно поэтому нынешний губернатор Сергей Тарута «публично развеял миф о том, что Донбасс кормит Украину, и, оперируя данными статистики, признал дотационность региона»⁵³⁸.

Понятное дело, что население этого региона и не хочет смириться со своим положением. Однако, судя по общественным процессам, описанным М.Кастельсом, в современной капиталистической мир-системе *регион Донбасса, если не прибегнуть к его глубокой реформе и коренной модернизации, обречен на выбор одного из двух курсов*. Первый – дрейфовать в глобальную криминальную экономику, которая все более становится фундаментальной чертой XXI века: «Ее экономическое, политическое и культурное влияние будет проникать во все сферы жизни. Уничтожить это явление будет невозможно, разве что удастся ограничить его к допустимым размерам»⁵³⁹. И мы видим, как это все уже реально происходит в форме нелегальных «копанок» или вполне устоявшейся практики перераспределения государственных дотаций, львиная доля которых не доходит до шахтеров, а оседает в карманах олигархов и бюрократии.

Второй курс тоже уже вполне узнаваемый в современном мире – это взрыв идеологического фундаментализма. Он представляет собой реакцию на социальную отторгнутость. Как

⁵³⁸ Полищук О. Путиноборец Тарута // Власть денег. – №10–17. – март-апрель 2014. – С.34.

⁵³⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.

это происходит во всем мире, лидеры фундаменталистских движений «берут Коран, Библию или какой-то другой священный текст для интерпретации и использования его как флага своего отчаяния и оружия своего гнева»⁵⁴⁰. Подобного рода идеологические фундаментализмы, которые происходят из различных источников, представляют собой наиболее бескомпромиссный вызов экономическому фундаментализму современного глобального капитализма с его лозунгом: «Бабло решает все!».

А ведь этот стиль жизни рыночного фундаментализма могут принять далеко не все. И потому, играя на обострившихся протестных чувствах, расплодилось целая плеяда новейших политических «попов Гапонов» – своеобразных политических кураторов глубинки. Именно они обеспечивают обездоленный контингент депрессивных районов Донбасса экспортными заготовками идеологии православного фундаментализма в форме «Святой Руси» и «Русского мира». Не понимая сущности происходящего в стране и мире, значительная часть населения депрессивных районов или замыкается в повседневных заботах, выплескивая час от часу энергию в бытовое насилие, или мобилизуется в массовые протестные акции против «Иных», пришедших из «других» регионов, и якобы зловредно разрушающих их традиционную и давно устоявшуюся жизнь.

А тем временем новая эпоха стала предъявлять человеку требования, предполагающие работу в условиях риска и неопределенности. Кто не принимал этих требований, был обречен на маргинализацию и скромное доживание на ярком фоне бурлящей ярмарки тщеславия. К первому кто-то оказался неспособен, а второе представлялось другим вопиюще несправедливым.

На этой почве и начал обнаруживаться консенсус между определенными категориями населения, как Украины, так и России. Объединяющим их началом стала ностальгия по советскому прошлому, с его всё объединяющей уравниловкой. При этом в Украине не все учитывали, что ностальгия в России может быть только великодержавной. А именно этот комплекс великодержавия и стал включать в себя не только устойчивые рефлексы и привычные стереотипы в позиционирование России на международном пространстве, но и надежду на стабилизацию общественной жизни в форме хотя и скудного, но гарантированного «модус вивенди» с надеждой на возможное улучшение в каком-то отдаленном будущем. В итоге «распад имперского государства не был отрефлексирован, не был

⁵⁴⁰ Там же.

адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека»⁵⁴¹.

Для определенной части украинцев новая геополитическая реальность – государство Украина – тоже никаким образом не вписывалось как нечто суверенное, а лишь как часть «русского мира». В политических кругах обоих государств обнаружались влиятельные политические силы, которые стали подпитывать и использовать ностальгические настроения – скорее даже не в политических, а своекорыстных целях. Нельзя сказать, что это люди политически невменяемые, которые, дескать, не осознают катастрофичность любых форм реставрации. Однако, видимо жажда власти и денег превалировала в их сознании – «после нас, хоть трава не расти». И здесь Украине нечего обольщаться: «Как это веками происходило в России, власть делает ставку не на наиболее продвинутых, модернизируемых и адекватных стремительно развивающейся реальности, а на самых традиционализованных, обращенных во вчерашний день. Таков идейный и социально-психологический контекст, в рамках которого современное российское общество осознает феномен украинской государственности»⁵⁴².

Стоит ли удивляться, что при таком подходе, идея «общности исторической судьбы» Украины и России приобретает самые причудливые формы. А поэтому, в конечном счете, все зависит от самой Украины, от того, насколько вызрели и выросли в социальную жизнь страны, в политическую культуру нации идеи независимости, демократии и прав человека.

Конечно, с точки зрения науки, сама по себе империя ни хороша и ни плоха. В контексте исторического процесса ее следует оценивать как один из способов интеграции больших пространств. Уже начиная с эпохи Ивана Грозного, имперская идея вдохновляла элиту Московского княжества на создание великой державы. Далее в течение четырех столетий все составные российского общества, с одной стороны, получали блага от существования империи, хотя, с другой стороны, несли и соответствующие тяготы. В том числе и украинцы.

⁵⁴¹ Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. Журнальный зал / Вестник Европы, 2005, №16 / – Доступно: <http://magazines/russ/ru/vestnik/2005/16/ia5-pr.html>.

⁵⁴² Там же.

Нет сомнения, что для многих «рожденных в СССР», его распад знаменовал тот непреложный факт, что имперская идея исчерпала себя. Однако, далеко не для всех. Что касается людей традиционного склада мышления, образ жизни которых сложился в рамках имперского бытия, их система мировидения и мироощущения воспринимались как нечто устойчивое, вечное и неизменное. И, конечно же, с этих позиций распад империи воспринимался ими как случайность, противоестественное течение событий, результат заговора враждебных сил, нашедших себе опору в лице «агентов влияния» внутри «нашего» общества. Конечно, этот среднестатистический советский человек что-то слышал на уроках истории, смотрел кинофильмы о петлюровцах и бандеровцах, а потому к твердым в своей национальной идентичности украинцам у него были свои счеты: якобы сохраняя свою идентичность, украинцы «обнаруживали злокозненное упорство в глупом заблуждении»⁵⁴³.

Стоит ли удивляться, что и поныне из 1600 человек опрошенных Левада-Центром в 45 регионах РФ 44% полагают, что людей на акции протеста в Украине выводит «влияние Запада», 35% – «националистические настроения», и лишь только 8% – «стремление сделать Украину такой же цивилизованной страной, как и другие страны Европы», а еще 7% – «чувство гражданского достоинства»⁵⁴⁴. Киевский Евромайдан дал, казалось бы, однозначный ответ со стороны украинского народа на разнообразные украинофобские измышления. Беда лишь в том, что разнообразные «украинские этюды» в российских СМИ о какой-то «диктатуре бандеровщины», мешают адекватному восприятию русским читателем процессов, происходящих в Украине. И эта пропаганда, к сожалению, часто достигает своей цели: по итогам социологических опросов Левада-Центра, 84% россиян расценивали акции протеста в Киеве как попытку государственного переворота, и лишь 4% восприняли происходящее на Майдане как «мирный протест»⁵⁴⁵.

Что это – простодушное доверие к писаниям политтехнологов, или же все намного серьезней? Скорее и то, и другое, но инерция имперского стереотипа «общности исторической судьбы» Украины и России, которую, дескать, пытаются разрушить вражеские силы,

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Третью россиян считает соглашение Украины с ЕС предательством. – Доступно: <http://www.levada.ru/print/25-11-2013/tret-rossian-schitaet-soglashenie-ukrainy-s-es-predatelstvom>

⁵⁴⁵ Опрос: Россияне считают протесты на Украине государственным переворотом. – Доступно: <http://www.levada.ru/11-02-2014/opros-rossiane-schitaut-protesty-na-ukraine-gosudarstvennym-perevorotom>.

внушает все же большую настороженность. Это еще одно свидетельство того, что имперское сознание вошло в плоть и кровь постсоветского пространства, пронизало собой все уровни общественного сознания, отпечаталось на массовой психологии.

Конечно, было бы некорректно строить изложение материала лишь на противопоставлении Украины и России согласно модели: «МЫ – ОНИ». Хотя и этот момент всегда неизбежно присутствует в определении национальной идентичности того или другого социума. Однако факт остается фактом: между нашими народами и странами так много общего, что нет нужды даже ссылаться на избитые стереотипы об «общей православной Днепровской купели», или же о Киеве как «матери городов русских». Кстати, в летописях речь идет о городах «русских» (от Руси), а не «русских» (от России). А реальная общность исторической судьбы – вот она! Достаточно оглянуться вокруг на цветочки и ягодки «дикого капитализма» в обеих странах, чтобы убедиться: не может быть простой случайностью разительное совпадение в годы независимости всех этих коррупционных скандалов, наглого дележа госсобственности и передела частной собственности, рейдерских наездов, заказных убийств и таких же заказных расследований. За подобными совпадениями незримо стоит общность ментальных установок, устоявшейся практики и пропагандистских клише, унаследованных от имперского прошлого. И его необходимо преодолеть на пути построения современного демократического национального государства.

Региональный тренд

Перед Украиной во весь рост стала проблема найти оптимальную модель объединения двух общественных процессов – проведения модернизации и обеспечения социальной интеграции украинцев как политической нации, осознающей общность исторической судьбы. То есть, в полной мере стать современным государством с надлежащим уровнем безопасности. Имеются ли какие-то обнадеживающие тенденции и зримые перспективы в этом направлении?

Итак, актуализация проблемы безопасности Украины во весь рост ставит вопрос: что же мешает гражданам Украины «научиться жить вместе»? Конечно же, не в последнюю очередь, массированная информационная война, невиданно обострившаяся в ходе последних событий вокруг аннексии Крыма. На авансцене общественной жизни Украины появилось мародерствующее племя циничных по-

литтехнологов, пытающихся «кроить из блохи голенище» (В. Шукшин). Уводя общественное мнение от противоречия между трудом и капиталом, между современным инновационным «самоорганизованным» трудом и устаревшим «родовым» трудом индустриального конвейерного производства, они подхватывают старую песню о каком-то «цивилизационном расколе» Украины, который должен неминуемо поразить это якобы «искусственно созданное лоскутное государство». Разнообразные специалисты по кризисному управлению Украиной оглашают как непреложную истину, что раскол в Украине – это свершившийся факт, потому что, мол, никогда ментальность людей из Донецка не совпадала и не совпадет с ментальностью львовян. Что уже говорить о Крыме, который, дескать, в 1954 году был просто подарен Хрущевым Украине (это отдельный вопрос, который касается целой череды территориальных изменений между Украиной и Россией в годы советской власти, в частности, приращение территорий Курской, Воронежской и Ростовской областей за счет земель, раньше входивших в состав Украины).

В обозначенном контексте вопрос об общности исторической судьбы украинского народа как «граждан Украины всех национальностей» (преамбула Конституции Украины) приобретает особую актуальность и остроту. Даже с поправкой на навязанное нам с имперских времен (и присущее до сегодняшнего дня) понимание толерантности как терпимости, доходящей в практической жизни Украины вплоть до грани самоуничтожения. Действительно, в период стабильного развития к идее «раскола Украины» общественное мнение, как правило, относилось довольно снисходительно - как к одному из экзотических сценариев кучки политтехнологов, желающих дешево пропиарить себя и приобрести пусть и скандальное публичности. Однако в период системного кризиса, когда в обширных регионах Украины зримо происходит захват административных зданий, а в средствах массовой информации рефреном зазвучала идея утраты страной территориальной целостности - большинство людей такие прогнозы пугают, пусть они и излагаются в «цивилизованных» обертках якобы необходимой федерализации страны.

Впрочем, каждая проблема имеет свою историю. Так и идея федерализма в Украине далеко не нова. Не усматривая сто с лишним лет назад ближайшей перспективы отделения от России, многие украинские общественно-политические деятели конца XIX – начала XX века видели выход для своего народа в федерализации России и в дальнейшем постепенном наращивании потенциала украинского

возрождения в рамках существующего государства. Общеизвестно, что в первом Универсале Центральной Рады от 10 (23) июня 1917 года был заложен тезис о неотделимости Украины от России, а провозглашалась лишь ее автономия. Украинцы были не одиноки в оценке недостаточно вызревшего потенциала своей независимости - подобные настроения царили и среди других национальностей России, даже среди части поляков и финнов. Поэтому на съезде народов и областей России, который был создан в Киеве 8-15 сентября 1917 года по инициативе Центральной Рады в составе 86 делегаций различных регионов бывшей Российской империи, была принята резолюция «О федеративном устройстве Российской державы». В ней речь шла лишь о необходимости отказа от чрезмерной централизации законодательной и исполнительной власти России и целесообразности перехода к федеративному обустройству государства. Кроме того съезд выступил против русификации народов бывшей Российской империи, за их право на родной язык, широкое развитие национальных культур. Русский язык при этом признавался общегосударственным, а на местах предусматривался принцип добровольности установления того или другого языка.

От идеи федерализма Центральная Рада отказалась лишь с принятием 9(22) января 1918 года IV Универсала, который провозглашал самостоятельность и независимость Украинской Народной Республики. Вернее – вопрос о федеративных связях с республиками бывшей Российской империи был оставлен на последующее рассмотрение Украинским учредительным собранием. На повестку дня были вынесены вопросы, не терпящие отлагательств: Универсал назначал перевыборы местных органов власти; устанавливал сроки передачи социализированной земли – к началу весенних работ; провозгласил государственный контроль над банками и важнейшими отраслями торговли; обязал Раду Народных Министров немедленно приступить к модернизации промышленности. Однако, при этом было провозглашено о полном роспуске армии и организации вместо нее народной милиции. Последнее решение оказалось фатальным – 29 апреля 1918 года власть Центральной Рады была низвергнута, и в Украине был установлен режим гетмана П. Скоропадского. В конце концов, дело дошло до победы большевиков и образования СССР, в пределах которого Украина приобрела статус «всесоюзной кочегарки» (В. Ленин).

После провозглашения независимости Украины в 1991 году идея федерализации Украины неожиданно всплыла, когда лидер

Народного Руха Украины Вячеслав Черновол инициировал созыв так называемой Галицкой ассамблеи. Хотя эта ассамблея и послужила одним из катализаторов украинской независимости, она же впоследствии и дала повод для обвинений Черновола в сепаратизме. В конечном итоге, с принятием в 1996 году новой Конституции, Украина утвердилась как независимое унитарное государство. В период президента Леонида Кучмы вопрос о федерализме, казалось бы, был снят навсегда.

Однако, в период «оранжевой революции» 2004 года инициаторы федерализации уже появились на востоке страны. В частности, Луганский облсовет предложил создать Юго-Восточную Украинскую Автономную Республику (ЮВУАР) и обратился за поддержкой к Москве. Кроме того, участники съезда Партии регионов в Северодонецке решили поставить этот вопрос на референдум. На ситуацию надо было как-то реагировать. По итогам северодонецких инициатив было возбуждено уголовное дело, которое, впрочем, впоследствии было закрыто. Накал страстей поутих, хотя и поднимался впоследствии некоторыми депутатами в виде законопроекта о децентрализации власти⁵⁴⁶.

Глобальный кризис капиталистической мир-системы, приобретающий в Украине форму системного кризиса, снова вынес на повестку дня тезис о «разделе Украины». Главным образом он стал прерогативой целого сонма разнообразных «экспертов» на страницах Интернета, вплоть до астрологических прогнозов небезызвестного Павла Глобы. Казалось бы, этими писаниями можно было бы и пренебречь, если бы они не оказывали влияния на формирование неадекватного восприятия реалий украинской жизни в общественном сознании. В частности, представители «восточного лагеря политтехнологов» прибегли к своим излюбленным экономическим аргументам, которые якобы неопровержимо свидетельствовали о том, что восточные области – Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская и Харьковская – всегда были и остаются регионами-донорами бюджета. А Галичина и все прочие «западенцы», дескать, всегда были и остаются иждивенцами на государственной дотации. То есть, обществу навязывалось мнение, что пока представители западных областей Украины организуют всевозможные демонстрации и бастуют, то в это же время жители восточных областей Украины работают и кормят всю страну.

⁵⁴⁶ Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>.

Однако взвешенный анализ показывает, что это утверждение ныне далеко от истины. Уходя от оценок украинских экспертов, которых при желании кто-то мог бы обвинить в политической ангажированности, обратимся к независимому анализу известного российского экономиста Андрея Илларионова. Проанализировав региональную структуру распределения населения и экономической активности в современной Украине, он пришел к выводу, что в последние два десятилетия между макрорегионами Украины (Запад и Центр в сравнении с Востоком и Югом) произошли весьма серьезные, можно даже сказать, тектонические сдвиги.

Это видно, прежде всего, по динамике Валового регионального продукта (ВРП). Так, за его словами, «за 17 лет кумулятивный экономический рост на Западе и в Центре был почти вдвое более быстрым (прирост ВРП на 60,7%), чем на Востоке и Юге (на 35,2%). Прирост производительности труда на Западе и в Центре также был более высоким, чем на Востоке и Юге, так что относительные уровни производительности труда (относительно среднего уровня по Украине) поменялись на противоположные. Если еще в 1995 г. Восток и Юг имели более высокий показатель ВРП на душу населения, чем Запад и Центр (101,6% против 98,5%), то в 2012 г. уже Запад и Центр заметно опережали по этому показателю Восток и Юг (на 9,1%, 104,3% против 95,2%). Изменение соотношений в межрегиональных уровнях доходов на душу населения происходили в том же направлении, однако с заметным запаздыванием по времени и масштабам. Опережение Запада и Центра над Востоком и Югом является минимальным (на 2%). Таким образом, можно сказать, что в настоящее время перераспределение финансовых потоков идет, похоже, с Запада и Центра в пользу Востока и Юга. Тем не менее, изменения демографической макроструктуры Украины соответствуют изменениям в структуре экономической активности. Если в 1992 г. на Западе и в Центре проживало 51,4% всего населения страны, то в 2012 г. этот показатель увеличился до 52,9%»⁵⁴⁷.

Данные украинских СМИ подтверждают эту тенденцию. К примеру, Донецкая область за первые полгода 2013-го получила из госбюджета больше, чем ему отдала. Обогнал ее в этом только Киев. В то же время Львовская область перечислила в госбюджет на 356 миллионов гривен (80 миллионов долларов) больше, чем получила от него. На одного донетчанина на шесть месяцев прошлого года

⁵⁴⁷ У Корзуна – Андрей Илларионов / Украина в поисках идентичности. – Доступно: <http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html>].

пришлось 2 126 гривен, перечисленных области из госбюджета, а на каждого львовянина – 140 гривен. В бюджете 2014 года на поддержку шахт в Донбассе опять предусмотрено около 16 млрд. грн., да и восстановление инфраструктуры (дороги, объекты ЖКХ) также происходит за счет госбюджета. Без поддержки центра Донбассу пришлось бы очень туго. В итоге, как подсчитали журналисты, реальных «кормильцев» в Украине осталось только три – Харьковская, Днепропетровская и Полтавская области. При этом последнюю область в привычном понимании уж никак нельзя было отнести к «востоку» страны⁵⁴⁸.

Приведенные данные в какой-то степени отражают и объясняют тот политический сдвиг, который произошел в Украине после «крещенского противостояния» 19 января 2014 года, когда «Правый сектор», проигнорировав предостережения лидеров мирного Евромайдана, перешел к силовому противостоянию с бойцами «Беркута». Эти события, судя по всему, напрямую были связаны и с захватом зданий областных администраций во Львове, Ровно, Ивано-Франковске и в Тернополе, а также последовавшими за ними событиями на Волыни, в Черновцах, на Полтавщине и в Черкасах. Некоторые политологи тут же дали оценку этим акциям: их следует рассматривать не как свершившийся сепаратизм, «но как возможное начало процесса, который может закончиться переустройством Украины по типу конфедерации или федерации»⁵⁴⁹.

Случилось так, что в головах доморощенных идеологов так называемых Луганской и Донецкой «республик» возобладало восприятие феномена Евромайдана не как «антикриминальной революции», а как рейдерской атаки по захвату государственной собственности и переделу активов конкурентов. В своих интервью на российских телеканалах они трактуют события таким образом, что, дескать, «киевская хунта» захватила контроль над Западом и Центром Украины, Игорь Коломойский – над частью Центра и Югом, а мы, дескать, над Востоком страны. Однако против нас почему-то бросили силовиков, с нами не хотят договариваться, нас убивают. Создается такое впечатление, что речь идет не о целостности государства, а о необходимости «забить стрелку» и решить вопрос об огромных залежах Юзовского месторождения сланцевого газа, запасы которого могут достигать нескольких триллионов кубических метров.

⁵⁴⁸ Звездный десант // Фокус, – 2014, – №10(373). – С.18.

⁵⁴⁹ Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>.

В создавшихся условиях ажиотажа вокруг «большого передела» все разговоры о статусе русского языка выглядят просто нелепыми. А ведь речь никогда не шла о запрете русского языка, а лишь о необходимости пользоваться государственным языком в государственных учреждениях. Эта практика доминирует во всех странах мира, а потому вызывает лишь сожаления те 6,5% населения, которые, согласно социологическим опросам, демонстративно выступают против обязательного знания украинского языка.

Казалось бы, нет никаких причин ставить под сомнение «общность исторической судьбы» Украины, если только не ставить во главу угла передел собственности. Но именно последний фактор и толкает особо алчных «приватизаторов» пойти на риск государственного распада, и этот риск, хотя и незначительный, все же постоянно присутствует и вносит беспокойство в ряды украинского бизнеса. Так, за территориальное единство на пути евроинтеграции выступил ряд украинских олигархов. В интервью от 13 декабря Ринат Ахметов, в частности, призвал политиков сесть за стол переговоров, дабы не допустить возможного раскола страны: «Я убежден, что сейчас, в сложный момент для нашей страны, очень важно иметь холодные головы и взвешенный подход. Одним словом, должен победить здравый смысл. Я – за сильную, независимую и целостную Украину. Мы – одна страна, и ее делить не нужно. Я – за стол переговоров. Чтобы политики, власть, оппозиция, моральные лидеры страны сели за стол переговоров и приняли то решение, которым мы будем гордиться. Повторюсь, гордиться, а не стыдиться. То решение, от которого выиграет Украина и каждый украинец как в краткосрочной, среднесрочной, так и долгосрочной перспективе. Этот стол я бы назвал столом мира, компромисса и будущего нашей страны. И пусть за этим столом политики потеряют свои рейтинги. Но самое главное, чтобы рейтинг Украины пошел вверх»⁵⁵⁰.

Такая постановка вопроса соответствовала злобе дня. Национальная идентичность Украины – центральный вопрос, которым была пропитана вся атмосфера Майдана. Этот вопрос постоянно присутствовал в ситуации конфликта, и еще долго будет присутствовать за всеми последующими событийными перипетиями. Вопрос стоит даже шире: ныне идет глубинный поиск цивилизационной идентичности «проекта будущего» перед вызовом все более глобализирующегося мира. Но вразумительного ответа на этот вызов пока

⁵⁵⁰ Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. – Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html>.

нет, да и вряд ли он будет предложен кем-то со стороны. Этот путь Украина будет искать для себя сама.

Тренд национальной идентичности

В социальных науках стало общим местом положение, что национальная идея не может быть воплощена в каком-то документе или законе, а является «ежедневным плебисцитом» в плоскости кардинальных вопросов национальной идентичности: «позади – наследие славы и раскаяние, впереди – общая программа действия» (Э. Ренан). Ежедневный плебисцит – это постоянное обсуждение страной своих проблем и перспектив. Долгое время в Украине вместо общественного диалога практиковалась парочка политических ток-шоу, где специально отобранные политики спорили друг с другом с перерывом на рекламу. Временами это зрелище было просто захватывающим, но гнусным по существу – оно не имело никакого отношения к диалогу власти и народа. Этот эрзац призван был растлить процесс формирования политической нации и подвести к выводу о несостоявшемся украинском государстве. Дескать, что можно говорить о народе, который не то что не имеет общей программы действий, но даже и не представляет себе, какой она должна быть? А эти ток-шоу наглядно иллюстрировали бессмысленность политической трескотни.

Евромайдан перечеркнул эти домыслы в главном: гражданское общество показало, что оно переросло своих политиков – как представителей власти, так и некоторых «наказных атаманов» реестровой оппозиции. Не преуспев в процессе выработки «идентичности проекта будущего» – это еще предстоит сделать новым лидерам страны – гражданское общество берегло и приумножало тот морально-нравственный императив, который так удивлял зарубежных представителей СМИ. Обывателю, как доморощенному, так и европейскому, стало ясно, что за сотню долларов люди не пошли бы через пламя пылающих шин на смерть от пули наемных снайперов. Они шли отстаивать свою честь и достоинство. Именно поэтому сейчас их и пытаются ошельмовать, навешивая ярлыки «бандеровцев» и «фашистов». Именно поэтому на востоке и юге Украины не утихает война национальных флагов, когда украинские символы государственности силовыми методами меняют на символы соседнего государства и при этом жалуются, что Киев их «не слышит».

А тем временем национальные символы для украинцев в процессе становления как «идентичности сопротивления», так и «идентичности проекта будущего» играют первостепеннейшую роль. Свидетельство этому – драматические события Евромайдана, когда ежедневно, а особенно в минуты силовых штурмов спецназовцев люди погибали под пение национального гимна. И это была не телевизионная картинка – на карту была поставлена жизнь своя, детей и их будущего.

Что нам скажет на этот счет социологический опрос, проведенный наиболее авторитетным в Украине Центром Разумкова в 2012 году, когда мы еще утешали свою душу обстановкой «стабильности»? На поставленный вопрос – «Как Вы относитесь к наведенным атрибутам независимого украинского государства?» – ответы «горжусь» или «отношусь положительно» были следующие (в порядке очередности): (1) флаг Украины – 37,9% и 56,2%; (2) Герб Украины – 29,9% и 57,6%; (3) Гимн Украины – 30,1% и 52,2%; (4) Украинская гривна – 22,8% и 67%; (5) Государственный украинский язык – 35,8% и 54,7%. То есть, для свыше 90% украинских граждан национальные символы были или предметом гордости, или же к ним относились положительно. Не является ли это свидетельством видения украинской государственности как «своей» в идеале. Далеком, впрочем, от будничной реальности, когда в общественном мнении требовательность к государству на пути евроинтеграции постоянно возрастает, а социальная политика государства все чаще подвергается острой критике со стороны нарождающегося гражданского общества⁵⁵¹.

Ориентируясь на построение социально ответственного государства европейского типа, украинцы довольно трезво и взвешенно оценивают свои шансы и перспективы на пути евроинтеграции из-за массы нерешенных социально-экономических и политических проблем. Снова обратимся к социологическим опросам. На вопрос – «Является ли Украина европейским государством?» – утвердительно ответили «да»: 76,6% – «в географическом смысле»; 58,3% – «в историческом»; 41,9% – «в культурном»; 23,6% – «в политическом»; 17,1% – «в социальном»; 12,7% – «в экономическом». То есть, население Украины отчетливо понимает, что для достижения социально-экономических, политических и культурных параметров, присущих

⁵⁵¹ Опитування: Як Ви ставитеся до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка 2011–2012)// Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779

современной Европе, нашей стране придется приложить немало сил и старания⁵⁵².

Тем не менее, нельзя не отметить и то, что и «оранжевая революция» 2004–2005, и Евромайдан 2013–2014 годов послужили большим толчком к преодолению имперского прошлого, к переориентации на евроинтеграцию. Процесс этот еще предстоит осмыслить, но пока, лишь для иллюстрации (хотя на этом кто-то и попытается спекулировать), узнаваемым образом этого процесса преодоления прошлого может послужить хотя бы массовый демонтаж памятников Ленину. Конечно, все эти памятники (как и их демонтаж) всего лишь миф, но за этим мифом стоит такое весомое понятие как сплочение народа вокруг какого-то определенного символа. Евромайдан показал, что сегодня таким символом является не Ленин, а национальный гимн и флаг, а также флаг Европейского Союза. Причем европейская символика вывешивалась не вместо украинской, а рядом с ней, чего мы не видим в Донбассе, где украинская символика грубо попирается, сжигается, а на ее место водружается символика другого государства. И значение этих тревожных событий принципиально отличное: с одной стороны – ожидание перемен, а с другой – возвращение имперского прошлого на круги своя. Ведь под различной символикой собрались люди не для решения сугубо идеологических, а прежде всего своих насущных жизненных вопросов.

Мы уверены, что и российскому читателю несложно вникнуть в сущность этих вопросов. Социологические опросы последних лет показывали, что и украинцев, и россиян, волновали, прежде всего, одни и те же социально-экономические проблемы. Наиболее важные из них – экономические. Однако, для украинцев эти проблемы были намного острее: разрыв составлял практически 30%: на них акцентировало внимание 78% украинцев и 48% россиян. Острота экономических вопросов стала определяться уже в первые годы президентства Януковича. Если в марте 2010 года сразу же после президентских выборов 46% украинцев надеялись, что их благосостояние будет улучшаться, то уже в декабре пошла полоса разочарований – цифра ожиданий сократилась до 16%. Показательно, что в разрезе регионов показатели разочарований практически не отли-

⁵⁵² Опитування: Чи є Україна європейською державою?// Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?Ing=UKR&&poll_id=673&&address=poll.

чались: ухудшения своего положения ожидали 26% жителей запада-центра и 24% жителей юго-востока⁵⁵³.

Два года спустя ситуация не улучшилась. Летом 2012 года абсолютное большинство опрошенных (78,%) были уверены, что в Украине отсутствует равенство граждан перед законом, и лишь 14% все еще верили, что это равенство существует «в основном», а 3% даже были уверены «в полном равенстве». Впереди списка назревших проблем были: преодоление безработицы (59,3%), преодоление кризиса в экономике, экономический рост (51,8%), повышение общего уровня зарплат, пенсий, стипендий (51,5%), снижение цен на продукты и товары первой необходимости (43,3%) и т.д. (респонденты могли выбрать 10 наиболее значимых для них проблем). А вот идеологические вопросы были смещены в самый конец списка актуальных проблем. Так, если в 2004 году статус русского языка интересовал 8,9% граждан, то в 2012 – 3,9%. При этом в списке из 33 вопросов этот показатель оказался на 31 месте. Самыми незначимыми проблемами в списке оказались: «преодоление конфликта религиозных конфессий» (3,1%) и «вступление Украины в НАТО» (2,9%)⁵⁵⁴.

В мае 2013 года обнажился еще ряд первостепенных проблем. По сравнению с сентябрем 2012 года, наиболее остро выросло количество опрошенных, которые среди основных проблем страны выделили: коррупцию в государственных органах (с 37 до 51%); низкий уровень производства (с 40 до 45%); некомпетентность правительства (с 13 до 22%); а также политическую нестабильность (с 16 до 21%)⁵⁵⁵.

Консолидация общества вокруг необходимости решения основных экономических и политико-правовых проблем современной Украины поставила в затруднительное положение те правящие группы, которые привыкли приумножать свои богатства и властные полномочия, прибегая к известной практике «разделяй и властвуй». Диапазон маневрирования для них разительно сократился: и они попытались выискать линии общественного противостояния в гуманитарной сфере – играя на существующих отличиях отдельных регионов в сфере культуры, языка и исторического наследия. И к

⁵⁵³ ИФАК: Материальные проблемы украинцев волнуют сильнее, чем россиян. – Доступно: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/01/19/810163.html>.

⁵⁵⁴ Статус русского языка оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО – на 33-м. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka>.

⁵⁵⁵ Некомпетентность правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/POLITICS/nekompentnost-pravitelstva>.

тому были определенные предпосылки в состоянии общественного мнения и на них политтехнологи решили сыграть, разжигая отличия до уровня противостояния.

На опасность подобных манипуляций обращали внимание эксперты Центра Разумкова, стараясь вместе с тем дезавуировать их. Так, летом 2007 года они сформулировали постановку вопроса кардинально, можно даже сказать – с некоторым элементом провокации для получения более контрастного, а не размытого ответа. Звучал он следующим образом: «Некоторые политологи и публицисты утверждают, что отличия культуры, языка, исторического наследия западных и восточных украинцев настолько велики, что их можно считать двумя разными народами. Согласны ли вы с этой мыслью?». Ответы в целом по Украине были следующие: «целиком согласен» – 6,4%; «скорее согласен» – 20,1%; «скорее не согласен» – 34,5%; «абсолютно не согласен» – 27,4%; «сложно ответить» – 11,6%. То есть, абсолютно или частично не согласных с тезисом о «двух разных народах» оказалось на уровне 62%, что более чем в 2 раза превышало количество тех, которые тяготели считать «восточных» и «западных» украинцев двумя разными народами. В региональном разрезе удельный вес тех, кто считал украинцев единым народом, был следующим: «восток» – 56,2%; «юг» – 58,3%; «центр» – 65,7%; «запад» – 68,4%. А из этого следовало, что представители западных областей Украины, которых в последнее время так назойливо выставляли в роли русофобов и чуть ли не зоологических националистов, на деле были наиболее открытыми к принятию культурного разнообразия современной Украины⁵⁵⁶.

Однако правящей власти казалось, что вот здесь-то и найдено наиболее слабое звено, которое можно разорвать и посеять, таким образом, рознь и противостояние среди украинцев. Именно шаблонные и примитивные клише о несовместимости мировоззрения «донецких» и «львовских» были до безобразия использованы во время спровоцированного властями гражданского противостояния зимой 2013-2014 годов на Евромайдане. Политтехнологи и подведомственные им закоперщики, пытавшиеся подавить в зародыше политическое пробуждение украинского народа, унижить его гордость и «загнать в стойло» не учли того, что чувство общности исторической судьбы и гражданского единства молодой Украины давно уже перешагнуло реликты «языкового вопроса», присущего в известной

⁵⁵⁶ Опитування: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури... . Доступно: http://razunkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll.

степени для периода «идентичности сопротивления» первого десятилетия независимости Украины.

Замусоленная карта якобы «гонимого русского языка» оказалась битой в силу того, что новое поколение украинских миллениумов внесло в общество свежую струю толерантности к культурно-языковому своеобразию своих «Иных» граждан Украины. Так, в ходе опроса в мае 2013 года, был поставлен вопрос: «Что вы чувствуете, когда незнакомый человек обращается к вам на украинском/русском языке? Ответы были следующие: «мне это приятно» – 37,8% на украинском и 15,4% на русском; «ничего особенного не чувствую» – соответственно 59,4% и 75,6%; «мне это неприятно» – 1,2% и 5,6%; «трудно ответить» – 1,7% и 3,5%. То есть, для свыше 90% граждан Украины «языкового вопроса» как такового не существует, и только для 1,2% неприятно, когда к нему обращаются на украинском, и для 5,5% некомфортно, когда к нему обращаются на русском. Как нам представляется, трудно найти в мире аналогичный уровень толерантности в языковом вопросе, как среди граждан Украины. На каком же основании строятся все эти пропагандистские ярлыки о «бандеровцах» и «экстремистах»?⁵⁵⁷.

Тенденция к снижению остроты языкового вопроса определилась уже после «оранжевой революции», когда взошли первые всходы гражданского общества Украины. Тогда в 2006–2008 годах появился такой феномен как увеличение показателя «два родных языка» за счет уменьшения показателя «один родной язык». Тогда в мае 2006 года социологами был сформулирован вопрос: «Какой язык для вас есть родной?». Ответы последовали следующие: украинский – 51,4% , русский – 30,7%, и **украинский и русский одновременно – 15,6%**, другой язык 1,1%, сложно ответить – 0,6%. Однако уже два года спустя, в октябре 2008 года, полученные результаты значительно отличались: украинский – 43,7%, русский – 26,0%, и **украинский и русский одновременно – 28,7%**, другой язык – 0,9%, тяжело ответить – 0,7%. То есть, **только за два года количество тех, для которых оба языка – и украинский, и русский – стали одновременно восприниматься как родные, увеличилось на 13,1%**. Такая динамика, судя по всему, свидетельствовала

⁵⁵⁷ Що ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? // Центр Разумкова. – Доступно: <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896>.

о доминирующем тренде, который лишь набирал обороты в последующие годы⁵⁵⁸.

Что уже говорить об активистах Евромайдана. Как свидетельствуют его участники, в течение трех месяцев на нем слышалась как русская, так и украинская речь, и далеко неизвестно чья чаще, хотя никто это и не пытался фиксировать: все были объединены одной целью – отстранить от власти криминальную клику. Но означает ли стремительная политизация текущего момента, что культурное разнообразие регионов Украины нивелируется или даже игнорируется в общественном мнении (речь, собственно, идет о нем, а не государственной политике, за неимением таковой). Вопреки всему каждый народ несет в себе громаднейший культурно-духовный и интеллектуальный потенциал, унаследованный от предшествующих поколений, и именно в этом культурном разнообразии и содержится неиспользованный до сих пор громадный потенциальный ресурс вхождения Украины в европейскую цивилизацию. Культурная традиция не является альтернативой гражданскому единству, а составляет его духовную сердцевину. В этом показателе динамика тренда особенно разительная – ведь речь идет о гуманитарной составной человеческого бытия, стремящейся к консервированию и тщательному отбору своего духовно-морального императива.

Итак, сравним показатели 2006 и 2007 годов (новейших исследований мы просто не нашли), когда был задан вопрос: «К какой культурной традиции вы себя относите?». Ответы были следующие: «к украинской» – 56,3% в 2006 году и, соответственно, 57,9% в 2007 г.; «к советской» – 16,4% (19,4%); «к русской» – 11,3% (10,1%); «к обще-европейской» – 6,6% (6,4%); «к другой» – 1,5% (1%); «сложно ответить» – 7,9%; (5,2% соответственно). Напрасно в этом процессе выискивать «перетягивания каната» в контексте «чья возьмет – украинская или русская традиция». Резервом для пополнения «украинской традиции», судя по всему, служит контингент так называемой «советской традиции», который чахнет с уходом старшего поколения, а новый миллениум пополняет ряды «украинской традиции». Последователи «советской традиции» в 2007 году составляли 30,8% среди контингента «60 лет и старше», и только 6,8% в составе молодежи «18-29 лет». Поэтому в старшей возрастной группе сторонников «украинской культурной традиции» было 52,4%, а среди молодежи – 65,3%. Удельный вес сторонников «русской культурной традиции»

⁵⁵⁸ Опитування: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006–2008) // Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290.

стабилизировался приблизительно на одном уровне: 9,5% среди старшей возрастной группы и, соответственно, 9,7% – среди молодежной. Однако о своей принадлежности к «общеевропейской культурной традиции» уже заявило 9,7% молодежи и лишь 2,9% людей пожилого возраста⁵⁵⁹.

Были ли основания драматизировать отмеченные тренды как таковые, что якобы несут в себе угрозу раскола общества. Абсолютно никаких! На вопрос – «Какая культурная традиция будет преобладать в Украине в будущем (через 20–25 лет)?» – респонденты ответили (первый показатель – за 2006, а второй – 2007 год): «украинская» – 35,4% и 37%; «в разных регионах будут преобладать разные культурные традиции» – 21,7% и 24,7%; «общеевропейская» – 16,1% и 17,8%; «русская» – 2,1% и 3,3%; «советская» – 1,3% и 2%; «другая» – 1,3% и 0,7%; «сложно ответить» – 22,1% и 14,6%.

Эти показатели свидетельствуют, что участники опроса не идентифицировали свою региональную (преимущественно русскоязычную) культурную традицию как «русскую». Поэтому на Юге Украины в 2007 году перспективу для «региональной культурной традиции» видели 35%, а для «русской» – 3%. Соответственно на Востоке Украины – 31,3% и 6,7%; в Центре Украины – 19,2% и 1,4%. Даже в западном регионе, который сегодня так настойчиво изображают как «бандеровский» и сплошь «экстремистский», в 2007 году верили, что будет преобладать украинская культурная традиция всего лишь 49%; что в различных регионах будут свои традиции – 14,2%; что «общеевропейская» – 22,5%; а «российская» – 0,9%. Все эти показатели зримо свидетельствовали о том, что на уровне гражданского общества, народной жизни, быта и традиций, в целом был достигнут общественный консенсус, который не давал никаких оснований для угрозы национального экстремизма⁵⁶⁰.

Это успокаивало и даже расслабляло. На государственном уровне эту проблематику практически вывели из поля зрения. Министерство по делам национальностей и миграции, которое в свое время заложило неплохую законодательную базу, было переформировано в Государственный комитет Украины по делам национальностей и религий, а потом, после череды реорганизаций, и тот был

⁵⁵⁹ Опитування: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю). – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=6938&&address=poll.

⁵⁶⁰ Опитування: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20–25 років)? (динаміка 2006–2007) (регіональний, віковий розподіл та розподіли за національністю). – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700.

распущен. Проблемы национальных меньшинств вменили в обязанность малочисленному подразделению Министерства культуры Украины, которое было в состоянии разве что «сопровождать» стихийно развивающиеся процессы. Стоит ли удивляться, когда вот эта «стихия» была оседлана «казачками» – засланными и доморощенными, – которые всегда пребывали на глубокой периферии политических процессов, не набирая и необходимых 5% для победы на выборах в Верховную Раду.

После президентских выборов 2010 года к власти пришли люди, которые в лучшем случае имели представление о том, как управлять производством и получать барыши, но, как показала практика, были абсолютно несведущи в управлении социальными процессами. Как следствие – социум был взорван, связь между гражданским обществом и властью была полностью разрушена, и не нашлось необходимых институтов, которые могли бы развязать конфликт в зародыше, обуздав волну негодования. В итоге в стране обнажились три незавершенных процесса: «борьба за суверенитет, модернизация страны, формирование единой политической украинской нации»⁵⁶¹.

Предварительные итоги

В апреле–мае 2014 года Украина сосредоточилась на президентских выборах. Введение чрезвычайного положения или другого режима, который бы поставил под сомнение результаты выборов, было бы крайне нежелательным. А потому и политика страны в отношении обеспечения единого правового поля выглядела, мягко говоря, несколько вялой и не всегда эффективной. Регионы страны как бы присматривались друг к другу в ожидании действенных встречных шагов по консолидации общества перед лицом расширения очагов военных действий и угрозы дальнейших потерь территориальной целостности страны.

Результаты выборов 25 мая 2014 года (по экзит-полу на момент подачи статьи) подвели черту под нелегкий период легитимации государственной власти Украины. Во-первых, Петр Порошенко был избран президентом с большим отрывом в первом туре голосования, что неопровержимо свидетельствует о единстве политических уст-

⁵⁶¹ Революційна ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів // Центр Разумкова. – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&address=expert.

ремлений гражданского общества. Во-вторых, впервые за всю историю независимой Украины новоизбранный президент победил во всех областях Украины, прервав «дурную бесконечность» традиционного раздела на «гетманов» правобережных и левобережных. В третьих, более 90% голосов было отдано за кандидатов, отстаивающих принцип унитарного государства и отвергающих любые варианты федерализации. В-четвертых, никогда еще за годы независимой Украины не ощущалось такого отсутствия любого административного давления на волю избирателей. В-пятых, был невиданный до сего дня массовый наплыв избирателей на участки (официально названная явка – более 60% избирателей – объясняется невозможностью свободного волеизъявления жителей Крыма, Донецкой и Луганской областей, а это свыше 6 млн. объективно отсутствующих людей).

То есть, новоизбранный президент получил огромный кредит доверия от общества, которое надеется, что полное уважение к демократии, правам человека и верховенству права должно быть единственным способом гарантирования украинскому народу процветания и мирного будущего. По их значимости, эти выборы можно приравнять к декабрьскому референдуму 1991 года о независимости Украины.

Их весомость важна и в плане опровержения всех тех стереотипов о якобы установлении в Украине «крайне правого режима хунты». Даже лидер Правого сектора Дмитрий Ярош, которым кое-кто пугал взрослых и детей (вспомним хотя бы появление на первом российском телеканале фейкового сообщения о 37% голосов, якобы набранных Ярошем), набрал всего лишь 0,9% голосов. С теми же результатами пришел к финишу и лидер «Свободы» Олег Тягныбок – 1,3%. О лидере коммунистов Петре Симоненко (1,1% голосов) вообще можно говорить как о реликтовой фигуре на политическом поле Украины.

Были ли эти результаты выборов неожиданными. Вряд ли. В конце декабря, с появлением Евромайдана в нашей стране, стало ясно – гражданское общество заявило о себе как о весомом субъекте в общественной жизни Украины. Параметры этого феномена были замерены социологической службой Центра Разумкова еще в период с 21 по 25 декабря 2013 года. Они засвидетельствовали о том, что подавляющее большинство жителей всех макрорегионов (от 88% на юге до 99% на западе, а по Украине в целом – 95%) воспринимают Украину как свою Родину. Более того, 84,5% респондентов считают

себя патриотами Украины (в западном регионе – 94%, в центральном – 88,5%, в восточном – 81%, в южном – 72%). Большинство граждан Украины отрицательно относятся к идеям федерального уклада (отрицательное отношение выразили 61%, положительное – лишь 16%). Еще ниже уровень поддержки получили идеи отделения области (региона) от Украины и присоединения к другому государству (не поддерживают – 81%, поддерживают – 6,5%). Такое же отрицательное отношение фиксировалось при прочих вариантах: создание независимого государства на основе юго-восточных областей Украины (соответственно 80% и 6%), отделение юго-восточных областей от Украины и присоединения к России (соответственно 80% и 7,5%), образование на территории нынешней Украины двух независимых государств – 1) на основе юго-восточных областей и 2) на основе западных и центральных областей (не поддерживают такую идею 77% опрошенных, а поддерживают – 7%).

Таким образом, ставка на широкую поддержку населением Украины сепаратизма выглядела уже тогда совершенно призрачной. Согласно опросу, всего 5,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и присоединилась к другому государству (такое желание выражают 2,5% опрошенных в западном регионе, 0,5% – в центральном, 9% – в восточном, 13 – в южном регионе). При этом, 4,5% респондентов хотели бы, чтобы их область вышла из состава Украины и создала свое независимое государство (такое желание выражают 3% опрошенных в западном регионе, 1% – в центральном, 5% – в восточном, 13% – в южном регионе). А в целом, **61% участников опроса не считали, что между западными и восточными регионами Украины существуют настолько глубокие политические противоречия, языковые и культурные отличия, экономические диспропорции, что в перспективе они могут разъединиться и (или) создать свои собственные государства, или же войти в состав различных других государств**⁵⁶².

Таким образом, идея федерализации Украины объективно не должна была находить себе поддержки в общественном мнении страны. Наоборот – уже тогда складывался консенсус, что вопрос федерализации возникает лишь в том случае, когда у действующей

⁵⁶² 95% жителей Украины считают ее Родиной – опрос. : Новости УНИАН. – Доступно: <http://religions.unian.net/religionssociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoey-rodinoy-opros.html>.

власти земля уходит из-под ног. Федерализация в понимании украинцев – это перераспределение полномочий из центра в пользу губернаторов, где от их самоуправления будет страдать местные территориальные общины. Поэтому реальные проблемы сегодняшней децентрализации власти и управления, считают аналитики, не имеют ничего общего с федерализацией. Украина нуждается в системных изменениях в сторону перераспределения полномочий к местным территориальным общинам, где они могут быть максимально приближены к проблемам простого человека.

Но это пока на уровне ожиданий. На практике же в марте-мае 2014 года пришлось осуществить назначение наиболее крупных олигархов на посты губернаторов тех областей юго-востока страны, где федерализация во многом де-факто уже произошла – Игорь Коломойский (Днепропетровская область), Сергей Тарута (Донецкая область), Владимир Немировский (Одесская область) и другие. В этих регионах на практике в течение всего периода независимости Украины уже были частично созданы отдельные экономические пространства. Более того, значительная часть из этих регионов по большому счету вообще не была по-настоящему интегрирована во всеукраинский рынок, поскольку эти регионы всецело зависят от экспорта. К тому же в них было создано собственное информационное пространство: свой набор определенных каналов, образовательных, культурных и других составляющих.

Остается надеяться, что эти назначения – дело временное (кстати, после известных событий в Одессе был назначен новый губернатор – Игорь Палица). С одной стороны, в силу обстоятельств, при помощи этих назначений олигархов была осуществлена попытка хоть как-то пресечь сепаратистские тенденции. Но, с другой стороны, есть понимание того, что если децентрализация в сторону территориальных общин создает условия для малого и среднего бизнеса, то федерализация – это путь к закреплению в них позиций крупного капитала. Однако, что особенно важно в текущем моменте, это то, что многие крупнейшие бизнесмены впервые за всю историю независимости открыто выступили в защиту геополитических интересов Украины. И это вносит хоть какой-то элемент оптимизма в час, когда нерушимость границ и территориальная целостность государства поставлена под вопрос. А это та «красная черта», через которую преступать нельзя.

И, наконец, не следует забывать и международное значение этих выборов. Даже если абстрагироваться от официальных по-

здравлений Петра Порошенко со стороны президентов и глав правительств ведущих государств мира, то все же будет уместно процитировать слова французского ученого, публициста и гражданского деятеля Бернара-Анри Леви: «Думаю, совершенно реально – Украина не утонет. И я верю, что она не потерпит крушения. Ибо если потонет Украина – потонет и вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны»⁵⁶³. Насколько дальнейшая судьба Украины будет связана с Россией – покажет будущее. Жить нам придется все равно рядом, значит надо находить общий язык.

Однако, какую же судьбу уготовила себе сама Украина? Пока что приходится исходить из того, что идем мы в свое будущее как бы наощупь – путем проб и ошибок. Все проблемы и трагедии, с которыми столкнулась Украина на переломе 2013–2014 годов – прежде всего результат этих проб и ошибок, которые всем нам еще предстоит проанализировать и осмыслить. Однако уже сегодня следует задуматься над библейским вопросом – «*Quo vadis, Domine?*» (*Куда Ты идешь, Господи*), – который две тысячи лет назад поставил апостол Петр перед Иисусом Христом. И услышал ответ «Я иду в Рим на второе распятие»... Пережив распятие Голодомором в составе СССР, примет ли Украина судьбу второго распятия в форме государственного раскола Украины и вхождения в новое имперское пространство?

Кризис, как выбор пути, заставляет нас задуматься. Ведь с философской точки зрения фраза «Куда ты идешь?» является предложением (в форме вопроса), осмыслить, правильно ли мы живем, туда ли идем в своей жизни, верны ли наши жизненные цели и ценности.

Литература

1. Отношение украинцев к России радикально ухудшилось – опрос. – Доступно: http://news.liga.net/print/news/politics/1633262_otnoshenie_ukraintsev_k_rossii_ukhudshilos_opros.htm.
2. Почти 70% украинцев выступают против второго государственного языка – Общество: деловой новостной сайт Дело Украина – Доступно: <http://delo.ua/ukraine/pochti-70-ukraincev-vystupajut-protiv-vtorogo-gosudarstvennogo-j-234322/>.
3. Ежедневный журнал: Медиафрения. Демаркация. – Доступно: http://ej.ru/?a=note_print&id=25038.
4. Скибицкая Ю. На отдых – без россиян // Сегодня, - №91.- 25 апреля 2014. – С.7.

⁵⁶³ Леви Б.–А. «Если потонет Украина – потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» // Зеркало недели. - 2014. - №18(164). – 23 мая. – С.5.

5. Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля. – Доступно: <http://injsmi.ru/usa/20111102/177005474.html>.
6. Гальчинский А. Глобальні трансформації / А.Гальчинський. – Либідь, 2006. – С.251.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.
8. Полищук О. Путиноборец Тарута // Власть денег. - №10-17. – март-апрель 2014. – С.34.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Доступно: http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.
10. Там же.
11. Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. Журнальный зал / Вестник Европы, 2005, №16 / – Доступно: <http://magazines/russ/ru/vestnik/2005/16/ia5-pr.html>.
12. Там же.
13. Там же.
14. Третью россиян считает соглашение Украины с ЕС предательством. – Доступно: <http://www.levada.ru/print/25-11-2013/tret-rossian-schitaet-soglashenie-ukrainy-s-es-predatelstvom>.
15. Опрос: Россияне считают протесты на Украине государственным переворотом. – Доступно: <http://www.levada.ru/11-02-2014/opros-rossiane-schitaut-protesty-na-ukraine-gosudarstvennym-perevorotom>.
16. Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>.
17. У Корзуна – Андрей Илларионов / Украина в поисках идентичности. – Доступно: <http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html>].
18. Звездный десант // Фокус, - 2014, - №10(373). – С.18.
19. Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины. – Доступ: <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>.
20. Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны. – Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1745080.html>.
21. Опитування: Як Ви ставитеся до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка 2011-2012)// Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779.
22. Опитування: Чи є Україна європейською державою?// Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?Ing=UKR&&poll_id=673&&address=poll.
23. ИФАК: Материальные проблемы украинцев волнуют сильнее, чем россиян. – Доступно: <http://www.rosbalt.ru/ukraine/2011/01/19/810163.html>.
24. Статус русского языка оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО – на 33-м. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka>.
25. Некомпетентность правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад. – Доступно: <http://zn.ua/article/print/POLITICS/ nekompetentnost-pravitelstva>.

26. Опитування: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури... . Доступно: http://razunkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll.

27. Що ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? // Центр Разумкова. – Доступно: <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896>.

28. Опитування: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006-2008) // Центр Разумкова. – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290.

29. Опитування: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006-2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю). – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=6938&&address=poll.

30. Опитування: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20-25 років)? (динаміка 2006-2007) (регіональний, віковий розподіли та розподіли за національністю). – Доступно: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700.

31. Революційна ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів // Центр Разумкова. – Доступно: http://rasumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&adress=expert.

32. 95% жителей Украины считают ее Родиной – опрос. : Новости УНИАН. – Доступно: <http://religions.unian.net/religionsociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoey-rodinoy-opros.html>.

33. Леви Б.– А. «Если потонет Украина – потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны» // Зеркало недели. – 2014. – №18(164). – 23 мая. – С.5.

В ожидании чуда: российское общество после крымских событий

Э.А. Паин
Л.Д. Гудков

Конец политической демобилизации

Эмиль Паин (ЭП): Сегодня мы обсуждаем результаты нашего совместного исследования («Левада-Центра» и моей исследовательской группы из НИУ ВШЭ) под названием «Основные идеологические движения в Рунете и их перспективы в политической жизни России (до 2017 года)». Мы затеяли это исследование для проверки тех данных, которые получили в ходе исследования российской блогосферы и определения того, в какой мере выделенные нами четыре идеологические группы (левые, либералы, националисты и традиционалисты – сторонники власти) представлены за пределами интернет-аудитории.

Мы начинали исследование в одну эпоху, а обсуждаем его совсем в другую. Формулируя гипотезу исследования, мы исходили из того, что живем в эпоху политического безвременья и политической демобилизации населения, которые к тому же специально поддерживаются властью имущими. Это давало им немалые выводы, поскольку блокировало растущее социальное и политическое недовольство. Вот уже несколько лет число россиян, выступающих с критикой партии «жуликов и воров», превышает половину населения страны, но управляемая демобилизация населения значительно компенсировала этот фактор и сокращала возможность крупных брожений и потрясений.

И вдруг произошел переворот политической стратегии, вместо демобилизации людей подвергли беспрецедентной идеологической

накачке, мобилизации. И что любопытно – наш опрос был проведен в начале марта...

Лев Гудков (ЛГ): Прямо в разгар пропагандистской кампании...

ЭП: Да, именно, и всего за несколько дней до объявления о вхождении Крыма в состав России. И что нам показал наш первый результат? Мы ведь боялись, что все идеологические группы, которые мы предварительно выделили после исследования интернет-аудитории, не превысят 10% населения. А они в совокупности составляют почти половину респондентов. Таким образом, половина общества все еще в дреме и только наблюдает за событиями по телевизору, а другая половина мобилизуется, определившись, в большей или меньшей мере, с идеологическим выбором.

Но в результатах опроса меня поразила «шизофреничность» массового сознания, его вопиющая, на мой взгляд, раздвоенность. Относительно наибольшая доля респондентов – 40% – хотела бы видеть Россию в будущем «такой, как развитые страны Запада». Причем, как показывают результаты других опросов вашего же центра, этот выбор модели будущего, в которой Запад выступает как идеал, сохраняется на протяжении многих лет и превосходит по популярности все остальные модели почти в два раза.

ЛГ: Да, это устойчивый показатель. Максимум он достиг еще в 2007 году – 50%.

ЭП: Да, но, с другой стороны, мы видим, что столько же (40%) респондентов с разной степенью положительности (от симпатии до восхищения) относятся к Сталину. Комплекс других ответов на вопросы нашей анкеты позволяет охарактеризовать жителей России (но не Москвы) как все еще советских людей. И каким образом это сочетается с выбором западного общества как идеальной модели?

ЛГ: А почему ты считаешь эти показатели шизофреническими? Это обычное, «нормальное» для массового сознания состояние «мешанины», взвесь разных по своему происхождению стереотипов, мнений, осколков идеологических представлений. Не будучи актуализированными, они составляют ресурс социального воображения, своего рода тезаурус, словарный запас массы или больших групп населения. Они могут упорядочиваться и приходить в какое-то подобие системы, когда общество по тем или иным причинам приводится в «возбужденное» состояние, то есть когда затрагиваются значимые интересы, материальные (стабильности существо-

вания) или идеальные (коллективной идентичности, престижа, гордости и проч.).

Тогда отдельные группы стереотипов, клишированных суждений актуализируются в ответ на тот или иной вызов или провокацию, инициированную СМИ, пропагандой, властями или какими-то чрезвычайными событиями. До момента «включения» эти разнородные представления могут спокойно уживаться в одной голове (что с точки зрения человека, получившего университетское образование и воспитанного в формально-рациональной логике «исключения третьего», есть полный абсурд и вещь недопустимая, ненормальная, «шизофреническая»). Но, как только включается некое «силовое поле» внешнего идеологического воздействия, эти представления немедленно конфигурируются в определенную схему, как железные опилки на листе бумаги, когда к ним снизу подносят магнит.

Каждый из подобных вариантов ответа играет определенную функциональную роль, а это означает, что подобные ответы имеют смысл только в определенной плоскости или в определенных смысловых рамках. Позитивные оценки советских вождей и даже всей советской системы, то, что обычно расценивается как «ностальгия» по СССР, совсем не означает какого-либо желания вернуться в советское прошлое или возможности поворота политического курса. Это означает, что идеализированный образ советского прошлого выступает основанием для критики современного состояния вещей, по-другому выразить недовольство существующим положением вещей массовое сознание не может. Оно вначале рисует образ того, как это должно быть исходя из подправленного образа прошлого, а затем оценивает существующее положение вещей. Дескать, раньше была бесплатная медицина, доступное образование, гарантированная работа, доступное жилье, сейчас за все надо платить, сейчас – все чиновники воруют, чудовищная коррупция, а тогда – был порядок, в таких размерах не брали и т.п.

Но отсылка к прошлому в этом случае обязательна, поскольку нет авторитетных фигур и общественных сил, которые могли бы наметить желаемое будущее, цели развития. Потому мы те или иные наборы мнений и называем «комплексами» представлений, что составляющие их элементы нельзя рассматривать по отдельности, это более сложные структуры, регулирующие (сортирующие, управляющие, оценивающие) другие наборы мнений и взглядов. В массовом сознании, как правило, все идеологические ориентации и взгляды сочетаются, переплетаются между собой в самом причудли-

вом виде. Допустим, вот вы выявили при анализе интернета четкие и как бы непротиворечивые типы идеологических установок: русские националисты, левые, европейски ориентированные либералы и путинисты, сторонники нынешнего «национального лидера».

Все вместе они характеризуют или описывают идеологические представления примерно половины всего населения (в зависимости от жесткости предложений респонденту идентифицироваться с этим установками – от 43 до 55%. Но, что важно, среди тех, чьи взгляды мы характеризуем как «русский национализм» (это самая большая группа), треть поддерживает и лозунги «за европейский выбор России» и треть же – «Путин – наша сила», четверти из них близки лозунги и идеи левых («Вся власть Советам», «Даешь прямое народо-властие!» и т.п.).

То же самое, если мы будем смотреть на тех, кто может быть идентифицирован прежде всего как ярый «путинист»: и среди них оказывается повышенной доля «националистов» или «левых», есть и «европейцы», хотя и в незначительном числе. Другими словами, авторитарный синдром находит свое выражение в определенных идеологических формах или связан с определенным типом социальной личности. Если же мы возьмем более жесткие процедуры идентификации идеологических ориентаций, то размывание определенности самоотнесения или увеличение связей между разными (с нашей точки зрения) идеологическими ориентациями будет лишь усиливаться.

ЭП: Тем не менее четверть века постсоветского времени не прошло бесследно: мы видим по нашему опросу явную рационализацию сознания, особенно у москвичей. Здесь западную модель будущего выбрали 52,2% респондентов, а людей, симпатизирующих Сталину и тоскующих по советским временам, почти вдвое меньше, чем в общероссийской выборке.

ЛГ: Да это так, хотя, как мне кажется, следует принять во внимание модальность этого выбора. В очень большой степени «европейский выбор» – это маниловские грезы, мечтательное представление о том, как хотелось бы жить. А вот как это сделать, это никому не понятно или люди не хотят понимать, принимать на себя ответственность за свое будущее, участвовать в политике, добиваться чего-то.

Напротив, общее мнение сводится к тому, что, конечно, демократия (правовое государство и тому подобные приятные вещи) – наилучшая модель или образец для России, только хотелось бы,

чтобы за нас кто-то ее осуществил. Вряд ли этих людей в целом можно считать «либералами» в узком смысле слова. Поэтому более распространенная неспособность сделать собственную жизнь по западному образцу оборачивается обвинениями в адрес Запада: «А не больно и хотелось!», «У нас особый путь».

«По щучьему велению»

ЭП: Действительно, есть глубинные проблемы культуры, закодированные в образе сказочного героя Емели, сидевшего, как известно, на печи и приговаривавшего: «По моему хотению, по щучьему велению». И когда «по моему хотению» не получается, а какая-то внешняя «щука» не помогает, начинает работать идеология «осажденной крепости». Сегодня 26% населения уверены, что Россия окружена врагами, а ведь 25 лет назад так считали всего 4% жителей страны. Треть населения сейчас полагает, что у страны, вставшей на путь возрождения, всегда найдутся враги. Это же снова тот сталинский лозунг о росте числа врагов народа по мере продвижения к коммунизму, который предшествовал террору 1930-х годов и обосновывал его.

ЛГ: И если мы посмотрим по социально-демографической раскладке ответов на вопросы (по возрасту, образованию, месту жительства респондентов и т.п.), то так считают несколько чаще других именно молодые и хорошо образованные люди.

ЭП: До недавнего времени была очень популярна политологическая «догма»: развитие рынка будет способствовать увеличению доли среднего класса, росту образованного населения, что в результате и приведет к демократии. А что получилось в реальности? Со всем наоборот. И это требует объяснения.

ЛГ: Во-первых, сделаем поправку на специфику нашего так называемого «среднего класса», который радикально отличается от того, что под этим понимается в западных социальных науках. У нас другие принципы социальной морфологии, другие основания для стратификации – в эту категорию попадают гораздо больше госчиновников, государственно зависимых служащих, бюджетников с их патерналистским и державным типом сознания. А во-вторых, следует учесть интенсивность нынешней пропаганды. И, в-третьих, это сознание униженности и беспомощности, уязвимости существования основной массы людей, включая и более зажиточную и экономически благополучную часть.

Пропаганда никуда не убрала и никуда не дела представления о коррумпированном режиме, несмотря на растущие в последние месяцы показатели одобрения Путина (в январе – 50%, в начале марта – 72%, в конце марта – 80%). В этом смысле существующий мобилизационный подъем пока не затронул общественное мнение о характере режима. В представлении населения большинство российских политиков как были, так и остаются алчными, коррумпированными, бессовестными, лживыми и неумными людьми, ставящими себя над законом, не уважающими обычных граждан. Одобрение касается действий высшей власти и только в отношении Крыма. Реанимация имперских настроений, торжество силы, этическая глухота по отношению к Украине – это компенсаторная реакция на хроническое состояние отсутствия самоуважения у людей, превращенное сознание, что да, конечно, по отношению к ним власть относится как к бессловесному ресурсу, но зато «Россия – великая держава» и мы можем заставить кого хочешь слушать нас и подчиняться нам. Поэтому, если посмотреть данные нашего последнего опроса, присоединение Крыма к России свидетельствует прежде всего о «возвращении ее традиционной роли великой державы», утверждающей свои интересы на постсоветском пространстве» (так считают 79%!)). Отношение к Майдану – резко негативное. Причем самое негативное среди образованных москвичей.

ЭП: Сегодня на волне этого пропагандистского успеха выстраивается идеология, которая, кстати, по большому счету уже давно придумана Дугиным, Лимоновым и Прохановым. В основании лежит идея о том, что 1991-й год был предательством и его необходимо отыграть обратно через расширение территории России и защиты русского населения. Но к чему это в результате приводит? Перед началом исследования нам казалось, что самой большой, доминирующей группой будут сторонники действующего президента. Ожидания подобного результата только усилились, когда президент «подарил» населению Крым. Но ничего подобного. Люди, поддерживавшие лозунги «Путин – наша сила!», «Путин наша надежда!», «Кто, если не Путин?» и другие, характерные для безусловных сторонников нынешней власти, согласно нашему исследованию, занимают только третье место (13%) после националистов (27%) и левых (18%), превосходя только либералов (10%).

Итак, на первом месте оказались те, кто поддерживает лозунги националистов. О быстро растущей их популярности мы с тобой говорили и раньше, но сейчас эта группа сделала большой скачок.

Национализм, который так ругали на Украине, у нас оказывается не менее популярным. Пропаганда дала поддержку не столько Путину, сколько этническому национализму, взвинтив и без того высочайший уровень фобий и тревожности.

Но пока государственная пропаганда говорит о том, что современная державническая идеология может стать источником модернизационного прорыва. Есть ли под этим какие-нибудь основания?

ЛГ: Этот патриотический тренд будет иметь слабеющий, но длительный характер – 8–10 лет. Если не будет каких-то экстраординарных событий – внезапного экономического развала, кампании массового террора или что-то в этом роде.

ЭП: Это важно зафиксировать и уточнить. Сейчас в либеральных, вестернизированных кругах многие говорят о том, что пришел конец нынешнему режиму. Но я с тобой полностью согласен, что у него есть ресурс не на месяцы, а на годы. Один знакомый написал мне: «Патриотической ажитации хватит на полгода, через дырки в карманах она быстро утекает». Звучит хлестко, но кто доказал, что эти дырки появятся уже через полгода?

Известно, что экономические санкции, которые Запад вводил даже против маленьких стран, не оказывали того воздействия, на которое он рассчитывал. Это были обычно серьезные ограничения для экономики, а что уж и говорить о тех диетических санкциях light, которые пока применяют к отдельным российским гражданам и организациям? Большее влияние на российскую экономику, несомненно, окажет постепенная переориентация Европы на альтернативные российским источники энергоснабжения. Однако такая переориентация вряд ли станет тотальной и займет не меньше трех-четырёх лет, при этом известно, что санкции, «размазанные» во времени, всегда менее болезненные, чем залповые. К постепенным ухудшениям экономических условий легче адаптироваться, привыкнуть и найти какие-то частные альтернативы, ослабляющие ощущения дискомфорта. К тому же в руках государства остается пропагандистская машина и возможность навязать свою интерпретацию причин неурядиц и даже направить недовольство в свою пользу.

ЛГ: Пропаганда влиятельна, но не всемогуща. Власть большой поддержки на весь этот период она не принесет. Представление о коррумпированности власти не изменится. Сегодняшний рост массового национализма – это неудовлетворенность предыдущей политикой, а также и одобрение нынешних внешнеполитических чрез-

вычайных действий, которые по определению не могут лежать в основании длительной политики. А вот высокий показатель поддержки идеологии левых – это демонстрация популярности государственного патернализма в различных его вариациях: от сталинской до «шведской». Но и это несет в себе сильную критическую компоненту по отношению к власти.

ЭП: Согласен, и у меня нет сомнения в том, что нынешний патриотический подъем не станет для властей ресурсом не только для экономического прорыва, но и для замедления развивающейся рецессии. Сохраняется главный тормоз всего социально-экономического развития – архаичная институциональная система, в которой иерархия бизнес-элит, кланов, различных разновидностей кооператива «Озеро» задана их личными связями с иерархией власти. Такая система не только порождает коррупцию и обуславливает гигантские издержки (разворовывание) бюджетных средств в ходе любых государственных проектов, она еще и парализует стимулы к развитию. При такой институциональной системе ожидания академика Глазьева и близких к нему экспертов на экономический рывок России – это абсолютное мифотворчество.

Но и надежды части либералов на быстрое затухание нынешнего политического режима – это тоже миф. Крайние суждения всегда далеки от истины. При этом хочу отметить заметное сходство культурных оснований для выдвижения противоположных идей в быстро политизирующемся российском обществе. В обоих лагерях оппоненты опираются не на расчеты, они надеются на чудо.

Вернусь к надежде тех либералов, которые характеризуют нынешнюю ситуацию как «агонию режима». Сугубо теоретически можно предположить (хотя реальных оснований для этого пока нет), что социальное недовольство в России через пару лет после 2014 года по своим масштабам сравнится с тем, которое фиксировалось в начале 2005 года, в ходе протестов против так называемой «монетизации льгот». Ну и кто же сможет оседлать это недовольство? Уж во всяком случае не либеральные силы. Дело не только в том, что уровень поддержки их идеологов и политических лозунгов ниже всех других выделенных нами течений. Еще важнее, что либеральное сообщество – это самая разобщенная группа.

ЛГ: Если посмотреть на наши результаты, то больше всего к самоорганизации способны и желают проявлять левые, а либералы склонны к этому меньше всего. В этом основная слабость современной оппозиции.

Думаю, в ближайшие два года мы будем переживать негативные последствия сегодняшнего великодержавного подъема.

Это не революция:

власть прежняя – формы самосохранения новые

ЭП: Для того чтобы оценить долгосрочность и реальный потенциал нынешней психологической мобилизации россиян, я предлагаю сравнить ее с тремя известными в истории моделями массовой мобилизации: коммунистическая мобилизации 1920–1930-х годов; национал-социалистическая мобилизация в Германии в 1930–1940-е годы и религиозная мобилизация в Иране в 1978–1980-е годы.

ЛГ: Согласен. Мне в момент разгара пропагандистской кампании показалось, что мы имеем дело с рецидивом тоталитаризма, ну, скажем, в его «мягком» итальянском или франкистском варианте. Действительно, имеет место монополия на основные СМИ, превращенные уже из информационного канала в инструмент тотальной пропаганды и обработки общественного мнения. Далее, полный контроль над политическим полем, огосударствление общественных организаций и сращение государственного аппарата с партийными, лояльными администрации Кремля. Но несколько остыв, я изменил свое мнение и не думаю, что сегодня в России проявился тоталитаризм. Ведь на самом деле идеологии у режима нет. Те суррогаты, которые мы принимаем за идеологию, являются фантомами традиционализма, искусственного, придуманного. Неслучайно мы вспоминаем о Дугине, Проханове и Лимонове. Это означает, что власть берет созданные не ею идеи, для воплощения которых только использует свой административно-организационный ресурс.

Сон Пилата: синдром «жертвы и палача» в контексте «гибридной войны»

В.Н. Ткаченко

Интродукция

Пять лет сотрудничества с журналом «Политическая концептология» не вызывало во мне никакого психологического барьера в общении с его редакцией и авторским активом. Я прекрасно чувствовал себя в этом кругу и реально осознавал, что аудитория журнала стала мне близкой своей непредубежденностью и, в частности, искренней заинтересованностью в рассмотрении «злобы дня» украинских событий.

Но вот случилась аннексия Крыма, массово поддержанная 85% российских респондентов. Дальше «гибридная война» против Украины была перенесена на Донбасс, что также положительно было воспринято общественным мнением России. Что ни говори, но отныне мы оказались – не образно даже, – а фактически на противоположных сторонах от линии фронта. И тогда в полный рост стала проблема: как же нам теперь вести научный дискурс? Делать вид, что ничего не случилось? Но ведь случилось. Например, Анастасия Дмитрук – ровесница независимости Украины – в свои 23 года написала текст песни, которая взорвала Интернет, набрав за короткое время свыше 4 миллионов просмотров. Главный тезис песни: «Никогда мы не будем братьями ни по родине, ни по матери». Дай то Бог, чтобы наши научные публикации набрали бы по популярности рейтинг даже на порядок меньший...

И если мы уйдем от поставленной молодым поколением проблемы, то насколько наши публикации вообще будут социально затребованы? Ведь существует ряд вопросов, которые активно обходятся политиками и дипломатами. И один из них звучит во всей

своей наготе таким образом: так есть ли факт агрессии со стороны России, или нет? Или же мы имеем дело с некими «миротворческими операциями», после которых, как показывают картинки телевидения, не остается камня на камне? Ведь момент истины при анализе состоит именно в этом: кто есть агрессор, а кто жертва агрессии? Если этой отправной точки нет, то тогда все становится зыбким и расплывчатым. А ведь кое-кто пытается убедить, что Россия вообще не сторона конфликта. Все дело, оказывается, лишь в существующей гражданской войне противоборствующих сил внутри самой Украины. Хотя это далеко не так.

Поэтому и возникает проблема нравственная. Если мы умоем руки, как в свое время Пилат, то не будет ли нас всю оставшуюся жизнь мучить кошмарный сон, так зримо описанный Михаилом Булгаковым в его «Мастере и Маргарите»? «Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. Казни не было! Не было!» – вот в такой форме протекает заболевание под названием «синдром жертвы и палача».

И об этом никогда не стоит забывать, споря о чем-то сложном и важном. Ведь если станем на ту точку зрения, что казни (т.е. агрессии!) якобы не было, то наши споры будут никчемны с самого начала. Убить философа, сформулировавшего всего лишь «невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые» – великий грех. Но не в меньшей степени такой же грех наказывать народ, который решил сам сделать свой цивилизационный выбор. Не об этом ли говорит министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, упоминая «о естественном желании все большего числа государств обеспечить свои жизненно важные интересы и сделать это так, как представляется правильным этому конкретному государству, а не как подскажут «из-за бугра»? А ведь и действительно – разве можно что возразить по этому поводу? И еще одно очень уместное замечание министра: «Стало модным рассуждать, что в Крыму и на Украине Россия вела и ведет некую «гибридную войну»... Интересно порассуждать и на

тему понятия гибридной войны, кто ее ведет, и только ли из «зеленых человечков» состоит весь гибрид»⁵⁶⁴.

Мы идем навстречу пожеланию Сергея Лаврова, тем более что оно отвечает и нашим внутренним убеждениям. Но с определенной оговоркой – мы будем пользоваться преимущественно российскими источниками, используя их максимально приближенно по тексту, дабы лишить возможности любого недоброжелателя упрекнуть украинскую сторону в якобы упрежденном отношении к описанию и оценке действий России по отношению к Украине.

«Гибридная война» - во всей своей наготе

Итак, мы подошли к основному вопросу – что же собой представляет эта самая «гибридная война»? Обратимся к российским источникам, знающим о проблеме не только в теории, но и на практике агрессивных действий против Украины. Впрочем, сама по себе Украина для массы российских экспертов как бы и не представляет особой заботы. Здесь ставки повыше: в мире, мол, происходит эпохальная борьба России против США, которые пытаются «удержать экономическое и политическое доминирование, поставленное под вопрос экономическими и геополитическими переменами на международной арене». А Украина – это так, фрагмент этого большого противостояния США и России. И потому российский эксперт в области международной безопасности некий полковник в отставке А.О. Гилёв и начинает свой анализ именно с этого пункта: *«Украинский кризис продемонстрировал, что мир вступил в новую реальность, определяющей характеристикой которой является конфронтация. Запад ввязался в борьбу с Россией, и это часть его противостояния со всем независимым, незападным сообществом... Россия – единственная глобальная сила, способная и готовая к противодействию в военном и идеологическом плане»* (курсив наш. – Авт.)⁵⁶⁵.

А раз это Запад ввязался в войну с Россией, а вовсе, как оказывается, не Россия с Украиной, то по логике российских аналитиков и сама «гибридная война» (она же «многомерная») является изобре-

⁵⁶⁴ Лавров С.В. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике / Россия в глобальной политике. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_cresis/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-17138.

⁵⁶⁵ Гилёв О.А. Многомерная война и новая оборонная стратегия. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>.

нием американцев. Россия же, дескать, вынуждена лишь приспособиться и адекватно реагировать на происки американцев. Стратегия же этой войны нацелена не на разгром противника, а на его «удушение». Проблема заключается в том, что в условиях глобально интегрированной экономики и наличия у многих стран оружия массового уничтожения полномасштабная (даже локальная) война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном. К вероятным затратам на нее не готовы ни экономика, ни граждане подавляющего числа государств. Но только не Америка. Ее доминирование на мировых финансовых рынках, в сфере передовых технологий, контроль над глобальными информационными потоками позволяет ей оказывать разностороннее давление, не менее разрушительное, чем вооруженный конфликт.

Вот потому и Россия исходит сейчас из того, что *современная война многомерна. Эта война сочетает информационное, военное, финансовое, экономическое и дипломатическое воздействие на противника в реальном времени.* Предполагается, что массированное и координированное использование всех невоенных методов может оказаться достаточным, чтобы запугать и ослабить оппонента, сведя применение Вооруженных сил к минимуму. Для успеха необходимо, *во-первых, обеспечить как можно более полную международную изоляцию объекта воздействия, а во-вторых, заручиться возможностью оказывать на него давление изнутри.* Здесь большое влияние оказывает наличие безграничного информационного пространства. *Расширение общения через социальные сети позволили выработать эффективные методы взаимодействия с группами населения внутри других стран, способствующие тому, чтобы виртуально направлять идеологическую, этническую или религиозную оппозицию.* Особенно это стало заметным в последние два десятилетия, когда военные, разведывательные и информационные органы отладили технологию «опосредованного вмешательства», часто используя приграничные страны и регионы в качестве базы.

Отмеченное выше для российских теоретиков лишь присказка. А сказка – вот она. Оказывается, Россия, хотя она и обладает потенциалом ядерного сдерживания, может не прибегнуть к прямому ответу военными средствами, благодаря «неосвоенности» и «опосредствованности» применяемых Соединенными Штатами действий. И тут то, пишет Гилёв, при отсутствии угрозы встречного удара, развязываются руки американцев «для применения практически

всех остальных методов, способных нанести удар Москве – от санкций и технологического саботажа до информационных провокаций. Традиционный военный ответ на войну «другими средствами» представит Россию как агрессора и еще сильнее подорвет ее международные позиции. На Украине ловушка сработала. В скором времени к «украинскому фронту» могут добавиться кавказский и центральноазиатский. В этих регионах мы можем столкнуться с организованными бандами исламистов и наемников под явным или неявным иностранным руководством (по модели нынешних событий в Ираке)». То есть, исходя из позиции Гилёва, главным пропагандистским тезисом здесь является роль России как якобы невинной жертвы, попавшей в ловушку из-за происков ее противников, когда «многомерную войну как таковую мы еще не распознали и поэтому не готовы ее вести»⁵⁶⁶.

Здесь остается только воскликнуть: полноте, зачем же прикидываться «казанской сиротой»? Не лучше ли вспомнить научный доклад начальника Генерального штаба ВС России генерала армии Валерия Герасимова на собрании Академии военных наук в феврале 2013 года. Фактически еще за год до операции в Крыму и последующих событий главный российский военачальник почти один к одному представил то, что через год случилось в Украине: «Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному шаблону... Вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны». По существу весь пафос выступления генерала Герасимова сводился к тем особенностям вооруженного конфликта, которые напрямую перекликаются с дальнейшими событиями в Крыму и на юго-востоке Украины: «Акцент используемых методов противоборств смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. *К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кри-*

⁵⁶⁶ Гилёв А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voina-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>.

зисного реагирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте (курсив наш. – Авт.)»⁵⁶⁷.

Дальше генерал Герасимов откровенно определил, какие формы борьбы, и способы их применения Россия собирается использовать в дальнейшем. Не вдаваясь в военный аспект проблемы (это не предмет нашего исследования), хотели бы лишь акцентировать на том, что никакой большой тайны этот аспект не составлял. Текст выступления был опубликован на сайте Ежедневник «Военно-промышленный курьер» (<http://www.vpk-news.ru>) еще в феврале 2013 года, а потому ссылки некоторых украинских авторов на то, что для Украины все это оказалось неожиданностью, звучат не то что неубедительно, а прямо таки безответственно. А ведь в выступлении Герасимова речь шла о том, что фронтальное столкновение крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходит в прошлое. Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение его объектов осуществляется на всю глубину территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнем, наступательными и оборонительными действиями. Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются вооружения на новых физических принципах и роботизированные системы. Одной из форм применения формирований Вооруженных Сил за границей является миротворческая операция.

Что особо хотелось бы выделить в этом ряду форм противоборства, так это то, что «широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. *К ним относится использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются* (курсив наш. – Авт.)»⁵⁶⁸. Поэтому, считаем мы, все разговоры о романтиках-ополченцах Донбасса, ставших на защиту своих сел и городов под флагами ЛНР и ДНР – все это от лукавого. Все они являют собой

⁵⁶⁷ Герасимов В. Ценность науки в предвидении. – Доступно: <http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632>.

⁵⁶⁸ Герасимов В. Ценность науки в предвидении. – Доступно: <http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632>.

составную часть подразделений агрессора. А потому по отношению к ним только и остается один формат поведения – освободить от них оккупированные территории.

Стоит ли отталкиваться в определении новых форм агрессивной политики России от выступления Герасимова в феврале 2013 года? Конечно же, нет – это выступление было скорее уже напутствием на практические свершения после осуществленной военной реформы, которая началась в России еще в 2008 году после «пятидневной войны» с Грузией. Не будучи военными экспертами, сошлемся при анализе реформы на мнение главного редактора российского журнала «Moscow Defense Brief» Михаила Барабанова (независимый аналитический центр). Согласно свидетельству с его стороны, замысел военной реформы 2008 года состоял в решении отказаться от традиционной мобилизационной армии и оставить только силы постоянной готовности. Этот курс подкреплялся сменой доктринальных установок относительно национальной безопасности России. Судя по всему, крупномасштабная конвенциональная война между ведущими странами мира была признана Москвой практически невероятной. Поэтому *вооруженные силы России должны были переориентироваться с участия в масштабной войне с несколькими противниками, на возможное участие в локальных конфликтах на границах России, на территории стран СНГ и ближнего зарубежья.* Соответственно было решено отказаться и от мобилизационной системы, которая в существовавшем виде являлась анахронизмом. *Защита от других великих держав (в первую очередь от США и НАТО) теперь возлагалась почти исключительно на стратегические ядерные силы. В то же время воздушно-десантные войска (ВДВ) были усилены.* В 2012 году было создано Командование сил специального назначения (ССН) и киберкомандование.

Первой значительной проверкой реформирования российских вооруженных сил «нового облика» стал украинский кризис. Дальше предоставим слово самому Михаилу Барабанову: «Осуществлённая в конце февраля – начале марта 2014 г. скрытная российская военная интервенция в Крым ошеломила многих, заставив даже ряд наблюдателей на Западе и на Украине говорить о некоей новой «гибридной войне». Действия, направленные на силовое прикрытие крымского пророссийского движения и обеспечение невмешательства в события на полуострове украинских силовых структур, были действительно спланированы и осуществлены весьма остроумно и эффективно. В роли «вежливых людей», как теперь известно, высту-

пали подразделения российских ВДВ и бригад спецназа, а также подразделения СН, что стало фактически их дебютом». Отвлекающая массированная переброска войск в северные регионы России позволила «замаскировать переброску нескольких тысяч военнослужащих спецназа и ВДВ в Крым. Одновременно начали выдвижения частей к российско-украинской границе, призванное оказать давление на Украину с целью недопущения использования ею военной силы в Крыму»⁵⁶⁹.

Что и говорить, ситуация для Украины складывалась крайне неблагоприятно. Быстрое сосредоточение в Крыму российских войск и блокирование ими находящихся там гарнизонов Вооруженных Сил Украины вкупе с развертыванием российских войск на границе практически исключили для Киева шансы на эффективное вооруженное сопротивление. В результате 17 марта Крым был присоединен к России – менее чем через месяц после начала операции. Казалось бы, Россия должна была торжествовать. Но «ирония истории» уже в который раз сыграла свою злую шутку. Проблема Крыма существовала в России всегда. Но во времена Ельцина победила точка зрения, что захват Крыма отвергнет Украину от России. При президенте Путине возобладало другое мнение, хотя, по мнению Барабанова, присоединение Крыма «скорее ухудшало стратегическое положение России, поскольку вело к полной антагонизации Украины. Устранить эту угрозу можно было, либо радикально изменив политический курс Киева, либо резко ослабив Украину тем или иным способом – лучше всего путем ее расчленения и присоединения к России русскоязычных областей юга и востока страны, составляющих так называемую Новороссию. В этих условиях «второй тур» на Украине стал неизбежным, тем более что русскоязычное население юга и востока было вдохновлено присоединением к России Крыма. С начала апреля по Украине прокатилась волна протестов и захватов административных зданий, а в Донбассе возникли вооруженные группы, провозгласившие создание Луганской и Донецкой народных республик (ЛНР и ДНР). Кульминацией событий стало прибытие 13 апреля в Славянск группы Игоря Стрелкова из Крыма»⁵⁷⁰.

⁵⁶⁹ Барабанов М. Испытание «нового облика». – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097>.

⁵⁷⁰ Барабанов М. Испытание «нового облика». – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097>.

Эйфория сепаратистов, однако, длилась не долго. Украинские власти объявили на Донбассе антитеррористическую операцию (АТО), начав сосредоточение сил для подавления сепаратистов. В свете резко негативной реакции Запада, Москва тоже стала лавировать, занимая двусмысленную позицию относительно признания ЛНР и ДНР. Украина, в свою очередь, под влиянием угрожающих заявлений Москвы, но не получая надежных гарантий со стороны Запада, тоже старалась занять осторожную позицию, пытаясь ограничиться чисто полицейскими акциями в Донбассе. К тому же значительная часть украинских войск была нацелена на противодействие прямой российской интервенции. Тем не менее, к концу апреля наращивание украинских сил в разворачивающейся АТО начало переводить борьбу в Донбассе в стадию вооруженного противостояния. Для России, по свидетельству того же Барабанова, это оказалось полной неожиданностью: «Судя по всему, российское руководство оказалось не готово к решительным действиям на Украине, к тому же в условиях усиливающегося санкционного нажима Запада. Видимо, в Кремле переоценили масштабы пророссийского «активизма» на юге и востоке Украины, слабость новой украинской власти, и недооценили силу украинского национализма и заинтересованность элит в сохранении «самостийности» и своего места в ней. На заседании Совета безопасности России 24 апреля было принято решение отказаться от ввода войск на Украину в поддержку восстания в Новороссии. В мае начался отвод значительной части российской группировки от границ, а 1 июня Совет Федерации по запросу Кремля отозвал формальное разрешение на применение вооруженных сил на Украине»⁵⁷¹.

Начиная с июля, проводилось повторное усиление российской группировки на границе с Украиной – как можно судить, главным образом для сковывания украинских сил в их действиях против сепаратистов. Российская сторона сосредоточилась на поставках вооружения и техники, а затем и прямым ограниченным участием в боевых действиях – разведкой, действиями артиллерии и отдельных общевойсковых и специальных подразделений, о чем свидетельствует поражение истощенных украинских войск под Иловайском в конце августа. Однако, считает российский аналитик, с точки зрения проводимой в России реформы, «полноценная война России с

⁵⁷¹ Барабанов М. Испытание «нового облика». – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097>.

Украиной так и не состоялась, что не дало возможности провести масштабную проверку армии «нового облика». Что касается проблем украинской армии – оставим этот сюжет для проработки украинскими военными аналитиками.

Тем не менее, обратимся к выводам, к которым пришли российские аналитики, и которые, судя по всему, могут представлять интерес и для украинской стороны. На вопрос: *как же выглядит сегодня «многомерная» или «гибридная» война*, они обращают внимание на следующее. *Во-первых*, это война всеобъемлющая, с использованием всех средств одновременно, когда и военные и невоенные формы воздействия дополняют друг друга. Разнообразие задействованных средств создает у объекта атаки ощущение потери контроля над ситуацией, когда необходимо одновременное планирование и координация в реальном времени акций, в которых в один и тот же момент задействованы спецслужбы, финансовые органы, дипломатия, глобальные информационные источники, неправительственные организации, а также регулярные и наемные вооруженные формирования.

Во-вторых, это перманентная война, рассчитанная на достижение цели измором, подрыв изнутри с использованием слабых мест противника. Она может идти фазами – через обострения и «перемирия», чем и отличается нынешняя ситуация в украинско-российских отношениях. Мы должны твердо себе уяснить, что тысячи мелких ударов преследуют цель измотать, задушить, обескровить, одновременно ведя переговоры и предлагая альтернативы, склоняя на свою сторону, завоевывая симпатии недовольных и фрондеров внутри страны.

И, наконец, *в-третьих*, что особенно важно в нашем случае, «гибридная война» - это война идеологическая. Она ведется, пишут российские аналитики, прежде всего, за людей, за их взгляды и убеждения, а лишь потом за территорию: «для ее ведения требуется мобилизация во многих областях – от морпехов до хакеров, от банкиров до журналистов. А это невозможно без идеологической обработки собственного населения... Необходимым условием является формирование картины мира, разделенного на «хороших» и «плохих». Поскольку любая операция призвана воздействовать на людей, пропагандистская составляющая едва ли не самая главная. Особое значение приобретает привлечение на свою сторону СМИ –

как их руководства, так и рядовых репортеров – для превращения органов информации в информационно-психологическое оружие»⁵⁷².

Альтернативы преодолению кризиса

Но после каждой войны наступает мир. Каким он будет для одурманенного информационно-психологическим оружием населения по обеим сторонам этого «фронта без тыла»? Окончательный ответ здесь можно будет дать только после преодоления кризиса в украинско-российских отношениях. Только тогда воочию будет видно, что сильнее: информационно-психологическое оружие политтехнологов России, или морально-психологическое единство народа Украины? Ведь любое государство крепко настолько, насколько крепок его невидимый социальный капитал – солидарность и доверие друг к другу его граждан.

Но все же – как видит ныне возможное преодоление этого кризиса российская сторона? При анализе многих витиеватых «загогулин» политиков суть их зачастую очевидна: Россия хочет даже не федерализации Украины, а ее конфедерализации с целью гарантированного блокирования любого продвижения Украины в европейское сообщество. И таким блокиратором, своеобразным аварийным «стоп-краном», должен выступать Донбасс. А вот Крым – это трактуется как уже совершенно другая история. Крым считается чем-то таким, что вообще не подлежит пересмотру. Хотя оба эти вопроса – Донбасса и Крыма – тесно увязываются между собой.

Каким образом? Об этом многие из высшего эшелона власти говорят достаточно откровенно: то ли на жаргонном языке того же Владимира Жириновского (вспомним его официальное обращение к Польше на счет раздела Украины), то ли желчно-иезуитскими устами Константина Затулина. Так, например, Затулин заявляет, что «российско-украинские отношения, плохие или хорошие, обречены остаться. Как их выстраивать, если потеряв Крым, Украина получила от России взамен «крымский синдром» – фантомную боль, которая может быть посильнее настоящей? *На этот вопрос у России, теоретически, могут быть только два варианта ответа. Или Украина развалится на несколько Украин – и тогда никто не сможет сказать, какой из них следует вернуть Крым и Новороссию», или же «Украина сохранится на карте – без Крыма, но с Но-*

⁵⁷² Гилёв А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voyna-i-novaya-oboronnaya-strategiya-17101>.

вороссией, занявшей его место в российско-украинских отношениях (курсив наш. – Авт.)»⁵⁷³. То есть, Новороссия рассматривается как проект, который специально готовился «под слив» при окончательном решении вопроса об аннексии Крыма.

Да тут вышла заминка. Кто же в России в пылу эйфории мог предполагать, что замышлялось одно, а потом выплывает на свет Божий, стара как мир, иррациональная проблема, когда хвост начинает крутить собакой. И в этой ситуации даже такой патентованный украинофоб как Глеб Павловский, озвучивая мнение определенных кругов России, обращает к президенту РФ Путину слова Хлудова из булгаковского «Бега»: «Ты хорошо начал, солдат, но плохо кончил». А дальше идет интерпретация этого образа: «Путин хорошо начал. А сегодня у меня такое ощущение, что он испугался... Испугался самого себя. Куда идти дальше. Дальше-то что?.. Очень заметен разрыв между Крымом и последующими действиями. Видно, что дальше все шло как импровизация или реакция на чужие действия. Люди, боящиеся будущего, запрещают себе обдумывать выбор пути. Когда у тебя не поставлены достижимые цели, начинаешь колебаться между двух полюсов – то ничего не делаешь, то ввязываешься в колоссальный конфликт. Если посмотреть на прошедшее лето, мы все время балансировали между растерянностью и войной. При этом войны не хотели, но не знали, что делать, если не воевать? В таких случаях, как говорится, только Бог помилует от беды»⁵⁷⁴.

А ведь замышлялось вроде бы все по науке. *Исходили из того, что в Украине существует русская ирредента* – та же диаспора, но компактно проживающая на сопредельной территории к России. Вот тут, мол, и появляется шанс разжечь сепаратистские настроения, посулив рай земной на присоединенной к России территории, и тем самым внести дестабилизацию в общественно-политическую жизнь Украины. Было завезено оружие, проплачены активисты, пролилась кровь, в социум был внесен раскол. Об этом образно пишет известный российский журналист Андрей Бабицкий. При отсутствии какой-то значимой элиты, на Донбассе из полукриминальной и криминальной среды, с психологической установкой на то, что «винтовка рождает власть», стала возвращаться «новая

⁵⁷³ Затулин К. Хотят ли русские войны? – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Khotyat-li-russkie-voiny-17083.

⁵⁷⁴ Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132.

общность – людей, спаянных войной, получивших силу от ощущения причастности к истории. Они уверены, что им дано перевернуть реальность с помощью автоматов и систем залпового огня. Это, конечно, так, но войны заканчиваются, и жизнь требует возвращения в повседневный формат. Я видел, какой трагедией оборачивается для людей необходимость расстаться с оружием и чувством исторической значимости своего поступка. Здесь будет так же»⁵⁷⁵.

Дать в руки оружие легко, но отобрать его уже трудно. Донбасс вошел в процесс со всеми старыми болячками: криминалом, вороватостью, отсутствием привычки уважать закон и т.д. В среднем и мелком бизнесе начался масштабный передел под названием «взять под внешнее управление». Собственник уехал, закрыл свое дело, ДНР приходит и открывает его без ведома хозяина. Объясняют это тем, что городу необходимы работающие предприятия, а людям зарплаты. Но ведь смена форм собственности – это вечный спутник гражданской войны. Остается надеяться на помощь Москвы. Но на Донбассе, пишет Бабицкий, уже кое-кто начинает понимать, что в России свои проблемы: «огромная страна под санкциями, рубль валится, уровень жизни падает. Кремль вынужден вести сложную игру: где-то нажать, где-то отступить. И если в какой-то момент ему понадобится пожертвовать интересами Донбасса, он это сделает не задумываясь». А на Донбассе свои болячки: «уголь у нас дороже, чем в России, потому что его там добывают открытым методом, а мы в шахтах. Нужен какой-то перелом. А какой перелом, если война продолжается и мы в изоляции»⁵⁷⁶.

Кроме того, следует учитывать международный резонанс вокруг проблемы Донбасса. *Никто в мире не хочет какого-то нового «косовского прецедента».* Каждая страна имеет ирреденту в соседней стране – то ли большую, то ли меньшую. И если каждая из меньшинств станет на путь сепаратизма, то это взорвет устоявшийся порядок в мире. Одно дело, когда какое-то меньшинство начинает бунтовать против правительства того государства, гражданами которого они являются. Это может быть воспринято международной общественностью как нечто легитимное, как борьба за права человека. Но когда, пишет старший советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Эдвард Люттвак, *в эти*

⁵⁷⁵ Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085.

⁵⁷⁶ Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085.

действия местного населения вовлекается иностранное государство, поощряет или участвует в них, поддерживая всеми доступными средствами – тогда *то, что делает местное население, не играет уже никакой роли. Это автоматически квалифицируется как столкновение противоборствующих государств.* Просто потому, что вовлечено другое государство. Тем паче вовлечено с применением армии или флота. Пусть и с поддержкой из числа из местного населения. У любого крупного внешнего игрока на поле малого всегда есть поддержка среди местного населения. Таким образом, «украинский прецедент не имеет пока ничего общего с делом объединения наций. Это не вопрос того, что одни русские хотят объединиться с другими русскими. Здесь речь идет о геополитических интересах российского государства: с его деньгами, тайными и явными операциями, при помощи которых оно хотело спровоцировать выгодные этому государству изменения на территории Украины»⁵⁷⁷.

Российские политики пытаются уйти от этого ясного вопроса, несколько замутив проблему тем, что, мол, Украина в отношении к России вроде бы и не государство, а так себе – вечный исторический сателлит и этнографический донор. Так, бывший глава Администрации президента России Александр Волошин рисует эту «картину маслом» следующим образом: «Украина для нас... при всем уважении к украинской независимости, это что-то совсем близкое. Если сравнивать наши отношения, допустим, в параметрах Великобритании, я бы сравнил это с отношениями между Англией и Уэльсом. Это совсем близко, даже не между Англией и Шотландией. Это реально довольно близкие отношения». И далее: «Из этого не должно вытекать, что мы будем готовы обсуждать статус Крыма»⁵⁷⁸. Мол, взяли свое, и никто нам не указ.

Вот в этом и состоит главная ошибка. Мир то ведь изменился, он глобализировался и стал взаимозависимым. Мир бросил свой вызов времени, на который следует отвечать, ведь судьба ведет умного за руку, а дурака тащит за ворот. Сейчас аналитики приходят к пониманию того, что целостной и ориентированной на будущее модели развития в России не сложилось. Так, Федор Лукьянов, редактор журнала «Россия в глобальной политике», с тревогой констатирует, что двигаясь по сложной и хаотической траектории, *Россия застря-*

⁵⁷⁷ Люттвак Э. Какая еще Ирредента? Конфликт государств! – Доступно:

http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Kakaya-tsche-Irredenta-Konflikt-gosudarstv-17014.

⁵⁷⁸ Российским интересам соответствует единая Украина. – Доступно:

<http://www.globalaffairs.ru/print/global-possesses/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941>.

ла между двумя состояниями. Страна так и не стала равноправной частью мировой экономики, которая извлекала бы полноценные дивиденды из глобализации. Но и интегрировалась в нее в достаточной степени, чтобы испытывать на себе все потрясения на мировых рынках. В какой-то момент промежуточная ситуация стала тяготить всех – и сторонников дальнейшей интеграции, и приверженцев более изолированного развития. Но движения ни в ту, ни в другую сторону не происходило по целому ряду причин как внутреннего, так и внешнего свойства. Но вот вдруг на наших глазах возник «момент истины»: *«Украинская коллизия сломала тренд, создав совсем другую ситуацию, которая может дальше развиваться в разных направлениях. Теперь все больше, чем прежде зависит от нас самих – внешние источники роста либо закончились, либо отсечены из-за политической ситуации. России необходима концепция экономического прорыва с опорой на внутреннюю инициативу и человеческий капитал, внешних стимулов ожидать больше не приходится (курсив наш. – Авт.)»*⁵⁷⁹.

И вот в это самое время, когда цели для России по-прежнему не поставлены, когда общество не знает, куда двигаться дальше, машина власти тем временем в сегодняшнем стратегическом поле не работает. Более того, она делает ошибки, а люди, спасаясь, начинают каждый решать свои проблемы отдельно. И в этой ситуации, замечает Глеб Павловский, было бы ужасно, если бы Путин забыл, что он же управляет не Новороссией, а Россией, и что не его заботой должно быть обдумывание ситуации как организовать власть в Луганске и Донецке: *«Сейчас настало время поворота к будущему времени для страны. Когда ты повернешься к реальным делам, тебя перестанут мучить кошмары санкций и мысли о том, подал ли руку какой-то премьер. В принципе ведь задача санкций не столько в том, чтобы сделать тебе больно, а чтобы ты каждый день думал о них, пока эти переживания не съедят твой мозг»*. Конечно, каждое государство может поставить себе какую-то цель – то ли реальную, то ли фантастическую. Этим можно заниматься на досуге, «но только в том случае, если мы останемся Россией, а не превратимся сами в Новороссию у себя дома... Когда гаснет понимание стратегической цели – долгосрочной, среднесрочной, промежуточной, - остаются одни эмоции, распалаемые из «Останкино» по вашему же указанию.

⁵⁷⁹ Чувство глубокого неудовлетворения. – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniya-17134>.

Такое кончается плохо. Но не обязательно так плохо, как мы думаем, – это может кончиться еще хуже»⁵⁸⁰.

Конечно, можно сказать, что не только Россия, но и государства побольше и помощнее тоже пребывают в поисках стратегического проекта будущего. Сейчас ведутся споры, каков проект будущего выдвинут США, а каков будет от Китая. Однако, при всех раскладах, складывается впечатление, что Россия в выигрыше не будет ни при каких обстоятельствах. Прислушаемся к авторитетному мнению программного директора Российского института по международным делам Ивана Тимофеева: «Украинский кризис хорошо иллюстрирует сложившуюся ситуацию. Россия заняла жесткую позицию, действует на опережение, заявляет о себе как о державе, с мнением которой нужно считаться. Сейчас видно, что наша страна вряд ли отступит от взятого курса. Однако оппоненты будут отвечать России не только и не столько политическими методами. Они будут пытаться не допускать Россию к глобальным источникам роста и развития. Причем давление будет мощным и консолидированным. А Россия будет в этой игре без надежных союзников»⁵⁸¹.

В создавшейся ситуации, по мнению Тимофеева, Россия оказалась в ситуации шахматного цугцванга, – какой бы ход она не предприняла, она будет в проигрыше. *В случае жесткой конфронтации с Западом* повысится рост консолидированного давления на Россию, как в сфере безопасности, так и в сфере экономики. Произойдет ее дальнейшая маргинализация, выталкивание на мировую периферию, отсечение от финансовых, технологических и иных источников роста. В данном сценарии России выстоять будет крайне сложно.

Второй сценарий – *значительные уступки Западу*. В создавшихся ныне условиях, как показало заседание «большой двадцатки» в Брисбене (Австралия, ноябрь 2014 г.), этот сценарий окажется тоже негативным, поскольку возвращение в глобальный мир в этом случае будет несравненно более дорогим. Кроме того, уступки вовсе не гарантируют того, что Россия не будет зажата в угол в будущем и сможет преодолеть существующие проблемы развития.

⁵⁸⁰ Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей». – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132.

⁵⁸¹ Тимофеев И. Волки и зайцы. Что ждет Россию в меняющемся миропорядке? – Доступно: <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcy-cto-zhdet-Rossiyu-v-menyayuschemsya-miroporyadke-17121>.

Поскольку оба сценария для России оказываются неприемлемыми, то *страна объективно становится заинтересованной в смене существующего миропорядка*. Она заинтересована в многополярности мира, что гарантировало бы ей наличие нескольких источников роста и развития. Но Россия вряд ли может выстроить такой миропорядок самостоятельно. В отличие от Советского Союза, у нее нет даже проекта, который можно было бы предложить остальным странам. А между тем будущее международных отношений, скорее всего, будет связано с конкуренцией проектов мироустройства.

Такие проекты нам хорошо знакомы. *Один из них – либеральный западный* подход, предполагающий сохранение и развитие имеющейся модели глобализации. *Другой подход будет апеллировать к издержкам западной модели, к проблеме неравенства и распределения ресурсов*. Кто возьмет на себя роль лидера глобального левого проекта? Ответ очевиден. *Это будет Китай*. Если конфронтация России и Запада пойдет слишком далеко, то России будет более выгоден второй вариант. В этом случае она может попробовать встроиться в китайскую модель. Но рассчитывать на то, пишет Тимофеев, что Россия в ней будет равноправным партнером, не приходится.

Наконец, *последняя альтернатива для России – попытаться сохранить за собой самостоятельную роль, играть сразу на нескольких досках*: не обострять до предела конфронтацию с Западом и одновременно избегать зависимости в отношениях с Китаем. То есть, маневрировать, попутно решая проблемы собственного развития – технической отсталости, качества жизни, эффективности государственного управления и т.п. Но тогда, в силу ограниченности ресурсов России и множества проблем, стоящих перед ней, именно дипломатия, а не военная сила, должны стать ключевым инструментом ее внешней политики. *И тогда, добавим мы, «гибридная война», в том виде, какой она приобрела сегодня, изживет себя*.

Но это проблемы России, источников ее возможной модернизации. А пока что Украину беспокоит то, что в отчаянной ситуации Россия может пойти на риск обострения отношений с Украиной. *Беда вся в том, что для России Украина – это скорее внутренний вопрос*. Указанный тезис демонстрирует полное отсутствие у российских политических элит восприятия Украины как независимого государства, агрессия против которого способна дорого обойтись российской экономике и общим позициям в мире. А потому в треугольнике Россия–Украина–Запад Россия демонстрирует без-

альтернативность своих интересов в Украине, в то время как Запад, и прежде всего США, для которых Украина никогда не входила в сферу жизненных интересов, предельно осторожны и сдержаны в своих попытках воздействия на Россию⁵⁸².

Украине приходится лишь надеяться, что дальнейшее развитие событий, возможно, изменит баланс сил в сторону усиленной поддержки Западом Украины. И для этого есть все основания. Взять хотя бы первое интервью посла США в России Джона Теффта после вручения им верительных грамот президенту РФ Владимиру Путину. Посол четко и однозначно подтвердил известную позицию США о том, что: 1) «мы по-прежнему твердо придерживаемся принципа: страны имеют суверенное право выбирать, в какие политические, экономические и военные союзы им входить. И другие страны не могут наложить вето на это право»; и 2) «вы не можете просто аннексировать территорию другого государства, какими бы историческими мотивами вы не руководствовались. А в Крыму именно это и произошло. Надеюсь, что этого не произойдет на востоке Украины». Продолжая сотрудничество между США и Россией, заявил посол, «это не значит, что мы просто возьмем и забудем об Украине. Это проблема, и ее надо решать»⁵⁸³.

А пока нельзя исключать возможности обострения ситуации в Харькове или Одессе. Никуда не делся вариант прокладки сухопутного коридора через Мариуполь. Во всяком случае, Россия будет изыскивать варианты для подпитки нестабильности в регионе. То, что Запад продемонстрировал нежелание торговаться по вопросу Крыма, становится важнейшей внутрироссийской проблемой, так как сдача оккупированной территории будет восприниматься националистическими силами России как акт предательства со стороны президента. Поэтому ему на данный момент отступать абсолютно некуда. Как следствие, он, судя по всему, будет поддерживать определенный градус напряженности и, таким образом, отслеживать, как будет развиваться ситуация и действовать по обстановке.

Что будет в дальнейшем – трудно представить. Но, как показывает монитор СМИ, в самой России среди аналитиков возникает ощущение, что страна готовится отметить 100-летний юбилей Ве-

⁵⁸² Синовец П. Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ktj-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktcii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniya-Rossii-17073.

⁵⁸³ Теффт Дж. «Наши двери все еще открыты для россиян. – Доступно:

<http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkryty-dlya-rossian-17140>.

ликого Октября чем-то нестандартным. Во что это выльется, одному Богу известно.

Постскриптум

И в преддверии этой прямо таки ставшей сакральной исторической даты – 1917-го года – в том или другом контексте снова возникнет проблема невинно убиенных. И не будет ли многих из нас беспокоить, как булгаковского Пилата, один и тот же сон о палаче и жертве. Ведь подобные сны так просто никуда не исчезают. Они являют себя и две тысячи лет спустя. Не придется ли и нам, как ставшему со временем научным сотрудником Института истории и философии профессору Ивану Николаевичу Поньреву (в прошлом – поэт Иван Бездомный), снова и снова переживать все тот же «синдром жертвы и палача» Пилата? После всего происшедшего на Патриарших прудах в Москве Иван Николаевич, как нам об этом сообщает Михаил Булгаков, поумнел. Он теперь уже «все знает и понимает», что «в молодости он стал жертвой преступных гипнотизеров, лечился после этого и вылез».

Да только вот никак не может он совладать с весенним полнолунием: «Будит ученого и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния одно и то же. Он видит неестественного безносого палача, который, подпрыгнув и как-то ухнув голосом, колет копьем в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса. Но не столько страшен палач, сколько неестественное освещение во сне, происходящее от какой-то тучи, которая кипит и наваливается на землю, как это бывает только во время мировых катастроф.

После укола все меняется перед спящим. От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идет какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чем-то договориться.

– Боги, боги, – говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, – какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, – тут лицо из надменного превращается в умоляющее, – ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было?

– Ну, конечно не было, – отвечает хриплым голосом спутник, – тебе это померещилось.

– И ты можешь поклясться в этом? – заискивающе просит человек в плаще.

– Клянусь, – отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.

– Больше мне ничего не нужно! – сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается все выше к луне, увлекая своего спутника. За ним идет спокойный и величественный гигантский остроухий пес».

В итоге все булгаковские герои «награждаются» покоем. «Но, – многозначительно замечает доктор филологических наук Александр Ужанков, – только до Страшного суда. Это не «в блаженном успении вечный покой», как поется во время панихиды по усопшим праведникам. Что будет с ними после Страшного суда, никому не ведомо»⁵⁸⁴.

И действительно – а что же с нами то будет? Сможем ли мы когда-нибудь договориться? Ведь то, что происходит, хотя и не тянет пока на Страшный суд, но это как посмотреть. Ведь вот шел же рядом с Пилатом философ, выдумавший «столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые». И поплатился за это. Хотя Пилату потом больше всего хотелось, чтобы он был жив. А тут две тысячи лет спустя появился еще и народ, возомнивший, что он может сам выбирать свою собственную судьбу, и не слушает бывалых в переделках людей о том, что и живет то он, оказывается, лишь «на заднем дворе» своего старшего брата. А эти люди убеждают, что именно он заблуждается, став «жертвой преступных гипнотизеров», которые, по словам министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, «как говорят хулиганы, попытались «взять на понт» (иначе даже сказать не могу), заставить нас проглотить унижение русских и русскоязычных на Украине»⁵⁸⁵. После вот таких от «профессиональных» диагнозов со стороны России приписали этому народу лечиться. И пошли, по рецептам врачей-врачевателей прижигания «Градом» да минометным огнем, в расчёте на то, что интеллигенция в это время будет занимать себя дискуссиями об «утеснениях русского языка». То есть тем, выражаясь словами героев Булгакова, чего «не происходило на самом деле никогда», а потому и «путаница эта будет продолжаться очень долгое время».

А итог пока что неутешителен: «писатели пописывают, а читатели почитывают». К своей чести, одна группа российской интеллигенции заявила об осуждении аннексии Россией Крыма: «Мы, пред-

⁵⁸⁴ Ужанков А. Коту под хвост. – Доступно: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg112006/Polosy/18_2.htm.

⁵⁸⁵ Лавров С.В. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике / Россия в глобальной политике. – Доступно: http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_cresis/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-17138.

ставители российской интеллигенции, обязаны предостеречь власть от совершающейся исторической ошибки – стремления взять под контроль с помощью российских вооруженных сил часть другой, еще недавно братской страны – Украины». Да только вскоре появилось обращение и другой группы интеллигенции, инициированное министром культуры Владимиром Мединским – направленное, напротив, на поддержку действий российских властей⁵⁸⁶. Такое вот, с позволения сказать, «братство».

И чего уж тут удивляться, если в Украине упомянутая Анастасия Дмитрук закончила свой текст песни словами: «У вас Царь, у нас – Демократия. Никогда мы не будем братьями». Осознаем ли мы до конца всю гнусность пути, на который нас вывела агрессия?

⁵⁸⁶ Конгресс интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию. – Доступно: data:text/html;charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3...

Аналитический обзор событий «Россия-Украина»

А.Н. Олейник

От редактора

На протяжении марта-ноября 2014 г. Антон Николаевич Олейник, известный экономист и социолог, опубликовал ряд статей в газетах России и Украины. В них анализируются факты, тренды и дается их оценка. Эти материалы позволяют собрать данные для теоретического и целостного осмысления проблемы. Они интересны также для показа конкретных методов работы российских спецслужб и институтов пропаганды. В скобках после названия каждой статьи приведена дата публикации.

Зачем Россия копирует символы майдана

(28 марта 2014)

Блиц по отторжению Крыма от Украины и присоединению его к России имеет множество измерений – от военного до символического. Символическое измерение происшедшего не ограничивается водружением российских флагов на административные здания и георгиевских ленточек на одежду. Сама избранная стратегия операции весьма символична и имеет своей целью отправить определенный месседж россиянам.

Среди элементов стратегии крымской операции стоит отметить роль «сил самообороны» – созданных при поддержке правительства автономии и России вооруженных формирований, а также действия по блокировке расположенных на полуострове украинских военных частей. Помимо чисто военного значения оба этих элемента еще

и весьма символичны. Они являются своеобразным сиквелом стратегий, использованных в ходе революции на Украине в ноябре 2013 – феврале 2014 г. Сиквелом, наполненным совершенно иным содержанием, однако.

Периодические попытки прежних украинских властей разогнать майдан с помощью силовых методов побудили участников протестов к созданию отрядов самообороны. Эти отряды находились на баррикадах, охраняли территорию палаточного городка, а позднее принимали участие в патрулировании центра Киева. Самооборона Майдана, как и многое другое в ходе украинских протестов, возникла спонтанно, в результате инициативы снизу. Велосипедные шлемы и самодельные щиты составляли основу ее оснащения.

История «сил самообороны» Крыма иная. Как подтверждают многочисленные фотографии, они имеют на вооружении современное российское стрелковое оружие и используют технику, находящуюся на вооружении в российской армии. Полагаясь на инициативу снизу, получить эту технику и оружие вряд ли возможно, если только в российской армии не процветает масштабная теневая торговля.

Название в двух случаях использовано одинаковое, а вот содержание самообороны в корне отличается. Когда военизированное формирование создается по указке и при поддержке сверху и из-за рубежа, то термин «самооборона» выглядит мало уместным. Если уж искать аналоги, то больше подошел бы термин «титишки», т. е. действующие по заказу властвующей элиты группы спортсменов и близких к криминальным кругам лиц. Однако именно слово «самооборона» было использовано в Крыму ввиду его символизма.

Захват административных зданий и блокировка милицейских подразделений были важным этапом массовых протестов на Украине. Противостояние в Киеве перекинулось на регионы, где протестующие захватывали здания областных администраций и блокировали базы милиции и внутренних войск, препятствуя их выдвигению в Киев. Тем самым предотвращалась дальнейшая эскалация насилия со стороны правоохранительных органов.

В Крыму тоже все началось с захвата административных зданий, а также блокировки размещенных в Крыму украинских военных частей. Однако, как и в случае с «силами самообороны», содержание похожего по форме явления оказалось иным. Оружие против сторонников отделения Крыма украинские военные не применяли

ни в начале, ни на последующих этапах блица. Блокировка в этих условиях направлена не на защиту населения, а на обеспечение свободы для маневра упомянутых выше «сил самооборонь» Крыма, а в конечном счете – получивших в результате блица власть лиц.

К этому списку сиквелов можно добавить еще одну параллель, на этот раз между киевским майданом и пророссийскими митингами в ряде городов на востоке материковой части Украины. Митинги называют «вече» (во время протестов в Киеве этим словом называли воскресные шествия, в которых принимало участие до миллиона человек и более), а после их проведения наиболее активные участники организуют палаточные городки наподобие того, что был в Киеве.

Тем, кто не улавливает параллелей самостоятельно, на помощь приходят российские журналисты. Маргарита Симоньян, главный редактор агентства «Россия сегодня», в день особо массового пророссийского митинга в Донецке разместила такой твит: «Минвайл, в Донецке начался Киев».

До полного сходства между оригинальными «вече» и «сечью» (палаточным городком в центре Киева) и их репликами не хватает совсем малого. На майдане участники не получали вознаграждения и их не завозили массовым порядком на автобусах из-за рубежа. Да и дисциплина в «сечи» была строже. В отличие, скажем, от палаточного городка в центре Луганска, в «сечи» строго соблюдался сухой закон.

Если параллели между украинскими протестами и тем, что началось после смены власти на Украине, усердно подчеркиваются всеми мыслимыми способами, значит, они представляются важными для российской властвующей элиты. Можно попробовать расшифровать месседж, который российская властвующая элита настойчиво пытается передать на символическом уровне.

Произошедшая на Украине революция – это на самом деле фарс. Майдан, вече, сечь и многое другое, с нею связанное, – это не более чем технологии достижения политических целей. Мы сделаем свой Майдан и Сечь везде, где это понадобится нам. Так что даже и не пытайтесь повторить украинский опыт и покуситься на безмолвие нашего народа. Тех, кто осмелится, ждет свой «Крым» и свой «Донецк».

Имеющий глаза да увидит. Имеющий разум да поймет.

Кандидат А и кандидат Б

(7 апреля 2014)

Украина сегодня: между идейностью и функциональностью
Есть кандидаты всем известные. И – интернетовец Дарт Вейдер. Ему отказано.

Президентская кампания в соседней стране идет: основные политические силы определились со своими кандидатами. Критерии выбора между ними для избирателя не носят абсолютного характера: кандидат А выглядит предпочтительнее в одних условиях развития, тогда как кандидат Б – в других. Каждый из кандидатов может оказаться интересным выбором для соседей. Но – при наличии разных исходных условий.

Кандидат в герои

Допустим, первый сценарий можно условно назвать периодом становления национальной независимости и формирования национального государства (nation-state). Попыток сделать это в некоей условной стране (с условными основными кандидатами А и Б на пост президента) было сделано немало. Сейчас ее жители и политическая элита заработали еще один хороший шанс.

Не все соседи условной страны уважают выбор ее граждан в пользу строительства национального государства. Часть территории страны была отторгнута одним из соседей, воспользовавшимся слабостью условной страны.

При строительстве национального государства требуется опора на внутренние силы развития – экономические, социальные и интеллектуальные. Одним из приоритетов является и достижение его военной самодостаточности.

В прошлом условная страна обладала технологиями, необходимыми для полного цикла производства ядерного оружия. Восстановление ядерного потенциала в таких условиях может стать как гарантией военной самодостаточности национального государства, так и весомым аргументом в неизбежных конфликтах с соседом по поводу возвращения отторгнутых территорий.

Вообще, задача восстановления территориальной целостности страны становится лейтмотивом строительства национального государства. Аннексия части территории стала серьезным ударом по национальному самосознанию.

Какой лидер нужен в таких условиях? Харизматичный, то есть претендующий на обладание исключительными личностными качествами, и способный повести граждан за собой, в том числе и на окопы и траншеи противника. Во Франции таким харизматичным лидером в период становления национального государства в этой стране была Жанна д'Арк. Харизматический лидер непредсказуем и не связан обычными процедурами. Это – кандидат в национальные герои: разве можно связать героя условностями каких-то законов и процедур?

Сила харизматического лидера заключается в мобилизации масс на подвиг во имя национальной идеи. По этой причине граждане, не разделяющие эту национальную идею из-за своей принадлежности к иным, не «титульным», национальностям, находят себя отчужденными от харизматического лидера. Харизматический лидер в этом смысле не обязательно объединяет жителей условной страны, а вполне может и разъединять их.

Многие считают кандидата А способным на аналогичные подвиги в случае условной страны. Наиболее верные сторонники кандидата А любят изображать его в образе Жанны д'Арк.

Выбор кандидата А на должность президента поэтому равносильно выбору программы строительства национального государства в условиях острых конфликтов с соседом и наличия травмы, нанесенной национальному самосознанию фактом аннексии части его территории. Конфликты как внутри страны, так и с соседом при этом имеют все шансы не только не погаснуть, но и разгореться с новой силой.

Кандидат в функционеры

Второй сценарий развития условной страны – иной. В нем акцент делается не на достижение национальной самодостаточности, а на развитие политической и экономической кооперации с теми соседями, которые не предъявляют открытых притязаний на территории условной страны. Сила страны в таком случае заключается не в контролируемых ею экономических, социальных и интеллектуальных ресурсах, а в участии, пусть даже и не на первых ролях, в международных объединениях.

Военная самодостаточность не входит в повестку дня. О восстановлении ядерного потенциала нет и речи. Гарантии территориальной целостности создаются, с одной стороны, системой сдержек и

противовесов на международном уровне, с другой стороны – наличием коллективной системы военной защиты.

Возвращение утраченных территорий тоже перестает рассматриваться в качестве абсолютного приоритета внутренней и внешней политики. Нет, этот вопрос не уходит с повестки дня (слишком сильна травма, нанесенная национальному самосознанию). Просто он уступает первенство решению текущих проблем: как защитить низкодоходные группы населения от ценового шока от повышения цен на энергоносители и высокой инфляции, как обустроить города и их инфраструктуру и т.д.

Это во многом рутинная работа, в осуществлении которой преимущество оказывается у кандидата Б. Кандидат Б не трибун и не кандидат в национальные герои. Он вообще расценивается многими как достаточно бесцветная личность, которая лишена выдающихся достоинств. Если Б и является выдающейся личностью, то прежде всего в смысле своих качеств как прагматика, способного находить общий язык со всеми, кто тоже исповедует прагматизм. Кандидат Б поэтому способен не углубить раскол в населении условной страны, а объединить его вне зависимости от национальной принадлежности.

Б будет иметь испытывать меньшие трудности и в контактах с соседями. Одни соседи – те, с которыми условная страна собирается создавать политическую и экономическую ассоциацию – сами прагматики. Большинство из них такие же бесцветные и даже в некотором смысле бесхребетные, как и кандидат Б. Им легче иметь дело с таким же не имеющим ярких черт функционером, а не с кандидатом в герои.

Общение с лидером соседа, аннексировавшего часть территории условной страны, будет сложнее. Однако и этот лидер известен своим прагматизмом. Нахождение общего языка не исключено даже в этом случае.

Выбор между кандидатами А и Б – это выбор между идейностью и прагматизмом как двумя векторами внутренней и внешней политики условной страны. Ни один из этих векторов не является абсолютно лучшим. Если бы условная страна находилась в иных геополитических условиях и в другом временном измерении, то героизм и национальная идейность, возможно, были бы лучшим вариантом.

Однако в действительности условная страна имеет очень непростых соседей и начала свой путь к строительству национального государства позднее большинства из них. Прагматизм и гибкость в

таких условиях могут оказаться как нельзя кстати. Иногда лучше выжить и сохранить саму условную страну, чем умереть последним героем исчезнувшей страны.

Власть и рынок: от черного лебедя к черному ворону
(17.04.2014)

Сегодня попытки предсказать развитие событий на Украине чаще всего тщетны, ибо самые невероятные варианты оказываются реализуемыми или уже реализованными. События, вероятность которых еще вчера представлялась близкой к нулю, сегодня стали реальностью. По сравнению с этим меркнут даже «черные лебеди» – т. е. события, упускаемые из виду в рыночных расчетах из-за их малой вероятности. Цена материализации невероятных сценариев на Украине, соответственно, оказывается крайне высокой.

Экономисты-неоклассики объясняют финансовый кризис 2008 г. в терминах «черных лебедей».

На рынках наступили события, вероятность которых расценивалась как крайне незначительная и наступление которых не было заложено в цене таких финансовых инструментов, как ипотека и деривативы.

«Черные лебеди» прилетели в 2008 г. из-за недостаточности механизмов пруденциального контроля в банковском и финансовом секторе. У них не было конкретного хозяина. Точнее, их хозяевами были все участники рынка, которые в погоне за увеличением маржи сокращали размеры резервов и страхования.

Черные птицы, прилетевшие в 2014 г., имеют другую историю. Они возникли не столько на конкретном рынке, сколько в политике. Их источник – волюнтаризм в принятии решений, имеющих важные геополитические, внутривнутриполитические и экономические последствия. Именно волюнтаристскими решениями прежде невероятные события превращаются сегодня в реальность.

«Хочу луну», – говорил император Калигула. И его безумное желание имело вполне реальные последствия для Древнего Рима.

Волюнтаризм решений представителей российской власти начинался с безобидных на первый взгляд форм. Хочу переокроить карту часовых поясов – так тому и быть. Последствия волевого приближения удаленных регионов к Москве никто не просчитывал. Как не были учтены интересы тех, кому, собственно, и жить по новому времени.

Операция по переводу Крыма на московское время – еще один пример импровизации политической воли. Ошибаются те, кто верит, что все было сделано по просьбе трудящихся ЮБК. Не спросили даже промосковски настроенных представителей местных властей.

Александр Лиев, бывший министр туризма Автономной Республики Крым, свидетельствует: «Я исполнял обязанности министра (в новом правительстве) и получил предложение работать, думал над ним, но не принял. Меня смутило тогда, что я не понимал процедуру принятия стратегических решений, почему и не принял решение идти в команду. Было заявлено, что Крым переходит на московское время. Это решение ни с кем из правительства не обсуждалось, оно было кем-то продиктовано. И тогда я ощутил, что решения принимаются не в Крыму, что сценарий ведется за руку, и с каждым часом – а время шло на часы – это было видно все больше» (Олександр Лієв: «Повернути Крим? Я фантазер, але не настільки», «Українська правда» от 10.04.2014).

На карте часовых поясов не остановились и принялись за географические карты. Видимо, совмещение поста президента РФ и председателя попечительского совета Русского географического общества было отнюдь не случайным.

Вариантов новых карт Украины циркулирует великое множество, причем даже на официальном уровне (Польское общественное телевидение сообщало в конце марта о получении польским МИДом предложений от российской Думы о разделе территории Украины). Ни на одной из них нет Украины в том виде, в котором она существовала последние 23 года. Нужно ли удивляться, что у самих украинцев о новых границах спросить никто не удосужился?

Происходящее сегодня на востоке Украины – результат попыток превращения ранее казавшихся невероятными вариантов географических карт в реальность. Как и в случаях других принимаемых волюнтаристским образом решений, последствия никто не просчитывает или просчитывает по принципу Наполеона (еще одного любителя изменения границ): главное – ввязаться в бой, а там видно будет.

Волюнтаристские решения невозможно рационально просчитать или предсказать. Сама возможность рационального предсказания политических решений строится на учете существующих ограничений и баланса интересов. Волюнтаризм является результатом

ничем не ограниченной власти, а потому даже возжелания Луны исключить нельзя, при всей его фантастичности.

Волюнтаристские решения нельзя и понять. Понимать можно только обоснованные решения. Ничем не ограниченная власть не нуждается в иных обоснованиях, кроме ее самой. Все обоснования производны от реализации власти.

В экономике игнорирование «черных лебедей» привело к глобальному кризису. В политике отказ просчитывать все и учитывать реалии может привести к гражданской войне и политическому кризису. В политике нужно учитывать все, в том числе и вариант воскрешения Черного Ворона из историко-приключенческих романов украинского писателя Василя Шкляра. Черный Ворон Шкляра – это борющийся за национальную целостность и независимость всеми доступными средствами воин.

Иными словами, последние волюнтаристские решения имеют все шансы способствовать возрождению не выдуманного пропагандистами, а действительного украинского национализма как реакции на триумф воли.

Завышенная планка ожиданий

(30 апреля 2014)

Украинская революция и ее ближайшие последствия

Термин «революция» в последнее время подвергся обесценению. Серия цветных революций привела к ротации элит, но не затронула глубинных оснований постсоветского устройства, при котором власть отчуждена от основной массы населения. Не случайно революции повторились в Киргизии и Украине. Однако события ноября 2013-го – февраля 2014 года в Украине были по замыслу масштабнее проекта по очередной смене элит.

Есть у революции начало

В Украине сегодня в ходу термин «революція гідності» («революция достоинства»). В отличие от оранжевой революции 2004 года люди вышли на улицы не ради поддержки конкретного лидера или политической партии. Они вышли прежде всего защитить свое достоинство и выступить против отношения к себе как к быдлу. Майдан образца 2013–2014 годов не был организован и срежиссирован сверху – политиками, их партиями или «вашингтонским обкомом». Он не был карнавалом, а был тяжелыми, грязными и опасными

буднями и для людей, живших в палатках, и для тех, кто приходил в центр Киева на время массовых мероприятий.

Революция достоинства подняла планку ожиданий значительно выше, чем мы к этому привыкли в других случаях. Ее участники видели своей задачей не приведение к власти конкретных людей, а смену системы отношений между властью и обществом. В новой системе представители власти должны были стать действительно теми, кем они на словах всегда себя называют – слугами народа. Кульминация революции снизу пришлась на бегство бывшего президента Украины Виктора Януковича за границу. Некогда всесильная правящая Партия регионов тоже развалилась на глазах – ее члены стали массово дезертировать.

Нет у революции конца

Далеко идущие планы, однако, пришлось скорректировать. Вакuum власти нужно было срочно заполнить. Ни внутри страны, ни за ее пределами никто не был готов иметь дело с самоуправлением масс в масштабах всей страны. И западным странам, и восточному соседу были нужны конкретные лица, которые могли бы представлять Украину на международном уровне (причем одни лица – Западу, другие – восточному соседу). Поэтому вопрос глобальный – как сохранить креатив и драйв революции, используя его для реформирования существующих институтов, – отошел на второй план. А ведь был шанс трансформировать майдан в постоянно действующие аналоги town hall meetings (городские и поселковые собрания, в ходе которых депутаты отчитываются перед избирателями).

На первый план вышел вопрос прагматический и даже приземленный: есть ли такая сила, которая готова взять на себя ответственность за происходящее в стране. За трамваи и рельсы. В ленинских традициях (и это при нелюбви украинских революционеров к Ленину как одному из символов ненавистной системы) такая партия нашлась. Представители «Батьківщини» заняли ключевые посты в постреволюционном государстве. Многие из них уже были во власти – в 2005–2009 годах. Поэтому новые лица в 2014 году практически не появились.

Произошел первый этап превращения поэзии революции в прозу послереволюционной повседневности. Вместо дискуссии, как перестроить институты власти в духе революции, ограничились ротацией властвующей элиты. Очередной.

Оптимисты сразу же возразят: людям свойственно учиться. И вернувшиеся к власти лица, наученные опытом своих неудач, бу-

дут стремиться не повторять своих ошибок 2005–2010 годов. Шанса научиться конструктивным вещам, впрочем, у них тоже не было.

Кто под желто-голубым знаменем раненый идет

Помимо необходимости обеспечения хождения по расписанию поездов и трамваев в условиях послереволюционной разрухи правительству Украины пришлось заниматься другими, ставшими значительно более срочными делами. Продолжая неявные параллели с 1917 годом, стране пришлось отражать внешнюю агрессию, причем и военную, и информационную. Для России образца 1917 года все кончилось Брест-Литовским миром и отторжением значительной части своих территорий (Украины, Прибалтики и части Закавказья). Для Украины пока все кончилось отжиманием Крыма и продолжающимися попытками повторения того же сценария в Донецкой и Луганской областях.

Как Брест-Литовский мир был унижительным для России, так и потеря Крыма стала тяжелым ударом для национального самосознания украинцев. Однако еще важнее и в первом, и во втором случае было сохранить хотя бы что-то. Потеря Крыма и продолжающиеся попытки разжечь гражданскую войну в двух восточных областях имеют еще одно важное измерение. В очередной раз изменены приоритеты действий нового правительства. Речь уже не идет об институциональных реформах для сохранения импульса революции. Речь идет об элементарном выживании и мобилизации на это всех материальных и интеллектуальных усилий.

Кто виноват?

Красивый проект украинской революции достоинства, который в случае успеха мог бы стать ориентиром для коренного переустройства других постсоветских стран и прежде всего – России, на сегодняшний день отправлен пылиться на полку. Пока не до него. Стоит ли искать конкретных виновников?

Конечно, сыграло свою роль отсутствие действительно новой, не запятнанной прошлым опытом коррупции, элиты в Украине. Но откуда ей взяться в условиях репрессий со стороны властей? Сыграла роль и военная, и информационная агрессия с Востока. Но стоило ли ждать поддержки революции со стороны властвующей элиты восточного соседа, позиции которой в случае своего успеха украинская революция неизбежно подорвала бы?

Рассуждая реалистически, сегодняшняя ситуация могла бы быть иной только в случае совершения революции в совершенном вакууме, при полном абстрагировании от существующих в Украине институтов и существующих у этой страны соседей. В постсоветских реалиях революционный проект подобного размаха неизбежно вызывает отторжение, а значит и беспорядки, угрозу полномасштабной войны.

Следующая революция

Сохранение отчуждения населения от власти делает вероятными следующие революции аналогичного характера, в том числе в России. Они могут развиваться по нескольким сценариям.

Во-первых, если нынешняя российская властвующая элита хочет избежать вероятности побега с переодеванием в женское платье, то в ее интересах допустить формирование контрэлиты, которая могла бы взять ответственность на себя и с которой можно было бы договориться. За круглым столом, а не под дулом автоматов, как в столице «независимого» Донбасса Славянске.

Во-вторых, если вариант переодевания в женское платье российской властвующей элитой потенциально допускается, то внесистемной оппозиции в этой стране стоит заранее просчитывать план действий в случае революции. Говоря более конкретно, необходимо теневое правительство во главе с людьми, которые бы систематически отслеживали ситуацию в различных сферах (от банковской до вооруженных сил) и были бы готовы взять на себя в час икс ответственность за хождение поездов и трамваев по расписанию. Пусть даже это правительство и будет частично существовать в изгнании. Важно, чтобы необходимость заполнения вакуума власти не забрала все силы и ресурсы новой революции, как это наблюдается сегодня в Украине (и как это наблюдалось почти 90 лет назад в России).

Что же касается Украины, то лучшим вариантом для ее населения на сегодня было бы оставление ее внешними силами в покое, что позволило бы ее правительству сконцентрироваться на более конструктивных вещах и отстроить по кирпичику новое государство.

Наиболее же реален, к сожалению, иной вариант – давление с Востока будет продолжено до тех пор, пока собственно полка с проектом революции не будет сожжена «коктейлем Молотова», брошенным «зеленым человечком». Нет проекта – нет проблемы. При таком подходе, впрочем, проект будет писаться заново опять и опять, но с шансами каждый раз оказаться на той же дальней полке.

Outsourcing як двигун "російської ідеї"

(20 мая 2014)

Назначение, или, скорее, самоназначение российского политтехнолога Александра Бородаев премьер-министром самопровозглашенной "Донецкой Народной Республики" стало напоминанием преимуществ аутсорсинга во внешней политике.

На "внешний подряд" выгодно отдавать выполнение наиболее скользких и рискованных задач. Спрашивать в случае неудачи будет просто не с кого.

Аутсорсинг в бизнесе

Аутсорсинг относится к стратегиям ведения бизнеса, которые приобрели популярность в последние десятилетия. Он предполагает выполнение части функций и операций компании работниками, которые не являются ее штатными сотрудниками.

Аутсорсингу обычно подвергают подбор персонала – внешними рекрутинговыми агентствами вместо собственных отделов кадров, ведение бухгалтерской отчетности – приглашенными специалистами вместо штатных бухгалтеров, уборку производственных и офисных помещений, охрану и многое другое.

Преимуществ в экономическом плане несколько. Здесь и выгоды от более глубокого разделения труда, о которых писал еще Адам Смит, и экономия на издержках.

Экономить на издержках удастся благодаря снятию компании с себя многих обязательств, которые ей пришлось бы выполнять в отношении штатных сотрудников: выполнения требований трудового законодательства, обеспечение их занятости – увольнение штатных сотрудников всегда связано со значительными издержками, и так далее.

По сравнению с компаниями, делающими ставку на постоянную занятость и развитие "внутреннего рынка труда", практикующие аутсорсинг несут минимальные обязательства перед исполнителями.

Американский опыт: "канализационные стоки" в Ираке

Аутсорсинг нашел широкое применение, как в американском бизнесе, так и в деятельности государственных органов страны. Последнее выглядит особенно привлекательно в контексте призывов к сокращению размеров государственного аппарата и передаче части его функций частному бизнесу.

Данные приоритеты легли основу нового государственного менеджмента, New Public Management – программы по реформированию государственного аппарата, реализуемой большинством западных правительств в течении последних 20 лет.

В Соединенных Штатах аутсорсингу подвергаются даже такие специфические функции государства, как исполнение связанных с лишением свободы наказаний в так называемых частных тюрьмах, и охрана границ – так технические аспекты охраны границы с Мексикой были первоначально переданы во ведение корпорации Boeing.

Особый интерес представляет использование аутсорсинга как инструмента внешней политики. Вместо размещения на территории другой страны регулярных войск и штатных военных советников, можно привлечь частные компании, специализирующиеся на предоставлении услуг по охране и физической защите.

Данная практика имеет богатые исторические прецеденты: в средние века многие европейские правители прибегали к услугам частных армий наемников – mercenaries, и даже бандитов и пиратов для реализации своих военных задач.

К выгодам более глубокого разделения труда и минимизации издержек в случае использования аутсорсинга как инструмента внешней политики добавляется еще одна, пожалуй, еще более существенная.

Выполнение военных задач частными руками снимает с государства, в чьих интересах действуют частные руки и стволы, всякую ответственность.

Официальные представители этого государства могут всегда заявить, что они здесь совершенно не при чем и дело в частной инициативе конкретных граждан. Как либерально мыслящие государственные деятели они не могут препятствовать частной инициативе.

Ситуация с использованием в ходе войны в Ираке множества частных охранных компаний хорошо иллюстрирует сказанное.

Частные компании привлекались к обеспечению охраны как американских чиновников, так и американских войск, будучи при этом освобождены от необходимости соблюдать как американское, так и иракское законодательство.

В сентябре 2007 сотрудники компании Blackwater расстреляли более дюжины иракцев по подозрению в возможных агрессивных действиях. Видео с места происшествия доказывает, что агрессия

имела место не со стороны граждан Ирака, а как раз со стороны сотрудников американского ЧОПа.

Однако все завершилось не уголовным разбирательством, а сменой названия – частная охранная корпорация продолжила свою деятельность сначала под названием Xe Services, а позднее – Academi. Наказания за убийство иракских граждан не понес никто.

Российский опыт: Крым и Донбасс

Российские власти с интересом и вниманием отнеслись как к американскому опыту, так и к средневековой европейской истории. Они были с успехом применены сначала при "отжиме" Крыма, а сегодня – в целях дестабилизации ситуации в Донецкой и Луганской областях, а также срыва президентских выборов.

По версии российских властей, Крым был включен в состав РФ в результате проведения референдума и при поддержке сил "самообороны Крыма".

По другим данным, искомый российскими властями результат был достигнут с помощью "государственно-частного партнерства" – совместным действиям регулярных российских войск и работающих на частные российские компании политтехнологов и специалистов по частной охране.

В качестве союзников также выступали и представители организованной преступности, некоторые из которых были награждены высокими государственными постами в новых органах власти.

Именно как "частные лица" действовали в Крыму и нынешний премьер-министр "Донецкой Народной Республики" Бородай, и военный лидер контролирующего город Славянск сепаратистов, тоже гражданин РФ Стрелков (Гиркин).

В Донецке и Луганске соотношение между "государственным" и "частным" изменилось еще больше в пользу последнего. Риски "операции" значительно выросли, а уровень поддержки со стороны местного населения оказался много ниже, чем в Крыму.

Поэтому основная ставка в Восточной Украине сделана как раз на российский аналог "сточных вод" – Blackwater. При неудаче начинания, в частности, проведении президентских выборов на фоне значительных людских потерь среди вооруженных сепаратистов, российские власти будут как бы ни при чем – все будет списано на частную инициативу отдельных граждан.

Разве можно жителям Кубани и Чечни запретить поехать в турпоездку по Востоку Украины?

Использование военного и политтехнологического аутсурсинга для сохранения Украины, или ее восточной части, под российским контролем позволяет РФ делать громкие заявления на международном уровне о нарушениях прав человека и даже искать поддержки, правда, безуспешно – в Совете Безопасности ООН.

Однако этот "успех" в конечном счете достигнут благодаря копированию западных, в частности, американских стратегий аутсурсинга.

Где оригинальность и "третий путь", проповедником которого в среде российских политтехнологов считают премьер-министра "Донецкой Народной Республики" Бородай? Получается, что для продвижения "русской идеи" используются американские подходы и решения.

Так не пора ли переименовать "Донецкую Народную Республику" в Blackwater Republic – именно так, в латинской транскрипции?

Как сделать весну вечной: российский рецепт

(18 июня 2014)

Аннексия символов: от "отжимания" территории к захвату бизнеса

Продление весны и молодости – задача, над которой ломало голову не одно поколение. Рецепт оказывается прост и не требует развития биотехнологий. Достаточно алхимии. Политической.

Весна может оказаться вечной, если это "русская весна". Правда, заряд позитива при таком раскладе достанется далеко не всем, а лишь самим алхимикам – идеологам и вдохновителям этого феномена внешнеполитической природы.

Сирийский кризис достиг точки кипения в сентябре 2013 года. Эта раздираемая гражданской войной страна столкнулась с угрозой внешнего военного вмешательства, которое было в последнюю минуту предотвращено усилиями российского лидера.

Целью вмешательства России в том случае, однако, была не стабилизация ситуации и возвращение к мирной жизни. Скорее, наоборот, речь шла о сохранении очага напряженности на Ближнем Востоке.

С тех пор прошел почти год. Сирия по-прежнему находится в состоянии гражданской войны, конец которой не виден. Выгоды России от поддержания огня в сирийском кризисе не очевидны внешнему наблюдателю, но вполне реальны.

Во-первых, продолжающийся кризис служит напоминанием странам Запада об их фиаско. Этакая заноза в не самом удобном месте.

Во-вторых, нестабильность на Ближнем Востоке выгодна производителям энергоносителей, а значит и России. Она "подпирает" мировые цены на нефть и газ.

В-третьих, у России сохраняется агент влияния на Ближнем Востоке. Пусть влияние этого агента в данный момент стремится к нулю, но на безрыбье и рак рыба.

Вслед за Сирией "вечная весна" по российскому сценарию принесена ветром с Востока в Донецкую и Луганскую области Украины.

Задачами России на данном этапе – после неудачи с реализацией проекта "Новороссия" – является не защита русскоязычного населения, об этом как-то забылось. Не присоединение указанных областей к России – после осознания цены включения Крыма в состав России и последствий этого включения для местного населения об этом тоже не говорят.

И даже не создание буферных государств-карликов по модели Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии – недавние волнения в Абхазии по украинскому сценарию заставили отложить в долгий ящик даже этот план.

Так за что же воюют и гибнут "добровольцы" из ряда регионов России на Востоке Украины и ради чего российский лидер идет на риск поставок оружия этим "добровольцам" с российской территории?

Они воюют за поддержание нестабильности теперь уже в Украине.

С точки зрения российского руководства, огонь в этой стране не должен погаснуть как можно дольше – желательно никогда, но ведь как догадывался еще Ходжа Насреддин, в долгосрочном периоде мы все, в том числе и султан, умрем.

Какие же выгоды для российского руководство от продолжения "российской весны" в Украине? На самом деле их даже больше, чем в сирийском случае.

Во-первых, не дать новым украинским лидерам перейти к конструктивной деятельности по отстраиванию страны, борьбе с коррупцией и так далее.

Если это случится, то станет доказательством возможности и необходимости смены власти и в самой России. Ведь процветающая

после Майдана Украина – это крест на многих "прагматических" аргументах в пользу сохранения российского статус-кво.

А сохранение власти – эта та константа, которой определяются действия российского руководства. Пока идут военные действия, о каком конструктиве может идти речь?

Во-вторых, сохранение нестабильности вблизи российских границ, а уж тем более в бывшей "братской" стране, позволяет поддерживать стабильность внутри самой России.

Действительный источник напряженности и проблем внутри России найден – это украинские националисты и "фашиствующие элементы". Рейтинги российских лидеров, противостоящих "бендеровцам" всеми душевными и телесными силами, сегодня близки к историческим максимумам.

В-третьих, добавить еще одну, еще большую занозу в не самое удобное место западных лидеров. Как и в случае с Сирией, пока их вмешательство в украинский кризис не привело к его разрешению. Угрозы пальчиком и словесные порицания только раззадоривают российского лидера.

В-четвертых, доказать, наконец, всем, от "пятой колонны" – российских правозащитников – до мировой общественности, что действия России во время второй чеченской кампании, той самой, что и привела российского лидера к власти, были оправданы.

Ну, нельзя было по-другому. Вы же сами видите. А если украинцы все же не хотят помочь в получении доказательств данного тезиса, то сделаем это сами – с помощью переданных нами установок "Град" усилиями наших "добровольцев".

Дальнейшие попытки России, направленные на задержку любой ценой "российской весны" на востоке Украины не смотря на наступившее лето, достаточно легко просчитываемы.

Ни в коем случае не снижать давления по всем фронтам – от международных – командующие фронтами товарищам Лавров и Чуркин, до луганских – от первого до Н-го, ввиду длины списка командующих привести его не представляется возможным.

При достижении точки невозможности продолжать военное противостояние – в последний момент поставлять оружие и новые отряды "добровольцев" даже под риском ослабления позиций на вышеуказанных международных фронтах.

Избегать прямой конфронтации как с новыми украинскими властями, так и с Западом. Огонь весны должен тлеть, а не превращаться в открытое пламя.

В конце концов, русская весна – это не египетское лето. При этом не устает напоминать, что руки новых украинских властей пока еще "не запятнаны кровью", то есть связывать эти самые руки как можно сильнее.

Развязывать руки "добровольцам" – ведь от них никто не ожидает исполнения законов, будь то российских, или украинских. Они получают право самим устанавливать законы и следить за их исполнением.

Словом, получают шанс почувствовать себя в положении российского лидера, пусть даже и в рамках отдельно взятого квартала или поселка.

Так что, пора подавать заявку на патент на "алхимию вечной весны" и в очередной раз утереть нос этим западным умникам, которые ставят на биотехнологии?

Русский мир против национального государства

(2 июля 2014)

В своем выступлении на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации российский президент в очередной раз заявил о защите русского мира как основном векторе внешней политики России сегодня.

Определения данной концепции не найти в учебниках. Речь идет о заявке на новое слово в геополитике и об отрицании сложившегося с окончанием "холодной войны" в международных отношениях статус-кво.

По сути, во внешней политике предложено идти ва-банк, рассчитывая на полный выигрыш – изменение архитектуры международных отношений. Полный проигрыш, впрочем, равновероятен.

Национальное государство

Ключевыми принципами европейского устройства принято считать ассоциацию национальных государств (nation-state) при сохранении баланса сил между ними.

Модель национального государства предполагает использование в качестве основания государственного устройства нации.

Национальное государство – это не обязательно националистическое государство. Оно может и должно защищать права национальных меньшинств и создавать условия для их участия в государ-

ственном управлении с помощью антидискриминационной политики, например, вводя квоты в органах государственного управления.

Национальное государство построено по территориальному признаку: оно обладает монополией на применение насилия в пределах своих границ.

Опыт двух мировых войн, начавшихся именно в Европе, привел к пониманию того, что ни одна страна не должна иметь возможности – военной или экономической – предъявлять претензии на территорию другой.

Выражаясь словами Мишеля Фуко, "европейский баланс означает, прежде всего, невозможность для более сильного государства навязывать свои законы любому другому государству".

Европейский Союз был бы невозможен без сохранения такого баланса.

Модель на вырост

Европа пришла к модели национального государства в результате длительного исторического развития. Ее жители убедились в необходимости поддержания баланса сил на своем собственном опыте. Оба этих принципа были во многом "выстраданы", а не привнесены извне.

Модель национального государства, однако, сегодня стала эталоном международных отношений. Ее сознательно переносят в те страны, которые в терминах историка Александра Гершенкрона, находятся на пути догоняющего развития.

Население этих стран по разным причинам не смогло построить национальное государство самостоятельно. Во всяком случае, в тот период, когда этим занимались европейцы.

Случай Украины показателен в этой связи. Украина была лишена государственности, за исключением коротких периодов, на протяжении большей части своей истории.

Формальная независимость, полученная в момент исчезновения Советского Союза, не была подкреплена реальной.

События ноября 2013марта 2014 показали, что значительная часть населения Украины наконец созрела для создания полноценного национального государства своими силами.

При этом желание использовать европейскую модель возникло изнутри, но не было привнесено извне.

Модель на экспорт

Адаптация модели национального государства в странах, которые не пришли к ней самостоятельно, связана с рядом трудностей. Одна из них заключается в наличии альтернативных моделей государственного устройства.

Как утверждает французский политолог Бернар Бади, если модель национального государства привносится извне в страну, в которой преобладают иные представления о государственном устройстве, то конфликтов не миновать.

В частности, Бади говорит о двух распространенных альтернативах модели национального государства. Первая из них – это модель племенного устройства, до сих пор популярная в ряде африканских и азиатских стран.

Племенное государство не имеет границ. Точнее, границы перемещаются вместе с племенем, выступающим в качестве носителя прото-государственных структур.

Вторая модель представлена исламом. Согласно этому религиозному учению, гражданином исламского государства является любой носитель этой веры, где бы он ни находился географически – в центре Европы или в Азии. Единство в вере не требует получения паспорта "светского" государства.

Имеющая европейские корни модель национального государства отторгается и в первом, и во втором случае.

Русское слово во внешней политике

Российский президент сформулировал заявку на еще одну альтернативу европейскому национальному государству – модель государства, образованного по языковому и культурному признаку.

Если в исламском государстве первично единство веры, то в русском государстве, в версии российского президента, первичны язык и широко понятая культура, в том числе, православие как ее элемент.

Российский президент четко заявил: "наша страна будет и впредь энергично отстаивать права русских, наших соотечественников за рубежом, использовать для этого весь арсенал имеющихся средств: от политических и экономических – до предусмотренного в международном праве гуманитарных операций права на самооборону".

При этом под русскими он понимает не этнических русских, а всех носителей русского языка и других элементов русской культуры.

"Когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком".

С этой точки зрения, где бы ни находился носитель русского языка – он является гражданином русского мира.

Экспорт русского мира

Вопрос о том, все ли в России согласны с русским миром как основой российского государства, пока остается открытым.

Как минимум крымские татары, недавно включенные в очередной раз в состав российского государства, выражают свое несогласие и приверженность к модели национального государства через получение статуса коренного народа.

Навязывание модели русского мира Украине, которая, наконец, самостоятельно "дозрела" до строительства национального государства, лежит в основе тех конфликтов, которые сегодня наблюдаются в ее двух восточных областях.

Будет ли она полноправным членом ЕС в ближайшем будущем – это уже вторичный вопрос. Первично то, что она становится полноценным национальным государством.

На русском языке говорят не только на Донеччине и Луганщине. Этот язык слышен на улицах и Харькова, и Запорожья, и Днепропетровска. В храмы Московского патриархата ходят во многих регионах Украины.

Однако конфликт принял формы военного противостояния только в Донецкой и Луганской областях, то есть там, где Россия предприняла особенно активные усилия, вплоть до поставок тяжелых вооружений и наемных бойцов, по экспорту русского мира.

Откол от "русского мира" Днепропетровска оказался для российского руководства особенно болезненным, если судить по реакции его представителей на фигуру руководителя областной администрации Игоря Коломойского.

Весь предшествующий опыт навязывания определенной модели государства извне, будь-то национальное государство или исламское, свидетельствует об обреченности подобных попыток на провал.

Если население конкретной страны самостоятельно дошло до развития своими силами либо национального государства, либо исламского государства, то цена смены вектора его государственного

развития будет крайне высокой как для населения, так и для "экспортеров".

В случае Украины цена может быть за пределами высокой. Поэтому решением, как украинского кризиса, так и ряда конфликтов на Ближнем Востоке, мог бы стать отказ от навязывания моделей государственного устройства извне и признания их плюрализма на международном уровне.

В этих условиях шанс на сохранение есть и у русского мира.

Сколько стоит молчание Европы

(21.07.2014)

Согласие европейских элит на табуирование украинской темы – плата за доступ к российской трубе.

Реакция европейских элит на ситуацию на Украине вообще и роль России в украинском кризисе в частности характеризуется множеством табу. Существует табу на признание происходящего военным противостоянием, а фактически – агрессией во все более явной форме. Практически табуирована тема взятых на себя в 1994 г. двумя ядерными европейскими державами, Великобританией и Францией, обязательств по гарантированию территориальной целостности Украины. А в последнее время табу стало и обсуждение «секторальных» санкций, т. е. санкций в отношении ключевых российских компаний.

Табу обычно рассматривается в качестве иррационального явления. Соответственно, возникновение и применение табу изучают представители тех дисциплин, которые крайне неохотно используют понятия рациональности для объяснения человеческого поведения: антропологи, этнографы и представители интеракционизма в социологии.

Авторы одной из влиятельных на Западе концепций терроризма Жозеба Зулайка и Уильям Дуглас (Zulaika, Joseba; Douglass, William. *Terror and Taboo: The Follies, Fables, and Faces of Terrorism*, 1996) объясняют наложение табу на обсуждение социальных (в отличие от военных или политических) источников терроризма тем, что иначе пришлось бы признать наличие корней терроризма в самих устоях современного общества. Табуирование этой темы отражает, по мнению этих социальных антропологов, нежела-

ние ставить и решать сложные вопросы (что неизбежно при рациональном подходе к делу).

Если наложение табу на анализ социальных корней терроризма можно рассматривать как нерациональное решение сложной задачи, то отказ называть вещи своими именами в украинском кризисе вполне может оказаться результатом рационального выбора европейцев. Табу в данном случае возникает в результате рационального стремления избежать сколько-нибудь серьезного конфликта или конфронтации с Россией.

Уважение к России

Нет, европейские политики не стали поголовно русофилами. Томика Бердяева пока не найти на их прикроватной полке. Они всего лишь согласились играть по устанавливаемым Россией правилам. Отказ от игры по этим правилам чреват для европейцев потерями. Нет, не угрозой военного вторжения или появления российских «волонтеров» и «зеленых человечков» где-нибудь в берлинском Тиргартене и даже не угрозой остаться без российских энергоносителей. Отказ от игры по российским правилам поставит под угрозу всего лишь их привилегированный доступ к дорогим, но надежно поставляемым российским энергоносителям, в первую очередь природному газу. Отказ всего лишь грозит подорвать достигнутый уровень комфорта и благосостояния.

Впрочем, о предпочтениях не спорят. Во всяком случае экономисты. Они стараются объяснить поведение людей, рассматривая их предпочтения как заданные и используя модель рационального выбора. В чем сегодня заключается выбор членов европейской элиты? Они выбирают между статус-кво, при котором игра идет по российским правилам, и попыткой изменения этих правил.

Сохранение статус-кво удобно и комфортно в экономическом смысле (о морали пусть говорят священники и дети). Поставки энергоносителей (нефти, газа и угля) обеспечивают все возрастающую долю потребностей стран Европейского союза в энергии. Если 10 лет назад Россия покрывала 17% потребностей Европейского союза в энергии, то сегодня – более 21%. Сведение газового баланса Евросоюза требует поставок из России еще в большей мере.

Энергетическая и экономическая зависимость стран – членов ЕС от России и их позиция в вопросе о санкциях

	ОБЩИЙ КОЭФФИЦИЕНТ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОСТАВОК РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ (СЫРАЯ НЕФТЬ, ПРИРОДНЫЙ ГАЗ И УГОЛЬ)*			СРЕДНЯЯ ДОЛЯ ПОСТАВЛЯЕМОГО ИЗ РОССИИ ГАЗА В ОБЩЕМ ГАЗОВОМ БАЛАНСЕ, ВКЛЮЧАЯ СОБСТВЕННУЮ ДОБЫЧУ, %	ОЦЕНКА ПОЗИЦИИ В ВОПРОСЕ О САНКЦИЯХ ПРОТИВ РОССИИ (5 ОЗНАЧАЕТ ПОЛНУЮ ПОДДЕРЖКУ, -5 – ПОЛНОЕ ОТРИЦАНИЕ)	ДОЛЯ ОБЩЕГО ТОВАРООБОРОТА С РОССИЕЙ (ЭКСПОРТ И ИМПОРТ) В ВВП, %
	2011**	2006***	2004***			
Австрия	23,433	22,312	21,351	60,00	-1	1,7
Бельгия	20,081	18,295	16,75	.30	4	3,1
Болгария	62,585	38,705	37,504	88,85	-5	13,8
Великобритания	6,254	6,343	2,7	.00	4	1,3
Венгрия	44,759	51,089	48,699	79,90	-2	10,8
Германия	24,679	23,024	21,525	37,30	-1	2,9
Греция	25,968	23,634	23,678	55,60	-4	3,0
Дания	6,613	5,635	5,67	.00	3,5	1,7
Ирландия	0	0	0	.00	3	1,0
Испания	10,174	10,968	9,235	.00	-3,5	1,0
Италия	17,647	17,145	22,336	28,85	-3	3,1
Кипр	0,05	n. a.	n. a.	.00	-4	12,4
Латвия	23,396	37,28****	67,701	100,00	4	47,9
Литва	136,073	64,191	47,168	166,40	5	22,0
Люксембург	3,958	n. a.	n. a.	24,10	-4	.4
Мальта	0	n. a.	n. a.	.00	0	34,4
Нидерланды	30,287	13,971	11,3	5,20	-0,5	14,1
Польша	26,318	30,361	27	58,60	5	7,7
Португалия	2,250	0,054	3,791	.00	0	.6
Румыния	3,792	19,611	22,28	24,30	4	3,1
Словакия	77,875	52,56	53,702	83,50	-1	14,7
Словения	8,039	6,475****	7,288	60,20	-3	4,6
Финляндия	44,081	36,896	40,882	100,00	-0,5	10,2
Франция	13,604	10,614	8,025	16,00	0,5	1,3
Чехия	45,088	26,124	24,653	57,50	1	7,3
Швеция	22,858	11,269	8,288	.00	3,5	2,6
Эстония	11,640	15,55****	13	100,00	4	26,2
EU-27	21,23	18,72	17,19	23,43	0,33	9,37

ЛЕГЕНДА: *КОЭФФИЦИЕНТ РАССЧИТАН КАК СУММА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОЛИ ОПРЕДЕЛЕННОГО ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯ В ОБЩЕМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ БАЛАНСЕ СТРАНЫ, ДОЛИ ИМПОРТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ В НЕМ И ДОЛИ ПОСТАВОК ДАННОГО ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯ ИЗ РОССИИ В ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ ЕГО ИМПОРТА; **** БЕЗ ДАННЫХ ПО СЫРОЙ НЕФТИ

ИСТОЧНИКИ: ** EUROPEAN COMMISSION, EU ENERGY IN FIGURES: STATISTICAL POCKETBOOK 2013 (LUXEMBURG: PUBLICATIONS OFFICE OF THE EUROPEAN UNION, 2013), P. 165–219; EUROSTAT ([HTTP://EPP.EUROSTAT.EC.EUROPA.EU/PORTAL/PAGE/PORTAL/EUROSTAT/HOME](http://EPP.EUROSTAT.EC.EUROPA.EU/PORTAL/PAGE/PORTAL/EUROSTAT/HOME), EXTRACTED ON JULY 9, 2014) AND THE AUTHOR'S CALCULATIONS; *** ANTON OLEINIK, MARKET AS A WEAPON: THE SOCIO-ECONOMIC MACHINERY OF DOMINANCE (NEW BRUNSWICK: TRANSACTION PUBLISHERS, 2011), P. 9; **** EUROGAS, STATISTICAL REPORT 2013 (BRUSSELS: EUROGAS, 2013), P. 6; EUROGAS, STATISTICAL REPORT 2012 (BRUSSELS: EUROGAS, 2012), P. 6; EUROGAS, STATISTICAL REPORT 2011 (BRUSSELS: EUROGAS, 2011), P. 8; ***** OPEN EUROPE, 'DIVIDED WE STAND: WHERE DO EU STATES STAND ON FURTHER SANCTIONS ON RUSSIA?' ([HTTP://WWW.OPENEUROPE.ORG/UK/ARTICLE/PAGE/EN/LE/ID=19876/PAGE=FLASHANALYSIS](http://WWW.OPENEUROPE.ORG/UK/ARTICLE/PAGE/EN/LE/ID=19876/PAGE=FLASHANALYSIS) ACCESSED JULY 10, 2014); ***** FEDERAL STATE STATISTICS SERVICE. ROSSIYA I STRANY EVROPEISKOGO SOYUZA – 2013 (RUSSIA AND COUNTRIES-MEMBERS OF THE EU – 2013), TABLE 14.7 AT P. 248 ([HTTP://WWW.GKS.RU/BGD/REGI/B13_65/MAIN/HTML](http://WWW.GKS.RU/BGD/REGI/B13_65/MAIN/HTML)), FEDERAL STATE STATISTICS SERVICE. ROSSIYA I STRANY EVROPEISKOGO SOYUZA – 2011 (RUSSIA AND COUNTRIES-MEMBERS OF THE EU – 2011), TABLE 14.7 ([HTTP://WWW.GKS.RU/BGD/REGI/B11_65/ISSWWW.EXE/STQ/14-07.HTM](http://WWW.GKS.RU/BGD/REGI/B11_65/ISSWWW.EXE/STQ/14-07.HTM) EXTRACTED ON JULY 10, 2014) AND THE AUTHOR'S CALCULATIONS.

ZULAIKA, JOSEBA, DOUGLASS, WILLIAM A., TERROR AND TABOO: THE FOLLIES, FABLES, AND FACES OF TERRORISM (NEW YORK AND LONDON: ROUTLEDGE, 1996), 216.

[2] BRYON MORASKI AND MAGDA GIUCIANU, 'EUROPEAN REACTIONS TO THE 2008 GEORGIAN–RUSSIAN WAR: ASSESSING THE IMPACT OF GAS DEPENDENCE', STUDIES IN COMPARATIVE INTERNATIONAL DEVELOPMENT, 48 (2013).

Альтернативы российским энергоносителям нет и в ближайшем будущем не предвидится. Два других крупнейших поставщика природного газа на европейский рынок, норвежская госкомпания Statoil и алжирская госкомпания Sonatrach, просто не в состоянии самостоятельно насытить рынок. А переход на импорт сжиженного газа и добычу собственного сланцевого газа требует времени и существенных инвестиций.

Сохранение статус-кво требует малого. Нужно соглашаться с правилами игры, навязываемыми Россией. В нынешних условиях это равносильно отказу называть вещи своими именами. То есть согласие на табуирование украинской темы – та плата, которая взимается за доступ к российской трубе.

Разве велика цена за сущий пустяк? Ведь не танки и не ЗРК «Бук» россияне собираются разместить на Елисейских Полях!

Более того, и прецеденты уже были. Вооруженный конфликт между Россией и Грузией в августе 2008 г. Российские товарищи были бы весьма расстроены, если бы их европейские клиенты заняли жесткую позицию по данному вопросу и называли вещи своими именами. Европейские клиенты не подвели. При голосовании в Парламентской ассамблее Совета Европы осуждающие Россию резолюции поддерживали в основном представители тех стран, у которых нет односторонней зависимости от поставок энергоносителей из России (Moraski, Bryon; Giucanu, Magda. *European Reactions to the 2008 Georgian-Russian War: Assessing the Impact of Gas Dependence*). И никто из них не умер и даже не слег в больницу с гипертоническим кризом.

Больше газа, больше дружбы

Влияют поставки российских энергоносителей и на сегодняшнюю позицию европейских стран по украинскому вопросу. Регрессионный анализ показывает, что чем существеннее доля поставляемого из России газа в газовом балансе страны, тем активнее она выступает против введения сколько-нибудь серьезных санкций в отношении России. Примечательно, что степень зависимости от российского природного газа предсказывает позиции европейских стран по украинскому вопросу лучше, чем коэффициент их полной энергетической зависимости от российских энергоносителей (т. е. учитывая поставки российских нефти и угля). Рынки нефти и угля более конкурентны, а значит, ими труднее манипулировать.

Попытка же изменения установленных Россией правил чревата. И труба мимо храбрецов пройдет – а за нее ведь многие борются, – да и цену за газ проштрафившемуся клиенту предложат совсем другую. Придется тогда покупать товары и услуги у более стоворчивых европейцев. Регрессионный анализ также показывает, что чем более позитивно сальдо баланса во внутриевропейской торговле, тем активнее страна выступает против санкций, и наоборот.

Таким образом, интересы европейских элит и интересы российской властвующей элиты сочетаются. Просят россияне пока немного (разве введение табу чего-то стоит?), а вот обеспечиваемые их энергоносителями удобство и комфорт дороги.

Танки и ЗРК – это для тех, кто зациклен на своей свободе и достоинстве (не зря же эти украинцы назвали события ноября 2013 г. – февраля 2014 г. «революцией достоинства»). Прагматики просто не знают таких слов. Прагматики предпочитают закрывать глаза и договариваться. Прежде всего с Россией. И ничего, что договор осуществляется на ее условиях. Главное, чтобы не было совсем уж явного давления. И ведь нет явного давления. Пока.

Как украинский кризис стал глобальным

(13 ноября 2014)

Украинский кризис сыграл роль реагента, который способствует проявлению ранее остававшихся невидимыми образов.

В результате была сорвана маска с новороссийского самовластия. Готовность власть предержащих использовать все средства для сохранения своей власти, вплоть до самых насильственных, более не может быть скрыта за риторикой рынка и борьбы с терроризмом.

Впрочем, голым оказался на поверку и европейский король. Его либеральная риторика с акцентом на европейские ценности и права человека – это всего лишь обесцененная неготовность заплатить даже малую цену за их защиту. Прагматические интересы европейского короля по обеспечению комфортной температуры в замке зимой стали важнее декларируемых принципов солидарности и свободы.

Политический эксгибиционизм России

Готовность обладателей власти в России явить свое истинное лицо имеет нечто общее с типом чиновника, описанным Достоевским в "Униженных и оскорбленных".

Этот чиновник раздевался совершенно и запахивался в длинный, до пят, плащ. Встретив прохожего, он неожиданно распахивал плащ "и показывал себя во всем... чистосердечии". Тем самым чиновник-эксгибиционист, вероятно, выражал свой протест против той роли, которую ему приходилось играть на службе и в distinguished обществе.

Обладатели власти в России тоже долгое время старались вести себя *comme il faut* в достопочтенном обществе. Говорили правильные слова и уверяли всех в своей приверженности к универсальным ценностям. Надевали европейские одежды и сверяли время по швейцарским часам.

Им мало кто верил – учитывая их тенденцию к домашнему, то есть внутривоссийскому, насилию и даже деспотизму.

Видимо, устав от условностей, российские правители решили показать свое настоящее "я". Как подметил Достоевский, *"есть особое сладострастие в этом внезапном срыве маски, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостаивает и постыдиться перед ним"*.

Смотрите, дескать, какие мы на самом деле. Наше "чистосердие" нисколько не постыдно, а, наоборот, по-своему приятно.

Политический вуайеризм Запада

Снятие маски с западных властвующих элит подчинено иной логике.

Никакого удовольствия от выставления себя голыми на всеобщее обозрение они, вероятно, не испытывают. Их нагота вынуждена. Она – реакция на распахнутый плащ российского чиновника. Западные властвующие элиты, может, и хотели бы продолжать щеголять в дизайнерских одеждах и благоухать духами, но оказались не готовы защищать имидж, а главное – декларируемые ими самими принципы, начиная с простейших, таких как дресс-код.

В результате российский чиновник распахнул не только свой плащ, но и сорвал одежды с замершего в оцепенении западного коллеги, обнажив вуайеристские наклонности последнего.

Мы с тобой – одной крови, брат. Нас отличали лишь одежды, но под ними, оказывается, спрятано одно и то же "чистосердие" обладателя власти. Даже некоторый душок, да простит благопочтенная публика за эту деталь.

Манихейство мысли и политической практики

Иными словами, украинский кризис обнажил универсальный характер коррумпированности представителей власти.

Коррумпированности как в буквальном смысле – использование Россией газа в качестве наиболее твердой валюты для покупки нужных решений или действий Европы, – так и в фигуральном

смысле, когда под коррупцией понимается отказ от собственных принципов. Как в "азиатской" России, так и на "европейском" Западе.

Данная констатация заставляет пересмотреть манихейскую позицию критиков представителей власти, как на Западе, так и в России.

Они традиционно видят в другой системе источник вдохновения для своей критики. Российские либералы ссылаются на Запад в качестве аргумента своего отрицания российской власти. Западные радикальные критики власти делают то же самое, только наоборот: Россия и Китай для них видятся альтернативой "загнивающему" Западу.

Позиция одного из наиболее видных и уважаемых на Западе интеллектуалов, Ноама Чомски, служит хорошей иллюстрацией. В недавно изданной книге *On Western Terrorism* он, в общем-то, справедливо критикует Запад и его неспособность соответствовать, не говоря уже о том, чтобы защищать установленные им же стандарты. Однако в качестве достойной альтернативы ему видится российская и китайская модели. Видимо, не случайно Чомски цитируют другие сторонники манихейского мышления – от Бен Ладена, в его видеообращении от 7 сентября 2007 года, до Russia Today.

Пока не открытый "третий путь"

В этом контексте украинский кризис становится мощным стимулом для поиска действительных альтернатив существующему положению вещей – как в России, так и на Западе. Их нахождение возможно при условии выхода за рамки ложных – манихейских – дихотомий: Восток или Запад, российское самовластие или "цивилизованная" коррупция власти на Западе.

Альтернатива заключается в отказе от коррумпированной власти, в какие бы одежды она ни рядилась – от Hugo Boss, от Юдашкина или от создателей религиозной моды на еще более дальнем Востоке.

Целостного описания такой модели на сегодня нет. Это отсутствие, собственно, и стало причиной обретения украинским кризисом глобальных масштабов.

Ни либерализм, ни марксизм, ни исламский фундаментализм такую роль выполнять не могут. Все они оказались на сегодня дискредитированы в качестве основы альтернативных проектов по обустройству общества, в котором не было бы политических эксгибиционистов и вуайеристов.

Зато есть множество инициатив на локальном, национальном и глобальном уровнях, из которых и может возникнуть действительная альтернатива.

Не стоит забывать, что украинский кризис начинался как "Революция достоинства", то есть как поиск способов донесения идеи о недопустимости коррумпированной власти до ее представителей. Тема приоритетности европейской интеграции и дихотомия "Россия или Европа" вышли на первый план уже позднее, в результате внешнего вмешательства во внутриукраинские процессы.

Так не эта ли попытка поиска действительной альтернативы так испугала представителей российского самовластия, что они решились на coming out и распахивание плаща перед почтенной публикой?..

Часть 4. Дискуссии и обсуждения

Нулевые годы в мире и в России: мегатенденции и перспективы

(стенограмма всероссийской научной конференции,
24-25 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону)

Участники

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)

Гарибян С., младший научный сотрудник (ЮФУ)

Гонтарь Н.В., кандидат географических наук, старший науч-
ный сотрудник (ЮФУ)

Евченко Н.Н., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)

Ерохин Н.Е., ученый секретарь вузов Южного федерального ок-
руга (ЮФУ)

Иноземцев В.Л., доктор экономических наук, профессор (МГУ)

Козер В., учитель истории

Константинов М.С., кандидат политических наук, старший на-
учный сотрудник (ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор политических наук, доктор философ-
ских наук, профессор (ЮФУ)

Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (НИУ-ВШЭ)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (ЮФУ)

Поцелуев С.П., доктор политических наук, ведущий научный
сотрудник (ЮФУ)

Трофимов М.Е., преподаватель (ЮФУ)

Преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального
университета и других ростовских вузов.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите объявить начало конференции «Нулевые годы в мире и в России: мегатенденции и перспективы». Ее проводит Южный федеральной университет, Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Высшая школа бизнеса, кафедра теоретической и прикладной политологии, Исследовательский комитет по политической концептологии РАПН, клуб «Интеллектуальный Ростов». Главная цель наших конференций, включая эту, – создание интеллектуальной среды в городе Ростове-на-Дону. Интеллектуальная среда предполагает творческую откровенность. Термин «творческая откровенность» ввел в своих воспоминаниях Д.С. Лихачев для обозначения тех мест деятельности, куда тянет собираться, обсуждать идеи, беседовать, где можно быть «без галстука». Тяга к творческой откровенности возникает там, где появляется группа людей – потенциальных или действительных единомышленников, людей близкого интеллектуального уровня и направления⁵⁸⁷. Творческая откровенность не связана с официальной точкой зрения на события и процессы, а также с существующими в данном месте и времени интеллектуально-политическими модами и конъюнктурой. В Ростове уже сложились для этого предпосылки, хотя влияние интеллектуально-политических мод, стереотипов государственной пропаганды и диссертационной машины тоже ощущается. Они-то и отбивают вкус к творческой откровенности, без которой невозможно создание интеллектуальной среды.

Реализуя эти идеи, мы приглашаем в Ростов интересных людей, обладающих творческой жилкой, независимо от возраста, статуса, степеней, которые продолжают оставаться действующими специалистами. Сейчас мы пригласили этнополитолога Эмиля Абрамовича Паина и экономиста Владислава Леонидовича Иноземцева. Они не нуждаются в представлении, их имена говорят сами за себя. Но попутно хочу сделать тебе (*обращаясь к Э.А.Паину*) сюрприз. Ты читал книгу Сергея Белякова «Гумилев сын Гумилева»?

Э. А. Паин: Нет.

В.П. Макаренко: Эта книга издана с подзаголовком «Самая полная биография Льва Гумилева», она получила приз в номинации «Большая книга». Напомню, что в предыдущие двадцать лет неоевразийство Л. Гумилева и его подпевал стало одной из интеллектуально-политических мод России. Уже есть не только кабаки «Евразия», но и Евразийский союз. В книге Белякова содержится

⁵⁸⁷ См.: Лихачев Д. Мысли о жизни: воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014, с.57.

основательный разбор истории создания этой моды, а также политико-идеологических следствий из неоевразийской концепции. Среди прочего на странице 718 Эмиль Абрамович Паин назван знаменитым политологом, а его статья «Этнополитический маятник» становится предметом разбора в целях критики неоевразийства.

Э.А. Паин: Пока что я буду сидеть, потом перейду к компьютеру. Пару лет назад, на вашей базе в «Лиманчике, в Абрау-Дюрсо я познакомился с моим другом Виктором.

В.П. Макаренко: В море познакомились...

Э.А. Паин: Точно не помню, на море или на суше. Мы познакомились, и он мне очень понравился. И вот уже второй раз приезжаю сюда, где Макар «пасет телят», главным образом – местное интеллектуальное сообщество. По мере возможностей я стараюсь ему помогать, и всегда приезжаю сюда с большим удовольствием. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. Я случайно открыл книгу Белякова и прочел: «Эмиль Паин тоже не читал «Этногенез и биосферу». Должен возразить: я читал этот бестселлер Гумилева и я не раз встречался с ним и даже своим студентам всегда рассказываю о своем первом знакомстве со Львом Николаевичем. Он в советские годы был очень популярен не только как сын поэтов Гумилева и Ахматовой, но и как диссидент. Приезжал в Москву, читал лекции по всяким подвальчикам. В одном из них в Монетном переулке был и я. Там я воочию увидел как в ответах на вполне конкретные вопросы, без малейшей примеси пристрастия великий ученый начал «разоблачатся», и мы все, кто пришел любоваться им и молиться на него, увидели, что вся его конструкция держится на мифологии. Держится на посыле, что всякий народ проживает 1600 лет. А как вы узнали, что 1600 лет? Под этой доктриной у Гумилева скрывается банальность: «Народ родился, вырос, стал зрелым, умер». Непонятно, почему одни живут тысячи лет, и не помирают интеллектуально? Той этнической группе, к которой я принадлежу, отсчитывают уже не 1600 лет, а больше двух тысячелетий. И пока особо не видно, чтобы она интеллектуально хирела. Короче говоря, это было как в цирке – разоблачение аттракциона, только там сам фокусник вначале показывает, а потом разоблачает свой же аттракцион. Но тут фокусник ничего не разоблачал, а публика случайно нащупала какие-то уязвимые места - и произошло разоблачение аттракциона. Я понял, что он тоже поэт, как папа и мама, и вся его теория – это поэтические метафоры. Перехожу к докладу.

Психология осажденной крепости и ее этнополитический маятник

Э.А. Паин

Вы прекрасно понимаете, что сфера этнополитики и межэтнических отношений бескрайняя. Возможно, мне вполне хватило бы одного года для того, чтобы я кратко изложил эту проблему, но мне не дадут ни года, ни месяца и даже часа. Поэтому для 45-минутного доклада я выбрал лишь узкий аспект этой проблемы под названием «Психология осажденной крепости и этнополитический маятник». Я думаю, вы грамотны и прекрасно знаете идею осажденной крепости.

У меня три тезиса. Первый – о мифологии стабильности. Сколько бы не говорилось, что мы живем все лучше и стабильнее, на деле стабильности нет. А просто действует закон сохранения протестной активности, она может переливаться из одной сферы в другую. Оказывается, приливы, перевод энергии, перевод недовольства из одной области в другую чрезвычайно простая вещь. Честно говоря, я давно знаю эту тысячелетнюю технологию. Она не сейчас изобретена, еще фараоны умели владеть ею. Однако я никогда не мог себе представить, что можно так быстро менять эти настроения, переводить социально-политические недовольства в этнические бунты, а бунты опять в политические недовольства.

Мой второй тезис будет посвящен обсуждению взаимосвязи этнических проблем в России лежит с нарастающим демографическим кризисом, который в ближайшее время станет одним из самых больших ограничителей развития страны.

Третий тезис – самый спорный, предупреждаю заранее – о противоречивой роли русского национализма по отношению к политическому периоду «безвременья». Наша тема обозначена широко – нулевые годы в мире и в России. Но уже начались десятилетия. В любом случае после 2000 года в России наступила эпоха безвременья. Такое безвременье в России было многократно. Нет никаких споров по поводу того, что же такое безвременье. Как сказал Лермонтов в 1838 году: «Его грядущее – иль пусто, иль темно». Безвременье характеризует состояние общества, его апатии в условиях неопределенности настоящего и отсутствии образа будущего, некой позитивной перспективы.

Итак, я перехожу к мифологии стабильности. Центр стратегических разработок под руководством М.Э. Васильева, закрытый пару дней назад, издал последний свой доклад, в котором была фраза: «Политические протесты, которые потрясли Москву в 2011–2012

годах, благополучно завершены, но, неожиданно, на периферии Россия проявилась сериями этнических взрывов, погромов и т.д.» А затем авторы доклада пишут: «Впервые за всю историю подготовки наших докладов мы не даем объяснения этой странной картине». Что же здесь непонятного? Переход от политических протестов к этническим бунтам является абсолютно естественным. Просто протест вернулся в ту же самую сферу, из какой вышел. В 2005 году в России прошли первые протесты по поводу монетизации льгот, которые уже сопровождались этническими окрасками. В январе 2005 года я был в городе Владимире, совершенно случайно по своим делам, но как раз в тот самый день там проходил массовый митинг людей, недовольных заменой льгот новыми монетарными выплатами. Это явление было самым обычным для того времени и обычными плакаты, которыми был увешан город, например, такой «Народу – электричество, Чубайсу – электрический стул», а рядом другой с лозунгом: «Русский, помоги русскому». Первый пока характерен для левых партий, а второй для русских националистов. Уже в 2005 году произошло сочетание политических и националистических лозунгов на волне социальных протестов, а в 2006 году грянул этнические беспорядки в Кондопоге, в 2008 году кризис по поводу дефолта тоже сопровождался этническими потрясениями. 2008 год был первым, когда начались судебные процессы по 282 статье УК – «разжигание межнациональной розни», и были первые люди, которых привлекли к уголовной ответственности. В 2011 году на Манежной площади в центре Москвы состоялся первый самый крупный по количеству участников митинг с протестными настроениями.

Но с чего он начался? Вовсе не с этнической проблемы, а с убийства футбольного фаната Егора Свиридова, а участников этого действия выпустили на свободу, скорее всего, не бескорыстно. Остается непонятно, каким образом типичная коррупционная проблема вдруг стала этнической. Но на площадь вышли люди с требованием «Долой кавказцев!», а не с требованием «Долой коррупцию!» и «Закон должен торжествовать!». И такой перевертыш мы замечаем многократно в разных областях.

В том же году состоялся первый крупный массовый митинг в Махачкале, который был вызван произволом властей, казнокрадством и коррупцией. Вы знаете, что эти регионы характеризуются высоким уровнем криминализации, в том числе и коррупцией. Митинг начинался требования: «Долой коррупцию!», а закончился дискуссией по поводу правильного и неправильного ислама. Вот это дви-

жение социальных и политических требований в сторону привычной и понятной аскриптивной идентичности с религиозными, этническими, расовыми, земляческими лозунгами – характерная особенность развития государств определенного типа.

В.П. Макаренко: Объясни, пожалуйста, как связать аскриптивность с идентичностью?

Э.А. Паин: Аскриптивная или предписанная идентичность – это широко известное в социологии понятие для обозначения определенного типа идентичности, связанного с этничностью, религиозностью и т.д. Его специфика в том, что такие идентичности, как правило, люди не выбирают, а получают от рождения, и потом несут всю свою жизнь. Предписанные идентичности самые болезненные, когда их затрагивают, – конфликт неизбежен.

Возвращаюсь от определения аскриптивной идентичности к сути и рассказываю дальше. Процессы перевода стрелки с социальной проблематики в сторону этничной происходят с помощью идеи «враг у ворот». Это достаточно распространенная технология. В условиях чрезвычайно действующих СМИ, с одной стороны, и чрезвычайно манипулятивности сознания, характерной для советско-российского общества, с другой стороны, она дает огромный эффект.

Мы видим, что не всякие призывы действенны, например: «Люди, перестаньте пить и курить!». Да хоть заклейте этими призывами все автобусы, все равно не бросят ни пить, ни курить. А довести людей до зоологического уровня – технология простейшая. Едва вы доводите пропаганду до базовых стереотипов доисторического состояния, – эффект наступает мгновенно, причем во всех странах. С этой точки зрения у России нет никаких особенностей, в ней действуют нормы стран с догражданской культурой и низким уровнем гражданской идентичности. В этих странах резко возрастает риск манипулятивности по сравнению со странами, в которых человек осознает себя субъектом. «Я гражданин и парни на Елисейских полях, в Белом доме или на Даунинг стрит, живут на наши налоги, это наши менеджеры». Когда наступает такое осознание, уровень манипуляции резко снижается. До гражданской культуры существует несколько стадий культурного развития. Гражданская культура или культура партиципации – это культура участия, когда человек осознает себя источником власти, источником основных изменений. Поэтому в нем повышается ответственность. Как только в нем повышается ответственность, у него резко падает интерес к тому, чтобы кто-то им руководил и погонял. Но если этого нет, тоже

возникает определенное удовольствие: «Вот приедет барин, барин нас рассудит, барин отвечает». Такой тип психологии характеризует определенный тип развития и не связан с одной страной. Так было во Франции в период абсолютизма, в Испании, в Португалии и в других местах, проходивших модернизационные стадии.

Некоторая ажитация политической активности характерна для очень узкого слоя людей, в основном москвичей. Снова порыв недовольства направляется в понятные, известные этнические бунты. В 2006 году у нас был один этнический конфликт в Кондопоге. Все социологические измерения показывают, что несколько лет после Кондопоги в обществе были ожидания конфликта, потом конфликтов не было, ожидания стали затихать, спад, и вдруг в 2012–2013 гг. необычайный взрыв активности. По материалам Левада-Центра показатели ксенофобии в России таковы (*показывает на таблице*). В синем столбце речь идет о врагах России, затем показаны ответы на вопросы: Поддерживаете ли Вы лозунг «Россия для русских?»; Испытываете ли Вы страх перед выходцами из Средней Азии и Кавказа?

В 2012–2013 гг. проходил взрыв различного рода этнических конфликтов и фобий. В 2006 году была одна Кондопога, в 2013 году сразу пять Кондопог: Среднеуральск, Пугачев, Нурлат, Бирюлево в Москве, Питер. Сразу пять конфликтов с многотысячными демонстрациями и всем, что угодно. Это было вершиной айсберга. Меньше описывали то, что произошло в деревне Вешенской, но она попала, потому, что там родился Нобелевский лауреат. Прокурор Чайка выступает в Федеральном собрании и говорит, что за девять лет в России правонарушений в сфере межэтнических отношений выросло в пять раз. Опросы, которые делают по разным периодам, тоже показывают рост всех видов фобий. В 2013 году был поставлен рекорд по всем показателям: по «внешним врагам», по идее «Россия для русских», по раздражению мигрантами. Причем, самыми высокими были фобии, связанные с внешним врагом. То-есть, уровень манипуляции мнимыми «внешними врагами» выше, чем манипуляция угрозой «внутренних врагов». Но этот тип неприязни работает только при включенном канале пропаганды СМИ. Стоит выключить этот сигнал на пару дней, все сразу пропадает, потому что живых американцев ни в каком Пугачеве отродясь не видели. Кто такие марсиане, американцы или жители Евросоюза? – населению России не понятно.

В.П. Макаренко: А что имеется в виду под «включенным сигналом»?

Э.А. Паин: Я имею ввиду включенный информационный сигнал. Как только поступает определенная информация, растет уровень недовольства, как только сигнал выключают (как это случилось в 2012 году, по каким-то причинам информационных поводов, связанных с некими внешними экспансиями типа «враг у ворот»), – тут же падение на 15 пунктов. Стоит отметить рост и изменение информационного повода. До 2012 года «внешний враг» целиком был связан с США. В 2013 году в качестве «внешних врагов» начали выступать страны Европы, наравне с Америкой. Но в большей степени это связано с событиями на Украине. Как раз 2013 году этот процесс и начался. А по отношению к мигрантам тенденция растет наступательно. Тут уже информация существенной роли не играет, потому что объект виден ежедневно, его численность нарастает. Количество представителей других наций увеличивается повседневно. В магазинах вокруг моего дома число работников растет, в основном, из Киргизии и Узбекистана. Дворников из местных у нас не было пять лет, все приезжие. Однажды приехали мы с Владиславом Иноземцевым в гостиницу, а весь персонал пришлый, из стран Средней Азии. Перебить это с помощью информации очень сложно, практически невозможно.

В.П. Макаренко: Ситуация подобна тому, когда носильщиками на московских вокзалах были татары, а чистильщиками обуви в Тбилиси тоже представители одной нации.

Э.А. Паин: Перехожу к демографическому кризису. Вот эта пирамида или елочка (*показывает слайды*) типичная демографическая структура традиционного общества. Внизу широко – это огромное количество детей, структура сужается вверх по мере роста смертности. Все это меняется по мере взросления. Вот типичная картина традиционного общества, которая может не изменяться тысячелетиями, воспроизводя себя за счет естественного прироста. Она взята из одного дагестанского района, вы прекрасно знаете, где еще можно найти елочки.

Теперь перейдем к другой структуре. Вот демографическая структура похожая на разросшийся дуб, это схема демографической структуры города Норильска, но я думаю, что такова же демографическая структура в городе Ростове-на-Дону. Подавляющее большинство российских городов имеет такую демографическую структуру. Очень мало детского населения, зато очень много взрослого трудоспособного населения. Откуда оно берется, если детей мало? Прирост происходит за счет миграционного притока. В нормальной

ситуации приток происходил за счет сопредельных деревень в пределах небольшого радиуса. Что из этого вытекало?

Вот Костромская область, самая депрессивная во всей России. Это медвежий угол, не просто Нечерноземье, но он еще и территориально удален, где-то сбоку. Мы видим, что $\frac{3}{4}$ территории это убыль. Больше трети территорий – убыль необратимая, т.е. больше 60% населения отсюда ушло и не собирается возвращаться. Эти территории, заселенные с XV века, теперь заселить невозможно. Из Костромской области пошла 300-летняя династия Романовых. Которую мы недавно торжественно отмечали впервые за многие годы в Москве. В Манеже была выставка на несколько часов, многие люди шли посмотреть на династию Романовых. Эти территории есть сердцевина русской земли, но в них происходят необычайные и страшные изменения. Там треть уже умерла, а $\frac{2}{3}$ на пороге полного исчезновения. За пределами маленькой точки на этой карте – это город Кострома и маленького райончика, который его окружает, никакого роста населения не обнаружено, ни за счет миграции, ни за счет естественного притока.

Это самый депрессивный район, а что происходит в хороших? Возьмем черноземную зону, территорию рядом с Украиной. Вот город Курск и вокруг него небольшая зона с небольшим приростом, около 20%, все остальное точно так же, как и в Нечерноземье, здесь умирающая территория. Вот еще одна богатая зона, Алтайский край, еще одна российская житница. Ситуация чуть лучше, чем в Костромской области. Здесь не только город Барнаул, но и другие маленькие городки более-менее выживают. В Европейской же части России малые и средние города теряют население. И так на большей части территории России. То-есть, мы ежемесячно теряем территории с населением многократно больше населения Крыма. У нас существует проблема с тем, что в большей части территорий становится все меньше собственных ресурсов для выживания. А это значит, что приток в города, которые все в больших объемах нуждаются в трудовых ресурсах, будет происходить либо за счет Северного Кавказа либо Средней Азии. Других ресурсов нет.

Но в настоящее время резко упал уровень толерантности. Множество проблем решается с помощью перевода энергии недовольства из одной сферы в другую.

Теперь прогноз: впереди нарастание проблемы, которую никто не лечит; фобии будут расти неизбежно, по мере притока мигрантов из других стран и переселенцев из российских республик. А рост

мигрантов задан потребностью городов в демографических ресурсах, при исчерпанности местных ресурсов.

Возникает вопрос: кто воспользуется возникающей ситуацией нарастающего потенциального конфликта? В общественном мнении, отчасти у экспертов, но в большей степени в прессе, существует убогое представление о русском национализме. По сути дела, его чаще всего отождествляют с ксенофобией, но это не правильно. Что такое ксенофобия? Ксенофобия – это дорассудочные или предрассудочные элементы массового сознания, которые направлены на неблагоприятное отношение ко всякому чужому, причем неблагоприятность может колебаться от мягких форм до жесткой ненависти. Долгое время в России, еще со времен философа Соловьева, понятия национализма и ксенофобии сливаются. Меня это не устраивает по причине несоответствия мировым понятиям национализма и нация. С политологической точки зрения правильно определять национализм как идею, которая выступает за преимущественные права общества (гражданской нации) по отношению к государству (властям). Как говорил К. Дейч: нация – это общество, овладевшее государством, и сделавшим его орудием реализации национальных интересов. Вопрос в том, как вы понимаете национализм. Есть гражданское представление о нации. В этом случае она тождественна всем гражданам вне зависимости от этнических, религиозных, расовых особенностей. Гражданский национализм – это деятельность направленная на фактическую реализацию важнейшей нормы российской конституции, на то, чтобы народ реально, а не номинально стал источником власти в государстве. Есть этническое представление о нации, в соответствии с которым представители определенного этнического сообщества должны занимать лидирующее положение в стране.

Так вот, в России существует массовый этнический национализм разных направлений – чеченский, татарский, калмыкский, какой угодно. Есть и русский национализм, который изначально развивался на идее имперскости.. Русский национализм всегда был имперским. Он всегда выступает за то, чтобы быть главным, чтобы сохранить территорию.

В.П. Макаренко: Можно сослаться на слова Сталина о том, что «русский народ – главный народ».

Э.А. Паин: Да, можно сослаться. Хотя не очень, поскольку сталинская идея не стимулирует никакого национализма, ни гражданского, ни этнического, она была направлена на сохранение импе-

рии. Но вот после распада СССР в рамках русского национализма появляется новый классический антиимперский национализм. Один из главных теоретиков русского национализма К. Крылов пишет о том, что «русский национализм появился в 2000-е годы». Это годы антиимперского национализма, который выдвигает такие лозунги – «Не народ для страны, а страна для народа». Русский национализм – явление новое, я отсчитываю его с начала 2000–х годов. В рамках русского национализма появился и гражданский национализм. Такие лидеры, как И. Лазаренко, из Национал-демократического альянса, уже выступают с идеей, что они отказываются от лозунга «Россия для русских», не признают русских государствообразующей нацией. С точки зрения Национал-демократического альянса Россия должна идти по пути Евросоюза и образовать с ним единую общность.

Крайне любопытно вполне однозначное отношение русского национализма к крымским событиям. Почти все, кроме Национал-демократического альянса, поддержали присоединение Крыма к России, но оценивали его по-разному. Например, самый популярный националист Д. Демушкин говорит, что он усомнился в стремлении российской власти защитить интересы русских, поскольку она не защищает их интересы в России. По его мнению, отторжение Крыма от Украины – месть России Украине за Майдан, поскольку власть воров и жуликов боится революции. Вот выступление русского националиста. Это его слова, я лично не даю оценок насчет того, прав он или не прав. Для меня это важно как индикатор процессов в самом русском национализме.

Перехожу к заключению. Застой, безвременье – это очередная эпоха, которая основывается, существует и держится на общественной апатии. Однако нынешняя апатия в России характеризуется беспрецедентной социальной тревожностью. Общество усиленно мобилизуется с помощью пропаганды. Пока властям удастся использовать эту мобилизацию для самосохранения. Но в этом же самосохранении кроются и её возможные изменения. Кризис всей политической системы России будет усугубляться по мере всех кризиса идентичности, кризиса институционального, кризиса демографического и других внутренних кризисов. Они не видны, но существуют и вызывают напор различного недовольства. Ресурс времени для маневрирования, переливания из пустого в порожнее не бесконечен. Появляются новые социальные группы с неожиданными лозунгами. Я полагаю, что если и будет некий новый слой, который

содержит какие-то шансы изменений, то он так или иначе будет связан с идеей национализма. Практически везде, по всей Центральной Европе переход от авторитаризма к демократическим системам был связан с усилением роли национал-демократии. Так было в Польше, Чехии, Венгрии, Балтии. Но там национализм основан на борьбе с внешней империей. В России же нужно выдвинуть империю из себя. Эта задача намного сложнее и сравнится ли с ней русский национализм, большая часть которого и сегодня еще имперская? Неизвестно. Однако уже видно, что внутри обычного русского имперского национализма появляются новые течения с принципиально иной идеологией. Очень может быть, что они возьмут на себя функцию изменений.

Спасибо за внимание!

(Аплодисменты).

Вопросы

В.П. Макаренко: Прежде чем перейдем к вопросам, скажу о новых исследованиях. В 2010 году вышла книга «Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия», под редакцией Э.А. Паина. В книге осуществляется сравнение и описаны пункты сходства государственных идеологий стран, воевавших между собой. Очень интересная книжка. В 2013 году вышла книга «Государство, общество и управление», предисловие к которой написали Михаил Ходорковский и Адам Михник. В этой книге специалисты из Института философии РАН подробно рассматривают понятие государства и сравнивают власть в истории России и в современной России. В книге цитируются также работы ростовских ученых. В конце 2013 года вышла также моя книга «Русская власть и бюрократическое государство», ее мы будем обсуждать на одном из круглых столов. Проблемой бюрократии я занимаюсь с 1974 года. В этой книге я попытался шагнуть немного в другую сторону. Приступаем к вопросам.

В. Козер: Эмиль Абрамович, носители психологии осажденной крепости существуют и распространяют вокруг себя настроения вне и внутри страны. В психологии есть понятие паранойи, крайней формой которой является мания преследования. Что преобладает в России: чисто психологическая или чисто политическая сторона? Какое именно крыло преобладает в России: политические интересы толкают к подобным заявлениям или психологические проблемы?

Э.А. Паин: В человеческом обществе редко применяют союз «или», чаще пользуются союзом «и». Вы не сможете вычленишь совершенно чистую (с медицинской точки зрения) паранойю. Но при массивном нагнетании идеологии осажденной крепости возникает реальная болезненная паранойя, – это доказано во многих странах. В условиях маккартизма нагнеталась психология осажденной крепости «русские идут». В условиях холодной войны появилось массовое количество параноиков, которые выбрасывались из окна. Так что политика переплетается с психологией.

Второй элемент. Всякий актер – а политик тоже актер – не просто играет роль, он её переживает. Он натягивает маску, влюбляется, входит в роль. Короче говоря, здесь есть несколько аспектов. Существует атмосфера, в неё входят, кто-то заражается от других, а кто-то сам себя настраивает, чтобы искренне играть эту самую роль. Только «и», независимо не получается.

Н.Н. Евченко: Уважаемый Эмиль Абрамович, у меня вопрос как у экономиста. В последние шесть-семь лет мы постоянно говорили о проблеме взаимодействия власти и бизнеса, о климате предпринимательства, о создании условий для ведения бизнеса. Я уже 3 года работаю в аналитическом центре при правительстве Ростовской области. Мы получили вопросы, связанные с тем, что правительство заботилось улучшением климата и взаимодействия бизнеса и власти. Как вы оцениваете успех этого начинания? Не поздно ли этим озаботились и вообще есть ли какая-то перспектива?

Э.А. Паин: Дело не во времени – поздно или рано, вопрос в системе. Можно ли одновременно продавать массово водку и бороться с алкоголем?

В.П. Макаренко: Вполне (*смех в зале*).

Э.А. Паин: Можно, потому что каждый департамент отвечает за свое. Одни увеличивают продажи для реализации товара, другие показывают свои антиалкогольные исследования и говорят, что кто-то принял на работу совершенно конченных алкашей. Вот ответ на ваш вопрос. Трудно одновременно создавать условия для предпринимательского климата и политическую ситуацию, при которой деньги бегут из страны. В одной голове это поместить трудно. О каком климате может идти речь, если количество выведенного капитала из России за два месяца 2014 года было больше, чем за весь прошлый год? Сказочность – такова особенность нынешнего управления страной. Что такое негражданское общество и ситуация, при которой народ является источником власти только по конституции?

Это ситуация, при которой позволительны различного рода сказочные проекты. А сказочный проект может себе представить все, что угодно. Один человек, а две головы. В сказке можно: «Я простой человек, но я король гишпанский». Это все сказки: с одной стороны, мы говорим о новых стимулах для экономического развития, о подводе нефтепровода и т.д., а с другой стороны, никаких денег для того, чтобы это осуществить, нет. Все деньги в тумбочке, а в тумбочку запускают руки на всякие крупные проекты.

М.С. Константинов: Представлены ли в процессах русского национализма праворадикальные идеи? Некоторые социологи отмечают спад активности праворадикальных группировок с 2012 года, а вы говорите об усилении ксенофобии, националистических настроений. Как вы к этому относитесь?

Э.А. Паин: Такое чудо бывает, и вполне вписывается в то, что я говорил. Только тут надо разобрать все детально и по частям. Спасибо за замечательный вопрос. Прежде всего договоримся различать ксенофобию и национализм. Ксенофобия растет, она огромная, и есть огромное количество ксенофобов, которые терпеть не могут слово «национализм». В русском языке национализм давно имеет сугубо негативную ассоциацию. Человек может быть просто зоологическим ультраксенофобом, но при этом говорит «я не националист», и искренне верит, что он не националист. И по своим политическим установкам он может не являться таковым.

Теперь второе. Ксенофобия растет, а все организационные формы национализма слабеют. Есть масса таких признаков. Почему национализм не растет? Потому что: национализм конкурирует; власть перехватила все идеи имперского национализма, практически не оставив место саморганизующимся группам. Зачем вам нелегальные националисты, когда сама власть предлагает целый ряд идей «русского мира», «права русских» и т.п.? Правда, власть отстаивает русских не в России, а за рубежом.

Вопрос с зала: Когда же это закончится? Когда власть прекратит говорить: зачем вам националисты, мы сами националисты?!

Э.А. Паин: Сейчас закончу, а потом перейду к вашему вопросу. Есть растерянность. Я много раз писал (правда, не в публичных работах, а для узкого круга), что по всем признакам можно зафиксировать факт: русский национализм сегодня организационно переживает наихудший период. Самое низкое участие в русских маршах, самое низкое участие в других акциях, сужение зоны поддержки даже в Интернет-сфере.

Теперь о правых и левых. Об этом пойдет речь во второй части, а сейчас скажу, что пишут все теоретики: в 1990-е годы русский национализм совсем не был правым. Он был левый, его иногда маркировали как красно-коричневый. Он базировался на идеях возврата советскости и национализма. Вот такое сочетание. Если хотите, это национал-социализм, но не нацизм. Сегодня есть элитарный русский национализм, но он принципиально не левый. Он практически весь антилевый, антикоммунистический. Популярные русские националисты (Просвирнин, Крылов, Тор) сегодня все антилевые. Этот разрыв произошел недавно. Правый национализм идеологически растет, укрепляется, число его сторонников становится все больше. Но весь национализм организационно в ступоре, у него период паузы, критический период. Империя может выдержать любой национализм, но если власть стремится укрепиться в имперской стране, где существуют территории Татарстана, Северного Кавказа, Якутии, и хочет сохранить эту территорию, при этом используя идеи русского национализма, то из этого противоречия выбраться невозможно.

Н.Е. Ерохин: Слушая вас, люди создают себе маленькие планеты. Выйдешь за дверь, – там описанный вами беспощадный мир. Вы упоминаете Леонтьева. По-моему, он должен удалиться. Хочу вас спросить, как многолетнего, авторитетного и знающего исследователя: мы прошли точку невозврата в непонимании или она еще впереди?

Э.А. Паин: Непонимания кем?

Н.Е. Ерохин: Интеллектуального непонимания.

Э.А. Паин: Это тема моего следующего доклада, после перерыва я расскажу, как наши интеллектуальные элиты разделяются на элитарную либеральную, левую, националистическую части. Причем, элитарный и массовые группы иногда противоречат друг другу. Сегодня в России степень противоположности векторов развития очень высока, такой никогда не было. И эта ситуация будет преодолена, но об этом я расскажу потом.

В.Ю. Попов: Русский национализм имеет несколько сюжетов. Например, в него входит царский миф и языческий миф, о которых написал книгу В.А. Шнирельман. Одним из таких сюжетов является сталинизация национализма. Почти все эти сюжеты инициированы спецслужбами, затем подхвачены, развиты, созданы, об этом есть свидетельства. Существуют ли родовые отличия русского национализма от национализма вообще, существующего в мире?

И существенна или не существенна эта граница для изучения русского национализма?

Э.А. Паин: Этот молодой человек тоже был в Лиманчике, и мы тоже познакомились сразу. Надо сказать, что я про себя подумал: какие же интересные и самобытные молодые люди есть в Ростове, так что я рад встрече с вами. Профессор – он и есть профессор, я сразу понял, что мы одного поля ягоды. Вы меня тогда заинтересовали. Теперь о вашем вопросе. Я отвечу на него конкретно, но начну с общих вещей. Против чего я возражаю категорически и всегда, и это один из мотивов всего моего творчества? Этот мотив связан с критикой любого культурного детерминизма и предопределенности. Вот, мол, есть некий «русский мир» и какой-то «исламский мир», что они развиваются по своим сценариям и никогда не столкнутся. Те особенности русского проимперского национализма, который мы с вами наблюдаем, характерны для многих других стран. Франция родина шовинизма, разновидности имперского национализма; английский национализм – имперский, он не сложился просто потому, что не сложилась английская идентичность; немецкий национализм третьего рейха тоже был имперским.

Второе. Есть набор принципиальных отличий, который отличает русский национализм от венгерского, чешского, украинского. Почему украинский национализм и украинская либеральная демократия едины, а у нас либералы и националисты – это две (до недавнего времени) абсолютно враждующие силы? Именно потому, что имперский национализм был принципиально антидемократичным, ему не нужна была демократия, он поддерживал императора и был против всякой региональной самостоятельности. В этом смысле все мифы, о которых пишет мой друг Витя Шнирельман (мы вместе учились в аспирантуре и знакомы многие десятилетия), важны, как детали и элементы. Мы не можем понять, почему европейские национализмы являлись основной движущей силой всех демократических революций. Вообще не было в мире буржуазных революций без примеси национализма или религиозности. Во время буржуазной революция в Британии пуритане боролись с баптистами. Без этническо-религиозной мобилизации революции не происходили, думаю, и в России не произойдут.

В этом смысле А. Навальный как умный человек что-то понял, как-то пытается. Он еще не знает, не понимает, что происходит, но ощущает, что чистый либерализм в России не имеет никаких шансов на успех в политике. Для понимания специфической роли рус-

ского национализма надо понять его связи с имперской идеологией, со всеми частными мифами, который укрепляют общий миф об особом пути России. Что такое особый путь? Это некая спецоперация по поводу того, что мы особые, не надо сравнивать, они нам не нужны, они нам не указ. А я вам говорю: они указ, и никуда вы не свернете, есть стадияльное модернизационное развитие, и общие тенденции прорываются как трава сквозь асфальт. Но надо понимать специфику, а иначе будет другая система отчетов. Недавно я выступал в беседе с Л. Гудковым. Главная моя идея была – миф о Емеле на печи, когда можно не слезать с печи и воображать, что все может быть. Вера в чудо сегодня характерна как для власти, так и для оппозиции. Те и другие строят свои программы на чудесах.

М.Е. Трофимов: Вы говорите, что у нас существует два национализма – этнический и имперский, у которого значительную часть лозунгов перехватывает власть. Какой из них более перспективен для будущего?

Э.А. Паин: Я называл три национализма: имперский, этнический и гражданский (последний скорее теоретический конструкт, чем реальность)

Итак, реально существует массовый традиционный имперский национализм и элитарный этнический, но антиимперский национализм. Он укрепляется идейно, завершает конструирование свода своих мифологем, целей и логических постулатов. Вот это новое. В историческом плане появление классического антиимперского национализма было характерно для всех стран-метрополий. В метрополиях появлялся сразу антиимперский национализм, а в метрополиях возникал французский, британский и немецкий имперские национализмы. Но имперский национализм везде уступил место анти имперскому. История ставит эксперимент. Будет ли Россия исключением из мирового правила? В это я не верю, но только жизнь покажет, правда это или неправда.

Реплика из зала: Как жаль, что «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Э.А. Паин: Да, скорее всего так.

М.Е. Трофимов: Многие представители антиимперского и антилевого национализма осуждают Советский Союз за то, что русские создали республики Средней Азии и Закавказья. Но интересно, что эти же люди выступают за отделение Кавказа. В правом национализме возрастает ксенофобия на фоне возрастающего количества мигрантов из Закавказья и Средней Азии в Россию. В СССР нико-

гда более одного миллиона азербайджанцев, грузин и армян не въезжало на территорию России и Украины. Вам не кажется, что лозунги правых националистов и антиимперцев направлены на создание маленькой России? Ведь нетрудно догадаться, что отделение Кавказа приведет к тому, что в России появится огромное количество выходцев с нынешнего российского Кавказа. Но они станут иностранными гражданами, мигрантами или беженцами. Любой здравый человек понимает, что огромное количество выходцев из Средней Азии и Закавказья оказались в России именно потому, что оттуда ушла Россия. Если бы Россия не ушла, такого притока не было бы.

Э.А. Паин: Вы говорите: «Любой здравый человек понимает», но я, видимо, не любой и не здравомыслящий, потому что абсолютно не понимаю эту связь. С Дальнего Востока мы никуда не уходили, Россия там по-прежнему, а народ оттуда бежит в объемах, которые в советское время представить было невозможно. Я не вижу никакой связи между притоком среднеазиатских мигрантов и уходом оттуда России. Кстати, практическое опустение Дальнего Востока не связано с изменением границ. Вы согласны с этим?

М.Е. Трофимов: Согласен.

Э.А. Паин: Я показывал вам диаграммы численности населения. Раньше был приток за счет окружающего ресурса, сейчас его нет, надо брать из Кавказа и Средней Азии. Был бы или не был бы СССР – эта потребность никуда бы не исчезла. Если нужны люди в Ростове, Костроме, Архангельске, то они придут по законам демографии. Если в одном месте есть спрос и платят деньги, а в другом месте есть население, то оно бежит туда, где есть предложение места труда. У нас было демографическое изобилие, и считалось, что бабы еще нарожают, но уже лет двадцать, как демографического изобилия нет. А в Средней Азии все еще рожают много, в этом отношении СССР от них не ушел, он там еще живет. Не надо сравнивать Россию с Китаем, - вы вначале дайте сюда миллиард населения, тогда можно будет в России устроить Китай и китайский эксперимент. А у нас народу все меньше, а стоит он все больше. Он уже стоит больше, чем в Чехии и Венгрии. А в Китае тысячи людей можно за копейки привлечь на любую работу. Это две диаметрально противоположные ситуации.

М.Е. Трофимов: Может, я неправильно высказался, потому что вы меня неправильно поняли. В СССР экономика падала, а трудовые ресурсы росли. Сейчас ситуация обратная: трудовые ресурсы

свободные, люди перемещаются свободно, но наблюдается специфическая централизация. Жители района хотят переехать в райцентр, потому что там работы больше и платят больше; жители районного центра хотят переехать в областной центр, потому что там за ту же работу платят больше. Жители областного центра хотят переехать в центр округа.

Э.А. Паин: Я понял вас, это чисто теоретическая и географическая посылка. Поскольку я родом из СССР, я там жил, то вспоминаю, что процесс урбанизации был. Даже паспорта не давали, но народ умудрялся убегать. Долго держать без паспортов было невозможно. Едва в СССР дали паспорта, пошел процесс стягивания. В этом смысле по сравнению с плановой экономикой в России ничего принципиально нового не происходит. Вам кажется, что плановая экономика действовала рационально. Природа плановой экономики была еще более сказочной. Была бумага, на которой было все написано красиво. Я много лет работал в этой системе, в России и в Монголии. Уже в горбачевское время меня послали советником в единственный государственный проектный институт, он занимался всеми делами сразу. Я участвовал в разработке плана генерального расселения населения Монголии до 2025 года. У нас сейчас только 2014, а мы тогда писали, как им жить в 2025 году. Уже и СССР нет и той Монголии нет, а бумага есть, все красиво расписано. А тогда в Монголии на деле была юрточная урбанизация. То-есть, на бумаге было расписано, что число городского населения растет не по дням, а по часам. А фактически люди с юртами приезжали в Улан-Батор и их записывали как городское население. А потом они с теми же юртами уезжали в степи. Как хочешь, так и можешь записать, как урбанизацию, так и деурбанизацию, это зависит от нужд статистики. Так что многое, что вам кажется по поводу СССР, надо пересмотреть. Люди всегда шли туда, где лучше. Так было всегда, при фараонах, при Навуходоносоре, так с тех пор ничего не изменилось.

В.Ю. Попов. Эмиль Абрамович, существует принципиальная сложность научного подхода к таким задачам. Потому что мы становимся на позиции какой-то политической силы, которая тоже участвует во всех этих дилеммах. Надо с методологической точки зрения развести мир людей и реальность. Я спрашивал у своих канадских друзей: есть ли в Канаде идея, что там мало народу? Большая страна, вторая после России, а населения там, если не ошибаюсь, около 40 миллионов, почти в четыре раза меньше, чем в России. Но идеи, что надо больше людей, там не существует. И сейчас масса явлений

в нашей жизни вообще не обозначены и не названы, идейно не оформлены, но они есть и влияют. Есть некая идея о насыщении России традиционным населением, выходцами из других стран, которые имеют другие представления о мире. И эта идея связана с данным процессом.

Э.А. Паин: Круто ты закрутил (*смеется*).

В.Ю. Попов: Да, но эта идея может мешать процессу.

Э.А. Паин: Я не такой уж философ, но, как Василий Иванович Чапаев, скажу: академии мы не кончали, но на ваш философский вопрос ответить довольно легко. Об идеях и политике я не буду говорить, но отвечу на то, что было спрятано в этом вопросе, и что резонно было спросить меня с самого начала. Вот вы нам рассказываете про демографический кризис, а что делать? Разве этот кризис только российский? Этот кризис везде, везде население стареет, везде доля стариков больше. Старым население считается по нормам 7%, а в России оно 15%., в Украине 20%, в Крыму свыше 25%! То есть, это старое-престарое население. Но в чем разница между нашей старостью и в Швеции, где тоже старость? Наше старое население долго не живет, и это имеет свои экономические последствия. Попробуйте подымите пенсионный возраст до среднеевропейского, при том, что у нас средний возраст жизни мужчин 59 лет. До 65 лет не доживает больше половины мужского населения, поэтому поднять пенсионный возраст нельзя. Что происходит Швеции? Мужчина там живет на 20 лет больше российского. За счет продления жизни удваивается трудоспособное население. Поскольку в 60 лет еще рожают детей, пишут книги и т.д., то происходит смещение, расширение возраста. Между демографией и социально-экономической проблемой довольно сложные взаимодействия. Но есть одна взаимосвязь: продолжительность жизни железно связана (как закон Ома) с социально-экономическим положением. Уровень положения населения и уровень продолжительности жизни коррелируется почти на 100%. Страны с высоким доходом и уровнем жизни имеют большую продолжительность жизни, это первый аспект.

Второй аспект – выход из безвременья. В странах, которые имеют перспективу, продолжительность жизни дольше. В Чехии, Венгрии и всех остальных странах социалистического лагеря в советское время продолжительность жизни и демографический показатель были такими же, как и в СССР. А выход этих стран из режима выживания к режиму развития привел к тому, что средний возраст там подрос. С точки зрения дожития русский мужчина в исто-

рической перспективе на 20 лет старше шведа, на 14 лет старше американца, на 9 лет старше поляка. Существует прямая зависимость между увеличением качества жизни и продлением жизни. Если вы продлеваете жизнь, вы изменяете технологию труда, вам меньше нужно землекопов, а больше мыслящих людей. Тех, которые мыслят, и в 60 и даже 75 лет могут рождают идею, претендующую на Нобелевскую премию. Это две взаимосвязанные вещи. Если страна переходит из режима «копать каналы», «поворачивать реки» в режим производства технологических идей, то она может обходиться и более пожилым населением. Если страна продлевает продолжительность жизни и вы получаете прирост трудовых ресурсов, то вам не нужно такое количество землекопов. Иногда мои коллеги говорят: «Да, трудовые ресурсы, миграция неизбежны, нужно с этим смиряться». А я говорю: не нужно с этим смиряться, ведь существующий масштаб миграции - это огромная проблема, вытекающая из состояния нашей экономики, из состояния нашего развития. При переходе от экстенсивного развития к интенсивному потреблению нужда в демографическом расширении уменьшается. И мы должны стремиться к интенсификации нашей жизни. Таков единственный стратегический путь решения демографического кризиса.

В.П. Макаренко: Можно реплику? Характер самих вопросов свидетельствует, что они, в основном, задавались философами, политологами или другими специалистами по общим вопросам профессиональному этнографу. Последний вопрос продемонстрировал отсутствие этнографического образования у аудитории. Эмиль Абрамович по основному своему образованию этнограф. Коллега-географ немножко ближе подходил к демографическому дискурсу.

В.Ю. Попов: Это ваше мнение.

В.П. Макаренко: Здесь, в основном, идеологические вопросы задавали. А докладчик владеет конкретикой. Если бы задавали конкретные вопросы, дискуссия была бы намного интересней. А то возникла некая дистанция между общими вопросами и конкретикой.

Э.А. Паин: Вы хотите сказать, что я неинтересен?

В.П. Макаренко: Ни в коем случае, просто мы задавали вопросы не по делу.

Э.А. Паин: Я хочу возразить. Мне понравились вопросы. Почти все вопросы стимулируют.

М.С. Константинов: Дело в том, что демографическая часть была лишь одна из трех частей.

В.П. Макаренко: Николай Владимирович Гонтарь не задал вопрос, а между тем у него опубликован целый ряд статей по этой теме.

Н.В. Гонтарь: Я бы хотел поинтересоваться вашим мнением. Можно ли провести параллели с Европой? Дело в том, что последние муниципальные выборы во Франции дали большие преимущества правым партиям, во многом националистическим. Существует ли сходство между российской и европейской реакцией на миграцию?

Э.А. Паин: Жалко, что такой вопрос задали в конце, а он суперважный и интересный. На эту тему можно было бы отдельную лекцию прочитать, но я начну с самого конца. У меня многие студенты пишут материалы по сравнениям. Национальная и демографическая политика в России и процессы в Европе – это квазипохожие вещи. Они похожи, но вытекают из разных причин. Эти проблемы возникли из-за того, что у нас еще не построена нация, а в Европе и на Западе ею пренебрегли. Они забыли, и посчитали, что живут в едином мировом общежитии. Им не важны нации и национальные государства. Они будут жить в Евросоюзе. И как только они к этому пришли, они использовали идею мультикультурализма, которая им сегодня выходит боком. Идея свободы миграции тоже сегодня выходит боком. В этом смысле существует некое сходство между утопическими идеями многих российских и западных деятелей. Под воздействием постмодернизма и левизны у них была идея: одна европейская нация – это хорошо; они стали сочинять единую европейскую конституцию, но места для нее не оказалось. Оказалось, что еще много десятилетий национально-государственный уровень останется важнейшим. И защита национально-государственного уровня и национальных интересов – это еще на века. Ну, если не на века, то на многие десятилетия. Сегодня ясно, что политический, экономический, демографический интерес стоит, прежде всего, на уровне национального государства, а все остальное дополнение. На этой основе возникли большие проблемы, и они не знают, что делать. Раньше они боялись польского сантехника, теперь боятся таборного цыгана.

Я был в Германии на конференции, это было жутко. Весь вечер говорили представители цыганского общества, как они научились давить на правительство. Я говорю: «Понимаю, как вы его давите и как оно идет вам на уступки, а что вы делаете, чтобы самим решать свои проблемы?» Они даже не ставят такого вопроса. Может, вы

учите своих представителей, что не нужно такое количество гадалок? Может, из них делать таксистов или водопроводчиков? Нет, они не хотят и не собираются их этому обучать, и это реальная проблема. Я говорил, что никакие проблемы не надо затушевывать.

Европейцы создали межэтнические проблемы, а сейчас не знают, как им быть. Есть закон свободного передвижения, и есть румыны, которых не хотят видеть ни в одной стране. Все это из области поспешных идеологем. В этом смысле существуют проблемы различного генезиса и типа. Сейчас быстро объясню, в чем разница. Проблемы миграции во Франции, Германии, Британии различны, но есть нечто общее. Во всех этих странах нужно подтянуть мигранта до уровня культуры и ценностей, какие есть внутри данных стран. В России уровень правосознания местного населения не мало превосходит уровень правосознания пришлого населения. Невозможно представить себе, что пришлый примет право, которое не уважает даже местный. В Европе существует культурно-правовой каркас, который подтягивает пришлое население, а в России внутренний вакуум. Центральную роль в адаптации мигрантов играет принимающее сообщество. Поэтому миграционные программы России нельзя читать без смеха. Федеральная миграционная служба России разработала сказочные программы интеграции мигрантов. Их не к чему интегрировать. В России надо вначале создать культурно-правовую устойчивость, чтобы основное население ее твердо знало, тогда можно адаптировать к ней мигрантов!

(Аплодисменты аудитории).

Новые материалы по идеологическим течениям современной России

Э.А. Паин

Э.А. Паин. В перерыве я говорил некоторым из вас: мне приятно, что в зале собралось много молодых людей – политологов, экономистов, юристов, географов. Хочу сказать вам некоторые вещи. Перед выступлением я всегда ощущаю энергию зала. Если зал «мертвый», я не могу продолжать выступление, возникает ощущение полной бессмыслицы. Хочу поблагодарить вас, так как у меня не было ощущения полной пустоты, мне было довольно-таки тепло. Мотив моего доклада не связан с тем, что я хочу перевоспитать, научить, образовать. Как правило, у меня мотив сугубо эгоистический – мне это интересно. Если появляются новые вопросы, то часто

появляются свежие идеи, часто даже более важные, чем из умных книг, которые можно прочитать. Поэтому я часто отвлекаюсь на предложения выступить на публичных лекциях.

Есть несколько установок для всякого исследователя. Для меня одной из них является спор о культурном детерминизме. Существует два подхода к социально-культурным явлениям. Первый – это полное игнорирование. Когда люди занимаются политологией, правоведением, экономикой, географией абстрактно, как будто они сидят в лаборатории и делают это для мира в целом. Когда они проводят исследования, то полагают, что это будет кому-то полезно, что люди освоят эти исследования и будут по ним жить. Вы можете написать – и через сто лет, может, кто-то обратит внимание на ваш стог бумаг. Но влиять на жизнь они не будут. Мы знаем массу примеров, когда британские юристы написали прекрасные конституции, но за два квартала от места, где читают эту книжку, жизнь с ней не имеет ничего общего. Там территория свободных перемен, можете писать что угодно. Если вы не осваиваете это культурное пространство, то большей части вашей конструкции будет бессмысленной.

Но есть другая сторона – мифологизация социокультурного пространства. Чаще всего это происходит по причине слишком широких обобщений. Вот, мол, есть некий неизбежный русский цивилизационно-культурный код и мы всегда будем жить так. Всегда будет империя, всегда будет существовать не секулярное сознание, «русские вообще», «ислам вообще». А то, что ислам разный (например, в Косово и в Индонезии), никого не трогает.

Наше исследование идеологических течений имело целью показать многоликость нынешней России. Уже сегодня она неодинаковая, поэтому представление о некоем врожденном свойстве теряет смысл. Если это свойство врожденное, то почему одни выбирают одно направление развития, другие другое? Значит, есть свобода выбора, значит, не существует нечто, что считают «полученным с молоком матери», через какие-то флюиды, через солнечные энергии (как писал Л. Гумилев) или другие какие-то импульсы. При такой схеме мысли полагают, что есть раз и навсегда предустановленное направление, которое развивается в рамках некоей написанной им системы «молодой-старый-мертвый». На деле есть выбор многих направлений. Даже в условиях безвременья, высочайшего уровня манипуляции массовым сознанием невозможно привести к всеобщему знаменателю и единомыслию разные идеологические движения.

Со студентами и аспирантами мы проводим исследование Интернет-аудитории, недавно к нам подключился Левада-центр. Отчасти я вам рассказывал об этом исследовании в прошлом году. Может, кто-то был на прошлой лекции? Сегодня я кратко расскажу, что мы получили в прошлый раз, а в основном остановлюсь на том, что мы получили на этот раз.

Мы провели исследование Интернет-аудитории и сразу выделили четыре идеологических направления. Размежевание идет по исторической памяти, это те идеологические течения, которые появились в России еще в начале XX века. В советское время они как будто все исчезли. Но едва стало можно – всплыли все течения, которые были еще в начале XX века. У нас появились провластные группы, националисты, либералы и левые. Правда, левые внутри себя разнятся.

При обсуждении результатов нам часто говорили: «Что за упрощение, каких четыре, их сорок четыре!» Это все зависит от того, как вы нарубите свои типологические группы. Но почему они есть в самом названии? Потому что эти группы легко идентифицируются в Рунете. Мы это видим даже по названию тех страниц и групп, которые есть в интернете, как они себя маркируют. Кем они есть на самом деле – это вы потом узнаете. Но они сами маркируются, включаются, соединяются по идеологическим знаменам. Это видно по названиям – у националистов группы «я русский», у левых «коммуна», «за советский союз». То-есть, существуют видимые самоназвания, которые еще легче отличить, чем Ваню от Пети. Все эти самоназвания манифестируются.

Мы выделили в рамках этих четырех типов две неравные по численности группы, одна массовая, она легко читается «В контакте». Мы провели контент-анализ и выявили самые массовые группы, к которым чаще всего отсылается. Все эти группы, независимо от того, кто они – националисты, левые, либералы, провластные – отличаются одним способом: высочайшим уровнем когорты. Существует также разная степень интереса к идеологии как некой политической идее. Слабая идеологическая диверсификация и слабый интерес к идеологии проявляется не только в провластных группах, но и у либералов. Самый высокий теоретический интерес у левых, на втором месте стоят националисты. Элитарные слои всегда отличаются от массовых. Я покажу вам это на примере право-националистических групп. Они отличаются большим уровнем автономиза-

ции собственного сознания и большей оппозиционностью, чтобы отличить себя.

Массовые и элитарные группы – это две неравные группы, сознание, которых мы зафиксировали. В некоторых случаях (как это случилось после событий Крыма) они кардинально различаются по своим оценкам. Хотя не перестают именовать себя общим именем.

Я говорил о безвременье. Это не только теоретический синоним, не только то, что фиксируют политики, это то, что наблюдается во всех группах. Отношение к настоящему более чем скептическое. Позитивных оценок происходящих процессов и событий в 2012 году не наблюдалось ни в одной группе. В суждениях о будущем никакого позитивного образа не было. Даже у националистов и у левых, у которых вроде бы есть некий ясный знак к чему идти. Русская государственность – общий объединяющий критерий русских националистов. Левые тоже молятся государству, но с явно выраженными эгалитаристскими тенденциями. Либеральный проект самый расплывчатый, это наблюдается даже в самоназваниях, которые скорее похожи на клички, чем на названия.

Теперь о тематике. Зеленый столб обозначает новости. Сиреневый столб – идеологии. Следующий столб – организационные вопросы. Красный – это нечто иное. У всех групп в качестве тематики преобладает новости. То-есть, люди переписываются, передают друг другу уже известные новости. Новости занимают львиную долю социальных контактов в любой из групп. В провластных группах доминируют не обсуждение и оценки, а просто информация.

Теперь об идеологиях. Интерес к ним более-менее развит у левых. Они часто обсуждают идеологические новации, теоретические изыскания, популярных теоретиков – Маркса, неомарксистов и новые течения. Левые сегодня – самое разношерстное течение, которое разделилось на противоположные группы. Первая – прокоммунистическая, она преобладает в массовом сознании. Вторая группа – новые левые. Старые левые ненавидят Pussy Riot, новые левые именно их защищают. Старые левые защищают рабочий класс, новые левые защищают новые группы сексуальных меньшинств, религиозных меньшинств и т.д. Это их основной объект защиты. Тем не менее, они называют себя левыми и какие-то общие элементы, символы и вождей они признают в качестве базовых.

Русские националисты занимают второе место в графе идеологий. А с точки зрения организационных вопросов левые и националисты стоят примерно на равных позициях. Они очень озабочены

вопросами и методами самоорганизации. Сегодня у националистов осуществляется плавный переход от политической тематики (особенно после Крыма) к неполитическим вопросам. Сегодня лидирующей становится тема здорового образа жизни. Это – способ ухода от политической тематики. Вторая тема – политическое воплощение заветов Солженицына о народном сбережении.

Таков ответ на первую часть моего доклада: как сберечь народ, в условиях того, что нас становится все меньше и меньше, и демонизации демографической угрозы. Она не просто рассказывается, а квалифицируется как нечто чудовищное: нас становится все меньше; мы должны сохраняться демографически, чтобы остаться главным народом. Интересно вот что: самой массовой группой является провластная группа; в ней состоят миллионы бездействующих участников, которые никакой активности не проявляют. Они просто подписываются на опубликованные материалы. Но это не означает, что они их обсуждают, хотя число записавшихся огромное. Нам сегодня нужны страхи, а не «хлеб и зрелища». Страхи распространяются с огромной энергией.

До Крыма – взрыва «внешнего врага» – я выделил десять или пять самых популярных тем. Эти темы лансировались в группах и были связаны с внешними угрозами России. Они воплощались в выступлениях дугиных, леонтьевых, мамонтовых и иже с ними. Подобными материалами устрашают, но такая информация обычно циркулирует в замкнутом узком кругу. В марте 2014 г. Левада-центр провел исследование. Мы сделали выборку по нашим материалам – представили типичные фразеологические обороты и лозунги, характерные для каждой группы. Социологи попросили аудиторию оценить ситуацию.

Например: вы находитесь на площади, где проводят митинги или проходит какой-то марш; какие лозунги вы поддержали бы или вы вообще не приняли бы участие? Л.Гудков говорит, что у нас аполитичная страна: националистов, либералов и прочих всего 10%. Но оказалось, что определившихся больше половины, только 46% принципиально сказали, что мы в этом не участвуем, не присоединились бы ни к какой группе или ушли бы с площади. Иначе говоря, более половины нашего населения идеологически определилось.

Второй вопрос: людям разрешалось переходить в другую группу. Я говорил, что с точки зрения формальных признаков по всем нашим опросам на первом месте находится молчаливое большинство, которое поддерживает власть, второе место заняли левые, третье

– националисты, на последнем либералы или прозападные. Мы попросили выбрать лозунги. Выяснилось, что на первом месте, с огромным отрывом, оказались русские националисты, на втором левые, на третьем провластные, на четвертом прозападные. Националисты – самая молодая часть общества. Либералы еще старше левых, таков парадокс в российских условиях. На Западе либерализм переживает расцвет, потому что они поняли, к чему приводит постромодернизм и отказ от национальных устоев. Все правые в Европе являются либералами и все выступают за модернизацию. К этой группе принадлежит молодежь, у нас к ней принадлежат обреченные старики, которые сформировались в перестроечное время. С таким либерализмом в России делать нечего. В основном, это московская тусовка. За пределами Москвы её доля ничтожно мала. У националистов за пределами Москвы самое большое представительство, а у либералов там почти никого нет.

Еще одна особенность: мы посмотрели, как пересекаются группы. Как получилось, что националистические лозунги занимают лидирующие позиции? Оказалось, что люди, поддерживающие Путина и власть, поддерживают также националистические лозунги. Присоединение Крыма под лозунгом «Поддержим русских» привело к победе националистов. Главную поддержку во всех группах получили националистические лозунги. Это имеет свои следствия.

Был еще один вопрос: какую политическую модель вы предпочитаете? Предлагались западная, советская (времен Сталина, Хрущева, Брежнева) и царская модели. Для меня было шоком: 40% – самая большая часть – выбрали западную модель. Но примерно столько же процентов поддерживают сталинскую модель, считая Сталина сильной политической фигурой. Для современного человека не существует ясности лидеров и оценок. Единственной системой оценок являются оценки старых режимов, потому что новых нет.

Второе. Если сравнить общую массу с Москвой, то в Москве 52% поддерживают жизнь «как на Западе» и меньше 20% поддерживают Сталина. Иначе говоря, получается определенная консолидация взглядов. Москва – это модель, которая станет общей для всей страны. Будучи аспирантом, я провел исследование, в котором выявил: вслед за появлением малодетной семьи в Москве она постепенно появилась в крупнейших, затем в крупных городах и т.д. Поэтому могу утверждать: возникшие в Москве политические нормы могут стать массовыми по всей стране. В марте все группы, включая либералов, позитивно оценили присоединение Крыма. У националистов

оказалось, что большой разницы между группами «Я – русский» и «Путин – наша сила» не было.

Возникает вопрос: в чем разница между националистами и провластными? Первая группа поддерживает идеи, вторая группа поддерживает личность. Это те же люди, которые в 1990-х поддерживали партию «Наш дом Россия», которые поддерживают власть как таковую. Это самая массовая группа. В 2012 году ни одна группа националистов Украину не вспоминала, но никаких признаков единства не наблюдалось. В то время главной темой обсуждения в этой группе было «нашествие мигрантов» (кавказцев, мусульман). Оно занимало 90%. В настоящее время почти все сообщения посвящены Украине. Русские националисты бичуют проклятых украинских националистов. По таким опросам самый популярный у нас Крылов. Отношение к Майдану у элитарных националистов разное, но в основном его оценили позитивно, хотя по разным причинам.

Для ЛДПР Майдан – это мечта, они завидуют тому положению, которое занимают украинские националисты в обществе. В Украине либералы и националисты занимают единый фронт и реально влияют на власть. Практически все националистические группы это поддержали, но отношение к Крыму поменялось. Элитарные националисты скоро опомнятся и уровень оппозиционности неизбежно возрастет. Антизападные настроения зависят от информационного потока. Тема Крыма скоро упадет. В Донбассе может что-то начаться или не начаться. Количество негативных антимигранских настроений будет возрастать. Идея «защитим русских в России» и число лозунгов и мероприятий по защите русских будет возрастать с каждым днем. Уже был самый большой митинг в Махачкале, были выступления в Кизляре. Эта тематика будет нарастать по нарастающей. Так что работа у националистов есть на годы вперед. Вначале подтянутся элитарные группы, за ними все остальные. Мы готовим книгу с условным названием «Многоликая Россия». Не единая, а многоликая. В ней существуют разные тенденции, она не единая.

Вопросы

С.П. Поцелуев: У меня уточняющий вопрос. В графике по Москве получается, что поддержка Путина там была в 4 раза больше, поддержка левых раза в два, а националисты в 1,2 раза больше, чем в среднем по стране. Как это объясняется?

Э.А. Паин: Это объясняется просто: если либеральное движение у нас чисто московское, то остальное мелочи. Националисты распределены более равномерно, но в основном они тоже в Москве и в Питере. Все лидеры, штабы и организационные вопросы националистов решаются в Москве. Как я говорил ранее, то же самое будет по стране через 15–20 лет, а пока что оно в Москве. Сегодня главным образом все процессы идут в Москве. За пределами Москвы мы не знаем ни одной фигуры. В Ставрополье сильно действует партия «Новая Сила», но ее лидер Соловей находится в Москве.

В.Ю. Попов: Вначале сошлюсь на книгу В.П. Макаренко о проблеме бюрократии, в которой он пишет, что бюрократия использует определенную технологию самосохранения, когда в обществе нарастает отрицание господствующей идеологии. В определенный момент бюрократия подхватывает эти лозунги и начинает их использовать. Например, в конце 1980–х это была западническая антитеза. Но какая бы не была антитеза, выдаваемая за желаемое, бюрократия не будет её исполнять, потому что у бюрократии другая задача, она использует её просто как ширму. Можно ли русский национализм изучать как национализм вообще или это специфическая форма бюрократического воздействия на общество, которую можно изучать в форме внутренней колонизации? И можно ли названные вами националистические движения назвать по-другому, скажем, персонифицированный этатизм или как-то иначе? Я недавно познакомился с осведомителем, который закончил Дипломатическую академию. Он мне показывал книгу «Комитет 300», они читают такие книги и не читают научные книги. Я ему задаю вопрос: «Почему вы не читаете научные книги, разве вы не в состоянии прочесть сложные книги теоретиков социальных, а читаете популярную литературу о заговорах?». Поэтому в националистической среде они чувствуют себя комфортно. В среде осведомителей нет никакого политического движения, это некий другой объект, для изучения которого нужны другие, специфические инструменты.

Э.А. Паин: Отвечу на все вопросы. Что общего между квазинационалистом и перехватчиком идей и программ? До недавнего времени С.Собянин не имел ничего общего с националистическими лозунгами и потому не имел шанса выиграть выборы. Но едва их объявили, перед ним возник вопрос: зачем упускать такой козырь? Он боролся не с националистами, а с Навальным, прагматичным националистом, и, кстати, тоже перехватчиком. Самым популярным по использованию антимигрантских и националистических лозун-

гов оказался С. Собянин. Даже Демушкин сказал: «Он украл все наши лозунги!»

Но в чем тут разница? Собянин все-таки выбирался на пост мэра Москвы, а не президента. Мэр Москвы мог себе это позволить. Если раньше в первой графе проблем Москвы была проблема транспорта и пробок, то после выступления Собянина проблемой номер один стали мигранты. То-есть, он не только воспользовался антимигрантскими настроениями, он еще их сконструировал. Но Собянин – не Путин и никогда им не будет, а если и будет, то не будет выступать с тем же. Потому что на уровне России с этим не выступишь. И как только Собянин выступил, Р. Кадыров написал заявление о безобразном выступлении московского мэра. Если хочешь сохранить территорию, то выступать с такими лозунгами не получится, особенно на первых порах. Если их использовать, они будут иметь разрушительную силу.

Второй аспект – идея заговора. Это тоже симптом элитарной группы. Если элита уверена в заговорах, то в качестве смыслов она не годится, она не будет выполнять свои функции. Сегодня используется «сказочная терапия» – все разрешено, вы можете делать все, что угодно. Но сказочная терапия не лечит от голода, не может быть все время, когда-нибудь она закончится. Вы можете сколько угодно рассказывать сказки, но проблемы не исчезнут. В таких условиях возрастания социального недовольства группа националистов будет только становиться все популярнее. Национализм будет более органичным.

Вопрос из зала: Можно ли употреблять термин «элитарный национализм» относительно полуподвальных групп? Захват Крыма был сделан для внутреннего потребления или в процессе внешне-политических игр? Будет ли в России развиваться классический либерализм с правым уклоном?

Э.А. Паин: Если вы говорите, что это не элита, то должны дать свое определение. Есть разные определения элиты. Самое распространенное – под элитой понимают влиятельных людей. Другой критерий – когда элита становится моделью для подражания. В этом отношении Сурков не является элитой. Но я говорю не с точки зрения набора идей или поведенческих стереотипов, а говорю о русском национализме как об элите влиятельных людей. На Крылова постоянно ссылаются. Это популярные и влиятельные фигуры. У нас такая националистическая элита. Свое влияние они не потеряли, а по моим прогнозам еще и наберут очки.

Теперь о либерализме. Его влияния практически нет. Есть группа людей, которые сами себя так называют, но в совокупности это группа старых диссидентов, которые опираются на западный стиль жизнь. 40% опрошенных отвечают, что они хотят жить в таком обществе, как на Западе, где свобода передвижений, меньше криминала, чище улицы и т.д. Но настоящего либерализма, который понимает, что это такое, у нас пока нет. На Западе сейчас появляются либералы, которые требуют определенных технологий и переосмысливают либеральные ценности. Западные либералы уже осудили мультикультурализм, наши все еще говорят о нем. Такова специфика догоняющей модернизации. Стереотипы теории заговора есть не только в России, но и на Западе, особенно во время прекращения холодной войны. Уровень исламофобии в США выше, чем в России.

Вопрос из зала: Видимо, государственная политика специально разобщает либералов и независимых националистов. Каковы возможные факторы их объединения?

Э.А. Паин. Это происходит на политических мероприятиях, которые называются «Окупай Абай», где либералы и националисты стояли вместе. Их объединяли общие требования. Те и другие признают, что народ не является источником власти. Те и другие говорят, что существует проблема несправедливого представительства русских. Либералы начали говорить о правах русских, перестали бояться защиты прав русских. Почему о правах обиженных аварцев можно говорить, а о правах русских нельзя? У нас есть территории, где введены антиконституционные законы, в школах существуют исламские дресс-коды, женщина-немусульманка не может преподавать в школе, или ей надо одеться по мусульманскому обычаю. Это происходит в нашем субъекте федерации. Об этом сейчас начали говорить люди, которые раньше защищали только права этнических меньшинств. Определенные стыки этих идей есть, но едва они образовались, сразу массовое сознание перевели в противоположную сторону. Для политических процессов не оказалось места. Для политических процессов нет места, давайте больше Бирюлево, давайте больше «лучше». То-есть, все смещалось совершенно в другую плоскость, где никакого союза не может быть.

Националисты и либералы оценили Бирюлево по-разному. Все группы националистов посчитали это народным протестом, который надо поддерживать. Все группы либералов сказали, что это погром. И только я вам скажу, что там было то и другое. Там было то, что

требовало осуждения всякого порядочного человека, а не только погром. Фактически это была новая Хитровка. Когда-то люди в Москве все понимали, что такое Хитровка. Всякий интеллигентный человек понимал, что Хитровка – это бич, несчастье, место концентрации уголовных элементов в Москве. Бирюлево тоже был рассадник уголовных элементов, они там не просто работали, а жили, как в концлагере. Там прятались уголовники, там было исчадие ада. И никто про это не говорит. Никто не говорит, что это надо было закрывать! Мэр не скажет и не закроет. Годами существовал Черкизон, никто из либералов об этом говорил. Местом объединения либералов и националисты стала новая Хитровка. Это был новый антисоциальный, антикультурный, антиэкологический рассадник.

До сих пор группы националистов и либералов опасаются друг друга. Меня не любят не только патриотично настроенные группы граждан, но и те группы либералов, которые считают меня не либералом, а русским националистом. Я же полагаю, что есть очевидные направления совместной деятельности.

Вопрос из зала: Хотя статья в конституции запрещает официальную государственную идеологию, какие следы в национальном сознании может оставить современная государственная идеология России?

Э.А. Паин: Понимаете, это закон отрицания отрицания. 1990-е уходят, когда мы из конституции убрали идеологию. Нулевые отличаются пересмотром конституции. Многие поколения будут использовать российскую схему, когда можно, не меняя конституцию, полностью её изменить. Субъекты федерации не меняются, а губернаторы не избираются, а назначаются. Никаких правил про Совет федерации, а он меняется. То-есть, можно обходиться без конституции. Хотя она уже меняется, сегодня графа официальной идеологии отменена, постольку есть наша общая концепция культуры. У нас принята стратегия государственной политики, которая принята указом Президента и меняет государственную идеологию. У нас будет принята новая концепция государственной культуры, из которой вытекает стратегия государственной идеологии. В прежней конституции была разрешена толерантность, а в новой концепции слово толерантность будет упразднено как недопустимое слово. В ней будет указано, что Россия – не Европа и не Азия и вообще особый путь. Это чистый *Sonderweg*. К чему это приведет? Через какое-то время просто подтвердят неконституционность государственной идеологии. А пока этого не произойдет, возникнет реабилитация то-

го, что мы уже пережили. Мы переживаем период бурной реставрации старых идей. Они влияют на быстро переменчивое состояние массового сознания. В 1989 г. все поддерживают СССР, а в 1991 году все покидают коммунистические ряды. В 1997 году коммунизм был не так уж плох, а через три года нам уже не нужен ни коммунизм, ни либерализм. Мы живем в зоне неустойчивого массового сознания. У нас сегодня солнце, а завтра снег.

М.С. Константинов: У меня ощущение, что вы полагаете, что националисты ушли в оппозицию. Но вы также заявляете, что это тренд заимствования государством националистического дискурса. Все больше радикализуется позиция власти. И тогда все эти Демушкины и Крыловы останутся просто не у дел. Я правильно понял вашу позицию?

Э.А. Паин: Не вполне. Но хорошо, что вы акцентируете на этом внимание, потому что это надо прояснить. Сегодня используется массовый имперский национализм. Если бы имперская идеология была бесконечной, то национализм как таковой был бы выброшен как совершенно ненужный. Потому что власть может дать национализм лучше и в большей мере, чем сами националисты. Но оказывается, она ограничена в этой возможности, не может его представить в полной мере. Поэтому для внешнего пользователя мы выдвигаем лозунг: мы будем бороться с националистами, фашистами и т.п.; а для внутреннего пользователя мы берем все те же лозунги – «русский народ главный», «русский народ организатор» «он широкий и большой», а насчет остальных непонятно. Это все из недавно сказанных речей. Как только решается задача внешней политики, эти формулы не навечно. Рано или поздно от них придется отказаться, надо будет менять дискурс, налаживать отношения с другой стороной, где худо-бедно сорок миллионов останется, и газ через них ходит. Когда-нибудь с ними надо будет наладить отношения. Тогда возникнет внутренний вопрос.

У нас не многонациональная, а многосоставная страна. В том смысле, что есть территории с преобладающими другими этническими группами, эти территории имеют собственную административную систему. Если вы хотите это все сохранять, то педалировать русский характер этого государства не получится. Я изучал эволюцию стратегии государственно-национальной политики. На первом заседании в ней были написаны пять целевых установок. Первая установка была такая: Россия – это особая цивилизация. На втором заседании эта установка была выкинута. Возник главный лозунг:

«гражданское единство независимо от национальной принадлежности». Этот лозунг не имеет ничего общего с национализмом. Сохранение страны означает сохранение гражданского единства. Все патриоты радуются присоединению территории, но они были бы очень огорчены, если бы потеряли страну. Ее уж точно надо сохранить. Поэтому если они хотят сохранить, то давить на силу этнического большинства не получится. Поэтому я говорю: власть ограничена в продвижении идеи национализма. А национализм ничем не ограничен. Они защищают одну нашу общность.

В.Ю. Попов. А.Пятигорский в своих лекциях говорил: «Томас Джефферсон, общаясь со своими коллегами, заходя в конгресс, описывал, что ему там неприятно, они плохо пахнут, они сморкались, осуществляли всевозможные физиологические отправления». Затем Пятигорский говорит: «Как случилось, что эти грязные люди начали прислушиваться к той небольшой элите, которая начала создавать США». Я не согласен с тем, что в России нет классического либерализма. Если его ядром является частно-предпринимательская экономика, то борьба, которую государство развернуло с частно-предпринимательской экономикой (включая закрытие рынка), свидетельствует об обратном. Понятно, что эта экономика была сделана с большими нарушениями и криминалом. Но базой для становления либерального мировоззрения является частно-предпринимательская экономика. Сейчас она уменьшается, поэтому либерализма не будет. Вообще в России линия разлома идет между экономически грамотными, самостоятельными и деятельными и экономически безграмотными, несамостоятельными и бездеятельными людьми. У нас думают, что деньги появляются потому, что им платят зарплату. И никто не думает, как достигаются деньги.

Э.А. Паин: Вон лежат в тумбочке, можно взять и купить стол или построить стадионы для чемпионата мира.

В.Ю. Попов: Да. Ведь сколько угодно можно желать западного стиля жизни, но если не будут понимать, благодаря чему он достигается, у нас не получится его построить. Если посмотреть с другого края, то Сталин является могильщиком русского крестьянства, и больше нет никаких русских идей.

В.П. Макаренко: В чем же твой вопрос?

В.Ю. Попов: Это не вопрос, а конкретика. Когда вы говорите, что рынки криминализированы и их надо было закрыть, то чего здесь больше: неприятия грязных рынков, которые лежали в основе европейской цивилизации, или неприятия российских рынков? Ведь

в окрестностях Парижа тоже находились грязные рыбные вонючие рынки, которые описаны у Броделя. Но хорошо известно, что французская революция есть революция французских зеленщиков. Не означает ли неприятие рынка неприятие революции? Для меня рынки есть основа самостоятельности, возможности иметь независимый экономический доход, база экономически независимых людей.

Э.А. Паин: Надо понимать, что Бирюлевский рынок и общий рынок имеют предполагают осмысливание. Но вы слово *рынок* используете в принципиально разных значениях.

В.Ю. Попов: Это очаги самостоятельной деятельности, я не смешиваю эти понятия.

Э.А. Паин: Бирюлёвская база – это принципиальный антирынок. Почему? Потому что он был срощен с государством. Им руководил коррупционер-чиновник и самый настоящий уголовник. Если вы знаете историю бирюлевской базы, то у вас такие вопросы не возникнут. Люди, которые пришли с Дагестана в качестве охранников, вытеснили хозяев. Им сделали такие предложения, от которых сложно отказаться. И все хозяева просто исчезли. Бирюлевская база ничего общего с рынком в сего социально-экономическом понимании не имеет. Это контора, срощенная с государством.

В.Ю. Попов: Это заблуждение. Я занимаюсь предпринимательской деятельностью тринадцать лет, а теперь скажу. Там люди зарабатывали на себя, Имея этот заработок, они могли выступать, требовать от власти выполнения ее обязательств, оказывать на неё давление. То была экономическая база.

Э.А. Паин: Это все было не так.

В.Ю. Попов: Вы говорите об охранниках рынка, но не предпринимателях рынка.

Э.А. Паин: Охранники рынка стали якобы-предпринимателями. И торговали не продуктами, которые привозили с Дагестана, а наркотой. И такого рода извращения – превращение якобы-рынков в уголовные предприятия – происходят сплошь и рядом. А с частным предпринимателем, который может быть источником идеологии свободного рынка, этого не происходит, зато происходит олигархизация. Эта тенденция была очень характерна для Латинской Америки. Поэтому понятно, что всегда после криминальной олигархизации приходили военные хунты. Вначале происходит некое срощение некоего свободного рынка с криминальной системой, которые криминализируют общество. Затем появляется спрос на

внешнюю полицейскую или военную силу, которая оказывается единственно способной поддержать порядок. Множество таких волн, как в Латинской Америке, происходило и в Африке. От рынка дорога ближе к диктатуре, чем к демократии.

В.Ю. Попов: Правильно, убрали рынки, но не ЧОПы. Если бы убрали ЧОПы, я бы понял.

Э.А. Паин: Это детали.

В.Ю. Попов: Это не детали, а важнейшие вещи. Ничего они не убрали, убрали рынки, которые крышевали ЧОПы.

Э.А. Паин: Я вам хочу сказать, что произошла криминализация госкапиталистической и олигархической экономики, которая как раз подавляла свободу рынка. Никакой либерализации не было. Все зависимые от государства олигархические структуры никакого либерализма не поддерживают ни в экономическом ни в политическом плане. Наоборот, они очень быстро пресекают истоки либерализма тому, от кого они получают. Они готовы очень быстро пройти в верноподданнические системы правления. Потому либерализм снимается. Такой путь во всех странах и во все времена был путем к диктатуре, а не дорогой к рынку. Народ начинает требовать: хватит, надоела эта вседозволенность, хаос, криминал заел, уж лучше монополия государства. Происходит такой процесс, который ведет к диктатуре. Поэтому новый либерализм выступает за свободу рынка, не сращенности, а борьбы с криминалом. Второе: новый либерализм выполняет экологические задачи. Все либеральные течения выступают за экологическую чистоту.

С. Гарибян: Наблюдаются параллели между Россией и Советским Союзом. В СССР государственный аппарат опирался на рабочий класс, провозглашался лозунг «диктатуры пролетариата», все внешнеполитические действия были вызваны в интересах защиты рабочего класса...

Э.А. Паин: Лозунги были, а опираться он не опирался. Провозглашался.

С. Гарибян: А в России госаппарат выделил один большой русский этнос. И свою внешнюю политику она также проводит на этноконфессиональном факторе. Невольно появляется такая параллель, что если в СССР это был рабочий класс, то в России это русский этнос. Государственный аппарат популистски использует националистический дискурс, причем в самом аппарате сообщество полиэтничное. Например, Собянин нерусского происхождения, но этот ресурс тоже использует. Однако, социально-экономические про-

блемы не решаются. Есть ли у вас прогноз, что будет дальше, если все эти проблемы не решатся, как все это обернется?

Э.А. Паин: Лозунги и реальность – это не одно и то же. Мобилизирующие лозунги могли меняться. Скажем, в арабском мире партия ФАТХ и многие партии в Сирии создавались как левые, потом все изменилось, они стали защищать мусульман. Слова меняются, а суть остается. Все примерно одно и то же. Когда вы говорите абстрактно рабочий класс, это куда менее опасно, чем когда вы переходите к защите одной этнической общности. Потому что когда вы защищаете одну этническую общность, у других начинаются подозрения. В такой стране, как наша, это чрезвычайно опасно. Кто выскажется, кто нет, но все запоминается. Люди все фиксируют, все накапливают в исторической памяти. В разных группах историческая память имеет свои свойства. Как все это обернется – я не знаю, не могу сказать. Пока могу сказать только то, что сказал. Во всех случаях перехода империй в этническую форму они подписывали себе смертный приговор. Когда это произойдет, никто не знает. Когда я говорю *конец империи*, я не говорю, что географически она уменьшится и сожмется. Речь идет о типах устройства. Государство от имперского типа может перейти к федеративному. Речь идет об изменении отношений между субъектами. Прямой связи между политическими устройствами и географией не существует. Поэтому разные этнические группы могут стать как индийская федерация, насколько они крепкие - не знаю.

М.Е. Трофимов: До этого говорили, что большой уровень ксенофобии в Москве, а в Америке большой уровень исламофобии. Вы говорите, что Россия - составное государство и таких государств много. Я неоднократно сталкивался с тем, что лица, осуждающие понаехавших с Кавказа, очень часто являются жителями Подмосковья, с лицами кавказской национальности они никогда не встречались. У американцев тоже отношение с мусульманами часто такие, когда они их видят только по телевизору. А часто в многосоставных государствах типа Ирана или Эфиопии очень трудно провести границу. Возникает сам факт больших проблем реального территориального размежевания. Все в этом заинтересованы. В Европе Бельгия, чтобы не развалилась, не понятно, как и где провести границу. В России существует административно-территориальное деление, но оно слабо развито, все перемещалось.

Э.А. Паин: Когда я говорю об изменении империи, я говорю о типе отношений, а не географии. То-есть, прямой связи нет. У нас

представления о мире очень поверхностны. Большую часть мусульман в Америке представляют коренные американцы, негры, которые принимали ислам в определенное время. А фактор исламофобии – это фактор событий 11 сентября 2001 года, и ничего с этим не поделаешь. Они не совсем уж такие дураки, они там все различают. Нерациональное изменение субъектов федерации существует в большинстве субъектов федерации. При нынешней организации экономики оно просто фатально, поскольку регионов-доноров у нас раз-два и обчелся. Но пока что существует незаинтересованность экономическая, психологическая, транспортная, любая. Все не готово к изменению. Я никогда не говорю о проблеме распада. Я не вижу набора аргументов для распада. Для изменения типа отношений – да. Они не просто есть – действительно появляется необходимость субъектности.

М.Е. Трофимов: А как вы думаете, у нас имперская организация или федеративная?

Э.А. Паин: У нас имперская организация. Последний закон в Думе об отмене выборов даже мэров – яркий тому пример.

В.Ю. Попов: И никто это не обсуждает, нет никакого гражданского понимания, все принималось под шумок.

В.П. Макаренко: Разрешите поблагодарить за предоставление пищи для ума, для обмена мнений, – это одна из основных целей нашей конференции.

Феномен сверхдержавки

В.Л. Иноземцев

В.Л. Иноземцев: Друзья, добрый день! Я сначала хотел сказать, что термин «сверхдержавка» я употребил лишь в одной статье. Видимо, коллегам он так понравился, что решили вынести этот термин на обсуждение. Еще в 2006 году многие российские политики, включая Путина, выступили с идеей: Россия должна стать энергетической сверхдержавой. В ответ на это в ныне не существующем журнале «Политический класс» я опубликовал статью...

В.П. Макаренко: Эта идея использовалась Коммунистической партией Китая в 1960-е годы для критики политики СССР и США одновременно. Обе страны обвинялись в гегемонизме. А до китайских коммунистов термин «сверхдержава» использовался кем-то из французов, я забыл - кем.

В.Л. Иноземцев: В любом случае претензия России на роль энергетической сверхдержавы мне показалась настолько странной,

что в ответ я написал статью «Энергетическая сверхдержавка». В ней я показал безнадежность наших претензий в этой области. Затем термин понравился коллегам, и это вылилось в сегодняшнее обсуждение. Я попытаюсь развить эту тему и поговорить о внешней политике России с точки зрения военного, культурного и социального потенциалов и возможностей.

Моя основная идея состоит в том, что сегодня Россия не может вернуть себе тот статус, который существовал у Советского Союза как одного из центров мировой экономики и политики. Для такого заключения есть много оснований. Все они связаны с тем, что Россия наследовала те проблемы, которые были малозаметны в «великом» СССР. За последние десятилетия в мире прошло много изменений. Произошел переход из количества в качество. Сегодня Россия стоит перед важными геополитическими вызовами. Я коснусь четырех аспектов и начну с экономики.

Мы часто говорим, что Россия сегодня сидит на нефтяной игле, что это ужасно, что это продолжение советских традиций, что эти экономики неэффективны. На самом деле я должен сказать о двух моментах, которые являются нетипичными. Во-первых, не нужно приплетать СССР к проблемам экономики РФ. Здесь сидят студенты и преподаватели. Как вы думаете, сколько процентов нефти из добываемой в РФ продается за рубеж?

Первый голос: Сорок.

Второй голос: Шестьдесят.

В.Л. Иноземцев: Верно, 66%. А сколько продавалась нефти за рубеж в 1987 году в СССР?

Первый голос: Тридцать пять-сорок.

Второй голос: Восемнадцать.

В.Л. Иноземцев: Да, восемнадцать. Это означает, что за прошедшие годы мы стали не только страной, которая стала больше производить нефти, газа и других ресурсов. Мы стали страной, которая стала меньше потреблять. По сути дела, эффект от превращения нашей страны в энергетическую сверхдержаву - это обратная сторона нашей деиндустриализации, общего экономического упадка. Как вы думаете, каков сегодня объем производства нефти и газа в РФ по отношению к 1990-му году?

Первый голос: Меньше.

Второй голос: Больше

В.Л. Иноземцев: Оба ответа принимаются. Разница в 2-4% в зависимости от года. У нас произошел огромный провал в 1990-е го-

ды и в начале 2000-х. Потом состоялся подъем и выход на уровень РСФСР. При этом, не давая оценок, я могу сказать, что уровень добычи в Казахстане повысился в 3,5 раза, в Азербайджане почти в 4, а в Катаре в 24 раза. Таков успех наших конкурентов за последние 20 лет. Сейчас мы экспортируем больше нефти и газа, поскольку у нас резко сократилось внутреннее потребление. Проблема экономики РФ в том, что мы являемся отраслевыми монопроизводителями, на экспорт сырья приходится 70–77% ВВП. Это очень много. С другой стороны, мы являемся не только моноотраслевыми, но и монорыночными с точки зрения того, что мы экспортируем все в одном направлении. Сегодня около 75% энергетического экспорта идет на запад в Европу. Я имею виды страны бывшего СССР, Украину, Белоруссию, а также Турцию. Наш экспорт на восток на порядок меньше.

Наша экономика примитивная, хотя я не говорю о том, что любая сырьевая экономика примитивная. Если мы посмотрим на объем и производительность труда в различных отраслях, то увидим, что энергетическая отрасль является одной из самых восприимчивых к НТР. Мы видим, как американцы на основе новых технологий вышли в лидеры по добыче газа и извлечению его из сланцевых пластов. Мы видим, как будут подниматься канадцы за счет получения нефти из нефтеносных «тяжелых» песков. Мы видим, что бразильцы бурят шельф на глубине 7000 метров, а мы не можем пробурить шельф на глубине 150 метров. Иначе говоря, энергетическая отрасль – это высокотехнологичная отрасль. Я не против, чтобы РФ строила свою идентичность на добыче полезных ископаемых. Проблема в том, чтобы эта отрасль вела экономику вперед, она должна увеличиваться в объемах. Мы фактически потеряли долю газа на мировом рынке. Мы потеряли и продолжаем терять долю нефти на мировом рынке.

По сути дела, мы должны наращивать производство, сделать энергетический сектор одним из главных, магнитом для инноваций. Но этого у нас нет. Мы должны понимать, что страна-лидер по добыче должна иметь огромный и разветвленный рынок сбыта. На мой взгляд, Россия имеет возможность сохранить позитивные и дружеские отношения с США и с Западной Европой. В этом случае она может стать важнейшим игроком на мировом рынке. Нам нужно стать единственным дружественным игроком на западном рынке, потому что все остальные территории – Средний Восток, Латинская Америка, Западная Африка – обладают негативно настроен-

ными политическими режимами. На этом фоне РФ смотрится практически оптимальным для западного мира партнером. Если не портить наши отношения со странами Запада, то на нашей энергетической составляющей экономики мы могли бы существовать многие десятилетия и быть успешными с точки зрения НТР и разделения труда. Многие люди говорят, что расцвет энергетической отрасли в РФ фактически произошел в 2000-е годы – в плохой политический период, поскольку страны, обладающие большими ресурсами, всегда будут авторитарными диктатурами с отсталой системой социальных гарантий. Я с этим не согласен. Проблема в том, когда приходит ресурсное изобилие. Когда вы уже имеете успешную индустриальную экономику, вы можете это спокойно пережить. США до 1930–40-х годов были крупнейшим производителем нефти, это не мешало их инновационности. После нахождения запасов нефти на шельфе моря Великобритания тоже не потеряла свои качества демократической страны и успешного рыночного общества.

Как правило, проблемы такого рода возникают там, где рост сырьевых доходов приходится на период, когда страна переосмысливает свою политическую идентичность. Примерами могут быть Нигерия, Саудовская Аравия, Иран. РФ стоит в этой очереди. В 2000-е годы на Россию упал водопад нефтяных доходов. И мы сразу попытались найти некую «общую идею». Повышение цен на нефть и увеличение нашей роли как энергетического поставщика совпали во времени с реанимацией идеи о возрождении «Великой России». Сегодня по сути Россия имеет имперскую идентичность, но она одновременно считает, что контроль над ресурсами может заменить эффективную экономику. Это – трагедия для России. Сегодня Россия является энергетической страной, одной из крупнейших поставщиков. Это надо развивать. Но мы не пытаемся развивать ни этот, ни какой-либо другой сектор. Проблема в том, что значительные нефтяные доходы не дают нам ни мотивов модернизировать энергетическую отрасль, ни мотивов поднимать предпринимательскую деятельность и более современные отрасли промышленности. Этот выбор надолго. На данный момент мы сохраняем конкурентное преимущество, но не пытаемся преобразовать его в экономический рост по всему фронту. Именно поэтому таков первый момент: на этой базе стать реальной сверхдержавой мы не можем. Мы не пытаемся использовать данное преимущество для запуска естественного экономического развития. При такой политической системе и отсут-

ствии экономической воли, присутствии класса, связанного с сырьем или распилом доходов, никакая модернизация в РФ невозможна,

Когда Медведев говорил о модернизации, я изначально был настроен исключительно скептически. Даже когда прокремлевские политологи говорили о том, что нас ждет либо модернизация либо катастрофа, я говорил, что выбор есть, что ни модернизации, ни катастрофы не произойдет потому, что модернизация происходит тогда, когда большинство населения понимает, что обратно пути нет и альтернативы нет. Но сегодня альтернатива есть: модернизация в условиях высоких нефтяных цен сознательно не проводится правящим классом. Специфика нашей экономики, доминирование представителей спецслужб в политическом управлении страной, способ связи этой доминанты с популизмом и методами управления показывает мне, что модернизация при существующем политическом режиме невозможна в принципе. В этих условиях Украина вполне может стать региональной сверхдержавкой. А переход к реальному сверхдержавному состоянию экономики, как в Китае, невозможен.

Второй момент – военная составляющая. Советский Союз оставил России огромную военную машину и развитый ВПК. Мы унаследовали от СССР ощущение значимости военной силы. На деле современный мир быстро меняется. Возможности военной силы резко снижаются, поскольку исчезает сама возможность ее использования. Посмотрите на США. Эта страна может послать войска в любую точку мира и уничтожить врага. США могут разгромить, но не могут обеспечить успех той повестки дня, которую они предлагают. Приведу пример. Британский историк Найел Фергюсон в одной из книг описал войну Великобритании в Эфиопии в 1870-е годы. Тогда эфиопский император проявил агрессию к британским жителям в Эфиопии, применил к ним силу, взял их в заложники, отказался освободить, в результате Британия объявила войну Эфиопии. Через несколько месяцев высадился корпус Британской армии, пошел на столицу, захватил ее, погибло несколько заложников, остальные были освобождены. В боях погибло 12 тысяч эфиопских солдат. Сколько погибло англичан?

Голос: Сто пятьдесят.

В.Л. Иноземцев. Нет, всего четыре человека, но почему? Обычно отвечают, что у англичан были нарезные винтовки и пулеметы, а у эфиопов только луки. Нет, не поэтому.

Голос: Эфиопы разбежались?

В.Л. Иноземцев: Нет, эфиопы дрались смело. Дело в том, что высадившийся корпус был второй индийской армией. В ней было несколько британских офицеров, они и погибли. А в основном погибли индусы. Вопрос в том, что сегодня роль военной силы другая. С одной стороны, великие державы не могут действовать так, как раньше. Уровень безрассудства сопротивляющихся намного вырос. В XIX-ом веке не было террористов-смертников. Британцы удерживали Ирак контингентом около 11 тысяч человек, и страна была спокойной и управляемой. А в 2004 году американцы не смогли стабилизировать Ирак контингентом в 260 тысяч человек. В XX веке Северная Корея победила при помощи СССР, но Вьетнам в том же XX веке не покорился. Этого нельзя представить в войнах XIX века. Сегодня уничтожить малую страну можно, только угробив сотни тысяч людей. Во-первых, это крайне сложно, во-вторых, экономические затраты гораздо больше, чем польза от периферии. Поэтому сегодня мощной военной стране применять вооруженные силы в конфликтах крайне затруднительно. Созданный в СССР ядерный щит оказался практически бессмысленным. Невозможно предположить сценарий ядерного конфликта между СССР и какой-либо страной, разумеется, если боеголовку не запустит лидер Северной Кореи. Все остальное выходит за рамки разумного политического прогнозирования. В конфликте вам придется доказывать мощь своих совокупных сил обеспеченности и так далее. Возьмем случай войны 2008 года в северной Грузии. Российские войска оказались далеко не на высоте. Еще раз повторю: если в современной политике страна желает глобального присутствия во всех точках земного шара, то это требует колоссальной инфраструктуры. Сегодня главным ресурсом для развертывания вооруженных сил является мировой океан. Страна, которая не имеет военно-морского флота и баз базирования, на сверхдержавный статус претендовать не может. С точки зрения ядерного потенциала Россия формально является одной из крупных мировых держав. Но этот потенциал не придает стране сверхдержавный статус. Ведь ядерная мощь России не может быть использована ни для защиты, ни для приобретения союзников, как это происходило часто в XX-м веке. Наличие ядерных сил не обеспечивает глобального присутствия.

Существует также вопрос, связанный с социальными процессами. Сегодня мы говорим об имперской составляющей национального государства. Безусловно, на протяжении многих сотен лет страны, претендующие на сверхдержавность, имели имперскую состав-

ляющую. Сегодня имперская модель фактически уходит по одной причине: дело в том, что все успешные империи прошлого присоединяли и осваивали территории посредством выплеска собственного населения. Сегодня модель империи выглядит крайне устаревшей потому, что империи всегда предлагают возможность доминирующей военно-технологической нации обеспечивать выплеск собственного населения на глобальную периферию. Римская империя и европейские государства Нового времени предполагали соединение более высокого уровня жизни и технологических достижений с возможностью на протяжении нескольких сотен лет отправлять десятки тысяч граждан в новоосваиваемые территории, где они воспроизводили порядки, похожие на те, откуда они приходили. Это относится и к Российской империи. Империи были живы до тех пор, пока центр мог обеспечивать поток на периферию. Сегодня во всем мире тенденции сменились, мы видим обратную экономическую миграцию. Мировой Юг поставляет огромное количество населения в более развитые государства. Невозможно создавать евразийскую империю на пост-советском пространстве, если Россия не готова отправлять по несколько миллионов человек в Среднюю Азию. Россия же поступает наоборот: получает из Средней Азии колоссальный миграционный поток и в возрастающей степени зависит от ресурсов этого региона. Россия фактически есть страна-получатель. Она больше ресурсов тянет на себя, чем отдает. Поэтому в любом случае можно сказать, что имперская модель себя изжила.

Вопрос не в том, мощна ли сегодня Россия, вопрос в том, какие изменения затронули Россию за последние десятилетия. За это время экономическое доминирование стало более выгодным, чем военное, о чем я уже говорил. Экономическое доминирование транслируется через определенные стандарты и модели поведения, достойного образа жизни или престижного потребления. Все это называется мягкой силой и навязывается разным странам. Все это делает ситуацию такой, что в качестве сверхдержавы выступают те государства, которые могут либо обеспечивать собственное видимое экономическое присутствие во всем мире либо обеспечивать имитирование определенных образов жизни и стандартов поведения, которые существуют у них самих. Россия ни с идеологической, ни с экономической, ни с социальной точек зрения не продуцирует тех матриц, которые могут копироваться другими государствами мира. Идея «особого пути» России подтверждает, что мы не можем проду-

цировать то, что было бы в одинаковой степени привлекательно для всего мира.

В какой-то степени это есть защитная реакция, которая корнями уходит в исключительность и «особый путь России». Но сторонники «особого пути» не могут позволить себе такое определение в принципе, поскольку идея «особого пути» предполагает изучение чего-то другого. Если вы выбираете особый путь, то становитесь на путь развития северной Кореи. Если же вы предлагаете какой-то путь для всего мира либо для большей его части, то вы имеете гораздо большее влияние на мировую политику, экономику и т. д. То есть, все, что я хотел сказать, сводится к тому, что Россия сегодня – это заметная региональная держава. И в этом отношении у нас возникает несколько серьезных вопросов.

Первый вопрос о том, насколько регион, в котором находится наша держава, пригоден для жизни. За последние годы в мировой экономике и политике появилось много тенденций, я об этом уже упоминал. Но радикально изменилась структура глобальной экономики. Эта структура связана с тем, что за последние 50–60 лет стремительно сократилось значение территории, резко упало значение того, что называлось хартлендом – территорией в глубине континента. Хэлфорд Макиндер писал: кто владеет центром Евразии, тот владеет всем миром. Сегодня такое заявление ошибочно и ложно. Потому что те, кто углубился в этот центр, те закопались в нем навсегда. Потому что чисто статистически по расчетам 2004 года 62% всей мировой экономики сосредоточены в районах, отстоящих от морского побережья меньше, чем на 100 миль. То есть, идея постоянного коммуницирования и развития через морскую торговлю на сегодняшний день является абсолютно доминирующей идеей. И в этой связи гораздо лучше быть Китаем или Бразилией, чем Россией. С одной стороны, Россия фактически не имеет побережья, с другой стороны, находится не в той зоне, где находятся Китай или Бразилия, имея абсолютно идентичную экономику. Вообще, Россия и Бразилия очень похожие страны по объему экономики. Бразилия более населенная страна, но там более низкий уровень подушевого ВВП. По покупательной способности эти страны почти одинаковы, но Бразилия – абсолютно доминантная сила в Латинской Америке, а Россия – это довольно маргинальная территория между Китаем и Европой, которая гораздо меньше Китая и Европы по объемам экономики и по масштабам возможностей. Будучи региональной державой, Россия объективно не может создать вокруг себя территории,

которые будут сопоставимы с другими державами, действующими в этом регионе.

Второй момент – Россия не продуцирует смыслы, а они могут быть очень разными. Я привез книги, одна из них принадлежит молодому американскому исследователю Парагу Ханне. В ней изложена концепция нового первого мира. Раньше в классической политологии считалось, что США – это первый мир, СССР второй, третий – развивающиеся страны. Сейчас Параг Ханна предложил новую концепцию, в которой страны первого мира – это США, ЕС, Китай, третий мир – это государства, которые ни на что не влияют, а второй мир – это государства, которые представляют собой державы второго уровня. Я абсолютно согласен с этим, и считаю, что Россия идеально вписывается в идею второго мира. Россия – это страна, которая ни по политическим, ни по военным параметрам не способна стать центром притяжения и главным игроком мировой экономики. Главными игроками являются США, Европа и Китай. Каждый из них имеет разный мотив привлекательности в мире. Это может быть индивидуалистско-политическая модель, как в США, или модель, основанная на уровне жизни и соблюдении норм, как в Европе, это может быть модель, основанная на выдающемся экономическом прыжке и факторе силы, как Китай.

Так или иначе, все эти страны имеют возможность продуцирования и проэцирования своей модели в мировом масштабе. Россия такими возможностями не обладает. Мы опять возвращаемся к темам, которые так или иначе поднимались в начале. В состав стран второго мира входят Россия, Япония, Индия, Мексика, Турция и многие другие крупные государства, которые не могут претендовать на лидерство в мире. Но роль этих стран в том, чтобы определить исход крупного соревнования, крупной конкуренции между странами первого мира. По сути дела, Россия сегодня – это некая гиря на чаше весов, которая может перевесить в пользу Европы либо в пользу Китая.

Я согласен с этой концепцией, но исход потенциальной борьбы между Китаем и западным миром не очевиден. В любом случае, сегодня Россия должна привыкнуть к роли, которая присуща ей сейчас, а не пытаться играть роль СССР-2

В заключение я хотел бы сказать следующее. Агрессия в отношении Украины у многих либералов оставляет впечатление, что Россия слетела с катушек. У меня же некоторые действия сегодняшней российской элиты вызывают ощущение, что эту ситуацию

можно рассматривать в обратном ключе – как понимание того, что у элиты возникло чувство пределов ее возможностей. Ведь сама идея «русского мира» является настолько частной, что не претендует даже на восстановление СССР, а покушается на некий передел границ между РФ и Украиной, РФ и Казахстаном, на пересмотр ситуации - есть ли такой субъект, как Белоруссия и т.д. В любом случае есть претензия на усиление региональной роли. Россия не собирается воевать с НАТО, не собирается становиться в позу новой холодной войны, тем более – реальной войны с США. Наша политическая элита понимает, что борьба с Китаем невозможна. То есть, в данной ситуации речь идет о попытке развития примитивной доктрины «русского мира». На мой взгляд, складывается ощущение, что Россия успокаивается в пределах своей зоны влияния.

В заключение я хочу прокомментировать вопросы по поводу Китая и Европы. Сегодня говорят о том, что мы хотим отвернуться от Европы. Мы должны понимать, что это обойдется нам дороже, чем Европе. Безусловно, у европейцев существует энергетическая зависимость от России. Никто не отменял того факта, что 30% газа Европа получает из России. Проблема заключается лишь в том, что за два года мы не успеем построить все трубопроводы, которые строились во время СССР. Необходим огромный объем поворота на Восток, но сильно повернуть мы не сможем. Мы не можем сейчас производить больше нефти и газа, чем производим. Чтобы повернуть потоки, добываемые в Западной Сибири, на Восток, нужны невероятно значительные финансовые затраты и достаточно большой промежуток времени. Я хочу подчеркнуть что финансовые затраты не являются определяющими. Давайте глянем на цифры.

Мы экспортируем нефти и газа чуть меньше, чем на 400 миллиардов долларов в год. Полная переноска всех нефте – и газопроводов на Восток никогда не будет стоить дороже 100 миллиардов, т.е. это всего лишь четверть годового объема экспорта. Технически мы это можем сделать, но возникают две проблемы: мы тратим время; мы должны принимать реалии энергетического рынка. Тут есть два момента.

Первый момент – этот рынок заполнен и заполнен он всегда. Когда мы говорим: давайте перебросим наш газ на китайский рынок – мы должны говорить несколько иначе: давайте мы выгоним кого-то с китайского рынка и перебросим туда наш газ и нефть. Это будет нелегко, потому что китайцы сейчас напиваются нефтью из Саудовской Аравии, из Нигерии и многих африканских стран, где

они имеют серьезное военное и экономическое присутствие. Прогнать их с рынка будет сложно, т.к. у этих стран есть гораздо больше возможность снижения цен, чем у РФ. То-есть, если мы захотим выжить Саудовскую Аравию с рынка Китая, думаю, что саудиты легко будут поставлять нефть по 60-65 долларов.

Второй момент тоже очевиден: объем нефтяного рынка растет на полпроцента в год. Поэтому можно ли говорить, что рынок поглотит всю эту нефть? Можно с одним условием: если мы действительно сможем выдавить саудитов и нигерийцев с китайского рынка (к чему мы стремимся), то эта нефть никуда не денется, эти скважины не законсервируются. И их танкеры так же легко пойдут в Европу. Поэтому абсолютно не стоит вопрос о том, что, перебросив потоки, мы навредим европейцам. Фактически это как маятниковые часы: если здесь мы освободим Китай, то саудиты придут к европейцам, и они не особо почувствуют разницу. Может, только покажут, что газ там может подорожать, потому что сланцевый газ из Америки и сжиженный газ из Аравии существенно дороже российского. Если ставить вопрос о том, может ли Европа в течение четырех лет заместить российский газ альтернативным, но это будет стоить приблизительно дороже на 120 долларов за тысячу кубометров от предыдущей цены.

Опять вернемся назад и посмотрим уровень потребления в Европе и объем экспорта, который идет из России порядка 145 миллиардов кубометров в год. Если мы увидим на этом объеме повышение на один доллар, то это составит 145 млн, если на 100, то это 10 млрд евро. Эта сумма составляет меньше 0,1% от ВВП Евросоюза, то-есть, полные издержки по освобождению от российской нефтяной-энергетической зависимости меньше стоимости одного транша для спасения Греции. Короче говоря, против нашего лома есть приемы. В данном случае могут даже не почувствовать масштаб удара, хотя это может быть мощным политическим шоком. Это потребует переноса энергоструктуры, реальная адаптация к новым ценам и поставкам будет дороже, но все равно несопоставимой ни с какими процессами, связанными с кризисом 2008 года, когда ВВП в Европе падал на несколько процентов. То-есть, это разложенное на несколько лет будущее замедлит темпы роста, создаст определенные сложности, но эти сложности гораздо лучше для Европы, чем потери 0,2–0,3% ВВП.

В любом случае это не катастрофа. Чтобы понимать масштабы энергетики во всем мире, допустим, в Европе и Америке, я всегда привожу один простой пример: накануне резкого повышения цен на

нефть в 1973-м году общий объем потребляемой нефти и газа в США составлял 5% ВВП, в Европе он составлял порядка 7%. Сегодня цены возросли в десятки раз, потребление в Европе нефти и газа 4% ВВП, в США 4,8% ВВП. Несмотря на общий рост цен, доля расходов ВВП на энергетiku снижаются – таков главный тренд. В 1990-е годы был резкий провал на рынке нефти, цены на ресурсы падали уверенно всю вторую половину 1990-х. И многие западные исследователи говорили о том, что именно переход к информационному обществу, постиндустриальной экономике вызывает то, что цены на нефть будут постоянно падать, потому что потребность в этом энергоресурсе будет резко снижаться. На самом деле сегодня мы видим абсолютно другую тенденцию. Но я бы объяснил это совершенно с другой стороны.

Указанные тренды (усиление постиндустриального общества, увеличение информационной составляющей экономики) приводят к тому, что цены на нефть будут бесконечно расти, а кризиса в экономике на Западе не будет. По сути, экономика настолько сильно независима сегодня от нефти, что она не чувствует увеличения цены. Да, мы повысили ее в пять раз с начала 2000-х годов. Ну и что? – отвечает западная экономика; доход от финансовых операций в Америке больше; цены выросли в пять раз, потом еще вдвое, и что? Это говорит о том, что экономического кризиса не случится.

Еще раз вернусь назад. Сегодня Россия в экономическом плане имеет шансы развиваться даже в рамках присущей ей энергетической сырьевой базы. На мой взгляд, в рамках этой специализации можно достаточно активно развиваться, а можно и уйти. В любом случае сама по себе зависимость от нефти и газа не является приговором, это просто некое состояние, в котором мы сейчас находимся.

Второй момент: сегодня, безусловно, развитие военного потенциала России проходит непродуктивно, он не увеличивает нашего влияния в мире и не меняет ситуации. Сегодня даже такие реалисты в политической сфере, как Сергей Александрович Караганов, не устают повторять: в последние годы Россия переживала самые безопасные периоды своей истории, потому что никто из серьезных мировых держав не собирался на нее нападать и сейчас не собирается. Поэтому мне кажется, что сегодня развитие оборонного потенциала, а также все разговоры о возрождении Империи и некой глобальной роли, – все эти попытки лежат глубоко за пределами наших возможностей.

Общий вывод таков: Россия – это региональная держава, она начинает самоопределяться сейчас именно как региональная держава, как крупное национальное государство. Плюс к этому два самых важных вопроса к России на будущие двадцать лет: будет ли она совершенствоваться в рамках сырьевой экономики либо попытается как-то выйти из этого варианта? Второй вопрос заключается в геополитической ориентации: будет ли она ориентироваться больше на север или попытается повернуть на Юг? Эти два вопроса мы с вами решить не можем, ответ покажут события после 2020 года. До этого я не вижу никаких возможностей коренного слома тенденций.

Вопросы

Вопрос: Вы говорили о том, сколько потеряет Европа при переориентации, а Россия?

В.Л. Иноземцев: Россия потеряет следующим образом: это будет зависеть от очевидных и неочевидных факторов. Очевидный фактор: если мы переориентируемся на Китай, то в Китае цены на газ ниже европейских примерно в полтора раза. И у них нет оснований увеличивать, потому что китайцы сейчас активно идут на газовые поставки из Центральной Азии, в первую очередь из Туркмении. Мы потеряем приблизительно треть выручки по газу, но по этому поводу я хотел сказать, что у меня есть статья 2009 года. Я посмотрел на выступления Путина с 2006 по 2009 год на переговорах с главами иностранных государств. В 86% случаев этих переговоров Владимир Владимирович говорил только о газе. Меня удивило, что человек говорит только о газе, хотя газ составляет в экспорте РФ всего 14%. Даже если мы потеряем треть выручки от газа, мы потеряем в сумме 5%, что по большому счету не критично. По нефти таких проблем не будет, потому что если мы сумеем обеспечить прирост всего объема нефти на восточном тихоокеанском бассейне, то в значительной мере она, скорее всего, там и разойдется. Ее можно будет продать Японии, Южной Корее, Сингапуру, которые являются большими ценителями нефти. Поэтому я думаю, здесь вопрос о том, насколько это будет для нас болезненно.

Мы будем терять максимум по 30–50 миллиардов долларов в год на экспорте. С другой стороны, если нет другой альтернативы, то сойдет и это. Но опять таки я считаю, что если это делать, то ориентируясь не на Китай. Китай имеет весьма особую энергетическую стратегию. Когда мы говорим, что построим трубопровод из Сибири

в Китай, то почему-то никто из наших теоретиков этой постройки не задумывался о том, что туркмены не строили газопровод в Китай – китайцы сами, за свой счёт построили эту трубу, так как были заинтересованы в поставках топлива. Он ведет от туркменских месторождений на запад Китая и принадлежит китайцам, туркмены только закачивают газ. Чем плохо? Поэтому если ситуация сложится безвыходная, надо ориентироваться на то, что наши восточные партнеры занимаются самовывозом. Условно говоря, нет ничего страшного в том, что не мы распилим очередной бюджет, а китайцы построят газопровод от западного Китая в Сибирь. Пусть строят, что в этом страшного, пока нет альтернативы нашему?

Хочу еще раз сказать, что поворот на восток технически возможен. Если стоит задача в течение четырех лет перебросить потоки на восток, то потери будут для нас минус 2% ВВП, для европейцев минус 0,2% условно говоря, что более-менее соответствует объему экономики.

Вопрос: Вы очень аргументированно определили, что шансов для России стать сверхдержавой на сегодняшний момент нет и в ближайшей перспективе они не появятся. Но если рассматривать иную перспективу: есть звезды-империи и их черные дыры, поскольку мы экспортируем не образцы для подражания, а образцы для отрицания. Свежий пример – технология «вежливых зеленых человечков», как некоторые говорят. Если эту технологию мы применяем в связи с нежеланием Запада ввязываться в какие-либо локальные конфликты, если мы соединяем это нежелание, неготовность Запада к ведению локальных войн с нашей технологией, которая может быть в определенных регионах мира востребована – тот же самый Иран, Корея, Северная Корея имеются в виду. Не получается ли здесь вполне определенная перспектива? Естественно, она оценивается как негативная, но нет ли здесь определенного исторического вызова?

В.Л. Иноземцев: Есть, но негативный опыт не очень экспортируемый. Северная Корея – классический пример применения советского негативного опыта, но распространения его мы не видим. Никто не пытается его перенять, и мнение Пхеньяна до Сеула не доходит. Поэтому вряд ли мы можем быть экспортером негативного опыта типа технологии зеленых человечков. Еще раз повторю – мы крупная региональная держава, я допускаю даже такой катастрофический сценарий, что «зеленые человечки» из территории в Крыму могут дойти до Львова, но не дальше. В качестве катастрофиче-

ского сценария я допускаю восстановление территории СССР за счет Украины и Белоруссии. Например, я уверен процентов на 90%, что Россия до конца года получит Донбасс и Луганскую область – к большому для себя сожалению. Но она буквально может получить - и Запад опять на это не ответит ничем серьезным – и Караганду с северным Казахстаном.

Голос: Исключено...

В.Л. Иноземцев: Не исключено. Конечно, там есть китайский фактор и многие другие. Частичная экспансия России на Запад через Белоруссию и Украину возможна, но наши возможности экспансии ограничены. Есть границы НАТО и ЕС, которую мы не перейдем, потому что это глобальный конфликт. Украину можно сдать в конце концов, но дальше стоит жесткий сценарий. И мы сами понимаем, что нам туда не надо, потому что у нас есть идея возрождения «русского мира» и идея новой оккупации Польши. Это разные идеи, в первом случае народ готов, во втором народ не поймет.

Голос: Польшу не надо...

В.Л. Иноземцев: Да, Польшу не надо, каждый из вариантов очень не спокоен, поэтому...

Голос: Казахстан полностью исключается...

В.Л. Иноземцев: Я думаю, Восток полностью не исключается, но что нам может дать присоединение Белоруссии – в голове не укладывается. Конечно, в сфере экспорта технологий можно дружить с Ираном и Венесуэлой. Но в любом случае я не вижу практического выхода нашей дружбы с Чавесом. Вообще, в чем результат таких внешнеполитических акций, когда Россия кому-то дает денег на оружие, кому-то поднимает промышленность, и тому подобное? Что мы можем получить? Или просто надеемся, что в Иране еще несколько лет просуществует этот режим, который не очень стабилен и предугадать невозможно, когда он рухнет? Но в чем наша близость отношений? В том, что наши политические векторы несколько сходятся? Однако ведь экономические интересы России и Ирана абсолютно разные, мы конкуренты на одном и том же узком рынке. По крайней мере, определенные моменты культурной близости не перевелись в экономическую составляющую. Иран – это абсолютно клерикальное государство, но экономическая целесообразность в нем чувствуется. По законам ислама нельзя есть черную икру – осетр как бы не рыба, есть его: не для правоверных. Но после Исламской революции США и Европа наложили санкции на иранский экспорт. И аятоллы даже издали специальную фетву, разрешавшую

кушать икру, так как ее нужно было куда-то сбывать, и уж Аллах, наверное, не разгневался. То же самое произойдет в России, когда ей нужно будет продавать нефть на внутреннем рынке.

Вопрос: В свете последних событий как вы оцениваете возможность пересмотра на Западе отношения к жесткой силе? Вы подробно говорили про Европу, а какое отношение в США к жесткой силе? Не только в плане наращивания военных расходов, но и пересмотра послевоенных границ, пересмотра статусов региональных держав и так далее.

В.Л. Иноземцев: Я думаю, эта вероятность не очень велика. Начну с пересмотра границ. Если серьезно подходить к вопросу, то эти границы постоянно пересматриваются. По мере расширения ЕС и НАТО де факто пересматривались границы зоны влияния. Зона влияния сдвигалась к Востоку. По сути, то, что мы видим сегодня на Украине, это конфликт между последним расширением зоны влияния в сторону российских границ. Пересмотр этих двух систем фактически происходит давно. Что касается того, готов ли Запад применять силу по этапам, я думаю, здесь есть два момента. Во-первых, конфликты в Югославии прекрасно показали, что даже при высокой степени эскалации конфликта Запад не готов применить силу. Сребреница была не Славянском, и все равно сила не применялась. То есть, масштаб конфликта и потенциального урона должен быть очень высок, чтобы применилась сила. С другой стороны, Россия стоит на востоке от этих территорий. В Европе существует боязнь открытых границ с непредсказуемой Россией. Поэтому, я думаю, что здесь порог входа будет еще более закрыт.

Теперь о военных расходах. Сегодня Соединенные Штаты и Европейский союз тратят ежегодно на военные расходы порядка триллиона долларов. Причем, одни американцы потратили в Ираке больше триллиона. Дополнительных трат намного больше. В Афганистане США потратили порядка 400 миллиардов, а получили, по большому счету, пшик, то есть, ничего не получилось. Ни демократизации Ирака, ни европеизации Афганистана, ни стабильных режимов там не возникло. А что сделали европейцы за последние двадцать лет? Они увеличили членство в Евросоюзе с 12 до 28. По сути дела, сегодня Венгрия, хотя там власть националистов, гораздо более управляемая территория, чем Ирак, который так исполнительно контролируют американцы. Поэтому мне кажется, что европейская модель медленного продвижения гораздо эффективнее для утверждения демократии и стабильности.

Но здесь возникает вопрос: что дает армия для продвижения Европы на Восток? На мой взгляд, ничего. Потому что если сейчас европейцы обсуждают, дать ли Украине 2 миллиарда евро на фоне расходов в триллион долларов, это выглядит для меня смешно. Потому что на самом деле сегодня гораздо более разумно сохранить военные расходы на 10%, вкачать на продвижение конкретно Украины 200 миллиардов и сделать ее процветающей страной, на которую Россия будет долго облизываться. Это то, что можно было бы сделать за 10-15 лет без всякой военной агрессии. Что будет гораздо более плодотворней, и что гораздо сильнее щелкнет Россию по носу, чем любые военные операции в Донцеке.

Вопрос: А почему Европа этого не делает?

В.Л.Иноземцев: Это хороший вопрос. Я думаю, что в принципе период прорывных политических идей и стратегически мыслящих лидеров ушел в прошлое. Сегодня очень много решений принимается в чисто техническом порядке. Можно ли это сделать? Я говорю европейцам другую вещь. Послушайте, друзья! Есть гораздо более простой вариант приручить Украину, сегодня мы уже фактически касались этого вопроса. Посмотрим на самое интересное. Допустим, Польша – успешная страна. Польша имеет сегодня накопленных иностранных инвестиций порядка 130 миллиардов долларов в кармане. То есть, хорошая мощная иностранная инвестиция. Из этих 130 миллиардов почти половина, 56 миллиардов, пришло в Польшу между 1996 и 2004 годом. Что произошло в этот период? В конце 1996 года Европейский Совет принял решение о том, что Польша вступит в ЕС в 2004 году. За эти 7 лет частные инвесторы принесли в Польшу 56 миллиардов долларов. В принципе ответ такой: друзья, вам не надо находить деньги на Украине. Объявите, что к 2020 году Украина будет членом Европейского Союза, и деньги тогда потекут сами. И я даже скажу, откуда – из России в первую очередь. Потому что гораздо лучше бежать от нынешней власти на Украину, покупать дешевые активы, вести бизнес в привычной среде, говоря на русском языке, и понимать при этом, что через 7-8 лет твоя компания будет европейской, границ не будет, ты будешь с европейским паспортом, и дети твои будут европейцами. Я думаю, что не 50 миллиардов, которые уходят из России за квартал, а все 200 придут на Украину за год или два, в случае, если европейцы действительно пообещают прием и выполняют условия. Причем, в первую очередь побегут из Москвы.

В этом отношении я считаю, что поднять Украину и интегрировать ее в Европу – это чисто техническая проблема. Но есть масса вариантов, как это сделать. Вопрос в политической воле, которой в Европе сегодня нет. И это тоже вопрос о том, что даже более успешные сверхдержавы сегодня совершенно не озабочены тем, чтобы экстраполировать свои возможности, свои собственные пределы. Давайте на этом и остановлюсь.

Вопрос: Ваш доклад понравился, но вызвал вопросы. Все познается в сравнении. Если сравнивать Россию с Соединенными Штатами, естественно, ни о каком статусе сверхдержавы речи нет. Вы отметили три характерных признака любой сверхдержавы: глобальная экономическая мощь, в условиях, в которых все страны в мире заинтересованы в экономическом развитии данной страны; военная мощь, которая может быть применена в любой точке мира; культурная притягательность страны. С этой точки зрения сейчас в мире, кроме Соединенных Штатов, сверхдержавы нет в принципе. Потому что Китай не обладает глобальной военной мощью, его сила может выражаться исключительно внутри границ. Я сильно сомневаюсь, что Китай рискнет свою военную мощь проверять даже в отношении Тайваня и спорных островов. При этом Китай никак не является моделью для поведения и подражания для других стран. С другой стороны, если сравнивать Россию с Бразилией, то статус абсолютно другой. Россия намного сильнее Бразилии в военном отношении и имеет более серьезные рычаги влияния в политическом плане. Вопрос такой: вам не кажется, что вообще словечко "сверхдержава" и статус сверхдержавы в настоящее время окончательно уходит в прошлое?

В.Л. Иноземцев: Я не согласился бы с такой характеристикой Китая. Мы плохо знаем, что происходит в Китае и вокруг Китая. Конечно, Китай не обладает общемировой идеологической моделью, но он имеет разные методы влияния на внешний мир. Китай имеет самую большую в мире диаспору, и она расширяется и развивается. Это влияние Китая в мире существует давно и постоянно растет. Что касается военной мощи Китая, Китай является второй по военным расходам державой в мире. Эти расходы тоже растут очень быстро. Есть очень хорошая книжка 2006 года, которая называется "The rivals" – "Соперники". Ее написал Билл Эммотт, бывший главный редактор журнала "The Economist", до этого он был руководителем бюро "The Economist" в Гонконге. Это потрясающе интересная книжка по фактологии, которая показывает рост китайского

влияния, количество китайских военных баз, так называемая концепция "нити жемчуга", когда они ставят базы по всему океану в окружении Индии, когда существует уже военный союз между Индией и Японией, о чем мы не любим говорить, против Китая. По сути дела, китайцев начинают бояться именно потому, что они становятся сильными в военном отношении. Многие западные и американские исследователи сейчас привлекают внимание к тому, что Китай повторяет ошибки Германии начала Первой Мировой войны. Тот же Лютман пишет, что если бы они не строили сейчас ПВО, было бы гораздо больше безопасности. Но реально экспансия Китая идет, и при Си Цзиньпине она объективно приобретает еще больший градус. Поэтому я считаю, что у Китая есть определенный статус сверхдержавы параллельно с Соединенными Штатами и Европой. Это уже не региональная страна.

Э.А. Паин: Я готов съесть свою шляпу публично, если Россия введет свои войска в Казахстан или Белорусию, потому что мы исходим из того, что действия наших властей рационально. Трудно предполагать, что из рациональных побуждений Россия будет терять единственных своих более-менее надежных союзников по Евросоюзу и по Таможенному союзу. К тому же Казахстан настолько важная часть для Китая, что просто об этом даже говорить нечего. Глобальная мощь Китая есть и она растет. Через Казахстан проходят дороги, которые Китай строит в Афганистане и Ираке. Китай только в этом и прошлом году вносил огромные деньги в концессии по добыче нефти в Казахстане, там много новых месторождений, построен китайский нефтепровод, который их соединяет, капиталовложения огромные, это был бы настолько удар по Китаю, даже говорить не о чем, это все понимают.

В.Л. Иноземцев: Я с этим согласен, но если в Белоруссии вспыхнет Майдан...

Э.А. Паин: Там никого Майдана в ближайшие годы не будет. Вчера выступал Лукашенко и сказал: я никогда не был туалетной бумагой. На это у Беларуси есть еще более эффективные решения, чем у России. Но я не об этом. Я полностью солидарен и разделяю все, что вы сказали, считаю это убедительным. Однако хочу обсудить ваше предположение о том, что российская власть уже осознает себя региональной сверхдержавой. Даже если она и осознаёт, то вряд-ли сможет реализовать эту идею, поскольку является зависимой и прикормленной идеей империи. Эта идея вброшена в массовое сознание, она дала результат. Это единственная стратегическая

идея, которая меняет образ безперспективности хоть на что-то. Об идее империи бубнят во все бубны: мы будем расширять земли и так далее. Массовое давление и вся опора идейная основана на том, что мы сверхдержава. Выступал американский президент и назвал Россию региональной державой, это вызвало бучу негодований. Я думаю, эта идея будет поддерживаться и подкармливаться. Вчера я говорил, что у нас сказочная политика и сказочная терапия, когда одновременно реализуются несбыточные вещи. Идеи «особого пути» и «имперскости» взаимно исключают друг друга. Но в нашей политике они подаются – и никого это не волнует. Что касается Европы, то Россия не дает Европе быть рациональной и сбрасывать расходы на вооружение и наоборот: именно сегодня НАТО ощутило смысл своего существования, министр обороны Швейцарии говорит о необходимости выделить деньги на военку. Где Швейцария, а где Россия? Однако же есть повод. Вся военно-бюрократическая структура Европы воспряла духом, и она не позволит сократить ни копейки, наоборот, и вытребует дополнительные расходы.

В.П. Макаренко: Тут затеялся разговор о региональной сверхдержаве, и у меня возник вопрос, связанный с книгами конкретного автора. Сергей Хрущев о своем отце написал несколько книг. В одной из них он рассматривает ситуацию, сложившуюся перед Карибским кризисом 1962 года. Он обеляет отца, считает правильным, что Хрущев не дал объединиться Германии еще в 1960-е гг. Какую аргументацию высказывает Сергей Хрущев? Он пишет, что перед Россией уже тогда возникла перспектива стать страной обширной, но малозначительной. Если Россия даст объединиться Германии, то она (Россия) превратится даже не в региональную державу, а ее статус падет еще ниже. Как вы думаете, сын Сергей модернизирует взгляды папаши Никиты или делает ошибку ретроспективы? Когда оценку ситуации 1960-х годов он переносит в сегодняшнюю ситуацию или же он высказывает точки зрения тогдашних аналитиков советского Генштаба или пересказывает взгляды ЦРУ? Какие из этих факторов сыграли роль, чтобы сын таким образом обосновывал свою позитивную оценку отца?

В.Л. Иноземцев: Я думаю, это, скорее всего, очень сильная инверсия от нынешнего положения дел. Я не думаю, что тогда могли приводить такие аргументы.

В.П. Макаренко: Значит, Сергей Хрущев делает ошибку ретроспективы...

В.Л. Иноземцев: Тогда реально шла холодная война, и потому идея воссоединения Восточной и Западной Германий не вписывалась в реалии.

В.Ю. Попов: В самой Германии эта идея была непопулярна.

Голос: Никита Хрущев в жизни не высказал бы такой крамольной идеи, даже близко.

В.П. Макаренко: Тогда еще один вопрос. Если взять историю СССР, то вырисовывается некая цепь событий, вплоть до настоящего момента. В современной историографии показано, что кризис 1927 г. в истории СССР был спровоцирован кликой Сталина, а не угрозой войны СССР со стороны капиталистических стран, как утверждалось в советской официальной историографии. Сталин создал такую ситуацию в стране сознательно, для укрепления своей личной власти и закрепощения крестьян. Второй принципиальный момент: ситуация «Если завтра война» и пакт СССР–Германия тоже были созданы сознательно, поскольку способствовали развязыванию второй мировой войны, одним из «поджигателей» (я беру слово «поджигатели» в кавычки не только для дистанцирования от советской политики квалификации событий, но и от массового искусства типа романа Н. Шпанова «Поджигатели») которой был СССР. Теперь скажу о событиях рубежа 1950–60 годов. Здесь я опираюсь на работы известного дипломата–писателя Олега Гриневского. Он описывает эти события и говорит, что Хрущев пытался исключить влияние ВПК и КГБ на экономику. Но во властно-управленческом аппарате возникла «подковерная оппозиция» официальной политике мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В конечном счете эта политика была торпедирована изнутри СССР, а не извне, как утверждала советская историография. Коротко говоря, вырисовывается такая цепь событий, когда СССР, а вслед за ним Россия провоцировали такие ситуации, которые создавали обстановку, ведущую к войне и крайне отрицательным последствиям для всего мира. Можно ли эту цепь событий использовать как схему для анализа сегодняшней ситуации в системе «Россия–Украина»?

В.Л. Иноземцев: Нельзя, потому что действия советской элиты и мотивы действия российской элиты несопоставимы.

В.Ю. Попов: Есть еще один важный момент. Недавно опубликованы мемуары Дэвида Рокфеллера. Другая его книга о Хрущеве, написанная совместно с Генри Киссинджером, пока не переведена. Хрущев очень их впечатлил, но как? В опубликованной книге есть

небольшой фрагмент о встрече и кусок стенограммы этой встречи. Рокфеллер пишет, что в переговорах даже на самом высоком уровне Хрущев не был в состоянии говорить о деле. Именно так его характеризует Рокфеллер. При обсуждении реальных проблем Хрущев говорил лозунгами. Одна из проблем нашей сегодняшней дискуссии – определить деятельность разных сторон как рациональную или нерациональную, во многом истеричную, реагирующую ситуационно на обстоятельства. В этом смысле нельзя надеяться ни на «рациональный Запад», ни на Путина, потому что, с моей точки зрения, его действия объясняются всего лишь испугом, который ощутили в момент протестов в РФ. К тому же экономические форумы, которые проводятся в Ярославле, были абсолютно интеграционными с Западом. На них высказывались абсолютно другие идеи, нежели те, что возобладали сегодня. Возникает вопрос: какую позицию должны занимать интеллектуалы?

В.П. Макаренко: Какую хочешь, такую и занимай.

В.Ю. Попов: Секунду, Виктор Павлович! Здесь Владислав Леонидович высказал очень важную мысль: Россия ощутила пределы своей экспансии и влияния. Но когда мы видим идеологическую накачку, возникает ощущение, что пределов нет. В информационном поле не обсуждаются и даже не указываются рациональные аргументы о возможной дальнейшей деятельности России в мире. Почти не озвучены какие-либо действительные показатели аргументов на тему: почему и зачем нам нужен или не нужен Крым или Донбасс? В основном высказываются эмоциональные суждения. Нам не хватает трезвых расчетов экономистов, в данном информационном поле их фактически нет. Есть эмоциональные маркеры, вытащенные из чуланов пятидесятилетней давности типа «бандеровцев». А выселение людей с бывших оккупированных территорий людей при этом не рассматривается. Взамен придуман идеологический термин «бандеровцы». При этом упускается из виду, что Бандера почти всю войну просидел в нацистском лагере. Мне кажется, интеллектуалов надо вывести из-под огня идеологических маркеров. Какой вы видите возможный путь для вывода сегодняшних экономических и политических аналитиков из зоны идеологических маркеров?

Голос: Можно говорить лозунгами и быть рациональным человеком, можно говорить матом и быть рациональным человеком...

В.Ю. Попов: Значит, можно обманывать людей и быть рациональным человеком?

Э.А. Паин: Это все речевые обороты. Хрущев во время Карибского кризиса собрал политбюро и сказал: «Товарищи! Дело Ленина и Сталина под угрозой». Это был очень рациональный лозунг. Кстати, Хрущев в Карибском кризисе много чего выиграл. Так что сам по себе характер речевых оборотов ни о чем не говорит. Лозунги – не маркеры и не индикаторы рациональности.

В.П. Макаренко: С одним дополнением: если мы считаем военную силу главной целью государства – тогда рационально, если нет – то нерационально.

Э.А. Паин: Ну, хорошо, вопрос был задан – я на него ответил.

В.Л. Иноземцев: Я в данном случае вижу только единственный вариант: сама позиция любого человека, который не поддерживает эту политику, уже выводит его за рамки дискуссий, каким должен быть интеллектуал и кто должен нагнетать эту ситуацию?

В.Ю. Попов: Как выйти из нее?

В.Л. Иноземцев: Как выйти из нее? Вы можете сменить дискурс. Допустим, вам говорят, что мы должны защищать население в Донбассе. В ответ вы можете сказать: да, нужно, но посмотрите на статьи и на форумы, в которых утверждается, что безумно пытаться присоединить Донбасс к РФ. С другой стороны, если вы хотите защищать интересы русскоязычного населения или русских, которые живут в Украине... Я не говорю, что украинская политика белая и пушистая; да, они могут нарушать права русскоязычных.

Голос: Но не больше, чем русских в Татарстане.

В.Л. Иноземцев: Если мы сравним ситуацию в Средней Азии и Латвии: сколько русских уезжает из Средней Азии до сих пор и сколько русских уехало из Латвии? В статистике мы видим, что в процентном соотношении русских в Латвии осталось столько же, сколько и было в конце 1970-х годов, тогда как в Средней Азии оно понизилось в 4–5 раз. Если вы хотите спасти русскоязычную часть населения в Восточной Украине, объявите программу переселения и помощи: «Пожалуйста, дорогие русскоязычные граждане Украины, а также те, кто недоволен нынешним правительством Украины! Приезжайте в Воронежскую область и получите 20000 долларов подъемных». Если мы сейчас готовы потратить миллиарды долларов на русских в Крыму, то почему мы не готовы потратить те же миллиарды на данную программу? Вытащите из украинской экономики миллионы русских.

Э.А. Паин: Они контрпродуктивны. Потому что сам вопрос неверен. Что такое рациональность? С каких позиций вы оцениваете рациональность? Действительно, если вы поможете русским из Донбасса, Луганска и Харькова переселиться в Россию, то мы частично решим реальную проблему обезлюдения российских территорий. Я вчера вам показывал карты, сколько мы ежегодно теряем территорий. Казалось бы, все рационально, но! Даже приток русских мигрантов не воспринимается обществом позитивно. На этот счет есть специальные взгляды, я не буду о них рассуждать. А уж политически выигрыш, который получила сегодня власть, присоединив Крым, безусловно выше, чем если к нам приедут какие-то там миллионы. Да кто это заметит? Политически это совершенно несопоставимые вещи. Поэтому Крым был отличным политическим вложением.

Голос: Для внутренней игры...

Э.А. Паин: За копейки получена огромная территория! И главное - популярность Путина взлетела до небес!

Голос: Но при этом Западную Украину потеряли. Лес рубят - щепки летят, что ли? Я не понимаю таких вещей. Отжали Крым, скоро отожмут университеты. Пока человечество не научилось соизмерять экономические, политические, психологические и культурные эффекты одновременно. Приходится поступать по старому: чего не доели, можно доспать...

В.П. Макаренко: Я хочу продолжить линию рассуждений, которая сейчас прозвучала. Р.Симонян несколько лет назад выпустил книгу «Россия и страны Балтии».

Э.А. Паин: Знаю, он в Институте социологии РАН заведует сектором стран Балтики.

В.П. Макаренко: Он проанализировал внешнюю политику России в отношении стран Балтии после 1991 г. и показал, что эта политика не имеет никакой поддержки среди русскоязычного населения этих стран. Если взять нынешнюю фразеологию российской пропаганды по отношению к Украине, то она практически на 100% совпадает с тем, что раньше говорилось в отношении стран Балтии. Такая бездарность удручает.

В.Л. Иноземцев: Я вот что еще хотел сказать. Виктор Павлович сказал, что СССР создавал ситуации, приводившие к кризисам в мировой политике. Действительно, это было, но не всегда это было плохо. Можно вспомнить наши инициативы по разоружению и продвижению идеи мира во всем мире. Даже в брежневские времена

эти идеи вызывали серьезные волнения – тысячи людей выходили на демонстрации против американских военных баз. Меня поражает, что сегодня ничего подобного не происходит с европейской стороны. Сейчас Россия позиционируется как враг Европы, а Европа как враг России. И европейцы ничего не делают, чтобы это исправить. Европейцы говорят: в Европе существует маленькая страна Мальта, в которой 350 тысяч жителей, и она входит в ЕС. И ее язык является официальным языком Союза, наряду с парой десятков других. Сейчас в ЕС проживает 2 млн русских и еще 4 млн имеют постоянный вид на жительство, так почему ЕС не объявить русский государственным языком ЕС?

В.Ю. Попов: И проблема будет снята?

В.Л. Иноземцев: Это ничего бы не потребовало, но эффект был бы убийственным. Следующий момент: российское руководство говорит, что мы хотим безвизового въезда, ЕС отвечает: у вас есть проблемы - непонятно кому выдаются паспорта, давайте примем декларацию. Ответ прост: дадим России безвизовый режим и примем в Шенген. Путин скажет: нет, а почему он это скажет? Потому что это означает потерю внутреннего суверенитета, он не сможет решать, кто въедет к нам, а кто нет. И таких уловок десятки, но они не хотят этого делать. Я считаю, проблема в том, чтобы Европа ушла от такого окостенения. Почему нет креативной политики?

Голос: Вначале вы говорили о трех сверхдержавах. Европа не сверхдержава, при всех наднациональных органах у нее нет единого органа управления, а значит единой креативной политики не может быть. В Европе существуют огромные внутренние противоречия, и они будут нарастать. Мне кажется, что отношения с РФ путаются искусственно. После этого вы сами привели несколько примеров, что Европа могла бы улучшить отношения с российским населением в обход российского государства. У Европы был замечательный шанс: люди думали, что проигравший в холодной войне СССР, как и проигравшая Германия, ожидал американской помощи, как и Япония. Но это как-то не предвидится.

Я думаю, важны не столько теории заговора, сколько вполне рациональные вещи. План Маршала мог быть после войны, когда только что закончилась война, и люди знали, что лучше вложить в мир, чем в войну. Тогда это понимали. Но после войны уже прошло более полувека. Все от этого отвыкли, сегодня действуют простые эгоизмы. Когда Грецию надо было отдать, то скрепя сердцем отдали. А тут какую-то Украину... Отдашь, потом она проиграет, потом раз-

воруют, зачем ей давать, себе хуже будет. У меня друзья живут сейчас в Германии и звонят. По поводу вложений в Украину они с ужасом думают по поводу санкций, сразу считают, сколько надо будет им доплачивать за газ и электричество. Они только что с этой Украины уехали, но и копейки не хотят давать, чтобы их правительство вложило в Украину. Потому что им от этого будет хуже.

В.П. Макаренко: В заключение предлагаю присутствующим студентам и аспирантам-политологам поразмыслить вот о чем. Вчера вы убедились на примере Эмиля Абрамовича, что при анализе конкретных политических ситуаций он прекрасно владеет этнографическим материалом и аргументами. Сегодня Владислав Леонидович показал прекрасное владение материалом экономики, международных отношений, страноведения. Обращаю внимание студентов, что заниматься политическим анализом, не обладая знанием определенной конкретики – пустое дело. При отсутствии такого знания вы попадаете в значительно большую зависимость от тех, кто предлагает общие идеологические схемы. Естественно, чтобы так работать, как работают Эмиль Абрамович и Владислав Леонидович, надо просидеть не одни штаны. Готовы вы к этому или нет? Особенно те, кто всерьез относится к своей будущей профессии? Политологическим анализом невозможно заниматься без знания конкретики – извините за банальность. Но студентам-политологам об этом не рассказывают на лекциях. Карл Поппер много писал о вреде всеохватывающих теорий. Прошу об этом помнить всегда.

Россия и Европа: парадоксы взаимного непонимания

В.Л. Иноземцев

В.Л. Иноземцев: Мы с утра немного поговорили о том, почему в российском общественном сознании так усилились антизападные настроения. Я буду исходить из того, что на это есть некоторые объективные предпосылки, субъективные и идеологические причины. Но в общем и целом, я бы сказал: взаимное непонимание между Россией и Европой растет потому, что мы не стремимся меняться, в то время как европейцы меняются. По сути дела, мы просто не догоняем то, что происходит сегодня. Я постараюсь выдержать это выступление вокруг четырех тем, займу примерно полчаса, затем перейдем к дискуссии.

Что больше всего меня удивляет в наших отношениях с Европой? Мы сегодня умудряемся допускать высокую степень непонимания и несогласованности с нашим главным соседом, несмотря на

два очень важных обстоятельства. С одной стороны, Европа – это, безусловно, самая близкая в культурно-историческом отношении к России часть мира. Это территория, которая в значительной мере дала облик современной России и многим государствам мира – странам Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Латинской Америки. По сути, сегодняшний мир по своей истории и происхождению остается европоцентричным. Но вместо гордости за то, что Россия издревле была частью европейской цивилизации, мы сегодня пытаемся найти максимальное количество точек различия. Хотя вся история России показывает: чем активней происходил культурный, политический и экономический обмен между Россией и Европой, тем более успешным было развитие России и тем менее проблематичным было развитие Европы. Если вспомнить периоды, к которым сегодня наши политики так часто обращаются, то это были периоды наибольшего сближения и взаимопроникновения между Россией и Европой. Екатерина II впервые присоединила Крым к России. Но она же знаменита фразой, которая мне очень нравится: «Есть европейцы французские, есть европейцы немецкие, европейцы итальянские, и есть, такие же, как они, русские европейцы». То есть, речь идет об общей категории европейцев, среди которых есть представители разных национальностей и культур, но общее фундаментальное свойство – их принадлежность к Европе остается основным. Я приверженец того же самого мнения. Я считаю, что Россия и Северная Америка – это две европейские окраины, которыми они были исторически и остаются до сих пор. Если взглянуть на процесс освоения этих окраин в XVI–XVII веках и позже, то европейцы двигаются на запад, а русские двигаются на восток. Но относительно колонизации Сибири, Северной Америки, Африки и Центральной Азии надо говорить отдельно. А пока заметим, что по своему политическому самоопределению, культурной и социальной экспансии русские были одними из самых выдающихся европейцев и действовали в значительной мере синхронно с остальными европейскими державами. Еще раз повторю: мне удивительно, что сегодня мы ищем некий особый путь вместо того, чтобы подчеркивать свою европейскость и свою культурную принадлежность к цивилизации, которую создали.

С другой стороны, есть проблема в том, что мы пытаемся ориентироваться и соперничать то с Соединенными Штатами, то с Китаем, то с другими крупными державами, и не видим очевидного обстоятельства: экономически Россия сложилась за последние десяти-

летия исключительно как европейская страна. Она связана с Западом гораздо больше, чем с Востоком. В целом любое переориентирование сегодня с европейского экономического пространства на другие регионы мира является не только политически опасным, но и экономически непродуктивным. Почему же мы бежим от той территории, которая является нашей исторической родиной и нашим экономическим партнером? Почему ищем какую-то новую идентичность и почему недовольны тем, что сегодня происходит в Европе?

Для ответа на этот вопрос я бы акцентировал внимание на нескольких моментах: во-первых, здесь существуют глубинные и достаточно объективные причины, которые обострились в первую очередь в последние годы, потому что в мире произошли экономические и политические сдвиги, в результате которых Европа стала радикально выделяться на политической карте мира. В Европе начался интенсивный процесс интеграции. Это спровоцировало политический тренд, который российскому политическому классу неприятен, непонятен и противен. Я считаю, что это – одна из фундаментальных причин того, что Россия и ее политическое руководство не может сойтись с европейцами в адекватном диалоге. Дело в том, что в течение последних 50 лет мы видим процесс образования единого европейского государства. Многие говорят о том, что речь идет о чем-то ином, о некоей федерализации, о все более прочном союзе. На мой взгляд, сегодня мы видим практически формирование некоей национальной формы управления, чего никогда не происходило раньше. Эти формы управления не столько создают сильную империю, сколько создают некую особую общность, которая управляется и менеджирруется по другим каналам, чем то, что нам привычно. Мы не можем принять это обстоятельство. Путин может по-прежнему писать истерические письма любому из 28 руководителей стран-членов Европейского Союза по вопросам энергетики, не понимая, что сегодня ни один из них не решает эти проблемы, потому что они давно переданы в ведение Европейской Комиссии. И отказ от суверенитета, который являлся в России великим благом, сегодня может быть понят российской политической элитой, которая использует суверенитет как свой главный бизнес-актив. А то, что европейцы уходят от этого, что фактически каждый гражданин Европейского Союза может коммуницировать через голову своего собственного правительства с Европейским судом, с Европейской Комиссией, решения которых принимаются в Брюсселе и фактически напрямую воздействует на всех граждан, живущих в Европе – этот факт не

учитывается. По сути, не существует реальной возможности права вето, которой мы всегда стремимся не допускать. Не существует практики выкручивания рук, – это для нас непонятно, мы не готовы коммуницировать с такого рода объединением.

В Европе политика тоже меняется, она становится менее напористой, менее агрессивной. Это у нас понимается так, что Европа стала политическим пигмеем. Что она не имеет геополитических амбиций. Я не понимаю, зачем их надо иметь. Так или иначе, все эти диссонансы вызывают проблему политического диалога. Я думаю, что европейцы стоят на этом очень прочно. Сегодня на Западе многие говорят, что Европа стала политической системой постмодерна. Об этом впервые написал Роберт Купер в начале 2000-х годов, сегодня эта концепция развивается. Я считаю, что это абсолютно правильная идея, т.е. в отличие от Китая, Соединённых Штатов, Российской Федерации, которые политически действуют в парадигме традиционного национального государства, Европа действует в совершенно новой политической парадигме и взаимодействие между соответствующими субъектами крайне затруднено. Мы сегодня этот вектор европейской политики принять не можем, но этот вектор, ещё раз хочу повторить, непреодолим, потому что в Европе существуют политические, экономические, демографические и культурные процессы, которые приведут к тому, что через несколько поколений, я думаю, через 40–50 лет Европа действительно станет единой нацией. По сути произойдёт то, что наши политики и эксперты считают практически невозможным.

С другой стороны, в рамках этой трансформации европейцы создают совершенно новое правовое поле, которое предполагает, что определённые нормы ценятся гораздо выше эффективности, и это тоже для России совсем непонятно. Дискурс, который идёт сейчас между Россией и Европой, радикально отличается от любого дискурса между Россией и Китаем, Россией и Соединёнными Штатами. Этот дискурс для нас опять-таки совершенно не понятен. Если мы посмотрим на риторику нашего правящего класса, мы увидим, что в последние годы эта риторика крутится вокруг идеи «хорошо или плохо». Это важный сдвиг, он всегда в России был очень сильным. Для нас справедливость всегда важнее права, понятия всегда были важнее норм, ценность важнее закона и т.д.

Сегодня политическое руководство страны фактически открыто политизирует такой подход. Здесь мы опять сталкиваемся с Европой. Допустим, Америка, подобно России, действует в рамках геополитической парадигмы.

литических реалий. Мы видели ответ США на события 2001 года в Нью-Йорке в виде «Патриотического акта» и других законодательных инициатив, которые реально ограничили гражданские права, оставили страну фактически в состоянии чрезвычайного положения, подчинив ее политическим целям, геополитическим целям, экономической целесообразности. Это всё заметно и в других странах, которые традиционно считаются нашими союзниками, типа Китая. В Европе сегодня отход от этого направления становится весьма радикальным. Европейцы сегодня выступают сторонниками исключительно правовых норм, такими законниками, которых мы категорически не хотим понимать.

Например, посмотрим на риторику Путина на встрече с европейскими лидерами. Это фактически разговор марсианца с жителями Венеры, поэтому люди абсолютно не понимают и не слышат друг друга. Когда европейцы говорят о законодательстве, о правах гомосексуалистов, то они говорят, что у них есть правовые нормы, которые утверждают, что нужно действовать так и так. А русские отвечают, что это плохо, нетрадиционно, непривычно, необычно, нерелигиозно и т.д. Конечно, русский подход интересен, он имеет право на существование, я с этим не спорю, и не говорю, какой из подходов лучше. Но просто они не вступают в коммуникацию ни при каких обстоятельствах. То-есть, когда нам говорят, что это может быть неправильно, неэтично, но есть закон, который говорит, что это нужно исполнять, мы говорим: да нет, какая разница, что он есть, нам кажется, что всё должно быть не так, а по другому.

Идея правового государства в России до сих пор не прижилась, осталась в сфере теории. События последних лет показывают, что она не прижилась ни во внутренней политике, ни во внешней политике, с учётом захвата Крыма. Даже сама идея правового сознания не рассматривается как базовая. В Европе она рассматривается не только как базовая, но как единственная, потому что в Европейском союзе начинают объединяться государства, имеющие совершенно разные ценности. Например, в Греции православие объявлено государственной религией, в других государствах, наоборот, религиозные проявления в государстве запрещены. В ряде стран существует особая политика по отношению к мигрантам, в других странах она другая. По сути, европейские государства имеют разные культурные традиции, амбиции, подходы, исторические коды. И в этом отношении европейцы прекрасно понимают, что только чёткое следование

нормам может обеспечить дальнейшую интеграцию, дальнейшее мирное процветание Европейского союза.

В России другой подход, мы объявляем себя сторонниками традиционных ценностей, но в данном случае крайне сложно понять, что понимается под традиционными ценностями, откуда идёт традиция. Если вернуться к законодательству по поводу сексуальных меньшинств, то достаточно почитать наше законодательство, закон о запрете пропаганды среди несовершеннолетних, и французский закон о легализации однополых браков, чтобы понять, насколько несопоставимы гражданские системы обществ, в которых они признаны законами. Во французском законе существует чёткое определение всех положений закона. А у нас зато есть понятие пропаганды нетрадиционной ориентации, т.е. забавна сама формулировка: «о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Нормальный юрист сразу бы спросил: пропаганда таких отношений в сообществе несовершеннолетних граждан должна быть запрещена, или пропаганда таких отношений между несовершеннолетними не должна вестись вне зависимости среди кого бы то ни было? Абсолютно двусмысленная формулировка принята в законе РФ – и, хотя он совершенно неприменим с точки зрения судебной практики, но, несмотря на это, является законом. Когда возникают такого рода коллизии, она происходят везде. По сути дела, мы не можем говорить с европейцами потому, что язык ценностей не разговаривает с языком норм. И это фундаментальное различие сегодня только усиливается.

Проблема соотношения силы и слабости тоже сильно подрывает возможности для интенсивной коммуникации. Здесь мы находимся рядом с американцами и китайцами, нашими потенциальными врагами и партнёрами, в этой категориальной системе международных отношений. Ещё в начале двухтысячных годов вышла знаменитая книга Кейгана о силе и слабости, о европейцах, которые пришли с Венеры, и американцах, которые появились с Марса. Мы эпигонски заимствуем американскую риторику. В российской понимании мировой политики право сильного является основой международных отношений. Европейцы категорически против такого подхода, они не понимают, почему должен возвращаться XIX век. В Европе сейчас переосмысливают все фундаментальные геополитические понятия – территории, богатства, успешности. Европа настолько сильна своей «мягкой силой», определёнными ценностями, определёнными

подходами в мире, что она не понимает саму идею эффективности военной силы и агрессии.

Когда европейцы сталкиваются с тем, что сегодня делает РФ на Украине, они не то, что возражают (пока нет никаких санкций, не будет ответного военного удара, не будут введены войска НАТО в Донецк и т.д.). Они просто не понимают, с кем они имеют дело. Европа это проходила на примере Югославии в девяностые годы. Я не говорю, что это хорошо, это просто столкновение с инопланетянами, действия которых невозможно объяснить, невозможно понять, сложно интерпретировать, их можно только опасаться. Когда сталкиваются такие подходы, опасение становится основным элементом взаимоотношений. Не то чтобы нас не любят, ненавидят или хотят поставить на место. Всего этого нет сейчас в Европе, нас просто не понимают и опасаются. Я бы так определил основное европейское чувство в отношении России.

Во всех этих ситуациях очень сложно понять, какими будут дальнейшие отношения между Россией и Европой. Очень часто многие наши либералы говорят о том, что это всё следствие пропаганды, которую ведёт российская власть. С этим я не согласен. Конечно, элемент пропаганды очень велик, но общее настроение российского населения сводится к тому, что мы иные, мы не хотим следовать по тому пути, по которому шли европейцы. Я не убеждён, что мы должны следовать, просто речь о том, как выстраивать отношения в будущем, потому что Россия сегодня находится в состоянии, когда не может выбирать ни своего окружения, ни дальнейшего политического пути.

Фундаментальной разницей между Россией и Украиной является то, что Украине (хотя она сейчас раздираема противоречиями и находится в очень тяжёлом состоянии) будет намного легче сделать окончательный геополитический и культурный выбор. Украина всегда находилась (и это сейчас отдаётся ей тяжёлыми испытаниями) в пространстве между более сильными центрами силы: между Россией и Европой (т.е. Речью Посполитой и Германией). В этом отношении, важнейшим вопросом для Украины, вопросом исторической идентификации был вопрос «кто мы?», «с кем мы?», т.е. мы с Россией, как было после Переяславской рады, или с Речью Посполитой или Германией? С Россией и Таможенным союзом или с Евросоюзом? Это вопрос сложный, болезненный, но он имеет ответ, т.к. выбирать из двух вариантов проще, чем из неопределённого числа.

В российской ситуации всегда вопрос стоял иначе: не с кем мы, а кто с нами? Это гораздо более сложный вопрос, который не предполагает однозначного ответа. Россия всегда на протяжении многих сотен лет была доминантной державой в своём регионе. Риторика «собирания земель», которую мы сейчас наблюдаем, имеет под собой основания. На протяжении многих сотен лет Россия присоединяла территории и доминировала над своими соседями в Восточной Европе, на Кавказе, Центральной Азии, в XVIII–XIX вв. даже на Дальнем Востоке. Но сегодня ситуация изменилась очень сильно и за столь небольшое время, что сознание не поспевает за этими изменениями.

Я приведу простые цифры, которые дают представление о том, что происходит. В 1989 году крупнейшей экономикой Европы была ФРГ. Экономика ФРГ была меньше экономики СССР примерно на 40%. На Дальнем Востоке в тот момент крупнейшей экономикой был Китай и его экономика была втрое меньше экономики СССР. Такой была ситуация 25-летней давности. Сегодня мы имеем ситуацию, когда экономика Евросоюза больше экономики России в 8 раз, а экономика Китая приблизительно в 3,5 раза. За 25 лет исчез полюс, в центре которого была Россия. По сути, для нас сейчас стоит тот же вопрос, который стоял перед украинцами на протяжении многих сотен лет: «С кем мы?» Но мы не хотим его ставить таким образом. Мы создаём Евразийский союз, желаем восстановить постсоветское пространство в надежде на то, что эта консолидация приведёт к возрождению этого полюса.

Я экономист и могу сказать, что даже если мы сложим все постсоветские республики, то получим экономику чуть больше бразильской. И никаким конкурентом ни Китаю, ни Европе она не будет. Даже если Россия будет расти темпом 10% в год, а Европа в 1,5, то европейская экономика будет в абсолютном выражении прирастать быстрее, чем российская. Если Китай будет держать темп в 3,5% в год при наших 10, то Китай будет расти быстрее нас, и разрыв будет только увеличиваться. Таким образом, создать новый полюс экономического роста и политического притяжения в Евразии Россия не в состоянии и никогда не будет в состоянии. К сожалению или счастью, – этого я не знаю. Вопрос о взаимопонимании России и Европы в данной ситуации стоит так остро потому, что мы должны будем, если не сейчас, то через 10 или 20 лет, определяться, с кем мы будем вместе в мире, где формируются союзы, альянсы, точки экономического сотрудничества.

Ответ на этот вопрос сегодня даётся в простой системе координат: мы либо с Европой, либо с Китаем. Я не буду на эту тему философствовать, т.к. это не наша тема, но я хочу обратить ваше внимание на один интересный факт. Сегодня в российской дискуссии происходит очень много подмен понятий, двойных стандартов. Но один из самых интересных случаев такой подмены происходит в ходе дискуссии о Китае. Когда мы говорим о "повороте к Пекину", т.е. усилению экономических и политических взаимоотношений с Китаем, это проходит в российской дискуссии как "поворот на Восток". Я вам хочу сказать, что Китай – это не Восток для России. Восток для России, если брать чисто географически, это самый настоящий Запад – США и Канада. Это если просто провести линию на восток, на востоке Тихий океан, а за ним другая европейская окраина. Т.е. в данной ситуации не нужно обманывать себя, это либо поворот на Юг, либо поворот на Север. Выбор между Россией как цивилизацией Севера, общеевропейской цивилизацией в широком смысле слова, т.е. вместе с Европой, США, Канадой, либо это поворот на Юг, в абсолютно чуждое нам сообщество Китая, Индии, стран Средней Азии и Ближнего Востока. Подтрунивание над Европой, которым мы сейчас заняты – это крайне опасный прецедент, который вытолкнет нас не на восток, а на юг, в абсолютно третий мир. Что было бы крайне ошибочным и крайне опасным для России и всех нас собравших здесь процессов.

Я хотел бы сказать следующее: вопрос о России и Европе очень сложный. Мы многие столетия были частью Европы. Поразительно, как волны развития России совпадают с европейскими волнами развития. Сегодня основой российского богатства является Сибирь. Но она есть продукт колонизации, произошедшей в те же годы, когда европейские страны колонизировали Северную и Латинскую Америку и фактически тем же методами – перемещением масс населения в восточном направлении, в то время, как европейцы перемещали огромные массы населения за Атлантический океан. То же самое можно сказать и в отношении наших южных владений. После того, как европейцы потеряли свои колонии в Америке, они начали экспансию в Азию и Африку. Россия в эти же годы начала экспансию на юг – Северный Кавказ и Центральную Азию. В 1885 году, когда европейские державы подписали Берлинский договор о разделе Африки, наши войска вышли на границу британских владений в Афганистане. Это фактически два этапа общеевропейской истории. Но потом началась диссинхронизация. Европейские владе-

ния в Азии и Африке освободились от владычества метрополий в 1960-е годы. Наши владения в Центральной Азии отложились в начале 1990-х. Мы сохранили нашу главную колонию в виде Сибири. В этом наш выдающийся успех, по сравнению с другими европейскими странами. В любом случае мы очень похожи исторически, культурно и экономически. Эти связи невозможно разорвать. Искать в этой ситуации искусственные политические точки различий и моменты для разногласий, на мой взгляд, очень недальновидно просто по той причине, что у нас нет сегодня альтернативы. Нам нужно сотрудничество с тем регионом, с которым мы так активно пытаемся поспорить. Вот на этом я хотел бы закончить и с удовольствием поучаствовать в дискуссии.

В.П. Макаренко: Спасибо! Я хотел бы занять ваше время небольшой исторической реминисценцией к докладу Владислава Леонидовича. В одной из своих статей он высказал идею о том, что сегодня Путин, Кремль, правительство заняло позицию лишь одного из нескольких идейно-политических течений современной России. Я хотел бы проиллюстрировать то, о чём сегодня пишет и говорит Владислав Леонидович. В 1990-ом году я опубликовал статью в журнале "Политика" – центральном теоретическом органе компартии Эстонии, а также одновременно в журнале "Советское государство и право". Напомню, что именно в 1989 году оформился и опубликовал свою платформу «Блок общественно-патриотических организаций России». В одном из выступлений в доме бывшего Партпроса Ростовского обкома КПСС я тогда проанализировал этот документ (это может подтвердить сидящий здесь Николай Ефимович Ерохин). А затем написал статью «Кризис власти и политическая оппозиция». В ней я показал, что в этой платформе содержится все, о чем вчера говорил Эмиль Абрамович, а сегодня Владислав Леонидович. Мост к имперскому национализму строится давно, в том числе накануне распада СССР.

В указанной платформе использовался политический жаргон "тысячелетняя держава", "свободолюбие", "артельные начала", "всемирная отзывчивость русского народа". На мой взгляд, такая точка зрения оскорбляет достоинство других народностей и наций. В платформе ни разу не упоминались права человека, свобода и демократия как необходимые элементы политического прошлого и будущего. Защищался военно-промышленный комплекс и другие звенья государственной машины, которые до сих пор находятся в привилегированном положении по сравнению с массами людей. Под

лозунгом "защиты исконно русских земель" высказывались территориальные претензии к другим нациям, а межреспубликанский хозрасчёт (такой жаргон тогда существовал в ЦК КПСС) понимался по принципу "живите как хотите". Использовались схемы политической философии Гегеля и либерального народничества для обоснования монархизма и регламентации общественной жизни. Под прикрытием равного представительства русской нации в союзных органах делался намёк на её количественное превосходство. За счёт отождествления общественной собственности с государственной обосновывалась "органичность" и естественность государственной власти во всех её проявлениях. Под флагом борьбы с бюрократией предлагалась ещё большая бюрократизация власти, поскольку призывы крепить оборону, милицию, госбезопасность, диктовать свою волю СМИ и даже создать полицию нравов (не исключено, что мы это будем видеть под прикрытием "закона о нравах") ведут к ещё большему усилению чиновно-идеологического сословия. Не делалось никаких различий между верноподданным и гражданином, т.к. патриотизм выводится из факта существования державы, а не свободной личности.

Хотел бы подчеркнуть, что аналогичные политические движения существует также и в других постсоветских государствах. Таков исторический фон перехода президента, Кремля и правительства к жаргону одного из политических движений, существующих уже более 25 лет. Сегодня тот же жаргон воспроизводится в официальной политике России. Это еще раз свидетельствует об эпитонстве и бездарности ее политического руководства.

В.Л. Иноземцев: Спасибо за комментарий. В данном случае я согласен с вами относительно того, что это выглядит печально, и я не в восторге от такого перехода, но я не считаю, что его нужно абсолютно осуждать и категорически отвергать. Дело в том, что во многих политических системах, даже более демократических, чем сегодня в России, находящаяся у власти политическая элита отражает интересы определённого идеологического течения. Сегодня доминируют евразийство и государственничество. Я надеюсь, что большинство собравшихся здесь придерживаются демократических убеждений. Подход, который критикует Виктор Павлович, это подход большинства, поэтому можно только сожалеть относительно того, что происходит. Но я не думаю, что в ближайшей перспективе такой подход может быть опровергнут и изменён на что-то другое в политике российского политического класса. Я боюсь, что даже сме-

на режима и политической верхушки не изменит этот подход на либеральный. Скорее, возможно ещё большее ужесточение тех тенденций, которые мы наблюдаем и критически оцениваем.

Э.А. Паин: Можно предложение по порядку? Я думаю, если мы возьмём классический порядок – сначала вопрос, а потом комментарий, то это было бы проще, поэтому у меня есть вопрос и желание высказать комментарий.

Вопросы

С.П. Поцелуев: Спасибо, Владислав Леонидович, за интересное выступление. Вы сказали, что руководство России не может вести диалог с европейцами. Но когда видишь, как часто госпожа Ле Пен встречается с руководством российского парламента, возникает ощущение, что диалог с Европой ведётся. Не следует ли уточнить тезис о том, что диалог есть, но ведётся он с определёнными силами, так сказать, «другой Европой»? Существует потенциал право-консервативной Европы ("Национальный фронт", "Альтернатива для Германии", процессы, которые сейчас идут в Венгрии). По вашему мнению, не ставят ли эти процессы под вопрос оптимистичный прогноз, что через 30–40 лет мы будем иметь европейскую нацию?

В.Л. Иноземцев: Спасибо, хороший вопрос. Я понимаю, что вы хотите сказать: ведётся диалог между российской властью и европейскими политиками, пока ещё находящимися в меньшинстве. Да, он ведётся, в основе его опять же лежат консервативные ценности и некие декорации, которые утверждает ряд европейских правых. Что касается Марин Ле Пен и других европейских правых, я думаю, что это обманчивый и не глубокий диалог. Я не знаю лично Марин Ле Пен, но знаю Жан-Мари Ле Пен, её отца, кандидата в президенты Франции. Я делал несколько интервью с ним, неоднократно общался с ним в Париже. Я хочу сказать, что диалог между российской политической системой и людьми типа Ле Пена-старшего в принципе невозможен, потому что он может сколько угодно говорить на телевидении, что мы за нацию и т.д., но не более того. Европейские правые – крайние либералы в экономике, они отвергают идею Путина о госкорпорациях от Владивостока до Бреста. Едва диалог углубится, выяснится колоссальное количество расхождений.

Что касается перспектив Европы в связи с европейскими правыми. Да, среди европейских правых есть люди, которые поднимают ряд болезненных тем по национальному вопросу, миграции и т.д. Я

не специалист по данному направлению. Сошлюсь на того же Ле Пена-старшего и могу сказать, что ни одно из его высказываний, которые он произносил при встрече со мной, не вызывало у меня отторжения, потому что главная идея его партии заключалась в том, что они выступают категорически против того, что называют "новым нахлебничеством". Это вопрос не национальный, это вопрос о социальных гарантиях людям, которые реально не участвуют в производстве общественного богатства. Заместителем Ле Пена по партии был человек тёмного цвета кожи, француз с Мартиники. В программе Ле Пена нет расистского характера, его приписывают ему оппоненты. Речь идёт скорее о том, что социальная система многих европейских стран стала ориентироваться на людей, стремящихся использовать ее в собственных интересах, не вкладывающих усилий в создание национального благосостояния. Это люди действительно классические правые с экономической точки зрения. Французы поддерживают их не только потому, что они выступают за уменьшение количества мигрантов. Они поддерживают их и потому, что они выступают против слишком раздутой системы социального обеспечения. В этом отношении перспективы у этих партий есть.

Относительно того, что они помешают созданию единой европейской нации, я не уверен в этом вот почему: когда я говорю, что Европа в течении нескольких поколений может стать единым народом, я имею в виду в первую очередь не проблему европейских мигрантов, хотя это важная проблема, которая заслуживает отдельного анализа, и здесь много предрассудков и в ту и в другую сторону. Но я хочу сказать, что в 1960 году (если взять статистику по 12 странам, которые входили в ЕС в начале 1990-х годов) в рамках этих стран только 0,6% браков заключались между гражданами разных стран Европы. По итогам 2010 года количество таких браков составляло 5,6%. Это приблизительно втрое выше, чем число межнациональных браков в СССР. За 50 лет мы увидели десятикратный рост числа браков между гражданами стран-членов Евросоюза. Если это число увеличится в ближайшие 20 лет ещё втрое, до 20%, то через два поколения национальных различий не будет. И разорвать такого рода вещи не смогут ни экономические кризисы, ни политические разногласия. Не так давно во Франции и Швеции две первые леди были итальянками. Сегодня выходцы из разных стран имеют возможность устройства на госслужбу в других странах Евросоюза. Заместителем министра обороны Германии является француз, заместителем министра обороны Франции является немец. Такого нико-

гда не было. Ещё раз хочу подчеркнуть: процесс этой интеграции в Европе на личностном уровне идёт очень быстро и интенсивно. Это можно видеть на примере изучения языков. Здесь начались такие тенденции, которые мы реально никогда внимательным способом не исследовали, даже в советские времена.

Э.А. Паин: У меня есть комментарий, но пока я задам простой вопрос, который интересует значительную часть граждан России. Объявлен поворот нефтегазовой политики в сторону Китая в связи с возможными санкциями, в связи с проблемами с Украиной. Как вы полагаете, насколько реалистична сама идея – строить новые нефтепроводы, цены?

В.Л. Иноземцев: Давайте мы это отнесём ко второй части, потому что там будет стоять первым пунктом экономическая политика. К вопросу мы вернёмся с цифрами.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, если говорить о политическом завещании, с которым первый президент России Ельцин обратился к Путину: "Берегите Россию." На ваш взгляд, что это означало в контексте 1990-х годов, в контексте Беловежских соглашений, что оно означало в контексте нулевых годов и что оно означает в перспективе нынешнего десятилетия?

В.Л. Иноземцев: Хороший вопрос, я не думал об этом. Но если давать с ходу какие-то варианты ответов, я бы сказал так: в 1990-е годы «беречь Россию» означало сохранить её от деградации и распада; в 2000-е годы «беречь Россию» значило убереечь её как реальную социальную общность, потому что 2000-е годы стали временем, самым важным процессом которого стал огромный отток компетентного грамотного русского (в основном) населения за рубеж и замещение его миграционной волной из постсоветских республик. Я думаю, этот тренд очень опасен. Сегодня «беречь Россию» значит убереечь её от ввязывания в абсолютные авантюры, которые во внешнеполитической сфере становятся всё более опасными, убереечь её от столкновения с внешним миром, по сравнению с которым она намного слабее.

В.Ю. Попов: Владислав Леонидович, есть такое мнение, что в своё время Гитлер был изготовлен иностранными корпорациями. Оно весьма спорное, но существует. Сегодня мне тоже приходится слышать мнения, что Путин – это новый лидер Фашитерна – некого фашистского интернационала, включающего исламизацию и клерикализацию. Вы задали определенную макросоциологическую перспективу. В ее рамках это реально или внутренние противоре-

чия союзников клерикализованной России и внешние противоречия с другими странами не дадут такой интернационализации радикального консервативного проекта? Возможно ли столкновение Китая в будущем с Россией с целью нейтрализации возможных угроз западному миру? Как вы оцениваете такие перспективы? Или это всё уловки, утопические проекты и дезориентация?

В.Л. Иноземцев: Столкновение России и Китая – это большой вопрос, на который я могу предложить определённый ответ. Но вот относительно перспектив появления Гитлера и Путина – я думаю, обе фигуры появились изнутри своих обществ по вполне конкретным причинам как ответ на запрос. Ещё раз повторю – я критически отношусь к внешнеполитическому курсу Путина. Но глубоко осознаю, что это курс большинства, который можно критиковать и не соглашаться. Могу объяснить вам свои чувства после того, как я посетил митинг в декабре 2011 года на Болотной площади. Мои друзья либералы говорили, что это показатель того, что режима не будет через год. Я ответил на это Володе Рыжкову: моё ощущение, что этих людей не будет в стране через год, потому что люди, которые собрались на московские митинги, показались мне в личном общении весьма интеллигентными и абсолютно демократическими. Но их собралось всего 50 тысяч, а не миллион. Это показало им самим, в первую очередь, что в этой стране им не место. Четверо из десяти человек, с которыми я тогда познакомился, уже не в России. По официальным данным эмиграция в России в 2013 году по сравнению с 2012 выросла в 3,5 раза. Я думаю, этот процесс будет стремительно нарастать. Сегодня в Европе выдано видов на жительство для россиян почти 4 миллиона. Видов на жительство, не виз. Если учитывать, что у нас реально сегодня активной рабочей силы 60 миллионов, то это 5% активной рабочей силы, половина всего предпринимательского класса. Часть из них живут «на два дома», но немедленно снимутся отсюда если в Москве будет объявлено что-то вроде мобилизационной ситуации. Меньшинство сегодня прекрасно понимает, что оно здесь лишнее.

Почему Путин правит страной так успешно? Его великим ноу-хау являются открытые границы. Любой либерал скажет, что в условиях глобального мира этот режим когда-нибудь падёт. Я вам отвечаю, что нет. Он может выжить только в условиях глобального общества. В советские времена система была закрыта. Существовало огромное количество людей самых разных подходов. Были люди, которые хотели уехать в Израиль, были люди, которые хотели мо-

литься в храмах, но это было запрещено, мог быть человек, который хотел варить джинсы, коммерчески, но это тоже было запрещено, была девушка, которая хотела поехать в Париж и посмотреть на Мону Лизу, это тоже было запрещено. Все они по разным причинам вышли на демонстрации 1989 года и свергли режим. Сегодня страна открыта. Вы хотите уехать? Скатертью дорога. Вы хотите продать свой бизнес и свалить? Пожалуйста, уезжайте. Только открытость режима спасает его. Качество населения ухудшается, поддержка режима увеличивается. Если вы уехали, замечательно, придут люди из Средней Азии и заменят вас. Режим показывает, что вы ему не нужны. Класс, который может бросить вызов режиму, ему не нужен, и режим открыл дверь. Вы лучше постройте лучшую жизнь там. Продав квартиру в Москве, вы купите дом в Париже. Этот момент оттока не позволяет создать необходимую долю напряжения внутри страны. Система имеет огромный шанс на выживание, оставаясь системой большинства. Поэтому я не вижу необходимости в конспирологических объяснениях, почему Путин так успешно правит и будет успешно править.

Вопрос: Правильно было отмечено, что Россия и США развивались одновременно по сходным идеям и фактический результат похож. Что характерно сейчас для нашей власти – в политическом плане они ориентируются на США, т.е. хотят быть как американцы. Ключевое отличие состоит в отношении к экономике и предпринимательскому классу. У нас государственники, американские республиканцы – это тоже "товарищи". С другой стороны, в Европе сейчас происходят два процесса: государства и национальные различия стали слабее. Это происходит при отсутствии борьбы между государствами и внутренними силовыми столкновениями. Но отсутствие внутренней борьбы проходит под сенью американских дружеских штыков, которые составляют 90% вооружённых сил НАТО, доля Европы здесь незначительна. Вам не кажется, что если произойдут некоторые события и Европа будет вынуждена отдельно от США включиться в какое-либо силовое противостояние, эти интеграционные тенденции замедлятся?

В.Л. Иноземцев: Что касается Европы, я согласен с тем, что Европа находится в политической орбите США, это очевидный факт. Что касается штыков Америки, – это вопрос спорный, потому что американские войска из Европы фактически вывели. Не нужно путать ситуацию 1986 года и 2014. Что касается европейских вооружённых сил – если посчитать огневую мощь и количество кораблей,

то ВМФ Польши сильнее Балтийского флота РФ. Тот факт, что европейцы не воюют, верен. Другое дело, что суммарные военные расходы Европы чуть меньше американских, но идут в основном на поддержание армий, европейская армия в 2,5 раза больше американской. Насколько они реально боеспособны – мне сложно сказать, я не военный аналитик, но в любом случае, если против стран Европы будет совершена агрессия, ответы на это будут найдены. Откуда она может прийти? – я пока не очень вижу. Если сравнить реакцию США на теракты 11 сентября и реакцию Испании и Англии на теракты в метро, то во втором случае реакции просто не было. Никто не собирался идти в пустыни Ирака и Афганистана воевать с исламистами. И не пойдут. Поэтому я думаю, что вопрос о военной мощи Европы интересен.

Н.Е. Ерохин: Сейчас мы напоминаем первых христиан и много проповедника. Вчера было блестящее выступление Эмиля Абрамовича, а третьего дня я слушал вас по "Эхо Москвы", вас слушали несколько миллионов человек, но ведь вам не дали там ни одной мысли до конца довести...

В.Л. Иноземцев: Почему? Это был хороший эфир, все были довольно толерантны.

Н.Е. Ерохин: Сейчас, например, всё понятно, всё до конца...

В.Л. Иноземцев: Просто разный жанр. Эфир на "Эхе" мне очень понравился.

Н.Е. Ерохин: Виктор Павлович, они его задавили.

В.П. Макаренко: Да никто никого не задавил.

Э.А. Паин: Мы с ним тоже выступали на "Эхе", у каждого было мало времени.

В.Л. Иноземцев: Дело не во времени. Я послушаю ещё раз эфир, но мне казалось, что я сказал всё, что хотел.

Э.А. Паин: Вообще я хотел молчать в тряпочку, ведь вчера весь день выступал, но поскольку доклад был скорее культурно-политическим, чем экономическим, то я решил высказаться. Вначале о том, с чем я абсолютно согласен. России не нужно уходить от своей европейской природы, хотя бы потому, что мы все с детства европейцы. Наше видение истории начинается в Древней Греции и Древнем Риме. Эта европоцентричная история нас с детских лет держит европейцами. Мы понятия не имеем, что в это время происходило в Китае, Индии и т.д. И это навсегда. Я абсолютно согласен с тем, что главное столкновение – это глубокое ценностное различие между изменившейся Европой и изменившейся Россией. Проблема

не в том, что есть неизменная Россия и меняющаяся Европа, есть проблема между двумя трендами изменений. Европа изменяется в сторону модернизации, увеличения рационально-легальных форм существования, в сторону смягчения проблем с осознаниями себя отдельными нациями. А в России обратный тренд.

Но я не согласен с тремя вещами. Первое: что Европа в обозримой перспективе приблизится к формированию единой европейской нации. Напротив, я уверен, что сегодня увеличиваются тенденции осознания ошибочности слишком поспешного движения к европеизации и увеличения осознания существенной роли национального сообщества. Доказательства по принципу количества межэтнических браков мало меня убеждает, потому что если посмотреть на количество межэтнических браков в СССР накануне распада, то увидите, что оно было на несколько раз больше, чем сегодня. Казалось бы, была одна страна, были возможности. Брак – это вещь такая, которую не выбирают, был бы ресурс. И это никак не влияет на национальную идентичность. Проблема не в том, что страна не смогла подписать единую конституцию. И не подпишут. И не только потому, что существует проблема мигрантов, но и в виду глубоких существенных социально-экономических и культурных различий между этими странами. И Жан-Мари Ле Пен прав в главном своём смысле: немцы и французы не хотят затрачивать значительную часть своего бюджета на welfare для венгров, румын, цыган. Проблема мигрантов и проблема социально-экономических различий это общая проблема.

Второе: по поводу России. Я не согласен с тем, что Путин сегодня представляет большинство. В своё время латиноамериканские диктаторы представляли большинство. Потом они исчезали. Дело в том, что большинство, особенно российское, потрясающе манипулируемо. Догражданский тип сообществ крайне конформен и легко манипулируем. В этом смысле большинство всегда поддерживает лидера. Те самые люди, которые поддерживали партию "Выбор России", они поддерживают свой косяк. Это партия власти вне значения его идеологического содержания. Значительная часть людей конформны и поддерживают власть. Если эта власть умеет апеллировать и доходить до стереотипов, до зоологии, она непобедима. С точки зрения популистской политики это апеллирование к стереотипам, низменным чувствам, к тому, что от него ждут. Мочить в сортире? Да, хорошо. Чем вы ниже опуститесь вглубь, тем большую популярность среди масс вы сможете получить. Но это не навсегда и

не бесконечно. Конечно, фактор открытых границ спасает режим, но не спас Януковича, а там уровень открытости ещё выше. Количество украинцев, которые работают за границей, несоизмеримо больше, чем уезжающих россиян. Все 147 миллионов никогда не уедут. Более того, самый развитый класс предпринимателей не уедет потому, что с 2–3 миллионами в России можно делать бизнес, а в Европе и Америке эту сумму можно пропить в кабаке. Это не деньги, чтобы завести дело и быть конкурентным. Поэтому значительная часть людей понимает, что бизнес она может сделать только в России. Так или иначе этот слой и идеологически ориентированные патриоты, которые называют себя «антиимперскими националистами», это слой, который никуда не будет уезжать по многим причинам и будет оказывать давление на ситуацию.

Теперь обобщённое представление об Украине. Единой Украины нет, это сейчас очевидно. Немалая часть Украины – та же Россия по своим нынешним ментальным особенностям, причём самая периферийная её сторона. Процесс распада СССР не закончился, он каким-то образом тогда проявился, а мог проявиться иначе. Их западный вектор будет зависеть от того, насколько будет для них превалировать значение территориальной целостности. Если будет, то они будут вынуждены ориентироваться на слабейшее звено. Масштаб их модернизации будет зависеть от их части.

Вот и всё, что я хотел сказать. Подчёркиваю, я возражаю по поводу слишком оптимистических взглядов на единую Европу как нацию и по поводу массовости того, что народ России хочет того, что в ней происходит. Народ хочет в значительной мере того, чего хотят от него его властители. Я сторонник конструктивистского подхода к обществу и думаю, что конструктивные возможности выше, чем примордиально заложенные особенности.

В.Л. Иноземцев: Большое спасибо. Я с огромным интересом принимаю замечания по поводу Европы. Эмиль Абрамович - общепризнанный специалист по этим вещам, и я вполне допускаю, что могу быть излишне оптимистичен, поэтому мы увидим только через некоторое время, что произойдёт, но я предполагаю возможность и того и другого варианта. Что же касается вопроса о конструктивизме популярности Путина, здесь я всё-таки не совсем согласен. Я согласен со всем, что вы сказали по поводу Украины, что это разделённая нация, я здесь полностью на вашей стороне. Проблема популярности Путина не сводится к манипуляции сознанием. Да, на Украине режим Януковича был сметён народным недовольством в том числе

и по причине его коррумпированности, которая там не выше, чем в России. Но ни Украина, ни многие другие страны не были имперскими нациями с большой имперской традицией. Путин сейчас не занимается тем, что мочит кого-то в сортире. Он не рассказывает, что у него 10% темп экономического роста. Он перешёл на совершенно другую систему аргументации. Он апеллирует к имперскому сознанию, к исторической особости, он улавливает то, что действительно отличает Россию от некоторых её соседей. И я думаю, что эта идеологическая опора для него гораздо более сильная, чем экономические успехи, благосостояние или какие-то прочие моменты. Поэтому я считаю, что запас прочности у режима гораздо больше. Я был бы рад ошибиться, но мне кажется, что здесь пойман резонанс между глубинным общественным сознанием и тем, что проповедует политическая элита.

Н.Н. Евченко: Большое спасибо, что приехали к нам. В вашей позавчерашней статье в газете "РБК daily" вы указали, что наши экономические отношения с Европой проблемны, это был первый тезис вашей статьи. Европа наш основной внешнеторговый партнёр, половина нашего торгового оборота и 75% энергоносителей туда идут. И большинство наших предпринимателей всё-таки в Европу едут. Происходит своеобразный бартер: мы оттуда уходим с нашими экономическими отношениями, туда уходит наш предпринимательский талант. Какова цена для нашей экономической системы этого бартера, особенно, в связи с той концепцией, которую озвучил советник президента Глазьев: мы принимаем доктрину "опоры на собственные силы", т.е. возможен ли в открытом мире переход к рассмотрению этой доктрины?

В.Л. Иноземцев: Мы снова идём к вопросу по поводу Китая и Европы. Цена нашей переориентации очень большая. Я бы не сказал, что туда уходят не столько предприниматели, сколько люди, которые выходят из бизнеса и стараются найти себе какой-то запасной аэродром. Мы можем отдельно поговорить насчёт стратегии по Украине. Значительная доля оттока капитала, интеллектуальных кадров и молодежи идут в Европу. Это большая цена. Что касается того, можно ли повернуться к другим регионам, мы обсудим позже. Мне кажется, что цена этого поворота будет ещё больше. Цена закрытости по Глазьеву будет просто катастрофической. Исполнить можно всё, если поставить задачу закрыть границы, выйти из долларовых активов, вложить их материальные активы, это не так сложно на самом деле. Наши резервы не такие большие, как кажут-

ся, порядка 450 миллиардов долларов. Попытавшись с ними что-то сделать, мы ничего не дестабилизируем, если сегодня России продаст все свои долларовые активы за один день, это приблизительно будет в лучшем случае 4–5% ежедневного глобального валютного оборота. Поэтому мы не уничтожим курс доллара, не обанкротим Америку, это всё смешно. В данном случае это технически возможно, закрыться реально, но это приведёт к сильному падению уровня жизни и поломают планы миллионов, а это уже будет радикальный вызов режиму. Я думаю, что такой выбор близок к самоубийству власти, на который она вряд ли может пойти, если переоценит свои силы. Такое решение – конец для режима. В любом случае, это практически невозможно по последствиям. Технически можно к этому идти, но последствия будут настолько разрушительными, что никто из власти их не переживёт.

В. Козер: В процессе обмена учителями средних школ я был дважды в Соединенных Штатах и Великобритании в группах учителей от 10 до 25 человек. И я заметил, во-первых, взгляд "они – не мы". Приходим мы на занятия и обычно слышим реплики: это же примитивно. У нас на этом уровне мы больше изучаем по базовым дисциплинам, по математике, естественным наукам и так далее. Этот момент я видел многократно, не один раз, а это тенденция. Вторая тенденция, на которую я обратил внимание – это отсутствие какой-либо благодарности. Потому что все эти обмены финансируются исключительно той стороной, включая передвижение по России и проведение семинаров в России. Какие-то благодарности формально были, но в неформальном кругу, в общении, это не звучало ни разу. Такое ощущение, что они оторвали эти деньги от бюджета и потратили на российских учителей. Это момент, который добавляет в наше непонимание. Причем, речь идет о людях с высшим образованием. Людях контактных, потому что они обучают детей, при том обучают много. Второй момент на который я обратил внимание: если наши наиболее продвинутые учителя, например, английского языка, что-то показывают, то есть элемент "ну мы им показали". Или такие разговоры: они, допустим, посещали военную базу, "ну да, мы видели, но наши мальчики покажут, если надо". Вот это общая тенденция, которая вписывается в то понимание, о котором вы сказали. Это позиция большинства и на этом власть существует. Я вчера задал вопрос Эмилю Абрамовичу: какой след оставит нынешняя идеология, если прекратится ее поддержка со стороны власти? Эмиль Абрамович дал оптимистичный ответ: у нас уже много

раз менялось, и через несколько лет все в массовом сознании может поменяться. Поэтому я для себя делаю вывод, что, с одной стороны, эта тенденция сильна, с другой стороны, в 2007–12 годах изменился только руководитель, и то его учитель стоял за спиной и сразу поменялось отношение. Общая тенденция такова: с начала 2000-х у нас сокращается количество обмена. Не на уровне научной элиты, а на более низком уровне. У нас постепенно сокращается на уровне Ростова семинары, где участвуют британцы или американцы. То есть, это практически невозможно сделать. У нас проводилась с середины 1990-х годов по 2005 в месяц несколько таких форумов, встреч и семинаров, где они участвовали. Сейчас вообще этого нет. У нас совершенная пустыня в этом плане. Но Медведев сделал несколько шагов назад. И опять контакты вроде бы несколько интенсифицировались. И вроде бы сейчас тенденция, которая была в 1990-х годах, возобладала. И она усиливает ксенофобию и подобные отношения. Я думаю, как бы ни сменился первый руководитель, это будет человек из его окружения. Я уверен, что это будет опять позиция, условно, медведевская. И опять будут открыты эти каналы общения. Опять будет больше программ. Вопрос только для меня, на который Эмиль Абрамович дал четкий ответ: какой след это оставит. Потому что время идет, люди растут. Насколько это повлияет именно в плане усиления личности, ксенофобии?

В.П. Макаренко: Опять срочно нужен Сорос.

В.Л. Иноземцев: Сложный вопрос. Я думаю, причина не только в нашей забитости. Но большое количество финансирования, которое шло на обменные программы, было рассчитано на Россию как на страну развивающуюся. Когда мы по экономическим показателям подтянулись, многие программы Запада были закрыты. Потому что помощь странам, которые достигли какого-то уровня развития, существенно урезается. Что касается того, какое значение пропаганда будет иметь на будущее, – я считаю, что она будет иметь серьезное значение. Я исхожу из того, что если бы это было рассчитано только на молодежь, то была бы одна ситуация. Самым главным впечатлением от Красноярского экономического форума, который состоялся в феврале этого года, стал ужин закрытия, который давал в узком кругу председатель законодательного собрания Красноярского края. На него пригласили основных докладчиков, в большинстве своем московских и новосибирских интеллектуалов, человек 25. Это было за сутки до того, как Путин попросил Совет Федерации использовать войска на Украине, то есть, за границей России. Я мо-

гу сказать, что после третьей рюмки водки вполне умудренный человек из Высшей школы экономики, либерального ВУЗа поднимал бокал за то, чтобы наши танки дошли до Киева. Это был не молодой человек, а человек, который все 90-е годы отстаивал либеральные ценности. Это очень странный сигнал. Мне кажется, что нынешняя пропаганда падает на вполне готовую почву.

Голос: Человек, о котором вы говорите, из недавнего прошлого. Это вопрос не столько глубинных имперских тенденций, сколько недавнего прошлого.

В.Л. Иноземцев: Здесь мы видим двойную интерференцию волны. В новой пропаганде и в воспоминании старого.

В.Ю. Попов: С моей точки зрения, существует две причины, по которой этот режим, который вы охарактеризовали как путинский, долго не простоит. Хочу напомнить, что Вернер Зомбарт написал небольшую книжку "Торгаши и герои" во время первой Мировой Войны. И там он осуществляет нападки на Британию за «дух торгашества», который противоречит «немецким ценностям и духовности». Это очень похоже на современную ситуацию. Зомбарт приводит слова Герберта Спенсера, который отвечал на похожие нападки чуть раньше и говорил: "Извините, но мы, британцы, построили вам водопровод в Берлине, мы сделали электрификацию Берлина. Где бы были ваши духовные философы, при лучине писали бы там свои духовные произведения?" Германия тоже ставила себе такую цель в середине 19 века – опора на собственные силы, экономическая автаркия. В каком-то смысле она достигла товарной независимости через 50 лет или чуть больше. Именно это предопределило, что немцы согласились на большую войну. Если бы товарная зависимость от Британии продолжала существовать, возможно, такой войны бы не случилось. А сейчас такая товарная независимость России вряд ли возможна, даже если мы будем покупать технологии на Западе. Воплощение их в жизнь в России требует некоего уровня на местах. Достичь современной технологизации России будет невозможно, а люди, которые хотят сравнивать Россию с Западом, все равно будут оставаться и их количество будет увеличиваться, при наличии как раз открытости страны, поскольку не все, уезжая на Запад, желают там остаться. Многие хотят вернуться и попробовать построить здесь похожее. В этом смысле напряжение никуда уходить не будет.

Второй момент – большевики тоже запретили конкуренцию в экономической сфере. Тем самым они естественные потребности в

конкуренции и предпринимательстве переместили в конкуренцию за власть. Сталин в борьбе с этой конкуренцией вынужден был развязывать террор, чтобы сохранить свою власть. В 1980-е годы советская партийная номенклатура поняла, что очередного Андропова они могут не пережить. Вспомним, что при Андропове возникла дела Медунова, Рашидова, Соколова. Посадили Чурбанова, мужа Брежневой, на Щелокова возбудили дело. Советская номенклатура ясно понимала, что возврат к сталинским временам для них будет плачевен. Возможно, сегодняшняя номенклатура этого не осознает, потому что существует в рамках неких мифов, более поздних, о советском периоде. Но едва российская правящая группа пойдет на оформление и одностороннюю идеологизацию, поскольку этот режим существует устойчиво, пока он манипулирует различными интересами, а если он оформится как некий идеологический режим, то сразу он привлечет на себя поток, шквал критики, в том числе изнутри. Тогда идеологическая и управленческая бюрократия начнет борьбу за то, кто из них лучше понимает политику вождя, политику партии и лучше понимает идеологию, для того, чтобы конкурировать внутри этого аппарата. Это еще одна проблема для данного режима. Я думаю, этот режим в любом случае не продержится дольше Путина. Как только Путин исчезнет, – это показала вся история Византийской Империи: если появлялся император, который сильно закручивал гайки и завязывал все на себя, после его смерти происходил обвал и череда гражданских противостояний. То же самое грозит России. И какой она выйдет из этих противостояний – большой вопрос.

В.Л. Иноземцев: Я дам комментарий. По поводу последнего я не согласен. По сути дела у путинского режима есть шансы на очень долгое существование. Было успешное президентство Медведева и уход Путина в тень. Если режим может менять первое лицо, оставаясь тем самым фундаментальным режимом, это залог успеха. Китайская система меняет собственного руководителя, оставаясь китайской системой. Мексиканская система имела одну партию, правящую 70 лет, тоже оставаясь таким же самым режимом. Либерально-демократическая партия в Японии тоже правила 50 лет, создавая свою политическую систему. Это показатель устойчивости режима: если режим не зависит от личности, то он устойчив. То, что Путин вернулся, показало, что система не может без него выживать, поэтому с этим тезисом я абсолютно согласен. Но Путин молод...

В.Ю. Попов: Это замещающая гормональная терапия

В.Л. Иноземцев: Второй момент – по поводу Германии. Дело в том, что чисто технологически мы живем в мире, совершенно отличающемся от мира XX века. Допустим, в середине XX века в крупной, мощной стране не могли не производить автомобилей. Если у вас не было этой промышленности, вы отставали в своем развитии сразу и на порядок. Сегодня в России не производят ни одного мобильного телефона, имея мобильной связи больше, чем любая другая страна в Европе. И никто не ощущает, что мы здесь полные пигмеи. Вьетнам производит мобильные телефоны, а мы нет. И это не мешает нам относиться к своему собственному существованию так, как мы относимся. Мне кажется, технологическая конкуренция внутри индустриального строя связана была с тем, что вы можете заимствовать технологию, наладить ее и быстро догнать. Та же Германия догнала Англию очень быстро потому, что она заимствовала технологии, быстро нарастила новые и пошла вперед. Она была первой экономикой Европы перед первой мировой войной. Сегодня вы можете легко использовать технологические нововведения, но вряд ли сможете встроиться в эту цепь. Обгон почти нереален. Поэтому конкуренция XX века и нынешняя конкуренция абсолютно различны. И все параллели, которые существовали 100 лет назад, сегодня просто неприменимы. Они могут очень красиво казаться похожими, но на деле под ними лежат такие процессы, которые не позволяют провести аналогию.

Э.А. Паин: В принципе я согласен с Вадимом, что у данного режима будут большие проблемы со сменой первого лица, но по другим причинам. Я согласен с Вами, что сейчас эта товарная ситуация не работает, но у нас принято шутить про Путинский паханат. Мне это дело представляется более похожим на принципат Октавиана в Риме. Чем похоже: реальная структура власти является скорее имитацией политической системы и реальная политическая жизнь происходит абсолютно не так, как она демонстрируется в обществе. Это один момент. Второй момент – показательная демонстрация скромности. Все эти уходы в тень, все изображения и рассказы про демократию, про то, что не я принимаю решения, это решение коллективное – это все было характерно для Октавиана Августа. Также сохраняются у нас элементы ядерной или атомарной структуры общества, как и в римском обществе. Когда положение человека зачастую определялось не принадлежностью его к какому-то классу общества, а его близостью к конкретному человеку. Бывший раб или нынешний раб императора мог стать фактически бога-

тейшим человеком в Риме почти моментально, что у нас наблюдается повсеместно. В этой системе самая большая проблема – выбор преемника. Потому что система держится на личных отношениях, чуть ли не формата агент – вербовщик. Как эта структура перейдет в следующее поколение, я не знаю. Потому что выбор преемника в Риме был огромной проблемой. Сейчас выбрать человека, который сможет контролировать конфликты разных кланов, это такая...

В.Л. Иноземцев: Но она продержалась. С конфликтами, но там решается действительно проблема неудобных кланов. Поэтому я думаю, что здесь не с меньшей жестокостью она будет решена. Аналогия с принципатом красивая, но в данном случае она не играет на то, что эта империя быстро рухнет. Конечно, имитация есть. Но не факт, что она не способна на самопроизводство. Это самый большой и интересный вопрос на ближайшие годы.

В.В. Вольчик: Я хотел бы толкнуть наш разговор в экономическую плоскость. Дело в том, что антилиберальная риторика экономистов выражается в такой экономической политике, которая носит характер антипредпринимательской. Предпринимательский климат становится все хуже. Предприниматели это подтверждают. Но, как говорил Хайек, очень большую роль тут играют интеллектуалы. Как ни странно, это интеллектуалы, которые должны представлять либерализм, – мейнстримовская Высшая Школа Экономики. Мне кажется, они играют отрицательную роль. Дело в том, что мейнстримовский вариант экономической науки находится под знаменами либерализма, но в наших условиях либеральные экономисты проводят нелиберальную экономическую политику. Где взять интеллектуалов, которые играли бы за предпринимателей и за либеральные ценности, которые позволяют развивать истинный либерализм, ради улучшения предпринимательского климата?

В.Л. Иноземцев: Это хороший вопрос, я не знаю, что ответить. Я бы сказал так: по большому счету в стране, которая находится в таком мире, в котором находится Россия, вопрос о предпринимательской свободе не есть вопрос интеллектуалов. Это вопрос о самообразовании элит. Если элита вменяема, то без всяких интеллектуалов она должна понимать, что это источник победы. Но элита у нас сегодня возникла совсем иначе. И какие бы интеллектуалы здесь ни были, как бы они ни рассказывали о предпринимательстве, пока деньги появляются ниоткуда, оно бессмысленно, его развитие контрпродуктивно. Почему в России так много взяток? Как экономист могу вам ответить, что это происходит в значительной мере по-

тому, что политика давания и получения взяток более эффективна и рациональна, чем политика противопоставления режиму. Сейчас гораздо проще дать взятку за перепланировку квартиры, получение лицензии и прочее, чем идти каким-то легалистским путем. По сути дела, взятка инкорпорирована в систему экономической эффективности. Если что-то изменится фундаментально в экономике, возможно, появится запрос. Для эффективной экономической политики не нужны интеллектуалы. Нужны люди, которые способны понимать очевидные задачи оптимизации. Что нужно понимать в экономике? То, что вы снижаете там или здесь, и получаете повышение объема. Путин в свое время сделал так, когда он снизил налог на доходы физических лиц и получил огромный прирост от объема этого налога. Когда он это сделал, он был мыслящим абсолютно рационально и экономически человеком. Сейчас он перестал им быть, потому что за последние годы цены на нефть выросли в пять раз. Соответственно, налоговая система стала гораздо более эффективной. Проблема снялась. Это не вопрос интеллектуальной революции, а практической реакции.

Вопрос: Что должно измениться в экономике, чтобы появились другие стимулы?

В.Л. Иноземцев: Нужно просто подвести под такие санкции, чтобы был внутренний продукт и спрос. Либо должны упасть цены, либо должен упасть спрос. Но реально должно быть уменьшение рентных доходов. Чтобы начать на это реагировать. Какое-то время они могут игнорировать эту ситуацию, а за счёт затягивания поясов в связи с тем, что весь мир на нас ополчился, либо по причине того, что государственные доходы настолько неэффективны, что их можно порезать и так, что этого никто не заметит, кроме нескольких олигархов. Я думаю, даже при сокращении расходов, то есть сокращения поступлений у режима есть некоторый срок. Минимум 3 года. А может и больше. Для того, чтобы даже при цене в 50 долларов, которая, как говорят все сейчас, катастрофичная, довольно успешно выживать. Но далее уже, конечно, потребуются перемены.

В.П. Макаренко: Мы монополизировали право на вопросы. Студенты прижухли и молчат. Ребята и девочки, задавайте вопросы.

Голос: Студенты должны слушать.

В.Ю. Попов: Они должны учиться задавать вопросы.

С. Гарибян: У меня не вопрос, а реплика. Вы сравнивали процессы колонизации европейцев и Российской Империи. Они шли

параллельно. Я бы хотел рассмотреть этот процесс на примере Грузии. Российский выбор Грузии был обусловлен тем, что через Российскую Империю Грузия коммуницировала с Европой. Для Грузии Россия являлась европейской страной, находящейся между Востоком и Западом. А сейчас происходит наоборот. Россия является некой евразийской державой и антизападной, антиевропейской силой. Естественно, Россия может использовать этот ресурс, но не использует. К сожалению, в Грузии открывается такая организация, как "Грузия. Евразийский выбор".

В.Л. Иноземцев: Я говорил, что колонизация в России была похожа на европейскую именно в восточной части, которая шла от Урала до Аляски. Когда Россия пошла на юг, потом в Среднюю Азию, там тоже можно говорить о параллели с британским владычеством в Индии. Эти цивилизации были довольно древние. Но Грузия и Армения представляли собой две страны, заведомо наиболее древние по истории и европейские по своей христианской природе. Раньше Россия выступала для них Европой – защитницей от Азии, Турции и государств востока. Но сейчас уже не нужно посредничество России в том, чтобы Грузию и Армению ввести в Европу. Насколько я помню, помимо Грузии даже в Армении в декабре были серьезные недовольства в связи с тем, что они не подписали соглашение об Ассоциации с ЕС, потому что масштаб армянской диаспоры и масштаб их связей с Соединенными Штатами настолько велик, что Россия здесь не посредник по объему отношений. Я понимаю, насколько сложно будет вести дальше прозападную игру с учетом того, что у России очень мощные силы в регионе, но здесь только можно пожелать кавказским народам успеха в походе на Запад. История же Грузии в постсоветский период одна из самых драматичных. Можно еще много комментировать, но в любом случае Россия здесь Грузии не поможет.

Украина и Россия: факты и толкования событий (стенограмма круглого стола 26 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону)

Участники

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)

Козерь В., учитель средней школы

Макаренко В.П., доктор политических наук, доктор философских наук, профессор (СКНИИЭиСП ЮФУ)

Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социологии и регионоведения ЮФУ)

Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (НИУ-ВШЭ, Москва)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)

Трофимов М.Е., преподаватель (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Сегодня у нас состоится круглый стол на тему «Украина и Россия: факты и толкования событий февраля 2014 года».

А.Ю. Архипов: Уважаемые коллеги, у нас идет обсуждение проблем России и Украины, нынешней кризисной ситуации. Отчасти неожиданной, хотя до этого говорили, что такая ситуация возможна. Сегодня мы можем обсудить причины и возможные последствия. Понятно, что такой кризис имеет много конкретных и глобальных причин. Конкретные причины в том, что власть на Украине коррумпированная, экономика не развивалась, а поводом явилась ситуация вхождения в ЕС. Хотя Янукович пропагандировал вступление, но в последний момент отказался от подписания. Глобальные причины состоят в том, что 25 лет назад биполярная система потерпела крушение. Возникло представление, что это «конец истории», а глобализация отождествлялась с действиями одного го-

сударства и его лидера. Этот лидер вел себя соответственно – сначала Ирак, потом Югославия, Афганистан. В начале 2000-х годов говорили, что происходит глобализация одной страны. Хотелось сказать, что стул на одной ножке – неустойчивая конструкция. Так и произошло.

Затем возникли разговоры о многополярности. По объему промышленности уже в начале 2010 года Китай обогнал США, а по уровню ВВП к 2018-2020 году ожидается, что страны БРИКС усилят свои возможности. Но мировому лидеру не хочется отдавать свое лидерство, он усиливает долю агрессивности. До недавнего времени все получалось и все соглашались, но видите, чем все закончилось. Пошли протесты и митинги. Едва начало это все затухать, так называемые наши партнеры и друзья начали активизировать процесс денежно. И получили такую ситуацию. Да и когда-то надо было начинать отстаивать свою позицию. А то заявили бы о праве свободы Ростовской области, Воронежской области и всех остальных, хотя ситуация с Крымом сложная. Мы ее сможем обсудить. Таково мое коротенькое вступление.

В нашей стране много проблем, и их надо решать, но надо также определяться со своими интересами. Может это станет толчком для обновления нашей страны и экономики. Может санкции послужат толчком? Помните, как в 1998 году кризис сделал то, что должно было сделать правительство? Рубль упал, импорт практически приостановился, появился восстановительный рост. На этой тенденции мы жили все начало 2000-х годов. На 6, 7, 8% роста восстанавливалась экономика. Начали восстанавливать производство, выпускать свою продукцию. Вполне возможно импортозамещение более чем в половину этой суммы. Все зависит от того, как это можно организовать. Одно дело - возможности, другое дело - реализация. Если найдем для этого пути, то в сложной ситуации можно сыграть из минуса в плюс.

В.П. Макаренко: По поводу кризиса 1998 года. Не скажу, что изучал, но прочитал книжку известного банкира В.В.Геращенко «Россия и деньги». В книге есть текст и подтекст. Видно совершенно определенное отрицательное отношение автора к режиму Ельцина. На основе книги у меня возник вопрос: не был ли кризис 1998 года специально спровоцирован, чтобы Ельцина убрать из власти? Обсуждается ли эта версия среди экономистов и насколько она возможна?

А.Ю. Архипов: Думаю, что нет. Это была мировая тенденция, она началась в Юго-Восточной Азии. Но то, что кризис 1998 г. был использован для смещения Ельцина, отрицать нельзя.

Печка, от которой можно плясать

В.П. Макаренко

В.П. Макаренко: Два дня я молчал, а сегодня позвольте начать дискуссию. Мой доклад будет посвящен вопросу методологическому: как можно обсуждать возникшую проблему отношения между Россией и Украиной? В журнале «Политическая концептология» есть раздел «Злоба дня», в котором публикуются материалы, имеющие не только теоретическое, но и практическое значение. В первом номере за 2014 год мы опубликовали диалог присутствующего здесь профессора Паина с профессором Гудковым на тему «Российское общество после событий февраля – марта». В том же номере мы опубликовали статью нашего коллеги из Киева В.Н.Ткаченко «Общность исторической судьбы: испытание Майданом». Автор излагает реальные события в Киеве и обсуждает проблему с точки зрения мир-системной теории. Я тоже вхожу в дискуссию и хотел бы предложить свой подход к политическим событиям. У каждого исследователя есть своя мастерская, где он выточивает свой инструмент анализа.

Исходным пунктом обсуждения является факт: не Украина вмешалась во внутренние дела России, а Россия осуществила агрессию в отношении Украины. Это дает основание применить к анализу событий разработанную мной теорию русской власти. Особенно раздел о реальной агрессивности и мнимых реформах Российской империи и Советского государства. Я показал, что терроризация, бюрократизация и модернизация являются звеньями одного и того же процесса укрепления власти.

При этом я исхожу из тех характеристик истории, внутренней и внешней политики Российского государства, которые были зафиксированы К.Марксом и Ф.Энгельсом, но целиком отвергнуты Сталиным. Со времени Ивана Грозного политика захвата других земель, морей и гор стала постоянной тенденцией внешней политики русского государства. Петр I сыграл исключительную роль в этой политике, придав традиционной агрессивности государства не местные, а европейские измерения. Москва с самого начала была агрессивным государством. Невозможно найти такую нацию-государство во всем мире, которая смогла бы сравниться с Россией в

захватах чужих территорий. Объяснение можно дедуцировать из марксовской квалификации Петра I, который «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина».

Политическая традиция государства мотивирует индивидуальные решения вершины государственной иерархии. Эти решения являются руководящими до тех пор, пока они реализуют интересы государственной бюрократии. Государственный деятель сам по себе мало что значит, хотя массовое политическое сознание до сих пор склонно приписывать ему главную роль. Политический курс государства определяется интересами класса распорядителей средствами насилия.

Тенденция властной иерархии к агрессии объясняется тем, что агрессия служит важнейшим средством для расширения сферы контроля властной иерархии одного государства за счет поглощения властной иерархии другого государства. Эта тенденция проявляется тогда, когда внутри одного государства общество уже подчинено правительству в той степени, в какой это позволяют сделать доступные власти средства технического контроля и манипуляции. Властная иерархия не является агрессивной, если она еще не оккупировала полностью собственную социальную территорию. Она становится таковой тогда, когда все социальные территории уже достаточно контролируются. В этом случае во имя расширения сферы контроля властная иерархия одного государства готова пойти на вооруженную конфронтацию с аппаратом насилия, стоящим на страже властной иерархии другого государства.

Это правило формулируется в предположении, что потенциалы вооруженных сил двух сравниваемых стран примерно одинаковы. При значительных диспропорциях данных сил возможен и такой вариант, когда властная иерархия одной страны расширяет сферу внешнего управления за счет полного или частичного захвата территории другой страны, не завинчивая до конца гайки по отношению к гражданам своей страны. Таков политический источник агрессивности страны. Экономическим основанием агрессивности страны является стремление к захвату прибавочного продукта, созданного на территории других стран. На протяжении истории существовали разные причины агрессивности России, но одна из них присутствовала постоянно – стремление ее властной иерархии к расширению сферы собственного контроля и манипуляции. На всех стадиях развития России ее население «нормально» угнеталось

«своим» государством. Под «нормой» я имею в виду технико-организационные средства насилия, находящиеся в распоряжении государства (вплоть до «зеленых человечков»). А поскольку связь власти с собственностью толкала нашу страну к нарушению данной «нормы», постольку Россия всегда стремилось проглотить территорию сопредельных стран.

Таким образом, главная причина агрессивности России заключалась в насилии над собственными гражданами. Когда насилие внутри страны уже невозможно было увеличить (при наличных средствах насилия и организации аппарата насилия), Россия обнаруживала тенденцию к внешней агрессии. Русские армии маршировали во все стороны света на протяжении столетий не потому, что русский народ агрессивен «по природе», и не потому, что стремление к агрессии было высосано им из кобыльего молока монгольских захватчиков. Русский народ всегда был угнетен больше, чем соседние народы. А жаждущий власти класс распорядителей средств насилия вынужден был искать дальнейшие возможности расширения властной регуляции за пределами своей страны. Иначе говоря, внутреннее насилие обусловило внешнее насилие.

Надо учитывать также множество других факторов, детерминирующих деятельность Российского государства: территориальные размеры страны (обусловившие необходимость создания систем связи и средств коммуникации), большое количество населения (из чего вытекало преимущество перед соседними государствами, стимулирующее склонность к агрессивной политике), минеральные богатства страны, политическую традицию и т. д. В истории России возникла сложная сеть многообразных связей и взаимодействий. Проводником в этой сети может быть теория, описывающая скрытые пружины внешних событий. Для разработки данной теории надо отвергнуть мифы экономизма, телеологизма, идеализма и индивидуализма.

В целом переплетение функций власти и собственности в руках государства привело к тому, что наше государство до сих пор относится к экономическому сопротивлению производителей как к политическому сопротивлению и ликвидирует его посредством насилия. Насилие государства ликвидировало волю к гражданскому сопротивлению вообще. Российское государство до сих лишает граждан политической воли, превращая их в верноподданных. Оно до сих пор стимулирует социальное оцепенение и омертвление производителей и потребителей.

Эта констатация подтверждается исследованиями коллег из других стран. От Дэвида Юма берет начало традиция рассматривать государство как искусственное изобретение. Однако Дуглас Норт с коллегами в свежей книге выдвигает интересное сравнение: Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине – это «естественные государства». При этом Норт приводит множество аргументов, которые нуждаются в систематическом анализе. Среди них и такой: Путин в России проводил реформы для того, чтобы получить экономические ресурсы для укрепления своей власти, но едва стало ясно, что цены на нефть будут продолжать расти, он отказался от реформ⁵⁸⁸. Один из признаков «естественного государства» – использование экономических ресурсов для укрепления личной власти и право высшего лица государства принимать решения об этом. Есть и множество других, о которых я сейчас говорить не буду.

В прошлом году я опубликовал две статьи о современном российском милитаризме. Они начинаются с обсуждения вопроса: что такое кредо Гамлета?». Все мало-мальски здравомыслящие люди моего поколения, которых черт дернул родиться в СССР, вынуждены были прожить в этой стране в качестве иностранцев или внутренних эмигрантов. Эта мысль пересекается с тем, что пишет Орхан Памук: страны, которые существуют на стыке цивилизаций, не могут обойтись без точки зрения иностранца на свою страну. Но жители такой страны сами должны занимать точку зрения внутреннего иностранца. Эта идея развита в книге «Биография Стамбула». Как культивировать такую точку зрения вообще и применительно к нынешней ситуации «Россия-Украина»? – на эту тему нужен особый разговор.

Я скажу пару слов по поводу поколения, к которому принадлежу вместе с Эмилем Абрамовичем. Многие из нас отличались своей мерой иронии, дистанции, отстраненности или безразличного любопытства ко всему, происходящему вокруг. На эту тему существуют уже целые библиотеки. Чтение можно начинать откуда угодно. В том числе с книги Петра Вайля «Свобода – точка отсчета». Он уехал из СССР по многим причинам, включая желание читать любые книги, а не только продукцию советской издательской машины. Петр Вайль – знаковая фигура. Он отмечает, что даже такая невин-

⁵⁸⁸ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011, с.84, 246.

ная страсть, как любовь к книгам тоже заставляет принимать решения об эмиграции. Потому что советская издательская продукция – от обыкновенных букварей до многотомных сочинений – воспитывала человека определенного склада. В.Набоков отметил, что главным героем советской литературы является полицейское государство. Отторжение советской издательской машины вынудило Вайля к эмиграции. Он высказывает идею о свободе как точке отсчета. Эту идею я попытаюсь развить.

Принц Гамлет говорил: «Весь мир – тюрьма, а Дания – худшее из его подземелий». Почему же будущий король называл страну, которой ему предстоит руководить, худшим из всех подземелий, а весь мир уподоблял тюрьме? Профессор Шкуратов уже осуществил сравнение европейской тюрьмы с русской каторгой – на основе работ Фуко и путевых заметок Чехова о Сахалине. Но это попутный сюжет. Я думаю, каждый житель нашей страны должен применять кредо Гамлета к данному времени и обстоятельствам. Это значит, что жители России могут исходить из посылки: весь мир тюрьма, а Россия – худшее из его подземелий. А жители всех постсоветских стран вместо России могут иметь в виду свои государства. На этой основе можно исключить приоритет своего государства над всеми остальными. Возникает вопрос: в какой мировоззренческой системе возможно такое высказывание? Такой образ мира содержится в христианском мировоззрении, в котором есть идея о теле как темнице души. И чтобы докопаться до истины, тело как сосуд греха надо истязать и терзать. Затем, разделение всего мира на высший и низший тоже достаточно древние. В христианстве это было заимствовано, чтобы истолковать свою страну как подземелье в общей мировой тюрьме. Речь идет об использовании элементарной антропологической процедуры как следствия реанимации религии сверху на всем постсоветском пространстве.

Изучение мест заключения может быть развернуто вслед за идеей квалификации своей страны как худшей из подземелий. Здесь можно сослаться не только на классический пятитомник Барнета, но и на свежую книгу А.Н. Олейника. Почему я на это обращаю внимание? Аргументов для такого уточнения тоже хватает, упомяну только два.

На протяжении XX века Советский Союз стал чемпионом мира по уничтожению собственного населения, и никто за это не понес моральной, политической, уголовной и метафизической ответственности, в соответствии с классификацией Карла Ясперса. Правда, по-

сле процесса Берии были возбуждены мелкие уголовные дела, сработанные по принципу стрелочника. Значит, послесталинская власть перенесла в новые условия старый германский принцип «Право или неправо, но это мое отечество». В соответствии с этим принципом своя страна ставится выше права и морали. Значит, данный принцип выводит свою страну за рамки политического и морального осуждения. Я считаю, что это кредо надо отвергнуть, потому что оправдание всех войн XX века – мировых и локальных – базируется на данном принципе. С ним переплетено этническое понимание нации.

Вот сидит Ибрагима Дама, он может прекрасно рассказать об этнических войнах в Руанде и в других странах Африки. Когда миллионы уходят из жизни, а в цивилизованном обществе об этом даже не знают. В окрестностях России начинается тот же самый процесс. Я имею в виду войны в Абхазии, Приднестровье, Чечне, Грузии, теперь на Украине. Поэтому надо четко осознать, что превращение собственной страны в основание для суждения обо всех остальных, – это крайне опасное политическое заблуждение. Если судить по российским СМИ, особенно телевидению, мы наблюдаем сегодня сознательное преобразование заблуждения в систематическую ложь, которая инициирована политическим руководством страны. Последствия заблуждения хорошо известны, я их перечислять не буду, достаточно сослаться на классическую работу Ханны Арендт «Истина и политика».

Если судить от противного, то все остальные нации, входящие в бывший советский блок, могут обосновать кредо Гамлета в отношении к собственной страны. Это кредо относится ко всем государствам, которые раньше был республиками и входили в состав СССР, а теперь являются самостоятельными. Это кредо становится принципом социализации индивида и становления гражданина. Почему? Потому что Гамлет выступал против всей системы повседневности, которая базировалась на христианском миропорядке. Из кредо Гамлета вытекает критика и отрицание всего христианского мироздания, а также той версии, которую пропагандирует РПЦ Московской патриархии.

Формулу Гамлета я предлагаю дополнить идеями Эрнста Юнгера, высказанными во время и после советско-германской войны. Его дневники переведены на русский язык. Кстати, он был в Ростове-на-Дону и на Кавказе, написал «Кавказские записки». Юнгер определил Ростов как «Восток, лишенный всякой магии». Почему? По-

тому что машины, паровозы и прочая техника встречаются на каждом шагу, но по улицам движутся люди в последней степени человеческого падения. Громадный диссонанс между миром техники и человеческим миром. Но не только наш город, а вся Россия отличается этим диссонансом.

Эрнст Юнгер интересен тем, что он – один из немногих храбрых, получивших Рыцарский крест с бриллиантами за поведение в боях первой мировой войны. То были исключительной храбрости люди. Он последним получил этот крест и перешел в аристократию. Эту награду в кайзеровской армии получали за личную храбрость. В истории СССР тоже был орден Боевого Красного знамени, которым награждали за личную храбрость в бою. Но среди награжденных я не встречал ни аристократов, ни глубоких или хотя бы поверхностных политических философов.

Так вот, в послевоенных записках Юнгера содержится констатация: «Правительства сменяют друг друга как членики ленточного червя, но их голова, их умопостижимый характер остается прежним. Каждое новое правительство пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при этом создавать иллюзию свободы, следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда». Итак, Юнгер зафиксировал связь иллюзии свободы с полицией и пропагандой. Эту взаимосвязь я предлагаю проанализировать в целом и в отношениях между Россией и Украиной. Иначе говоря, анализ взаимосвязи здесь и сейчас существующей свободы с деятельностью полиции и пропаганды есть необходимый элемент гражданского и политического воспитания.

Но если в зале сидят квасные патриоты, обалдевшие от нынешней российской пропаганды, то они могут подумать: «Мало ли что говорил немец. Немец для нас не авторитет». Поэтому сошлюсь на записки натурального русака – Анатолия Сергеевича Черняева. Он более тридцати лет проработал в ЦК КПСС, в международном отделе. Непосредственно занимался политической пропагандой. Среди прочего высказывает такую идею: полицейская и пропагандистская деятельность выхолащивают само содержание ума. Эта констатация высказана им на основе анализа функционирования различных отделов ЦК КПСС. Каждый может прочесть записки Черняева и поразмыслить об этом феномене.

А я написал о связи полиции и пропаганды в статьях о современном российском милитаризме. В первой статье описана связь

электоральных процессов с войной в Чечне. Вот Эмиль качает головой, потому что он прекрасно знает, как была связана первая чеченская война с электоральным процессом. Нам надо создать панорамный взгляд на отношения между Россией и Украиной. Аналитик должен проанализировать несколько точек зрения. Для иллюстрации я привожу взгляды генерала, солдата и журналиста на первую и вторую российско-чеченскую войны.

Анну Политковская освещала не только первую, но и вторую российско-чеченскую войну. К взглядам военных надо подходить дифференцированно. Для оценки сегодняшней ситуации важно разделить взгляды генерала и солдата. Это различие проработано при оценке советско-германской войны. В литературной критике 1960-х гг. даже были выработаны особые концепты «правда жизни» и «правда факта». «Правда факта» или окопная правда чрезвычайно важна для оценки сегодняшних ситуаций. А в повестях писателей-фронтовиков Виктора Астафьева и Василя Быкова советские чекисты и политруки считаются хуже фашистов. Вот эту идею можно использовать при описании нынешней взаимосвязи деятельности полиции и пропаганды.

Давайте посмотрим на проблему с другой точки зрения. Можно по-разному оценивать деятельность Лукашенко по руководству Беларусью. Но тот факт, что Василий Быков, выдающийся писатель и фронтовик, вынужден был уехать из страны и жить в Германии, это нонсенс, пятно и позор для страны. Василь Быков описывал как раз реальные факты войны и давал материал для рефлексии по поводу порождаемых войной морально-политических дилемм. Он прошел войну, прочувствовал ее на своей шкуре и имел мужество писать правду о ней.

Промежуточное резюме для дальнейшего обоснования применимости кредо Гамлета к России я суммирую в одном абзаце, в котором содержится резюме анализа ситуации в работах Анны Политковской.

Россия не застрахована от возвращения к тоталитарному прошлому, армия превратилась в политическую репрессивную структуру, на территории Чечни пустил корни государственный фашизм, пророщенный даже в семейные отношения. Что это такое? Это когда здоровые люди совершенно не заботятся о своих родных и близких. Политковская описывает множество фактов, когда люди бросают своих стариков на произвол судьбы. Но ведь такое отношение к старикам не является новым, его во множестве описывают авторы

XIX в., когда дают без прикрас реальную картину крестьянской Руси. Эти вещи происходят сегодня, они получили массовое распространение в мирном состоянии общества, как в России, так и в Украине. В России утвердилась такая демократия, когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей, российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом, заключает Политковская, власти не в состоянии изменить ситуацию в стране. Наши граждане совершенно не верят, что государство способна на что-то доброе в отношении своих граждан.

Второй шаг связан с анализом процесса распада страны, я это называю «войны в системе центр-периферия». Здесь интересны отличия первой российско-чеченской войны от второй – или так называемых «контртеррористических спецопераций». Подобные операции проводили в Абхазии, Северной Осетии, Крыму, теперь в Восточной Украине. Я имею ввиду, что в первой чеченской войне существовала возможность для разных источников информации. Существовали правозащитные организации, которые имели доступ к самим событиям. Во второй чеченской войне этого уже почти не было.

Вот я взял книгу – справочное пособие обязательств ОБСЕ в области человеческого измерения. Это кодекс, там собраны все международные юридические документы, с помощью которых мы можем оценивать эти процессы. Соответствует ли этим обязательствам спецоперации, проведенные Россией после 2000 года? Вопрос риторический. Можно сказать совершенно определенно, что нам предлагают по телевидению только один взгляд на вещи – официальную точку зрения, да и то не всю. Исходной информации мы не имеем. В период распада империй при осуществлении спецопераций происходят типичные нарушения прав человека в России и Чечне. Надо также сопоставлять деятельность военных и паравоенных формирований, то что может называться «ополчением» и вокруг которого может крутиться информационная политика. В Чечне «народным ополчением» считались прокремлевские силы. Сегодня аналогичные ярлыки лепятся на формирования, действующие в Славянске, Краматорске и т.д.

Всю эту проблематику я предлагаю анализировать с помощью концепций превращенного сепаратизма и колониальной войны.

Марк Ферро, один из известных современных историков, был Директором института изучения Восточной Европы. Его книги переводят в России. Его «История колонизации» до сих пор не переведена. На основе сравнительного анализа политики колонизации, которую проводили все европейские страны, включая Россию, он разработал концепт превращенного сепаратизма, который позволяет глубже рассмотреть природу войн в системе центр-периферия и интерпретировать факты и тенденции. Я сейчас не буду подробно рассказывать про концепцию превращенного сепаратизма и колониальной войны. Меня всегда больше интересует применение концепций здесь и сейчас. Как можно применить эту концепцию для оценки процессов в системе центр-периферия?

Дело в том, что большинство людей заинтересованы в использовании вершины власти и всего иерархического аппарата в интересах той или иной территории. Люди обычно внедряются в эту систему, чтобы незаметно пробраться наверх и принимать решения, которые дают преимущество определенным ведомствам, местностям, нациям, профессиональным группам и т.д. Это наблюдение может быть применено не только к первой и второй российско-чеченской войне, но и к стремлению вершины иерархии восстановить прежние иерархические отношения между Россией и Украиной. С этой точки зрения термин «контртеррористическая операция» весьма дискуссионен. Но самое интересное, что информацию в подтверждение мы можем получить из исторических источников. Мы живем на Дону, в непосредственной близости с Украиной. Полезно прочесть мемуары генерала Полякова, начальника штаба генерала Краснова. У него можно встретить аналогичные рассуждения.

В самом начале борьбы с советской властью на Дону (1918 г.) возникали не красные, а белые партизаны. Они претендовали на самостоятельность. Чернецов был один из белых партизан, он сам отряд организовал свой отряд для борьбы с возникающей советской властью. И генерал Поляков описывает, как возникающие командиры отрядов белых партизан очень ревниво относились к другим соседним командирам таких же отрядов. Они не хотели подчиняться такому же командиру, который создал такой же отряд. Вот этот инстинкт иерархической власти проявлялся даже в боевых условиях. Возникающие командиры белых партизан стремились вступить в контакт с центральной властью. Казалось бы, самостоятельная организация отряда для борьбы с возникающей советской властью было итогом свободного волеизъявления. А на деле оно было связа-

но с укреплением и воспроизводством властно-иерархических структур. Стремление вступить в контакт с центральной властью М. Ферро называет превращенным сепаратизмом. На основе так называемого свободного волеизъявления непосредственных участников событий воспроизводится гигантская система иерархической власти. Вот к чему привели действия наших прадедушек и прабабушек на казачьем Дону. А сегодня тот же процесс идет под флагом «добровольных формирований». Мне пока еще не приходилось встречать исследований процессов вербовки в эти структуры.

Если бы я дальше говорил про Украину, то сказал бы о необходимости обобщения тех публикаций, которые противостоят точке зрения, навязываемой СМИ. Я имею в виду прежде всего статью Владимира Пастухова «Украинская революция и русская контрреволюция», публикации Анатолия Стреляного, публикации одесских журналистов, европейских и т.д. Информационный массив должен быть совершенно другим, а не тем, что нам предлагают российские СМИ. Вслед за Александром Бовиным я их называю «средствами массового оглупления». Массовое оглупление мы можем детально описывать на основе той информации, которую нам вдувает в уши пропаганда. Необходим поиск совершенно другой первичной и многообразной информации, которую можно использовать для противодействия официальной точке зрения на события.

Э.А. Паин: Я прямо воспользуюсь этой методологией и расскажу про Россию и Украину. Методологически нас научил Виктор, что надо подойти к ситуации с точки зрения панорамного взгляда и осветить разные концепции. Первый выступающий осветил официальный взгляд на современную ситуацию. Что это за концепция? Ее можно выразить словами М.Ю. Лермонтова «Мы долго молча отступали». Это взгляд на ХХI век мозгами ХIХ века, при котором все развивается следующим образом: формируется сильный игрок – США и Европа; они развивают свою экспансию, захватывают все новые и новые территории; Россия все это время молча уступает; наконец, она ударила кулаком и говорит: «Нет братцы, хватит. Паршивой овце мы ноги оторвем. Много оторвать мы не сможем и не надеемся, но хоть что-нибудь себе урвем и выхватим». Это одна концепция.

Вторая концепция названа не была, но методологически была обозначена. Это концепция Гамлета, Чаадаева, Герцена, Сахарова, Политковской и др. Это концепция людей, которые говорят: «Мы любим Россию и хотим, чтобы лучше ты стала». Т.е., они не говорят

«Я люблю свою страну и пусть она летит в пропасть», а говорят «Если уж я её люблю, то что-то не то в ней происходит, поскольку она превращается в придаток мировой системы». Вчера Слава Иноземцев рассказывал нам о том, что, в отличие от Советского Союза, у которого нефтегазовый комплекс составлял 18%, сегодня бюджет России на 60% зависит от нефтегазового комплекса. Остальной мир развивается в сторону индустриальной и постиндустриальной экономики, в России происходит мощнейшая деиндустриализация, экономическая и политическая архаизация. Вчера эту концепцию обозначил Иноземцев, это концепция конфликта между Севером и Югом, модернизацией и архаикой. В этом смысле Майдан – это происки проклятого империализма, подкупленных агентов, которые сотнями умирают за деньги, за три рубля или тридцать серебряников.

Но есть иная точка зрения: выходят на Майдан потому, что достали, что так дальше жить нельзя. Уровень коррупции на Украине такой же, как в России. При таком уровне коррупции больше жить нельзя. Больше пятиться назад не только в политическом, но и в социально-экономическом, – это значит падать вниз до стадии неолита. И рано или поздно разумные люди выходят и говорят: все, возвращайте конституцию, раз назвались демократией, давайте и будем ею.

Так вот, вторая концепция – это спор север-юг, спор модернизации и архаики. И здесь понятно, на чьей стороне будут те силы, которые говорят: моя страна лучше, потому что она права, и те силы патриотов, которые говорят, чтобы моя страна стала лучше.

Таковы две существующие концепции. Параллельно возникает ситуация, при которой полагают, что война даст подъем, она входит в официальную концепцию, идея того, что ситуация санкций будет стимулировать этот подъем. Данный тезис не выдерживает ни малейшей критики. По той простой причине, что огромный ресурс интеллектуальных и экономических изменений изменений не прибывает, а его убивают. За несколько месяцев в оттоке мы потеряли больше средств, чем за прошлый год. И с помощью чего мы будем индустриализировать? Вчера Иноземцев сказал, что только на трансформации направлений нефтегазовых магистралей мы потеряем до трети выручки. Он сказал, что цены, которые предложил Китай, на 30% ниже европейских. И это при существующем экономическом напряжении. Да притом, что по сравнению с Олимпиадой восстановление Крыма потребует огромных затрат. Значит, две олимпиады в один год, плюс отток капитала плюс переориентация

экономики, – все это очень серьезно. Но для нас существенен не сам Крым, а то, что происходит внутри страны. Внутри происходит рост цензуры, принимается ряд законов, при которых по сути закрываются фейсбук, твиттер и скайп.

А теперь дам оптимистический финал из области истории. Вчера прочитал в Интернетовском издании «Русская планета» статью моего аспиранта. Начинается она так: полтора года назад мой научный руководитель Эмиль Паин сказал, что «начинается период политической реакции». Ну, сказал и сказал, а до него сотни людей это говорили. Но я, говорит мой аспирант, задумался: что это за термин «политическая реакция», когда его начали впервые употреблять в России, в какие исторические моменты? И он сказал интересную вещь: это исследование очень оптимистическое, всем известно, что политическая реакция когда-нибудь заканчивается, и я начал разыскивать, когда впервые это слово начали употреблять. И описанная моим аспирантом картина меня действительно воодушевила, потому что это описание нашей нынешней ситуации действительно историческими красками.

Оказывается, впервые этот термин был использован в публицистике и в научной литературе в период так называемого «мрачного семилетия», который начался после 1848 года, после «весны народов» в Европе. Впервые термин «весна народов» начали использовать в XIX веке, а не сейчас, когда описывают весну арабскую, русскую и т.д. И точно также «оранжевая революция» сильнейшим образом насторожила тогдашнего президента Николая I.

В.П. Макаренко: Не президента, а царя.

Э.А. Паин: Да что ты говоришь? Президента – и буду на этом настаивать. Более того, просто фамилии были другие, а вся система фигур была представлена. Николай I пришел к власти в момент выступления декабристов, поэтому он к весне народов отнесся с повышенным вниманием и резко увеличил цензуру. Был создан секретный цензурный комитет, который получил чрезвычайные полномочия. Дальше оказалось, что наши Сурковы, Кургиняны, Дугины просто имели другие фамилии: Уваров, Меншиков, все графы да князья, а так просто все один к одному, даже внешне похожи. И дальше все стало понятно. Только назывались они иначе.

Главный редактор «Отечественных записок» похож на редакцию «Эхо Москвы». Рупор либеральной идеологии был вызван в III отделение, и божился и крестился: «Да я русский, эту Европу терпеть не могу», и он всегда хранил преданность и верность отечеству

и его величеству. Тут же в своих «Отечественных записках» написал страшный донос на Белинского. Дело в том, что донос был написан на следующий день после смерти Белинского, т.е. кощунство было совершенно и в этом процессе. А редактора журнала «Современник» Некрасова посадили в систему иными методами. Над ним начали процесс экономического давления, после чего он потерял 4 тысячи рублем серебром, что по тем временам был полным разорением, аналогично тому, как случилось с нашим Навальным. Петрушевского за политическое выступление присудили к смертной казни. Впервые за долгие годы процесс набирал обороты. Главной темой всех изданий был патриотизм. Именно в это семилетие распространился термин мракобесие. Что он обозначал? Ровно тоже самое, что и сегодня, один к одному. Борьба с Западом, который наступает, а мы долго отступаем. Все это привело к закону о закрытии всех университетов. Даже граф Уваров написал царю: если все закрыть, то мы так поможем только врагу. Народ обозлится, крепостные не считались народом, народ пойдет в оранжевые революции, пойдет на Болотную, на площадь Сахарова пойдет, только там были другие названия. Так что (*обращаясь к В.П. Макаренко*) ты меня перебивай, не говори, что это не президент, а площадь не Сахарова.

В.П. Макаренко: Тогда князь Ширинский-Шихматов написал, что «польза от философии не доказана, а вред возможен».

Э.А. Паин: Он сказал это позже. Вначале князь Уваров написал записку, на основе которой сняли Бутурлина, вместо него назначили князя Ширинского – Шихматова главой этой структуры. И закрыли не все университеты, а только философские отделения. Так что вашу философию народ всегда не любил, всегда считал её рассадником крамолы. А его величество решило, что без нее обойдемся. Но давайте перейдем к нашему времени, которое положило конец мрачному семилетию. Война вначале называлась вовсе не Крымской, а Восточной. Была обычная русско-турецкая война, причем изначально царь рассчитывал, что Европа его поддержит, потому что он предложил странам Европы разделить в конце концов умирающую Османскую империю: нам Босфор с Дарданеллами, а вам все остальное. Но Запад, который был всегда русофобским, не пошел на это милое предложение. Вместо того, чтобы сообща с Россией разделить Османскую империю, вместе с Османской империей перешел в наступление и высадил корпус в Крыму. И только Австро-Венгерская империя, которая спаслась армией от бастующих ре-

волюций, заняла, как положено, в Совете Безопасности того времени нейтралитет.

И дальше все по плану, Крымская война закончилась тем же, чем она закончится сегодня. Мировая экономическая изоляция, тогда Севастополь ушел, а сегодня пришел, но сути дела это не меняет. После мрачного семилетия произошла либеральная революция, которую историки сегодня оценивают как прыжок через тысячелетие. После мрачного семилетия произошла либеральная революция Александра II. Не просто отмена крепостного права, а установление системы законодательных актов, появились земства, появилась зачатки парламентаризма в местных земских органах. Недавно вышла книжка «Конец или начало истории?». Авторы пишут, и я с ними согласен, что тот корпус изменений в России после Крымской войны при другом развитии произошел бы через тысячу лет. Но я думаю, что сегодня семилетия не будет, сегодня год идет за два, примерно года через три–четыре Крымская война закончится. Как писали в мое время, Крымская война обнажила всю гнилость царского режима и всей системы. А постольку все повторяется, вплоть до фраз, то тоже будет сказано, что эта геополитическая авантюра обнажила всю гнилость политической системы, которая взята из XIX века и перетащена в XXI век с помощью сугубо затратных мер.

Кстати, когда началась Восточная война, в России тоже был необычайный прилив патриотизма, но, может, нынешний подъем патриотизма не сопоставим с тогдашним. Тогда старушки кричали ура и в воздух чепчики бросали, все было весело и знаменито. Но прошло два года и настроение изменилось. Тогда пенсии не то что мало платили, их вообще не платили. Но общий экономический климат был таков, что стало ясно: при такой ситуации паровозов и железных дорог не настроишь, поэтому мы проигрываем войны. И ружья нужны другие, а главное – социально-экономические и политические отношения надо радикально поменять. Основным исследователям той компании, которая ведется сегодня в России, это совершенно ясно.

Еще раз повторю: для изменения потребуется не 7 лет, а 3–4 года. Это время потребуется для прояснения ситуации. Все прошлые попытки модернизации экономики надо реанимировать и развить. С ситуацией дефолта 1998 года она не имеет ничего общего. Это совершенно разные состояния. Там имело место экономического разогрева, потом отсева, сегодня же происходит отказ от экономически развитого рынка и переход к палке-копалке. Значит, этот переход,

эта система перенапряжения экономических сил показала полную несостоятельность системы управления и системы связанных с нею отношений. Индустриальный рост сегодня не создашь с помощью ГУЛАГа, нужна инициатива, а сегодня она подавляется. Все отмечают, что никогда за прошедшие 25 лет климат для бизнеса не был так неблагоприятен, как сегодня. Я питаю оптимистическую надежду, что история повторится дважды, а случай с либеральными реформами не повторится в виде фарса. Вот и все. У меня есть и частные конкретные соображения, потому что я эту тему изучал много лет. Если будут вопросы, я могу на них ответить. В том числе на вопрос: чем Чечня отличается от Юго-Востока Украины?

Реплика из зала: Спасибо за новый взгляд, очень интересно, мы по телевизору получаем иную информацию, здесь же новая информация.

Э.А. Паин: Какая же она новая? Ей уже полтора века.

М.Е. Трофимов: вот буквально вчера я с поляком беседовал, который приехал из Киева, и он сказал, что в Крыму по результатам социологических исследований киевских фондов около 60% населения хорошо воспринимают Россию и готовы к ней присоединиться. Какие цели были у Крыма при присоединении к Российской Федерации? Защита – это внешняя сторона, а может там есть и другие причины? Как быть с тем, что большинство населения желало и желает быть в составе России?

Э.А. Паин: Понятно, я могу ответить на все вопросы и даже добавить. Я проводил исследование в Крыму и могу сказать, что Крым всегда был более русским, чем остальная Россия. В период, когда он был частью Украины, ни в одном городе России вы бы не увидели на балконах русские флаги. В Севастополе это сплошь и рядом, не просто в городках Черноморского флота, но в обычных домах на балконах висели российские флаги. Конечно, Севастополь – военноморская база, он отличался от всех остальных городов.

Второе. Мы проводили исследование фактора крымско-русской печати. Она была единственной в СССР, которая в 1990-е годы отказалась от перехода от обычного оборота «на Украине» к обороту «в Украине». Все остальные органы печати, в Казахстане, в Грузии, лишь приказали писать «в Украине», «Тыва», «Кыргызстан», мгновенно перешли к этой форме. А крымская печать не переходила. Почему? Есть интересные исследования Хендерсона, это известный этносоциолог. Он показал, что часть крупных этнических массивов, особенно тех, которые являлись лидерами в метрополии, попадая в

условия, когда они воспринимаются как чуждые, пытаются психологически-компенсационно усиливать свою принадлежность к бывшей метрополии. Это не шутка: русские в Крыму были большими русскими, чем в большей части основного массива России. В этом смысле у меня нет ни малейшего сомнения. Поэтому мне не нужны другие исследования, у меня нет никакого расхождения, притом, что я критически отношусь к официальной позиции и к желанию значительной части крымчан.

Дальше. Я участвовал два года в так называемом крымском диалоге, имел возможность встречаться и общаться со всеми представителями общин Крыма. У меня достаточная информация, какая ситуация была в Крыму до момента присоединения. Каково мое отношение к этой ситуации? Я решительно против определения «право нации на самоопределение», особенно когда его использует Российская Федерация. Потому что надо больше делать, чем использовать этот термин. Особенно, когда одни и те же люди используют его производно от конъюнктуры. Например, мой давний оппонент академик Тишков во время войны с Чечней трактовал право наций на самоопределение в одну сторону, а в случае с Крымом в другую сторону. Мы тут заботимся о праве крымской нации на самоопределение, и не думаем о праве чеченской нации на тоже самое. Для этого надо быть совсем пьяным или сильно уколоться. Мы часто говорим о двойной морали и двойных стандартах Запада, но тут речь уже не о двойных стандартах. Тот же самый Лавров в один и тот же день говорит, что нельзя политическими и военными средствами идти против мирного населения в чужой стране, но едва объявили контртеррористическую операцию в двух районах Дагестана – говорит совершенно другое. Хоть бы подождали пару дней.

Еще раз говорю: мы живем в ситуации сказочного мира, когда в одном стакане и флаконе можем смешать грешное и праведное, белое и черное, не заботясь ни о каких моральных нормах.

Теперь отвечу на вопрос, что нужно было делать? История и мировая практика знает ответ на этот вопрос, его дал Южный Тироль. Это автономия в составе Италии, в которой большая часть населения австрийцы, говорящие на немецком, ощущающие себя даже не австрийцами, а тирольцами. У них свои национальные традиции, обычаи и т.д. Это длительная историческая проблема смешанной территории, где в городах больше итальянцев, а в сельской местности больше австрийцев. Все закончилось подписанием мирного договора между двумя странами. Ни одна страна не может воз-

разить в связи с нарушением каких-либо правовых норм. Они договорились о целом ряде условий, на которых обе стороны подписали статус этой территории в составе Италии, а могли бы и в составе Австрии. Все стороны защиты прописаны железным образом.

Если бы подписали такой договор, я бы говорил друзьям из Киева: «Да господи, ребята, вас спасли, да передайте вы эту территорию, честно, спокойно, и эти 15 миллиардов вам бы дали, которые обещали, и еще под какие-то выгоды, да без проблем, никакой войны, никаких зеленых человечков, никакого спора с миром, не надо опять закрываться, не надо опять объявлять». Но дело в том, что для России объявление войны Западу было важнее Крыма. Крым – это так, для массового спроса, для тех, кто чепчики бросает. А главное достижение было: «мы им показали», «мы тихо, молча отступали, теперь мы им дали, мы им показали». Хотя все только начинается, какое «показали», только начинается Крымская война, как это было 150 лет назад. Она началась не с объявления и не с начала распада Османской империи. Она началась с того, что обозлили весь остальной мир. Теперь и у Запада есть свои интересы. Там тоже есть военная бюрократия, которая сейчас счастлива, потому что может требовать повышения военных расходов, увеличивать часть бюджета на армию и т.д. То-есть, сейчас только Россия включила механизмы раскрутки военного маховика.

Но если Россия даже в первой половине XIX века уже не могла жить отдельно, то сегодня в глобализованном мире, с провальной экономикой, кому это будет интересно? У нас около трех миллионов людей, которые имеют только вид на жительство в западных странах. А с теми, кто имеет собственность в загранице – это уже десятки миллионов. И кому будут интересны те, что будут работать в Ростовской области? И как он будет вставлять свою карточку в Вашингтоне или на пляже в Турции? Сейчас число выезжающих в Турцию в пять раз превышает число желающих не то что в Крым, но и в старые наши курорты. И попробуйте тронуть их, это они сегодня говорят «мы потерпим». Но тех, кто говорит «потерпим», и раньше никто не слушал, а сейчас тем более не будет слушать. А вот попробуйте у того общества, от которого здесь что-то зависит, отобрать карточки. Больше ничего не говорю, только карточки, да один фейсбук - и вы получите такой разогрев, что трех лет не надо будет.

Главное. Все уже было, была Болотная, была площадь Сахарова, но не было понятно, почему выходили. Мы вас обманули на выборах. Так разве вас первый раз обманули? Вы девочки, что ли? То-

гда не за что было бороться. Но когда отбирают, когда переводят льготы натуральные на моральные, когда Трансиб прикрывают — тогда уж точно есть за что бороться. Поэтому сегодня почему простому человеку не радоваться? Ему подарили сказку — Крым, ему говорят: нас на 2,5 миллиона стало больше, и на это деньги не потратили, никого не убили, ни одного разбитого носа, почему не радоваться? Моя теща радуется, сидит на своей лавке у дома. Моя жена то ли радуется, то ли нет, при мне нет, а так вообще да, но догадываюсь. А почему бы и нет, за копейки купили такую красивую цацку. Так что я переполнен оптимизмом.

М.Е. Трофимов: Тут правильно прозвучало, что представители Украины иногда становятся большими патриотами, чем мы с вами. Но возникает такой вопрос: можно ли с Крымом, вообще со всеми пограничными регионами урегулировать отношения цивилизованными методами? Вы привели пример Южного Тироля, есть еще Аландский пример, это территория Финляндии, в которой заселены в основном шведы, которые имеют автономный статус в составе Финляндии, которая является унитарной республикой. И тут возникает вопрос: вам не кажется, что в исторической Украине, которая стала независимым государством, была возможность выкинуть из состава Украины обозленный национальный анклав, т.е. территорию, которая плохо оценивает то, что они оказались в составе Украины? Приведу аналогию: когда в Ирландии был конфликт с Британией по поводу того, что Северная Ирландия оказалась в составе Соединенного Королевства, то Северную Ирландию оставили в составе Британии. Когда возникли проблемы в Малайзии, которая вначале была с китайским меньшинством, а затем китайцы оказались большинством в Сингапуре, то этот город выкинули из Малайзийской Федерации. И он оказался страной Сингапур. Если бы Сингапур остался в Малайзии, то политика превосходства малайцев могла бы существовать физически. У Украины был вариант: отдать России Крым сразу или дать Крыму статус широкой автономии. Но характерно, что шведов в Финляндии 6–7%, но язык шведский знают 40–50%. В Англии ситуация посложнее, она ближе к украинской, когда все знают английский язык и относительное меньшинство знает ирландский язык. Вам не кажется, что эти цивилизованные решения для Украины были намеренно саботированы тем, что в Украине тоже есть группа с архаичным сельским мышлением, совершенно дворового национализма?

Э.А. Паин: А им предлагали? У нас городское, не сельское мышление, мы им предлагали?

М.Е. Трофимов: Не думаю, что на Украине вообще этот вопрос поднимался.

Э.А. Паин: Тут есть несколько тем для профессиональных размышлений и для сентенций пикейного жилета. Начну с профессионального. Ситуация действительно очень сложная. И очень часто бытовые представления расходятся с реальностью. На беду, у нас ничему этому не учат, даже на курсах этнополитологии. Ситуация такова: в Казахстане, в Белоруссии, в Украине так называемый национальный язык был в загоне, был ничтожно слабым, причем в ситуации большинства. Не язык меньшинств, а язык большинства. Исторический опыт и технологии вам докажут со стопроцентностью закон Ома: если вы не поставите язык меньшинства, то он угасает, умирает. Вы сейчас знаете, на каком языке говорят филиппинцы? Никто не помнит филиппинского языка. Сначала у них был испанский, потом стал английский, собственный язык давным-давно не восстановим ни при каких условиях. Но таких случаев много. Кстати, на Филиппинах народу больше, чем в России.

М.Е. Трофимов: Чуть-чуть меньше. По плотности населения...

Э.А. Паин: Насколько я помню, больше 145 миллионов... Не важно, это вполне сопоставимая страна

М.Е. Трофимов: По населению сопоставимая с Мексикой: около 100 миллионов...

Э.А. Паин: Это огромная страна, у которой нет собственного языка.

М.Е. Трофимов: Там несколько языков...

Э.А. Паин: Собственный язык там умер. Язык, который мог бы стать профессиональным, был умерщвлен языком меньшинства пришлых людей. В этом смысле во многих постколониальных странах правильно ставили задачу создания политических условий для возникновения языка. Я изучал эту ситуацию на Украине. Возрождение языка там шло чрезвычайно быстро потому, что были созданы определенные социально-политические условия. Едва профессионалов-ученых заставили выступать на конференциях на своем национальном языке, он стал возрождаться буквально не по дням, а по часам. В моем родном городе Киеве украинский язык считался позором. Я потомственный киевлянин. Когда мы были молодыми, однажды к нам пришел приятель вместе с красивой девушкой.

И спрашивает: можно, я с нею приду на тусовку? Приходи, о чем разговор? «Ты знаешь, она чертиха».

В.П. Макаренко: Кто-кто?

Э.А. Паин: Мы, жители Киева, говорившие по-русски, называли чертихами деревенских, говоривших по-украински. Украинский язык был презираемым языком. В таких условиях он умер бы, как умирал казахский. Кстати, сейчас об этом никто не говорит, но в Казахстане на русском языке говорили больше, чем в Украине. Там происходили схожие процессы. Их надо учитывать при оценке суждений по поводу «защиты русских» и «пользы» от вторжения России в Крым. Что происходит сегодня в Казахстане? Чтобы не допустить такой возможности на северных казахских территориях...

М.Е. Трофимов: Столицу перенесли...

Э.А. Паин: Столицу давно уже перенесли, я говорю о непосредственных следствиях. Назарбаев и население перенес, потому что это был умирающий город, а сегодня он растет впервые за многие годы. Это отдельная тема. Я писал об этом вместе с Аузаном. Это большой эксперимент Назарбаева, чрезвычайно интересное явление. Они заселяют Казахстан казахами из Китая. Китай не допустит, чтобы у него отобрали даже пядь, поэтому Казахстан ему сейчас роднее Украины и России вместе взятых. Казахстан вместе с Китаем сегодня быстро и мощно заселяют исторически русские территории. Никакого Крыма там не предвидится. Русским в Крыму был только город Севастополь. Ни одного русского за его пределами не было, все остальное было крымско-татарским. К концу XIX-го века появилась Ялта с первыми русскими поселенцами, всё остальное было крымско-татарской территорией. А в Казахстане южный Урал – это классическая русская территория, это просто материковая Россия. Сегодня туда активно переселяют казахов из перенаселенных южных территорий. Несмотря на гигантские перемены климата, этот проект Назарбаеву удастся. Я в этом нисколько не сомневаюсь, потому что он Семипалатинск превратил в казахский город и не поморщился, а там требовалось куда больше населения. До Целинограда он назывался Семипалатинском, потом стал Целиноградом, затем Акмолинском, теперь это Акмола. Так что Казахстан вместе с Китаем будет защищаться даже от возможности Крымского сценария, попутно с вытеснением русских.

Теперь насчет Украины. Ни одна страна просто так, за здорово живешь территории не отдает. Таких дураков я не знаю. Чтобы с больной головы, с бодуна взять и отдать территорию? Так не бывает.

Такого в истории не было и быть не может. А чтобы начался процесс передачи нужно, чтобы пришел покупатель и предлагал. Если украинские националисты плохие, а мы разумные, цивилизованные, богатые, нефтью перекаченные, то придите, предложите условия, будем торговаться. Никто ж не предлагал. Короче, можно сказать, что никакой вины Украины тут нет.

Теперь насчет пользы войны. В жизни природы и общества никогда и ни при каких условиях не бывает явлений только позитивных или только негативных. Значит, от войны есть и польза. Польза от ситуации та, что Россия пугает: сейчас на Украине придет к власти правый сектор. Но правый сектор на Украине первым провозгласил: пусть идут ко всем чертям, они мешают нашему украинскому национальному развитию. Теперь правый сектор говорит: долой Донбасс. Вот как русские националисты говорят: долой Кавказ!, так украинские говорят: долой Донбасс! И это рано или поздно придет. Вполне может быть, что сам Донбасс рано или поздно не захочет остаться в Украине.

В.П. Макаренко: На Украине существует Центр Пинчука – аналог нашего Левада-Центра. Недавно он провел социологическое исследование, результаты которого опубликованы в газете «Зеркало недели». Социологический опрос показал, что примерно 60–70% населения нынешней Донецкой и Луганской области хотят остаться в Украине.

Э.А. Паин: Это не исключено, но я не верю ни в какую социологию в ходе войны.

В.П. Макаренко: Я тоже...

Э.А. Паин: Какая социология в ходе войны?! Мне показывают данные социологических исследований из Чечни. Я их даже в руки не возьму, потому что для меня это пустое место. Зато факты этнографические очевидны. За пределами Крыма на Украине ни одной административно-территориальной единицы, в которой бы преобладали русские, не осталось. На Донбассе украинцев 60%, в Днепропетровской и Николаевской областях 70%, дальше – больше. Уже по этому фактору и при нынешнем росте украинского самосознания вопрос о том, кому бы они хотели принадлежать не очевиден.

Из зала: Нет, есть разные факты. Одни воевали с немцами, а западные были вроде как вместе с немцами. Это разные украинцы.

Э.А. Паин: Я про этнографию говорю, а всё остальное очень быстро меняется. Назвать правый сектор бандеровцами очевидная глупость. Бандера при немцах сидел в концлагере. Всё довольно

быстро меняется. В 1939-м году подавляющее количество западных украинцев действительно хотело войти в состав СССР. В отличие от прибалтийцев было желание воссоединиться с Украиной. Прибалтику просто присоединили к России. А Западную Украину присоединили к Украине. И основные силы и идеи, которые формировали новую Украину со времен Ивана Франко, были именно там. Да что там Иван Франко! И Грушевский там был. Всё было сосредоточено в западной части, в Галиции. Они в принципе были заинтересованы в соединении с материковой Украиной. Но прошло всего два года советской власти на западной Украине, и они перестали быть заинтересованы. Здесь им есть много чего вспомнить.

В.П. Макаренко: Кстати, Иван Франко был сильным москвофилом. Там целая партия существовала москвофилов. Но после того, как русские войска заняли Львов и показали себя в поведении с местным населением, он написал, что входить в состав Российской империи не надо.

Э.А. Паин: Вот вам еще пример. Потом всё то же самое повторилось в 1939-м, потому что многие из тех, кто ждал воссоединения, дождался его в Сибири. Всё довольно быстро меняется, настроения переменчивы. Итак, ситуация с Крымом уникальна на Украине, в этом я абсолютно уверен. Другие территории едины по демографическому и психологическому составу. Короче, если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Кому Крым достанется в подарок, тот в этой ситуации и проиграет. Поэтому не буду говорить, кому я желаю, чтобы достался этот кусок великолепной территории.

М.Е. Трофимов: В вашем выступлении прозвучали такие термины как «язык большинства» и «историческая Россия» применительно к северному Казахстану. При этом «язык большинства» прозвучал в отношении к ситуации, в которой люди относят себя к определенному этносу, на языке которого они не разговаривают, а разговаривают на языке других. Но в украинской ситуации человек идентифицирует себя как украинец...

Э.А. Паин: Но есть понятие титульной нации...

М.Е. Трофимов: Понятие титульная нация говорит как раз о языке большинства. Вы правильно сказали, что украинский язык активно восстанавливался и внедрялся во все сферы. Но такая же ситуация наблюдалась в Северной Ирландии – там ирландский язык был практически мертв. Другой момент - историческая Россия. Действительно, территории северного Казахстана в состав России

вошли гораздо раньше, чем территории, которые сейчас входят в состав России. Я родом из Новороссийска. Это территория бывшей Черноморской губернии. Она была присоединена к Российской империи во второй половине XIX-го века, заселялась русскими с середины XIX-го века до середины XX-го века. То есть, это территория гораздо более новая и гораздо более свежая. При этом коренное население с этой территории исчезло. Любые националисты начинают прыгать вокруг территории. Идут рассуждения такого рода: это наша этническая территория и мы ляжем костями.

Э.А. Паин: Крым таковым не является!

М.Е. Трофимов: Я об этом и говорю. При этом с точки зрения националистов в 100% случаев начисто игнорируется население этой территории, которое может быть совершенно другим. Это может приводить к жестким конфликтам. Например, сербы считали Косово исторической территорией Сербии, а там было 85-90% албанцев. И всё! Ляжем костями! При этом сербы к албанцам относились так: вас здесь раньше не стояло, уходите. Это говорилось в отношении 85-90%. Такая ситуация была также в Азербайджане в отношении Карабаха – в ответ на известные движения в Армении. Такая ситуация может наблюдаться со стороны отдельных персонажей с Украины, которые представляют меньшинство. Были заявления такие: Крым будет наш или безлюдным. Теперь относительно языка большинства. В некоторых случаях радикального национализма представители народа, помнящие родной язык, перестают считать людьми представителей этого же народа, которые перешли на другой язык. Вы профессионально занимаетесь этой областью. Скажите объективно, с какого момента этническая территория становится нормальной, с какого момента язык и национальная идентификация становятся вдруг родными? Почему я спрашиваю? Потому что многие современные крупные народы получили свой нынешний язык путем языковой замены.

Э.А. Паин: Не многие, а все!

М.Е. Трофимов: Я согласен, практически все. Например, большая часть населения Турции и Азербайджана происходит от людей, которые не были носителями тюркских языков. А сегодня у них тюркский язык является официальным. И такая языковая замена происходила неоднократно. Возникает вопрос: с какого момента навязанный язык становится родным?

Э.А. Паин: Очень ясные вопросы. У меня есть курс, в котором я рассказываю, как меняется язык. Как кельтский язык становится

французским. Как французы и англичане когда-то говорили на кельтском языке. У одних он сменился на романский, у других на германский. Между прочим, французы и англичане – близко родственные народы, но тренды развития у них были разные. Этногенезис наций – бесконечный, неостановимый и вечный процесс. Культурные процессы тоже вечные и неостановимые. И русский язык, который сегодня существует, совершенно отличается от того русского языка, который существовал тысячу лет назад. Сегодня вам легче понять английский, чем тот язык, на котором была написана «Повесть временных лет». Абсолютно вы не сможете ее прочитать, это официальный предмет палеографии, которая изучает древние тексты. Этот процесс бесконечно меняется. Невозможно установить время, когда кончается одна и начинается другая языковая традиция. Потому что это происходит не у всех сразу. Сначала у элит, потом у широких слоев, в крупных городах, потом в малых городах, и так далее. Границу провести нельзя. Мои учителя начинали курс этнографии с побасенки: если человек пойдет по Земле и обойдет её вокруг, то он никогда не сможет определить, где граница того, что кончился один и начался другой язык. Это просто физически невозможно сделать, потому что существует огромное количество переходных языковых практик.

В.Ю. Попов: Я хотел высказать несколько соображений, которые мне кажутся важными. СМИ заняли сугубо пропагандистскую позицию в освещении событий. Это сильно повлияло на нашу общественность. Она разделилась на тех, кто воспринимает эту пропаганду и на тех, кто не может ее принять даже с эстетической точки зрения. Люди знают и понимают, что ситуация совсем иная, а СМИ показывают её в другом свете. И каждый отдельный пункт, вокруг которого развивается пропаганда, заслуживает пристального профессионального внимания и разбора. Например, сегодняшние сторонники Майдана маркируются как бандеровцы. Почему используется термин, вытасченный из пыльного сундука советской пропаганды? Ведь хорошо известно, что после первой мировой войны на территории Восточной Европы после распада Австро-Венгрии и изменения границ образовалось другое государство. Наверное, такого же итога ожидали некоторые политические деятели после Второй мировой войны. И они вполне могли надеяться на то, что появятся какие-то новые государства, в том числе независимая Украина. То есть, это нормально, потому что двадцать лет прошло с окончания первой мировой войны, даже меньше...

Вопрос из зала: На основании чего они могли надеяться?

В.Ю. Попов: На основании того, что большая война могла привести к размыву границ. Если смотреть панорамно, то с исторической точки зрения Бандера и все националистические движения понятны. Понятно и другое. На территории оккупированной Украины, Белоруссии проживали целые семьи. При такой ситуации обычный человек не может партизанить, не может уйти в лес, потому что у него дети. Детей в лес не увести. Мы знаем, что партизанские отряды – это были хорошо подготовленные военные спецы...

В.П. Макаренко: Не всегда...

В.Ю. Попов: Да, не всегда. Потому что местное население тоже вливалось в партизанские отряды. Но если большая семья, то выбора практически не было. У меня жена с Западной Белоруссии, она хорошо представляет как обстояло дело, по рассказам её деда – партизанского активиста и командира. С большой семьей уйти в лес невозможно, потому что семья погибнет. Когда советская власть восстановилась на Западной Украине и в Западной Белоруссии, многие люди были репрессированы просто по факту проживания на оккупированной территории. Именно тогда советская власть использовала термин бандеровцы для того, чтобы вести идеологическую и военную борьбу с населением. А сейчас он неуместен, потому что люди используют портреты Бандеры, а это свидетельствует просто об их ограниченности в идеологическом и политическом плане. Здесь нужны обычные разъяснения, а не пропаганда. Ведь в советское время люди ходили на демонстрации с портретами Ленина. Но это не означало, что они хоть что-то знали из Ленина и жили по его заветам.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо, что ты хочешь сказать? Какой тезис выдвигаешь?

В.Ю. Попов: Виктор Павлович, я ни с кем здесь не полемицирую, потому что наши тезисы во многом совпадают. Я просто озвучиваю некоторые моменты, которые, как мне кажется, должны быть озвучены.

В.П. Макаренко: А зачем их озвучивать, если они и так известны?

В.Ю. Попов: Если бы остался Алексей Юрьевич, который занимает противоположную позицию, то они ему неизвестны...

В.П. Макаренко: Так он ушел.

В.Ю. Попов: Возможно, известны, но он почему-то не хочет касаться этих вопросов. Теперь по Крыму. Я выдвигаю гипотезу, кото-

рую надо хорошо проверить. Там существовали российские спецслужбы, внешняя разведка и агентура. Они находились близко к администрации Крыма. Боялись и не хотели, чтобы новая киевская власть их сместила. И потому призывали на помощь Путина. Тот же самый Аксенов выпускник военно-политической академии. Крым вообще был населен ветеранами спецслужб, военных заводов и тому подобной публикой. Им давали квартиры в привилегированном месте для проживания. Там была не Украина и не Россия, а продолжал существовать Советский Союз, советское население с советским представлением о мире. Здесь надо обсуждать особенно много пунктов.

В. Козер. Виктор Павлович, я задавал первый вопрос по поводу глубокого следа украинских событий 2004–2005 года в современных событиях. Те события известны как оранжевая революция. Наверное, на Украине всё-таки будет Запад и Восток. Я вижу только Восток, но вот этот отказ от подписания от ассоциации с Евросоюзом... Ничтожный с виду повод дал такую реакцию. Я это вижу как продолжение оранжевой революции, которая много изменила в национальном сознании Украины. Я думаю, что большого крена в сторону Востока не будет. Я это объясняю как недовольство населения тем, что Янукович не проводил необходимые реформы, как структурные в экономике, так и политические. Причем, я специально наблюдал, как Янукович рассматривал Путина как референтную фигуру, подражал ему во многом. Допустим, в России шли законы по ограничению Интернета и в Украине тоже. У меня возник вопрос: насколько опасным было такое ограничение, а также замедление в проведении необходимых реформ в России, хотя мы с Украиной один и тот же Восток? Конечно, у нас более выносливый, сильный и волевой президент, но тем не менее на Украине ситуация схожа с российской.

Есть и отличия. На выборах 2010 года в Украине Янукович победил честно, там таких подтасовок, как в России, не было. Но интересна реакция России. Путин был премьер-министром, но одновременно ключевой фигурой в руководстве России. Путин перед этими выборами заключил газовое соглашение с Тимошенко. Причем, в отличие от событий в Ливии, по этому вопросу не было серьезных разногласий в высшем руководстве России. Наши силовики тоже поддерживали эту линию. Медведев и Путин здесь выступали одним фронтом. Я делаю вывод, что в тот момент Путин был готов признать победу Тимошенко и вести с ней дела. А сейчас он к этому

совершенно не готов, поскольку поведение Тимошенко ассоциируется с определенным политическим взглядом.

Владимир Борисович Пастухов опубликовал статью «Украинская революция и русская контрреволюция» в журнале «Полис». Я ее несколько раз внимательно прочитал. Действительно, у нас есть русская контрреволюция – массовые протесты 2011–12 годов привели к ужесточению режима. С другой стороны, возвращение Путина на волне некой дестабилизации в политике увеличило отчуждение в отношениях с Западом. Была достигнута договоренность с Януковичем, ему было обещано 15 миллиардов, прошла Олимпиада в Сочи – победа и триумф воли России. Мы вложили громадные деньги в Олимпиаду, получили имиджевые результаты и вдруг опять все рухнуло.

Российская власть в совершенстве освоила имитационные технологии. События на Востоке Украины по форме напоминают Евромайдан, но они в малой степени являются стихийными. Лавров и Путин, говорят, что киевские события были проплачены ЦРУ. А теперь и Россия так делает. По данным Службы безопасности Украины 22 апреля 2014 года примерно 100 офицеров ГРУ были направлены в Донецкую область для захвата зданий. По словам Наливайченко, ГРУ создавал свои сети на территории Украины два-три года, то-есть, после событий 2010 года, когда к власти пришел Янукович. По тем же данным в районе Славянска действуют около 30 групп российского спецназа, руководитель одной из них Игорь Стрелков, полковник спецназа. В мировых СМИ эта фамилия фигурирует. В Харькове 7 апреля 2014 года группа сепаратистов захватила театр оперы и балета. Они подумали, что это мэрия и потребовали, чтобы к ним вышел мэр, а он не вышел. Российские войска в течение месяца сосредоточены на украинской границе на трех основных направлениях: в районе Белгорода группировка направлена на Харьков. Вторая группировка находится западнее Ростова-на-Дону, направлена на Донецк. Третья группировка южнее. Общая численность около 40 тысяч человек. При этом 700 единиц боевой техники: танки, бронетранспортеры, установки залпового огня.

Э.А. Паин: Ну что вы читаете версию Интернет-данных! Нам с вами надо иметь в виду, что пропаганда всегда с двух сторон пропаганда.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, вы не обратили внимание на чрезвычайно важный аспект выступления Эмиля Абрамовича: когда он начал отвечать на вопросы, он сказал: Вначале я скажу

о себе, как о профессионале, потом перейду на уровень пикейных жилетов. Он использовал иронию. А вы (*обращаясь к В.Козеру*) переводите разговор на уровень пикейных жилетов. Я завтра пойду, вытащу кучу информации и Интернета и буду ее пересказывать. Что вы на это скажете?

Э.А. Паин: Это одна из точек зрения, а не истина в последней инстанции.

В. Козер: Это не было опровергнуто российскими властями, значит, не является пропагандой. Я хотел рассказать по данным разных источников разных стран.

В.П. Макаренко: Да не надо это всё пересказывать...

В.Ю. Попов: Виктор Павлович, конечно, вы знаете больше всех остальных...

В.П. Макаренко: Версии, сценарии... Я зашел на сайт «Новости Украины», там выписаны все эти версии и сценарии. Зачем пересказывать общеизвестное...

В. Козер: Заканчиваю, не буду больше нервировать Виктора Павловича

В.П. Макаренко: Вот если бы вы обсудили достоинства и недостатки применения сценарного метода к описанию и прогнозированию событий в отношениях между Россией и Украиной, мы бы это с удовольствием прослушали. А зачем пересказывать то, что известно любому прохожему на улице?

Э.А. Паин: На круглом столе обычно поднимаются вопросы, вызывающие спор, особенно с теоретической позиции. Я принципиальный противник идеологизации и, тем более, политизации научных дискурсов. Мы с вами не являемся представителями какой-то партии. Я никогда не был членом какой-то партии, и вообще думаю, что помру беспартийным. Но это будет за пределами аудитории, а здесь у нас есть вопросы и проблемы политического, культурно-политического, социо-лингвистического характера. Нас интересуют факторы, условия, возможные следствия. Я думаю, что для интеллектуального клуба желательно оперировать научной терминологией и научной тематикой, а превращаться в политический клуб смерти подобно. Это конец науки, а не только по причине существования цензуры или запрета на обсуждение тех или иных тем. Это я неоднократно наблюдал, когда можно политически заболтать, уничтожить любое научное дело. Поэтому я согласен с Виктором.

В.П. Макаренко: Я это уже сто раз говорил на наших различных встречах и ругался многократно.

М.Е. Трофимов: 11 мая Донецкая республика хочет провести референдум, но Киев не допустит того, что было в Крыму. Будет ли Россия переходить границу, чтобы защитить Донецкую республику?

Э.А. Паин: В теоретическом плане я могу сказать, что некорректно поставлено сравнение. Чтобы на Донбассе провели референдум, столь же честный и объективный, как в Крыму, Донбасс должен быть уже захвачен российскими войсками. А пока он не захвачен, поэтому вероятность проведения такого же честного референдума будет намного ниже. В Крыму референдум был честный и благородный, потому что там ясно был поставлен вопрос: вы за Россию или против Украины? На такой ясно поставленный вопрос крайне сложно дать уклончивый ответ. Так или иначе, что в лоб, что по лбу, всё равно получишь в одно и то же место. А на Донбассе ситуация принципиально иная, потому что захвачены здания, а не территория, не власть, не институты, не общество. Захвачены сооружения. Завхозу это важно, у него на балансе ключи, здание подожгут, замусорят, политику это до лампочки. Никакого референдума они провести не могут. Где они его будут проводить? В здании? На баррикаде? На горящих покрышках? Не получится. Короче говоря, никакого референдума провести нельзя. До введения «зеленых человечков», чтобы обеспечить мир, порядок, спокойствие, провести референдум невозможно. Это я говорю без всяких шуток. Как можно провести референдум? Где они его проведут? Кто будет участвовать? Кому раздадут вопросы? Может быть, с автоматами будут ходить? Тогда сразу пиши результат, не надо никакого референдума. Из Донбасса бежит народ с детьми, какой там может быть референдум? Технически его провести невозможно. Это будет референдум славянского Майдана, потому что даже в самом Славянске референдум уже не проведешь. Поэтому не может быть референдума по определению.

В.П. Макаренко: Я это обозначал как тему: «электоральный процесс и война». Во время чеченской войны проводились выборы. Там эта тема была поставлена.

Э.А. Паин: Это другое, там могли провести выборы соответствующим образом, а здесь они невозможны.

М.Е. Трофимов: Вадим сказал, что в Крыму долго работали. У меня сложилось впечатление, что Эмиль Абрамович его разделяет, что структура, которая выписывала украинцев, работала во многом не благодаря российским спецслужбам, а исключительно на своих местных ресурсах. Тут во многом прежде всего инициатива

местных жителей. То есть, ситуация была больше похожа на начало и развитие процесса в Карабахе. Там процесс зарождался среди местной интеллигенции, местных людей. Россия на это дело смотрела примерно с таким же ужасом, как на Приднестровье, не зная, что делать с активистами. Потом прозвучало насчет бандеровцев. Дескать, Бандера не такой уж плохой...

В.Ю. Попов: Ничего такого не было сказано!

М.Е. Трофимов: Нет, я скажу. Возникает большая проблема: во время Второй мировой войны действовало большое количество партизанских отрядов. Они действовали по-разному и никакого централизованного командования и никакой идеологии не было: одни успели повоевать за немцев, то есть были сначала в составе полицейских частей, а потом внезапно нарисовались, стали Красной армией и получили ордена.

В.Ю. Попов: Партизанские отряды воевали, чего никогда не показывали в советском кино.

М.Е. Трофимов: В этом отношении были разные ситуации.

Э.А. Паин: О чем вы сейчас хотите говорить?

М.Е. Трофимов: Мы хотим сказать вот что: прозвучавшее в выступлении В.Козера перечисление материалов СМИ напомнило несколько так называемую политику господина Кургиняна и обсуждение, которое проводится в кургиняньских клубах. В.Козер говорил, что Россия очень похожа на США, имитирует во многих моментах поведение американцев. На мой взгляд, один из важных уроков украинской ситуации состоит в том, что на Украине СБУ использовалось для манипуляции политическим процессом, но в чем разница: на Украине СБУ контролируется значительной частью местными олигархами и значительно завязана на американцах. Российское ФСБ контролируется нашими олигархами и сильно завязано на политическую верхушку. У нас ситуация наоборот. Вот эта спецслужбистская кучка, которая активно вертит всякими, в том числе полуподпольными течениями. Когда в феврале месяце начали всплывать некие граждане, позиционирующие себя как политологи, и начали рассказывать, что они советовали Януковичу, то была такая идея: на Майдан вышли люди, которым крайне не нравится текущая украинская политика; вышли люди русскоязычные, вполне демократических взглядов, никакого националистического идиотизма; им просто надоела эта донецкая гульба и совершенно бандитские методы управления экономикой. Предлагалась гениальная

идея: запустить через кураторов СБУ националистических идиотов и обесточить все это.

В.П. Макаренко: Понятно. Можно обобщить цепь ваших высказываний как обсуждение конкретного теоретического и политического вопроса? Я его сейчас сформулирую: допустимо ли в демократическом государстве управление политическими событиями с помощью спецслужб и насколько? Какими явными и скрытыми от населения документами это регламентируется? Вот эту проблему и надо обсуждать. Мы ее сейчас не обсуждаем, а лишь попутно затрагиваем. Можно перечислить механизмы явного и скрытого управления политическими событиями. Можно описать механизмы проведения спецопераций в период перестройки и после. В общем виде эта проблема поставлена Г.Дерлугьяном, но он делает существенную оговорку: это можно будет сделать после того, как будут опубликованы соответствующие документы советских и российских спецслужб. Есть и разнообразная военно-политическая литература, это рассказано...

В.Ю. Попов: Это вам известно!

В.П. Макаренко: Это мы здесь не обсуждаем. Но чтобы обсуждать тему, достаточно прочесть книгу Роберта Даля «Демократия и её критики». Там поставлен и детально обсуждается вопрос: когда и при каких необходимых и достаточных условиях для развития демократии надо поставить армию и спецслужбы под контроль явных гражданских и политических структур и институтов? Вот это реальная и острая с политической и теоретической точек зрения проблема.

Э.А. Паин: Да, это правильно. Есть функциональные и конституционные меры, с помощью которых вы можете обеспечить и контроль над спецслужбами и исключить возможности манипуляции общественными настроениями. Но что я сейчас вижу в этом зале, а не вообще? Я вижу, что в зависимости от идеолого-политических установок одна та же теория заговора то критикуется, то используется. Если о ком-то говорят, что они подкуплены ЦРУ, что они агенты МОССАДА, и так далее - это будет неправильно. Когда мы говорим, что события в Крыму были сделаны ГРУ, то мы воспроизводим ту же схему.

В.Ю. Попов: Нет, мы говорим о том, что у нас не будет вменяемого политологического анализа, если мы не учтем фактор влияния спецслужб на события.

В.П. Макаренко: Я же начал свой доклад с того, что надо использовать различные источники информации! Говорил о связи полицейской и пропагандистской деятельности. Сегодня мы наблюдаем ее каждый день.

В.Ю. Попов: Всё дело в том, что так называемое вскрывание, герменевтика идеологических маркеров зависит от того, кто и зачем их использует. Оно доступно не всем. Потому что существует иллюзия гносеологического единства людей, что они мыслят одинаково.

В.П. Макаренко: Эту иллюзию давно опровергла социология познания.

В.Ю. Попов: И все-таки она существует, я даже скажу, что она проявляется на нашем круглом столе. Для чего он нужен? Чтобы каждый смог ещё и уточнить свою позицию, если она была неправильно понята. Я считаю, что во многом все позиции поняты так, как хотел выступающий. Вы допускаете, что исходя из своих аннотаций вы можете воспринять полученную информацию в данный момент несколько иначе, не так, как вам ее представляют? Ведь мы допускаем, что можем понимать друг друга неверно, хотя на деле думать и оценивать ситуацию схожим образом. У нас сейчас возник непонятный конфликт за круглым столом, хотя остались люди со схожей позицией по всем этим событиям. И эти тонкости для меня как для исследователя наиболее интересны. Когда есть несогласия между примерно одинаково мыслящими людьми, то это для науки принципиально важно. Для какой-нибудь партии или политической программы такие разногласия смерти подобны, а здесь они должны стать объектом рассмотрения.

Э.А. Паин: Если люди, сидящие в конце стола, имеют общие позиции, то надо учитывать, что один из них географ, другой бизнесмен-экономист, третий политолог и т.д. Действительно, эта тема была обозначена, но не обсуждена. Хотя различие подходов уже проявилось. Один говорит: дело не в СБУ, может, они бежали по тем же причинам, по которым бежали из Карабаха. И я должен сказать, что мне ближе эта точка зрения, потому что я не философ-концептуалист. Я могу сказать, что ни СБУ, ни ФСБ не могут руководить процессами, которые практически всегда происходят, например, демографическим перераспределением населения. Эти примеры можно умножить. Поэтому тезис «Дайте нам на час источники информации – и мы перевернем мир» является глубочайшим заблуждением.

В.П. Макаренко: Я сегодня утром прочел в «Русской планете» статью С.Простакова о параллелях между генезисом Крымской войны 1853-1856 годов и ситуацией в сегодняшней России. Эмиль Абрамович сказал, что между данными ситуациями есть ряд элементов сходства. Возникает методологическая проблема: насколько оправданы исторические параллели и аналогии? Но мы сейчас не готовы обсуждать эту тему. Хотя параллели, безусловно, есть. Факт поражения России в Крымской войне привел к реформе 1861 года. Она дала толчок процессам, которые сегодня оцениваются высоко...

Э.А. Паин: За несколько лет после Крымской войны Россия прошла тот путь, который разделял Россию и Европу тысячу лет.

В.П. Макаренко: Да, но не является ли такая оценка типичным преувеличением данного факта? Едва мы говорим «тысячелетний процесс», возникает вопрос: почему Россия отменила крепостное право только в 1861 году, когда оно уже было отменено в Европе? Какие проблемы создало это запоздавшее решение и для России и для самой системы сравнения? Для ответа требуется конкретное историко-сравнительное исследование общего процесса отмены рабства и крепостничества во всех странах мира. В этом процессе решение Александра 11 является простым заимствованием того, что уже имело место в других странах. С этой точки он не был освободителем, а политической обезьяной и попугаем. Все идеи списал у М.М.Сперанского. В своих книгах я показал, что эпитонство – существенный признак поведения и мышления политической бюрократии. В любом случае история России не является критерием для оценок. Но нельзя отрицать того, что Крымская война дала толчок определенным процессам. Я об этом уже писал и не раз говорил, сейчас просто повторяю.

В середине XIX века Россия бесславно проиграла Крымскую войну. В 1905 году громадная Российская империя бесславно проиграла войну Японии – маленькому островному государству. В 1918 г. Россия проиграла Первую мировую войну. В польско-советской войне 1920 г. советская власть впервые использовала национальный фактор, но опять же проиграла ключевую битву под Варшавой. Наша доблестная Первая конная армия была разгромлена. В 1921 г. был подписан Рижский трактат, по которому западная Украина и Белоруссия отошли к Польше. Если просчитать относительные безвозвратные потери во время советско-финской войны 1939–1940 гг., то СССР тоже проиграл эту войну. Холодная война тоже была про-

играна. Короче говоря, за 150 лет Россия проиграла ряд сражений и войн небольшим государствам, несмотря на полную смену политического строя в 1917 г. В чем причины этого процесса? С этой точки зрения не является ли захват Крыма историко-политической ностальгией по временам Екатерины II – то-есть, разновидностью политического эпигонства, отбрасывающего страну на двести с лишним лет назад? Надо дать ответ на эти вопросы.

Дальше. Если судить по книжному рынку, то после 2000 года в России происходит реабилитация войны. Войне все более приписываются некие «вечные» антропологические характеристики. Тогда как социально-исторические и политические отодвигаются в тень. Но в результате не только снимается ответственность с виновников войн и инициаторов спецопераций. Даже простое осуждение войны как источника человеческого горя и страданий затушевывается. Советско-германская война рассматривается не как трагедия десятков миллионов людей, а как источник легитимизации нынешнего политического режима и его главных институтов. С когнитивной стороны можно обсудить также книгу ван Кревельда «Трансформация войны». Я обратил внимание, что книга академика Тишкова о первой российско-чеченской войне тоже, в основном, построена на антропологическом материале...

Э.А. Паин: Она и сделана по образцу книги ван Кревельда.

В.П. Макаренко: Для Тишкова полевые антропологические исследования являются критерием истины. В то же время из этой книги я узнал, что по сравнению со всеми другими советскими республиками Чечено-Ингушетия была наиболее наспигована агентами спецслужб, но ситуацию развязывания войны они упустили из-под контроля. Вот конкретная научная и политическая проблема, которую мы можем обсуждать. Могут ли быть полевые исследования и методы интервью критериями политической истины? Профессор Паин тоже поставил конкретную проблему: какова адекватность социологических исследований в состоянии войны? Еще здесь ставилась проблема двуязычия в Украине. Возникает вопрос: насколько язык тождественен факту политического существования этноса или государства? Для меня этой проблемы не существует. С момента рождения до 13 лет я жил на Украине, рос в двуязычной среде. Русский и украинский язык использовались одновременно как совершенно не конфликтующие, а взаимодополняющие. Рядом жили польские семьи. Никаких языковых проблем не существовало.

Но социальные и политические проблемы накапливались. В «Истории моего современника» Владимира Галактионовича Короленко описаны типы российского чиновника, польского шляхтича и украинских предшественников Петлюры. Эмиль Абрамович прекрасно знает, что в начале XX-го века поляки были ведущим культурным сообществом в Киеве. Одновременно там начали возникать газеты типа «Киевлянина» и идеологи типа Шульгина. В этой среде выросла В.Г. Короленко. И что же он говорит, какое кредо формулирует в результате описания истории становления себя как человека сознательного? Он говорит: моя родина – русская литература. То-есть, родины как некой привязки к месту, языку и идейно-политическим течениям русофильства, полонофильства и украинофильства для него не существует. Потому что он одновременно знал русский, украинский и польский язык и литературу. Я это тоже знаю. И мне смешно, когда я сегодня вижу превращение языка в территориальную и политическую проблему. Значит, настаивающие на ней хотят извлечь какие-то дивиденды, что само себе подозрительно. Проблема в следующем: к каким политическим (положительным или отрицательным) последствиям приводит связь языка с территорией? Если мы опишем эту цепь последствий, она может составить предмет рефлексии.

Эмиль Абрамович поставил также проблему использования этнического фактора в принятии решений: там русских бьют, а мы введем армию в Крым. Когда я был студентом и аспирантом, тогда отношения между СССР и Китаем были недружественными. Наши пропагандисты говорили, что Китай использует хуацяо (этнических китайцев) для продвижения своих имперских целей во Вьетнаме и других сопредельных государствах. Сегодня аналогичную аргументацию мы слышим от президента, подпевающих ему «думаков» (так мой бывший студент назвал нынешних членов Думы) и членов Сената. До каких же пор будут использоваться эти застарелые стратегии? И почему бы СМИ не показывать, что по этим путям ходить просто нельзя, потому что они ведут к обострению конфликта?

В книге Тимоти Снайдера «Преобразование наций» показано, что за четыреста лет то, что раньше считалось польской, украинской, литовской и белорусской нацией изменилось неузнаваемо. Эмиль Абрамович тоже показал, что никаких вечных свойств нации не существует. На этом фоне сравнительное описание истории русской нации было бы полезно в целях сопоставления сравнительной истории с политической компаративистикой. Я уж не буду говорить о двойственной и тройственной идентичности жителей пограничных

территорий. В книгах о советских и прочих шпионах постоянно наталкиваешься на факт: многие известные шпионы выросли на пограничье, из-за чего разговор об их идентичности теряет смысл. Какова идентичность шпиона, если он говорит на нескольких языках? «Не думать о мгновеньях свысока»? А в постсоветских государствах сказки об идентичности становятся все более популярными. Историки нашего университета собираются осенью обсуждать эту сказку.

Вот лишь малый блок реальных проблем, а не политическая перепалка.

Э.А. Паин: Мы с тобой все перепутали и не так поняли...

М.Е. Трофимов: Я часто сталкивался с особенностью восприятия людьми карты. Часто идут рассуждения одного типа: как большая Россия проиграла маленькой стране? Карта - это не территория. Размер страны имеет малое значение к тому, что она представляет. На момент войны с Российской империей маленькая Япония была размером примерно в четыре Ростовских области, около 400 тысяч кв. километров, население Японии было в три раза меньше. Но при этом больше, чем во всей российской Сибири и на Дальнем Востоке в десять раз. В России об этом вечно забывают. То есть, в России население очень маленькое. В разговорах о Великой Отечественной войне часто идут рассуждения: мы победили немцев, потому что Германия маленькая, меньше одного миллиона квадратных километров. При этом забывается, что на территории Рейха проживало 90 миллионов человек, всего в 2 раза меньше, чем на территории Советского Союза, а на территории, оккупированной Рейхом, проживало около 150 миллионов. При этом в середине войны, когда немцы дошли до Сталинграда, они контролировали территорию Советского Союза, на которой проживало 110 миллионов человек. Я не могу понять, как то поколение выиграло войну, когда две трети населения оказалось на территории, контролируемой врагом.

В.П. Макаренко: Максим зацепил хорошую тему. Недавно вышла книжка под редакцией Андрея Зубова об оккупации. Там впервые собраны тексты авторов, которые проживали на различных оккупированных территориях, начиная от Пскова и заканчивая Кубанью. Собраны материалы, до сих пор не опубликованные, архивные источники и воспоминания очевидцев. Интересно будет на основе этих новых материалов обсудить поставленную Максимом тему. В этой книге поставлены моральные и политические дилеммы жителей оккупированных территорий.

М.Е. Трофимов: У вас прозвучало: по относительным затратам проиграли. Такие проблемы часто возникают, когда представители

общественных наук (за исключением историков) начинают сравнивать войны и другие конфликты по потерям. Но здесь ситуация как в боксе: человек, который пропускает больше ударов, проигрывает раунд за раундом, а в конце выигрывает нокаутом – выигрывает, независимо от понесенных затрат.

В.П. Макаренко: Спасибо за уточнение. Существуют разные методики измерения невосполнимых потерь. Например, редакция «Военно-исторического журнала» использует одну, а демографы используют другую. Значит, они применяют разные критерии и цели таких измерений. Анатолия с боксом не годится, потому что во всех предшествующих «раундах войны» людей убивают, а не просто бьют по морде. Каждый погибший – невосполнимая потеря.

Т.А. Марченко: Уважаемые коллеги, я не интересуюсь политикой и ничего в ней не сообщаю, но хочу сказать следующее: в России давно существуют две группы людей, находящихся в плену неосознанных коллективных представлений – проевропейских или пророссийских. Кто из них прав, кто не прав, – неясно. Но что меня не устраивает как любознательного человека, пытающегося разобраться в ситуации? В этой дискуссии я не увидела ни экономического анализа, ни анализа социального состава и социальных ориентаций Майдана. Нет фактологии. Те подходы, которые я здесь услышала, не основаны на фактах. В них преобладают явные или замаскированные идеологемы над качественным анализом фактов. Не только Вадим Попов говорит: «Мне кажется...» У всех не хватает научного анализа. Я прочла книгу Г.Дерлугьяна «Мир, в котором мы живем». Мне было интересно читать, потому что я в этом ничего не понимаю. Но он пишет, что окупаются даже 240 миллиардов долларов, вложенных в организацию «оранжевой революции». Происходит движение денег в мировом контексте. Наши гуманитарии в деньгах и финансах ничего не понимают, и поэтому исследования по данным вопросам лишены исследования мотивации. Мне лично интересно, почему на Майдане были такие богатые знамена, а в Донецке жалкие лозунги на листах ватмана? Какова социальная сеть? Поэтому сегодня было интересно лишь в плане появления новых вопросов. Пока я света не вижу, но, может быть, он зажжется в конце туннеля?

В.П. Макаренко: На этой оптимистической ноте закончим дискуссию.

**Война в системе центр-периферия:
традиционные концепты и новые дискурсы**
(стенограмма круглого стола, Ростов-на-Дону, 15 апреля 2015 г.)

Участники

Гонтарь Н.В., кандидат географических наук, старший научный сотрудник (ЮФУ)

Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)

Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор (ЮФУ)

Неретина С.С., доктор философских наук, профессор (ИФ РАН)

Попов В.Ю., младший научный сотрудник (ЮФУ)

Поцелуев С.П., доктор философских наук, доцент (ЮФУ)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги! Сегодня наш гость – Светлана Сергеевна Неретина, главный научный сотрудник Института философии РАН. Она – крупный специалист в сфере средневековой философии, методологии науки и концептологии. Под ее редакцией вышла коллективная монография, посвященная Михаилу Константиновичу Петрову, а также сборник статей «Подвластная наука: наука и советская власть». Обе книги мы обсуждали. Сегодня займемся темой «Война в системе центр-периферия: традиционные концепты и новые дискурсы». Традиционные концепты – это множество философских, социальных и антропологических учений о природе войны, которые сформулированы в истории мысли. Под новыми дискурсами я имею в виду обсуждение феномена войны в контексте постсоветской реальности, главными элементами которой являются русская власть и бюрократическое государство.

Более двадцати лет назад я закончил цикл работ по проблеме бюрократизации экономики, политики и идеологии констатацией: «В какой бы стране ни приходили коммунисты к власти, они делают из своего «марксизма» такую идеологию, действительным со-

держанием которой являются национализм, расизм и имперские амбиции. Большевистская партия способствовала пробуждению националистических идеологий, используя их в качестве средства взятия и удержания власти. То, что происходит сегодня, свидетельствует, что коммунисты сами произвели на свет своих могильщиков. Национализм может существовать только как идеология зависти, ненависти и жажды власти. В наши дни он стал фактором разложения социалистического лагеря, единство которого опиралось исключительно на силу. Если бы коммунисты победили во всем мире, мы имели бы дело либо с господством одного государства над всем миром, либо с бесконечной серией войн между «марксистами», правящими в различных странах»⁵⁸⁹.

Можно ли использовать эту констатацию для анализа войн на постсоветском пространстве? Ведь на постсоветском пространстве войны продолжаются уже третье десятилетие. Или ее следует дополнить наблюдением Томаса Венцлова: в нынешних постсоветских государствах воспроизводится не только местный национализм, но и имперские схемы социального и государственного управления, типичные для Российской/советской империи, в состав которых входят войны и карательные операции⁵⁹⁰? На эти вопросы нет окончательного ответа. Тем важнее обсудить их разнообразные аспекты.

В качестве преамбулы скажу, что в России до сих пор господствует официальная точка зрения на события в отношениях между Россией и Украиной. Между тем еще в первой своей книге я показал, что официальная (или правительственная) точка зрения на факты и события социальной действительности заключается в специфическом опыте пренебрежения правительства к реальной сложности социальных событий и процессов, навязыванию населению своего примитивного взгляда на события и процессы, а также в опыте выживания правительства в условиях перманентной социальной дезорганизации. Отношение правительства России к событиям на Майдане, в Крыму и Донбассе подтверждают эту характеристику.

Профессиональные философы начинают реагировать на проблему. В 2014 г. опубликован № 19 «Синего дивана» – философско-теоретического журнала, главным редактором которого является

⁵⁸⁹ Макаренко В.П. Марксизм: идея и власть. – Ростов-на-Дону, изд. Ростовского университета, 1992, с.463.

⁵⁹⁰ См.: Венцлова Т. Пограничье: публицистика разных лет – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2015.

Елена Владимировна Петровская, старший научный сотрудник Института философии РАН. Мы с нею служили в одном взводе — она была аспирантом, а я докторантом сектора философских проблем политики Института философии АН СССР. Весь номер посвящен анализу событий на киевском Майдане в период с декабря 2013 по февраль 2014 года. Сразу после выхода журнала я связался с Еленой Владимировной и попросил у нее разрешения на перепечатку статьи Майкла Хардта и Антонио Негри (известных политических философов и теоретиков) в журнале «Политическая концептология». Статья уже опубликована. Теперь послушаем Светлану Сергеевну — одну из авторов номера «Синего дивана», посвященного событиям на Майдане.

Воля к правде: презентация журнала «Синий диван»

С.С. Неретина

С.С. Неретина: «Синий диван» не является журналом Института философии РАН. Наши сотрудники выпускают несколько журналов, не относящихся к Институту. Мы сами их организовали и являемся учредителями. Чтобы остаться самостоятельными, мы не выпускаем эти журналы под эгидой Института. Учредителем журнала «Синий диван» является Елена Петровская. Нам удалось выпустить № 19/2014 г., поскольку мы не институционализированы. Этот номер посвящен Майдану — крупному политическому событию, которое навсегда останется актуальным. После выхода номера нас пригласили в Киев рассказать о содержании номера. Мы ездили туда втроем. Некоторые авторы номера — Анатолий Ахутин, Ирина Берлянд — находились в Киеве. Ахутин раньше жил в Москве, потом переехал в Киев, сейчас там живет. Его жена — гражданка Украины, он имеет вид на жительство. Там же живет Виктор Малахов. Народу на презентации было много, полный зал. Встретил нас Мирослав Попович, директор Института философии Национальной академии наук Украины. Он рассказал, что был на Майдане 82 дня. Правда, уходил и приходил, зато его дочь провела там полностью все 82 дня. На Майдане были самые разные люди, не всегда единомышленники. Это же относится к номеру журнала

«Синий диван»⁵⁹¹. Например, в журнале есть статья Виктора Малахова, который считал, что нужно было ждать выборов.

Следует подчеркнуть, что в Киеве не было людей, которые организовывали бы Антимайдан по шаблону Москвы. В Киеве все стояли за своих детей, которым спецназ нанес телесные повреждения. В Киеве ситуация иная, чем в Москве. Не знаю, какова она в Ростове. На Майдане был Киев и округа, т.е. вся сельская местность. Там люди говорили: «Майдан надо делать в феврале, потому что в марте пойдем сеять и сажать».

Елена Петровская выступала и представляла журнал. Она сказала, что в Москве возникла ситуация, когда надо было высказать свои позиции. Потому что складывалось впечатление, что мы все гурьбой за Украину. Я выступала сразу после неё, поэтому расскажу свои тезисы, которые представила в Киеве. Мне был задан прямой вопрос: почему я согласилась участвовать в этом номере журнала? Я ответила и сейчас скажу, что сразу попадаю в философскую ситуацию. Прежде всего мы философы, остальное вторично. Наши приложения к политике производны от философской позиции.

Если брать времена античности, то там политик был философом. Я сказала так, чтобы участвовать в журнале, достаточно было сказать одно слово «да». Можно было даже ничего не писать. Почему? Потому что если мы говорили «да», то сразу попадали в ситуацию риска. На мой взгляд, это очень серьезная вещь, одна из серьезных ситуаций для философа, что мы часто забываем. Мы оказывались в метафизической ситуации. Что значит быть в ситуации риска и в метафизической ситуации? Это ситуация, когда оказываешься там, где ничего нет. Ты оказываешься в тяжелом бытии. Потому что должен решать, что дальше делать. Потому что сам Майдан - это метафизическая точка отчета, точка ничто. И это тяжелый путь. Но этот тяжелый путь был бытием истины, даже если не дойти, потому что может не хватить сил. Майдан смял все предыдущее, а другого ничего не было. Вот это и есть ничто, с которого надо было выбраться и создать условие выбора. Что это означает? Это радостное ощущение лепета, простора для мысли и действия.

Здесь я сделаю маленькое отступление. Виктор Павлович сказал, что я сторонник концептологии, но это абсолютно не так. Концепт предполагает простор, выход на простор. Если кто-то читал

⁵⁹¹ См.: Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под ред. Е.Петровской. № 19. Изд. «Три квадрата». М.: 2014.

Хайдегера, то в основании его слова «захват» лежит слово «грабли». Когда мы работаем граблями, то что-то схватывается, а что-то остается вовне. Возникает ситуация, когда не знаешь, что ты схватываешь. Ты начинаешь сразу обдумывать: это то или не то. А концептология предполагает замкнутую систему. Концептология – это когда ты занят понятием. Слово *концептология* есть завуалированное понятие. Тогда как слово *концепт* означает зачатие, зарождение, которое то ли будет, то ли нет. О таком просторе для мысли и действию говорится у Платона в диалоге *Алкивиад*. Замечательный диалог, он имеет прямое отношение к теме нашего собрания.

В этом диалоге Сократ одновременно размышляет и спрашивает у Алкивиада, что такое война. Например, когда ты был мальчишкой, ты знал, что такое хорошо и что такое плохо, как у Маяковского. Но ты вдруг стал взрослым и настал момент, когда ты ничего не знаешь. Когда ты прекратил понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Именно такой является ситуация, когда человек попадает в *агон*, в *полемус*. Это состояние, когда словесный спор часто переходит в кулачный бой, потому что ты не знаешь, что такое хорошо и что такое плохо. Более того, на кулачки переходить – это понятно, особенно, если помнить, что рука – продолжение головы, и надо восстановить угасшую логику, которую приводит в движение рука. Об этом очень хорошо писал А.В. Лебедев в книге о логосе Гераклита⁵⁹². Он показал, что книга Гераклита посвящена государственному устройству, а не природе. Тогда становится понятно, почему ее написал именно Гераклит. Он её написал потому, что в ней содержится знаменитая формула Гераклита: «война всех против всех». Собственно, с этой формулы начинается проблема войны. Гераклит участвовал в организации своего полиса, как любой свободный человек. Он написал это в эпоху Ионийского восстания, скорее всего, после его кровавого подавления. Он поставил перед собой цель обосновать естественность войны и опровергнуть доводы тогдашних пацифистов. Они ссылались на гомеровское проклятие войны и искали компромисса с завоевателем. Тогда как Гераклит хотел создать федералистское государство для борьбы с Ахеменидской империей.

Эта история Гераклита существенна для понимания наших дней. Он начал разрабатывать идеи *агона* и *полемоса* на основе анализа деятельности спортсменов. Он показывал, что любое дея-

⁵⁹² См.: Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014.

ние, которое осуществляет греки, есть поворот. Поворот – главный термин философии Гераклита. Когда что-то кончается, начинается другое. Причем, этот поворот является как бы продолжением предыдущего, но это такое продолжение, которое не имеет обратного пути. Когда спортсмен бежал по стадиону по прямой дорожке, то в определенный момент он должен был повернуться на 180 градусов и проделать обратный путь с совершенно другими задачами. Вот эти удивительные вещи, связанные с *агоном* и *полемосом*, мы забывать не должны. Мы должны знать, что *агон* и *полемос* связаны с жизнью и смертью. В русском языке есть слова *агония* и *полемика*. Вот когда возникает *агон*.

Напоминаю, я не собиралась делать доклад, поэтому некоторые вещи могу упустить. Дело в том, что *агон*, как правило, возникает тогда, когда обычная жизнь обветшала. Когда мы понимаем, что старая жизнь перестает работать, она ветшает. Вроде бы она идет, вроде мы начинаем клясться ею, постоянно говорим, что мы за традицию и т.д. Тем не менее, мы понимаем, что старая жизнь ветшает. И война показывает, что обычай обветшал.

Вспомните, когда шла война с Чечней или Грузией, в России не возникла столь напряженная ситуация. Она возникла тогда, когда вспыхнула война с Украиной, которую мы считали ближе всего к России. В этот момент мы посмотрели на себя и увидели, что в нас нет того, чего мы ждем от Украины, а в Украине уже нет того, чего мы хотели бы, чтобы оно там было. Обветшал обычай, он превратился в рухлядь. А в чем он обветшал, мы пока еще не выяснили. Мы начинаем с этим бороться. Все телевизионные баталии в России посвящены тому, что либо что-то есть на данный момент, либо тому, что мы хотели бы взять с Запада. Но мы до сих пор не видели события, из-за которого возникла эта война – разгона украинским спецназом мирной демонстрации киевской молодежи. Здесь надо понять, что состояние обветшалости не всегда возможно показать, и тем более нельзя научить быть рухлядью. В состоянии обветшалости человека зажигает все, вплоть до готовности к войне и жертвы жизнью. То и только то, что зажигает человека на войну, действительно важно, однако оно не доказуемо, не показуемо и не передаваемо.

Я специально сейчас расширила то, что сказала в самом начале, когда язык начинает лепетать то, что еще не сказано, но уже действует. Участник войны не знает, чем он захвачен, он знает приблизительные причины того, что будто бы случилось. Напри-

мер, он знает, что свалили Януковича и началась война. Но он этому рад, потому что говорить про принцип в данном случае смешно. Он должен прояснить понятие. Именно прояснению понятия посвящены все безумные споры на российском ТВ. Я просто выключаю первый канал, включаю более спокойный ТВЦ, где хотя бы дают слово оппонентам. Но дело не в этом. Если мы хотим заняться философией, то должны услышать то, что проскальзывает между словами, но остается недосказанным. Между глазами, которые выскочили вперед, и головами, которые остались сзади. Мы должны понять, как и когда возникает то новое, вокруг чего началась война. Мы должны попытаться увидеть лицо этого захвата. Оно как бездна, как ничто, как настоящее. Это похоже на начало мира, которое одновременно есть начало войны. Это значит, что мы должны вернуться обратно к вещам и к той точке, где происходит разговор о них.

Разговор об обветшавших вещах произошел на киевском Майдане. В древней Греции такой разговор происходил на базаре, на форуме. *Форум* в переводе означает *рынок*. Это никогда не надо забывать. На базаре, на рынке, на форуме, на майдане. Киевский Майдан – это современный греческий рынок, форум, агора. Это место, где говорили о самых важных делах и вещах. Если вспомнить латинское слово *res*, то оно означало *вещь-дело*. Не *вещь* отдельно, а *дело* отдельно, как мы иногда говорим про котлеты и мух, а все вместе. Майдан – это вещь, которая говорит о главном и делает главное дело. На Майдане говорили о вещах-делах и о добывании вещей-дел. Одни говорили, что надо добиваться новых выборов, другие говорили, что надо стоять и стояли. Но те и другие говорили о деле.

И то, что сейчас молчит (в известной степени) философия, – это её дело. И даже те разговоры, что происходят на ТВ, тоже дело. Потому что это промедление, которое обозначалось известным, но забытым словом *shole* – школа. В самом первом понимании оно означало просвещенный досуг, для которого необходимо замедление. Мы должны остановиться, задержаться. Очень интересно, что русское слово *замедление* связано со словом, мыслью, думаньем. Когда мы говорим, что надо вернуться к вещи, посмотреть, что такое хорошо и что такое плохо, и какие принципы начинают образовываться, – то это формула, а если это формула, то это строгая формула. Это взгляд Платона на вещи, это достоверное знание, к которому ни в какие эпохи ничего не может быть прибавлено. Формули-

ровки могут меняться, варьироваться и восприниматься по-разному.

Но какая разница, если человеку позволено не знать таблицу умножения? Тем более, если мы знаем, что таблица умножения не всегда применима. Мы знаем, что дважды два = 4, но 2 человека в Риме и 2 человека в Афинах не составят 4. Математика это прекрасно знает, достаточно силы абстракции, чтобы все это совместить. Однако если незнание таблицы умножения прощается, так как она не всегда применима, то незнание истин общей философии порождает *уродство*, т.е. выход из *родства*.

В данном случае очень важен выход. Как говорил В. В. Библихин, мне это очень нравится, в этом смысле мы уроды. И это не образ и не метафора, потому что при обсуждении ситуации на Майдане мы о философии просто забыли. Я думаю, сейчас есть время это вспомнить.

В. П. Макаренко: Добавлю несколько слов. Вначале напомним, как связаны интересы Светланы Сергеевны к философии античности и средневековья с политическими сюжетами. В 2012 году она выпустила книгу «Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание, 1356–1358 годов». Сейчас она упоминала Ионийское восстание в Древней Греции в контексте определенной трактовки терминов *агон* и *полемос*. Парижское восстание произошло почти две тысячи лет спустя после Ионийского. Майдан состоялся в 2014 году, шестьсот с гаком лет после Парижского восстания. Но во всех трех событиях имели место *агон* (то, что Светлана Сергеевна называет обветшание обычая) и *полемос*, т.е. единство словесной и физической войны, единство слова, вещи и политики как общего дела. Напомню, что слово *республика* означает такое единство. В книге «Воскресение политической философии и политического действия» Светлана Сергеевна на основе изучения хроник, относящихся к Парижскому восстанию, реконструировала событие восстания и по-новому посмотрела на связь восстания с революцией. Я считаю весьма ценным соединение исторического знания с блестящим знанием методологии. Этот синтез используется для анализа восстания, войны и революции. Эту книгу я бы рекомендовал историкам, политологам и философам, особенно студентам. Если вы поступаете на отделение политологии, то требуется реальное знание одной из сфер социальной действительности - истории, права, экономики или других дисциплин. Если тако-

го знания нет, политолог становится трепачом и холуем. Надо владеть конкретикой.

Сейчас выступать должен я. Однако отступлю от регламента и дам слово профессору Владимиру Александровичу Шкуратову. Он несколько лет назад выпустил интересную книгу, которую я читал, но уже подзабыл. Но когда я готовил программу круглого стола, он напомнил мне о ней.

Война в центре и война на периферии

В.А.Шкуратов

В.А. Шкуратов: Книга называется «Искусство экономной смерти». Коллеги, если мы попробуем нарисовать карту милитаризации ойкумены земного шара, то получится ряд concentрических кругов, как если бы мы по принципу инфографики закрасили земной шар в разные цвета, от красного до зеленого, по степени возрастания опасности. Самая спокойная пацифизированная зона – это Старая Европа. Представить войну между Швейцарией и Австрией невозможно. Между странами НАТО – тоже невозможно. А вот Индия и Пакистан, Азербайджан и Армения, Сомали и Эфиопия будут воевать. Хотя Пакистан и Индия уже не будут воевать, потому что у них есть ядерное оружие. Почему так происходит? Потому что центр цивилизации менее милитаризован, а чем дальше к периферии, тем больше риск войны. Эти войны ведутся по типу войн XX века, с участием больших механизированных армий.

Теперь напомню о своей книжке. Когда я писал книжку «Искусство экономной смерти», мне бросилась в глаза большая асимметрия между эффектом насилия и реальными потерями. Приведу факты. Во время Иракской кампании США 2003 г. количество жертв вызывает раздумья. Вот ужасная бомбардировка 31 марта 2003 г. – самая страшная ночь. Обозреватель сообщает, что по количеству килотонн это самая большая бомбардировка за всю историю. Теперь по потерям: это всего 10 человек и несколько десятков раненных. Напомню количество жертв во время бомбардировок Дрездена в феврале 1945 года – около 30 000 человек. Теперь официальные потери США во время бомбардировки Ирака. Американская армия потеряла убитыми 121 военных, а британская 31. Иракская потеряла около 10 000 военных, потери среди гражданских около 1000 человек. Привожу потери во время германо-

польской компании 1939 года: германские потери 150 000 человек, польские около 240 000 человек.

Корреспонденты, которые наблюдали за бомбардировкой Багдада, говорили, что это фантастическая картина: ракеты просто вгрызаются в поставленные объекты и уничтожают их изнутри. А рядом горят уличные фонари, электричество не выключено. Это война совершенно иного типа. Американская компания длилась около 3 недель и была совершенно успешной по стратегии введения войны. А потом была очень долгая история, которая длится по сей день. Но это нисколько не отражается на моем тезисе. Потому что сначала был один, потом другой тип конфликта. Вначале была война за постсовременные стратегии, затем эти стратегии были применены для традиционной и затяжной колониальной войны с туземцами. Все эти соображения вынудили меня сформулировать тезис, который совершенно противоречит общепринятым взглядам в отношении XXI века.

На мой взгляд, насилие в XXI веке – это путь преодоления массового насилия с громадным количеством жертв, которое была характерным для XX века. Таков, если угодно, эксперимент истории. А вот удался он или нет? – совсем другое дело. Чтобы все рассматривать, нужна другая методология. Но для анализа современных процессов нам сплошь и рядом подсовываются методы позапрошлого века. Они были добротными, но тогда не было и в помине эфирного вещания. Поэтому пролонгирование классических подходов уже давно неперспективно в неклассическом мире.

Я пытался разработать в этой книжке концептуальный аппарат, а также применить его к современному материалу. Я просто смотрел телепрограммы в момент кризиса, а потом их анализировал. В моем анализе и выводах я попытался обобщить все виды насилия начала XXI века: насилие 11 сентября в США, войну США в Ираке, затем террористические акты в России (Норд-Ост, Беслан), цветные революции в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии. Затем мне пришлось вступить в полемику с коллегами, которые бранили и даже издевались над так называемыми *цветными революциями* за то, что они безыдейные. Якобы эти шоу были организованы некой группой с помощью телевидения. Как в Киеве: есть инициативная группа, выступают артисты, ораторы, а вечером туда приходит весь Киев. Затем они расходятся.

С моей точки зрения, это был исторический эксперимент, который нащупывал путь бескровного насилия. Путь кровавого наси-

лия в XX веке зашел в тупик, потому что были две мировые войны. И после 1945 года стало очевидно, что далее применять военный арсенал невозможно. Если он будет применен, вместо бифштекса победителю достанется пепел, да и сам он станет пеплом.

Поэтому методом проб и ошибок начали искать войны без насилия и крови. Без насилия истории обойтись нельзя, но насилия другого типа. С применением информационных воздействий, с точечным применением военного насилия. Методы медианасилия другие. Современное насилие и война происходят с большой кровью. Постсовременная война идет без крови или меньшей кровью. Если в центре Европы, во Франции погибнет 3 человека, то это будет шок. Например, США отозвали из Сомали экспедиционный корпус, когда там погибло 16 солдат. Такие потери для них невозможны. Поэтому они свой корпус вывели и разрешили воевать эфиопской армии, которая там потеряла несколько десятков тысяч.

Значит, рассматривать постсовременную войну без медиавоздействия просто невозможно. Я думаю, новая геополитика войн развивается таким способом, что в центре военные конфликты старого типа невозможны, они переходят на периферию. Центр переносит военные конфликты на периферию таким же образом, как он переносит туда грязное человекозатратное производство. А как сделать так, чтобы пацификация распространялась и дальше? Этот вопрос меня очень занимает. Мне кажется, что это скорее фактор культурный, чем технологический. Это медиа-культурный фактор, для него нужен новый антропологический факт – новое состояние человека. И здесь пример показывают все революционные променады.

Я даже ввел новый термин, мысленно дискутируя с Фуко, с его дискурсивными практиками. Вместо *дисциплины* я предлагаю понятие *висциплина*. Дисциплина – это организация тела, порядок социального объединения с объединением биологических тел. Висциплина происходит от слова визуальность. По Бодрийяру, это объединение визуальных дел, визуальности. Здесь люди должны обладать способностями к игре, способностями тонких кодов (или ходов) и не заходить слишком далеко. Затем надо не воспринимать дело очень серьезно, потому что если принимать политику близко к сердцу, то будет большая кровь. Будет насилие и классические революции. А если не воспринимать, то будут неклассические революции. Об этом всем я пишу в своей книжке.

Теперь в заключение вернусь к Украине. Реальность сложнее, здесь мы имеем дело с регрессом медиа-политики государства в России. Регресс начинается с события Норд-Ост, которое транслировали в прямом эфире, там не было возможности цензурировать. Потом прямой эфир закрыли. Беслан уже не транслировали в прямом эфире. В России открытая медиаполитика была свернута с начала 2000 годов. Но не до конца, потому что до конца свернуть её невозможно. Если говорить об Украине, то это промежуточная война. Если брать численность армии, то с разных сторон на Донбассе воюют по 30 000 человек, т.е. воюют два корпуса. Конечно, они очень напичканы, но авиации и военно-морских сил нет. Все время размах конфликта сдерживается, потому что это все-таки не периферия. Это ближе к центру. Трудно прогнозировать развитие событий. Но мне кажется, что история движется к пацификации. Греки считали войну совершенно обычным совершением дел, т.е. война - нормальный способ общения между полисами. Средневековое рыцарство считало, что война есть дело благородного сословия и совершенное нормальное ремесло. Сейчас мы приходим к выводу, что сам феномен войны и связанные с ним ремесла есть ненормальное состояние. Я подозреваю, что это связано с образованием нового класса, новой ментальности. Но эту ментальность нельзя рассматривать как подчиненный компонент по отношению к технологии и власти. Это – один из ведущих компонентов.

В.Ю. Попов. Некоторые футурологи высказывали предположения, что в XXI веке войны будут вестись там, где есть перенаселение. То-есть, демографический взрыв, людей много, а нужно как-то реализовать себя. Процессы типа войн, столкновений, вооруженных конфликтов будут происходить по-прежнему. Но то, что мы видим сейчас, – здесь нет демографического взрыва. Война между Россией и Украиной – это какая-то другая война. Я хотел был предложить здесь концепт гравитационной войны и прошу вас его прокомментировать. Почему гравитационная? Потому что это война притягиваний и отталкиваний, не знаю, как назвать, цивилизационных или нецивилизационных, но крупных культурных пространств, организованных определенным образом. И эта гравитационная война еще не теоретизирована. Может вы что-то знаете по этому поводу?

В.А. Шкуратов: Нет, о гравитационной войне впервые слышу от вас, но как я понимаю, это модификация концепции Хантингтона о войне цивилизаций.

В.Ю. Попов: Я не хотел бы ассоциировать гравитационную войну с концепцией Хантингтона. Потому что там другие смысловые нагрузки. Потому что это не совсем может быть цивилизацией.

В.А. Шкуратов: Вы имеете в виду массовое столкновение? На сей счет скажу, что самая густонаселенная страна в Европе – Нидерланды, а это самая мирная страна. Здесь никакой связи нет. Я бы сказал, что войны становятся оболочечными. То-есть, существует некая цивилизационная оболочка глобального контроля, скажем, под контролем Европы или США, которая позволяет или не позволяет разгораться конфликтам. Видимо, опасность современного миропорядка еще не установлена или он утерян. Нет гиперинстанции, которая может регулировать конфликты. В целом на Западе это урегулировано, на границах нет. Потому что время ООН подходит к концу. Сверхдержавность США поколеблена. Баланс между РФ и США не установился. В чем причина трений между Россией и США? Россия считает, что должен быть баланс между странами, США так не считают. Они не считают РФ сверхдержавой. Но у США нет гравитационной мощи. Поэтому мир находится в неустойчивом состоянии. Происходит массообразование.

С.С. Неретина: Мне понравилось ваше выступление, спасибо. Но когда вы говорите, что к современной войне не надо относиться серьезно, то я вспоминаю одну из последних статей Александра Павловича Огурцова. Она называлась «Поражение философии». Речь идет о страшнейшей вещи – философия уступает позиции богословию, что недопустимо.

В.А. Шкуратов: Но это ведь локальное явление?

С.С. Неретина: Оно не локальное, оно прошло повсюду. Но я имею в виду сейчас Россию. Иногда вы заходите в Институт философии РАН и не понимаете, куда попали. Там мельтешат люди в рясах, с кадилами и им подобные. Но я о другом. Произошла банализация понятий. Раньше понятия «добро», «идея» считались строгими. Теперь мы не знаем, к чему они относятся. Мы не знаем, что такое плохо. Даже универсальное понятие нравственности мы можем к чему-то применять, а к чему-то не применять. Недавно я прочла в Фейсбуке, что хорошо помнить золотое правило нравственности, но к политике мы его применять не будем. Это означает, что философ утратил убеждение в том, что он должен мыслить в определенных пределах. Если он это утратил, то Фуко оказывается абсолютно прав, когда говорит о конце философии и конце чего угодно. Потому что все смешалось в этом мире. Мы теряем то самое

дело-вещь, о котором я говорила в отношении Гераклита. Конечно, мы можем сказать, что до VI–V века до новой эры мы спокойно жили без философии, но, во-первых, мы этого не знаем. Это легко говорить, потому что сохранились источники. О той культуре мы ничего не знаем.

Например, когда в Трипольской культуре мы видим существование карты с изображением звездного неба, то мы приходим в удивление. Это означает, что люди занимались делом. И смешно утверждение, что до V века люди жили без философии и мы тоже вполне обойдемся без нее. Не проживем, потому что научились думать, каким-то образом продумывать всякие вещи такого рода. Очень важно применять и понять это серьезно.

Вернемся к банализации понятий. Что такое нацизм? Мы это забыли. Никто не пишет о забытых понятиях. Я это увидела у Гасана Гусейнова, он замечательный филолог, принадлежал к Тартуской школе. Он пишет о фашизации языка. Я почти процитирую. «В конце 70-х годов, в застолье бывших блокадников-ленинградцев, я услышал такую байку. (А я услышала об этом от своей собственной подруги, поэтому могу подтвердить). В блокадном Ленинграде зимой в 1942–43 года несколько дней висел плакат с надписью «Смерть врагам фашизма». Все понимали, чем грозила эта надпись. Но голод и холод, чувство юмора, все понимали, что имел в виду тот, кто это писал. Поэтому через несколько дней сняли этот плакат, без всяких последствий для написавшего. Однако гораздо важнее причина, что бывшие блокадники вспомнили этот плакат именно в 1970-е годы. То были годы, когда в СССР существовала железобетонная определенность только одного отрезка истории нашей страны – победы над национал-социализмом и фашизмом. Фашизм считался абсолютным злом, который несовместим ни с одной из идеологий. Победа над ним подчеркивалась. Ни так называемый буржуазный национализм, ни так называемый великодержавный шовинизм, ни расизм не дотягивали до абсолютного идеологического зла фашизма. Единственная трудность заключалась в том, что в СССР со второй половины 1930-х годов фашизм перестали изучать как политическую идеологию. Я сама могу вспомнить лишь один случай, когда во второй половине 1930-х годов Бухарин в Париже выступил с критикой фашизма. Но это были последние годы его жизни. Однако де Голль тоже считал фашизм абсолютным злом. Но даже в моменты, когда к каким-то ве-

щам хочется относиться несерьезно, разум должен напрячь свои усилия. Иначе мы попадем в то самое уродство, о котором я говорила.

В.А. Шкуратов: Но это ведь не вопрос?

С.С. Неретина: Нет, это реплика.

В.А. Шкуратов: Я ничего не имею против напряжения разума, это совершенно необходимо, чтобы разум не атрофировался. Но я имел в виду идеологию, а не философию. Потому что философия имеет печальное обыкновение попадать в плен к идеологии, когда четкие понятия превращаются в катехизис. До сих пор философия не смогла избежать этой дилеммы. Безусловно, здесь важны попытки западных авторов, которых заботила мысль о таком построении философии, чтобы она не была использована политически никем – ни левыми, ни правыми. Но в таком случае она будет вообще невразумительной.

С.С. Неретина: Я могу возразить. Если понимать под философией некую предметность, то тогда она в плену идеологии. Но даже в самом слове *философия* не содержится никакой предметности. Философия – это то, что я принимаю из своего внутреннего состояния и применяю к определенному предмету. Действительно, это большой прокол, в том числе постмодернистской философии, поскольку ее представители тоже понимают философию предметно.

В.А. Шкуратов: То, о чем вы говорите, есть способ жизни.

С.С. Неретина: Да, конечно. Это сам способ жизни.

А.В. Лубский: Не столько способ жизни, сколько индивидуально-личностный подход к ней.

С.С. Неретина: Нет, не просто личностный, а философский.

А.В. Лубский: Да, философский и индивидуально-личностный.

С.С. Неретина: Да, совершенно правильно. Поэтому когда мы говорим *древняя* или *средневековая* философия, то для меня эти слова пустые. Потому что для меня философия одна. Когда я философствую, то всю философию втягиваю в себя и пропускаю через себя. Когда я выступала, то вспоминала о Гераклите. Вы сделали прекрасный доклад о современных вооружениях. Что это – результат зла или стремление военно-промышленного комплекса к развитию? Ведь накопление громадного множества смертей может быть зависимо от одного человечка с ядерным чемоданчиком. Откуда это? Я не знаю. Но знаю, что это громадный запас человечеству, может наяву, а может во сне, когда человечество делает жесты космосу и законам космоса, а внутри находится творец космоса.

Ведь вопрос о гравитационной войне – космическом отношении к делу – не случаен. Потому что философия остается философией. Хочу напомнить молодым ребятам, чтобы они знали. У Этьена Жильсона есть замечательная книжка «Философ и теология». Я в свое время делала эксперимент: просила ребят написать реферат, и почти все написали «Философия и теология»! А ведь надо было просто прочесть название книги, там ведь написано «Философ и теология». Т.е. у всех было жесткое убеждение, что философия – это некая предметность, сродни теологии как дисциплине. А что имел в виду Жильсон? Он имел в виду, что в отличие от дисциплинарной догматики философ всегда рождается один раз. Он может быть ничего, кроме этого выступления, не скажет. Но в этот момент он философ. И для него философ это Аристотель, он всегда был один. Это от невнимания или от тех убеждений, которые подталкивают нас называть философией предметность.

Теперь насчет дисциплины, это интересная вещь. (*Обращаясь к В.А. Шкуратову*) Вы говорили о дисциплине. Как раз по этому поводу, потому что в слове *дисциплина* фонетически буква Z преобразуется в V и получается любопытная вещь. Получается то, с чего Августин начинал свою диалектику. А диалектику он начинал не с того, что диалектику нужно искать, находить. Это цicerоновское старое понятие, я говорю не о платоновской, а о цicerоновской диалектике. Потому что Августин – ученик Цицерона. А он говорил, что она начинается с силы. Если у тебя силы нет, то ничего у тебя не выйдет. Что происходит от этой силы? Вита – раз, Виа – два, Винум – три, мужская часть должна встрепенуться, и т.д. и т.п., в том числе Видэо. Корень V. И сам символ V очень сильный, потому что это рогатка, которая натягивает стрелу. Т.е., для него диалектика начинается с возможности применить силу там, где надо приложить ум. Поэтому разделение дисциплины любопытно само по себе. Тем более я почти уверена, что «Диалектику» Августина никто не читал. Я в институте веду курс латинского языка для сотрудников, и мы там её впервые переводим.

А.В. Лубский: Хочу сделать маленькую ремарку и обратиться к нашим молодым коллегам. В 1991 году Виктор Павлович Макаренко пришел ко мне с новой книжкой, которая называлась «Политическая философия», и попросил написать предисловие. В 1992 г. книжка вышла. Я написал о своем понимании политической философии. Там есть слова: «Вы держите в руках книгу, в которой Виктор Павлович выступает как политический философ, вступает в

индивидуально-личностное отношение к той политической повестке дня, которая сложилась в нашей начинающейся российской истории». Это та самая политическая философия, которая не обладает предметностью. Это рассуждения Виктора Павловича о том, что есть политическая философия и когда необходимо сделать свой выбор.

В.П. Макаренко: Я помню, как мы с тобой обмывали выход книжки в кафе на Ворошиловском. Действительно, книжки с таким названием в России тогда еще не было. Но я хорошо помню, что находился тогда под впечатлением от статьи Ханны Арендт «Традиции и современная эпоха». Ханна Арендт повлияла на меня своим пониманием отношения между традицией и современностью.

Политические концепты и фреймы в эпоху информационной войны

М.С. Константинов

М.С. Константинов: Хочу сделать несколько оговорок. Во-первых, темой информационной войны я не занимался никогда, она всегда была на периферии моих исследовательских интересов. Это тот случай, когда тема заставила заняться с собой. Я просто наблюдал за процессами, которые проходили на Украине и отношением к этим процессам в официальной России. И чем более я наблюдал, тем более возрастало мое изумление. Мне казалось, что я все меньше понимаю происходящее. Это и заставило меня заняться проблематикой информационной войны.

Я попытаюсь применить методологию интегративно-когнитивистского подхода⁵⁹³ в анализе стратегий российско-украинской информационной войны, развернувшейся в конце 2013 г. и продолжающейся с различной степенью интенсивности и накала по сей день. Суть этого подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определенным образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Это влияние

⁵⁹³ В основу доклада положен интегративно-когнитивистский подход к анализу моральных фреймов политических идеологий, разработанный С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым (Поцелуев, Константинов, 2013, 61–64). Данный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа.

выражается в следующих функциях моральных фреймов: долженствования, ориентации в политическом пространстве, групповой идентификации, коммуникации и т. д. Не вдаваясь в детали, скажу, что в самом общем виде фрейм можно определить как рамки, которые задают смысловое определение ситуации. И, соответственно, определение и переопределение этих рамок есть одна из ключевых целей пропаганды и информационной войны. Следует сразу оговориться, что ни юридические (будь то вопросы легальности передачи власти на Украине, прав граждан, (военно)пленных и т. д.), ни фактологические вопросы не были предметом моего доклада. Меня интересовало исключительно информационное освещение событий в медийном пространстве. Так, у нас нет данных о военной поддержке Россией самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик. Однако факт наличия информационной поддержки этим республикам со стороны России вряд ли кто-то станет оспаривать.

Многие журналисты, публицисты и аналитики уже обращали внимание на то, что главным препятствием для реализации информационной войны между Россией и Украиной стало глубоко укоренённое представление о единстве украинского и русского народов, об их общей исторической судьбе. Преодоление этого препятствия осуществлялось посредством дегуманизации противника, придания ему нечеловеческого образа с целью уменьшить давление моральных запретов, лишив моральные фреймы объекта приложения. Так, с одной стороны конфликта широкое распространение получили такие наименования пророссийских активистов, как «колорады» и «ватники»; с другой стороны – «укропы», «бандерлоги» и т.д. Однако действенность подобной «дегуманизации» вызывает сомнения. В конфликте приходится сталкиваться с реальными людьми, а не с мультяшными «колорадскими жуками» или «укропом». Сам накал противостояния говорит о том, что информационная война затронула гораздо более глубинные пласты сознания или, если угодно, «менталитета» противоборствующих сторон, чем это предполагает использование инвективов, вроде «колорады» или «укроп».

Следует иметь в виду, что одним из ключевых отличий информационной войны от PR-кампаний и рекламы является навязывание чуждых целей, изменение на самом глубоком уровне целеполагания. Чтобы воздействовать на этот уровень, задача пропагандиста не может свестись к вбросу в медийное пространство инвек-

тив и мультяшных образов, но должна предполагать подбор значимых и символических фактов и событий (или их конструирование), актуализирующих в массовом сознании определённые концепты и закрепляющих ассоциированные с этими концептами моральные фреймы («фашистский оккупант» – агрессивный, трусливый, алчный, эгоистичный и т.д.; «воин-освободитель» – благородный, мужественный, добрый, щедрый, способный к самопожертвованию и т.д.). И, действительно, анализ позволяет выявить несколько таких стратегий, использованных в рассматриваемой информационной войне.

Уже на самом раннем этапе противостояния в российских СМИ были актуализированы несколько базовых концептов, которые вызвали в коллективной памяти моральные фреймы, негативно характеризующие сторонников Евромайдана («майдаунов»). Сам процесс отрешения Виктора Ф. Януковича от власти преподносился российскими СМИ не просто как «фашистский» переворот, но и как предательство по отношению к России и её народу, по отношению к коллективной «славянской» идентичности и к исторической памяти, одним из ключевых нарративов которой выступала история совместной победы над европейским фашизмом.

Термин «хунта», использовавшийся для характеристики временного правительства на Украине наделялся специфическим для этого термина моральным смыслом предательства «истинных» («исторически сложившихся») интересов народов Украины и России, а также продажности, политической беспринципности, бесчестности, аморальности и даже сексуальной невоздержанности и извращённости (особенно симптоматичны в этом плане два «документальных» фильма «Принцесса у парашюта» и «Фурии Майдана: секс, психоз и политика», транслировавшиеся по телеканалу «НТВ» 29 марта и 19 апреля 2014 г.).

Демонстративная апелляция украинских властей к политикам США и Европы и стремление Украины ассоциироваться с ЕС привели к тому, что когнитивная матрица, активно навязывавшаяся в последние годы российской пропагандой по отношению к американцам и европейцам («наглые», «хитрые», «бездуховные», «аморальные», «извращенцы», «пендосы», «растлевающий Запад», «Гейропа» и т.д.) была спроецирована на сторонников «Евромайдана». Однако эта матрица приобрела и некоторую специфику: все перечисленные качества преподносились как вторичные, заимствованные, как следствие неумелого подражания заблудших и обманутых

украинцев, порождённого временным помутнением рассудка и ослеплением ложными миражами европейского благополучия. Вполне естественно, что идея подражания, безумия и ослепления отсылает нас к поведению обезьяны, которая после прыжков и ужимок оказывается загипнотизирована песнями киплингского Каа.

Эта идея закрепляется в образе «скачущего на Майдане бандерлога», который дал себя одурачить хитрым европейским политикам и готов фактически «продать страну» «за печенки Виктории Нуланд». Популярность, которую получил в рунете ролик с кричалкой «Евромайдана» «Хто не скаче, той москаль», тому лишнее подтверждение. Понятно, что здесь есть отсылка также к истории колонизации Америки, к бусам, зеркалам и наивным аборигенам, но на этом я уже останавливаться не буду. Российское же общество в этой матрице представлялось как островок стабильности, духовности, традиционных моральных ценностей, вековой мудрости и великодушия: «Мы-то уже пережили ослепление 90-х гг. и хорошо знаем, чего стоят посулы и обещания американцев и европейцев! А вот наивные хохлы, напившись майдауновского чаю с наркотиками, совсем сбрендили и их нужно лечить». Определённое значение в этом контексте имело бескровное присоединение Крыма к России, позволившее противопоставить «кровавый Майдан» и «скакавших на нём бандерлогов», которые демонстрировали свою жестокость, бросая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута», – «вежливым зелёным человечкам», обеспечивающим порядок при проведении референдума в Крыму.

Что здесь наиболее важно? То, что вероломное коварство коллективного «Запада» (и прежде всего, «заклятого партнёра» России – США), которое ослепило, свело с ума и заставило «скакать на Майдане» братский народ, было воспринято не просто как акт агрессии, но на гораздо более глубоком – экзистенциально-цивилизационном уровне – как братское предательство, попирающее самые основания морального фундамента и единства «русского мира». У Александра Зиновьева в книге «Гомо советикус» есть замечательная мысль о неприменимости моральных критериев к советскому обществу, поскольку советский человек был поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали. Продолжая эту мысль, можно сказать, что драма, которая разворачивается на Украине, усилиями российских СМИ была представлена как покушение на

самые фундаментальные основы существования российского общества или, если угодно, русской цивилизации, что с необходимостью снимало моральные барьеры в борьбе за выживание.

Если общество ощущает угрозу собственному выживанию, культурно-цивилизационным основам своего существования, оно оказывается поставлено ниже той грани, о которой говорил Александр Зиновьев. И здесь важно не столько то, насколько реальны эти угрозы. Гораздо важнее абсолютно циничная готовность российских властителей дум в угоду сиюминутной политической конъюнктуре превратить заурядный, в общем-то конфликт в цивилизационное противостояние, с нагнетанием истерии по поводу «фашистов-бендеровцев», «пятой колонны» и т. д. Фактически, именно российские СМИ выдали индульгенцию и власти, и простым россиянам на самое циничное поведение в отношении реальных или мнимых участников рассматриваемого конфликта. Произошло то, что Петер Слотердаjk по отношению к Веймарской Германии назвал «превращением рефлексивно-цинического настроения общества в агрессивное и демонстративное... Веймарский мир стал продолжением войны другими средствами».

И здесь аналогии в некоторой степени уместны: российское общество усилиями медиа действительно оказалось в состоянии продолжения холодной войны. Болезненные воспоминания о поражении, о предательских 90-х гг. компенсируются активной мифологизацией победы во Второй мировой войне, вызывая желание реванша, повторения великих побед и возрождения военной мощи страны. Этим объясняется и терпимость по отношению к «анти-санкциям», готовность к определённым жертвам. Поэтому одним из самых эффективных методов, доказавших свою действенность, стал метод эксплуатации коллективной памяти о Великой Отечественной войне (далее – ВОВ) посредством транспонирования фреймов из героического прошлого.

Особенно яркими примерами являются концепт долга, ассоциированный с фреймами ответственности перед поколением ветеранов ВОВ («деды воевали»), воинского благородства и мужества («русские своих не бросают», «триста стрелковцев» вставших на защиту мирного населения), бесхитростной простоты и близости к народу («народные республики», «народные губернаторы», «народное ополчение» – медийные образы «Мотороллы» и «Гиви») и противопоставляемый ему концепт предательства, конкретизирующийся во фреймах коллаборационизма («каратели», «полицай»,

«печеньки Нуланд»; в России – «пятая и шестая колонны»). Противопоставления визуализированы и маркированы различными цветами, символизирующими добро, жизнь, спасение, с одной стороны, и смерть, агрессию, алчность и жестокость с другой: «зелёные человечки» («вежливые люди») – «чёрные человечки» («нацгады»).

Особенно ярко эффект транспонирования фреймов ВОВ проявил себя в двух «парадах», прошедших практически в одно и то же время – в Киеве и перформансе «парада», проведённого 24 августа 2014 г. в Донецке. Символически и концептуально воспроизвёл «Парад побеждённых» в Москве 17 июля 1944 г. В рамках этого действия закреплялось противопоставление «антифашистского» ополчения «наёмникам» и «карателям, бомбящим мирных жителей». Особенно удачно обыгрываются бомбардировки жилых кварталов городов Донбасса, поскольку ассоциируется одновременно и с гитлеровскими бомбардировками городов, и с бомбардировками Дрездена союзниками, и с атомными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки (1945 г.). Звучавшая во время «парада» культовая песня «Вставай, страна огромная!» символизировала «восставший против фашистской хунты народ», а поливальные машины, следовавшие за пленными, очищали землю Донбасса от грязи, оставленной нацистскими сапогами.

Нарастание противостояния (знаковые события: Корсуньский погром, снайперы на Майдане, пожар в «Доме профсоюзов», начало АТО, события 2 мая 2014 г. в Одессе и т. д.), соответствующее медийное сопровождение этих событий – от однобокого освещения реальных фактов до откровенной лжи по поводу «распятых мальчиков в трусиках» и «изнасилованных эпилептических старушек» – только усиливали эту уверенность и накаляли страсти. Достаточно сказать, что есть целый ряд интервью с добровольцами из России – участниками вооружённого сопротивления на Донбассе, где в качестве толчка, капли переполнившей чашу, называются события 2 мая 2014 г. в Одессе. Эта трагедия, каковы бы ни были её реальные причины, в глазах российского обывателя окончательно поставила «другую сторону» конфликта за рамки добра и зла.

И речь идёт не только о самых явных проявлениях цинизма, таких как отвратительнейшая реакция некоторых журналистов и озлобленного общества на смерть Валерии Новодворской, гибель сына Сергея Иванова, сына Виктора Януковича или символичное, на фоне Кремля убийство Бориса Немцова. Ещё пару лет назад всё это было бы просто невозможно. Однако это то, что на поверхности

и бросается в глаза. Гораздо важнее, на мой взгляд, менее очевидные вещи. Например, отношение российского общества к поступку актёра Михаила Пореченкова: мало кого смутил сам факт эдакого «сафари» с целью пострелять в людей, которые ещё вчера считались братьями (а ведь моральную тупость в этом отношении довольно легко объяснить, учитывая героизацию ополченцев-добровольцев из России: ведь если осуждать Пореченкова, то придётся осудить и их, тех, кто пишет в своих блогах «еду мочить хохлов»). Возмущение было только по поводу использования Пореченковым символики «Пресса», что потенциально может нести угрозу российским журналистам.

Но ещё более опасна терпимость общества к практикам достижения пусть даже и морально оправданных целей любыми средствами. В российском обществе произошёл некий серьёзный надлом, результатом которого стало всеобщее моральное оупение, абсолютное безразличие к любым, самым циничным действиям участников конфликта, будь то вовне или внутри. Когда можно обвинить мать семерых детей в предательстве Родины, оторвать её от грудного младенца, увести в другой город, и мало у кого этот факт вызовет моральное негодование. Когда можно устраивать самую настоящую травлю актёров, музыкантов, оппозиционных политиков и журналистов по федеральным каналам, и никого уже не смущает ни откровенное враньё, которое используется в этой травле, ни тот цинизм, с которым она совершается. И т. д. Особенно показательно здесь понимающее приятие (по принципу «я сам обманываться рад», если результатом этого самообмана будет то, что «мы им показали») «лжи во имя...» со стороны российской власти во время крымских событий. Сначала Россия устами её Президента, министра обороны и министра иностранных дел заявляет, что российских войск в Крыму нет, а вооружённые «зелёные человечки» – это местные добровольцы, купившие оружие «в военторге». Затем через пару месяцев признаётся, что это были российские войска, но те, которые разрешены договором с Украиной. И, наконец, апофеозом стал фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2015 г. по телеканалу «Россия», в котором президент уже прямо говорит о военной операции, использовании (во имя благих целей, естественно!) сил специального назначения на территории другой страны и т. д. И мало у кого эта ложь и последующая бравада по поводу её успешности вызвали моральное не-

годование. Типичная реакция: «Американцам можно, а нам нельзя? Бандерлоги людей сжигали, насиловали, убивали и т. п.».

Придание конфликту усилиями медиа экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало оправданием откровенно циничного поведения как представителей российской власти, так и российского обывателя. Поразительно не то, что подобное вообще стало возможным – учитывая мощь современных медийных технологий и средств манипуляции, это не вызывает удивления, – но то, с какой скоростью это произошло и какой тонкой оказалась связь между украинским и российским народами, грань между цивилизацией и варварством.

А.В. Лубский. Я послушал ваше выступление о фреймах, которые используются в интерпретации событий. В этой связи вспомнил русские летописи времен Киевской Руси, когда обострялась борьба между разными княжествами. Вот что в этих летописях пишут: «Свой князь-книжник, податлив ко всем, затыкающий перстом ухо от клеветующих. А чужой князь – пьяница, тяжко умный лев, наслаждающийся кровью зарубленных зря». Вот фрейм восприятия своего и чужого. В связи с этим изменилось ли что-то сегодня? Или эти фреймы естественны и необходимы?

М.С. Константинов: Я не говорил, что они необходимы.

А.В. Лубский: Светлана Сергеевна говорила, что война естественна, а я спрашиваю о фреймах: может они действительно естественны и необходимы?

М.С. Константинов: Я спорить не буду: они использовались прежде и используются теперь. Мы выяснили, что фреймы связаны с базовыми идеологическими концептами. Базовые концепты обязательно сопровождаются набором приписываемых характеристик. Новое в информационной войне между Россией и Украиной – сама идея противостояния между «братскими народами», как они вчера квалифицировались.

А.В. Лубский: А я вам скажу, что это братство мифическое. Потому что украинцы (не Новороссия) относятся к совершенно другому антропотипу.

С.С. Неретина: Видимо, он имел в виду государства?

А.В. Лубский: Нет, речь идет о «восточных славянах». Я потом расскажу, что это оказалось мифом.

М.С. Константинов: Мне не известны исследования генотипов русских и украинцев.

В.А. Шкуратов: Хочу сделать ремарку о фреймах. Это просто модное словечко, я бы использовал традиционную лексику – *мифологема*. Вы показываете в своей презентации простейшие бинарные оппозиции: мужское-женское, черное – белое, сырое-вареное. Современная пропаганда, особенно российская, совершенно мифологизирована. Она предлагает потребителю простейшие оппозиции. Никакой рефлексии и перспективы в этой пропаганде нет. Массовая культура тоже предельно мифологизирована. Правда, украинские масс-медиа (я читаю и смотрю украинские русскоязычные масс-медиа «Украинская правда», «Укринформ» и т.д.) тоже сильно мифологизированы. Но в Украине существует одно важнейшее НО: в отличие от России СМИ не монополизированы, они спорят между собой. Там происходят постоянные стычки между ними. Информационное пространство Украины дифференцировано. В отличие от России там нет единого идеологического пресса государства. Там есть несколько властных центров, они всегда спорят между собой. Это дает пространство мнений в переходный период к демократии.

М.С. Константинов: Однако при использовании термина *мифологема* возникают сложности применения теории ложного сознания к анализу идеологий. Тогда нужно показать, какое же сознание истинно. У меня нет фактов, на основании которых у меня возникли бы сомнения относительно того, что сейчас происходит на Украине. Если бы я сейчас назвал это *мифологемой*, мне сразу бы задали вопрос: а что же есть не мифологема? На каком основании вы считаете это мифами, а не реальностью? Что касается украинских СМИ, там тоже мифов хватает: под каждый кустом российский спецназ, десятки тысяч военных, танки, самолеты. Но там нет единой политики. В России политика в области СМИ более монолитная, за редким исключением («Новая газета», «Эхо Москвы», телеканал «Дождь»). Я не думаю, что все сводится к влиянию власти или Кремля, хотя не исключаю этого. Мне кажется, здесь действуют рыночные причины: потребителю рассказывают о распятом мальчике, это вызывает шок и привлекает внимание.

В.А. Шкуратов: Но это же коммерческий ход.

М.С. Константинов: Да. Поэтому я не могу ответить на вопросы: какова роль Кремля, Президента и т.д. Меня интересует только вопрос освещения событий в медийном пространстве.

В.Ю. Попов: Информационная война похожа на грязную бомбу: когда она взрывается, то пачкает всех. Она вытесняет сложные

и тонкие тропы, ряды и структуры мышления, которые формировались годами. Они заменяются суррогатами мышления, которые доводят до того, что невозможно общаться с людьми. То-есть, коммуникация нарушена полностью. В стремлении к грязным бомбам создаются хранилища семян, из которых можно вырастить все, что угодно. Думают ли правительства, когда создают грязные бомбы, а также те силы, которые их создают, где будет храниться чистое мышление, не загрязненное информационной войной, где люди способны мыслить более тонко, не в рамках этой войны? И что будет после войны, потому что любая война имеет определенные цели? А какие цели преследует информационная война? Этой концепцией сейчас прикрываются, в том числе в целях государственной безопасности: мол, идет информационная война, и потому желательно не высказываться, хотя эти высказывания просто содержат более сложные способы мысли, не затронутые информационной войной.

В.П. Макаренко: Для меня этой проблемы не существует. После появления на телеэкранах Кашиповского я не смотрю телевизор. С того момента мне окончательно стало ясно, что правительство наше сознательно оболванивает население. Поэтому я свободен от влияния СМИ.

С.С. Неретина: Вы не свободны, вы боитесь...

В.П. Макаренко: Интересно бы узнать, чего же я боюсь?

А.В. Лубский: Он телевизор не смотрит, он в интернете все читает.

М.С. Константинов: Информацию ведь надо где-то получать. Что думают по этому поводу незримые кукловоды? – надо у них самих спросить. А передо мной факты медийной реальности. Есть ли российские войска на Украине? Чтобы не стать частью информационной войны, я не могу делать никаких предположений. Я могу только дистанцироваться от этих предположений и рассматривать рассказы об этих событиях, как равноправные. Например, кто сбил Боинг? Никто не знает точно ответа на этот вопрос. Может, кто-то и знает. Но я не знаю ответа. Я знаю только те интерпретации событий, которые вбрасывались в медийное пространство украинских и российских СМИ, в том числе неудачный вброс о диспетчере, с фото, пуском ракеты и т.д. Эти интерпретации должны рассматриваться как равноправные, чтобы не стать на одну из сторон, иначе я сам стану частью информационной войны. Что касается термина

информационная война, он мне тоже не нравится, но другого я пока не подобрал.

А.В. Лубский: Хочу сделать комментарий. Наш младший коллега говорил о заботе наших правителей о девственном незамутненном сознании наших граждан. Может, такие мысли их и посещают, но для них главное другое. Я смотрел два телемоста между Донбассом и Киевом. Сидят в Донецке и Киеве представители разных социальных групп. Может их подобрали, но это не важно. Цель – наладить диалог между донецкой и киевской общественностью. Как вы думаете, чем это все заканчивается? Это заканчивается коммунальной квартирой, где у каждого свои интересы, представления, как их не успокаивают, они начинают ругаться. Если не прекратить, это закончилось бы мордобоем. Это к вопросу об информационных войнах.

М.С. Константинов: Было видео представителей силовиков (Национальной Гвардии Украины) с ополченцами вне контекста влияния власти. Оно было инициировано самими военными, которые запечатлели на видео свои переговоры. В конце этих переговоров по скайпу они пришли к выводу, что цели у них почти одни и те же. Те и другие с большим подозрением относятся к киевской власти.

А.В. Лубский: Этому есть объяснение: войны начинаются на энтузиазме, а заканчиваются на усталости. Тем и другим надоело воевать, но проблема в том, что остальные не воюют, им это еще нравится.

В.А. Шкуратов: Но была семилетняя и тридцатилетняя война и т.д.

В.П. Макаренко: Разрешите маленький комментарий к тому, что говорил Вадим. Исследования Левада-центра показывает, что в 1995 году российские СМИ могли самостоятельно говорить и трактовать события. Но абсолютное большинство журналистов уже в то время добровольно начало обслуживать власть. Массовая реакция журналистов состояла в добровольном обслуживании власти. На это мало обращают внимания.

В.А. Шкуратов: Что означает добровольность? Как сказал Ежи Лец, трудно определить, кто плывет по течению добровольно.

В.П. Макаренко: Я ссылаюсь на конкретные социологические исследования. В противном случае вы должны ставить вопрос: достоверны или нет социологические исследования Левада-центра? Для ответа надо вникать в методологические споры. Но если вы со-

гласны, что социологические знания дают нам хотя бы приближенные знания о позиции тех или иных социальных ситуаций и групп, то мы должны попросту признать этот факт и все.

В.А. Шкуратов: Сейчас удивительно видеть, как благополучные и весьма обеспеченные джентльмены (вроде Соловьева Владимира), имевшие виллы в Швейцарии, они что – вполне добровольно обслуживают власть?

В.П. Макаренко: Это уже другое дело, я говорил о 1995 годе. Недаром журналистику называют одной из древнейших профессий. В современной России уже более 10 лет существует эта традиция. Если посмотреть на российские законы о СМИ, то они являются вполне демократическими. А в реальной практике не соблюдаются.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, вы хорошо знаете, что любой центр власти пытается прибрать СМИ к рукам, иначе он не может быть центром власти. Одно дело, что у нас один центр власти, а в Украине несколько центров власти.

С.С. Неретина: Понимаете, в СМИ есть еще такой серьезный фактор, как увольнение. Когда вам в месяц платят мою годовую зарплату, то сильно подумаешь, о чем будешь писать. Поэтому слово *добровольно* здесь не уместно.

А.В. Лубский: Видимо, подойдет *добровольно-принудительно*.

С.С. Неретина: Вот-вот. Кажется, Альбац из *Нового времени* сообщила, что она хочет быть независима, и потому просит поддержать её журнал. Сегодня мы говорили много о войне, но существует треугольник «война–власть–деньги». Третью составляющую мы просто не учитываем. Есть статья у Татьяны Любимовой, которая как раз об этом пишет: война-власть и деньги. Деньги – это мертвое время, которое непосредственно работает на войну.

***Война по оси центр-периферия:
цивилизационный дискурс***
А.В.Лубский

А.В. Лубский: Эту тему я дал Виктору Павловичу три дня назад и имел смутное представление о том, что буду говорить. Как исследователь к этой теме я отношения не имею. Поэтому буду рассуждать как методолог. Как изучать эту проблематику? Ее называют по-разному. Мы назовем «в эпоху позднего модерна», которая бросает вызовы социальным и гуманитарным наукам. В предмет-

ном плане это вызов социальной сложности и неопределенности. В методологическом плане это вызов многообразием мультипарадигмальных и когнитивных практик. Возникает проблема методологического плюрализма, исследователь выбирает из многообразия основания способа познавательной деятельности и работает в той или иной парадигме.

Вызов плюрализма состоит в том, что сегодняшние реальные проблемы становятся все более глобальными, транснациональными. А в социальной науке социальные знания становятся фрагментарными, разбросанными по социальным квартирам. В социальном знании ускользает глобальный контекст и целостное восприятие. Утрачивается целостность, сложность и многомерность социальных явлений. Это все касается и нашей сегодняшней темы, которую мы обсуждаем. Анализ показал, что исследователи пишут односторонне об этом конфликте. Целостному восприятию данного явления мешает фрагментарность и ангажированность исследовательского тона. Фрагментарное мышление базируется на одномерных мыслительных конструктах, не позволяющее изучать целостно серьезную проблему войны в качестве сложной и многомерной реальности. Ангажированность познавательного духа ученых заключается в том, что дискурсы часто определяются не различием методологических предпочтений, а противостоянием разных идеологических оценочных суждений. Тем самым продолжается воспроизводство идеологически ангажированного знания. Преодоление множественности и ангажированности суждений о войне в системе «центр-периферия» – это одна из задач политической концептологии. Проблематика войны в системе «центр-периферия» актуализировалась политической концептологией в конце прошлого века в связи с военными конфликтами на Кавказе. Виктор Павлович одним из первых актуализировал эту проблематику в связи с событиями в Чечне. Актуализация этой проблематики в имперском дискурсе привела к теории центра-периферия. Во время распада империи на обломки государства становятся змеиным клубком интересов. Поэтому конфликт «центр – периферия» рассматривается как одна из колоссальных проблем, которую не может решить имперская власть. Такой вывод делает Виктор Павлович.

В.П. Макаренко: Это делаю не я, а Фернан Бродель.

А.В. Лубский: Он об этом писал на материале анализа отношений между Османской и Испанской империями в XVI–XVII вв., а вы сейчас делаете такой вывод, значит, вы с ним соглашаетесь.

Идея понятна: распад империи порождает войну на периферии. В последнее время в изучении войны в системе «центр-периферия» стал популярным геопространственный подход. В рамках этого подхода объектом выступают не только те или иные регионы, но и пространства политической регионализации, которая сопровождается процессом интеграции интересов пространственных группировок. Эти группировки связаны со способностью региональной державы навязывать свою волю сопредельным странам, обладающим демографическим и политическим потенциалом, относительно мирными политическими и экономическими методами. Как правило, отношения определяются на неформальных основаниях, без формального договора, поэтому не ущемляется суверенитет каких-либо стран.

Но нужно учесть, что определение участия региональной державы в такой интеграционной группировке противоречиво. С одной стороны, она заинтересована в превосходстве с сопредельными странами, но с другой стороны, постоянная поддержка такого превосходства может привести в этих странах к взрыву националистических настроений, пересмотру своей политики и нахождению нового покровителя. А это уже вызов региональной державе, угроза национальным интересам, создания риска в отношениях «центр-периферия». Геопространственная парадигма бывает разной, в ней можно выделить несколько подходов. Я остановлюсь на трех из них – геополитической, геоэкономической и геокультурной парадигмах. Насколько эти подходы применимы к войне на Украине?

Геополитика – это анахронизм, существующий в нескольких вариациях. В настоящее время геополитику определяют как форму политического проектирования. Она заключается в том, что геополитик рассматривает массу данных на географической карте для выдвижения им политического проекта. Как считают российские геополитики, такая геополитика возникла в США после окончания холодной войны для геополитического доминирования в мире с помощью мягкой силы. Поэтому сейчас надо говорить не только о геополитическом доминировании, но о гуманитарной интервенции. По мнению наших экспертов, в рамках этой парадигмы США продолжает действовать как единственная глобальная держава. Но это не только мнение наших экспертов.

Например, американский эксперт Дж. Фридман пишет о стратегических планах США в Европе: «Главные стратегические интересы США во время прошлого столетия между первой и второй ми-

ровыми войнами концентрировались на отношениях между Россией и Германией. Потому что, объединившись, эти две страны могут составить США жизненно важную угрозу. Наша главная задача была в том, чтобы не допустить их союза. Стратегия заключается в том, что США воздвигает санитарный кордон вокруг России, а Россия не знает об этом. Русские думают, что США хочет расчленивать Россию, но США этого не хочет, а только слегка поранить и ослабить её. В любом случае мы вернулись к старой игре».

Что это за игра? Я напомним тем, кто не изучал геополитику: ее основу образуют учения о хартленде и римленде. Автор «Великой шахматной игры» Збигнев Бжезинский пишет, что американское могущество в Евразии должно положить конец амбициям других стран в отношении мирового господства. Геополитическая цель США - контроль над Евразией, позволяющий получить исключительную глобальную власть и не допустить появления нового геополитического соперника. Имперская тактика геополитических стратегий США заключается в следующем:

1. Предотвращение сговора между вассалами, сохранение их лояльности и недопущения объединения варваров.

2. Гуманизированная политика с позиции силы. США не планируют военизированной колонизации, они предлагают демократические ценности и права в евразийском континенте, а кто откажется от такого подарка, те могут получить его с помощью силы.

3. Геополитическая стратегия США в Евразии должна способствовать отделению стран СНГ от России и ускорять её собственный распад.

Другая стратегия этой геополитики называется тактика анаконды. Раньше тактика анаконды пробовалась в южном подбрюшье России, теперь она двинулась на запад. Что это за тактика? Создается цепочка саттелитов – Болгария, Украина, страны Прибалтии. Украина – это фактор, используемый для предотвращения создания оси Германия – Россия – Иран. Украина станет главным игроком в пространстве Евразии. Джордж Фридман пишет: вопрос, который стоит на повестке дня для русских, это то, что Украина станет буферной страной между Россией и странами НАТО, либо от России останется 100 км от Москвы на запад и 500 км на восток. Украина для России является жизненно важной страной, она не может просто так оставить Украину и уйти. Для США вопрос стоит так: если Россия начнет бороться за Украину, то мы должны остановить Россию. Из этого следует сделать вывод, что события на Ук-

раине, является местом столкновения национальных интересов США и России.

Особняком находится позиция Европы, которая всеми способами пытается остановить эту войну. Напомню, что писал Бжезинский: ситуация в Европе осложнилась, а Украина, которая находится в центре Европы, имеет важное значение. Имперские амбиции у России нарастают, она постепенно пытается вернуть Украину в свой состав. Это опасно для США, потому что Россия механически становится империей. А это противоречит национальным интересам США. Дж.Фридман пишет: по этой причине США посылает войска быстрого реагирования в Болгарию, Румынию и Польшу, в междуморье – территорию между Балтийским и Черным морем. Термин междуморье зародился в XVII веке, но после первой мировой войны об этом говорил Пилсудский. Фридман говорит, что этот проект для США предпочтительней. Иными словами, этот кордон нужен, чтобы Россию оторвать от Германии. Эта стратегия позволяет устранению нового геополитического игрока. США пытается создать буферную зону в лице Украины, США нужна слабая и нестабильная Украина. Вот так с точки зрения геополитических доктрин рассматривают ситуацию на Украине. Конфликт на Украине – это следствие столкновения национальных интересов США и России.

Теперь скажу о геоэкономической парадигме. Ее актуализация в конфликте по оси центр-периферия была обусловлена новыми трактовками геоэкономики. Многие зарубежные аналитики считают, что с окончанием холодной войны окончилась эпоха геополитики. Многие аналитики подчеркивают, что геополитические противостояния решаются не с помощью военных, а геоэкономических столкновений. Впервые развел понятия геополитики и геоэкономики американский дипломат Людвиг. Геополитика – это дело прошлое, а геоэкономика – это дело настоящее. Но вот в 1991 г. итальянский генерал опубликовал статью, в которой он связал методику и стратегию геоэкономики с геостратегией как дело национального государства, которое выступает геоэкономической страной-системой. И вот для защиты своих национальных интересов геоэкономическая страна-система начинает геоэкономические войны на периферии для того, чтобы получить доступ к дополнительным ресурсам.

На одной из конференций организованной французской нефтяной компанией Шелл, представитель президента сообщила, что

её страна вложила в Украину с начала 1990-х гг. более 5 млрд. долларов. Так вот, исходя из геоэкономической парадигмы, США начинает конфликт на Украине для ослабления еврозоны и России. В середине 1990-х годов у нас даже не было такого понятия как национальный интерес, мы его заимствовали из США.

Третья парадигма геополитики называется геокультурной, а иногда геоцивилизационной. В середине XX века мир был разделен на капиталистические и социалистические общества. В XXI веке мир разделен на 8 цивилизаций. Согласно этой концепции, цивилизации находятся в состоянии конфликта, а на периферии этих цивилизаций образуется зона тектонического разлома. Места разлома являются периферийными зонами в интерпретации Хантингтона. Место Черноморско-Каспийского региона является зоной Евразийской нестабильности, в которой будут проходить межэтнические конфликты – вдоль разлома между христианской и мусульманской цивилизацией.

Другой методологией анализа региона является концепция великого лимитрофа, предложенная Цымбурским. Понятие лимитрофа обозначает граница между геоцивилизациями. Цымбурский утверждает, что великий межцивилизационный пояс (лимитроф) тянется от Прибалтики через Восточную Европу, Кавказ, Центральную Азию и Китай. В рамках этой концепции современная Украина является частью в поясе великого лимитрофа, где происходит столкновение геоцивилизаций. Но не христианской и исламской, а западноевропейской и российской. Украина является периферией российской цивилизации, но не является периферией западноевропейской цивилизации. Это тот анклав, который стремится стать периферией западной Европы.

Связь сецессии с отчуждением общества и государства

Н.В. Гонтарь

Н.В. Гонтарь: Тема сецессии возникает вроде в контексте как войны, так и мира. Но я на войне останавливаться не буду. Говоря о сецессии как процессе, я имею в виду его связь с проблемой отношения государства с подведомственным ему населением. В классической форме сецессия связана с выходом из состава государства. Этот термин возник в США во времена гражданской войны. Сейчас эта тема у нас не разрабатывается по известным причинам. Зато есть фундаментальная работа Бьюкенена «Сецессия – право на отделение, права человека и территориальная целостность государ-

ства». Существует институт, который занимается изучением проблем мирового сепаратизма и процессов самоопределения. Эта проблема находится на стыке политической географии и теоретической географии. Данный процесс как явление затрагивает страны, но касается и взаимоотношения государств. Он выражает отношение к государству как к машине, к механизму. В этом смысле решения, которые принимаются территориальными общностями, принимаются по поводу конкретного государства и его способности решать те или иные проблемы его устройства. Сразу оговорюсь, что проблема сецессии довольно широкая. Я не буду касаться её всей, потому что не хватит времени.

Начну с того, что есть две модели: сецессия по экономическим причинам, когда есть желание отделиться и жить в другом государстве; сецессия с преобладанием этнически-религиозных причины, когда экономика играет небольшую роль. Есть ещё несколько линий разделения. Я буду говорить о современной ситуации.

Сецессия была и в середине прошлого века, когда распадались колониальные империи, прежде всего Британская империя. Тогда из нее выделились Пакистан, Бангладеш, Сингапур. Здесь я не буду касаться исторических аспектов, поскольку там были другие обстоятельства.

Наконец, третье. Я преимущественно коснусь ситуации в центре, хотя есть и периферия, но там речь идёт о другой социально-политической ситуации. Как правило, это авторитарные или теократические режимы. Там сецессия возможна совершенно по другим законам, чем в странах так называемого золотого миллиарда. При разговоре о сецессии как отношении общества с государством следует упомянуть несколько стратегий. Можно приспособлять государство к населению или население может приспособляться к государству. На последней конференции был высказан замечательный тезис: российское общество приспособляется к государству путем его игнорирования, живя параллельной жизнью. Есть вариант бегства от государства. В период освоения Сибири или Дикого поля, когда формировалось казачество, сецессия или бегство выливалось в построение границ, в качестве которых выступало само пространство. Оно становилось новой границей между беглецами, отделившимися группами, его просто физически невозможно было преодолеть. Так выглядела сецессия на пространствах Евразии. Сейчас это невозможно, всё пространство освоено и покрыто замкнутыми границами тех или иных государств. Сегодня сецессия

– это процесс политического новообразования, то-есть, построение новых политических границ.

При доминировании экономических причин сецессии возникают следующие закономерности. Прежде всего речь идёт о территориях, которые желают отделиться, поскольку они являются более развитыми в экономическом плане, чем остальные территории страны. Примером может служить Каталония. Там прошёл декоративный референдум в конце прошлого года, не имевший силы действительного референдума. Каталония – это 16% населения Испании. Она производит 23 % всей валовой продукции. То есть, это успешный регион. По валовому продукту на душу населения он занимает четвертое место в Испании. Этот ВВП сопоставим с Финляндией, Данией и выше, чем у Ирландии. В душевом измерении это уровень примерно Германии, и он лучше, чем в Греции и Португалии. Так что это весьма успешный регион. Он успешен не за счёт туризма, а за счёт продвинутых промышленных отраслей – химической, автомобилестроения, фармацевтики и т.д.

Возьмем Квебек – франкоговорящую провинцию в Канаде, которая тоже желает повысить самостоятельность. Там есть партия, которая над этим работает. Есть также паритет покупательной способности на уровне сотни миллиардов долларов. Эта провинция производит 19% валового продукта, а ее технологический экспорт составляет 45% от всего экспорта Канады. Шотландия тоже достаточно развита. Но там это не технологические отрасли, а нефтедобыча. Основная масса налогов, которые уплачивает Шотландия – это нефтяные доходы. Отсюда вытекает мой первый тезис: в современных условиях о сецессии, прежде всего, заговаривают страны, которые видят экономические основания для своего независимого существования, имеют для этого прочную экономическую базу. Повышение благосостояния – главный тезис, который оправдывает такую стратегию. Общий лозунг – хватит кормить всю страну; мы сами можем быть более развитыми, чем неся на своем горбу ещё кого-то.

Образцом для таких тезисов является Шотландия, которая готовилась к референдуму. Там среди обоснований сецессии значилось повышение заработной платы, введение социальной заботы за маленькими детьми со стороны государства; выдвигалось требование, чтобы фермеры получали деньги, выделяемые Евросоюзом для фермеров, которые Британия забирает себе. Самое интересное – этот процесс может быть идентифицирован на разных уровнях.

Сама же Великобритания уже не в первый раз пригрозила выходом из Евросоюза. Эта история уже долго тянется. С того момента, когда обнаружилось, что Великобритания произвела на свет больше продукции, чем эксперты прогнозировали эксперты. В Евросоюзе собирается общий котёл на базе текущих экономических показателей каждого члена Евросоюза. Британия, получив большие экономические показатели, оказалась обязана доплатить два миллиона Евро в общий котёл в Евросоюзе. Конечно, это не понравилось Британии. Таков был повод для очередного скандала.

Теперь о ситуации, когда сецессия вообще не возникает или ее угроза минимальна, несмотря на существование партий, выдвигающих такое требование. Здесь в пример можно привести Аляску. По моим сведениям она 90% своих нефтегазовых доходов оставляет себе. Более того, компании, которые приходят туда разрабатывать нефть, обязаны стимулировать экономическим образом местные сообщества и соблюдать жёсткие экологические требования. Здесь угроза выхода штата из состава США минимальна. А причина как раз в том, что здесь уровень распоряжения своими ресурсами качественно иной. При этом для типа с доминированием экономических причин характерно фактическое отсутствие этнического компонента. В США его практически нет вообще. В Европе есть, в Шотландии он подчёркивается, но на периферии внимания.

Что касается второго типа сецессии – по этническим и религиозным причинам. Здесь экономические вопросы тоже важны, но они не имеют такого значения. Там, где льётся кровь на основе религиозных или этнических распрей, не до экономики. Хотя экономическая база здесь тоже есть, но она выглядит иначе – как предполагаемая поддержка со стороны неких внешних факторов. Речь идет о странах, которые готовы спонсировать, субсидировать под предлогом гуманитарных целей и предотвращения гуманитарных катастроф.

Теперь об идее, которая содержится в названии доклада. Причём здесь государство и отчуждение? На мой взгляд, экономические причины сецессии можно поместить в более широкий контекст проблемы взаимоотношения общества и государства. Здесь надо упомянуть классификацию отношений агрессора и населения, которую предложил Мюррей Ротбард. Под агрессором он понимает именно государство и фиксирует три возможных варианта агрессии государства по отношению к населению: одностороннее вмешательство, когда нечто запрещается всему населению; двухстороннее

вмешательство, примером которого является налоги - современная разновидность грабежа на большой дороге; трёхстороннее вмешательство, когда государство запрещает каким-то двум или более субъектам совершать те или иные действия. Речь идет о регулировании торговли, цен, патентов, тарифов и т.д. Эти отношения могут характеризоваться как отношения отчуждения.

Есть ли альтернатива? – я не скажу. Но сейчас ситуация такая, что отношения между государством и населением могут характеризоваться именно так. Демаркация или точка отсчёта в истории здесь есть. Она присутствовала в момент образования американского общества, которое базируется на постулате делегирования государству того, что люди не могут сделать сами. Мы собрались и считаем, что государство может более эффективно сделать то-то и то-то, и именно это (а не то, что оно само устанавливает, даже не спрашивая население) мы ему делегируем. Сегодня ситуация совершенно другая. Доминирует бюрократия, которая сама формулирует цели и задачи для себя и для общества. На эту тему много сказано, в том числе Виктором Павловичем. Пирамида перевернулась.

Разумеется, под эти цели и задачи оно концентрирует ресурсы. Есть один нюанс. Не существует никаких логически обоснованных, доказанных, общепризнанных критериев того, что должно и не должно относиться к контролю государства. Отсюда следует важный вывод: сфера возможной узурпации государства не ограничена ничем, и количество ресурсов, которые государство может переключить на себя, тоже не ограничено ничем. Что касается следствий из этого вывода, то общая ситуация и порождает самые разнообразные линии отчуждения. Возникает невозможность формирования желаемых коллективных стратегий поведения и форм самоуправления. Не думаю, что житель, например, Московской области, если задать ему вопрос: такой дизайн муниципального управления создан по вашему лекалу? – ответит утвердительно. Он просто пожмёт плечами. Ведь у него нет контроля над ресурсами. Господствует ощущение непричастности к ключевым экономическим решениям.

Собственно, проблема экономической сецессии укладывается в качестве одного из пунктов в эту общую проблему. Данная проблема не является надуманной. Она является фактической. Общество не контролирует ключевые основы своей жизни. Мы не контролируем эмиссию денег. Самое интересное: мы не знаем, как деньги

появляются в экономике. В подробностях мы этот процесс не опишем. Если мы скажем, что они печатаются на печатном станке, то это не так. На станке печатаются всего 5% денег. Как появляются в экономике остальные 95%? – неизвестно. Затем – никто в трезвом уме не станет накапливать долги. В США долги составляют 17 триллионов долларов. Мало того, что эта цифра невообразимая, она ещё и перекрывает с лихвой то, что производит экономика...

В.П. Макаренко: А соответствует ли она реальности?

Н.В. Гонтарь: Абсолютно.

В.Ю. Попов: Слово долг здесь имеет другое значение.

В.П. Макаренко: На основании каких критериев?

Н.В. Гонтарь: Это не критерии, это расписки, если у вас кредитный договор. Это не какие-то мнения, а казначейские облигации.

В.Ю. Попов: Только они занимают у своих граждан.

Н.В. Гонтарь: Это не внешний процесс, а процесс, который отражает факт: граждане не контролируют государство и не причастны к принимаемым решениям. Есть ещё один нюанс. Я оцениваю деятельность транснациональные корпорации в целом положительно. Но в ряде случаев они ведут себя, как им вздумается. И тоже могут осложнять ситуацию. К тому же возникающие проблемы граждане склонны перекладывать на плечи государства. Объективно это или нет? – не знаю, но это формирует ещё одну линию отчуждения. В ряде случаев возникают неформальные выборные процедур. Короче говоря, даже в развитых странах демократические процедуры не обеспечивают подлинный контроль над ситуацией. Неясно, кто попадает в законодательные органы и отражены ли там какие-то интересы.

Об отсутствии в Шотландии контроля граждан над подконтрольными им их же ресурсами говорит факт: только в 2012 году был принят акт о Шотландии, согласно которому только с 2016 года парламент Шотландии получает возможность распоряжаться 23% федеральных налогов и на него же ляжет половина расходов. До этого ситуация была такова, что Шотландия располагала только 7-ю % доходов и 30 % расходов. За них она отвечала. Конечно, эти отчуждения могут формулироваться ангажировано, но в целом они имеют под собой реальные основания. И ведут к конкретному политическому процессу, формирующему тенденцию к сецессии.

Как это происходит? Вначале формируется ядро – Партия независимости Шотландии, Техаса, Квебека, Каталонии и т.д. Некая

группа, которая начинает сбор информации о том, что представляет собой альтернатива сецессия, какие экономические ресурсы могут ее обеспечить, и распространяет эту информацию. Потому что в принципе эти страны опираются на процедуру референдума. Никакая партия в 1000 или даже 10000 человек не решит судьбу такой ситуации. Нужна поддержка миллионов. Нужно распространение информации. Отсюда следует важный вывод: сецессия по такой модели невозможна в обществах, где запрещена или поставлена под контроль свободная деятельность партий, несмотря на формальную многопартийность. Сецессия по такой модели невозможна в ситуации контроля за распространением информации. В ходе сбора и распространения информации партии могут отбирать удобные для них факты, могут модулировать факты, о чем-то умалчивать, не отражать полную ситуацию, поскольку ситуация всегда сложна. Она никогда не является простой. Я не говорю, плохо это или хорошо. Просто это так.

Наконец, формируется дискурс о несправедливости присвоения. Бьюкенен об этом тоже говорил. То есть, наши ресурсы кто-то несправедливо перераспределяет. Всё это является основой для подготовки процесса сецессии. Эти основные положения позволяют оценить текущую ситуацию сецессии и сказать, насколько она адекватна современному этапу мирового развития. Сегодня сецессия по этому типу предполагает в случае своей удачной реализации построение неких границ. Вы не можете просто куда-то уйти, вы должны построить границу. Будет она формальной или неформальной? – иной вопрос, но вы должны построить границу. Более-менее широким примером такого рода было разъединение советских республик. Каждая из них стала строить свои границы, возвела таможи, которые в Европе уже снесли, а у нас их только возвели. Это всё в контексте утверждения некой «инаковости» России. Построения такой новой общности, которая должна символизировать сам процесс независимости. Сам процесс возведения барьеров призван обозначить независимость. Он в корне противоречит тому, что сегодня позволяет достигать успехов в условиях глобализации. Ключевые ресурсы глобализации – это потоки знаний, информации, инноваций, капиталов, труда, квалифицированных кадров. Замыкание и построение границ бьёт по этой эффективности, и отодвигает перспективы возникших государств.

Вторая, более фундаментальная проблема – подмена такой стратегией коренной проблемы, которая подлежит решению. Нам

кажется, что если мы отделимся от того или иного государства, которое узурпирует наши финансы, не даёт нам ими распоряжаться, то мы решим все свои проблемы. Но подмена состоит в том, что государство, от которого пришлось отделиться, заменяется новым государством. А свойство и качество нового государства, начиная с эмиссии и заканчивая построением отношений с подданными, никаким образом не меняется. Поэтому попытка выйти из-под контроля ведет к тому, что на новом уровне формируется та же ситуация. Смягчить проблему может передача экономических полномочий на места, передача бюджетов, экономических ресурсов, самоуправление в экономическом смысле. Часть проблемы это может решить. Сегодня эта стратегия используется и называется заливанием деньгами. Мы это видим на примере как наших соседних территорий, так и на примере той же Шотландии, которой тут же были обещаны некие преференции, большее распоряжение своими доходами. Иногда можно подумать, что именно это является целью таких движений. На само деле нет.

Есть коренной вопрос, который не решается в ходе такого процесса, но именно он является его глубинной основой. Это вопрос добровольности или не добровольности делегирования тех или иных полномочий. Сегодня о такой добровольности в модели современных государств даже не приходится говорить. Даже выборные процедуры часто носят формальный характер. В принципе отчуждение по самому широкому кругу линий, которые определяют самые важные аспекты жизни, сохраняется. И никакая сецессия, помимо того что она противоречит экономическим закономерностям, которые обеспечивают сегодня успех, не обеспечивает той смены качества, которая и является глубинной целью этих движений и не может обеспечить устойчивость ситуации. Никто не скажет, что есть основания для отделения Каталонии, но нет оснований для отделения департамента в рамках Каталонии. И так далее. Никаких твёрдых общепринятых рамок, когда этот процесс должен закончиться, нет и не будет. Потому что вопрос экономический укладывается в более широкий контекст. Отчуждение государства от общества – вот основная проблема сецессии, которая не решается силой.

А.В. Лубский: Ваш главный тезис – экономика есть основная причина сецессии. В результате определенных экономических решений возникает чувство социальной несправедливости. А вот, например, в Германии Северный Рейн-Вестфалия – крупный индуст-

риальный район. Но там нет чувства экономической и социальной несправедливости. Или возьмем Саксонию. Там жизненный уровень ниже, чем в остальной Германии. Но они не помышляют ни о каких сецессиях. Нет ли кроме экономических причин также культурно-этнических причин сецессии, как в той же Каталонии или Шотландии? Или всё дело в экономике? Второй вопрос такой: регионализация в Европе идёт на трёх уровнях. Наиболее известен высший уровень – Евросоюз. Низший – внутри отдельных стран. Но есть средний (о котором мы говорим мало), когда объединяются регионы сопредельных стран. Созданы специальные организации международного типа – Совет Европы регионов, Европа регионов. А там какие причины?

Н.В. Гонтарь: По поводу Германии это хороший вопрос, потому что он целиком укладывается в развиваемую мной концепцию. Германия – это подлинная федерация. Федеральные земли имеют свои парламенты и наделены широкими полномочиями. Она на самом деле распоряжается своими средствами и имеет широкие возможности для организации собственной жизни. Германия находится на особом положении в ЕС. Это позволило ей получать большое преимущество в плане экспорта. Когда возникли с проблемами с Грецией, один из сценариев предполагал выход Германии из ЕС – под лозунгом «Хватит кормить Грецию и остальных». Но этот сценарий был заблокирован самой Германией.

Теперь по поводу регионализации в рамках Евро-регионов. Действительно, это хороший опыт, тоже вписывается в концепцию, о которой я говорю. Этот опыт стимулирует местные инициативы. Он даёт в руки местным сообществам ресурсы развития, они повышают свою самостоятельность, в том числе свой статус в системе принятия решений. Но это совсем не то же, что регионы на границах Украины, Прибалтики, Белоруссии. Там они играют роль сдерживающих регионов, чтобы население не хлынуло в Европу. Несколько улучшая жизнь на этих рубежах. Это другая проблема. Она относится к уменьшению контраста жизни на границах.

В.Ю. Попов: Александр Эткинд написал предисловие к книге «Экология Разума» Бейтсона. Он пишет, что целые науки (в том числе семиотика), «логически связаны с идеей большого правительства». А с какой идеей связана концепция сецессии, которую вы осветили? Она больше служит идее сохранения национальных государств в политических границах или же идее развития глобализационных процессов, процессов проникновения через границы

капитала, рабочей силы, информационных ресурсов и так далее? Потому что слово *сецессия* в русском употреблении редкое, а слово *сепаратизм* имеет негативные коннотации. Нельзя ли слово *сецессия* нагрузить какими-то новыми оттенками для использования его в современных контекстах?

Н.В. Гонтарь: Да, действительно, в русском контексте *сецессия* более нейтральный термин, поскольку с *сепаратизмом* все борются. Но экономические основания для выводов или решений всегда более-менее туманны, а для широкой аудитории они максимально туманны. Потому что никто не может сформулировать их строго сформулировать до начала процессов накопления и распространения информации. Никто не может сформулировать чётких критериев «за» или «против» сецессии. Аналитики рассматривают этот вопрос с точки зрения выгодно или не выгодно, с точки зрения неких рациональных основ устройства жизни. Разумеется, этот процесс всегда включает политические аспекты. Потому что речь идёт именно о политических границах, поэтому сецессия никогда не ограничивается экономикой. Любая проблема по-разному видится людям, которые состоят в местных организациях и в центральных правительствах. Каждый придаёт ей ту интонацию, которую он считает нужным ей придать. Поэтому никаких общих выводов по поводу сецессии сделать нельзя. Всегда можно будет найти две, три, четыре, пять точек зрения, которые будут полностью противоречить друг другу.

А.В. Лубский: В Шотландии с XIII-го века постоянно обсуждается вопрос о сецессии. Короли пытались ее интегрировать, шотландцы пытались отделиться. Но вопрос шёл не о полном отделении, а о сохранении своей культурно-исторической самобытности. Короли то давали, то отнимали свободу культурного развития Шотландии. Постоянно шла борьба вокруг культурно-исторической самобытности Шотландии. Возможно, что сейчас возможно вы и правы - вопрос лежит больше в экономической плоскости. Но с точки зрения исторической традиции шла борьба по поводу культурно-исторической самобытности Шотландии.

В.А. Шкуратов: Простите, до унии Шотландия была независимым государством. И объединилась с Англией, когда на английский престол вошёл шотландский король. В Шотландии он был Иаковом шестым, а в Англии Иаковом первым.

Но я по поводу сецессии скажу. Это для нас он нейтральный термин. Что касается США, то сецессией назывался акт отделения

южноамериканских штатов от общего государства в 1861 году. И там, кстати, был конституционный прецедент. Потому что президентом был избран Авраам Линкольн, а южные штаты за него не голосовали. Поэтому они на своих конституционных основаниях заявили, что это не наш президент.

А.В. Лубский: Здесь есть параллель с историей Российской империи. В 1917 г. Украина воспользовалась правом на самоопределение. Но украинские федералисты поддержали идею русского царя: независимая Украина – это выдумка немцев.

В.А. Шкуратов: Центральная рада не поддерживала независимость Украины

А.В. Лубский: Но я говорю об американцах. Только в конце 1950-х годов был принят закон о порабощённых нациях. И туда впервые включили Украину под номером 4. Но на самом деле США резко отрицательно относились долгое время к отделению Украины от России.

В.А. Шкуратов: Фландрия, Каталония, Шотландия – это интересно, но у нас случай двух сецессий - Донецкая народная республика и Луганская народная республика. Там совершенный тупик сейчас. Что бы вы им посоветовали?

Н.В. Гонтарь: Вы хотите, чтобы я им что-то посоветовал?

В.П. Макаренко: Построить и забор и отделиться от Украины и от России одновременно...

А.В. Лубский: В период организации национальных государств национальные сообщества начинают почему-то воспринимать себя как центр мира, от которого надо отгородиться, построить границы, выкопать канаву и так далее...

Н.В. Гонтарь: В контексте того, что я уже говорил, могу сказать: уровень самообеспечения и управления своими ресурсами буквально для физического выживания на территории и Луганской и Донецкой областей не просто на порядок ниже, чем был даже год назад, он сейчас равен почти нулю. На мой взгляд, очень печально, что такая мощная держава как Россия допустила на своих границах такое развитие событий. Встаёт вопрос: всегда ли Россия может обеспечить мир у своих границ?

Религиозные корни сепаратизма

В.П. Макаренко

В.П. Макаренко: Основное содержание моего сообщения на тему «Распад и воспроизводство империй как когнитивно-

политическая проблема» уже опубликовано⁵⁹⁴. Его суть состоит в описании того, что бюрократические стандарты деятельности и мышления продолжают действовать в кризисных обстоятельствах распада советской империи, а также в условиях современной России. Различные ведомства, включенные в инициирование, развязывание и трансляцию центрo-периферийной войны не рефлектируют в отношении проблемы бесплодности и устарелости данных стандартов и не только их транслируют, но и усиливают. Но сейчас я об этом говорить не буду. Николай Владимирович поставил проблему сецессии и дал эмпирический материал для ее обсуждения. В этой связи я сошлюсь на свою статью десятилетней давности⁵⁹⁵, которая, видимо, тоже не устарела. Судить об этом можно по двум фактам: на нее была реакция в журналах «Мировая экономика и международные отношения» и «Новое литературное обозрение»; дискуссии на нашем круглом столе. Разумеется, я сейчас не успею рассказать всё, но один фрагмент попытаюсь проговорить внятно, поскольку он всплыл на нашей дискуссии. Одновременно я попытаюсь показать Светлане Сергеевне на конкретном примере, что я имею в виду, когда пишу и говорю о политической концептологии.

В книге «Политическая концептология: обзор повестки дня» я проанализировал множество концептов, в том числе концепт сецессии. Проблема в следующем: каково отношение между сепаратизмом, автономизмом и государственным суверенитетом? В нашем обсуждении она тоже возникла. При ответе я опирался на аналитические исследования 1980–1990-х годов, которые в нашей литературе известны мало. Исходный пункт таков: один из главных постулатов аналитической философии состоит в идее спорности (оспариваемости) всех политических понятий. Вот и сейчас Николай Владимирович при ответе на вопрос сказал: есть одна и другая позиция, но наверняка мы можем обнаружить ещё пять, которые не вписываются в схемы обсуждения любых проблем. Какова практическая реализация этого принципа?

Я пошёл по направлению критики бытующих определений. В типичном словаре политического языка сепаратизм определяется как отделение или обособление части государства и создание нового государства. Автономия определяется тройко: как самоуправле-

⁵⁹⁴ См.: Макаренко В.П. Распад империй: войны в системе «центр-периферия» (статья 1-2) / Sofia. 2003, № 3; Sofia. 2004, № 4.

⁵⁹⁵ См.: Макаренко В.П. Теория сецессии: послышки, аргументы, следствия // Вестник Московского университета: Сер.18: Социология и политология. 2006, № 2.

ние территориально-национальными образованиями в пределах единого государства; как административно-территориальная единица; как право на самоуправление в деятельности каких-либо органов. Суверенитет означает независимость, самостоятельность, верховенство и единовластие.

Сами по себе эти определения сомнений или возражений не вызывают. Но и не отражают специфику аналитического подхода к указанным феноменам и отношениям между ними. Для дистанцирования от этих определений – концепт дистанции в политической концептологии является исходным – я хотел бы обратить внимание на религиозные корни сепаратизма, на которые мало обращают или совсем не обращают внимания в нашей литературе. Приведу некоторые факты.

Христианство на протяжении своей истории раскололось на католицизм, православие и протестантизм. За 2000 лет существования христианства возникло 66 общехристианских сект и ересей (включая 45 толков), 9 католических сект, 27 протестантских сект и ересей (33 толка), 2 старообрядческих (62 толка) и 30 никонианских сект (90 толков). Все они противостояли официальным церквям и претендовали на особый статус. Но есть и существенные различия между западным и восточным христианством.

Главный признак западного христианства – доктринальные расхождения с официальной церковью. В западном христианстве идея полного отделения церкви от государства первоначально высказана в донатизме, а сепаратизм начал складываться среди английских пуритан. Они отвергали любое соглашение с Ватиканом и предлагали создать чисто протестантскую церковь. Но в Англии и на европейском континенте для этого не было условий. Поэтому пионеры современного сепаратизма (*отцы-пилигримы* США) отправились в Северную Америку и занялись практическим воплощением радикальных для своего времени идей: поскольку обратиться других в свою (истинную) веру крайне трудно, никакая официальная религия не нужна; единственный способ мирного сосуществования людей – полная свобода вероисповедания; отношения конфессий регулируются словесным договором, который стоит выше писаного закона; женщины имеют полную свободу, включая свободу отрицания любой религии и церкви; метрополия не является хозяином колонизируемой территории; колонисты обязаны покупать землю у аборигенов-индейцев и относиться к ним по принципу равенства; всякая колониальная война – зло. Эти идеи

стали основой самоуправления английских колоний и подготовили полное отделение США от метрополии⁵⁹⁶.

Главный признак восточного христианства – провозглашение симфонии между церковью и государством. Зато православные ереси и секты в старообрядческой и никонианской версиях последовательно отрицают государство. Это отрицание выразилось в следующих положениях: высшие лица государства, госаппарат и государство в целом – это *слуги Дьявола* и *воплощение Антихриста*; официальная церковь есть *блудница* и *невеста Сатаны*, из чего следует отрицание таинств и икон, соблюдение строгого поста; требование децентрализации церкви; отрицание насилия, отказ от военной (ношения и применения оружия, квалификация военной присяги как идолопоклонства) и государственной службы; отрицание флагов, паспортов, денег и других предметов с изображением государственного герба; отказ выполнять распоряжения светской власти (платить налоги, подвергаться суду, выполнять гражданские функции, повинности и обязанности); квалификация торговли, банковских и финансовых операций как несправедливого труда; борьба против любой неправды (защита угнетенных, грабеж и убийство богатых); образование этноконфессиональных групп на основе отрицания церковного брака и заключения браков внутри конфессии; книжная проповедь для всех верующих, а не только для клира; отказ от пользования электроаппаратурой; противодействие власти (теракты, поджоги, взрывы); утверждение братства всех людей; переход на нелегальное положение. Правда, в советское время большинство православных сект, как и РПЦ, были пронизаны сотрудниками спецслужб, и считали Ленина новым святым⁵⁹⁷.

Отсюда вытекает промежуточный вывод: сепаратизм и автономизм возникают как реакция верующих на реализацию определенных принципов церковной политики. В частности, европейский сепаратизм XIX–XX вв. направлялся против империй, которые стремились сохранить единство светской и духовной власти (Османской, Австро-Венгерской, Российской). Сепаратизм разрушал это единство и способствовал появлению новых государств. По мере распада империй сепаратистские движения распространялись в разных регионах – от Хорватии и Квебека до Средней Азии и Кавказа. После распада СССР страны Балтии восстановили статус не-

⁵⁹⁶ См.: Азимов А. Освоение Северной Америки. М., БСГ-Пресс, 2003, с.135-148

⁵⁹⁷ См.: Таевский Д.А. Христианские ереси и секты 1-XXI веков. Словарь. М., Intrada, 2003

зависимых государств. Россия, Украина и Белоруссия тоже декларировали суверенитет, но сразу после его обретения создали СНГ – новую форму ограничения суверенитета, согласно которой его члены обязуются координировать внешнеполитическую, экономическую, таможенную, коммуникационную, экологическую, миграционную политику и борьбу с организованной преступностью⁵⁹⁸.

В современном политическом языке бытует убеждение: сепаратизм подрывает суверенитет государств. Мера истинности данного убеждения может быть установлена на основе сравнения с автономизмом – самоуправлением групп и регионов внутри государств. В XX в. на уровне ООН возникло движение в защиту прав коренных народов, которое объединяет малые народы Северной, Центральной и Южной Америки, Юго-Восточной Азии, стран экватора и Гавайев. Автономизм существует и внутри государств – среди фламандцев Бельгии, шотландцев Великобритании, жителей Сибири и т.д. Все они взамен суверенитета требуют самостоятельности внутри государства.

Итак, общее свойство сепаратизма и автономизма – оперирование понятием *суверенитета* как верховной власти государства, которая включает внутренний (приоритет государства в решении всех вопросов внутри границ) и внешний (приоритет государства в отношениях с другими государствами вне границ) суверенитет⁵⁹⁹. Государство обладает правом на территориальную целостность, контроль границ, заключение экономических и военно-политических договоров и союзов с другими государствами. Но ни одно государство не является полностью суверенным. Его суверенитет ограничен международным правом, главный принцип которого – каждое государство признает нерушимость территории других государств. Часть современных государств признают, что внутренний суверенитет ограничивает права человека, установленные международным правом. Не менее того внутренний суверенитет ограничивается автономизмом, в состав которого входят права меньшинств на пользование своим языком, ношение традиционной одежды, коллективную собственность, внутреннее самоуправление, участие в принятии решений об использовании природных ресурсов территории, на которой проживает данная группа.

⁵⁹⁸ См.: Новейшая история. Подробности 1945-1999. М., Олимп Астрель, 2000, с.500

⁵⁹⁹ См.: McCallun G. Political Philosophy. New York, Prentice-Hall, 1987, p.36-46

Значит, традиционное понятие суверенитета как независимости, самостоятельности, верховенства и единовластия государства спорно, подобно другим понятиям политического языка⁶⁰⁰.

В отличие от сепаратизма автономизм не требует полного отделения, а только *сдвига прерогатив* внутри государства. Но если государство признает самоопределение групп в рамках границ, оно тем самым ограничивает свой суверенитет: «Современное государство – это политическая власть, которая присвоила себе исключительное право распоряжения всей территорией внутри государственных границ. При согласии с таким определением право самоопределения меньшинств превращает государство в политическую машину, не удовлетворяющую критериям суверенного государства. Например, право американских индейцев признает их право на самоуправление, использует термин *индейская нация* и все более напоминает международное право»⁶⁰¹.

Итак, если сепаратизм только угрожает мифу о неизменности государств, то автономизм прямо направлен против суверенитета. Сецессии не подрывают современный международный порядок, согласно которому отношения суверенных государств регулируются международным правом. Победа автономизма приведет к тому, что суверенное государство станет исключением, а не правилом миропорядка. Однако проблема сепаратизма разрешима в рамках существующей структуры международного права и международных отношений. Сепаратизм – это граница на шкале борьбы групп за самостоятельность внутри государств и крайняя реакция на межгрупповые конфликты. Поэтому анализ аргументов *за* и *против* отделения позволяет систематизировать проблемы групповых конфликтов, включая моральное оправдание сепаратизма.

В заключение скажу, что под таким углом зрения можно анализировать процессы на постсоветском пространстве. У меня задача стоит показать, что политическая концептология фиксирует спорность и в этом смысле вполне удовлетворяет требованию диалогичности или как вы (*обращаясь к С.С.Неретиной*) называете - живости концепта.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, твоя концептология к теории концептов никакого отношения не имеет.

⁶⁰⁰ См.: Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., РОССПЭН, 1997, с.22–24.

⁶⁰¹ Williams R. The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest. New York, Oxford University Press, 1990, p.103.

В.П. Макаренко: Я знаю. Теория концептов тяготеет к филологии.

С.С. Неретина: Если теорию концептов понять как филологию – тогда да, ради Бога. Но то, о чем я говорю, даже рядом не стоит с филологией. Вот что самое интересное.

В.П. Макаренко: Ну, хорошо.

С.С. Неретина: Не хорошо. Я считаю это оскорблением.

В.П. Макаренко: Ни в коем случае, Светлана Сергеевна. Я к филологическим штудиям концептов тоже отношусь *cum grano salis*. Филологи издают целые словари концептов.

С.С. Неретина: Почему же филологи? Хайдеггер тоже на этом основывается.

В.П. Макаренко: Про Хайдеггера нужен особый разговор. Я не буду сейчас нырять в его замысловатую философию. Тут надо быть человеком ранга В.В.Бибихина.

С.С. Неретина: Честно говоря, мы только этим и занимаемся. Бибихин – чистый философ. Высочайшего класса.

В.П. Макаренко: По крайней мере, есть предмет для дискуссии на тему о соотношении филологического и философского понимания концептов.

А.В. Лубский: Светлана Сергеевна, у Виктора Павловича концептология – это не наука оперирования концептами. Это скорее теория создания концепций. К концептам она отношения не имеет.

С.С. Неретина: Так я же это и сказала.

А.В. Лубский: У Макаренко речь идет о системе логически непротиворечивого знания. А у вас концепт появляется тогда, когда, как вы говорите, не хватает слов. Русская власть у него – это концепт. Он не нашёл ничего подходящего, чтобы выразить ее суть, и назвал это концептом.

В.П. Макаренко: Это очень хорошо, что вы меня критикуете. Я рано или поздно это учитываю. Я попытался показать на конкретных примерах, что концепты сецессии и автономизма имеют сегодня непосредственный выход в практику. А по поводу методологических вещей мы можем спорить бесконечно. Это наши цеховые споры.

С.С. Неретина: Это не методологические вещи. Это самое существо. Это как раз связано с тем самым броском вперед, в котором нет примера. А вы мне говорите, что я вам сейчас приведу примеры.

В.П. Макаренко: Какие?

С.С. Неретина: *(смеётся)* В том-то всё и дело...

А.В. Лубский: У концептов нет примера...

В.Ю. Попов: А можно вопрос по этой дискуссии задать Светлане Сергеевне? Если мы говорим о концепте как о только что появившемся. Когда мы только-только попытались что-то вербализировать. Значит, мы что-то чувствуем, но ещё не знаем, как это назвать. И вот тут мы придумываем на ходу как бы некое название, которое уже вызывает пространство некоего осмысления этой реальности. Грубо говоря, мы вербально показываем пальцем на что-то.

С.С. Неретина: Конечно.

В.Ю. Попов: И говорим: видишь?

В.П. Макаренко: Светлана Сергеевна об этом как раз пишет. Она называет это актом схватывания...

С.С. Неретина *(с улыбкой в сторону В.П. Макаренко):* Я, но не вы.

В.Ю. Попов: Но я хочу сказать как читатель. Когда я читал вашу статью, опубликованную в одном из первых номеров «Политической концептологии», она действительно позволяла мне лучше понимать тексты Виктора Павловича, когда я их читал. Почему? Потому что, если Виктор Павлович пишет, например, что что-то противоречит идее общего блага, то читатель неподготовленный может подумать, что Виктор Павлович является сторонником идеи общего блага. Но ведь это не так. Он просто показывает, что существуют слабые основания любых интеллектуальных конструкций

В.П. Макаренко: Это называется спорность...

В.Ю. Попов: Он эти слабые основания вытаскивает на свет и создаёт полемику даже ему не близких понятий. В этом смысле он создаёт другое понимание уже существующих, сложившихся фразеологических единиц.

С.С. Неретина: Есть вещи, которые можно выдумать. А есть вещи... В данном случае вы сейчас какие-то вещи выдумали за Виктора Павловича.

В.Ю. Попов: Прошу прощения, что я в его присутствии это говорю, но пусть он меня простит.

С.С. Неретина: По одной простой причине: чтобы спорить об общем благе, нужно знать, что я имею в виду. Это старое онтологическое доказательство Ансельма Кентерберийского: если я что-то отрицаю, я должен знать что я отрицаю. Если мы проблематизируем общее благо, надо знать, что это означает.

В.Ю. Попов: Это я как пример привел.

С.С. Неретина: Пример этот, мне кажется, не самый удачный. Это просто некая выдумка. В данном случае, когда мы говорим концепт, это действительно как некий вирус. Вот начало вашего разговора было гораздо более существенно, чем конец.

В.Ю. Попов: Концепт потом застывает и действует уже в каком-то другом ключе.

С.С. Неретина: Концепт может вообще не разродиться ни в какое понятие.

В.Ю. Попов: А если это с ним произошло?

С.С. Неретина: А если это с ним произошло, мы будем работать с ним как с понятием.

В.Ю. Попов: И всё? Значит, ничего промежуточного не бывает? Вы стоите на этом?

С.С. Неретина: Он станет концептом только тогда, когда мы скажем: нет, это не совсем так. И давайте-ка разберем, что это такое? Когда вещь у меня будет рождаться на глазах, когда при разговоре с вами я буду видеть, как у меня рождается между вами и нами какая-то вещь.

В.Ю. Попов: А если мы все время находимся в ситуации переосмысления? Чтобы не быть в плену языка, не быть в плену понятий?

С.С. Неретина: Насчет плена языка: у меня впечатление, что это тоже некая выдумка. У нас с вами нет другого механизма, кроме разговора. Как известно, критика логоцентризма придумана Дерридой. На мой взгляд, это сыграло не самую позитивную роль в философии. Это сыграло на антирационализм значительно в большей степени чем на то, чем знаменита вообще философия – своей рациональностью.

В.А. Шкуратов: Тогда ваша концептология...

С.С. Неретина: У меня нет концептологии!

В.А. Шкуратов: Так это Гадамер? Язык, сам себя рождающий?

С.С. Неретина: Конечно. Из самого себя рождающий и толкующий.

В.П. Макаренко: Скажите мне по поводу Гадамера – кто переводил эту книжку? Её же невозможно читать.

С.П. Поцелуев: В.Малахов в своё время писал об этом в «Вопросах философии». Он критиковал перевод.

В.П. Макаренко: Я не знаю, что Малахов писал по поводу перевода Гадамера. Зато Малахова давно знаю. Он трудовой парень.

Я отлично помню, как он день и ночь корпел над переводами в общезнании на Островитянова. Поэтому я доверяю его мнению и на основе своего опыта читателя говорю: читать перевод «Истины и метода» невозможно. Это сознательное оглушение автора.

С.С. Неретина: Насчёт переводов я бы лично вообще не стала высказываться.

В.А. Шкуратов: Там скверное предисловие.

В.П. Макаренко: Конечно, лучше в оригинале читать.

С.С. Неретина: Я про другое. В тех же «Вопросах философии» писали о плохом переводе Бибикина. После первого перевода обычно говорят: второй перевод лучше первого. Да второй перевод потому и второй, что он уже после первого. То-есть, первый перевод дает тебе возможность какой-то понятийной платформы. Я против неё или за неё. Но я уже нахожусь с нею в реальном контакте. Я могу просто рассказать о своем опыте перевода «Истории моих бедствий» Абелияра. Первый перевод был сделан в XVII веке. Он был совсем другим. И там нужно было еще пробираться через язык. Но я беру последний перевод 1957-го года, который, по-моему, блестяще сделан. Когда я его смотрела, то не нашла там ни одной грамматической ошибки. Ведь зачастую грамматическая ошибка возникает не от того, что плохой переводчик. А от того, что иногда не можешь справиться с текстом. И ты начинаешь вольно или невольно подставлять какую-то свою конструкцию. А в переводе 1957 года я не нашла ни одной ошибки. Но у меня была точная задача – лишить перевод романтического флёра. Потому что никакой романтики в XII веке не было. Как я считаю, мне это удалось за счёт одного маленького приёмчика. Я передала географические понятия так, как они были написаны. Это вообще изменило всё. Мы как будто попали в другое место – вместо известного нам Парижа в некий Паризиус. И как будто все эти места окрасились иначе. Вы действуете в них иначе, и всё такое прочее. Поэтому второй перевод – он всегда второй. Может он даже лучше, но всё равно второй. Первый перевод задает какую-то определённую возможность оперировать с самим текстом. Никто не переводит «Бытие и время», хотя все мы понимаем, что «Бытие и время» запоздало. И не просто запоздало. Я волею судьбы писала работу об Александре Павловиче Огурцове, потому что готовлю книжку о нем. Я его знала с 1968-го года. Я его узнала уже очень знаменитым человеком в Москве. Скажешь – «Огурцов» – и все широко раскрывают глаза. По причине его статьи «Отчуждение» в первом издании советской «Философ-

ской энциклопедии». Я – не марксист и никогда не была марксистом. Никогда ничего об этом не писала. У нас всегда с ним были такие весёлые стычки. Я ему говорила: «Я делала то же самое, что ты, но меня ниоткуда не исключали. В том числе из партии, потому что я там не была. А тебя исключили. Ты числишься одним из самых гонимых». И я решилась, наконец, прочитать эту статью. Так бы я, конечно, в жизни никогда бы не стала читать статью «Отчуждение».

В.Ю. Попов: Отчуждение – это понятие или концепт?

С.С. Неретина: Понятие.

В.Ю. Попов: А мы можем на него посмотреть как на концепт?

С.С. Неретина: Да. Рядом возникло понятие остранение. В 1960-е годы начали заново печатать и переводить Шкловского. Остранение – термин Шкловского, возникший в 1915 году. Более того, когда Брехт воспользовался идеей остранения, он перевёл остранение на немецкий язык как отчуждение. Вот и возник концепт. Вот он где возник. На выходе один термин, на входе два совершенно разных. И я стала читать эту статью. И поняла, почему эта статья стала визитной карточкой Александра Павловича. И после его смерти мне пришло соболезнование из Казахстана, в котором пишут: «Мы помним статью «Отчуждение». Столько лет прошло – а они всё помнят.

В.П. Макаренко: Конечно, это поворотная статья. Я её штудировал со студенческих лет.

А.В. Лубский: После этой статьи поняли, что неправильно говорить «отчуждение от».

С.С. Неретина: Там дано сравнение Бердяева и Хайдеггера, на что никто не обратил внимания. Мы считаем, что Хайдеггер у нас работает с 1993-го года, после перевода Александра Викторовича Михайлова «Избранное». А на то, что сделали в 1960-е годы Огурцов, а рядом стояла Пиама Гайденко – это даже не упоминается в библиографии.

В.Ю. Попов: Может быть, потому, что это издавалось для спецхранов. Как со «Словами и вещами» Фуко.

С.С. Неретина: Как? Я её издавала.

В.Ю. Попов: Но её нет в официальной библиографии Фуко на русском.

С.С. Неретина: Я её издавала. Но наших фамилий там нет. Нас выгнали к тому времени.

В.Ю. Попов: У меня эта книга есть, но в библиографии я не видел указаний на неё.

С.С. Неретина: Я привожу вам пример пространства между переводами Хайдеггер-А и Хайдеггер-Б, которые образовали концепт перевода. У меня впечатление, что перевод Das man у Огурцова интереснее, чем у Бибихина. Здесь появляется как раз пространство простора, в котором мы начинаем работать. Аверинцев всегда говорил: «Надо знать несколько переводов». Потому что несколько переводов создают просторный контекст для понимания. Одно и то же слово понимание содержит совершенно разные семантические и грамматические корни.

В.Ю. Попов: А когда произошло разделение на объект и предмет? От студентов часто требуют определить и то и другое.

С.С. Неретина: Я иногда смотрю, что требуют от студентов; я бы, наверное, только двойки получала. Это Ломоносов перевел слово объект как предмет.

А.В. Лубский: Объект за окном, а предмет в голове.

С.С. Неретина: «Объект» означает вообще «возражение».

В.П. Макаренко: На этом разрешите закончить, поблагодарить докладчиков и присутствующих.

**Вместо послесловия:
проблема воспроизводства абсурда
В.П. Макаренко**

В 1996 г. я высказал идею о том, что советскую внутреннюю и внешнюю политику надо рассматривать как воплощение абсурда⁶⁰². Эта идея постепенно подтверждается. В СССР «...абсурд состоял в том, что если человек строил государственную промышленность, добиваясь ее эффективности, его обвиняли именно в развале промышленности; если он отвечал за обороноспособность страны, в процветании которой был единственный смысл его жизни, его обвиняли в подрыве армии, в работе на иностранные разведки, в продаже секретов тем державам, против которых строилась оборона. Если человек отвечал за развитие науки, подбирая наиболее способные кадры, создавал им условия для максимальной отдачи сил, его обвиняли в развале этой науки, в заведомом вредительстве и саботаже; если это был врач, боровшийся за жизнь своих пациентов, его заставляли признать, что подлинной его задачей было как можно скорее и как можно больше отправить людей на тот свет»⁶⁰³.

Появились публикации, в которых вся история России/СССР в XX в. рассматривается как накопление абсурда и классифицирована по датам газетных публикаций (от 1 января до 31 декабря) за сто лет⁶⁰⁴. В. Шендерович описал абсурдность политики руководства России после 2000 года⁶⁰⁵, А. Илларионов детализировал этот тезис

⁶⁰² См.: Макаренко В.П. Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Т.3. СПб, Петрополис, 1996.

⁶⁰³ Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000, с.133.

⁶⁰⁴ См.: Безелянский Ю. Огненный век. М., Пашков дом, 2001.

⁶⁰⁵ См.: Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. 2004, № 118–140.

в отношении 2009 года⁶⁰⁶. Появились также работы теоретического характера⁶⁰⁷.

Короче говоря, социальная и политическая история СССР/России может рассматриваться как процесс *вырождения профессионализма* во всех сферах деятельности, включая политику. Влияние данного вырождения на постсоветскую реальность требует специального исследования на уровне России, ее регионов и отношения России к сопредельным государствам, включая Украину.

Я уже писал о том, что история и современная ситуация стран Кавказа - продукт длительного противоборства между Османской и Российской/советской империями⁶⁰⁸. Но несмотря на множество войн между Россией и Турцией, в обеих империях развивались общие проблемы: появление и рост класса чиновников; торговля государственными должностями; конфликт центра и периферии; использование финансов для достижения политических целей⁶⁰⁹. Имперская власть не в состоянии решить данные проблемы. Поэтому политика империй превращается в замкнутый круг одних и тех же проблем, в отношении которых бессильны реакционеры, реформаторы и революционеры⁶¹⁰.

В периоды распада империй возникающие на их обломках государства становятся «змеиным клубком интересов» (по определению Б.Льюиса), зависимостей и карьер. Государство превращается в самодовлеющую силу – оно неспособно решать социальные проблемы, хотя удовлетворяет материальные интересы все большего слоя людей, не создающих материальных и духовных ценностей. В состав этого слоя входят силовые структуры и бюрократия. Поэтому постимперские государства сохраняются даже при неблагоприятных обстоятельствах. Правящие клики с помощью силовых структур и бюрократии преобразуют государство в сословный институт⁶¹¹.

⁶⁰⁶ См.: Илларионов А. Две тысячи девятый – год нарастающего абсурда // Континент. 2009, № 142.

⁶⁰⁷ См.: Абсурд и вокруг. Отв.ред. О.Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004.

⁶⁰⁸ См.: Турция между Европой и Азией: итоги европеизации на исходе хх века. Москва, Крафт+ИВ РАН, 2001.

⁶⁰⁹ См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11: В 3 ч. Ч.2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Перс. С фр.М.А.Юсима. – М: Языки славянской культуры. 2003, СС. 473–497.

⁶¹⁰ См.: Макаренко В.П. Кавказ как предмет концептологического анализа // Sofia. 2001, № 1, с.128–147.

⁶¹¹ Необходимость применения понятия «клика» (а не элита) для анализа постсоветской реальности обоснована в работах: Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, Логос, 1992; Тощенко Ж.Т. Элиты? Клань? Касты? Клики?.. Кто правит нами? // Социологические исследования. Москва, Наука, 1999, № 10.

М.Гаспаров показал, что советский режим был абсурдным (двумерным) не более, чем всякий другой, предписывающий разные мысли и поступки в разных обстоятельствах. Абсурдность в СССР связана с социальной историей христианства: «Когда в самом христианском обществе на время войны отменяется заповедь «не убий», а на время мира «не лихоимствуй», это то же самое»⁶¹². М.Я.Геллер обосновал тезис: вся история России/СССР может рассматриваться как процесс многократного образования и распада империи⁶¹³.

Как проявляются эти проблемы в постсоветской реальности? На основе анализа хроники первой российско-чеченской войны (1994–1996 гг.), составленной российскими журналистами и правозащитниками⁶¹⁴, я поставил проблему распада империй в контексте войны в системе «центр-периферия»⁶¹⁵. Здесь напомним некоторые существенные моменты.

Война в системе «центр–периферия»

Дело в том, что большинство журналистов и правозащитников относятся к праву наций на самоопределение как к модификации прав человека, субъектом которых выступают государства, национальные и этнические движения. Действительно, в период распада СССР в республиках возникли национальные движения. Они возродили лозунг самоопределения, но трактовали его в ленинском духе. Зарубежные советологи тоже утверждали, что народы СССР испытывают угнетение и поэтому имеют право претендовать на политическое самоопределение. Между тем в постсоветское время на законодательном уровне в России не было даже попыток строго определить этот термин. Таким же образом обстоит дело в международной правовой практике. Вопрос о самоопределении запутан, а международно-правовые документы противоречивы. Поэтому ООН не высказывает официального мнения о содержании права народов на самоопределение. В итоге парадигма самоопределения остается наиболее политизированным вопросом, что только освящает властно-управленческий произвол политического руководства.

По сравнению с периодом советской власти никакого изменения в трактовке самоопределения в России и других государствах СНГ

⁶¹² Гаспаров М. Записи и выписки. М., НЛО, 2000, с.292.

⁶¹³ См.: Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1-2. М., «МИК», 2001.

⁶¹⁴ См.: Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений. Составители Орлов О.П., Черкасов А.В. Москва, Звенья, 1998. Все цитаты и документы приводятся по этой книге.

⁶¹⁵ См.: Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия». Статьи 1-2 // София. 2003, №3; 2004, № 4.

не произошло. Пока все реформы советской национальной политики сводятся к разработке множества законов, концепций и программ, каждый из которых можно оспорить. Создаются различные государственные институты по регламентации этнонациональной ситуации в России. Под видом самоопределения народов самоопределяются властно-управленческие клики государств СНГ. Россия стала пионером этого процесса. Требование самоопределения не выражает единую и общую волю населения этих государств. Оно есть продукт фальсификации данного требования этнонациональными кликами.

Этот вывод доказан теоретически и эмпирически. Современная этнология не дает строго научного обоснования принципу самоопределения, поскольку невозможно вообще и в каждом конкретном случае определить, кто может и кто не может претендовать на это право. Существует ряд нерешенных проблем концептуализации, правового обеспечения и реализации принципа самоопределения: не доказано, что сам принцип относится к базовым правам человека и обеспечивает его интересы; нет однозначных международных правовых норм толкования и реализации этого права; нет четких критериев определения возможных субъектов права на политическое самоопределение; нет бесспорных (с точки зрения демократических принципов) процедур осуществления этого права; нет универсальных способов совмещения политического самоопределения с другими правовыми нормами по поддержанию политического порядка и интересов всех этносов и наций.

Стало быть, категория «естественных, фундаментальных, неоспоримых прав человека» является конвенциональным правом, а связанный с ним принцип самоопределения (политического, национального, этнического) являются заблуждением⁶¹⁶. Следовательно, сама дискуссия между центром и периферией, связанная с попытками утвердить те или иные государства как субъекты права на самоопределение, не отражает интересы населения, а воплощает волю властно-управленческих кликов.

В то же время собранный журналистами и правозащитниками материал позволяет описать в первом приближении механизм проявления общих проблем и особенностей распада империй в постсоветском пространстве⁶¹⁷.

⁶¹⁶ См.: Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001, № 2, с.3–17; Нации и национализм. Перевод с английского. Москва, Праксис, 2002.

⁶¹⁷ См.: Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия». Статьи 1–2 // Софія. 2003, №3; 2004, № 4.

Realpolitik Москвы и Грозного во время первой российско-чеченской войны базировалась на произвольных решениях. Центр СССР не препятствовал внутрироссийскому сепаратизму для борьбы с Ельциным. Тогда как российский центр возродил родовые отношения и до сих пор играет на них одновременно с подготовкой силового решения проблемы. Политическая ответственность за появление указа № 178 (о введении чрезвычайного положения в Чечне осенью 1991 г.) до сих пор не установлена. Российские СМИ в период подготовки силового решения чеченского вопроса были подверстаны под интересы вершины российской власти. Ни о какой независимости СМИ от данных интересов не может быть речи. Центр устанавливает такую иерархию и очередность решения политических проблем, в которой содержится возможность войны.

Центр дважды способствовал расползанию оружия среди населения Чечни. Предпочтение личных контактов протокольным мероприятиям в постсоветской политике маскирует произвол правящих лиц и клик. Решения законодательной власти России и Чечни не выполняются, а ответственность за невыполнение не установлена. Перестановки на вершине власти в период подготовки силового решения проблемы усилили позиции российских *ястребов*. Возможность международно-правового признания независимости территорий используется центром для манипуляции общественным мнением и введения в заблуждение мирового сообщества. Российское государство по-прежнему грабит население.

Если политические проблемы решает исполнительная власть, это усиливает опасность войны. Россия не выполняет международных обязательств по лимитам на вооружение внутри страны. Российский центр (как и в советские времена) использует тактику насаждения марионеточных правительств. Но уже не в других странах, а на своей территории. Проблема территориальной целостности России ставится и решается в зависимости от интересов высшего уровня власти и политической конъюнктуры. Отрицая сепаратизм на словах, центр делает ставку на региональных сепаратистов. Приемлемость (или неприемлемость) для вершины власти конкретных лиц может служить поводом вооруженного конфликта центра с периферией. Для этого расширяются функции органов безопасности, которым поручается (как и в советское время) контроль экономики в целях сохранения монополии центра на природные ресурсы. В этом контексте власти США играют значительную роль в подготовке силовых решений региональных конфликтов.

Противоположные действия (высказывания) политиков центра маскируют подготовку силового решения. Центральная бюрократия не считает диалог решением политических вопросов и сознательно затягивает переговоры для подготовки войны. Она использует также ложную информацию и перебрасывает ответственность за терроризм со своих силовых структур на периферийные власти и сопредельные государства. Спецслужбы определяют содержание и состав политической оппозиции. Интересы русских националистов совпадают с интересами силовых структур сторон, которые находятся в политическом конфликте. Российский парламент играет значительную роль в политической манипуляции, а Европарламент поддерживает политические иллюзии.

Есть пункты сходства режимов Дудаева и Ельцина. Оба режима расстреляли неудобную им законодательную власть, совершили государственные перевороты, базируются на системе внутреннего шпионажа и предотвращают появление политиков, независимых от властвующих клик. Режим Дудаева предпринимал карательные экспедиции против местностей, которые не желали ему подчиниться. Центр осуществил такую же экспедицию против Чечни. Оба режима не признавали народного ополчения. Применение регулярной армии против населения привело к геноциду. В этом контексте этнические ритуалы используются для политической карнавализации и мобилизации. В Чечне и в России сталкиваются государственно-мафиозный и национально-радикальный терроризм. Для защиты обоих используются силовые структуры. Оба вида терроризма отвергают теорию и практику правого государства. Независимость любого региона от центра не означает, что население данного региона признает возникающее государство, которое официально выступает за независимость.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права Россией и Чечней

По массовости нарушений прав человека, числу жертв и жестокости события в Чечне беспрецедентны для России со времени прекращения в 1950-х гг. массовых репрессий. Чеченцы правы, сравнивая события 1994–1996 гг. с депортацией 1944–1956 гг. По размаху боев этот внутренний конфликт аналогичен гражданской войне в Советской России в 1918–1921 гг. Чечня составляет примерно одну сотую населения России, в войне погибло несколько десятков тысяч человек. Если потери чеченцев перевести на российские масштабы,

Россия потеряла бы несколько миллионов человек. Война в Чечне – воспроизводство и новый этап конфликтов Советской власти с коренным (подавление Кронштадтского и Тамбовского восстаний) и нерусским населением периферии (борьба с повстанцами в Средней Азии в 1920–1930-е гг., антипартизанские действия в Западной Украине и Прибалтике в 1940–1950-х гг., вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане в 1980–1990-е гг.). Но все указанные конфликты проходили в советской России, а затем на территории СССР. Российская республика перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Россия подписала ряд международных конвенций, но не объявила чрезвычайное положение в зоне конфликта. Это сделано потому, что при введении чрезвычайного положения надо четко определять перечень ограничений прав граждан, полномочия федеральной власти в зоне чрезвычайного положения. Для продления действия чрезвычайного положения каждый раз надо обращаться в Совет Федерации России для утверждения указов президента. Вместо конституционного способа действий центр пошел по пути бесконтрольности и беззакония. Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, государственные органы России не имели правовых оснований для ограничения или приостановки осуществления гражданами прав, гарантированных этим пактом.

Этим объясняются главные нарушения прав человека и норм гуманитарного права российской стороной: неизбирательные нападения, чрезмерное применение силы (неприцельные бомбардировки и артобстрелы населенных пунктов и дорог; операции по занятию и штурмы населенных пунктов; неизбирательные нападения, обстрелы и бомбардировки населенных пунктов, находящихся под контролем федеральных сил, а также в период перемирий; использование систем оружия неизбирательного действия, неизбежно ведущее к большим жертвам гражданского населения); преднамеренные нападения на гражданское население; применение принципа коллективной ответственности и наказания; исчезновения людей, казни без суда; незаконное задержание гражданских лиц, жестокое и унижающее достоинство обращение с задержанными и арестованными, пытки и издевательства над задержанными участниками вооруженных формирований ЧРИ (на фильтрационных пунктах, в неофициальных местах содержания задержанных); использование заложников и живого щита; ограничение свободы передвижения, препятствование выходу населения из блокированных населенных

пунктов, недопущение в блокированные населенные пункты врачей и представителей гуманитарных организаций; грабежи и уничтожение имущества гражданских лиц; уничтожение объектов культуры; нарушение избирательных прав граждан; нарушение права на свободный поиск, получение и распространение информации.

Нарушения прав человека и норм гуманитарного права вооруженными формированиями и властями Чеченской Республики Ичкерия аналогичны, но меньше по масштабу: неизбирательное ведение огня, размещение военных объектов рядом с гражданскими; воспрепятствование выезду мирных жителей из Грозного; теракты за пределами Чечни (захваты заложников, преднамеренные нападения на гражданское население и медицинские учреждения, бессудные казни, использование *живого щита*); захват в заложники гражданских лиц, находившихся на территории Чечни; условия содержания пленных российских военнослужащих и насильственно удерживаемых гражданских лиц; бессудные казни, вынесение смертных приговоров на основе процедуры упрощенного судопроизводства, исчезновения людей; телесные наказания.

В целом российское командование не предотвратило массовую гибель мирного населения и нападения военнослужащих и сотрудников спецслужб на мирных граждан. Правоохранительные органы России не смогли расследовать и наказать в соответствии с законом военнослужащих и сотрудников других силовых структур. Правоохранительные органы режима Дудаева тоже не расследовали преступлений членов вооруженных формирований против гражданского населения и пленных военнослужащих. Уголовный кодекс режима Дудаева противоречил международным правовым нормам (в сфере основных определений, системы наказаний, несоразмерности и непропорциональности наказаний, нарушения прав и свобод человека). Таким образом, правовые системы России и Чечни во время войны были подчинены интересам центра и силовых структур.

С учетом всего сказанного можно согласиться с общей оценкой В.В.Волкова: современное российское государство сохранило символический фасад государственности, но прекратило существование с точки зрения ключевых внутренних функций – охраны населения, сбора налогов и обеспечения правопорядка; современное российское государство – это частное охранное предприятие с конторой в Кремле; определенные группы (президентская власть, армия и другие

силовые структуры) контролируют средства организованного насилия и называют себя российским государством⁶¹⁸.

Эту оценку можно дополнить теориями, которые позволяют интерпретировать множество фактов, событий, процессов и тенденций распада империй в более широком смысловом контексте.

Предметы рефлексии

Вначале резюмирую основные факты и тенденции. Победа над внутренней оппозицией в Грозном и Москве обеспечила господство бюрократии и силовых структур над парламентом. Центр финансировал борьбу с режимом Дудаева, понимая под оппозицией марионеточное правительство и собственные вооруженные силы. В самом начале войны российские военные прямо признавали незаконность противоборствующих военных формирований и собственной карательной деятельности. Тогда как деятельность советских/российских спецслужб началась провалом и закончилась перерастанием спецопераций в открытую войну. В начале войны президент переложил собственную ответственность на территориальное звено армейского управления. По мере краха плана блицкрига на армию начали возлагаться полицейские функции. Президент Совет Федерации, вводил в заблуждение население страны и мировое сообщество, исключил парламент из числа политически значимых факторов и подчинил ведение войны собственным избирательным интересам. Ведение этой войны аналогично сталинской практике взятия городов к праздничным датам. Выборы во время войны проводились с массовыми нарушениями и фальсификациями. Российская дипломатия продолжала агрессивную политику центра. С юридической точки зрения деятельность президента сомнительна, а действия мэра Москвы чисто бюрократические.

Оба режима не признавали законность народного ополчения. Центр создал Территориальное управление федеральных органов исполнительной власти, которое исполняло функции гражданской администрации и контролировало марионетку. В ходе войны ложная информация использовалась для пропаганды и принятия ре-

⁶¹⁸ См.: Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 4, с.46–47. Следует напомнить, что уже в рескрипте Павла 1 на имя генерала Гудовича от 5 января 1797 г. ставилась цель создания федеративного государства из кавказских земель под эгидой российского императора. Но эта цель не реализована царской, советской и нынешней российской властью, включая лидеров кавказских республик. Взамен Российская империя развязала Кавказскую войну, которая продолжалась 60 лет, а имам Шамиль создал теократическое государство. Силовые структуры режимов Ельцина и Дудаева пошли по стопам русских и кавказских тиранов.

шений. Центр стремился дать власть бывшим коммунистическим функционерам⁶¹⁹, одновременно дезавуируя деятельность уполномоченного по правам человека и решения конференций по реализации мира. Оба режима постоянно нарушали сроки и условия перемирия. Бывшая партгосноменклатура и руководители силовых ведомств делали карьеру на чеченской войне. Внутренняя политика пристегивалась к интересам силовых структур, которые осуществляли информационную блокаду и одновременно все более занимали информационное пространство России. Хаос военных действий увеличивался по мере роста влияния политического процесса в центре на события в Чечне.

В ходе войны произошло соединение армии, органов внутренних дел и госбезопасности. Эти структуры извращенно и примитивно понимают демократию. Они не понесли никакой ответственности за массовую жестокость. Завершение войны - следствие сговора властных групп России с верхушкой чеченских боевиков. Этот сговор увеличил влияние силовых структур в регионе, а затем и в стране в целом. Россия перенесла советские методы решения внутренних конфликтов на свою территорию.

Данные тенденции можно рассматривать как способ проявления общих закономерностей и особенностей распада империй в условиях постсоветской России. М. Ферро разработал концепцию *превращенного сепаратизма*, которая позволяет глубже осмыслить природу российско-чеченской войны и интерпретировать описанные факты и тенденции.

Превращенный сепаратизм и колониальная война

На основе общей концепции колонизации и применения ее к объяснению политической истории Российской империи и СССР М. Ферро поставил проблему воспроизводства колониализма в современной России. Такой подход совпадает и с мнением российских ученых⁶²⁰. Деколонизация в СССР началась после того, как Ельцин стал президентом России, провозгласил суверенитет России и роспуск КПСС. Тем самым он дал свободу остальным союзным респуб-

⁶¹⁹ В хронике упоминаются около 100 членов бывшей партгосноменклатуры, имевших прямое или косвенное влияние на события в Чечне.

⁶²⁰ См.: Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996; Имперский строй России в региональном измерении: XIX-начало XX века. Под ред. Савельева П.И. М., 1997; Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // *Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2002; Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. Под ред. Хархордина О. Санкт-Петербург-Москва, Летний Сад, 2001.

ликам, которые поступили аналогичным образом. Центр стал инициатором центробежного движения. Такого в истории еще не было. Внутри России эта тенденция привела некоторые автономные республики (Татарстан, Чечено-Ингушетия) к разрыву (Татарстан) и войне (Чечено-Ингушетия) с Москвой.

Но хотя СССР формально распался, после 1993 г. общие свойства СНГ превзошли прежнее единство⁶²¹. Новизна ситуации определяется этническими конфликтами на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии и Прибалтике. Эти конфликты спровоцированы властно-управленческими кликами. Центр считал их настолько опасными, что начал спешно репатриировать Советскую армию в Россию⁶²². Как известно, в странах бывшего советского блока после второй мировой войны армия подавляла восстания и революции (ГДР, Венгрия, Польша, Чехословакия). Этим частично объясняется тот сплав военных и карательных-полицейских функций армии, который реализован в Чечне. Они вписываются в общее отношение центра и периферии, сложившееся в период распада СССР и влияющее на ситуацию в современной России.

Дело в том, что мусульманские республики обладали собственным властно-управленческим аппаратом до провозглашения независимости⁶²³. Республиканские органы внутренних дел и безопасности раньше других властно-управленческих структур стали национальными, а не советскими. Этим объясняется самостоятельность бывших союзных республик и превращение их силовых структур в носителей национализма. Но независимость мусульманских республик не тождественна сепаратизму. В республиках возник феномен превращенного сепаратизма: руководство республик стремилось захватить власть над центральными ведомствами СССР⁶²⁴. По-

⁶²¹ Речь идет о следующих явлениях, типичных для всех постсоветских республик (включая Прибалтику): дезорганизация экономики; сохранение политических клики от 30% до 90% в зависимости от расстояния от Москвы (таково принципиальное отличие СНГ от стран Восточной Европы); сохранение властных связей внутри и между бывшими республиками.

⁶²² До 1992 г. Москва стремилась замедлить репатриацию армии для сохранения мифа военного присутствия в Центральной Европе.

⁶²³ При Брежневце узбеки руководили Узбекистаном, азербайджанцы – Азербайджаном и т.д. После армянских погромов в Баку Горбачев выразил удивление невмешательством МВД и КГБ республики в эти события. Ему отвечали: «Азербайджанцы не будут стрелять в азербайджанцев ради защиты армян».

⁶²⁴ Например, министр финансов Павлов (участник государственного переворота) был связан с узбекским госаппаратом и мафией. Т. Гдлян обнаружил множество других связей московских чиновников с узбекскими властно-управленческими кликами, но ему не дали довести дело до конца.

этому в конфликте Горбачев-Ельцин руководство мусульманских республик поддержало первого, а не второго⁶²⁵.

В России перестройка была воспринята значительной частью населения как движение к свободе. Властно-управленческие клики мусульманских республик сочли ее опасной для традиционных социальных отношений, которые еще более окрепли при Советской власти⁶²⁶. В период гласности Москва приписала мафиозные интересы только Узбекистану, поскольку там производился мак (непищевой продукт). Едва руководители мусульманских республик потребовали строительства мечетей, центр квалифицировал это как «происки Тегерана». Между тем Москва давно вступила в открытую связь с Русской Православной Церковью. Следовательно, центр подтолкнул возрождение всех видов религиозно-политического исламизма. Модификации ислама укрепляли идентичность мусульманских республик в отношении соседей, но одновременно направлялись против возрождения советского Туркестана и подчинения мусульманских республик Турции, Ирану и Пакистану. Исламская революция предшествовала распаду СССР и затормозила тягу советского ислама к указанным государствам.

Среднеазиатские республики бывшего СССР являются постколониальными, поскольку исход русского населения предшествовал провозглашению независимости. При других обстоятельствах этот процесс можно назвать удачной деколонизацией, если бы эти республики не задержали представителей российских силовых структур и не согласились на базирование российской армии. В республиках Кавказа возродились прежние этнические конфликты, которые предшествуют господству России в этом регионе. На Кавказе возникла оригинальная ситуация: грузины стремятся освободиться от русских, отрицая собственную колониальную власть над Аджарией и Абхазией. Поэтому современный Кавказ находится в доколониальной, а не постколониальной ситуации. Россия опять выступает арбитром в пограничных конфликтах и стремится выступать посредником в экономических контактах данных республик с Турцией и странами Европы.

⁶²⁵ Горбачев хотел сохранить Союз, Ельцин – инициатор республиканского сепаратизма, провозгласивший суверенитет России и ликвидировавший пользу центра для республик. Поэтому руководство мусульманских республик в массе стояло на стороне заговорщиков в событиях августа 1991 г.

⁶²⁶ Местные секретари КПСС, председатели советов и прочее начальство происходило из кланов прежних ханов, беков, мулл и т.п.

Положение мусульманских и кавказских республиках аналогично положению Сибири⁶²⁷. Главная проблема современной России (и других стран СНГ) – отрицательное отношение к централизации власти при принятии решений. Но никакой специфики в этом нет. Таково общее свойство всех национальных движений в колониях. В России возродился старый антагонизм исполнительной и законодательной власти⁶²⁸. История Российской империи, СССР и Российской Федерации может рассматриваться как аннексия и колонизация низших уровней представительной власти (выразителей непосредственной демократии) высшими уровнями бюрократии (с помощью демократического централизма в СССР и силовых структур в современной России).

За этой дихотомией скрывается реальная проблема: верхи и низы игнорируют разделение властей. Например, Ельцин начал свою деятельность назначением наместников в области и края, губернаторы которых тоже назначаются Москвой. Следует напомнить, что в 1917 г. местные советы состояли из неграмотных людей, которым принадлежала реальная власть. В нынешней России советы состоят из образованных людей, но не имеют никаких законных прав, кроме противостояния исполнительной власти. Тем самым представительные учреждения тоже игнорируют разделение власти. Поскольку они остаются бессильными, центр самостоятельно устанавливает и исполняет законы. Поэтому проблема национальной идентичности России стала подвижным и постоянным элементом проблемы власти.

⁶²⁷ Весной 1992 г. в Красноярске состоялся Сибирский Конгресс, делегаты которого не требовали отделения от России, а отделения от правительства России, подчеркивая одновременно роль Конгресса как средства давления на Москву. Это событие выявило два обстоятельства: на Конгрессе отсутствовали главы исполнительной власти (представители Москвы), что фиксирует конфликт центра с представительными институтами; автономные республики и округа Сибири (Тува, Якутия-Соха, Бурятия, Эвенкия) объясняли отсутствие на Конгрессе нежеланием отождествления их с «сепаратистами» и требовали перехода от национальной к территориальной автономии в рамках России, а не Сибири. Эти факты показывают принципиальное отличие национальной идентичности от этно-сепаратистских тенденций. Если христианские нации выступают за национальную идентичность, в других районах эта тенденция слабее. Например, Татарстан потребовал суверенитета потому, что его руководство (татары и русские) желает *самостоятельно* распоряжаться природными ресурсами. В Сибири аналогичное требование выдвигают одновременно русские, якуты и буряты.

⁶²⁸ В Российской империи роль органов представительной власти выполняли земства, в СССР – советы. Но ни те, ни другие не добились приоритета над администрацией, несмотря на высокую компетенцию (земство) и реальную репрезентативность (советы). В 1988 г. Горбачев пытался возродить советы и вернуть им права законодательной власти. В 1993-1994 гг. Ельцин ликвидировал советы. Известный российский *демократ* и мэр Санкт-Петербурга А.Собчак не постеснялся сказать, что советы бесполезны, бессильны и только торпедируют решения.

Итак, конфликт центра и периферии, исполнительной и законодательной власти скрывает множество тенденций воспроизводства колонизации в современной России. Местная власть наиболее сохранилась с советских времен и периода перестройки. Губернаторы и другие областные руководители на 80% состоят из представителей бывшего партаппарата. Номенклатура взяла реванш с помощью представительной власти от имени региональных интересов граждан. Она является носителем превращенного сепаратизма, этноцентризма и антиреформаторских тенденций. Силовые структуры стали носителем национализма, господствующего в центре. Поэтому конфликт центра и периферии в современной России является мнимым. Этим объясняются уступки Ельцина противникам свободного рынка, которые вчера стремились свергнуть Горбачева. Ельцин применял ту же тактику лавирования, но все больше опирался на силовые структуры. Российско-чеченская война закрепила эту тенденцию и превратила ее в постоянно действующий политический фактор современной России.

Означает ли все сказанное, что руководство России в своей политике возвратилось к точке зрения В.И.Ленина: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны»⁶²⁹, высказанной им накануне Октябрьского переворота? Под таким углом зрения можно рассматривать генезис и протекание конфликта между Россией и Украиной. Источником конфликта явилась операция российских спецслужб по присоединению Крыма к России. Поэтому ключом к описанию последующих событий может быть констатация выдающегося российского историка Б.Э.Нольде. Он показал, что русское общество начало заражаться вирусом империализма как раз после завоевания Крыма: «Завоевание Крыма было прямым нарушением Россией Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции и ущемляло законные права Турции. В Санкт-Петербурге понимали, что это может привести к новой войне, однако все же надеялись на лучшее»⁶³⁰.

Вместо старых и новых надежд у меня есть два предложения.

Во-первых, учесть информацию Александра Христофоровича Бенкендорфа, который прославился не только победами на дамском фронте, но и был первым руководителем российских спецслужб.

⁶²⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.31, с.435.

⁶³⁰ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Б.Э. Нольде; пер. с фр. Канд.филол.наук Л.Ф. Сахибгареевой под ред. канд.ист.наук И.В.Кучумова; отв.ред. акад. РАН В.А. Тишков. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013, с.552–553.

В 1804 г. он посетил завоеванный Россией Крым и сообщает: «С первыми днями весны мы покинули Херсон и направились в Крым. Въезжают на этот полуостров через единственный проход – Перекоп. Татары – долгое время хозяева России, в свою очередь побежденные со всех сторон, нашли в Крыму свое последнее прибежище. Они возвели этот земляной вал, или Перекоп, который оказался всего лишь слабой преградой против отваги наших войск. Но вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что весь Крым сделался безлюдным; эта прекрасная провинция, житница Константинополя и Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питающая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню... можно подумать, что Россия покорила Крым только ради создания порта и флота в Севастополе. Действительно, невозможно найти в Крыму более просторного и удобного места; все флоты Европы могли бы здесь встать на якорь»⁶³¹. Возникает вопрос: не является ли главным мотивом присоединения Крыма к России наличие в Севастополе военной базы и воспроизводство вечного позора, а не риторические ссылки на русский этнический фактор?

Во-вторых, я предлагаю учитывать специфику полицейского общества, влияние военно-полицейских структур на политику, современный российский милитаризм, внутренний шпионаж как элемент государственного управления и особенности военного цинизма в инициировании конфликта между Россией и Украиной. При этом можно исходить из следующих констатаций⁶³².

Злая тупость государства и крошечные истины

Место полиции в обществе можно определить как диалектику принципов насилия и сотрудничества. Обычно не общество стремится к сотрудничеству с государством, а государство само навязывает населению сотрудничество при реализации полицейских задач. Сотрудничество населения с полицией в процессе реализации чисто полицейских задач мотивируется государством как программа социализации полиции. В состав программы входит выработка такого принципа лояльности к власти, когда лояльность отождествляется с подчинением ее приказам. Социализация полиции – это процесс воспитания верноподданных вместо сознательных граждан.

⁶³¹ Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802-1837» - М.: «Рос. Фонд Культуры», 2012, с.80–82.

⁶³² См. об этом: Роусская власть и бюрократическое государство. Часть 2. Отв.ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону, изд.ЮФУ, 2015, с.453–572.

Двойственность полиции выражается в ее разделении на полицию принуждения и культурную полицию, которая транслирует христианское понимание государства как субъекта попечения о гражданах. В результате этих процессов общее благо населения как главный мотив деятельности полиции превращается в пустую формулу и подменяется созданием полицейского аппарата как средства центральной бюрократии. В любом случае надо учитывать полицейскую сеть государства, которая обычно ведет к отождествлению полицейских и общественных функций. По мере роста данной сети увеличивается полицейское вмешательство государства в дела общества. Внутренняя политика становится управлением посредством насилия.

Полицейское использование армии – существенный элемент такого управления. Организация добровольных полицейских формирований фиксирует размах сотрудничества государства с обществом при выполнении полицейских функций. Социальная почва государства – это полицеизированные социальные группы, которые оказывают полицеизирующее влияние на остальное общество. Чтобы удержать массы в подчинении, государство стремится полицеизировать общество при помощи насилия.

Полицейская практика – это регламентация применения насилия в методах работы полиции. По мере модернизации общества сфера применения насилия сужается, оно направляется преимущественно на стигматизированные социальные группы. Одновременно вмешательство армии становится единственной гарантией поддержания социального порядка в развивающихся индустриальных центрах. Возникает синдром осажденной крепости и концепт внутренних врагов, что способствует росту внутреннего контроля государства над населением. Урбанизация общества и связанная с ним миграция способствуют появлению и углублению разрыва между требованиями властей и возможностями контроля, который выражается в увеличении сферы полицейского надзора. Этот процесс обращается против самих надзирателей.

Любую полицию можно рассматривать с точки зрения полицеизирующих и полицеизированных социальных групп, рост которых можно считать общей бюрократической характеристикой модернизирующихся обществ. Для конкретного представления о ней надо учитывать особенности полиций конкретных стран в условиях данного места и времени. Но остается открытым вопрос: насколько на-

селение ощущает недостатки, обременительность и болезни полиции как политического института?

Роберт Даль сформулировал общую задачу всех демократических обществ: вооруженные силы должны находиться под контролем гражданского населения. В России эта задача пока не осознана. Государство расходует огромные средства на институты, неспособные выполнять функции, для которых они предназначены. Эти институты превратились в острую социальную проблему, о которой я писал давно, едва на политическом горизонте появились фигуры типа полковника Алксниса. Анализ ситуации в современной России позволяет заключить, что речь может идти пока только об осознании, а не решении проблемы. Ликвидации вооруженных сил еще не произошло. Соотношение сухопутных и морских сил еще не стало предметом публичного обсуждения. Армия и полиция подчиняются центру, а не находятся под контролем местной власти. Вооруженные силы не формируются из людей с демократическими убеждениями, поскольку таких людей в российском обществе пока меньшинство. Выработка демократических убеждений среди профессиональных военных пока еще есть дело будущего. Книги Александра Гольца могут служить хорошим введением во множество конкретных аспектов проблемы, характерных для современной России.

Россия не застрахована от возвращения тоталитарного прошлого. Армия превратилась в политическую репрессивную структуру. На территории Чечни пустил мощные ростки государственный фашизм, пророщенный в семейные отношения (когда здоровые русские люди совершенно не заботятся о своих родных больных и стариках). В России утвердилась такая «демократия», когда никому не нужна независимая журналистика. Интересы российских спецслужб слились с интересами мнимого противника. Одновременно российские спецслужбы развели народы и привели к национальной трагедии. Российские войска в Чечне находятся в ситуации карателей. Российский генералитет привык расти на чеченской крови и самостоятельно не откажется от этой традиции.

В целом власть не состояниии изменить ситуацию в стране. Русские люди совершенно не верят, что государство, в котором они живут, способно на что-то доброе в отношении своих граждан.

Для изучения степени полицеизации общества надо учитывать следующие феномены и проблемы: отбора и руководства сексотами; структуру полицеизирующих групп в соответствии с национальными, профессиональными, политическими и гендерными критериями

состава сексотов и системы полицейского управления; душевную предрасположенность к сотрудничеству с полицией; специфику корпоративного сознания и поведения; отношение армии и полиции к сексотам; связь в деятельности полиции своекорыстия со стремлением к сенсации; цепь всеобщей лжи в военно-полицейских структурах; степень конфликта между обычной и политической полицией; параллель между отношением сексотов к идеологии до взятия власти и отношением к идеологии властно-управленческого аппарата после взятия власти; поведение политической полиции в период политических изменений; полицейскую оценку роли подполья в подготовке революции и полицейскую оценку революции вообще; степень выраженности монархического чувства в военно-полицейских структурах; оценку политического розыска; вкусы, мировоззрение и политический идеал всех звеньев полиции. Каждая из этих тем может быть предметом особого исследования – вместо разговоров об «объективной необходимости» спецслужб.

Концепт государственного цинизма позволяет выйти за рамки затянувшегося спора между сторонниками теорий тоталитаризма и модернизации при изображении истории России в XX веке. Петер Слотердаик сформулировал такие темы исследования, которые могут быть операционализированы в аппарате и программах всего круга социальных наук. Все намеченные Слотердаиком темы и констатации подтверждаются целыми библиотеками литературы. Все они являются предметом дискуссии. Это значит, что идеи Слотердайка вводят в самый центр современных споров, помогают идентифицировать и объяснить личные и институциональные социальные роли и фигуры данных споров. Ни по одному вопросу здесь нет и не может быть общепринятых взглядов и казенных «мнений». Поэтому я предлагаю рассматривать феномен доноса в контексте множества нерешенных проблем XX века.

В любом случае сотрудничество конкретных лиц и целых организаций с аппаратами насилия главных политических конкурентов XX века надо рассматривать в контексте истории, теории и практики государственного цинизма. С этой точки зрения «Критика цинического разума» может рассматриваться как программа междисциплинарного исследования всех аспектов сотрудничества индивидов с государством посредством доноса в сферах военного дела, государственной администрации, полиции, отношений между полами, медицины, религии и знания. Деятельность доносчиков в данных сферах не изучена и не систематизирована. Тем большую значи-

мость приобретает постановка проблемы. Современная Россия дает богатейший материал, позволяющий дополнить концепт Петера Слотердайка. Скажу только об идеологических сюжетах.

В состав современного государственного цинизма в России (или российской «духовности») входят «дешевые благонамеренные подделки» (по удачной квалификации В.В. Бибикина) типа русского космизма, эстетики лада, русского мира, а также русская религиозная философия с идеями всеединства, софийности, православного энергетизма, «синергизма» и других продуктов панического сознания⁶³³. Среди них следует особо отметить концепты российского традиционализма и евразийства, популярные среди политического руководства России, высших армейских чинов, офицеров Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности. «Высших армейских чинов, – пишет М. Седжвик, – может характеризовать профессиональный интерес к геополитике, но в равной степени и профессиональная тенденция к упрощению. Примерно то же самое можно сказать о СВР, хотя там тенденция может быть обратной: не к упрощению, а к усложнению. ФСБ кое в чем отличается от этих организаций. Когда вознаграждение за работу в органах внутренней безопасности снизилось, и в финансовом смысле, и в смысле престижа, упал и профессиональный уровень офицеров ФСБ. Среди них сейчас найдется не много интеллектуалов, зато очень многие лелеют полумистические представления о месте России в мире и своей собственной роли – возможно ... в качестве компенсации за низкие заработки»⁶³⁴. Следует упомянуть также политику ностальгии по СССР, идеологию «особого пути» России, использование советско-германской войны для легитимизации нынешней власти в России, концепт «Новороссии» и т.п.

Вся эта дешевка свидетельствует о глубоком провинциализме людей, занятых в данных сферах. Но она находит сбыт в качестве пропагандистского обеспечения внутри- и внешнеполитических акций нынешнего российского руководства и в этом смысле может рассматриваться как множество конкретных проявлений российского государственного цинизма в сфере идеологии. Требуется изучение и противодействие всей сфере политического и идеологического китча, включая способы его использования для обоснования государст-

⁶³³ См.: Бибикин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука, 2012, с.29.

⁶³⁴ Седжвик М. Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. Пер.с англ. М. Маршака и А. Лазарева. Научн.ред. Б.Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014, с.412–413. См. также: Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: (биография Льва Гумилева). – М.: АСТ, 2014.

венного цинизма в сфере общих и профессиональных, политических и уголовных интересов и связанных с ними доносов.

Идеи Слотердайка позволяют развить ранее сформулированные мной положения о феномене достижений и успехов и концепте когнитивного сопротивления⁶³⁵. Историю российских и советских войн надо писать не столько под углом зрения героизма и победы (как гласит официальная точка зрения), сколько как практическое воплощение трусости и наемничества. То же самое относится к группам, культивирующим агрессивный менталитет. Армия является институтом коллективной шизофрении. Чем губительнее действует оружие на расстоянии, тем трусливее является тот, кто им обладает. Первая мировая война заложила основу для шизофрении «безымянного героя» и трактовки нации как вооруженного отечества, в котором реализуется коллективная шизофрения. Фашизм есть результат военного цинизма. От милитаризованных национальных государств исходит наибольшая угроза надежде на жизнь, поскольку индивиды связывают себя с военно-политическими механизмами. Военный цинизм в эпоху атомной стратегии культивирует вооруженную трусость Востока и Запада. Эта эпоха провозгласила иллюзорное главенство политики над военным делом. Большинство людей впутано в современный военный цинизм. Поэтому повседневные миры стали параноидными системами. Главная проблема состоит в отчетливом и сознательном противостоянии данным системам.

Я думаю, что духовно-политическая терапия населения современной России может вдохновляться не только идеями германского философа Слотердайка, но и констатациями советского писателя, который зафиксировал феномен «злой тупости государства»: «Почти все советские люди – психические больные. Их неспособность слушать, темная убежденность в кромешных истинах, душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер... Идет великое мировое оглупление. Идиоты не только у нас, они завладели миром»⁶³⁶. В этой ситуации анализ ныне популярных кромешных истин, а также групп и институтов, их культивирующих и навязывающих всему остальному населению страны, приобретает практическое значение.

⁶³⁵ См.: Макаренко В.П. Феномен достижений и успехов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 3; Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология. 2012, № 2.

⁶³⁶ Нагибин Ю. Дневник. М., Книжный сад, 1996, с.414, 418, 440.

Использованная литература

50/50: опыт словаря нового мышления. Под ред. Ю.Афанасьева и М. Ферро М., Прогресс-Пайо, 1989.

95% жителей Украины считают ее Родиной – опрос. : Новости УНИАН // <http://religions.unian.net/religionssociety/892806-95-jiteley-ukrainyi-schitayut-ee-svoey-rodinoy-opros.html>.

Ілько Кучерів. Від Майдану-Табору до Майдану-Січі: що змінилося? Фонд демократических инициатив // <http://dif.org.ua/ua/publications/press-relizy/vid-mchi-sho-zminilos.htm>.

ІФАК: Материальные проблемы украинцев волнуют сильнее, чем россиян // <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/01/19/810163.html>.

А. Пушкин в беседе с В. Устиновым. Столкновение экстремизмов. Литературная Газета от 19–25 апреля 2006. № 16.

Абашин С. 2011. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. 2011, № 3.

Абсурд и вокруг. Отв.ред. О. Буренина. М., Языки славянской культуры, 2004.

Азимов А. Освоение Северной Америки. М., БСГ-Пресс, 2003.

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Акты Кавказской Археологической комиссии. Т. VI. Тифлис, 1874 // В кн.: За стеной Кавказа. М., 1989.

Алаев Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // *Восток*. 2002, № 4.

Антикризисным мерам правительства пророчат провал из-за недоверия народа // <http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz-print.html>.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // *Вопросы языкознания*. 1987, № 3.

Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917). – *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи*. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус. А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Бабицкий А. Легкость войны. Выносимая и не очень // http://www.globalaffairs.ru/print/Ukraine_crysis/Lgkost-voiny-Vynosimaya-i-ne-ochen-17085.

Базылев В., Сорокин Ю. О нашем новоязе. От чужих слов мы становимся агрессивнее // Независимая газета, 25.09.1998.

Бакунин М.А. Народное дело. – Бакунин М.А. Избранные произведения: В 5 т. Т. 3. Пб.-М.: Голос труда. 1920.

Бальмен Я.П. Повести. Харьков, 1983.

Барабанов М. Испытание «нового облика» // <http://www.globa.laffairs.ru/print/number/Ispytanie-novogo-oblika-17097>.

Басинский П. Последний солдат декаданса // Литературная Газета. 6–12 октября 2004, № 40 (5991).

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: «Советская Россия», 1979.

Безелянский Ю. Огненный век. М., Пашков дом, 2001.

Белый А. Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Издание подготовил Л.К. Долгополов. М.: Наука, 1981.

Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева: (биография Льва Гумилева). – М.: АСТ, 2014.

Бенвенути Ф. Россия, Запад и Чечня // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX середина XX в.). Под ред. П. Поляна. – М.: РОССПЭН. 2011.

Бенкендорф А.Х. Воспоминания 1802–1837» - М.: «Рос. Фонд Культуры», 2012.

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Кн. 33.

Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Мулла-нур. Махачкала; Дагиздат, 1968.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука, 2012.

Блейхер В.М. Расстройства мышления. Киев: «Здоров'я», 1983.

Бобровников В.О. Последние волнения и политическая ссылка // Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Бобровников В.О. Русский Кавказ и Французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? – *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи*. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А Миллера. – М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Бобровников В.О., Бабич И.Л. Мухаджирство и русская колонизация. – Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. – М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Борзенко А. Кровь цвета горящей нефти // Лит.Россия. 1995. 3 февраля.

Бороздин К.А. Закавказские воспоминания: Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. С.-Петербург, 1885.

Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., Прогресс, VIА, 1993.

Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами (Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М.: «Прогресс», 1986

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11: В 3 ч. Ч.2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр.М.А.Юсима. – М: Языки славянской культуры. 2003

Булкина И. 2004. Киевский текст в русском романтизме: проблемы типологии // Лотмановский сборник. Вып. 3. Под ред. Т.Н. Киселевой. Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. – М.: ОГИ. 2004.

Бумаги князя Г.А. Потемкина-Таврического. 1790–1793 // Сборник военно-исторических материалов, под ред. Н.Ф. Дубровина. В. VIII. С.-Петербург, 1895.

Бутурлин С. О военном значении железных дорог и особенной их важности для России, с проектом сети сих путей, составленном в видах обороны империи. – Чтения... - 1865. – Кн. 4.

Васильев Л. Нам нужна победа: Заметки о Грозном // Москва. 1995. Июль.

Васюков С.Н. Край гордой красоты. С.-Петербург, 1902.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г.: М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.

Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка. 1700—1894 // Краткая история Апшеронского полка для солдат. Составил того ж полка капитан Л. Богуславский. С- Петербург, 1894.

Великий князь Георгий Михайлович. Апшеронская памятка... – С.-Петербург, 1894.

Вениаминов, Иннокетий. Записки об островах Уналашкинского отдела, Санкт-Петербург, 1840.

Венцлова Т. Пограничье: публицистика разных лет – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2015.

Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: ИТДГК "Гнозис", Фонд "Прагматика культуры". 2002.

Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 4.

Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский Сборник. Т. V. Тифлис, 1880.

Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский Архив, 1883. Кн. 3.

Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.

Выступление Збигнева Бжезинского на вручении премии Токвиля // <http://injsmi.ru/usa/20111102/177005474.html>.

Гальчинський А. Глобальні трансформації // Либідь, 2006.

Гамсахурдия К. Собрание сочинений в 8 томах. Том 7–8. Тбилиси, 1981.

Гаспаров М. Записи и выписки. М., НЛЮ, 2000.

Геллер М.Я. История Российской империи. Т.1–2. М., «МИК», 2001.

Герасименко О. 2012. Как колонией была, так и останется // Коммерсантъ-Власть. 2012, 16 апреля. <http://www.komrnersant.ru/doc/1907724>. Проверено: 12.05.2012.

Герасимов В. Ценность науки в предвидении // <http://www.vpk-news.ru/print/articles/14632>.

Гессен ВМ. Подданство, его установление и прекращение: Т. 1. СПб.: Тип. «Правда», 1909.

Гизетти А. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885. Тифлис, 1901.

Гилёв А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия // <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Mnogomernaya-voyna-i-novaya-oboronnaaya-strategiya-17101>.

Гиленсен В.М. Повстанческое движение в Средней Азии и советско-афганские отношения в 1920-е – начале 1930-х годов // Восток. 2002, № 2.

Главный олигарх Украины призвал политиков не допустить возможного раскола страны // <http://www.regnum.ru/news/1745080.html>.

Глущенко Е.А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей. М., XXI век – Согласие, 2000.

Гнатюк О. Прощания з імперією: Українські дискусії про ідентичність / Перекл. з польск. А. Бондара та ін. Київ. Критика, 2005.

Горбунов О. Россия и Украина: Исламский диалог // ПОЛИТКОМ.RU. 23.11.2010. URL // <http://www.politcom.ru/11074.html> (дата обращения: 13.05.2011).

Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? // *Ab Imperio*.2007, № 2.

Государство. Общество. Управление. Ред. С.А. Никольский и М.Б. Ходорковский. М., 2013.

Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: ГИХЛ, 1956.

Грицак Е. Ненасильство завжди перемагає. Retrieved February 19, 2014 // http://texty.org.ua/pg/article/editorial/read/46215/Nenasyl-nyskuj_sprotyv_rozvalyv_SRSR_i_znyshhuv_GULAG).

Гройс Б.Е. 1993. Утопия и обмен. М. Знак.

Грушевский М. Очерки истории украинского народа. К., 1991.

Гундорова Т. «Котляревщина»: колоніальний кітч // Гундорова Т. Кітч і література. Травестії. Київ: Факт. 2006.

Гундорова Т. 2011. Внутрішня колонізація – повторна колонізація. – Критика. № 9–10.

Данилевский Р.Ю. Русские и немцы: тысяча лет общения // Русская литература. 1994. №1.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1986.

Дейк Т. А., Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия», 1995.

Дереглазов П. Пало ли современное казачество? // Вестник Русской Конницы, 1907. № 15.

Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя. 1999.

Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. Пер. с фр., составление и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс». 2000.

Джусойты Н. Елбасуко Бритаев. Цхинвали, 1963.

Дзюба И. «Кавказ» Тараса Шевченко на фоне непереходящего прошлого. – К., 1996.

Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. IV.

Долбиллов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Дополнительные воспоминания севастопольца и кавказца 46 лет спустя – Витебск, 1901.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 23. М–Л., 1981.

Драгоманов М. Листи на наддніпрянську Україну // Драгоманов М.П. Літературно-публіцистичні твори. – Т.1.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. - С.-Петербург, 1886.

Дюма А. Кавказ. – Тбилиси: Мерани, 1988.

Ежедневный журнал: Медиафрения. Демаркация // http://ej.ru/?a=note_print&id=25038.

Ермолаев А. Украиной руководит корпорация. Государственные институты приватизированы // Зеркало недели. – 2014. – №4 (150). – 8 февраля.

Ефимов А. Ост-Российская компания. Сайт «Лента.ру». 2012, 24 апреля. Доступно: <http://lenta.ru/columns/2012/04/23/colonize/>
Проверено 12.05.2012.

Євромайдан підтримує 50% українців, Антимайдан – 27% // Українська правда // http://www.pravda.com.ua/news/2014/01/21/7010495/view_print/.

Єфремов С. На переломі двох епох (Іван Котляревський) // Котляревський І. Твори. К., ДВУ. 1926.

Жаккар Ж.-Ф. «Cisfinitum» и Смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда // Абсурд и вокруг: Сборник статей / Отв. ред. О. Буренина. – М: Языки славянской культуры, 2004.

Жеребкин С. Наслаждение быть украинкой: вдохновение постколониальности в украинских гендерных исследованиях. – Гендерные исследования. Вып. 15. Харьков, 2007.

Жуковский В.А. Поли. собр. соч.: В 12 томах. С.-Петербург, 1902.– Т. X.

Зайончковский П. Милютин Д.А. Биографический очерк //Дневник Д.А.Милютина. 1873—1875. М., 1947. Т. I.

Зальцберг Б. Давос-2014: три способа изменить мир // <http://forbes.ua/opinions/1363796-davos-2014-tri-sposoba-izmenit-mir#print>.

Затулин К. Хотят ли русские войны? // http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Khotyat-li-russkie-voiny-17083.

Захаров А. 2008. Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме. – М.: Московская школа политических исследований.

Звездный десант // Фокус. 2014, №10(373).

Звонарь Евромайдана: «Колокольным звоном прогонял тьму их душ людей». // <http://www.segodnya.ua/print/ukraine/zvonar-evromaydana-kolokolnym-zvonom-progonyal-tmu-iz-dush-ludey-483784.html>.

Зиссерман А. О князе Воронцове и Н.Н.Муравьеве // Русский Вестник. 1874. Ноябрь.

Знаменский Н. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань. 1881.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение. 2001.

Из записок барона М.А. Корфа //Русская Старина. 1899. Декабрь.

Из кавказской старины: Заметки современников. Историческая летопись, 1914. Кн. 8.

Илларионов А. Две тысячи девятый – год нарастающего абсурда // Континент. 2009, № 142.

Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., РОССПЭН, 1997.

Имперский строй России в региональном измерении: XIX-начало XX века. Под ред. Савельева П.И. М., 1997.

Иноземцев В. Терроризм как «освободительная» борьба: новая встреча со старым феноменом // Свободная мысль– XXI. 2005, № 9.

Иноземцев В., Пономарев И., Рыжков В. Континент Сибирь // Россия в глобальной политике, том 10, № 6, ноябрь – декабрь 2012.

Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.

История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка. [Сост. В. Потто. При участии в сборе материала Князя В.П. Долгорукова]. – С.-Петербург, 1893.

История 44-го драгунского... полка... – Т. 3. – С.-Петербург, 1894.

Кавказ и кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – С.-Петербург, 1860.

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М.: Эксмо, 2009.

Кадио Ж. 2010. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение.

Каждый четвертый считает, что ситуация в Украине ни на что не похожа (опрос) : Новости УНИАН // <http://www.unian.net/politics/805282-kajdyiy-chetvertyiy-schitaet-chto-situatsiya-v-ukraine-ni-na-chto-ne-pohoja-opros.html>.

Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Техник, 1913.

Каразин В.Н. Письмо к Адаму Чарторыйскому // Русская Старина, 1871.–Т.3.

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина (17 октября 1819 г.) // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002.

Карачайлы И. Горцы и их борьба за свободу в творчестве А.С. Пушкина. (К 130-летию со дня рождения.) // Революция и горец. – 1929, №5–7.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // http://www.gumer.info/bibliotek_Duks/Polit/kastels/08.php.

Кемпбель Джордж Джон Дуглас. Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет. – С.-Петербург, 1908.

Киевская хроника – Верховная Рада, майдан, жертвы // http://lb.ua/news/2014/02/21/256418_hronika_kiev_21_fevralya.html

Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. – С.-Петербург, 1897.

Ключевский В. Курс русской истории // Ключевский В. Сочинения. Т.1. Москва. Государственное издательство политической литературы. 1956.

Ключевский В. Курс русской истории // Ключевский В. Сочинения. Т.2. Москва, Государственное издательство политической литературы. 1957.

Ключевский В.О. Афоризмы // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 9. – М.: Мысль. 1990.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Кн. 1 // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль. 1987.

Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийская перспектива // Звезда. 1995. №9.

- Князьков С. Из прошлого русской земли. Ч. II. М., 1909.
- Кокиев Г. Военно-колониаторская политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 5(7).
- Кокиев Г. Военно-колониационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. – 1929. – № 4(6).
- Конгресс интеллигенции вновь пытается остановить российскую агрессию // data:text/html;charset=utf-8,%3Cheader%20style%3D%22box-sizing%3A%20border-box%3...
- Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН. 2009.
- Конституция Российской Федерации. М., 1997.
- Коротков Д., Гужва И. Майдан. Реконструкция. Что на самом деле произошло с нами за те три месяца, которые потрясли мир // Россия в глобальной политике // <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Maidan-Rekonstruktsiya-17139>.
- Краткие очерки русской истории. Сост. Д. Иловайский. М., 1867.
- Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. Т.6. М. – Л., 1960.
- Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Україна: проблеми самоорганізації. В 2 т. К., Промінь, 2003.
- Кровяков Н. Шамиль. Грозный, Чеченгосиздат, 1941.
- Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции. Гродно, 29–30 октября 2009. Под общ.ред. Т.Т. Кручковского. Гродно: ГрГУ, 2011.
- Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир. 2006.
- Кулик С. Черноморский диалог – возможен ли он? // Черноморська безпека. – 2010. – № 2(16). – URL: <http://nomos.com.ua/content/view/320/69/> (дата обращения: 12.06.2011).
- Куперман В., Зислин И. К структурному анализу бреда // Солнечное Сплетение, 2001(18–19).
- Кустарев А. Альтернативная Европа // Диалог.UA. 14.01.2008. URL: http://dialogs.org.ua/issue_full.php?m_id=11869 (дата обращения: 7.6.2011).

Кустарев А. Геополитика – судьба России? О книгах К.С. Гаджиева "Введение в геополитику" и А.Г. Дугина "Основы геополитики. Геополитическое будущее России" (1999) // <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/kapital/evolution/fate> (дата обращения: 18.06.2011).

Лавров С.В. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике / Россия в глобальной политике http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_cresis/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-17138.

Лакиер А. История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847, № 10–11.

Лакиер А. Русская геральдика. Кн.1. СПб.: В типографии 11-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.

Латышев И. Япония, японцы и японоведы. Москва, Алгоритм, 2001.

Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014.

Леви Б.– А. Если потонет Украина – потонет вся Европа. Наши судьбы сегодня полностью связаны // Зеркало недели. 2014. №18(164). 23 мая.

Левонян Г. Страна «разбойников» или литературная халтура? //Революция и горец. 1929. №1–2 (3–4).

Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 2.

Ленин В.И. Капитализм в сельском хозяйстве // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 4.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 3.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд-е. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Лесков Н. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1956.

Лихачев Д. Мысли о жизни: воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа // Киевская Старина. Т. LXXXIII. Кн. I. 1903. Октябрь.

Личков Л.С. Очерки... // Киевская Старина. – Т. LXXXIII. – Кн. 3. – 1903. – Декабрь.

Лор Э. «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX – начала XX века. Пер. с англ. М. Лоскутовой // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Лор Э. Гражданство и подданство. История понятий. Пер. с англ. С.С. Константиновой // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение. 2012

Лотман Ю.М. Успенский Б.А. Миф – Имя – Культура // Ю.М. Лотман. Избранные статьи. В 3-ех тт. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: «Александра», 1992.

Лупаций В. Крым должен стать провайдером интересов всего Причерноморского региона Украины // Диалог.UA. 18.03.2011. URL: http://dialogs.org.ua/club_ua_full.php?m_id=21748 (дата обращения: 11.07.2011).

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М. 1996.

Люттвак Э. Какая еще Ирредента? Конфликт государств! // http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Kakaya-tsche-Irredenta-Konflikt-gosudarstv-17014.

Майже 60% українцям не вистачає «сильної руки» // <http://tyzden.ua/News/81347/PrintView>].

Макаренко В.П. Кавказ как предмет концептологического анализа // Sofia. 2001, № 1.

Макаренко В.П. Колониализм: взгляд из сегодняшнего дня // Общество и экономика. 2002, № 8–9.

Макаренко В.П. Политическая концептология // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Т.3. СПб, Петрополис, 1996.

Макаренко В.П. Проблема когнитивного сопротивления // Политическая концептология. 2012, № 2.

Макаренко В.П. Распад империй: война в системе «центр-периферия». Статьи 1–2 // Sofia. 2003, №3; 2004, № 4.

Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1998.

Макаренко В.П. Социальная структура: явные и скрытые элементы. Ростов-на-Дону, Логос, 1992.

Макаренко В.П. Теория сецессии: послылки, аргументы, следствия // Вестник Московского университета: Сер.18: Социология и политология. 2006, № 2.

Макаренко В.П. Феномен достижений и успехов // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009, № 3.

Макиавелли Н. Сочинения. М.-Л., 1934.

Малинова О. Конструирование смыслов. М., 2013.

Маркедонов С.М. Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.

Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII столетия. Центральная научная библиотека НАН Украины. СО7905. На правах рукописи.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. М., 1962.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. Пер. с англ. О. Щёлоковой. М.: РОССПЭН. 2011.

Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2002.

Махарадзе Ф.Е. и Хачапуридзе Г.В. Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии. М., 1932.

Мельников К., Гудков А., Панченко А. 2012. Вся власть в Сибири. Восточные регионы страны могут получить беспрецедентные права – Коммерсантъ. 2012. 20 апреля.

Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М., 1960.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2006.

Миллер А.М. Малороссийское генерал-губернаторство – Западные окраины Российской империи. Под ред. М. Долбилова, А Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Минуа Ж. Священное писание, война и сакральное // Философия права. Ростов-на-Дону, 2001, № 2; 2002, № 1.

Мирзоев, Владимир. Историография Сибири, Москва, 1970.

Мишель Фуко и Россия. Сб. статей. Под ред. Хархордина О. Санкт-Петербург-Москва, Летний Сад, 2001.

Мостовая Ю., Рахманин С. Сгибаясь под ношей, ты увеличиваешь ее тяжесть // Зеркало недели. 2014. №6(152). 22–28 февраля.

Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М., Астрель, 2004.

Нагибин Ю. Дневник. М., Книжный сад, 1996.

Накко А. Очерк Гражданского Управления в Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806–1812 года. Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса, 1879.

Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) // www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php.

Наследие империй и будущее России. М., 2008.

Нации и национализм. Перевод с английского. Москва, Праксис, 2002.

Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), Москва: Финансы и статистика, 1991 // www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6e.

Некомпетентность правительства волнует украинцев в 1,5 раза больше, чем полгода назад // <http://zn.ua/article/print/POLITICS/nekompentnost-pravitelstva>.

Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России. Москва, Аграф, 2000.

Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. (Ин-т языкознания; Отв. редактор Н.Д. Арутюнова). М.: Наука, 1990.

Новейшая история. Подробности 1945–1999. М., Олимп Астрель, 2000.

Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Б.Э. Нольде; пер. с фр. Канд.филол.наук Л.Ф. Сахибгареевой под ред. канд.ист.наук И.В. Кучумова; отв.ред. акад.РАН В.А. Тишков. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной исто-

рии человечества. Пер.с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Опитування: Деякі політики і публіцисти стверджують, що відмінності культури... // http://razunkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=7198&&address=poll.

Опитування: До якої культурної традиції ви себе відносите? (динаміка 2006-2007) (регіональний, віковий розподіл за національністю) // <http://rasumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&pollid=6938&&address=poll>.

Опитування: Чи є Україна європейською державою?// Центр Разумкова // http://razumkov.org.ua/ukr/print.php?lng=UKR&&poll_id=673&&address=poll.

Опитування: Як Ви ставитеся до наведених атрибутів незалежної української держави? (динаміка 2011-2012)// Центр Разумкова // http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=779.

Опитування: яка культурна традиція переважатиме в Україні в майбутньому (через 20-25 років)? (динаміка 2006-2007) (регіональний, віковий розподіли та розподіли за національністю) // http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php&poll_id=700.

Опитування: Яка мова для вас є рідною (динаміка 2006-2008) // Центр Разумкова // http://razumkov.org.ua/ukr/poll_id=290.

Опрос: Россияне считают протесты на Украине государственным переворотом // <http://www.levada.ru/11-02-2014/opros-rossiane-schitaut-protesty-na-ukraine-gosudarstvennym-perevorotom>.

Основная конституция человеческого рода. Сочинение Ле Пле. С очерком жизни и деятельности автора. С.-Петербург, 1902.

Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М.: «Прогресс», 1986.

Осторожно, украинофобия! ИноСМИ – все, что достойно перевода // <http://www.inosmi.ru/world/20090528/249459-print.html>.

Отношение украинцев к России радикально ухудшилось – опрос // http://news.liga.net/print/news/politics/1633262-otnoshenie_ukrainssev_k_rossii_ukhudshilos_opros.htm.

Павловский Г. «Президенту надо выйти из круга старых друзей» // http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Prezidentu-nado-vyiti-iz-kruga-starykh-druzei-17132.

Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Выпуск 18-ый. М.:

АН СССР. Всесоюзный Институт научной и технической информации, 1982.

Пештич С.Л. 1958. «Синописис» как историческое произведение – Труды Отдела древнерусской литературы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – Т. XV.

Плотников. М.А. Янгал-Маа, вогульская поэма. М.-Л., 1933
подход. М., 2012.

Полищук О. Путиноборец Тарута // Власть денег. 2014, №10-17. март-апрель.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ. 2001.

Попель С. Падение рынка труда Украины: влияние демографических, социальных и экономических факторов // <http://dialogs.org.ua/ru/progect/page19237.html>.

Портнов А. 2012. Третий (не)лишний. Переосмысление наследия Польско-Литовской Речи Посполитой и Украина – Сайт «Уроки истории. XX век». Блог Андрея Портнова. 23 января // <http://urokii.storii.ru/blogs/andrei-portnov/2871>.

Поцелуев С.П. Аргументативные игры вокруг «Черноморского диалога»: опыт политического дискурс-анализа // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2.

Почти 70% украинцев выступают против второго государственного языка – Общество: деловой новостной сайт Дело Украина // <http://delo.ua/ukraine/pochti-70-ukraincev-vystupajut-protiv-vtorogo-gosudarstvennogo-j-234322/>.

Про «гріх бездіяльності» ЕС // День 2014, №31, - 20 лютого.

Протести в Україні: Ми дозволяємо Путіну перемогти // День. 2014. №32–33. 21–22 лютого.

Пыжиков А.В. Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: OLMA MEDIA GROUP, 2003.

Рассуждение князя Б. И. Куракина: Главные задачи Московского государства, 1707 //Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. С.-Петербург, 1892.

Революційна ситуація в Україні спричинена відсутністю ефективних інститутів // Центр Разумкова // http://rasumkov.org.ua/ukr/point.php?lng=UKR&&news_id=4505&&adress=expert.

Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века – Новая имперская история постсоветского пространства (Библиотека журнала «Ав

Imperio»). Казань: Центр исследований национализма и империи. 2004.

Ремнев А. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? – Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Ремнев А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Зиновьев В.П. и др. Сибирь в составе Российской империи. Под общ. ред. А.В. Ремнева и Л.М. Дамешека. М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Под ред. Заславской Т.И. М., 1996.

Романовский П. Кавказ и кавказская война. С.-Петербург, 1860.

Росбалт (Б.а.). 2012. Минфин раскритиковал идею госкорпорации по развитию Сибири – Сайт информационного агентства «Росбалт». 2012. 2 мая // <http://www.rosbalt.ru/business/2012/05/02/976396.html>.

Российским интересам соответствует единая Украина // <http://www.globalaffairs.ru/print/global-prossesses/Rossiiskim-interesam-sootvetstvuet-edinaya-Ukraina-16941>.

Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений. Составители Орлов О.П., Черкасов А.В. Москва, Звенья, 1998.

Руднев В. Психотический дискурс // Логос. № 3 (1999).

Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2. Отв.ред. В.П. Макаренко. Ростов.-на-Дону, изд.ЮФУ, 2015.

Русская Старина. 1885. Октябрь.

Русские повести и рассказы А. Марлинского. Ч. III. С.-Петербург, 1837.

Русский Архив. 1879. Кн. 2.

Русский биографический словарь. Ж-З. Петроград, 1916.

Русский биографический словарь. Ф-Ц. С.-Петербург, 1901.

Рябчук М. Постколониальный синдром. Спостереження. Київ: К.І.С. и др. 2011.

Сайдов М.-С. Возникновение письменности у аварцев //Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948.

Сайт Андрея Ильницкого (www.amicable.ru) Отношение россиян к украинцам становится лучшим за последние полтора десяти-

летия // <http://amicable.ru/news/2012/12/13/4717/otnoshenie-rossian-k-ukra...>

Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство. Пер. с англ. В. Макарова // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи*. Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус. А. Миллера. М.: Новое литературное обозрение. 2010.

Свод Законов Российской Империи. СПб.: Книжное товарищество «Деятель», 1912: В 5 кн. Кн.1.

Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // *Вопросы истории*. 2002, № 6.

Синий диван. Философско-теоретический журнал. Под ред. Е. Петровской. № 19. Изд. «Три квадрата». М.: 2014.

Синовец П. Кто кого: Украинский кризис, санкции Запада и попытки сдерживания России // http://www.globalaffairs.ru/print/ukraine_crysis/Ktj-kogo-Ukrainskii-krizis-sanktcii-Zapada-i-popytki-sderzhivaniya-Rossii-17073.

Скабичевский А. Сочинения в 2-х томах. С.-Петербург, 1903. Т. I.

Скибицкая Ю. На отдых – без россиян // *Сегодня*. 2014. №91. 25 апреля.

Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение. 2008.

Смирнов И.П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 28*, 1991.

Солженицын А. Интервью с Витторио Страда // Москва. 1995. №9.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. М., Соцэкгиз, 1963.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV, т. 28. М., Соцэкгиз, 1965.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.6. – С.-Петербург: Общественная польза, 1864.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 4 // Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. Кн. 2. М.: Голос. 1993.

Соловьев С.М. История России... Кн. 5 – С.-Петербург: 1864.

Солоневич И. Мировая революция. М., 2006.

Статус русского языка оказался на 31 месте среди приоритетов украинцев, НАТО – на 33-м // <http://zn.ua/article/print/SOCIETY/status-russkogo-yazyka>.

Сэдживик М. Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. Пер.с англ. М. Маршака и А. Лазарева. Научн.ред. Б. Фаликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Таевский Д.А. Христианские ереси и секты 1-XXI веков. Словарь. М., Intrada, 2003.

Так не доставайся ж ты никому! О спекуляциях на тему разделения Украины // <http://lenta.ru/articles/2014/01/25/seperated/>.

Там, внутри. Практики внутренней колонизации вы культурной истории России: Сб.статей. Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Теффт Дж. «Наши двери все еще открыты для россиян // <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Nashi-dveri-vse-esche-otkryty-dlya-rossian-17140>.

Тимофеев И. Волки и зайцы. Что ждет Россию в меняющемся миропорядке? // <http://www.globalaffairs.ru/print/global-processes/Volki-i-zaitcy-что-ждет-Rossiyu-v-menyayuschemsya-miroporyadke-17121>.

Ткаченко В.Н. Феномен «внутренней колонизации» в украинско-российских отношениях (исторический аспект) // Политическая концептология, Ростов-на-Дону, №4, 2013.

Толстой Л. Собрание сочинений в двадцати двух томах. М., 1978.

Толстой Л.Н. О войне и военном деле. Берлин: Издание Гуго Штейница. 1902.

Тощенко Ж.Т. Элиты? Клань? Касты? Клики?.. Кто правит нами? // Социологические исследования. Москва, Наука, 1999, № 10.

Тощенко Ж.Т. Элиты? Клань? Касты? Клики?.. Кто правит нами? // Социологические исследования. Москва, Наука, 1999, № 10.

Третъ россиян считает соглашение Украины с ЕС предательством // <http://www.levada.ru/print/25-11-2013/tret-rossian-schitaet-soglashenie-ukrainy-s-es-predatelstvom>.

Троцкий Л.Д. Независимость Украины и сектантская путаница», 30 июля 1939 года <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm>.

Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., Эксмо. 2007.

Туренко А.М. Исторические записки о войске черноморском // Киевская Старина. 1887. Март. Т. XVIII.

Турция между Европой и Азией: итоги европеизации на исходе XIX века. Москва, Крафт+ИВ РАН, 2001.

У Корзуна – Андрей Илларионов / Украина в поисках идентичности // Доступно: <http://marina-herriott.livejournal.com/523173.html>.

Ужанков А. Коту под хвост // http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lg112006/Polosy/18_2.htm.

Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. М.: ОГИ. 2004.

Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000.

Фадеев Р. Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». С.-Петербург, 1865.

Фейгин М. Вторая кавказская война // Новый мир. 1995. №12.

Филби К. В разведке и в жизни: сборник статей и мемуаров. М., Эксмо, Яуза, 2005.

Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. – М.: Знак. 2005.

Фролов К., Логинов К. «Третий Рим». Суверенная модернизация // Всеукраинское общественное объединение «Единое отечество». 30.10.2010. URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/201010/3012.htm> (дата обращения: 06.07.2011).

Фромм Э. Революция надежды (о гуманизации технологического общества). М.: Айрис Пресс, 2005.

Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. Пер. с фр. Е.А. Самарской. СПб.: Наука. 2005.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во «АСТ», 2003.

Хиршман А. Рыночное общество: противоположные точки зрения // Социс. 2001, № 3.

Хобсбаум Э. Век империи. М., 1999.

Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свободная мысль– XXI. 2004, № 9.

Хомяков А.С. Поли. собр. соч. Т. I. М., 1861.

Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., Рипол Классик, 2004.

Хоскинг Д. История Советского союза. М., 2000.

Черкасов П.Л. Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. – М.: Наука. 1983

Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 14.

Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001, № 2.

Численность населения // www.populstat.info/Asia/indiac.htm.

Чистяков П.С. Речи октябриста. 1905–1907. С.-Петербург, 1907.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 2.

Чтения в Императорском обществе истории... М.: Унив. тип., 1865. – Кн. 3.

Чувство глубокого неудовлетворения // <http://www.globalaffairs.ru/print/redcol/Chuvstvo-glubokogo-neudovletvoreniya-17134>.

Шевченко Т.Г. Избранные сочинения. М.: Худ. Лит, 1987. – (Библиотека классики.) «Кавказ» в переводе П. Антокольского.

Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів. Т. 1. К., 1966.

Шендерович В. Комментарий к событиям российской жизни (сентябрь-октябрь 2004 г.) // Континент. 2004, № 118–140.

Ширяев Е.Н. Что такое разговорный диалог? // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001.

Шишацкий: к смене власти в Украине привела диктатура : Новости УНИАН. // <http://www.unian.net/politics/889827-shishatskiy-k-smene-vlasti-v-ukraine-privela-diktatura.html>.

Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский. С.-Петербург, 1891. Т. 2.

Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. – Т. 2.

Що ви відчуваєте, коли незнайома людина звертається до вас українською/російською мовою? // Центр Разумкова // <http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll-id=896>.

Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1.

Эткинд А. Дыра в картине мира: почему колониальные авторы писали о России, а постколониальные нет // *Ab Imperio*. 2011. № 1.

Эткинд А. Фуко и имперская Россия: дисциплинарные практики в условиях внутренней колонизации // Мишель Фуко и Россия. Сб. статей под ред. Хархордина О. СПб-Москва, Летний Сад, 2001.

Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение. 1998.

Яворницький Д. История запоріжських козаків. Львов. Світ. 1990. Т.1.

Ядринцев, Николай М. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях. 2-е изд., дополненное и переработанное. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892.

Язькова А.А. Крепкий морской узел // Независимая Газета (online версия). (14.05.2007). URL.: http://www.ng.ru/courier/2007-05-14/18_belgrad.html.

Яковенко И. Украина и Россия: сюжеты соотнесенности. Журнальный зал / Вестник Европы, 2005, №16 // <http://magazines/russ/ru/vestnik/2005/16/ia5-pr.html>.

Якщо криза в Україні поглибитися, то долю країни вирішать США, Росія і ЄС // http://www.razumkov.org.ua/ukr/print.php?Ing=UKR&&news_id=45108&&address=expert

<http://semen-serpent.livejournal.com/295788.html>.

Alapuro R. Associations and Contention in France and Finland: Constructing the Society and Describing the Society // Scandinavian Political Studies. 2005, № 28(4).

Allina-Pisano J. The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge; New York; Melbourne et al.: Cambridge University Press. 2008.

Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London: Verso (2nd ed.). 1991.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism (1951). – New York: Harcourt Brace. 1994.

Attia A., Aziz N., Friedman B., Elhousseiny M. Commentary: The impact of social networking tools on political change in Egypt's 'Revolution 2.0. // Electronic Commerce Research and Applications. 2011, № 10.

Badie B. The Imported State: The Westernization of the Political Order. Stanford: Stanford University Press, 2000.

Bassin M. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces – The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. No. 3 (September).

Beissinger M. Mechanisms of Maidan: The structure of contingency in the making of the Orange revolution // Mobilization: An International Journal. 2011, № 16(1).

Beissinger M. R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007, № 5(2).

Bernard H. Social Research Methods (2nd edition). Thousand Oaks: SAGE, 2013.

Best U. Postkoloniales Polen? Polenbilder im postkolonialen Diskurs // Geographische Revue. 2007, Bd. 9. No. 1/2.

Biggs M. How Repertoires Evolve: The Diffusion of Suicide Protest in the Twentieth Century // Mobilization: An International Quarterly. 2013, № 18(4).

Blauner R. Internal Colonialism and Ghetto Revolt // Social Problems. 1969. Vol. 16. No. 4 (Spring).

Braudel F. Capitalism and Material Life, 1400-1800. Transl. from French by Miriam Kochan. London: Weidenfeld. 1967.

Brown J. India // The Oxford History of the British Empire, vol. IV, Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

Bryman A. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Calvert P. Internal Colonisation, Development and Environment // Third World Quarterly. 2001, Vol. 22. No. 1.

Carmichael S., Hamilton C. Black Power: The Politics of Liberation in America. - New York: Random House; Vintage Books. 1967.

Casanova P. Internal Colonialism and National Development // Studies in Comparative International Development. 1965. Vol. 1. No. 4.

Casanova P. Sociedad Plural, Colonialismo Interno y Desarrollo // America Latina. 1963, Vol. 6. No. 3;

Cavanagh E., Veracini L. Definition // <http://settlercolonialstudies.org/about-this-blog/>, проверено 19 января 2013 г.

Césaire A. Discourse on Colonialism (1950). Transl. by Joan Pinkham. New York: Monthly Review Press. 2000.

Césaire A. Discourse sur la colonialisme. Paris, Dakar: Editions Presence Africaine, 1955.

Chabot S., Duyvendak J. Globalization and transnational diffusion between social movements: Reconceptualizing the dissemination of the Gandhian repertoire and the 'coming out' routine // Theory and Society. 2002, № 31(6).

Chavez J. Aliens in Their Native Lands: The Persistence of Internal Colonial Theory // Journal of World History. 2011. Vol. 22. No. 4.

Chernetsky V. Mapping Postcommunist Cultures. Russia and Ukraine in the Context of Globalization. Montreal; London. McGill-Queen's University Press. 2007.

Cotier J. The Mechanics of Internal Domination and Social Change // Studies in Comparative International Development. 1967/1968. Vol. 3. No. 2.

Coutin S. Ethnographies of violence: Law, dissidence and the state // Law & Society Review. 1995, № 29(3).

Cruse H. Rebellion or Revolution? New York: William Morrow & Co. 1968.

Culican W. Phoenicia and Phoenician Colonization // The Cambridge Ancient History. Vol. III, part 2, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

Cummings S., Ryabkov M. Situating the "Tulip Revolution." // Central Asian Survey. 2008, № 27(3–4).

Curtin Philipp. Cross-Cultural Trade in World History, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.

Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step towards Theory of Institutional Innovation // Journal of Economic History. 1970, № 30(1).

Dennison T., Carus A. The Invention of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence. The Historical Journal. 2003. Vol. 46. No. 3.

Dessel A., Rogge M. Evaluation of Intergroup Dialogue: A Review of the Empirical Literature // Conflict Resolution Quarterly. 2008. Vol. 26. No. 2 (Winter).

Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge: Polity Press. 2011.

Etkind A. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires // Modern Intellectual History. 2007. Vol. 4. No. 3.

Fanon F. The Wretched of the Earth, London, New York: Penguin, 2001.

Feichtinger J., Prutsch U., Csaky M. (Hrsg.). Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis. Innsbruck et al.: Studien Verlag. 2003.

Ferguson N. Civilization. The West and the Rest, London: Allen Lane, 2011.

Ferguson N. Empire. How Britain Made the Modern World, London: Allen Lane, 2003.

Fernandez-Armesto F., Muldoon J. (Ed.). *Internal Colonization in Medieval Europe*. Farnham: Ashgate/Variorum. 2008.

Ferro M. *Historia kolonizacji*. Warszawa, Bellona, 1998.

Geraci R. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 2001.

Gilbert H., Tompkins J. *Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics*, London, New York: Routledge, 1996.

Gladney D.C. *Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects // Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le monde Tlirco-Iranien*. 1998. No. 25.

Gorshenina S., Abashin S. (Ed.). *Le Tlirkestan russe: une colonie comme les autres? Paris: Complexe (Collection de l'IFeAC // Cahiers d'Asie centrale*. 2009. No. 17/18).

Gouldner A. *Stalinism: A Study of Internal Colonialism // Telos*. 1977/78. Vol. 34.

Graham A. *The Colonial Expansion of Greece // The Cambridge Ancient History/ 1978. Vol. III, part 3*.

Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, MA Harvard University Press. 1992.

Guérin D., Petry F., Crête J. *Tolerance, protest and democratic transition: Survey evidence from 13 post-communist countries // European Journal of Political Research*. 2004, № 43(3).

Harris D. *The Black Ghetto as «Internal Colony»: A Theoretical Critique and Alternative Formulation // Review of Black Political Economy*. 1972. Summer. No. 2.

Haxthausen A.F. von. *Studien iiber die innern Zustande, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Rufilands. Zweiter Theil*. Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung. 1847.

Hechter M. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966*. – London: Routledge & Kegan Paul. 1975.

Hind R. *The Internal Colonial Concept // Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. No. 3.

Hobson J. *Imperialism: A Study*. – New York: James Pott and Co. 1902 //.

Hofheinz A. *Nextopia? Beyond Revolution 2.0. // International Journal of Communication*. 2011, № 5.

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2078rank.html>.

Huntington S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004.

Kelertas V. (Ed.). *Baltic Postcolonialism. On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics*. Amsterdam; New York: Rodopi. 2006.

Korek J. (Ed.). *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine in the Postcolonial Perspective*. (Sodertorn Academic Studies, 32). Stockholm: Soedertoerns hoegskola. 2007.

Koyama S. *The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity – Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present*. Ed. by Tadavuki Hayashi and Fukuda Hiroshi. Sapporo: Hokkaido University; Slavic Research Center. 2007.

Kratochvil A. *Postkoloniale Lektüre ukrainischer Gegenwartsliteratur – Anzeiger für Slavische Philologie*. 2010. Bd. 36.

Krupat A. *Postcolonialism, Ideology, and Native American Literature – Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature*. Ed. by A. Singh, P. Schmidt. Jackson. MS: University Press of Mississippi. 2000.

Kujawski B. and Abell P. *Virtual communities? The Middle East revolutions at the Guardian forum: Comment Is Free // The European Physical Journal*. 2011, B.83.

Kujundzic D. «After»: *Russian Post-Colonial Identity // Modern Languages Notes*. 2000. Vol. 115. No. 5 (December). Comparative Literature Issue.

Kuntz P. and Thompson M. *More than Just the Final Straw: Stolen Elections as Revolutionary Triggers // Comparative Politics*. 2009, No 41(3).

Kupatadze A. *Organized crime before and after the Tulip Revolution: the changing dynamics of upperworld-underworld networks // Central Asian Survey*. 2008, No 27(3).

Lieven D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. London: Random House. 2003.

Liu J. *Towards an Understanding of the Internal Colonial Model – Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies: In 5 Vols*. Ed. by Diana Brydon. 2000. Vol. 4. London: Routledge.

Luhmann N. *Interaktion, Organisation, Gesellschaft // N. Luhmann. Soziologische Aufklärung – II. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft*. Westdeutscher Verlag: Opladen, 1975.

Mackenthun G. *America's Troubled Postcoloniality: Some Reflections from Abroad // Discourse*. 2000, Vol. 22. No. 3. Fall.

Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD Publications Service, 2000.

McCallun G. *Political Philosophy*. New York, Prentice-Hall, 1987.

Meredith M. *The State of Africa. A History of Fifty Years of Independence*, London, New York: The Free Press, 2005.

Meyer J. *Globalization: Sources and Effects on National States and Societies // International Sociology*. 2000, № 15(2).

Moore D.C. *Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique – Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 116. No. 1 (January 2001).

Netzloff M. *England's Internal Colonies: Class, Capital, and the Literature of Early Modern English Colonialism*. New York. London: Palgrave Macmillan. 2003.

Nikolayenko O. *The Revolt of the Post-Soviet Generation Youth Movements in Serbia, Georgia, and Ukraine // Comparative Politics*. 2007, № 39(2).

Nolte H.-H. *Internal Peripheries in Europe – Internal Peripheries In European History / Ed. by H.-H. Nolte*. Gottingen; Zurich: Muster-Schmidt. 1991.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Nowak A. *Imperiological Studies: A Polish Perspective*. Krakow: Societas Vistulana. 2011 (Krakow Historical Monographs, v. 2).

Nowak A. *Od imperium do imperium: Spojrzenia na historia Europy Wschodniej*. Krakow. Wydawnictwo ARCANA. 2004.

O'Brien D., Wegren S. (Ed.). *Rural Reform in Post-Soviet Russia*. – Washington: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press. 2002.

Oberschall A. *Social Movements: Ideologies, Interests and Identities*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1993.

Oleinik A. *Institutional transfers in the Russian system of higher education: a case study // Journal of Economic Issues*. 2012. № 47(4).

Oleinik A. *Socialism // International Encyclopedia of Economic Sociology*. Edited by Jens Beckert and Milan Zafirovski. London and New York: Routledge, 2006.

Oleinik A., Popova I., Kirdina S., Shatalova T. *On the choice of measures of reliability and validity in the content-analysis of texts // Quality and Quantity On-line First*. 2013 (DOI 10.1007/s11135-013-9919-0).

Our Common Interest: An Argument [The Commission for Africa Report], London: Penguin Books, 2005.

Pace M. Imagining Co-presence in Euro-Mediterranean Relations: The Role of 'Dialogue' // *Mediterranean Politics*. 2005. Vol. 10. No. 3.

Pavlyshyn M. Post-Colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture – *Australian Slavonic and East European Studies*. 1992. Vol. 6. No. 2.

Pavlyshyn M. Ukrainian Literature and the Erotics of Postcolonialism: Some Modest Propositions // *Harvard Ukrainian Studies*. 1993. Vol. 17.

Pérez E. *The Decolonial Imaginary: Writing Chicanas into History, Theories of Representation and Difference*. Bloomington: Indiana University Press; 1999.

Pipes R. *The Russian Revolution*, New York, Alfred A. Knopf, 1990.

Ram H. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. Madison: University of Wisconsin Press. 2003.

Ramesh R. India's Secret History // *The Guardian*, 2007, August 24

Rivero O. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*. London, New York: Zed Books, 2001.

Roger L. *The Dissolution of the British Empire* // *The Oxford History of the British Empire*, vol. IV.

Rogger H. 1993. Reforming Jews – Reforming Russians: Gradualism and Pessimism in the Empire of the Tsars – Hostages of Modernization. *Studies on Modern Anti-Semitism 1870-1933/39* / Ed. by Herbert A. Strauss: In 4 vols. Berlin: de Gruyter. 1993. Vol. 2.

Ross K. *Fast Cars, Clean Bodies: Decolonization and the Reordering of French Culture*. Cambridge, MA The MIT Press. 1995.

Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford: Stanford University Press. 2009.

Said a sprawa polska. Przeciwno kulturowej bezsilności peryferii // *Europa. Tygodnik idei*. 29.06. No. 26 (65).

Said E. *Culture and Imperialism*, New York: Vintage Books, 1994.

Said E. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*, London, New York: Penguin, 1995.

Sandes E. *The Military Engineer in India*. London: Chatham, 1935, vol. 2.

Scott J. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press. 1998.

Sering M. *Die innere Kolonisation in östlichen Deutschland – Schriften des Vereins für Socialpolitik*. Bd. 56. Leipzig: Duncker u. Humblot. 1893.

Sharp G. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. London: Serpent's Tail. 2012.

Shkandrij M. *Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. Quebec City: McGill-Queen's Press. 2001; Velychenko S. *The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development // Ab Imperio*. 2002. No. 1.

Simonek S. *Möglichkeiten und Grenzen postkolonialistischer Literaturtheorie aus slawistischer Sicht – Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. Hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csaky. Innsbruck et al.: Studien Verlag. 2003.

Singh A., Schmidt P. *On the Borders between U.S. Studies and Postcolonial Theory – Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature*. Ed. by A. Singh, P. Schmidt. University Press of Mississippi. 2000.

Snyder T. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. London: The Bodley Head. 2010.

Sproede A., Lecke M. *Der Weg der postcolonial studies nach und in Osteuropa – Polen, Litauen, Russland. Überspringen – Überformen – Überblenden. Theorietransfer im 20. Jahrhundert*. Hrsg. v. Dietling Hüchtker u. Alfrun Kliems. – Köln et al. 2011.

Stavenhagen R. *Classes, Colonialism, and Acculturation – Studies in Comparative International Development*. 1965. Vol. 1. No. 6.

Szabó M. *Repertoire of Contention in Post-Communist Protest Cultures: An East European Comparative Survey // Social Research*. 1996. № 63(4).

Taagepera R. *An Overview of the Growth of the Russian Empire – Russian Colonial Expansion to 1917*. Ed. by Michael Rywkin. London; New York: Mansell. 1988.

Temirkulov A. *Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the “Tulip Revolution.” // Central Asian Survey*. 2008, № 27(3).

The Imperial Trace: Recent Russian Cinema. Oxford; New York: Oxford University Press. 2010.

Thompson B. The Global Justice Movement's Use of 'Jail Solidarity' as a Response to Police Repression and Arrest: An Ethnographic Study // *Qualitative Inquiry*. 2007, № 13(1).

Thompson E. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. - Westport (CT); London: Greenwood Press. 2005.

Tilly Ch. *Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834 // Repertoires and Cycles of Collective Action*. 1995...

Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing. 1978.

Tilly Ch. Getting It Together in Burgundy, 1675-1975 // *Theory and Society*. 1977, № 4(4).

Tilly Ch. *War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In*. Edited by Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer and Theda Skopol. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Tönnies F. *Innere Kolonisation in Preußen insbesondere der ehemaligen Provinzen Posen und Westpreußen // Soziologische Studien und Kritiken* (1923). Hrsg. v. D. Haselbach – Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe: 24 Bde. Hrsg. v. L. Clausen, A. Deichsel u.a. Bd. 15. Berlin; New York, 2000.

Traugott M. *Barricades as Repertoire: Continuities and Discontinuities in the History of French Contention // Social Science History*. 1993, № 17(2).

Traugott M. *Recurrent Patterns of Collective Action // Repertoires and Cycles of Collective Action*. Edited by Mark Traugott. Durham: Duke University Press, 1995.

UK-India Trade Statistics, UK House of Commons, 23 Oct 2012 www.parliament.uk/briefing-papers/SN06191 8 мая 2013 г.

Van Aelst P., Walgrave S. Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalisation of the protester // *European Journal of Political Research*. 2001, № 39(4).

Van Laer J. and Van Aelst P. Internet and social movement action repertoires // *Information, Communication & Society*. 2010. № 13(8).

Vatanabadi S. Past, Present, Future, and Postcolonial Discourse in Modern Azerbaijani Literature – *World Literature Today*. 1996. Vol. 70. No. 3.

Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. - Oxford University Press. 1998.

Wada T. Modularity and Transferability of Repertoires of Contention // *Social Problems*. 2012, № 59(4).

Walgrave S. and Verhulst J. Selection and Response Bias in Protest Surveys // *Mobilization: An International Journal*. 2011. № 16(2).

Walgrave Stefaan, Bennett, W. Lance, Van Laer, Jeroen and Breunig, Christian. Multiple engagements and network bridging in contentious politics: digital media use of protest participants // *Mobilization: An International Journal*. 2011, № 16(3).

Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. – Stanford Stanford University Press. 1976.

Williams R. The American Indian in Western Legal Thought: The Discourses of Conquest. New York, Oxford University Press, 1990.

Wolpe H. The Theory of Internal Colonialism: The South African Case – Beyond the Sociology of Development: Economy and Society in Latin America and Africa. Ed. by I. Oxaal, T. Barnett, D. Booth. – London: Routledge & Kegan Paul. 1975.

www.csmonitor.com/World/Africa/2010/0601/President-Sarkozy-urges-revamped-trade-ties-at-Africa-France-Summit.

www.wikipedia.org.

Гонтарь Николай Владимирович, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник (Ростов-на-Дону, Россия)

Гудков Лев Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, директор Левада-Центра (Москва, Россия)

Дзюба И.М., доктор филологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Украины (Киев, Украина)

Иноземцев Владислав Леонидович, доктор экономических наук, профессор, зав.кафедрой мировой экономики и управления внешне-экономической деятельностью факультета государственного управления МГУ (Москва, Россия)

Константинов Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник (Ростов-на-Дону, Россия)

Кукулин Илья Владимирович, кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Лубский Анатолий Владимирович, доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, Россия)

Макаренко Виктор Павлович, доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Неретина Светлана Сергеевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (Москва, Россия)

Никольский Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор, зам.директора Института философии РАН по научной работе (Москва, Россия)

Олейник Антон Николаевич, доктор экономических наук, Ph.D., ассошиэйт-профессор Мемориального университета Ньюфаундленда (Сент-Джонс, Канада), ведущий научный сотрудник ЦЭМИ РАН (Москва, Россия)

Паин Эмиль Абрамович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Попов Вадим Юрьевич, младший научный сотрудник (Ростов-на-Дону, Россия)

Поцелуев Сергей Петрович, доктор политических наук, доцент, зав.кафедрой теоретической и прикладной политологии Института

философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Стрелкова Ольга Владимировна, магистр социологии (Москва, Россия)

Ткаченко Василий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Национальной академии наук Украины (Киев, Украина)

Уффельманн Дирк, доктор филологических наук, Ph.D., зав. кафедрой славянских культур и литератур и вице-президент по учебной работе Университета Пассау (Пассау, Германия)

Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, Россия)

Эткинд Александр Маркович, кандидат психологических наук, Ph.D., профессор русской литературы и истории культуры Кембриджского университета, член Кингс-Колледжа (Кембридж, Великобритания)

Научное издание

Россия – Украина:
пересмотр или воспроизводство
политических парадигм?

Подписано в печать 04.02.2016. Заказ № 5035.

Тираж 50 экз. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 42,78 Уч.-изд. л. 38,47.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 247-80-51.